

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2023. № 489. Апрель

• ФИЛОЛОГИЯ

• PHILOLOGY

• ИСТОРИЯ

• HISTORY

• ПЕДАГОГИКА

• PEDAGOGICS

• ПРАВО

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 489. April

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор
Издательства Томского государственного университета;
Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд.
экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.;
С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р
ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Жданов С.С. «Военно-ученый» Берлин: идеализированный образ прусской монархии в travelogue Н.И. Греча «Действительная поездка в Германию в 1835 году»	5
Корнеев А.В. Мифологический мотив чуда в драматических произведениях Даниила Хармса	16
Руднева Е.А., Трошенкова Е.В. Проблема понятности юридических документов в контексте профессиональной идентичности	25
Фалеева А.С. Темпоральные существительные как средство выражения эмоционального и физического состояния человека	36
Шавалова Е.П., Маннапова С.А. Проблема дифференциации синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «делать»: корпусное исследование	48

ИСТОРИЯ

Галкина Т.В. Документальная хроника выпуска томских минометов в 1941–1942 гг.	58
Голубева Е.В. Исторический источник в образовательной системе высшего учебного заведения	66
Дутчак Е.Е., Васильев А.В. Новые материалы к дискуссии о старообрядческой грамотности	80
Зарубин А.Н., Чернышева А.А. Российские регионы в системе внешнеэкономической деятельности Китая	88
Космовская А.А. Проблема сбора ясака с манси в Соликамском и Чердынском уездах в 1720–1770-е гг.	103
Манькова И.Л. Феномен почитания святого Николая Мирликийского в Тобольске XVII в.	113
Новиков М.В., Перфилова Т.Б. М.М. Хвостов: в поисках нового образа исторической науки	121
Румянцева Е.Н. Реорганизация томского нотариата в 1928–1944 гг.	135
Семенчук К.А. Церковная периодическая печать рубежа XIX–XX вв. об инородцах Сибири и Дальнего Востока	143
Соловенок И.С., Рожков А.А. Цифровизация предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.): степень изученности проблемы	153

ПЕДАГОГИКА

Абрамова И.Е., Ананьина А.В., Есенгалиева А.М. Модель иноязычного обучения студентов в контексте цифровизации профессиональной среды: теоретические и практические аспекты	162
Гревцева Г.Я., Циulina М.В., Фахрутдинова А.В. Инновационные виды педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся в информационно-образовательной среде	173
Леушина И.В., Леушина Л.И. Педагогический дизайн и иноязычная подготовка в неязыковом вузе	181
Спирин Т.С., Чикуров А.И., Радаева С.В. Оптимальный метод определения второго лактатного (анаэробного) порога в циклических видах спорта	193

CONTENTS

PHILOLOGY

Zhdanov S.S. “Military-scholar” Berlin: An idealized image of the Prussian monarchy in Nikolay Gretsche’s travelogue “Real Journey to Germany in 1835”	5
Korneev A.V. The mythological motif of the miracle in the dramatic works of Daniil Kharms	16
Rudneva E.A., Troshchenkova E.V. Problems of understanding legal documents in the context of professional identity	25
Faleeva A.S. Temporal nouns as a means of expressing a person’s emotional and physical state	36
Shavolova E.P., Mannapova S.A. The problem of differentiation of synonymous verbs with the meaning of doing in modern Chinese: A corpus research	48

HISTORY

Galkina T.V. The documentary chronicle of Tomsk mortars production in 1941–1942	58
Golubeva E.V. Historical source in the university teaching practice	66
Dutchak E.E., Vasilyev A.V. New materials on the discussion about Old-Believers’ Literacy	80
Zarubin A.N., Chernysheva A.A. Russian regions in the system of Chinese foreign economic activities	88
Kosmovskaya A.A. The problem of the collection of a natural tax from the Mansi in Solikamsk and Cherdyn districts in the 1720s–1770s	103
Mankova I.L. The phenomenon of the worship of Saint Nicholas of Myra in Tobolsk of the 17th century	113
Novikov M.V., Perfilova T.B. Mikhail Khvostov: In search of a new image of historical science	121
Rumyantseva E.N. Reorganization of the Tomsk notary in 1928–1944	135
Semenchuk K.A. Church periodicals of the turn of the 20th century about the inorodtsy of Siberia and the Far East	143
Solovenko I.S., Rozhkov A.A. Digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia (the turn of the 21st century): The state of the art of the problem	153

PEDAGOGICS

Abramova I.E., Ananyina A.V., Yessengaliyeva A.M. Model of tertiary foreign language teaching for increasingly digital professional environment: Theoretical and practical aspects	162
Grevtseva G.Ya., Tsiulina M.V., Fakhrutdinova A.V. Innovative types of pedagogical support for students’ self-organized work in a digital educational environment	173
Leushina I.V., Leushina L.I. Pedagogical design and foreign language training in a non-linguistic university	181
Spirin T.S., Chikurov A.I., Radaeva S.V. The optimal method for determining the second lactate (anaerobic) threshold in cyclic sports	193

ПРАВО

Вавилин Е.В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования	201
Васильева М.В., Сапогов В.М. Формирование профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов в условиях цифровизации	207
Корсаков К.В. Новая концепция управления процессами в сфере внешней трудовой миграции в системе обеспечения криминологической безопасности Российской Федерации	217
Любимова Е.В., Суханова М.Г. Изменение норм материального права как основание для отмены судебного решения в порядке апелляционного производства	226
Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А. Преступления против семьи и несовершеннолетних в России: состояние и основные тенденции	235
Соломин С.К., Соломина Н.Г. Правовая природа обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров	246

LAW

Vavilin E.V. Digital ruble: Formation of the mechanism of legal regulation	201
Vasilyeva M.V., Sapogov V.M. Formation of professional legal knowledge of customs officials in the context of digitalization	207
Korsakov K.V. A new conception of managing processes in external labor migration to ensure criminological security of the Russian Federation	217
Lyubimova E.V., Sukhanova M.G. Changes in rules of substantive law as grounds for reversal of a judgment in appeal proceedings	226
Pisarevskaya E.A., Dvorzhitskaya M.A. Crimes against the family and minors in Russia: Status and main trends	235
Solomin S.K., Solomina N.G. Legal nature of the obligation to recover damages for unfair negotiation	246

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/489/1

«Военно-ученый» Берлин: идеализированный образ прусской монархии в травелог Н.И. Греча «Действительная поездка в Германию в 1835 году»

Сергей Сергеевич Жданов^{1, 2}

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

^{1, 2} fstud2008@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается репрезентация Берлина в травелог Н.И. Греча «Действительная поездка в Германию в 1835 году». Образ прусской столицы имагологически сопоставлен с традицией изображения этого локуса в русской литературе конца XVIII–XIX вв. Основными маркерами Берлина в греческом тексте определены упорядоченность, ургийность, привлекательность, идилличность. Также в смысловое ядро имагинального пространства Пруссии входят образы просвещенной монархии и государства-семьи во главе с королем-«отцом».

Ключевые слова: имагология, травелог, мирообраз Германии, Берлин, Пруссия, пространство, Н.И. Греч, русская литература

Для цитирования: Жданов С.С. «Военно-ученый» Берлин: идеализированный образ прусской монархии в травелог Н.И. Греча «Действительная поездка в Германию в 1835 году» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 5–15 doi: 10.17223/15617793/489/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/1

“Military-scholar” Berlin: An idealized image of the Prussian monarchy in Nikolay Gretsche’s travelogue “Real Journey to Germany in 1835”

Sergey S. Zhdanov^{1, 2}

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

^{1, 2} fstud2008@yandex.ru

Abstract. The article deals with the representation of Berlin in Gretsche’s travelogue “Real Journey Germany in 1835”. The image of the Prussian capital is compared to the tradition of describing it in the Russian literature of the 18th–19th centuries. The description of Prussia in Gretsche’s text is relatively integral. Both the Prussian province with its loci of straight roads and rich fields and the capital are characterized by the motif of regulation, which grows from the periphery to Berlin as the center of order. In addition, this space is marked with the motifs of visual attraction, tranquility, idyllness. The motif of urgia as a variant of regulating, i.e. transforming the wild, poor nature of sandy grounds to the idyllic space of wealth, is also of particular importance. Further, Berlin is represented in three anthropic aspects – military, scholar and governmental ones. All of them have similar features of simpleness, good manners, morality that are partly stressed with comparison between them and some images of chaos. Modern well educated and nationally thinking Prussian officers are contrasted with rude and haughty officers of the past thinking in the frame of their class consciousness. Mild-mannered and modest Berlin writers as representatives of the faithful Germans are contradistinguished from wild and politically unreliable litterateurs of the “Young Germany” following French models. By the way, France as the space of chaos in Gretsche’s text is an antagonist of Prussia as the essence of order. Hence, the mild-mannered, well-intentioned and rightful Prussian government headed by the king is contrasted with the loud, immodest, corrupt French parliament. Generally, all the three above-mentioned Berlin aspects are positively characterized, but the governmental image seems to be marked so to the highest degree. At the same time, the motif of House-Family comes to the fore in representing the king’s Berlin. The image of the Prussian state is based on motifs of not only a rationally regulated enlightened monarchy but also a patriarchal domesticity. The king appears to be the father of his own family and of his nationals playing the role of obedient or non-obedient children in relation to him. Therefore, it is the monarch’s power that is represented as the source of regulating the Prussian space and most of German lands involved into the sphere of its influence. In the cases of the “prodigal sons”

from the “Young Germany” as well as of other Germans who dislike Prussians, the narrative of apocatastasis is actualized in the text: the quieted writers are returned to the gentle “family” of the “scholar” Berlin, and German states become parts of the Custom Union headed by Prussia. Thus, the image of Prussia in Gretsche’s text tends to the sentimental Germany world-images related to the idyll space and basically inspired by Karamzin’s “Letters of a Russian Traveler”. In this light, Berlin is represented as an idealized locus, whose image is not practically criticized and travestied.

Keywords: imagology, travelogue, world image of Germany, Berlin, Prussia, space, Nikolay Gretsche, Russian literature

For citation: Zhdanov, S.S. (2023) “Military-scholar” Berlin: An idealized image of the Prussian monarchy in Nikolay Gretsche’s travelogue “Real Journey to Germany in 1835”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/1

Связь немецких городов с русской культурой не раз становилась предметом внимания отечественных и зарубежных исследователей. Так, «русский» Гейдельберг рассматривался в работах В. Биркенмайера [1], О.В. Далкылыч [2]. Дрезден как культурный хронотоп в картине мира В.К. Кюхельбекера и В.А. Жуковского был проанализирован Н.М. Ильченко и С.В. Пепеляевой [3], а амбивалентный, русско-пруссский, Кенигсберг в мемуарах А.Т. Болотова – А.А. Пауткиным [4].

Однако, пожалуй, наибольшее внимание из всех немецких городов в аспекте диалога культур России и Германии исследователи уделяли Берлину. В то же время имеется известный дисбаланс в степени разработки данной проблематики, поскольку достаточно подробно изучена тема «русского» Берлина первой половины XX в., в том числе в аспекте русской эмигрантской литературы. Примерами подобных историко-культурных и историко-литературоведческих работ служат монографии Г.А. Тиме [5], К. Шлёгеля [6], а также статьи С.С. Ипполитова, В.М. Недбаевского, Ю.И. Руденцовой [7], Н.Т. Рымаря, С.В. Сомова [8]. Тема «набоковского» Берлина проанализирована в работах А. Энгель-Брауншмидт [9], Т. Урбана [10], Е.М. Шастиной [11]. Также существуют исследования по Берлину А. Белого [12], С. Черного [13], И.Г. Эренбурга [14], А.М. Ремизова [15]. Что касается писателей XIX в., то, в частности, анализу подвергались берлинские образы М.Е. Салтыкова-Щедрина [16]. Разумеется, темы немецких городов, в том числе Берлина, рассмотрены и в работах, посвященных феномену «русской» Германии в целом, примером чему служит монография Г.С. Панофски о «карамзинской» Германии¹ [17]. Кроме того, отдельный параграф об образах Пруссии и Берлина как ее составной части был представлен в диссертации, исследующей пространство Германии в русской словесности конца XVII – начала XX в.² [18].

Но и в анализе образа Берлина в указанной выше работе также имеются лакуны. Например, в ней отсутствует репрезентация берлинского пространства в творчестве такого писателя XIX в., как Н.И. Греч, во многих травелогах которого речь идет о Германии. Следует отметить, что германская образность на материале ряда текстов греческой путевой прозы рассматривалась в статье Н.М. Ильченко и М.В. Аксеновой [19], но в ней не было дано детального анализа немецкой пространственности в текстах Н.И. Греча, в частности, берлинской. Соответственно, наше исследование призвано дополнить и расширить представления об образе Берлина в русской литературе XIX в. на материале травелога Н.И. Греча «Действительная поездка в Германию в 1835 году». Кроме того, следует упомянуть, что наряду с Берлином, в указанном травелоге описываются любекский и гамбургский урбанистические локусы, анализ которых выведен за рамки этой работы.

Берлинское пространство в греческом тексте можно условно разбить на три составляющие: во-первых, это дорога в Берлин по Пруссии (включая рустикальные ландшафты и маленькие городки), во-вторых, сам Берлин, в-третьих, берлинские предместья и окрестности – Потсдам с Сан-Суси, Шарлоттенбург.

Пространство дороги в Берлин охарактеризовано мотивами упорядоченности и быстроты передвижения. Это связано с измененным образом прусской почтовой службы. Если в конце XVIII – начала XIX в. тексты русских путешественников, включая травелог самого Н.И. Греча от 1817 г., изобилуют жалобами на раздражающую неторопливость прусской почтальонов, то к моменту второго посещения автором «ничто в Германии, особенно в Пруссии, не исправилось так чувствительно <...>, как почтовые учреждения. <...> Точность, с какою ходят... дилижансы (из Гамбурга. – *Авт.*), достойна удивления и подражания»⁴ [20. С. 302–303].

Кроме «необыкновенной точности» [20. С. 303] передвижения, упорядоченность дороги может быть понята не только в темпоральном, но и в непосредственно пространственно-материальном смысле – как благоустроенность дорожного полотна, что составляет резкий контраст между прусскими (и вообще немецкими) и датскими участками дороги: «Самые дурные дороги в северной Германии пролегают по датским владениям. ...из Берлина едешь в Гамбург, чрез Пруссию и мекленбургские владения, по прекраснейшему шоссе, но с Бойценбурга начинается головоломная езда чрез Лауэнбургскую область, принадлежащую Дании...» [20. С. 249]; «Дорога от Гамбурга до Бойценбурга... идет по датским владениям, следственно не мощена, изрыта, дурна и даже опасна; но при въезде в Мекленбургские пределы, начинается шоссе, очень хорошее...» [20. С. 305].

При этом в греческом описании при возрастании меры цивилизационной упорядоченности ландшафта убывает его природная привлекательность: «По мере удаления от приморских стран, земля становится скуднее и печальнее, и в Бранденбургии превращается в песчаную равнину, для обработки которой по-

требны были сотни лет и немецкое постоянство» [20. С. 306]. Здесь мы сталкиваемся с двумя мотивами, характерными для описания прусского пространства в русской литературе: Это, во-первых, мотив песчаного локуса как печального, чаще – скучного, а во-вторых, мотив немецкой ургии, т.е. огромного усердного труда, необходимого для превращения малопригодного природного пространства в рустикальное, антропное, приспособленное к человеческому бытию. В наибольшей степени этими мотивами маркирован Берлин как центр упорядоченного немецкого пространства: «Когда подумаешь, что этот прекрасный, цветущий город возник в песчаной пустыне, далеко от больших рек, – нельзя не подивиться силе человеческого ума и твердой воли!» [20. С. 313].

Отметим, что оба эти мотива – поодиночке или вместе – часто маркируют прусское и(или) берлинское пространство в русской литературе XIX в. Например, в карамзинских «Письмах русского путешественника» прусские пески упоминаются трижды в негативной коннотации. Сначала путешественника «страшают» «песчаными Прусскими дорогами» [21. С. 8], затем дорога на пути «из Мемеля в Кенигсберг» характеризуется как «ужасные пески» [21. С. 13], далее описывается поездка из Берлина в Потсдам: «Ничего нет скучнее это дороги: везде глубокий песок, и никаких занимательных предметов в глаза не попадается» [21. С. 41]. В тексте «Путешествия» В.К. Кюхельбекера встречается мотив песчаной Пруссии как скучного для глаза ландшафта: «Мы въехали в прусские пески <...> Мне море в нашем переезде из Мемеля в Кенигсберг чрезвычайно наскучило. Море да песок...» [22. С. 9–10]. Во второй половине XIX в. мотив скучного Берлина возникает в травелоге К.А. Скальковского, где Пруссия названа «биллиардным полем», т.е. неживописной равниной, а Берлин «невозможно скучным и несносным» [23. С. 198]. В тексте более позднего времени К.А. Скальковский, противопоставляя новый имперский Берлин прежнему, провинциальному, маркирует последний как «скромную песочницу» [24. С. 4], т.е. обращается к «песчаному» мотиву. Наконец, в путевых заметках М.Е. Салтыков-Щедрин «За рубежом» автор, с одной стороны, указывает, что Берлин пахнет «скукой» [25. С. 50], «щемящей скукой» полны его улицы [25. С. 51], а с другой – актуализирует мотив немецкой ургии, которая в Пруссии упорядочивает дикую природу: «Природа <...> мало чем отличалась от... природы русско-чухонского поморья <...> Та же низменная равнина, те же... пески <...> Но ни кочкарника, ни мхов, ни... лозняка, ни еле дышащей... березки <...>. И справа и слева тянутся засеянные поля <...> Здесь... ни на какие великие и богатые милости не рассчитывали, а, напротив, и денно и нощно только одну думу думали: как бы среди песков да болот с голоду не подохнуть <...> хлеба у немца на песках родятся буйные...» [25. С. 13–14].

Из сопоставления текстов видно, что в своей репрезентации прусских ландшафтов Н.И. Греч свой-

ство их скучности затушевывает, а вот ургийность, наоборот, всячески подчеркивает, что придает образам Берлина и его пространственной периферии комплиментарный характер.

Действительно, гречевский Берлин практически лишен негативных черт. Автор травелога дважды характеризует прусскую столицу как «военно-ученый город» [20. С. 314, 322], указывая на соседство в рамках берлинского пространства знаковых мест, относящихся к военной или ученой сферам: «...учреждения воинские и ученые идут рядом. Университет и арсенал, академия наук и артиллерийское училище, королевская библиотека и монумент Блюхера, сменяются между собою. На улицах, кроме общей обыкновенной массы народа, офицеры и студенты отличаются пред всеми» [20. С. 314].

О «военном» Берлине Н.И. Греч судит прежде всего по его «парадному», эстетическому, аспекту и в этом плане оказывается недоволен слишком молодым, непредставительным видом прусских солдат: «...солдаты были все ребята молодые, плохо выправленные, и, как кажется, скучающие своим ремеслом; мне казалось, что у каждого написано было на лице: как бы скорее кончить годы, да махнуть обратно к маменьке, на вассерсуп! Не думаю, чтоб с этими новобранцами можно было одерживать победы» [20. С. 323]. В то же время русский автор хвалит местных офицеров как людей «учтивых, благовоспитанных» [20. С. 324]. Он противопоставляет современное поколение прусского офицерства старому, рубежа XVIII–XIX вв., когда «Семилетняя Война... вознесла на высочайшую степень славу Прусского оружия и породила в Прусаках справедливое чувство своего достоинства. Наступили годы мира и тишины; герои вымерли, а преемники наследовали только их гордость, которая, не будучи подкреплена собственными делами, превратилась в надменность, хвастовство и дерзость» [20. С. 324]. Следует отметить, что данная характеристика в большей степени соответствует образу грубых прусских офицеров в карамзинских «Письмах...». Но необходимость противостоять Наполеону вызывала, по мнению Н.И. Греча, «совершенное перерождение духа Прусской армии» [20. С. 324], которая была «преобразована и составлена из элементов национальных», приобретя «бессмертную славу» [20. С. 325]. Военный характер Берлина маркируют также памятники: «изображения Фридриховых героев», «мраморные статуи генералов Бюлова и Шарнгорста», «колоссальная бронзовая статую Блюхера» [20. С. 311].

Основной же акцент делается автором именно на «ученом» Берлине, если под ученостью понимать не только научное знание, но также литературу и искусство, что во многом напоминает установку карамзинского русского путешественника, который не разграничивает рациональное и эмоционально-эстетическое начала и испытывает особое пристрастие к «изящным наукам» [21. С. 62]. Н.И. Греч же, обрисовывая планы своего грядущего посещения Берлина, прямо указывает, что едет «порадовать» «душу свою картиною живого движения наук, искусств и литературы» [20.

С. 228]. Хотя автор «Действительной поездки...» более сдержан в описании немецких ландшафтов по сравнению с русским путешественником Н.М. Карамзина, но установка на эстетическое восприятие немецкой действительности роднит первого со вторым. Н.И. Греч заявляет, что «Берлин город прекрасный, даже в глазах приезжего из Петербурга» [20. С. 310], т.е. Свое (Петербург) здесь служит эстетическим эталоном, которому Чужое (Берлин) в глазах писателя не уступает. При этом вновь отметим комплиментарность в изображении берлинской жизни. Например, Ф.М. Достоевский, также отметивший сходство Берлина и Петербурга в «Зимних заметках о летних впечатлениях», от немецкого города отнюдь не в восторге: «...Берлин... произвел на меня самое кислое впечатление <...> я <...> заметил, что Берлин до невероятности похож на Петербург» [26. С. 47].

Следуя установке на изображение «парадного» Берлина как «мира правительства, наук и искусств» [20. С. 314], Н.И. Греч сосредоточивается прежде всего на репрезентации культурных памятников прусской столицы и упоминает в связи с этим ключевые локусы «нового города», где находится «большая часть достопамятнейших и важнейших зданий», называемых также «прекрасными» [20. С. 310]: «великолепные Бранденбургские Ворота» [20. С. 308], драматический театр, «королевский дворец, кафедральная церковь, музей, арсенал, университет, оперный дом, публичная библиотека, академии наук и художеств, Католическая церковь, монетный двор, драматический театр, всенародные монументы» [20. С. 310], «более всего» поразившее автора «прекрасное» [20. С. 355], «великолепное здание Музея» с «прекрасным фонтаном» и даже «новая гауптвахта, построенная с большим вкусом» [20. С. 311]. При этом гречевское описание Музея весьма подробно, напоминая тем самым, хотя и в более сдержанном тоне, многостраничные экфрасисы пространства немецких музеев в русской сентименталистской литературе конца XVIII – начала XIX столетий. «Достоинным внимания» назван «Египетский Музей», который, однако, не описан ввиду того, что для русского путешественника в нем не было ничего нового: все то же Н.И. Греч видел дома («...мне кажется, что Египетский Музей нашей Академии Наук не уступит Берлинскому»⁵ [20. С. 359]). Также достаточно подробно изображены автором устройство берлинских театров и архитектурный облик Фридрих-Вердерской церкви, «прекраснейшего произведения готической архитектуры», и «Академии Архитектуры (Bauacademie)» [20. С. 312]. Как видим, в описании превалируют эпитеты с положительной коннотацией: «прекрасный», «великолепный», «достойный», «с большим вкусом».

В целом локусы нового города маркируются традиционными для немецкой пространственности в русской литературе характеристиками привлекательности, просторности, упорядоченности, чистоты и удобства: «...здания в западной, или новой части Берлина, пересекаемой широкими, прямыми улицами, велики и изящны»; «Широкая липовая аллея составляет не последнее украшение города...»; «...в

чистой здоровой воде нет недостатка. В каждом доме есть колодезь, и сверх того по улицам размещено их около шестисот» [20. С. 313].

Впрочем, Н.И. Греч отмечает и ряд негативных черт. Например, он сетует на устройство берлинской оперы, зала которой «величиною и красотою не может выдержать никакого сравнения с театрами Петербургскими», «места для зрителей очень неудобны», «ложи узки» и нет «широкого прохода между рядами кресел», в результате чего «выиграно место на счет удобства» [20. С. 360]. В драматическом театре автор не нравятся «окна шириною в одно стекло, вышиною в шесть, отделяемые одно от другого узкими простенками. <...> некрасиво!» [20. С. 312]. Немецкая миниатюрность, суженность пространства противопоставляются здесь русскому простору. Это также находит свое отражение в уподоблении реки Шпре «нашей Фонтанке» (т.е. небольшой речке в противовес неназванной, но подразумеваемой Неве) и в ироническом замечании, что берлинский «знаменитый Длинный Мост... скорее может назваться коротким» [20. С. 313]. Кстати, в сходном контексте противопоставление русского и прусского пространств мы встречаем в щедринском тексте, где сталкиваются «Москва-река» и «речка Шпрее» [25. С. 50].

Впрочем, по сравнению с текстами иных авторов гречевская ирония в пейзажных описаниях существенно мягче. Характерен здесь амбивалентный эпизод, в котором описывается то, как была «...испорчена новая готическая Фридрих-Вердерская Церковь <...> Владельцы лежащих подле этой церкви ветхих и безобразных домов не согласились продать их, и архитектор принужден был построить здание гораздо уже против надлежащего. От этого нарушены в церкви все правила акустики и при богослужении вовсе не слышно голоса пастора» [25. С. 263–264]. Помимо осуждения человеческой жадности, эта история содержит также прославление немецкого уважения к частной собственности, аналогичное тому, что характеризует историю мельницы около дворца Сан-Суси, владелец которой отказался продать ее Фридриху Великому. Кстати, эта расхожая история в сжатом виде упоминается и в гречевском тексте в рамках пейзажного писания («...вот мельница, которой не уступил хозяин тому, кто не уступал Европе» [20. С. 348]). В сходном же эпизоде описания церкви в тексте В.Н. Зинovieва подчеркивается лишь негативный элемент – жадность саксонцев, которые отказались платить архитектору, уничтожившему в отместку за это план строящейся церкви, в результате чего к ней «приделали» колокольню, столь скверную, «что, при таком хорошем строении, более смех, нежели украшение делает» [27. С. 339].

«Берлин ученый» также изображен Н.И. Гречем в комплиментарных тонах за редким исключением, о котором речь пойдет дальше. Это пространство маркировано образом «обширного поля», которое невозможно «рассмотреть» в те девять дней, которые были уделены автором посещению прусской столицы [20. С. 325]. Берлинский университет фактически описан как сакральный локус, храм науки: «Я... с искренним благоговением смотрел на Берлинский Университет,

вступил в аудиторию с невольным трепетом уважения к корифеям наук германских, к тем великим людям, которые преобразовали, усилили, развили умственные способности человечества, обогатили его драгоценными опытами, великими наблюдениями и важными выводами» [20. С. 325]. Университетское пространство также изображено как идиллически-мирное, что, вообще говоря, приходит в противоречие с традиционным для русской литературы образом немецкого студента-бурша, гуляки и дуэлянта. Этот отход от литературной типичности особо оговаривается автором: «...под названием студентов не воображайте себе нерях и буянов: Берлинские питомцы муз благовидны и благонравны» [20. С. 314]. Эти идилличность и сакральность, однако, остраиваются упоминанием прозаической детали студенческих каникул: «В Берлине господствует странный обычай: давать отдохновение студентам <...> с половины августа», причины чего автор видит в слепом подражании южным странам, «где молодых людей отпускали к родителям на время собрания винограда», тогда как в «песчаных окрестностях» Берлина «едва ли родится брусника» [20. С. 326] (вновь здесь актуализирован мотив скудного песчаного пространства).

Амбивалентным описывается литературное пространство Берлина. С одной стороны, Н.И. Греч замечает, что «берлинские ученые и литераторы очень учтивы и предупредительны» [20. С. 332]. Это аналогично характеристике современных автору берлинских офицеров и подчеркивает внутреннее смысловое единство «военно-ученого» города. Прусские столичные литераторы описываются русским писателем как некое духовное идеальное братство: они «каждый понедельник» собираются в «Cafe National, Под Липами», «читают друг другу новые свои произведения, сообщают свои замечания и суждения о новых книгах. В хорошую погоду все собрание идет в парк (Thiergarten) и продолжает литературную беседу на прогулке» [20. С. 332].

С другой стороны, автор на нескольких страницах клеймит позором возмутителей немецкой литературной идиллии – молодых писателей из «надевшей много шуму в журналах» «союза Юной Германии» (литературной группы «Молодая Германия») – и в особенности Берне, Гейне и Гуцкова [20. С. 335]. Впрочем, Н.И. Греч отказывает «Юной Германии» в немецкости, поскольку немцев он маркирует характеристиками «кротости, праводушия и благоразумия» [20. С. 339], тогда как представителей литературной группы отличает безумие, горячность, вздор («полоумные молодые писатели Немецкие» «в пылу разгоряченного воображения» пишут «вздорные книжонки» [20. С. 335]). Согласно русскому писателю, они перестали быть немцами, подражая французам: «...задумали составить союз Юной Германии по примеру пресловутой Юной Франции...» [20. С. 335]; их «...жалкие произведения суть творения отнюдь не германские, а только отголосок революционной школы Французской» [20. С. 339].

Таким образом, в гречевском тексте актуализируется оппозиция «монархическая Пруссия – револю-

ционная Франция», историческим фоном которой служит июльская революция. Второй элемент оппозиции выступает в тексте центром всякой смуты, нарушения общественного и божественного порядка, разрушения идиллии, насилия. Сама же Германия и, прежде всего, Пруссия – это полюс упорядочивания. Ядром же этого упорядочивающего процесса выступает власть. Последняя характеризуется кротостью, благоразумием, патриархальностью, усмирением: писатели «...были усмирены мерами, принятыми на Германском Сейме»; «Кроткое Прусское Правительство <...> образумило их (некоторых обманутых немцев. – *Авт.*) отеческою снисходительностью и обратило на путь полезных граждан. ...молодые люди охотно воспользовались указаниями благоразумия и кротости, и оставили стезю, которая могла их вести только к несчастно и бесславию» [20. С. 339], т.е. перед нами разворачивается сюжет блудного сына, где правительство выполняет роль строгого, но любящего отца по отношению к своим подданным. На образ Пруссии как семьи, что коррелирует с русским восприятием немецкого пространства через образ Дома-Семьи, работает также утверждение Н.И. Греча, что в «здесь, в сердце Германии», он познакомился с лирической немецкой литературой, из которой «особенно хороши» «картины семейной жизни» [20. С. 340–341]. Кроме того, усмирение-упорядочивание пространства «ученого» Берлина, мыслится автором как апокатастасис, восстановление былой идиллии германской духовной жизни, под которой мыслится эпоха «от конца Семилетней Войны до начала Французской революции», когда «науки и словесность процветали в Германии под кровом мира и тишины. Веймар, где жили Гете, Гердер, Виланд, Шиллер, прозван был немецкими Афинами. Берлин сделался средоточием умственного движения Германии» [20. С. 340]. Благодаря усилиям власти и благоразумию немцев, должно, по Н.И. Гречу, произойти возвращение в *saeculum augeum* Германии: «...я уверился, что спокойствие в Германии будет укрепляться со дня на день и вскоре возобновится то счастливое время, в которое возникла немецкая литература» [20. С. 339]; «...политика лишится прав своих на умы, и все придет в свой порядок» [20. С. 340]. Здесь мы имеем дело с образом-конструктом, который превращает хроно-топ прошлого в безусловную идиллию, которая мыслится гомогенно упорядоченной и умиротворенной. В качестве контраста этому гречевскому пространственно-временному образу можно привести цитату из «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, который застал еще ту условную «золотую эпоху» Германии и тем не менее констатировал: «Нет почти ни одного известного автора в Германии, который бы с кем-нибудь не имел публичной ссоры...» [21. С. 47].

Серьезный, «высокий» тон повествования о прусской столице разбавляется Н.И. Гречем несколькими частными замечаниями о «непарадном» Берлине. Так, наряду с диорамой Гропиуса, второй лучшей вещью в Берлине автор называет «мороженое в кондитерской лавке Кранцлера, Под Линами, на углу Фридриховой

Улицы» [20. С. 366]. Кроме того, русский путешественник хвалит местных «хорошеньких женщин» [20. С. 366] и высмеивает мужчин-простолудинов, которые «не так милы, как женщины», и склонны безвкусно одеваться: «Здесь я узнал, что значит немецкая поговорка *ein Berliner Narr*; (берлинский дурак). Из пяти человек, которые вам встретятся на улице, конечно, трое одеты шутами: один в голубом фраке, другой в гусарских сапожках с кистями, третий в розовом галстуке, иной вовсе без галстука» [20. С. 367]. Наконец, Н.И. Греч особо критикует «нахальство и грубость» «самого низкого класса Берлинцев», одновременно отмечая их «природный ум» и «особенную живость в характере, чуждую другим Немцам» [20. С. 368]. Эти детали остраивают повествование о поездке 1835 г., которое в этом плане имеет гораздо более сдержанный общий тон по сравнению с ироническими замечаниями автора в германском фрагменте гречевского травелога о путешествии 1817 г.

Здесь следует подчеркнуть, что, если «ученый», «военный» и особенно «бюргерский» образы Берлина еще содержат долю авторской мягкой критики, то оценка прусского «мира правительства» [20. С. 314] практически всегда комплиментарна. В этом смысле берлинский фрагмент травелога наиболее политизирован по сравнению с другими описаниями германских пространств. Если Любек автор изображает в качестве ахронной средневековой идилии, а Гамбург – как осовремененную, рационализированную, практически-деловую идилию, то Берлин – это воплощение идеального государства, совмещающего черты идилической патриархальности и просвещенной монархии. Неслучайно берлинская восточная часть (старый город), «уступающая «западной» «в правильности, изяществе и модности» и кипящая «торговлею и промыслами» [20. С. 314], т.е. собственно деловые локусы прусской столицы, фактически не представлены в греческой репрезентации Берлина.

В этом плане образ Пруссии в греческом тексте представляет собой идеал рационального государства, сформированный еще в эпоху Просвещения, т.е. просвещенную монархию, упорядочивающую как свое внутреннее, так и внешнее пространство: «Более всего поражает странника в Пруссии общее благоустройство: во всем видишь порядок, стройное действие всех пружин правления, беспристрастное правосудие, кроткую снисходительность к слабостям людским, и строгое преследование порока и преступлений» [20. С. 315]; «спокойное действие государственного организма в Пруссии, благое влияние ее на соседственные Державы» [20. С. 316]. Как и в «ученой» сфере, рассмотренной выше, воплощающая порядок Пруссия противопоставляется хаотической Франции, уподобляемой «паровой машине», которая со «скрипом, визгом и треском», противопоставленными прусской тишине, «жаром и кипятком обдаёт и чужих, и своих» [20. С. 316], т.е. не несет благо, подобно прусской монархии, а вредит и себе, и вовне. Главным благодеянием, «государственным подвигом», Пруссии для прочих немецких земель Н.И. Греч считает создание Таможенного

союза, которому автор уделяет несколько страниц травелога: «Это дело приносит величайшую честь мудрости, прозорливости и благоразумно Прусского Правительства...» [20. С. 316]. Пруссия здесь выступает как упорядочиватель таможенного пространства и устранитель «главнейшей причины бедствий, недостатков и жалоб Германии» – ее раздробленности на «38 отдельных, больших и малых, государств» [20. С. 316]. Образ раздробленности передается писателем через антропоморфное сравнение: «Германия уподоблялась телу, окованному во всех частях своих, в котором кровь и жизненные соки не могли иметь свободного обращения, которое в изнеможении сил томилось и изнывало» [20. С. 318].

При этом, как и в литературной сфере, неудовлетворительное политическое (здесь также финансово-промышленное) состояние Германии увязывается с моральной порчей: «От этого наружного зла происходило другое, нравственное. Между отдельными государствами Германии возникли взаимное недоброжелательство, зависть, мстительность. Саксонцы ненавидели Прусаков, Баденцы Виртембергцев, Баварцы Австрийцев. Главнейшею тому причиною было разделение и противоборство интересов промышленных и коммерческих. Государства большие, сильные и богатые возбуждали зависть малых, и эти последние охотно приставали к стороне врагов Германии» [20. С. 318].

Таким образом, создание таможенного союза мыслится Н.И. Гречем вновь в рамках апокатастасиса германских земель. Этот план называется «благотельным», направленным на «благосостояние и неприкосновенность извне» [20. С. 319]. Соответственно, фрагмент, описывающий таможенный союз, превращается в апологию Пруссии, которая отделяется от прочих, «второстепенных Германских государств (Баварии, Виртемберга, Бадена и пр.)», тоже предпринимавших попытки к объединению, не могущие, однако, сравниться с прусскими: «Пруссия, лучше всякой другой державы Германской, могла этого достигнуть» [20. С. 319]. Как и в эпизоде с борьбой прусского правительства против литературных противников из «Молодой Германии», Н.И. Греч акцентирует «мудрую осторожность» Пруссии в действиях по объединению Германии [20. С. 319], ее приверженность успокоению, неприятие «шума»: «И это великое дело произведено Пруссией без шума, без разглаговствий, силою опытности, истины и правды. Вотще умники и крикуны в собраниях земских чинов некоторых немецких держав старались заглушить голос мудрости и благонамеренности» [20. С. 322]. Соответственно, снятие внутренних границ представляется автором с точки зрения не только рациональности, практической пользы («Вместо прежних таможенных линий, простиравшихся на 2930 миль, должно ныне охранять только 690. Вместо прежних 60 милл. гульденов издержек на содержание таможен, требуется теперь не более двух миллионов» [20. С. 320]; «Важнейшие жизненные потребности упали в цене, и между тем произведениям небольших государств открылся обширный рынок. Фабрики, мануфактуры, промыслы всякого рода ожи-

вились» [20. С. 321]), но и исправления нравов под руководством умиротворяющей-упорядочивающей Пруссии: «...мало по малу исчезнут недоверчивость, недоброжелательство, зависть между разными германскими землями: они привыкнут почитать Пруссию своею защитницею и краеугольным камнем в здании Немецкой Империи. Исчезнет и память о междоусобицах, еще недавно обгаивших поля доблестной, честной, трудолюбивой Германии» [20. С. 321–322].

Эта упорядочивающая роль Пруссии как центра германских земель связана в греческом тексте со второй стороной данного образа – с патриархальной идиллией, управляемой «отцом»-монархом. Выше мы отмечали «детско-родительские» коннотации в интерпретации автором отношений молодых литераторов и прусского правительства. Этими коннотациями проникнут весь берлинский нарратив, лейтмотивом которого выступает образ немецкого государства как семьи. В самом начале описания Н.И. Греч упоминает королевский дворец, специально называя его домом, маркированным семейственностью: «Сказав: домом Короля, я не ошибся. Нынешний Король живет не в большом дворце, а в том доме, который он занимал, быв еще Наследным Принцем, где провел сладчайшие для сердца его дни, в кругу своего семейства» [20. С. 311]. Причем типичная для русской литературы модель немецкого Дома-Семьи распространяется на все пространство Пруссии и характеризуется синкретичностью, идиллической ахронностью, где будущее и настоящее слиты: «Из этих укомных покоев... истекает спокойствие, довольство, благоденствие миллионов добрых подданных; там предуготовляется счастье и нерожденных еще поколений; будущее есть необходимое последствие настоящего» [20. С. 311]. Соответственно, королевский Дом подается как центр упорядочивания прусского и вообще немецкого пространства. Это также центр скромности, добродетельности и покоя, накладывающий свой отпечаток на жизнь государства: «Благородная простота, величественное спокойствие составляют характер этого приюта истинного величия и примерной добродетели» [20. С. 311].

Если карамзинский русский путешественник еще раздумывает, кто из прусских королей достоин называться великим – Фридрих II или его отец («Не знаю, кого справедливее можно назвать великим, отца или сына, хотя последнего все без разбора величают. <...> Кто привлек в свое государство множество чужестранцев? Кто обогатил его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населил Пруссию? Кто всегда отходил от войны? Кто отказывался от всех излишностей, для того чтобы его подданные не терпели недостатка в нужном? Фридрих Вильгельм! [21. С. 30]), то Н.И. Греч без особого разбора хвалит весь род прусских королей: «Провидение даровало Пруссии ряд Монархов, которые своими подвигами и трудами вознесли ее на нынешнюю степень могущества, славы и благоденствия. Великий Курфирст, блистательный Фридрих I, бережливый и попечительный Фридрих Вильгельм I, бессмертный Фридрих II, и ныне царствующий Король, твердый в бедствиях,

кроткий и благодушный в счастии, составили из разнородных, противоборствующих между собою стихий одно целое – могущественную, твердую и счастливую монархию, стоящую в первом ряду Держав Европы» [20. С. 313]. Прусская монархия здесь выполняет роль коллективного демиурга-упорядочивателя хаотического, стихийного окружения. Король выступает центром, от которого концентрическими кругами расходится благодать, распространяющаяся сначала на Дом-дворец, потом на всю столицу, далее на Пруссию и прочие немецкие земли: Общее «благоустройство» Пруссии «происходит от личных достоинств Короля, от твердости государственных постановлений и сообразности их с целью государства, и от распространения образованности, на которой основана общая нравственность» [20. С. 315]. В этом плане Берлин выступает пространственным воплощением силы идеального просвещенного монарха: «Столица... есть сокращение государства, глаза его, мозг, и вот почему Берлин так великолепен, красив, приятен и разнообразен» [20. С. 314].

Правда, Н.И. Греч позволяет себе однажды вскользь покритиковать Фридриха II за его «запретительную систему», с помощью которой король «отделил свои владения от прочих Германских земель», результатом чего стали «трепет и злоба» прочих немцев по отношению к пруссакам, а также начальное поражение Пруссии в войне против Наполеона [20. С. 318]. Однако затем образ данного монарха всячески превозносится в связи с репрезентацией Сан-Суси, о чем будет сказано позднее. Кроме того, «благый подвиг мудрого Фридриха Вильгельма III» исправляет ошибку своего предшественника, вызывая, по оценке Н.И. Греча, «общее, единодушное одобрение всей нации Германской» [20. С. 322].

Идеальному прусскому монарху соответствуют почти идеальные подданные: «благотворное правительство» [20. С. 315], «благонамеренные, просвещенные, добродетельные сановники, которые совестно исполняют веления высшей воли», «образованные и честные» чиновники [20. С. 316] и вообще вся немецкая нация («...врожденное Немцам правдолюбие в исполнении обязанностей во многом способствует успешному достижению намерений» властей [20. С. 315]). Противники этой идиллии вытесняются на периферию немецкого мира или даже за его пределы – в хаотическую, скандальную Францию, как, например, лидеры «Молодой Германии». В изображаемой Н.И. Гречем упорядоченной Пруссии нет места «несмысленной, а иногда и подкупленной толпе», обменивающимся «упреками и оскорблениями» министрам, «сребролюбивым писакам»-трикстерам, которые «своею нескромностью, дерзостью, лживостью, на каждом шагу останавливают действия верховной власти и самые благие ее намерения представляют в виде превратном и ненавистном» [20. С. 316].

Описание окрестностей Берлина в греческом тексте также непосредственно связана с образами прусских монархов⁶. Направляясь в Потсдам, автор осматривает «памятник освобождения Пруссии от Наполеонова ига» на Крестовой Горе, на главном

фронтоном которого написано «Король народу, жертвовавшему, по его воззванию, достоянием и кровию для отечества; падшим в память, живым в признательность, грядущим векам в соревнование» [20. С. 345]. Этот локус знаменует утверждение силы Пруссии в ее борьбе с окружающим хаосом. Далее описан Павлиний остров на реке Гавеле, где «в конце XVII столетия жил... алхимик Кункель фон Левенштерн и варил золото в своей лаборатории», а в конце XVIII в. был устроен «прекраснейший сад» с «прекрасной» оранжереей с «самыми редкими растениями» и домом «в виде римской виллы, разрушающейся от ветхости», что автор находит «прекрасным и оригинальным» [20. С. 346].

Как видим, эпитет «прекрасный» повторяется трижды, подчеркивая комплиментарность пейзажного описания. Помимо традиционного мотива немецкой ургии, создавшей оазиса среди песков («И вне теплиц, есть на этом острове множество разнородных дерев – удивительно, как они принялись в таком песчаном грунте!»), локус маркирован мотивом немецкого Дома-Семьи с характеристиками уюта, укромности, скромности: «На этом острове Король проводит время с своим семейством, в удалении от светского шума. Здесь все тихо, просто, уютно» [20. С. 346], т.е. Н.И. Греч вновь акцентирует интимный, семейный аспект жизни прусских монархов.

Сам Потсдам охарактеризован амбивалентно, с одной стороны, мотивом немецкой пространственной упорядоченности («довольно обширный, прекрасно выстроенный»), с другой – мотивом немецкой скуки («удивительно тих, молчалив и – скучен»⁷ [20. С. 347]). Главным же локусом Потсдама обозначена гарнизонная церковь, она же усыпальница Фридриха Великого и его отца. Описание «самого любопытного места» в городе построено на контрасте между мотивами масштабности («Церковь снаружи величественна...», «просторная ниша» с гробами, гроб Фридриха Вильгельма I «величины колоссальной» [20. С. 347]) и простоты («...внутреннее... убранство просто...»; «Король, его фамилия и знатнейшие сановники садятся на простых старинных стульях»; на гробах «нет никаких украшений»; Фридрих II похоронен «в простом свинцовом гробу» [20. С. 347]. Кстати, сходным образом потсдамская гарнизонная церковь описана в травелог В.К. Кюхельбекера. Но последний как романтик добавляет в пейзажное описание мрачные тона экзистенциального ужаса и печали, связанных с переживанием смертности: «...скучное мерцание наших свеч разделяло царствующий мрак на огромные тени, между коими изредка лоснились темно-багровые обои и сияла потускневшая позолота; молчание прерывалось нашими шагами и глухим отголоском здания; когда мы останавливались и умолкали, безмолвие возрастало и было тяжелее и печальнее» [22. С. 11]. В этом описании подчеркнуты мотивы мрака, тишины, распада, тогда как изображение Н.И. Греча фиксируется больше на мотивах славы, военных побед: «Всегдашний полусвет господствует в этом приюте усопшего величия. Тени ми-

нувшего века носят во мраке над бранными останками одного из величайших Государей, когда-либо царствовавших в мире. Подле кафедры висят Французские орлы и знамена, взятые Пруссакими в 1813–1815 годах. <...> На черной мраморной доске начертаны имена офицеров прусской гвардии, павших в брани за независимость и честь отечества» [20. С. 347]. Соответственно, в сходных фрагментах текстов по-разному расставлены акценты: у В.К. Кюхельбекера – полумрак и тени смерти; у Н.И. Греча – полусвет и тени славы.

Как и в карамзинском тексте, гречевское описание потсдамского дворца Сан-Суси проникнуто воспоминаниями о Фридрихе Великом, который выступает в качестве демиурга и одновременно *genius loci*. При этом если Н.М. Карамзин делает акцент в образе прусского короля на то, что тот был «Философ», «любивший удовольствия и находивший их в Изящных Искусствах и Науках» [21. С. 42], то у Н.И. Греча образ монарха более многогранен. Локус письменного стола связан с занятиями «делами государственными» («все читал, во все вникал, все решал мудро, справедливо... и остроумно»), отсюда образ государя-чиновника [20. С. 349]. Военный аспект подчеркивается через локусы колоннады, «под которою, на старости Короля, бывали разводы в дурную погоду», а также библиотеки, где незадолго перед смертью Фридрих читал «Военное Искусство Пюисежюра» [20. С. 348]. Любовь к искусству маркирует «галерея, великолепно украшенная во вкусе XVIII века, по которой он (король. – *Авт.*) прогуливался, играя на флейте» [20. С. 348]. В «обязательный набор» пространства Сан-Суси, как в карамзинском, так и гречевском текстах, входят образы французских философов, гостей дворца. Хотя в первом из травелогов положение монарха и его собеседников более равное, например, они помещены в сцену прогулки по сентименталистски изображенному саду, навевающую перипатетическую реминисценцию: «Здесь гулял Фридрих с своими Вольтерами и Даланбертами» [21. С. 42]. У Н.И. Греча мотив французских философов вводится через локус двери, т.е. они сами приходили к монарху для развлечения иерархически превосходящего их хозяина: «Вот за ручку этих дверей хватились Вольтер, Даржанс и другие Французские любезники, забавлявшие Короля в часы отдохновения» [20. С. 349]. Важный для гречевского текста мотив монарха-семьянина в отношении не отличавшегося особой сентиментальностью Фридриха актуализируется автором через упоминание его дружбы с сестрой, маркграфиней Байрейтской, а также посредством упоминания локуса собачьего «кладбища»: «...на уступе террасы, под небольшими плитами, зарыты любимые его собачки...» [20. С. 348–349], т.е. мотив семейственности, пусть и в сниженном виде, реализуется через привязанность монарха к собакам: «Он привязан был к своим собакам: они его любили искренно...» [20. С. 350]. Соответственно, «живущий воспоминанием лет протекших» Сан-Суси представляет собой своего рода «хрономобиль», переносящий путешественника в XVIII столетие: «Тысячи разнородных

мыслей толпились у меня в голове, когда я ходил по опустевшим залам Сан-Суси <...> Весь восемнадцатый век носился в моем воображении» [20. С. 350].

Расположенный вблизи Берлина Шарлоттенбург маркируется через женские *genii loci*: нелюбимую, но, по словам Н.И. Греча, уважаемую Фридрихом II жену, королеву Елизавету, а также супругу Фридриха Вильгельма III Луизу. Что касается последней, то Шарлоттенбург маркируется «любимым местом» ее «пребывания», и здесь же на одном из островов находятся бронзовый бюст королевы и ее гранитный мавзолей [20. С. 370]. Более того, скорбь всех берлинцев в двадцатую годовщину смерти королевы, примирившая, как пишет автор, его с местными простотами, напоминает скорбь детей по матери: «Во всем городе господствовала совершенная тишина. <...> И все это делалось не по приказу начальства, а по собственному внутреннему влечению народа <...> Несмотря на необыкновенно сильный жар, жители Берлина тысячами ехали и шли на поклонение драгоценному праху возлюбленной Государыни в Шарлоттенбург» [20. С. 368–369].

Описание дворца наследного принца Шарлоттенгоф в наибольшей степени соответствует идиллической модели уютного, закрытого локуса Дома-Семьи-Сада: Украшенный «медалионами с портретами особ королевской Фамилии и ближайших ее родственников» «дом не большой, но красивый и уютный, построен в саду, богатом прекрасными и редкими деревьями, кустарниками и цветами...» [20. С. 351–352]. Характерно, что главной достопримечательностью дворца названа обычная кукла, которую принц Вильгельм подарил своей невестке, купив за два гроша, что актуализирует мотив монархотца нации: «Такие черты семейственной добродетели, братской любви, доверенности, откровенностей, между особами царственных семейств – лучшая конституция для народов, самое прочное ручательство в их счастье и благоденствии. Добрый сын, добрый брат, добрый отец – не может не быть добрым государем» [20. С. 352–353].

Таким образом, описание пространства Пруссии в путевых письмах Н.И. Греча отличается относительной цельностью. Что прусская провинция с ее локусами прямых дорог и изобильных полей, что сама столица с ее окрестностями характеризуется мотивом упорядоченности, степень которой возрастает по мере движения от периферии к Берлину как центру порядка. Также данное пространство маркируют мотивы визуальной привлекательности, спокойствия-тишины, идилличности. Важным является и мотив ургийности как частного варианта упорядоченности, т.е. преобразования дикой, скудной, неблагоприятной

для человека природы, заданной через образ песчаных земель, в идиллическое пространство изобилия.

При этом локус прусской столицы изображается автором в трех антропных аспектах – военном, ученом и правительственном. Все они имеют сходные характеристики простоты, учтивости, благонравия, которые подчеркиваются Н.И. Гречем, в том числе, через сравнение с различными образами неупорядоченности. Современные образованные и национально мыслящие прусские офицеры противопоставляются грубым и надменным офицерам прошлого, мыслящим в рамках сословного сознания. Тихие и благонравные берлинские литераторы в качестве представителей верноподданной немецкой нации – буйным и неблагонадежным членам «Молодой Германии», следующим французским образцам. Вообще, Франция как пространство хаоса в гречевском тексте является антиподом Пруссии как квинтэссенции порядка. Соответственно, тихое, благонамеренное, честное и справедливое прусское правительство во главе с королем противопоставлено шумному, неприличному, развращенному французскому парламенту.

В целом комплиментарностью отмечены описания всех трех вышеупомянутых аспектов Берлина, но правительственный образ отмечен ею, пожалуй, в наибольшей степени. При этом на первый план при описании королевского Берлина выступает мотив Дома-Семьи. Соответственно, образ прусского государства зиждется в тексте Н.И. Греча на мотивах не только рациональной упорядоченности просвещенной монархии, но и патриархальной семейственности. Король выступает отцом как для своей непосредственной семьи, так и для подданных, исполняющих по отношению к нему роль детей, послушных либо непослушных его воле. Таким образом, именно монаршая власть выступает источником упорядочивания прусского пространства и шире – большинства немецких земель, вовлекаемых в орбиту влияния Пруссии. Как в случае с «блудными сыновьями» из «Молодой Германии», так и с не любящими пруссаков немцами из иных германских государств актуализируется сюжет апокатастасиса – восстановления идиллического порядка: усмиренные литераторы возвращаются в лоно тихой «семьи» «ученого» Берлина, а иные государства вливаются в благотворительный Таможенный союз, возглавляемый Пруссией.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что описание Пруссии в тексте Н.И. Греча склоняется к сентименталистскому мирообразу Германии, связанному с пространством идиллии и инспирированному в существенной мере «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина. В этом свете Берлин представляется идеализированным локусом, образ которого практически не критикуется и не травируется.

Примечания

¹ См. параграф «Berlin» [17. S. 21–30].

² См. параграф «Образ Берлина как квинтэссенция типажной немецкости» [18. С. 98–113].

³ Относительно подробного упоминания из прусских городков удаётся в гречевском тексте только «порядочный» Перлеберг с типично средневековыми чертами: «извилистыми, узкими улицами» и рыночной площадью со «старинной каменной колоссальной статуей рыцаря с мечом, покрытой плесенью и мхом» [20. С. 307]. Это пейзажное описание служит автору поводом для комплиментарного обобщения по поводу ахронных локусов Германии как своего рода музеев, где прошлое консервируется и сберегается: «...в Германии на

каждом шагу найдете что-нибудь достойное внимания в историческом отношении. ... в Европе... нигде не сохранилось столько памятников седой старины» [20. С. 308].

⁴ Здесь и далее орфография и пунктуация текста «Действительной поездки...» приближены к современным.

⁵ Н.И. Греч также ищет «русские» места в прусской столице. Например, дворец Монбизу интересует его «...потому, что в нем останавливался Петр Великий во время пребывания своего в Берлине» [20. С. 359]. В месте упокоения Фридриха II подмечен «мундир, который носил Император Александр Павлович, в звании шефа прусского гренадерского полка своего имени» [20. С. 348]. Автор посещает и «русскую деревню» под Потсдамом, «населенная нашими песенниками 1-го Прусского гренадерского полка, переведенными, по желанию Короля Прусского, в его службу, в 1814 году» [20. С. 353]. Это своего рода анклав русскости посреди немецкого пространства: тринадцать «...Русских крестьянских домов, бревенчатых с резными украшениями, – словно на Московской дороге. Мило, весело, любо!» [20. С. 353]. Сравните также с уподоблением старой части Берлина, его торгово-ремесленного центра, петербургским реалиям: «Это наш Васильевский Остров, Третья Адмиралтейская часть и Владимирская Сторона» [20. С. 314]. Берлинская погода иногда тоже напоминает писателю о Своем: «...2-го июля было пасмурно, сыро, что-то по-нашему, по-петербургскому...» [20. С. 345].

⁶ Исключение составляет Шпандау, упомянутый мимоходом и названный «нравоучительным» [20. С. 308], возможно, из-за той роли, которую город сыграл во время Реформации для Бранденбургского маркграфства.

⁷ Сравните с мотивами порядка, тишины и ахронности в описании города Лудвигслуста, столицы Великого Герцогства Мекленбург-Шверинского: «На улицах тихо; народу мало. Все порядочно, обстоит благополучно и нового не бывает» [20. С. 306].

Список источников

1. Birkenmaier W. Das russische Heidelberg. Zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert. Heidelberg : Wunderhorn, 1995. 205 S.
2. Далкылыч О.В. Три мира, три эпохи, три культуры: эхо городов Гейдельберг, Таллин и Кайсери в русской литературе XVIII–XX веков // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск : НГПУ, 2015. С. 427–445.
3. Ильченко Н.М., Пепеляева С.В. Дрезден как культурный хронотоп в картине мира В.К. Кюхельбекера и В.А. Жуковского // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 113–119.
4. Пауткин А.А. Кенигсберг А.Т. Болотова. Оптика самопознания // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 4. С. 52–61.
5. Тиме Г.А. Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд Другого (1919–1939). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 158 с.
6. Шлэгель К. Берлин, восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). М. : Новое литературное обозрение, 2004. 632 с.
7. Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания. Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М. : СПАС, 1999. 208 с.
8. Рымарь Н.Т., Сомова С.В. Берлин начала 20-х годов XX века в восприятии русской эмиграции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 2-4. С. 1031–1034.
9. Engel-Braunschmidt A. Die Suggestion der Berliner Realität bei Vladimir Nabokov // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg. Berlin : Akademie Verlag, 1995. S. 367–378.
10. Урбан Т. Набоков в Берлине. М. : Аграф, 2004. 240 с.
11. Шастина Е.М. «Берлинский текст» В.В. Набокова и Э. Канетти // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48), Ч. 1. С. 206–209.
12. Полянская М. Фокстрот белого рыцаря. Андрей Белый в Берлине. СПб. : Деметра, 2009. 192 с.
13. Жданов С.С. Образ Берлина в поэзии Саши Черного // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45), ч. 2. С. 79–84.
14. Berard E. Il'ja Erenburgs Berliner Zeit // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg / hrsg. von K. Schlögel. Berlin : Akademie Verlag, 1995. S. 323–331.
15. Mierau F. „Affentrat“ und „Zwoviersen“. Alexej Remisow in Berlin (1921–1923) // Berlin – Moskau 1900–1950. München ; New York : Prestel, 1995. S. 179–185.
16. Жданов С.С. Образ Берлина в путевых заметках М.Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» // Научный диалог. 2018. № 7. С. 125–137. doi: 10.24224/2227-1295-2018-7-125-137
17. Panofsky G.S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: fiction as facts. Wiesbaden : Harrassowitz, 2010. 181 p.
18. Жданов С.С. Пространство Германии в русской словесности конца XVIII – начала XX века : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2019. 455 с.
19. Ильченко Н.М., Аксенова М.В. Образ Германии в путевых письмах Н.И. Греча // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве: материалы международной научно-практической конференции. Н. Новгород : НГЛУ, 2016. С. 112–116.
20. Греч Н.И. Сочинения Н. Греча : в 5 ч. СПб. : Типография Н. Греча, 1838. Ч. 4. 374 с.
21. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1984. 718 с.
22. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л. : Наука, 1979. 790 с.
23. Скальковский К.А. Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии и Индии: 1869–1872. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1873. 323 с.
24. Скальковский К.А. Новые путевые впечатления. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1889. 286 с.
25. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 20 т. М. : Худ. лит., 1972. Т. 14. 704 с.
26. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 5. 408 с.
27. Зиновьев В.Н. Журнал путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии (1784–1785) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Вып. 3. М. : ИМЛИ РАН, 2008. С. 335–380.

References

1. Birkenmaier, W. (1995) *Das russische Heidelberg. Zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert*. Heidelberg: Wunderhorn.
2. Dalkylych, O.V. (2015) Tri mira, tri epokhi, tri kul'tury: ekho gorodov Geydel'berg, Tallin i Kayseri v russkoy literature XVIII–XX vekov [Three worlds, three epochs, three cultures: echoes of the cities of Heidelberg, Tallinn and Kayseri in Russian literature of the 18th–20th centuries]. In: Pecherskaya, T.I. (ed.) *Russkiy travelog XVIII–XX vekov* [Russian Travelogue of the 18th–20th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 427–445.
3. Il'chenko, N.M. & Pepelyaeva, S.V. (2015) Drezden kak kul'turny khronotop v kartine mira V.K. Kyukhel'bekera i V.A. Zhukovskogo [Dresden as a cultural chronotope in V.K. Kuchelbeker and V.A. Zhukovsky]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 4. pp. 113–119.

4. Pautkin, A.A. (2017) Königsberg A.T. Bolotova. Optika samopoznaniya [Königsberg of A.T. Bolotov. Optics of self-knowledge]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. 4. pp. 52–61.
5. Time, G.A. (2011) *Puteshestvie Moskva – Berlin – Moskva. Russkiy vzglyad Drugogo (1919–1939)* [Travel Moscow – Berlin – Moscow. Russian view of the Other (1919–1939)]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
6. Schlegel, K. (2004) *Berlin, vostochnyy vokzal. Russkaya emigratsiya v Germanii mezhdv dvumya voynami (1918–1945)* [Berlin, East Station. Russian emigration in Germany between the two wars (1918–1945)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Ippolitov, S.S., Nedbaevskiy, V.M. & Rudentsova, Yu.I. (1999) *Tri stolitsy izgnaniya. Konstantinopol'. Berlin. Parizh. Tsentry zarubezhnoy Rossii 1920-kh – 1930-kh gg.* [Three Capitals of Exile. Constantinople. Berlin. Paris. Centers of foreign Russia in the 1920s–1930s]. Moscow: SPAS.
8. Rymar', N.T. & Somova, S.V. (2012) Berlin nachala 20-kh godov XX veka v vospriyatii russkoy emigratsii [Berlin in the early 1920s in the perception of Russian emigration]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 2–4 (14). pp. 1031–1034.
9. Engel-Braunschmidt, A. (1995) Die Suggestion der Berliner Realität bei Vladimir Nabokov. Schlögel, K. (ed.) *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg*. Berlin: Akademie Verlag. pp. 367–378.
10. Urban, T. (2004) *Nabokov v Berline* [Nabokov in Berlin]. Moscow: Agraf.
11. Shastina, E.M. (2015) “Berlinskiy tekst” V.V. Nabokova i E. Canetti [“Berlin Text” of V.V. Nabokov and E. Canetti]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 6 (48). Pt. 1. pp. 206–209.
12. Polyanskaya, M. (2009) *Fokstrot belogo rytsarya. Andrey Bely v Berline* [Foxtrot of the white knight. Andrei Bely in Berlin]. Saint Petersburg: Demetra.
13. Zhdanov, S.S. (2015) Obraz Berlina v poezii Sashi Chernogo [The Image of Berlin in the Poetry of Sasha Cherny]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3 (45). Pt. 2. pp. 79–84.
14. Berard, E. (1995) Il'ja Erenburgs Berliner Zeit. In: Schlögel, K. von (ed.) *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg*. Berlin: Akademie Verlag. pp. 323–331.
15. Mierau, F. (1995) „Affenrat“ und „Zwoviersen“. Alexej Remisow in Berlin (1921–1923). In: Antonowa, I. & Merkert, J. (eds) *Berlin – Moskau 1900–1950*. München; New York: Prestel. pp. 179–185.
16. Zhdanov, S.S. (2018) Obraz Berlina v putevykh zametkakh M.E. Saltykova-Shchedrina “Za rubezhom” [The image of Berlin in “Abroad”, the travel notes of M.E. Saltykov-Shchedrin]. *Nauchnyy dialog*. 7. pp. 125–137. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-125-137
17. Panofsky, G.S. (2010) *Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: fiction as facts*. Wiesbaden: Harrassowitz.
18. Zhdanov, S.S. (2019) *Prostranstvo Germanii v russkoy slovesnosti kontsa XVIII – nachala XX veka* [The space of Germany in Russian literature of the late 18th – early 20th centuries]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
19. Il'chenko, N.M. & Aksenova, M.V. (2016) [The image of Germany in the travel letters of N.I. Grech]. *Yazyk, kul'tura, mental'nost': Germaniya i Frantsiya v evropeyskom yazykovom prostranstve* [Language, Culture, Mentality: Germany and France in the European language space]. Proceedings of the International Conference. Nizhny Novgorod. 13–14 October 2016. Nizhny Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod. pp. 112–116. (In Russian).
20. Grech, N.I. (1838) *Sochineniya N. Grecha* [Works by N. Grech]. Pt. 4. Saint Petersburg: Tipografiya N. Grecha.
21. Karamzin, N.M. (1984) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad: Nauka.
22. Kyukhel'beker, V.K. (1979) *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. Diary. Articles]. Leningrad: Nauka.
23. Skal'kovskiy, K.A. (1873) *Putevye vpechatleniya v Ispanii, Egipte, Aravii i Indii: 1869–1872* [Traveling Impressions in Spain, Egypt, Arabia and India: 1869–1872]. Saint Petersburg: Tip. t-va “Obshchestv. pol'za”.
24. Skal'kovskiy, K.A. (1889) *Novye putevye vpechatleniya* [New Travel Experiences]. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
25. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1972) *Sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
26. Dostoevskiy, F.M. (1973) *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
27. Zinov'ev, V.N. (2008) *Zhurnal puteshestviya po Germanii, Italii, Frantsii i Anglii (1784–1785)* [Journal of travel in Germany, Italy, France and England (1784–1785)]. In: Guminskiy, V.M. (ed.) *Rossiya i Zapad: gorizonty vzaimopoznaniya* [Russia and the West: Horizons of mutual knowledge]. Vyp. 3. Moscow: IWL RAS. pp. 335–380.

Информация об авторе:

Жданов С.С. – д-р филол. наук, зав. кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия); профессор кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation); professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022;
одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 30.04.2023.

The article was submitted 05.11.2022;
approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 30.04.2023.

Научная статья
УДК 82:316.3; 82.08:159.9; 808.1:159.9
doi: 10.17223/15617793/489/2

Мифологический мотив чуда в драматических произведениях Даниила Хармса

Александр Владимирович Корнеев¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, alexxlea2013@gmail.com

Аннотация. Впервые изучено использование Д.И. Хармсом мифологического мотива чуда в его драматических произведениях. В указанном аспекте исследованы произведения «Комедия города Петербурга», «Елизавета Бам», «Месть», «Гвидон» и «Цирк Шардам», в результате чего выявлена следующая динамика обращения Хармса к мифологическому мотиву чуда в драмах: до 1930 гг. мифологический мотив чуда входит в сюжет космогонезхатологического мифа, а в последующих произведениях 1930-х гг. – христианского мифа.

Ключевые слова: Д.И. Хармс, драма, мифологический мотив, мотив чуда, космогонезхатологический миф, христианский миф, «Комедия города Петербурга», «Елизавета Бам», «Месть», «Гвидон», «Цирк Шардам»

Для цитирования: Корнеев А.В. Мифологический мотив чуда в драматических произведениях Даниила Хармса // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 16–24. doi: 10.17223/15617793/489/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/2

The mythological motif of the miracle in the dramatic works of Daniil Kharms

Alexander V. Korneev¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
alexxlea2013@gmail.com

Abstract. The biblical archetypal motif of the miracle in the dramas of Daniil Kharms is interesting in the context of the increasingly relevant mythopoetic approach to the study of the poet's oeuvre. Consideration of a miracle as an archetypal motif makes it possible to clarify the category of miracle previously designated as a miracle problem in research of Kharms's works. The study allows showing the role of the use of biblical plots and motif complexes in the poet's works, as well as describing for the first time a structure of Kharms's works as charisma. Charisma is the power of the character to perform miracles with the help of the power given by God and allowing the word to change reality. A similar structure is discovered in the dramas *The Comedy of the City of St. Petersburg*, *Elizabeth Bam*, *Guidon*, *Revenge*, and *Circus Shardam*. The study reveals that the plot and structures in each of these works are relevant to biblical. The author uses an archetypal method. When using it, first of all, he relies on the research of E.M. Meletinsky and Yu.V. Domansky. Meletinsky is a classic in the study of myth and archetypes; therefore, his ideas about myth, archetype and connection between myth and literature, archetype and literature become the main ones in this study. The methodology of Domansky, who investigated the inversion of archetypal motifs, since, in addition to the archetype of "miracle" in the named texts, "anti-miracle" is also shown – the evil-minded destruction of reality with the help of lies, witchcraft and devilish forces. The study demonstrates that "miracle" and "ant-miracle" together form Kharms's poetics of the absurd. In Kharms's dramas, the biblical archetype of the miracle is explored, in its connection with myths and with the biblical stories. This shows in the plots, motifs and characters of these dramas. The author reconstructed the following biblical archetypal plots in Kharms's dramas: creation of the world, Pentecost, a three-day stay in the fish of the prophet Jonah, the resurrection of Christ. We can observe the dynamics of using the archetypal motif of the miracle that is first connected with charisma. When Kharms becomes a more religious person, it is further connected with the plot of the resurrection of Christ. The study successfully shows the presence of this archetype, considers its role in Kharms's works. This study is also important because it allows building a holistic view of Kharms' poetics, which is a difficult research task due to his special fragmentary poetics. In addition, the study demonstrates the relevance of this approach in Kharms's works, which makes it possible to apply this methodology and the category of the archetypal motif of a miracle in Kharms's prose and poetry.

Keywords: Daniil Kharms, drama, mythological motif, miracle motif, cosmogoneoeschatological myth, Christian myth, *Comedy of the City of Petersburg*, *Elizaveta Bam*, *Revenge*, *Guidon*, *Circus Shardam*

For citation: Korneev, A.V. (2023) The mythological motif of the miracle in the dramatic works of Daniil Kharms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 16–24. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/2

Статья посвящена изучению мифологического мотива чуда в драматических произведениях Д.И. Хармса. Ее актуальность определяется современными представлениями о высокой научной значимости мифопоэтического и сравнительно-исторического подходов к изучению произведений художественной литературы; в связи с этим общие представления о мифе и мотиве чуда основаны на трудах В.Я. Голосовкера [1], Н.А. Бердяева [2], А.Ф. Лосева [3], Ю.Н. Гирина [4]. При этом особое значение для данного исследования имеет работа А.Г. Герасимовой [5], в которой впервые была поставлена проблема чуда в творчестве Даниила Хармса. Следует также специально указать исследования, в которых изучаются случаи реализации мотива чуда в отдельных произведениях Хармса [5, 6], а также осуществляется осмысление его творчества в соотношении с религиозной проблематикой и контекстами (Е.Я. Обухов [6], Ю. Хейнонен [7], Д.В. Токарев [8, 9]).

Научная новизна данной работы обусловлена тем, что в ней впервые мотив чуда специально исследован в драматических произведениях Хармса, материалом для анализа стали следующие драматические произведения писателя: «Комедия города Петербурга» (февраль–сентябрь 1927 г.), «Елизавета Бам» (декабрь 1927 г.), «Месть» (январь 1930 г.), «Гвидон» (декабрь 1930 г.), «Цирк Шардам» (1935 г.). Также впервые мотив чуда в творчестве Хармса осмысливается в контексте широко понимаемой мифологической проблематики, от космогонезхатологического мифа до христианства. Поэтому цель статьи – изучить и описать мотив чуда в драмах Хармса как художественную реализацию различных мифов и мифологических сюжетов и на этой основе показать динамику обращения Хармса к различным мифологическим картинам мира.

Впервые в драматических произведениях Хармса мифологический мотив чуда появляется в пьесе «Комедия города Петербурга» (1927 г.). Модель мифологического мотива чуда этого периода творчества Хармса может быть описана представлениями В.Я. Голосовкера, согласно концепции которого миф основывается на логике чудесного, обусловленного «абсолютной свободой и силой желания, т.е. творческой волей воображения, играющего роль естественной необходимости. “Так хочет” моя логика – таков закон необходимости в творческом желании. Но и в идее этого “так хочет” моя логика, т.е. имажинативная логика, этого желания, воображения, этой воли художника, живущей в душе человека, заключено предвосхищение устремлений и целей культуры и науки» [10. С. 109].

Причем в этот период мифологический мотив чуда каждый раз входит у Хармса в сюжет космогонезхатологического мифа. По утверждению Ю.Н. Гирина, именно космогонезхатологический миф является ведущим в эпоху авангарда. О поэтике ОБЭРИУ он пишет следующее: «Так, в поэтике ОБЭРИУ явственно проступает мифологический архетип: разбрасывание предмета на части, дробление, столкновение предметов, которое затем приводит к

их обновлению и приобретению ими нового действительного смысла» [4]. По утверждению Д.В. Токарева, все творчество Хармса направлено на восстановление этой чистой изначальной реальности: «Это парадоксальное состояние находит свое соответствие в существовании мира до грехопадения: по Хармсу, райский мир невинности и покоя остается имманентным Богу, хотя одновременно ему уже трансцендентен. Первый человек Адам уже не Бог, но он создан по его подобию и пребывает в лоне своего Творца. Вся поэтика Хармса направлена на то, чтобы возродить это райское состояние “первой реальности”» [8. С. 155]. И возрождение происходит с помощью чудес. Эти чудеса способны совершать персонажи, обладающие харизмой – чудодейственной силой. Слово «харизма» понимается здесь в ключе даров Святого Духа: «В Коринфе верующие страстно желали стяжания духовных даров или “харизм” от Святого Духа. Речь здесь идет, по сути, о религиозной практике, достаточно распространенной в эллинистическом мире: поиск *enthusiasmos*. “Харизмы” заключались в даре исцеления, чудотворения, пророчества, говорения на разных языках, их истолкования и т.д. (1Кор 12:4 и сл.)» [10. С. 295]. Эта сила и позволяет героям-чудотворцам творить реальность вокруг себя с помощью слова, что и обусловило связь авангарда с космогонезхатологическим мифом, что утверждает Ю.Н. Гирин: «...личность авангардистской эпохи, типологизируемая как поэт-творец-демиург» [4].

Мифологический мотив чуда реализуется в драмах Хармса указанного периода в инвертированной версии как античудо. Термин «античудо» используется в этом исследовании с опорой на концепцию А.Г. Герасимовой [5]. Античудо в пьесах Хармса – это колдовство, власть, данная ряду персонажей дьявольскими силами. Эти персонажи преследуют героев-чудотворцев, стремятся занять их место. Они также способны менять реальность, однако это изменение несет характер искажения и разрушения, поскольку осуществляется с помощью лжи, что идет в разрез с Божественной истиной. Античудо является именно инвертированным проявлением мотива чуда, поскольку демонстрирует искажение общепринятых норм: «...инверсия архетипического значения есть отступление от общечеловеческих ценностей в пользу идеалов иного порядка, которые указывают на трансформацию носителей подобного рода инверсии в универсальном смысле» [11. С. 8].

В «Комедии города Петербурга» главным чудом становится восстановление Николаем II города Петербурга в споре с Комсомольцем Вертуновым.

Персонажи спорят о том, как следует называть город, «Ленинград» или «Петербург», и последнее слово остается за Николаем II. Причем этот финал произведения может показаться оборванным, однако именно подобные финалы свойственны театру абсурда: «Процесс коммуникации в театральном дискурсе осуществляется между произведением и “зрителем” всегда в рамках его эстетического и художественного опыта и стимулируется различными способами. При этом ос-

новой текстовый показатель – целостность, базирующаяся на связности и завершенности произведения, может быть обнаружена лишь при объединении эстетических пресуппозиционных знаний адресата с вербально выраженными (эксплицитными) сценическими факторами. Так, произведение в авангардной эстетической системе Хармса («Елизавета Бам», «Комедия города Петербурга» и т.д.) может быть завершенным, но в традиционной системе оно воспринимается как оборванное, остановленное на кульминационном подъеме» [12. С. 8]. Целостность произведения театра абсурда не обуславливается традиционными жанровыми и композиционными схемами, но определяется внутренней завершенностью конфликта произведения, особое указание на которое формируется игрой автора с памятью зрителя о традиционных драматургических схемах и отличными от них специальными сценическими решениями. Во многом именно нарушение традиционных композиционных схем является способом подчеркнуть разрешение ключевого конфликта произведения. Поэтому важен вопрос, почему именно этот спор становится одновременно и «кульминационным подъемом», и финалом «Комедии города Петербурга».

Комедия начинается с диалога Петра I и Николая II. С помощью образа Петра I Хармс мифологизирует историческое время в соответствии с тем, что мифологизацией времени можно назвать «процесс наделяния мифологической образностью и мифосимволикой аспектов бытия (социального, художественного) любого модуса времени» [13. С. 83]. Главной темой их разговора является преемственность и передача императорской власти. Эта власть соотносится с харизмой, данной Богом. Поэтому мифологизированное прошлое дает Николаю II чудотворную силу. Петр I «творит» Петербург мыслью: «...и мысль нежная, стянув на лбу морщину // порхая над Невой над берегом порхая // летела в небо, реяла над скучным лесами» [14. Т. 1. С. 417] и затем – своим словом: «...сказал столица будет тут, и вмиг // дремучий лес до корня острижен // и шумные кареты часто били в окна хижин» [14. Т. 1. С. 417]. Николай II, преемник императорской власти, не видит себя достойным ее принять: «...ты Петр был царем. // О слава дней минувших! // Взгляни как пламя трепанное в высь, а я // уйду. Уйду с болот жестоких // прощай Россия! Навсегда, прощай!» [14. Т. 1. С. 417]. Николай II лишен этой силы, однако после недолгих сомнений он все-таки решается принять ее, преодолев свой страх: «...и я наследник Божий // взойду держась за сердце на престол... благословенна ты Российская держава // а я твой царь и Бог и властелин» [14. Т. 1. С. 418]. Так состояние распада мира преодолевается личностью императора как «наследника Божия». Однако появляются новые силы – это Комсомолец Вертунов и Обернибесов. На принадлежность Комсомольца Вертунова дьяволу указывает фамилия другого персонажа – Обернибесов. Комсомолец Вертунов связывает Николая II, и тот на время теряет свою силу, что, в первую очередь, сказывается на его речи: царственное величие и могущество сменяется детским ле-

петом и беспомощностью. Е.С. Шевченко характеризует мир этой пьесы как «крутящийся, вертящийся, вьющийся» [15. С. 126], в чем видит дисгармоничное влияние Вертунова и Обернибесова. Они доводят мир до состояния «антимира» [15. С. 127].

В финале пьесы герои, как уже было указано ранее, спорят о названии города:

«**Ник. II** Мария Павловна приехала в столицу к жене-ниху.

Комс. Верт. В какую столицу?

Ник. II В Петербург.

Щепкин В Ленинград Ваше величество.

Комс. Верт. В какой такой Петербург?!

Ник. II В город Пе-тер-бург» [14. Т. 1. С. 472].

Николай перекричал своих оппонентов и победил в споре. Он использует для победы в споре и восстановления «первой реальности» города оставшиеся элементы той харизматической силы, которая ему была передана через Петра I. Эта сила в тексте в значительной степени связана с мифом «творения» Петербурга, о котором подробно писал В.Н. Топоров: «Миф “творения” Петербурга позже как бы был подхвачен мифом о самом демиурге, который выступает, с одной стороны, как *Genius loci*, а с другой, как фигура, не исчерпавшая свою жизненную энергию, являющаяся в отмеченные моменты города его людям (мотив “ожившей статуи”) и выступающая как голос судьбы, как символ уникального в русской истории города» [16. С. 23].

Таким образом, через миф «творения» Николай II творит реальность и управляет ею, с помощью слова разворачивает «антимир» города обратно и восстанавливает его изначальное состояние. Называние оказывается способом изменить реальность, благодаря мифологическому мышлению героя: отклонение от нормы у Д. Хармса может обозначать неспособность использовать два символа для обозначения одного и того же объекта. Таким образом, давая наименование объекту, говорящий с мифологическим мышлением не просто приписывает признаки предмету, но и отождествляет на реальном уровне само название и называемое [17]. Если Николай II назвал Ленинград «Петербургом», используя вместо названия, которое город приобрел к моменту написания пьесы, его прежнее наименование, то он обязательно становится Петербургом, сотворившись заново. Тем не менее важно, что это происходит в первую очередь благодаря его харизме, особой силе желания.

Следует отметить, что Хармс прекрасно понимал, что это восстановление Петербурга произошло только в текстовой реальности, но не в действительности, поэтому закономерно, что следом за «комедией языка» он пишет «трагедию языка» [18. С. 213]. «Комедию города Петербурга» Хармс закончил в сентябре 1927 г., а пьесу «Елизавета Бам» дописал уже в декабре того же года. Такая быстрота написания пьесы была обусловлена тем, что в предыдущем тексте Хармс отработал приемы, которые послужили основой для его новой пьесы, считающейся образцом его поэтики абсурда.

В классической работе Ж.Ф. Жаккара «Даниил Хармс и конец русского авангарда» автор дает следу-

ющее определение пьесе «Елизавета Бам» – это «трагедия языка» [18. С. 213]. «Язык «распадается» вследствие нарушения логических связей и норм коммуникации. Распад логики и распад языка у Ж.Ф. Жаккара соотносятся с состоянием мира: «У Хармса этот распад языка неразрывно связан с фактом распада самого мира. Та заумь, которая должна была служить пониманию мира, всего лишь описывает его бессвязность» [18. С. 228].

Поэтому здесь также обнаруживается связь с космогонезхатологическим мифом. На это указывает то, что пространство драмы сотворено с помощью реплики Елизаветы Бам. Пьеса начинается с реплики Елизаветы Бам и озаглавлена ее именем. Следует обратить внимание, что Хармс не делает ремарок, указывающих на первое появление героев пьесы, как правило, они появляются только тогда, когда начинают говорить, более того, они сами это осознают: «ИВАН ИВАНОВИЧ: Говорю, чтобы быть. ЕЛИЗАВЕТА БАМ: Что Вы говорите? ИВАН ИВАНОВИЧ: Говорю, чтобы быть. Потом, думаю, уже поздно. Она слушает меня» [14. Т. 1. С. 491]. Поэтому Елизавета Бам, начиная говорить, творит все пространство пьесы, что сразу показывает особую силу ее слова, связанную с сюжетом творения мира.

Следует отметить, что в реплике выше мы видим страх Иван Ивановича, он боится некоей женщины, которая слушает его (в этот момент он остается в пьесе наедине с Елизаветой Бам). Это чувство разделяют и другие персонажи пьесы: ««ИВАН ИВАНОВИЧ: ...и вижу, дверь открыта, а в дверях стоит какая-то женщина. Я смотрю на нее прямо в упор. Она стоит. Было достаточно светло. Должно быть, дело близилось к утру. Во всяком случае, я видел хорошо ее лицо. Это была вот кто. (Показывает на Елизавету Бам.) Тогда она была похожа... ВСЕ: На меня!» [14. Т. 1. С. 490]. Полное тождество вызывает у персонажей ужас, поскольку если они целиком тождественны Елизавете, то существует только Елизавета, а они не существуют. Поэтому другие персонажи начинают говорить, чтобы отличаться от Елизаветы. Это объясняет, почему Иван Иванович и Петр Николаевич начинают преследовать Елизавету: они борются за собственное существование: «ЕЛИЗАВЕТА БАМ: Я Вам дверь не открою, пока Вы не скажете, что Вы хотите со мной сделать. ПЕРВЫЙ: Вы сами знаете, что Вам предстоит. ЕЛИЗАВЕТА БАМ: Нет, не знаю. Вы меня хотите убить? ПЕРВЫЙ: Вы подлежите крупному наказанию! ВТОРОЙ: Вы все равно от нас не уйдете! ЕЛИЗАВЕТА БАМ: Вы, может быть, скажете мне, в чем я провинилась? ПЕРВЫЙ: Вы сами знаете. ЕЛИЗАВЕТА БАМ: Нет, не знаю. ПЕРВЫЙ: Разрешите Вам не поверить. ВТОРОЙ: Вы преступница» [14. Т. 1. С. 474–475].

Петр Николаевич и Иван Иванович не сообщают, в чем виновата Елизавета. В середине пьесы мы узнаем, что ее ложно обвиняют в убийстве Петра Николаевича. В отличие от Елизаветы, эти персонажи лишены способности менять мир словом, и поэтому они пытаются преобразовать реальность, используя ложь и обман, так вновь Хармс использует здесь принцип античуда.

Именно в их репликах впервые проявляется «распад языка» [18. С. 228], поскольку их ложь искажает реальность. Их появлению в тексте предшествует реплика Елизаветы, которая в тексте выделяется связностью и логичностью построения фраз; также следует отметить, что это и самая длинная реплика в пьесе. Распад речи Елизаветы начинается только тогда, когда она вступает в разговор с Иваном Ивановичем и Петром Николаевичем. Примечателен аргумент преследователей в споре: «ЕЛИЗАВЕТА БАМ: Почему я преступница? ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ: Потому что Вы лишены всякого голоса. ИВАН ИВАНОВИЧ: Лишены всякого голоса. ЕЛИЗАВЕТА БАМ: А я не лишена. Вы можете проверить по часам» [14. Т. 1. С. 478]. Они стремятся обмануть Елизавету, что она не способна говорить, и, следовательно, не может обладать властью изменять мир с помощью слова. Сами же преследователи будут стремиться лишить Елизавету «голоса», т.е. харизмы, чтобы они могли говорить сами.

Тем не менее далее Елизавета меняет реальность вокруг себя с помощью харизмы. Она использует эту силу с целью избежать преследователей. Меняя реальность, она постоянно превращает преследование Ивана Ивановича и Петра Николаевича в иные ситуации. Например, когда Елизавета и Иван Иванович остаются наедине, то между ними происходит такой разговор: «Говорю, чтобы быть. Потом, думаю, уже поздно. Она слушает меня. (Все, кроме Елизаветы Бам и Ивана Ивановича уходят.) Я спросил ее, чем она это сделала. Она говорит, что подралась с ним на эспадронах. Дрались честно, но она не виновата, что убила его. Слушай, зачем ты убила Петра Николаевича? ЕЛИЗАВЕТА БАМ: Ура, я никого не убивала! ИВАН ИВАНОВИЧ: Взять и зарезать человека! Сколь много в этом коварства! Ура! ты это сделала, а зачем! ЕЛИЗАВЕТА БАМ (уходит в сторону и оттуда): Ууууууууу-у-у-у-у. ИВАН ИВАНОВИЧ: Волчица. ЕЛИЗАВЕТА БАМ: Ууууу-у-у-у-у-у-у. ИВАН ИВАНОВИЧ: Во-о-о-о-лчица». Далее Иван Иванович склоняется перед Елизаветой, именно она приказывает ему лечь, склониться на «четверенки», ее заумь оказывается сильнее его: «ИВАН ИВАНОВИЧ (ложась на пол): Нет, нет, ничего, ничего. Г.г. пш. пш. ЕЛИЗАВЕТА БАМ (поднимая руки): Ку-ни-ма-га-ни-ли-ва-ни-бауу!» [14. Т. 1. С. 491–492] Елизавета обращается в волчицу, а Иван Иванович – в маленькую кошечку. Далее она оказывается способна менять пространство: изображая, что она может кричать так, будто она находится далеко, она действительно оказывается на большем расстоянии от преследователей.

Для пьесы также очень важны такие персонажи, как Папаша и Мамаша. Елизавета отличается от своих преследователей тем, что у нее есть прошлое: у нее есть родители, Мамаша и Папаша, а Петр Николаевич и Иван Иванович появляются из ниоткуда. Это – продолжение принципа, заложенного «Комедией города Петербурга»: силой изменять реальность обладает персонаж, у которого есть связь с прошлым.

Очень точно о Папаше высказалась А.Г. Герасимова: «В пьесе есть (как, по Белинскому, у Гоголя) главный положительный персонаж, но это даже не

смех. Это скорее <...> наш с вами русский язык, великий, могучий, правдивый и свободный, настолько великий и свободный, что по желанию без труда превращается в мелкий, слабый, лживый и скованный. С легкостью выходит он победителем из понарошечной схватки как с пыльным ложноклассическим приемом (“Елизавета, не дури!”), “Не крал, не покупал. Пошел себе”), так и с футуристическими потугами (“курыбыр дарамур дыньдири”), укладывает их на лопатки и тут же подает руку, вовлекая в собственные великолепные игры» [19].

Данное замечание А.Г. Герасимовой необходимо учитывать, поскольку она является не только авторитетным исследователем творчества Хармса, но и одним из режиссеров-постановщиков этой драмы. Она также указывает на ослабление и деградацию этого персонажа, что связано с распадом текстов и мифов, которые стоят за этим персонажем. Папаша вольно пересказывает начало пушкинской сказки «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди»: «С этим не совсем любезным приветствием сестра привела его к более открытому месту, где были составлены в кучу золотые столы и кресла, и штук пятнадцать молодых девиц весело болтали между собой, сидя на чем Бог послал. Все эти девицы сильно нуждались в горячем утюге и все отличались странной манерой вертеть глазами, ни на минуту не переставая болтать» [14. Т. 1. С. 496].

Ср.:

«Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, –
Говорит одна девица, –
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, –
Говорит ее сестрица, –
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, –
Третья молвила сестрица, –
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря» [20. С. 429].

Папаша ослаб после сражения, и поэтому ослабляется сила его языка, что выражается в искажении хрестоматийного текста.

Когда он теряет силу, преобразается и речь Елизаветы: так, в ней появляется слово «кооператив» – слово с однозначно советскими коннотациями. Папаша покидает сцену, Елизавета обнаруживает, что без Отца Мамаша сходит с ума, именно после этого Елизавета лишается «голоса», теряет связь с силой, дающей ей возможность творить чудеса. Когда за ней вновь приходят Петр Николаевич и Иван Иванович, их обман начинает действовать. Они неуклюже пытаются выдать себя за представителей власти, на них форма пожарных, и Елизавета покоряется им, поскольку она лишена голоса и уже не может им возразить. Более того, она объявляет, что находится во власти Петра Николаевича, о чем она опять же говорит после употребления слова «кооператив».

Таким образом, в «Елизавете Бам» Хармс развивает приемы, использованные в «Комедии города Петербурга»: распад мира и сознания героев здесь доходит до своего предела и уже затрагивает зону коллективной памяти героев, о чем свидетельствует вырождение Отца в Папашу и разрушение им сюжета пушкинской сказки. Если в «Комедии города Петербурга» Хармс показывает, как герой-чудотворец обретает уверенность в своей силе и восстанавливает мир, то в «Елизавете Бам», напротив, уверенная в своих силах героиня лишается чудотворной силы после потери чистоты и связи с коллективной памятью. Совершая чудеса, Елизавета может долгое время избегать преследования, однако она уже не способна восстановить мир, и в этом произведении явно показана разрушительная сила античуда, заключающаяся во лжи и искажении реальности.

Еще одним важным текстом, в котором Хармс реализует подобный сюжет, является драматическая поэма «Месь» (январь 1930 г.). В ней мотив чуда используется похожим образом: есть герои-чудотворцы – это писатели, которые, однако, не имеют харизмы, которой обладала Елизавета. В свою очередь, они связаны с героями, которые аккумулируют коллективную память – с апостолами. Апостолы пытаются обучить писателей языку небес, чтобы наделить их харизмой, однако писатели не верят в себя и не могут ему научиться. Тогда их место занимает Фауст, заключивший сделку с дьяволом, и отступить Фауста заставляет только вмешательство самого Бога. Этот текст был подробно проанализирован Ж.Ф. Жаккардом [18. С. 50], исследователь обратил внимание на разницу в зауми и бессмыслице, которую используют Фауст и апостолы, писатели и Бог, сравнивая их между собой по степени силы.

В свою очередь, обращение к категории мифа позволяет более развернуто показать функционирование языка в этом тексте. Апостолы, способные говорить на языке небес, заставляют вспомнить о чуде говорения на разных языках, почитаемом в апостольской церкви [10]. Помимо этого, архетипический мотив чуда говорения на многих языках входит в состав сюжета Пятидесятницы: в новозаветном сюжете Пятидесятницы чудо говорения на языках становится свидетельством снисхождения Святого Духа на апостолов, и с этого дня начинается история христианской церкви.

Драму «Месь» необходимо воспринимать как переходный текст Хармса, в котором он начинает отходить от картины мира, связанной с космогоническим мифом, но на христианский миф опирается еще не полностью. В этом тексте писатели не становятся героями-чудотворцами, и такая инверсия чуда отражает изменения в мышлении Хармса, источником чуда в этом тексте становится не харизма героя, а прямое вмешательство Бога. Тем не менее, несмотря на обращение к сюжету Пятидесятницы и появления в качестве персонажей Бога и апостолов, мотив чуда пока еще функционирует в соответствии с сюжетом космогоническо-эсхатологического мифа, поскольку в нем нет соотношения с центральной для христианского мифа фигурой – Иисусом Христом.

Предваряя описание перехода Хармса к христианскому мифу, уточним, что далее Хармс обращается именно к христианскому мифу, а не к распространенным в то время среди интеллигенции гностическим идеям. Как писал А.А. Панков, «говорилось о том, что учение о Софии – Премудрости Божией своими корнями уходит в осуждённый Церковью гностицизм валентиниан и ряд других позднейших гностиков-теософов, который, в свою очередь, связан с каббалистической традицией <...> Какое отношение к дискуссии о софиологии и имяславии имеют к Даниилу Хармсу и его творчеству? <...> Прямой связи творчества Хармса с софиологией не существует, в отличие, например, от связи с софиологическими взглядами творчества М.А. Булгакова. Можно лишь говорить о связи творчества Хармса с каббалистикой, с которой, в свою очередь, связывают и софиологию» [21]. Ж.-Ф. Жаккар также видит косвенное влияние гностицизма на Хармса, он описывает влияние на Хармса К.С. Малевича, который обращался «к той гностической мысли, что духовный мир человека подобен вселенной» [18. С. 107]. Однако, по наблюдению Ж.-Ф. Жаккара, Хармс развивает эти идеи К.С. Малевича лишь в философских трактатах и произведениях периода 1927–1931 гг. Как показывает анализ следующих произведений Хармса, уже в этот период он начинает обращаться именно к христианскому мифу, и первым драматическим произведением здесь стал «Гвидон» (декабрь 1930 г.). В нем также значительную роль играет мифологический мотив чуда, однако его функционирование значительно отличается от того, что наблюдалось в предшествующих текстах.

В этой короткой пьесе Хармс преодолевает трагедию языка «Елизаветы Бам». Именно к ней отсылает имя главной героини – Лиза. Помимо этого, здесь так же, как в «Елизавете Бам», реализована связь со сказкой Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (курсив мой. – А.К.), искаженную цитату из которой Хармс поместил в одну реплик Папаши. И именно в пьесе «Гвидон» происходит восстановление изначального «чистого» состояния героев, что реализуется благодаря мифологическому мотиву чуда.

Так же, как и в пьесе «Елизавета Бам», героиня Лиза ожидает скорого наказания, в пьесе «Гвидон» – от священника. В середине пьесы Лизу начинает преследовать нечистая сила – ведьма и лесное чучело. Далее становится ясна причина этого преследования: она потеряла свою чистоту, вероятно, соблазненная чучелом: «Я только что в лесу была, играла в прятки с лисенятами. Цветы головками махали на небе ласточки порхали, в пруду лягушки квакали, мои браслеты звякали. Мне было жарко. Я оглянулась, обнажиться не смея. Лишь на реке плыла барка, на ней мужик пускал воздушного змея. Всё громче, громче сердце билось, шалила кровь. Я перекрестилась и, платье тонкое срывая, я встала, стыд рукой скрывая. А на барке мужичок в меня глядел сквозь кулачок. А я колени растворяла, повесив платье на сучок, бесстыдная стояла» [14. Т. 1.

С. 521]. Перед этим, столкнувшись с нечистой силой, Лиза молится: «Пощади меня, святитель, преподобный Августин» [14. Т. 1. С. 517]. Позже оказывается, что пока Лиза бродила по лесу, преподобный Августин умер, и его смерть становится искупительной жертвой. Преподобный Августин, подобно Христу, умирает за грех Лизы. Лиза исповедуется перед настоятелем монастыря и своим женихом и происходит чудо: искаженный нечистотой мир пьесы восстанавливается, на что указывает примирение Гвидона и Лизы и расправленный на клумбе помятый цветок: «Гвидон и Лиза уходят. Настоятель расправляет на клумбе помятый цветок. За сценой слышен голос Гвидона. Гвидон: Ну, с богом, трогай» [14. Т. 1. С. 523]. Важно, что чудо совершается после молитвы Лизы и искупительной жертвы – смерти преподобного Августина. Здесь также использована схема предыдущих драматических произведений Хармса: героиня имеет способность благодаря слову совершать чудеса, и Бог отвечает на её молитву; героиню преследует обладающая колдовской силой нечисть, ведьма, обладающая способностью к колдовству, и лесное чучело, они лгут героине, лесное чучело пытается притвориться небесным ангелом, однако Лиза догадывается, кто это. В отличие от «Елизаветы Бам», где героиня теряет свою силу, здесь, напротив, её изначальное чистое состояние восстанавливается в финале пьесы чудесным образом. Хармс с помощью мифологического мотива чуда восстанавливает изначальное чистое состояние мира, о чем свидетельствует символ расправляющегося цветка. Важно, что здесь чудо входит в состав архетипического сюжета воскресения, восстановление мира и человека происходит благодаря искупительной жертве.

Так Хармс обратился к христианскому мифу. Человек, даже чудотворец, не способен сам восстановить мир. «Словесное действие» героев теперь приобретает ритуальные формы – это молитва и исповедь. Лиза больше не обладает харизмой, источник чуда теперь находится вне её. Это подчеркивается тем, что восстановление мира – расправление цветка – происходит не в репликах героев, но в ремарке, не в словах персонажей, а в художественной действительности пьесы.

В драме «Гвидон», по сравнению с проанализированными ранее текстами, значительно меняется функционирование мифологического мотива чуда, поскольку теперь он соотносится с сюжетом христианского мифа. Теперь мотив чуда реализуется в соответствии с представлениями А.Ф. Лосева о мифе: «... в словах данная чудесная личностная история» [3. С. 171]. Чудесное в данном определении А.Ф. Лосева обозначает встречу эмпирического и идеального планов бытия, земного человека – с его первообразом: «Тем более нужно считать удивительным, странным, необычным, чудесным, когда оказывается, что личность в своем историческом развитии вдруг, хотя бы на минуту, выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и идеальным первообразом. Это и есть настоящее место для чуда» (курсив автора. – А.К.). В христианском мифе чудо — это момент

встречи с Богом, раскрытие тайны о нем. К представлениям А.Ф. Лосева о христианском мифе близка и концепция мифа Н.А. Бердяева: «рассказ <...> преодолевающий грани внешней объективной фактичности и раскрывающий фактичность идеальную, субъект-объективную» [2. С. 29]. Ключевой его составляющей является «тайна Христа» [2. С. 66]. Христос – это одновременно и тайна, и разгадка этой тайны [2. С. 66]. Хотя Н.А. Бердяев не пишет о чуде, важно, что он дает близкое А.Ф. Лосеву определение в рамках рассмотрения христианской эсхатологии, центром которой является раскрытие тайны о Христе.

В драме «Гвидон» чудо способствует духовному возрождению героини. Об это подробно написала А.Г. Герасимова: «И, самое главное, это должно быть не внешнее, а внутреннее чудо, не просто некое невероятное событие, свидетелем которого должен стать повествователь, а нечто такое, что произойдет с ним самим» [5. С. 134–135]. На месте повествователя в данном случае оказывается героиня Лиза. Однако, как нам кажется, здесь А.Г. Герасимова не совсем справедливо пишет об отмене чуда в повести Хармса «Старуха»: «Перед нами та же цепочка: ожидание чуда – свершение чуда – его неинтересность или ненужность – его отмена» [5. С. 138]. Тогда остается неясным, почему кульминация повести заканчивается молитвой. В этом, с нашей точки зрения, обнаруживается то проявление чуда как встречи эмпирического и идеального планов бытия, о котором писал А.Ф. Лосев. Рассказчик через подобную судьбу стремится разрешить тайну Христа, только это и делает возможным «внутреннее чудо» – обретение рассказчиком веры.

Представляется важным включить также в анализ динамики мифологического мотива чуда в драматических произведениях Хармса финальный вариант пьесы «Цирк Шардам» (1935). Здесь мотив чуда связан с цирковыми выступлениями и основывается на сюжете книги пророка Ионы, следовательно, на христианском сюжете воскресения.

В ней есть герой, который своим словом творит чудеса: это директор, объявляющий номера в программе цирка. Чудесами герои пьесы будут считать удивительные номера циркачей: «Директор (не замечая Вертунова). Следующим номером нашей программы Матильда Дердидас. Чудеса... (Чихает). Вертунов. Будьте здоровы. Директор (не замечая Вертунова). Благодарю вас. Чудеса дрессировки» [14. Т. 3. С. 242].

Но директор становится объектом преследования персонажа-лжеца – Вертунова, который возвращает читателя к «Комедии города Петербурга». Однако Вертунов здесь, подобно героям пьес «Елизавета Бам» и «Гвидон», переживает символическую смерть и воскресение, и его чудесное воскресение связано со смертью и воскресением Спасителя. Вертунов спасает остальных персонажей во время потопа, кульминацией драмы является то, что Вертунова съедает акула, но затем в финале произведения его освобождают и признают «спасителем». Это очевидно восходит к сюжету о трехдневном пребывании пророка Ионы в рыбе

и символически соотносится с трехдневным пребыванием Христа во гробе как прообразе смерти и воскресения. Важно, что пророк Иона сначала был пророком, который шел против воли Бога, отказываясь проповедовать ниневитянам, однако после своего чудесного освобождения из рыбы он начинает исполнять волю Бога.

Вертунов в этой пьесе, приобщившись к чуду воскресения Христа и к его искупительной жертве, из героя-преследователя преобразуется в персонажа-чудотворца. Помимо этого, именно благодаря чуду здесь вновь происходит восстановление мира, и теперь его восстанавливает обновившийся персонаж-чудотворец Вертунов. Это позволяет говорить о том, что в пьесе нашли свое выражение эсхатологические представления Хармса, описанные Д.В. Токаревым: «...у Хармса возвращение в рай происходит после глобальной катастрофы и конца Истории. Райская жизнь, соотносимая с третьей эпохой Святого Духа, характеризуется покоем и тем, что она будет проходить в пустоте, где нет места материальному. <...> реализация абсолютного покоя, достижение идеальной безгрешности требует обязательного предварительного уничтожения всего сущего» [9. С. 25]. В «Цирке Шардам» мир и Вертунов обновляются после катастрофы – потопа, разделяющим мир на существование «до» и «после». Примирение и признание Вертунова спасителем происходит уже в обновленном мире после потопа.

Итак, мифологический мотив чуда в драматических произведениях Хармса функционирует в рамках двух мифологических сюжетов: во-первых, это сюжет авангардного космогонезсхатологического мифа, который заключается в разрушении мира и в последующем его обновлении благодаря харизме поэта-творца-демиурга, во-вторых, в сюжете христианского мифа, в котором ожидаемое либо реализуемое разрушение мира предвещает его обновление благодаря жертве Христа. В обоих сюжетах чудо направлено сначала на разрушение сложившегося миропорядка, чудо меняет реальность, разрушает и(или) перестраивает по-новому логические связи между объектами реальности, что становится важным метафизическим и эстетическим фактором, формирующим поэтику абсурда. Ключевым различием между двумя указанными стратегиями реализации чуда становится источник чудесного: до начала 1930 г. источником чуда является особая харизма героя-чудотворца, но уже в пьесе «Гвидон» конца 1930 г. Хармс источником чуда становится искупительная жертва Христа.

Таким образом, можно утверждать, что динамика мифологического мотива чуда в драме Хармса обусловлена тем, что на отдельных этапах творчества писателя он входит в различные мифологические сюжеты. Это отражает процесс изменений в творческом сознании Хармса, специальное изучение которого может стать продуктивным направлением дальнейшего исследования его наследия.

Список источников

1. Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М. ; СПб : Центр гуманитарных инициатив, 2010. 499 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. Париж : YMCA-Press, 1969. 272 с.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. 558 с.
4. Гирин Ю.Н. Диалектика авангарда // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Dialektika-avangarda> (дата обращения: 03.08.2021).
5. Герасимова А.Г. Хармс как сочинитель (проблема «чуда») // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 129–139.
6. Обухов Е.Я. Художественный мир прозы Даниила Хармса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 23 с.
7. Heinonen J. «Это» и «То» в повести «Старуха» Даниила Хармса. Helsinki : Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2003. 229 p.
8. Токарев Д.В. Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 333 с.
9. Токарев Д.В. Философские и эстетические основы поэтики Даниила Хармса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 52 с.
10. Эллиаде М. История веры и религиозных идей : в 3 т. Т. 2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М. : Критерий, 2002. 512 с.
11. Доманский А.Г. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь : Тверской государственный университет, 2001. 94 с. (Литературный текст: проблемы и методы исследования).
12. Чипизубова М.И. Дискурсивные приемы театра авангарда как разновидность коммуникативного семиозиса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 32 с.
13. Иванов А.Г. Мифологизация времени: теоретические основания и современная специфика // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 80–87. doi: 10.17223/15617793/459/9
14. Хармс Д.И. Собрание сочинений : в 3 т. СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2011.
15. Шевченко Е.С. «Петербургский текст» Д. Хармса (на материале пьесы «Комедия города Петербурга») // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 1. С. 124–127.
16. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 616 с.
17. Кукарская О.В. Соотношение мифа и метафоры в тексте Даниила Хармса // Вестник Тюменского государственного университета. 2015. Т. 1, № 3. С. 108–115.
18. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб. : Академический проект, 1995. 472 с.
19. Герасимова А.Г. О «Елизавете Бам» Даниила Хармса. URL: <https://ru-umka.livejournal.com/1338768.html>
20. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 596 с.
21. Панков А.А. Даниил Хармс и русская смеховая традиция. URL: <http://www.d-harms.ru/library/daniil-harms-i-russkaya-smehovaya-traditsiya.html>

References

1. Golosovker, Ya.E. (2010) *Izbrannoe. Logika mifa* [Selected Works. Logic of the Myth]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
2. Berdyaev, N.A. (1969) *Smysl istorii* [The Meaning of History]. Paris: YMCA-Press.
3. Losev, A.F. (2001) *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow: Mysl'.
4. Girin, Yu.N. (2007) *Dialektika avangarda* [Dialectics of the avant-garde]. *Russkiy zhurnal*. [Online] Available from: <http://www.russ.ru/pole/Dialektika-avangarda>. (Accessed: 03.08.2021).
5. Gerasimova, A.G. (1995) *Kharms kak sochinitel' (problema "chuda")* [Kharms as a writer (the problem of "miracle")]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 16. pp. 129–139.
6. Obukhov, E.Ya. (2015) *Khudozhestvennyy mir prozy Daniila Kharmsa* [The Artistic World of Daniil Kharms' Prose]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Heinonen, J. (2003) *"Eto" i "To" v povesti "Starukha" Daniila Kharmsa* ["This" and "That" in the story "The Old Woman" by Daniil Kharms]. Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures.
8. Tokarev, D.V. (2002) *Kurs na khudshee: Absurd kak kategoriya teksta u Daniila Kharmsa i Semyuelya Bekketa* [Heading for the Worst: Absurdity as a category of text by Daniil Kharms and Samuel Beckett]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Tokarev, D.V. (2006) *Filosofskie i esteticheskie osnovy poetiki Daniila Kharmsa* [Philosophical and aesthetic foundations of the poetics of Daniil Kharms]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
10. Eliade, M. (2002) *Istoriya very i religioznykh idey* [History of Faith and Religious Ideas]. Translated from French. Vol. 2. Moscow: Kriterion.
11. Domanskiy, Yu.V. (2001) *Smysloobrazuyushchaya rol' arkhетipicheskikh znacheniy v literaturnom tekste* [The Meaning-Forming Role of Archetypal Meanings in a Literary Text]. Tver: Tver State University.
12. Chipizubova, M.I. (2004) *Diskursivnye priemy teatra avangarda kak raznovidnost' kommunikativnogo semiozisa* [Discursive techniques of the avant-garde theater as a kind of communicative semiosis]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnodar.
13. Ivanov, A.G. (2020) Time mythologization: theoretical foundations and contemporary specifics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 80–87. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/459/9
14. Kharms, D.I. (2011) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Saint Petersburg: Azbuka; Azubka-Attikus.
15. Shevchenko, E.S. (2015) «Peterburgskiy tekst» D. Kharmsa (na materiale p'esy «Komediya goroda Peterburga») [“Petersburg text” of D. Kharms (based on the play “Comedy of the city of Petersburg”)]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 1. pp. 124–127.
16. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB.
17. Kukarskaya, O.V. (2015) *Sootnoshenie mifa i metafory v tekste Daniila Kharmsa* [Correlation of myth and metaphor in the text of Daniil Kharms]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (1). pp. 108–115.
18. Jaccard, J.-P. (1995) *Daniil Kharms i konets russkogo avangarda* [Daniil Kharms and the End of the Russian Avant-Garde]. Translated from French by F.A. Perovskaya. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.
19. Gerasimova, A.G. (2016) О «Елизавете Бам» Даниила Хармса [On Elizaveta Bam by Daniil Kharms]. *Livejournal*. [Online] Available from: <https://ru-umka.livejournal.com/1338768.html>.
20. Pushkin, A.S. (1957) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: USSR AS.
21. Pankov, A.A. (2004) Daniil Kharms i russkaya smekhovaya traditsiya [Daniil Kharms and Russian laughter tradition]. *Daniil Kharms*. [Online] Available from: <http://www.d-harms.ru/library/daniil-harms-i-russkaya-smehovaya-traditsiya.html>.

Информация об авторе:

Корнеев А.В. – аспирант филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: alexxlea2013@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Korneev, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexxlea2013@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2021;
одобрена после рецензирования 11.01.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 18.05.2021;
approved after reviewing 11.01.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 81'37 + 81'27
doi: 10.17223/15617793/489/3

Проблема понятности юридических документов в контексте профессиональной идентичности

Екатерина Алексеевна Руднева^{1, 2}, Екатерина Владимировна Трощенко³

^{1, 3} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

^{1, 2} katja1985mt@yandex.ru

³ e.troschenkova@spbu.ru

Аннотация. Рассматривается влияние аспектов профессиональной идентичности юристов на проблему понятности юридических текстов. Материал исследования – интервью с практикующими юристами, где они вступают в заочный спор с теми, кто упрекает их в сложности языка. Речевой материал анализируется с целью выяснить, как юристы говорят о своей работе и отношениях с клиентами, какие ключевые слова и метафоры определяют эти отношения и как через них можно описать стереотипы, влияющие на создание текстов.

Ключевые слова: официальный русский язык, понятность, профессиональная идентичность, юридический документ, юрист, стереотипы

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

Для цитирования: Руднева Е.А., Трощенко Е.В. Проблема понятности юридических документов в контексте профессиональной идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 25–35. doi: 10.17223/15617793/489/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/3

Problems of understanding legal documents in the context of professional identity

Ekaterina A. Rudneva^{1, 2}, Ekaterina V. Troshchenkova³

^{1, 3} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

^{1, 2} katja1985mt@yandex.ru

³ e.troschenkova@spbu.ru

Abstract. Lawyers are often blamed for making legal texts too complex and challenging to understand for a non-professional reader. The study aims to look at this problem from the perspective of lawyers through considering the relevant aspects of their professional identity, *lawyer vs client* role relations, expectations of communities. The material is audio or video recordings of semi-structured interviews with nine practising lawyers. The recordings are analysed to find out repeating patterns in the way lawyers speak about their work and relations with clients, which key words and metaphors define these relations and how through these one can describe important stereotypes influencing their text production. Thus, the article analyses ideas of lawyers about themselves in the professional role, about those with whom they interact in this role (clients and colleagues), as well as metarepresentational stereotypes: how lawyers think others perceive their professional activities. The interviewees seem to be taking part in a dispute with those who accuse them of creating too complex texts, referring to existing stereotypes and power relations. The article particularly focuses on the aspects of identity relevant to the problem of complexity and difficulty in reading official legal texts. The analysis reveals that expectations about the lawyer's work, including how s/he should write legal texts coming from other lawyers and ordinary users, often contradict each other. Moreover, even non-lawyer clients may have different expectations. All of these expectations are not always possible to align smoothly. On the one hand, when designing a document, a lawyer focuses on his/her professional community standards of document creation and responsibility to the client, whose interests are at stake, so all details must be taken into account. In addition, there is pressure coming from stereotypes that a short, "unfinished" document can be a sign of work of poor quality. On the other hand, a number of clients and other actors in the socio-political space want to see a simpler language. At the same time, other clients, in case of difficulties, turn to the lawyer for help, emphatically not wanting to delve into texts themselves. Despite the willingness to cooperate with the client, the relation with him/her is mostly seen as hierarchical, where the lawyer takes on the task

of coping with a complex text and, if necessary, “translating” it for the client into a simpler language through interpretations and explanations. Understandability of the text for a non-specialist is seen as a desirable, but secondary feature. Thus, the problem of understanding documents, apart from aspects of language and perception, roots in role expectations and complex social relations between various participants, as well their different goals.

Keywords: official Russian language, understandability, professional identity, legal document, lawyer, stereotypes

Financial support: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project number 19-18-00525.

For citation: Rudneva, E.A. & Troshchenkova, E.V. (2023) Problems of understanding legal documents in the context of professional identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 25–35. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/3

Введение

Часто можно услышать разговоры о том, как сложно сформулированы документы, и обнаружить их переводы на «простой» язык (см., напр., [1]). Как показывают исследования, язык по крайней мере некоторых юридических документов, а именно законов, постоянно усложняется [2]. Однако восприятие и понимание таких текстов, как и любых других, зависит от опыта и знаний читателя и оказывается связанным с его социальными характеристиками – возрастом, уровнем образования и другими факторами, что подтверждается результатами опроса [3]. Такие исследования на восприятие подкрепляют разграничение понятий «объективной сложности» (complexity) текста и «субъективной трудности» (difficulty), см., напр., [4]. Но поскольку коммуникация предполагает как минимум двух взаимодействующих субъектов, нужно принимать во внимание и фактор отправителя информации. В этом смысле трудность зависит от отношений сторон в коммуникации и их взаимных ожиданий. Причем учитывать стоит не только тех, кто непосредственно вовлечен во взаимодействие, но и фактор всего сообщества, так как эти ожидания, проявляясь в деятельности конкретного человека, отражают сложившиеся стереотипы. В связи с этим мы решили обратиться к тем, кто составляет документы и работает с ними.

Материалом для настоящего исследования стали интервью с практикующими юристами. Это дало возможность включить в дискуссию о трудности и сложности документов их мнения, суждения и выведенные из них стереотипные представления, которые в конечном счете оказывают влияние на создаваемые тексты.

В статье предлагается взглянуть на проблему (не)понятности официального языка в связи с профессиональной идентичностью юристов. Сложность рассматривается в отношении широкого контекста социальных отношений и культурных ожиданий относительно того, как должно протекать коммуникативное взаимодействие в определенной области.

Юридический документ в коммуникативном аспекте

Результат любого коммуникативного взаимодействия, его успешность / частичная успешность / неуспешность, то, насколько тяжело или легко адресату,

зависит не только от его поведения, но и от поведения отправителя информации, в частности его способностей адекватно оценивать возможности адресата, вставать на его позицию. Это заставляет исследователей обращать внимание на *перспективизацию* (perspective taking) – когнитивную способность рассматривать мир с позиций другого субъекта и эмпатию – способность устанавливать эмоциональные контакты с другим индивидом [5].

Подстройка коммуникативного поведения под разных адресатов, с которыми производится взаимодействие, описывается в терминах социологической и нейрофизиологической модели «recipient design» [6]. При этом дизайн сообщения зависит от того, какая модель адресата складывается в голове говорящего, как он определяет себя относительно Другого, какие средства коммуникации, как ему кажется, могут оказаться наиболее эффективными в сложившихся обстоятельствах. И это справедливо не только для устной коммуникации лицом к лицу, но и для письменной, как в случае с созданием и использованием официальных юридических документов.

Таким образом, проблема понимания юридического текста оказывается связанной с проблемой профессиональной идентичности юриста, с ролевыми отношениями юрист – клиент и теми ожиданиями относительно друг друга, которые взаимодействующие стороны привносят в коммуникацию. Эти представления, как видно из довольно откровенных и весьма эмоциональных признаний в изданиях типа [7. С. 3], не ускользают и от внимания профессионального сообщества: «Мы, юристы, не пишем простым английским языком. Мы используем восемь слов, чтобы сказать то, что можно сказать двумя. Мы используем умные фразы для выражения банальных идей. Стремясь быть точными, мы становимся избыточными. Стремясь быть осторожными, мы становимся многословными. Наши предложения накручиваются одно на другое, фраза за фразой, пункт за пунктом, придаточное за придаточным, так что у наших читателей глаза слепнут, а разум цепенеет. В результате наш стиль <...> обладает четырьмя характерными особенностями. Он “(1) многословен, (2) непонятен, (3) напыщен и (4) скучен”. Критика того, как пишут юристы, не нова. Еще в 1596 году <...>». Видно, что качества юридических документов, включая чисто лингвистические их характеристики, осознаются как часть той призмы, сквозь которую общество смотрит на юриста и оценивает его работу.

Профессиональная идентичность юристов

Социальная идентичность – а в нашем случае речь идет о профессиональной идентичности юриста – будучи знанием индивида о том, что он принадлежит к некой социальной группе, связана с процессами взаимодействия внутри и между различными группами и социальной категоризацией [8–13]. Эта принадлежность к группам имеет эмоциональное и ценностное значение и определяет его место в социальной системе. Идентичность представляет собой результат формирования «Я» в процессе культурного взаимодействия субъекта с другими людьми, где он соотносит себя с теми или иными группами, устанавливая свою принадлежность к одним группам (Свои) и одновременно дистанцируясь от других (Чужие). Этот процесс динамичен, и, следовательно, идентичность образуется в непрерывной самоидентификации субъекта, для которого важно не только то, как он сам видит себя, но и то, каким его видят Другие [14]. В [15] подробно обсуждаются функции стереотипов, которые связаны с процессами самоидентификации группы относительно Других. Эти функции можно условно разделить на: а) процессы формирования групповой идентичности и «Я» как члена группы; б) дальнейшие процессы сохранения этой групповой идентичности и стабильности личности. В частности, необходимо обратить внимание на то, что стереотипы могут выступать гарантией самоуважения и способом защиты позиции в обществе. Стереотипы помогают формировать и поддерживать идеологию группы, объясняя или оправдывая целый ряд различных социальных действий, а также позволяют сохранять или создавать позитивно нагруженные различия между собственной и другими социальными группами [11. С. 143, 146].

В статье мы исходим из того, что идентичность – это социокультурное знание, имеющееся у субъекта (индивида/группы) о том, что субъект выполняет определенную роль и в социуме имеются некоторые ожидания относительно исполнения им этой роли. Роль при этом трактуется расширенно: и как сама позиция индивида в социальной структуре, и как его поведение, обусловленное занимаемой позицией. Это позволяет учесть справедливые замечания И. Гоффмана [16] о том, что принятие социальной роли превращает индивида (биологическую особь) в личность, т.е., по сути, происходит приписывание индивиду определенной статус-функции. При этом статус – это не статичная вещь, а скорее схема поведения, соответствующего занимаемой позиции, нечто, требующее динамической реализации. При этом требования, предъявляемые сообществом к исполнителю роли (как один из аспектов роли), мы называем ролевыми ожиданиями, отмечая, что по крайней мере часть таких ролевых ожиданий носит характер стереотипов [17. С. 253–255].

Разумеется, не все ролевые ожидания, предъявляемые к юристам, стереотипны, часть любых профессиональных ожиданий можно найти в должностных инструкциях и договорах о принятии на работу. Однако, поскольку речь идет о требованиях писать тексты

определенным образом, можно заметить, что по крайней мере часть этих требований не строго кодифицирована, не институционализована, а представляет собой лишь своего рода «пожелания» от широкой общественности относительно того, какой бы она хотела в идеале видеть работу юриста и какой она ее видит в реальности, а также аналогичные внутригрупповые представления. Опираясь на имеющиеся в социальной психологии многочисленные определения стереотипа [18–24], в статье мы под стереотипами понимаем устойчивые, плохо поддающиеся изменению, стандартные, упрощенные, эмоционально нагруженные представления о социальной группе, включающие ее отчетливую оценку и определяющие шаблоны действий по отношению к ней, причем это представление должно разделяться значительной частью сообщества [17. С. 263].

Для нашей проблематики при изучении стереотипов, влияющих на работу юриста, важно рассматривать: 1) автостереотипы (представления юристов о самих себе в данной профессиональной роли); 2) гетеростереотипы (представления юристов о тех, с кем они взаимодействуют в этой роли: как о клиентах, так и других представителях юридического сообщества). В рамках представлений о значимых Других особый интерес представляют метарепрезентационные стереотипы: то, как по мнению юристов, они сами и их профессиональная деятельность выглядят с точки зрения этих Других. Речь идет о представлениях, которые Д. Спербер определяет как репрезентации второго порядка [25, 26], иными словами, метарепрезентация – это репрезентация репрезентации, опирающаяся на способность в своем сознании представить (верно или ошибочно) ментальные репрезентации других участников взаимодействия [27. С. 269; 28. С. 411] в духе «я думаю, что они думают, что я X».

Движения за простой язык (типа Plain English)¹, которые отражают часть стереотипов о работе юристов, имеют в своей основе языковую идеологию, которая, вслед за Сильверстином, понимается как «любые наборы представлений о языке, сформулированные пользователями в качестве рационализации или обоснования воспринимаемых языковых структур и пользования языком» [30. С. 193]. Опираясь на свой материал (корпус и процессуальные записи), Зоди вступает в спор с идеологией движений за простой язык [29]. Основываясь на корпусных данных, автор приходит к выводу, что возникающие трудности нельзя объяснить только усложненной грамматикой и лексикой. На это указывают и другие исследователи, изучающие юридический язык (напр., [31]). Упомянутые авторы высказывают мнение, что сложной является организация общества и взаимоотношения, которые регулируются юридическими документами, а юридический язык является средством приложения власти и решения конфликтных ситуаций. Язык вообще традиционно рассматривается как инструмент реализации власти [32], нечто, способствующее установлению и поддержанию авторитета, легитимации и делегитимации явлений действительности, а также формированию общественного консенсуса [33], язык же юридический нацелен на это в первую очередь.

Интересно узнать, в какой степени эти социальные влияния на языковую сторону их работы осознаются юристами, и в чем еще они видят истоки проблем непонимания (непонятности документов). Таким образом, исследование ставит целью рассмотреть проблему непонятности официального языка с другого ракурса и представляет ее скорее как социально обусловленную, чем чисто лингвистическую.

Материал исследования

Материалом исследования стали аудио- или видеозаписи полуструктурированных интервью с 9 юристами. Интервью проводились в личной форме или онлайн и длились от 30 минут до 2 часов. Участники дали согласие на осуществление записи и были проинформированы о целях исследования следующим образом: «Коллектив исследователей (лингвистов и юристов) СПбГУ приглашает вас принять участие в обсуждении. Мы изучаем проблемы понимания юридических документов людьми без специального юридического образования. Хотелось бы услышать про ваш опыт: возникают ли трудности при общении с клиентами из-за того, что они не понимают юридические документы и как вы с этим справляетесь. Будет интересно, если вы можете рассказать про конкретные дела (естественно, не указывая данные участников), связанные с непониманием документов». Эта информация отправлялась участникам заранее, а кроме того, по их просьбе им рассылался и предварительный список вопросов.

Часть вопросов касалась представлений о своей профессии и взаимоотношениях между юристами и клиентами, в том числе задавались вопросы, связанные с (не)пониманием документов, напр.: *Должен ли юрист объяснить текст и почему? Что клиенты ожидают, когда обращаются к юристам. Вообще, необходимо ли объяснять тексты или лучше просто говорить клиентам, что делать? У кого возникают сложности с пониманием документов?* В ходе интервью мы пытались затронуть темы, касающиеся роли и идентичности в паре юрист–клиент, так как именно взаимодействие между ними связано с проблемами непонятности официального языка. При этом мы старались в первую очередь дать участникам выговориться и в этом смысле поддерживали вариации развития темы.

Анализ стереотипных представлений на материале интервью

Основная проблема заключается в том, что ожидания к юристу исходят из разных источников. В рамках одного статуса «юрист» человек вынужден по-разному исполнять роли по отношению к коллегам-юристам и клиентам разных типов. Это усугубляется тем, что метарепрезентационные представления юристов, с ориентацией на которые они могут выстраивать свою деятельность, могут не совпадать с реальными представлениями о юристах у клиентов. В принципе, нет

надежных гарантий, что вы представили предъявляемые к себе ожидания правильно. Хотя, разумеется, интервьюируемые за годы работы юристами находились в петле обратной связи от окружающих [34–37] относительно собственного поведения в этой роли, а потому у них была возможность установить и проверить соответствие между внутренним стандартом и оценкой себя другими и при необходимости соответствующим образом скорректировать свое поведение в данной роли.

Сначала рассмотрим на примере фрагментов интервью то, как юристам видятся представления непрофессионалов о них. Все участники интервью так или иначе обращаются к претензиям касательно того, что **юристы пишут сложно**: «...то, что юристы сами производят, это отдельная так сказать, наверное, **зона... обеспокоенности**... э, в принципе, юристов все время, мы регулярно слышим обвинения в свой адрес, даже от клиентов, которые нас так сказать любят, потому что мы слишком сложно, пишем» (Р., сотрудник юридической фирмы). Участники интервью вступают в воображаемый спор с этими представлениями, предлагая аргументы в свою защиту: «...мы набираем такую команду высокопрофессиональных² юристов, и, конечно, мы все очень тщательно как бы выписываем³, мы очень тщательно все, так сказать, там это в документации, все это оговариваем, потому что, ну, много знаем, о том как бывает, да, и пытаемся на каждый случай как бы, это на всякий случай, как бы оговорить, установить и так далее. Что, вообще-то, для рынка, по крайней мере, российского, как бы не типично. <...> даже обыватель, не говоря уже о бизнесменах, на практике оказывается, что все как бы “ну, там, что вы, юристы, там все время ковыряетесь, что вы там, так сказать, что там, одна страница договора, мы просто договорились что мы там купим здание, например, торгового центра, за, не знаю там, за сто рублей, ну что там писать как бы”». Я думаю, что даже, если подумать, то даже обывателю, наверное, торговый центр, договор купли-продажи торгового центра на одной странице это мало-вато, недостаточно подробно, потому что все-таки это имущество огромной цены, да, с которым могут возникнуть много всяких проблем, споров и так далее, которые хотелось как-то бы там зафиксировать, отразить, а и поэтому это вот как скажем так первая область, когда кажется, что юристы слишком, м, там, либо слишком дотошные, либо пишут слишком много ненужного либо, так сказать, условно гря, нас еще, условно говоря, обвиняют в том, что мы там типа де:ньги отработываем».

Респондент Р. сам начинает говорить о том, что клиенты обвиняют юристов в том, что они пишут слишком сложно и что они слишком «дотошные». Вступая в заочный спор, Р. просодически выделяет реплики другой стороны в воображаемом диалоге: «...ну, там, что вы, юристы, там все время ковыряетесь, что вы там, так сказать, что там, одна страница договора, мы просто договорились что мы там купим здание, напр., торгового центра, за, не знаю там, за сто рублей, ну что там писать как бы»? В ответ он возражает, что в случае крупной сделки может возникнуть

«много проблем», и это нужно «зафиксировать, отразить». Тщательное прописывание деталей является одной из задач юридического документа, а знание о потенциальных проблемных моментах входит в важные профессиональные компетенции: «...мы все очень тщательно как бы выписываем, мы очень тщательно все так скать там это в документации все это оговариваем, потому что, ну, много знаем, о том как бывает, да, и пытаемся на каждый случай как бы, это на всякий случай как бы оговорить, установить и так далее». Кроме того, приходится иметь дело еще и с «недоверием» к документам: «...с недоверием относится в принципе к каким-то вот доку-документам, да, представления есть о том, что если мы с тобой договорились, так, зачем нам с тобой еще писать, ну давай там цену, условно гря».

Стоит обратить внимание на то, что желание говорящего оправдать себя сплетается с явно выраженной стратегией положительной самопрезентации: характеристика «высоко профессиональный» по отношению к своей команде; лексический повтор «тщательно»; импликация заботы об интересах клиента, готового поступить опростительно в ситуации, когда его финансовые потери могут оказаться весьма существенными («все-таки это имущество огромной цены, да, с которым могут возникнуть много всяких проблем, споров и так далее, которые хотелось как-то бы там зафиксировать, отразить»). Таким образом, отталкиваясь от представлений клиентов и их недооценки важности детальной проработки условий заключаемых сделок, респондент также, косвенным образом, озвучивает и свои представления о профессиональной миссии.

Следующая претензия, с которой спорит Р., это то, что **юристы специально пишут многословно**, чтобы заработать больше денег:

«...и вот, вот там типа деньги отработываете, как будто нам платят за букву, как Достоевскому в свое время, за, значит там, условно гря, якобы, за, поэтому у него такие обширные романы были, ему платили за страницу <...> Но, в действительности, э, ситуация-то как бы, на самом деле, ну, противоположная, ситуация состоит в том, что только немногие профессионалы на рынке действительно, э, должный уровень детализации проработки договоров, э, осуществляют, ну документации в принципе всей, осуществляют. То, что мы видим, как правило, на рынке, это все какие-то, ну, вот, м, очень лапидарные, очень не детальные, очень лишены необходимых деталей тексты, которые оставляют большие пробелы, в связи с которыми потом возникает большое количество споров».

В приведенном фрагменте, помимо представлений клиентов, говорится об ожиданиях со стороны профессионального сообщества. Подчеркивается противоречие между тем, что обычный клиент оценивает отрицательно, как излишнее многословие в погоне за заработком, и тем, что другие юристы рассматривают в положительном ключе – как проявление профессионализма, причем относительно редкое, а потому еще более ценное: «**немногие профессионалы на рынке**», «**должный уровень детализации проработки договоров... осуществляют**». Здесь респондент высказывает мнение о

том, что слишком короткий договор «лишенный необходимых деталей», т.е. в каком-то смысле простой по своей структуре – признак непрофессиональной работы. Оставленные «пробелы» приводят к возникновению споров. Именно предотвращение таких споров является задачей и ценностью для данной профессиональной области. Отметим, что в разных интервью присутствует так или иначе, эксплицитно или имплицитно, противопоставление плохих и хороших юристов: «Мне понятно, если писал юридически грамотный чел. Иногда пишет тот, кто сам не хорошо разбирается, то есть тебе надо понимать, как надо понимать, со скидкой на то, что писал человек, который не очень понимал, что писал» (М., сотрудник юридической фирмы).

При этом зачастую клиенты приходят с убеждением, что **юрист решит проблемы, скажет, что делать**, и в этом смысле им не так важны тексты, которые он подготовит, в том числе их понятность, как решение проблемы: «Ну, на бытовом уровне, они ждут от меня конкретных рекомендаций. Да, то есть некоторые начинают разглагольствовать о том, как написано в законе, о том, что может быть вот так, а может быть, вот так, а как правило, люди, они ждут, чтобы им сказали первое-второе-третье, сделать нужно вот так-вот так-вот так, вот такие-то документы» (Р.). Иногда люди считают, что «юрист там вообще может там спасти ии от всех зол» (Д.) и при этом имеют «преувеличенное представление обывателя об эрудированности юриста»: «иной раз, людям кажется, что действительно юристы знают, вот все статьи могут воспроизвести по памяти» (Р.).

В анализируемых фрагментах повторяются следующие идеи: преувеличенные требования, часто предъявляемые к юристу клиентом («спасти от всех зол»), то, что клиент сам зачастую моделирует отношения юрист–клиент как иерархические властные отношения, где юристу приписываются качества всезнания, умения легко разбираться в сложной сфере, в которой клиент не только не способен разобраться, но и не хочет. Фигура юриста, таким образом, концептуализируется клиентом как фигура, обладающая исключительным авторитетом и возможностями. Любопытно, что, с одной стороны, такое видение интервьюируемыми эксплицитно маркируется как далекое от реальности («людям кажется»), а адекватные отношения юрист–клиент представляются как сотрудничество (как в примере ниже, «совместная работа»). Однако, с другой стороны, как мы уже отмечали выше, патерналистский тон рассуждений, тем не менее, время от времени проявляется в интервью в контексте положительной презентации своей профессии и миссии помощи другим.

Интересно также, что, размышляя над типами клиентами С., работающий в юридической фирме, отмечает, что «неприятные» клиенты, которые ему встречались, это другие юристы:

«Эти люди, они как правило, их можно назвать (усмехается) интеллигентными. Но, несмотря на это, они не могут, к тебе как к своему консультанту все равно относиться <...> настолько требовательно, да, что создается впечатление, что ты не помогаешь этому человеку, а пытаешься обосновать свою точку зрения,

которую он пытается оспорить <...> юрист может быть и приятным клиентом и неприятным (усмехается), вот, а мне, скажем так, мне не встречались, которые сами не являются юристами но при этом, скажем так, недоброжелательно относятся к своему же консультанту. То есть это либо собственник бизнеса, либо это финансовый директор, да, который по-своему смотрит на те проекты, с которыми они к нам приходят, да, он смотрит на это с точки зрения финансов, бизнеса, мы консультируем, как закрыть все возможные юр риски, да, и происходит конструктивное общение. Вот, как бы совместная работа. А с юристами бывает посложней (смешок, вздох)».

Видно, что конструктивное взаимодействие с клиентом видится как такое, где авторитет юриста не ставится под сомнение, где клиент может вносить полезные смыслы, опираясь на компетентность в своей области, но не оспаривает при этом того факта, что юрист лучше понимает в сложностях своей сферы и предоставляет разбираться с ними именно юристу. При этом такое взаимодействие описывается именно как «совместная работа». Клиент же с юридическим образованием потенциально воспринимается как тот, кто может пытаться взломать установленные рамки взаимоотношений, изменить баланс властных отношений: «с юристами бывает посложней», и это совершенное новое понимание сложности там, где юридическое образование должно было бы облегчать клиенту понимание юридических текстов, а потому, казалось бы, и взаимодействие в паре специалист-клиент.

Представления о том, что трудности понимания могут быть связаны с личностными установками и настроенностью на конструктивность/неконструктивность в общении с юристом, переплетаются с идеей о роли общей интеллектуальной развитости клиента. Приведем обширную цитату из интервью с Д., который занимается помощью людям в психиатрических больницах. Он, во-первых, говорит об индивидуальной вариативности в понимании документов, а во-вторых, об ожиданиях и представлениях о своей профессии: «...это зависит от человека, есть люди, которые прекрасно понимают, даже сложные юридические документы, но это, наверное, зависит просто от общего, там, я не знаю, уровня интеллекта и от готовности вообще. Есть люди, которые не понимают или не хотят понимать, возможно, у меня создается впечатление, то есть они тут же как бы все это (нрз.) просят, чтобы юрист по этому поводу что-то прокомментировал. <...> Это является, конечно, безусловно требованием к работе, да, юриста, к совместной работе с клиентом, ну, то, что безусловно мы является помощниками, да, советниками, но в то же время предполагается, естественно, что без такого доверия к совету, клиент, естественно имеет право сомневаться там, проверять и так далее, есть, но в этом должна быть разумность. К сожалению, иногда этой разумности не имеется, но это ничего не уникального, вот здесь вот я просто хотел сказать, что люди с психическими расстройствами, с которыми я работаю, очень много работаю, там уже практически

20 лет, они ничем не отличаются от обычных клиентов в этом отношении (мотая головой). Точно так же, как бы способны там разумно (со смешком) воспринимать и способны быть, там я не знаю назойливыми, способны быть не понимающими и так далее (мотает головой). Абсолютно здесь никакой вообще. <...> Я прекрасно понимаю как юрист, если я общаюсь с интеллектуальными серьезными нарушениями, естественно, я ему буду разъяснять на простом каком-то уровне, может быть, опуская второстепенные неважные вещи и иногда, конечно, ну просто, конечно в силу собственной порядочности, конечно, но иногда просто, ну, просто говорят человеку, что вот где-то нужно подписать, просто потому что это нужно, потому что нет возможности там потратить весь день на разъяснение каких-то вещей, но конечно это не всегда может опять же (нрз.) правильно, но это вопрос доверия и именно такой профессиональной ответственности».

В приведенном фрагменте респондент через повтор слова «доверие» подчеркивает важность фактора именно личностных отношений в паре юрист-клиент как для продуктивности работы в целом, так и для понимания текстов. Кроме того, здесь Д. говорит о таких ценностях профессиональной идентичности, как порядочность и ответственность, и описывает роль юриста как «помощника» и «советника».

Перейдем к другим **автостереотипам** – устойчивым представлениям юристов о своей профессии. Н. (сотрудница госуслуг, с опытом работы в юридических фирмах) делится своими размышлениями над тем, зачем нужен юрист, если есть интернет, приходит к выводу, что юрист должен **«грамотно формулировать**, в чем нарушены права, собственно говоря», «озвучить это так, чтобы я понял и соответственно принял», «максимально, так сказать, разжевать клиенту, что почему и как».

Одна из метафор, которая была представлена в нескольких интервью, это **«юрист как переводчик»**, который переводит в обе стороны с юридического на «обывательский» и обратно: «А когда в обывательской речи какой-то, но тут у меня даже бывает, вот по нашему дому, мы с этой компанией которая-то нам строит, мы с ними все бодаемся, и в этом году у нас перешло, я им стала – чтобы не собирать всякие переписки в ватсап везде – стала писать по электронной почте письма. И вот я работаю переводчиком: мне мама там скажет свою мысль так а-ах (размахивая руками), а я это все перепишу, мама потом прочитает и говорит: ох, как хорошо все изложено: строго, официально и по существу»; «ну потому что у меня мама лирическая натура, она начинает, как я это называю, лирические отступления, много делать, переходя на личности какие-то, “ох, я страдаю! как вы можете так поступать?” вот “бла-бла-бла” – это выглядит, конечно, я понимаю, что считают в организации, это выглядит немного как такое истерическое, с истерическим характером, поэтому это все пишешь чтобы это было достаточно нейтрально, но доходчиво» (Л., жен., корпоративный юрист).

О переводе с юридического на простой язык говорит Ж., (жен., корпоративный юрист): «...бывают вот такие вот ситуации, когда на бытовом уровне это, ну, по-другому называется. Я, честно говоря, когда с клиентами общаюсь, тоже иногда заменяю (эти) юридические термины, я сейчас навскидку не скажу. Но именно, как я говорю, перевожу на бытовой язык <...> нормальная практика и все практикующие юристы это делают».

Это метафорическое видение своей деятельности как внутреннего перевода со специализированного «юридического» на «общечеловеческий» язык акцентирует внимание на посреднической функции юриста и снижает градус актуальности проблемы сложности юридических текстов для клиента. Выражая готовность «разжевать», «переписать», «перевести на бытовой язык» одновременно с уже отмечавшейся выше патерналистской позицией и эмфазой на ценностях порядочности и ответственности, юрист как бы призывает оставить профессионалу работу со сложным текстом, отвечающим внутренним требованиям профессионального сообщества вместо того, чтобы упрощать его под интерпретативные возможности среднестатистического клиента. Возможно, именно поэтому еще одно сравнение, возникающее в интервью, это **аналогия с врачами**. Двое участников интервью сравнили специализацию юриста со специализацией врача: «Во-первых, все считают, юрист, если юрист, то он знает все и к нему можно обратиться по любому вопросу, это, кстати, зачастую да, бывает. Я, например, вообще юрист в компании, да, и занимаюсь международной. Ну считают, что ко мне можно обратиться по ДТП, по ЖКХ, по всему и, типа, я должна знать ответ, ни фига. Это по аналогии с врачами, есть врач-хирург, да, а есть врач-стоматолог, а есть который этих, животных, ветеринар, ты же не придешь к ветеринару лечить зубы, вот это такое заблуждение, что если юрист, то все знает».

Об этом же говорит и С. (работающий в юридической фирме): «Примерно, как в медицине. Да, есть специализации и невозможно юристу разбираться во всех областях права».

Здесь, с одной стороны, мы снова видим отрицание завышенных клиентских ожиданий к всезнанию юриста, но, с другой – имплицитно присутствует послыс предоставить профессионалу решать проблему, для чего ему хватает подготовки, вместо того чтобы ожидать упрощения элементов сферы деятельности с целью сделать их более доступными осмыслению непрофессионалом.

Причины сложности документов глазами профессионала

Респонденты отмечают, что ожидания от работы юриста прежде всего включают **защиту интересов**: «...ну, в первую очередь, конечно, ожидают что мы максимально защитим, ну в широком смысле, их интересы. То есть я, например, я не работаю с судебными делами, я в основном работаю с договорами. <...> И под защитой интересов я подразумеваю сбалансированность договора, сбалансированность договора, который клиент заключает, с точки зрения интересов

обеих сторон. То есть, как, вот я опять начинаю, да, объяснять (со смешком)» (С.).

Договор прежде всего должен защитить интересы клиентов, а уже потом – быть понятным. Составляя документ, юрист составляет его для другого юриста, а не для непрофессионала, юриста больше заботит то, чтобы документ содержал необходимые пункты, чем простота языка. Приведем в пример рассуждения Р. по поводу договора с банком: «...сейчас, с какого-то момента, законодатель стал как-то, ну вообще наше государство стало как-то пытаться обеспечить, чтобы это не использовалось не добросовестно, да. Понятно, что всегда банку нужно, и страховой компании нужно много всего оговорить и согласие получить, да, от потребителя, да но все-таки, базово потребитель у нас имеет определенные приоритеты в отношениях с профессионалами рынка, да, когда он может сказать, что «да я, вот, не понял или меня ввели в заблуждение или не понял, что имелось в виду». <...> Например, мы приходим там в платную какую-то поликлинику, зубы лечить, нас тоже просят очень подробно расписать-подписать документ, но это связано с тем, что вот эта специфика отношений, она определяет большой объем регулирования норм, опять-таки, вот я грю, с точки зрения потребителя, здесь вот все-таки законодатель старается быть на его стороне и делать так, чтобы его не обманывали, вот этими всеми, значит, способами, недобросовестными».

По мнению респондента, текст договора с банком или с зубной клиникой составляется не с целью защитить потребителя (который и так защищен), а для других юристов. Более того, в некоторых случаях, простота языка оказывается недостижима вследствие сложности социальных отношений и содержания, которое оформляет язык: «...то есть договор, он может в себя включать... очень много прав и обязанностей, да, помимо как бы основных, скажем тех, которые в названии договора содержатся. Есть договор купли-продажи, у одной стороны обязанность передать вещь, у другой – заплатить деньги, но вот в договоре купли-продажи бизнеса есть еще, я не знаю, сотня разных обязательств (смешок). Ии их приходится а... зачастую объяснять <...> просто потому что, хотя бы в договорах зачастую используется очень сложный язык, с точки зрения даже там, сложносочиненные предложения, я не филолог, я уже плохо помню, как пра-, как правильно (со смешком) что называется, но по-моему, сложносочиненные, да, длинные, предложения, с разными оговорками, и с ходу нам иногда прочитать сложно, да, понять правильно, ну а клиентам, которые не являются юристами, и подавно».

На вопрос, «почему попроще-то не написать», С. возражает, что «**попроще просто не описать**», «потому что сложные вопросы». Он поясняет: «на самом деле, вот эти формулировки, вот в таких сложных договорах, которыми мы пользуемся, они уже, ну, как бы накоплены нашими коллегами с опытом, да, то есть мы их, по сути, не изобретаем, мы их адаптируем под конкретный проект. Вот, но, там, если нам нужно, например, договор, но опять, я все возвращаюсь к

купле-продаже бизнеса, да, договор этот обычно занимает от 30 до 100 страниц, мы их никогда не пишем с нуля, мы берем шаблон, скажем так, который утвержден у нас в фирме, и начинаем просто его адаптировать. Вот. Ии такие шаблоны у разных фирм очень похожи друг на друга».

Здесь также важно, что С. делит документы на сложные и несложные по сути, и в первых, с его точки зрения, не избежать языковой сложности. Об этом же говорит Р.: «...вот то, с чем мы фактически (сталкиваемся), это могут быть гораздо сложнее, да, концепции и понятия, которые, ну вот их потом, если они не названы в договоре так, как они называются в законодательстве, потом не понятно, что здесь вообще имелось в виду, вот что, следует за это, в связи с наступлением этого обстоятельства, связывать то что установлено в законе или не, или это про что-то другое ситуация, вот. И вот таких неточностей, су- опять-таки сугубо, ну вот, поко- произрастающих из неточных терминологических, вот, какие-то вот конструкций, их очень, вот это, наверное, одна из ключевых проблем. <...> и далее, вот про то что вы говорите “понятно”. мы стараемся делать так, чтобы было максимально понятно, пускай может быть многословно, да, но, по крайней мере, понятно, с точки зрения того, что если вот разложить, то это все, падежи совпадут, условно говоря, мы стараемся тоже максимально коротко это делать, да ну, то есть, хорошо, это может быть абзац там из нескольких предложений или это может, там, много пунктов, но, по крайней мере, но при этом каждый из них, ну вот, более или менее понятен. И это востребовано, в том смысле что, по крайней мере, наши клиенты редко жалуются на то, что мы производим непонятные тексты, и не понимают, что, что мы написали».

Таким образом, от юриста ожидается, с одной стороны, безупречное следование принятым нормам, которые требуют цитирования других документов и фиксации на бумаге сложных социальных отношений, а кроме того, – соответствовать ожиданиям коллег. С другой стороны, публичный дискурс транслирует идеологию о простом языке и юрист вынужден так или иначе ее учитывать. Эти противоречивые требования осознаются респондентами.

По мнению В., практикующего юриста и преподавателя права, цель юридического документа – «представить формализованную картину отношений между людьми, которая соответствует именно какой-то конкретной задаче, максимально точно». Он добавляет: «Не так чтобы она была ясна и понятна, как по книге “Пиши сокращай”, а так, чтобы она, конечно, была там желательно понятна, но, прежде всего, точна <...> Поэтому у нас получаются всякие тяжеловесные конструкции, которые иногда представляют собой ошибку, ну и привычку и профдеформацию, следствие, но часто, чаще чем кажется, они оправданы желанием высказаться точно». В. видит причины сложности текстов в их цели: «чтобы была некая определенность и рамки, чтобы люди могли в случае чего решать споры и понимать, что что-то там произошло».

Среди других причин непонятности документов К. (руководитель юридической фирмы) называет и более

приземленные: «Глупость или спешка, в которой готовился документ, когда тят-ляп, по диагонали посмотрели и пропустили что-то, не отредактировали». Еще одной причиной может оказаться «заранее намерение одной из сторон, предлагающей какой-то супер детализированный, запутанный и при этом никому ни о чем не говорящий не помогающий разрешить практическую коллизию документ, просто с целью в случае необходимости иметь рычаги для заволокичивания при разрешении спорных ситуаций» или «желание пустить пыль в глаза непросвещенным клиентам» (К.). Таким образом, за созданием слишком сложного документа могут стоять различные причины, включая интересы заказчика или самого юриста.

Заключение

В статье демонстрируется, что перцептивная трудность юридических документов связана не только с собственно языковой сложностью, но и с ролевыми ожиданиями и сложными социальными отношениями различных участников и распределением власти между ними, а также с их различными целевыми установками.

Ожидания относительно роли юриста со стороны других юристов и со стороны обычных пользователей зачастую противоречат друг другу. С одной стороны, при составлении документа юрист ориентируется на профессиональное сообщество и ответственность перед клиентом, за которого нужно учесть все детали и которому нужно помочь. Кроме того, ощущается давление стереотипных представлений о том, что краткий, «лишенный необходимых деталей» документ может быть признаком некачественной работы. С другой стороны, ряд клиентов и акторов в общественно-политическом пространстве желает видеть более простой язык. При этом другие, при возникновении трудностей, обращаются к юристу за помощью и порой не желают сами вникать в тексты. Эти противоречивые требования, предъявляемые к юристу, имеют разную основу и последствия, а так как часть из них напрямую связана с юридической ответственностью, то они естественным образом оказываются приоритетнее пожеланий видеть более простой язык. Более того, эти пожелания иногда сложно реализовать в связи с тем, что сложным является не сколько сам язык, сколько объект действительности и отношения, которые он описывает.

Ощущая эти противоречия, участники интервью вступают в заочный спор с воображаемым собеседником, упрекающим их в сложности документов. Они, с одной стороны, признают язык документов как «зону обеспокоенности» и вроде бы соглашаются с этим, но с другой стороны, упоминают другие факторы, среди которых их представления о своей профессии и необходимость учесть все детали и нюансы. Несмотря на готовность к сотрудничеству с клиентом, отношения в паре по большей части видятся как иерархические, где юрист берет на себя задачу справиться со сложным текстом, при необходимости «перевести» его для клиента на более простой язык посредством толкований и

объяснений. Понятность текста для неспециалиста видится желательной, но вторичной характеристикой.

Таким образом, проблема сложности понимания юридического текста оказывается связанной и с про-

блемой профессиональной идентичности юриста, с ролевыми отношениями юрист – клиент и теми ожиданиями относительно друг друга, которые взаимодействующие стороны приносят в коммуникацию.

Примечания

¹ Подробнее историю возникновения и критику движений за простой язык см., напр., [29. С. 248–250].

² Нижним подчеркиванием обозначаются слова, выделенные интонационно.

³ Двоеточием внутри слова обозначается растягивание звука, в соответствии с традицией конверсационного анализа. Такое растягивание звука также участвует в эмфатическом выделении, что имеет значение для настоящего анализа.

Список источников

1. 44-ФЗ простым языком // Контур.Закупки. URL: <https://zakupki.kontur.ru/site/articles/1142-44-fz-1> (дата обращения: 26.09.2022).
2. Кучаков Р., Савельев Д. Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов. Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения» / под ред. Д. Скугаревского. СПб. : ИПП ЕУСПб, 2018.
3. Глазанова Е.В. Студентка vs водитель в возрасте, или почему никто не любит читать официальные документы // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. № 9. С. 76–85.
4. Блинова О.В. Оценка сложности русских правовых текстов: архитектура модели // Мир русского слова. 2022. № 2. С. 4–13. doi: 10.24412/1811-1629-2022-2-4-13.
5. Galinsky A.D., Maddux W.W., Gilin D., White J.B. Why It Pays to Get Inside the Head of Your Opponent: The Differential Effects of Perspective Taking and Empathy in Negotiations // Psychological Science. 2008. Vol 19, Is. 4. P. 378–384. doi: 10.1111/j.1467-9280.2008.02096.x
6. Blokpoel M., Kesteren M. van, Stolk A., Haselager P., Toni I., Rooij I. van. Recipient design in human communication: Simple heuristics or perspective taking? // Frontiers in Human Neuroscience, Cognitive Neuroscience. 2012. Vol. 6. doi: 10.3389/fnhum.2012.00253
7. Wydick R.C. Plain English for Lawyers. 5th ed. Durham, North Carolina : Carolina Academic Press, 2005. 139 p.
8. Tajfel H. La catégorisation sociale // Introduction à la psychologie sociale / ed. by S. Moscovici. Vol. 1. Paris : Larousse, 1972. P. 272–302.
9. Tajfel H. Social identity and intergroup behavior // Social Science Information. 1974. Vol. 13, № 2. P. 65–93.
10. Tajfel H. Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge ; London ; New York : Cambridge University Press, 1981. 372 p.
11. Tajfel H. Social Stereotypes and Social groups // Intergroup Behaviour / eds. by J.C. Turner, H. Giles. Oxford : Basil Blackwell, 1981. P. 144–167.
12. Turner J.C. Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behaviour // European Journal of Social Psychology. 1975. № 5(2). P. 5–34.
13. Turner J.C. Towards a cognitive redefinition of the social group // Social identity and inter-group relations / ed. by H. Tajfel. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. P. 15–40.
14. Троценкова Е.В., Киладзе М.П. Конфессиональные стереотипы в американской лингвокультуре // Англистика в миниатюрах. Диалог культур и времен. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2017. С. 200–221.
15. Троценкова Е.В., Шеховцова Е.Е. Американские партийные стереотипы в метарепрезентационной деятельности: игровой вариант ложной идентичности // Англистика в миниатюрах. Диалог культур и времен. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2017. С. 177–199.
16. Goffman E. The presentation of self in everyday life. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, 1959. 162 p.
17. Троценкова Е.В. Социокультурное знание в когнитивно-коммуникативной деятельности: стратегии воздействия в американском общественно-политическом дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016.
18. Allport G.W. The nature of prejudice. New York : Doubleday Anchor Books, 1958. 496 p.
19. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101.
20. Кон И.С. Национальный характер – миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9. С. 215–229.
21. Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология / под ред. Б.Ф. Поршнева, Л.И. Анцыферовой. М., 1971. С. 122–158.
22. Шибутани Т. Социальная психология. М. : Прогресс, 1969. 534 с.
23. Шихирев П.Н. Исследование стереотипа в американской социальной психологии // Вопросы философии. 1971. № 5. С. 168–175.
24. Ядов В.А. К вопросу о теории «стереотипизации» в социологии // Философские науки. 1960. № 2. С. 47–58.
25. Sperber D. Metarepresentation // The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences. Cambridge : MIT Press, 1999. P. 541–543.
26. Sperber D. Metarepresentations in an evolutionary perspective // Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective. Oxford University Press, 2000. P. 117–137.
27. Whiten A., Byrne R.W. The emergence of metarepresentation in human ontogeny and primate phylogeny. // Natural Theories of Mind: Evolution, Development and Simulation of Everyday Mindreading. Oxford : Basil Blackwell Pub., 1991. P. 267–282.
28. Wilson D. Metarepresentation in linguistic communication // Metarepresentations: a multidisciplinary perspective. Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 411–448.
29. Zodi Zs. The limits of plain legal language: understanding the comprehensible style in law // International Journal of Law in Context. 2019. № 15. P. 246–262. doi: 10.1017/S1744552319000260.
30. Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology // The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels / eds by P. Clyne, W.F. Hanks, C.L. Hofbauer. Chicago : Chicago Linguistic Society, 1979. P. 193–247.
31. Mattila H. Comparative Legal Linguistics. Farnham : Ashgate Publishing, 2006. v–xv, 347 p.
32. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.
33. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and practice. London ; New York : Routledge, 2004. 226 p.
34. Burke P.J. Identity processes and social stress // American Sociological Review. 1991. Vol. 56, № 6. P. 836–849.
35. Burke P.J. Social identities and psychological stress // Psychological stress: Perspectives on structure, theory, life course, and methods / ed. by H.B. Kaplan. Orlando : Academic Press, 1996. P. 141–174.
36. Burke P.J., Reitzes D.C. An Identity Theory Approach to Commitment // Social Psychology Quarterly. 1991. Vol. 54, № 3. P. 239–251.
37. Riley A., Burke P.J. Identities and self-verification in the small group // Social Psychology Quarterly. 1995. № 58. P. 61–73.

References

1. Tresvyatskaya, A. (2021) 44-FZ prostym yazykom [44-FZ in plain language]. *Kontur.Zakupki*. [Online] Available from: <https://zakupki.kontur.ru/site/articles/1142-44-fz-1>. (Accessed: 26.09.2022).
2. Kuchakov, R. & Savel'ev, D. (2018) *Slozhnost' pravovykh aktov v Rossii: Leksicheskoe i sintaksicheskoe kachestvo tekstov* [Complexity of legal acts in Russia: Lexical and syntactic quality of texts]. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
3. Glazanova, E.V. (2021) Studentka vs voditel' v vozraste, ili pochemu nikto ne lyubit chitat' ofitsial'nye dokumenty [Student vs older driver, or why no one likes to read official documents]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*. 9. pp. 76–85.
4. Blinova, O.V. (2022) Otsenka slozhnosti russkikh pravovykh tekstov: arkhitektura modeli [Assessing the complexity of Russian legal texts: the architecture of the model]. *Mir russkogo slova*. 2. pp. 4–13. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-2-4-13.
5. Galinsky, A.D. et al. (2008) Why It Pays to Get Inside the Head of Your Opponent: The Differential Effects of Perspective Taking and Empathy in Negotiations. *Psychological Science*. 4 (19). pp. 378–384. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2008.02096.x
6. Blokpoel, M. et al. (2012) Recipient design in human communication: Simple heuristics or perspective taking? *Frontiers in Human Neuroscience, Cognitive Neuroscience*. 6. DOI: 10.3389/fnhum.2012.00253
7. Wydick, R.C. (2005) *Plain English for Lawyers*. 5th ed. Durham, North Carolina: Carolina Academic Press.
8. Tajfel, H. (1972) La catégorisation sociale. In: Moscovici, S. (ed.) *Introduction à la psychologie sociale*. Vol. 1. Paris: Larousse. pp. 272–302.
9. Tajfel, H. (1974) Social identity and intergroup behavior. *Social Science Information*. 2 (13). pp. 65–93.
10. Tajfel, H. (1981) *Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology*. Cambridge; London; New York: Cambridge University Press.
11. Tajfel, H. (1981) Social Stereotypes and Social groups. In: Turner, J.C. & Giles, H. (eds) *Intergroup Behaviour*. Oxford: Basil Blackwell. pp. 144–167.
12. Turner, J.C. (1975) Social comparison and social identity: Some prospects for intergroup behaviour. *European Journal of Social Psychology*. 5 (2). pp. 5–34.
13. Turner, J.C. (1982) Towards a cognitive redefinition of the social group. In: Tajfel, H. (ed.) *Social Identity and Inter-Group Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 15–40.
14. Troshchenkova, E.V. & Kiladze, M.P. (2017) Konfessional'nye stereotipy v amerikanskoj lingvokul'ture [Confessional stereotypes in American linguistic culture]. In: Khomyakova, E.G. (ed.) *Anglistika v miniatyurakh. Dialog kul'tur i vremen* [English in Miniatures. Dialogue of cultures and times]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 200–221.
15. Troshchenkova, E.V. & Shekhovtsova, E.E. (2017) Amerikanskije partiynye stereotipy v metareprezentatsionnoj deyatel'nosti: igrovoy variant lozhnoy identichnosti [American party stereotypes in meta-representational activity: a game version of false identity]. In: Khomyakova, E.G. (ed.) *Anglistika v miniatyurakh. Dialog kul'tur i vremen* [English in Miniatures. Dialogue of cultures and times]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 177–199.
16. Goffman, E. (1959) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburgh: University of Edinburgh Social Sciences Research Centre.
17. Troshchenkova, E.V. (2016) *Sotsiokul'turnoe znanie v kognitivno-kommunikativnoj deyatel'nosti: strategii vozdeystviya v amerikanskom obshchestvenno-politicheskom diskurse* [Sociocultural knowledge in cognitive and communicative activity: strategies of influence in the American socio-political discourse]. Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
18. Allport, G.W. (1958) *The Nature of Prejudice*. New York: Doubleday Anchor Books.
19. Ageev, V.S. (1986) Psikhologicheskoe issledovanie sotsial'nykh stereotipov [Psychological study of social stereotypes]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 95–101.
20. Kon, I.S. (1968) Natsional'nyy kharakter – mif ili real'nost'? [National character – myth or reality?]. *Inostrannaya literatura*. 9. pp. 215–229.
21. Kon, I.S. (1971) K probleme natsional'nogo kharaktera [On the problem of national character]. In: Porshnev, B.F. & Antsyferova, L.I. (eds) *Istoriya i psikhologiya* [History and Psychology]. Moscow: Nauka. pp. 122–158.
22. Shibutani, T. (1969) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Translated from English. Moscow: Progress.
23. Shikhirev, P.N. (1971) Issledovanie stereotipa v amerikanskoj sotsial'noy psikhologii [Study of the stereotype in American social psychology]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 168–175.
24. Yadov, V.A. (1960) K voprosu o teorii "stereotipizatsii" v sotsiologii [To the question of the theory of "stereotyping" in sociology]. *Filosofskie nauki*. 2. pp. 47–58.
25. Sperber, D. (1999) Metarepresentation. In: *The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences*. Cambridge: MIT Press. pp. 541–543.
26. Sperber, D. (2000) Metarepresentations in an evolutionary perspective. In: Sperber, D. (ed.) *Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective*. Oxford University Press. pp. 117–137.
27. Whiten, A. & Byrne, R.W. (1991) The emergence of metarepresentation in human ontogeny and primate phylogeny. In: Whiten, A. (ed.) *Natural Theories of Mind: Evolution, Development and Simulation of Everyday Mindreading*. Oxford: Basil Blackwell Pub. pp. 267–282.
28. Wilson, D. (2000) Metarepresentation in linguistic communication. In: Sperber, D. (ed.) *Metarepresentations: a multidisciplinary perspective*. Oxford: Oxford University Press. pp. 411–448.
29. Zodi, Zs. (2019) The limits of plain legal language: understanding the comprehensible style in law. *International Journal of Law in Context*. 15. pp. 246–262. DOI: 10.1017/S1744552319000260.
30. Silverstein, M. (1979) Language Structure and Linguistic Ideology. In: Clyne, P., Hanks, W.F. & Hofbauer, C.L. (eds) *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society. pp. 193–247.
31. Mattila, H. (2006) *Comparative Legal Linguistics*. Farnham: Ashgate Publishing.
32. Blakar, R.M. (1987) Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti [Language as an instrument of social power]. In: Petrov, V.V. (ed.) *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya* [Language and Modeling of Social Interaction]. Moscow: Progress. pp. 88–125.
33. Chilton, P. (2004) *Analysing Political Discourse: Theory and practice*. London; New York: Routledge.
34. Burke, P.J. (1991) Identity processes and social stress. *American Sociological Review*. 6 (56). pp. 836–849.
35. Burke, P.J. (1996) Social identities and psychological stress. In: Kaplan, H.B. (ed.) *Psychological Stress: Perspectives on structure, theory, life course, and methods*. Orlando: Academic Press. pp. 141–174.
36. Burke, P.J. & Reitzes, D.C. (1991) An Identity Theory Approach to Commitment. *Social Psychology Quarterly*. 3 (54). pp. 239–251.
37. Riley, A. & Burke, P.J. (1995) Identities and self-verification in the small group. *Social Psychology Quarterly*. 58. pp. 61–73.

Информация об авторах:

Руднева Е.А. – канд. филол. наук, инженер-исследователь филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); научный сотрудник лаборатории антропологической лингвистики Института лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: katja1985mt@yandex.ru

Трощенко Е.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры английской филологии и линвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.troschenkova@spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Rudneva, Cand. Sci. (Philology), engineer-researcher, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); researcher, Laboratory of Anthropological Linguistics, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: katja1985mt@yandex.ru

E.V. Troshchenkova, Dr. Sci. (Philology), professor, Department of English Language and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.troschenkova@spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.10.2022;
одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 21.10.2022;
approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 81'37
doi: 10.17223/15617793/489/4

Темпоральные существительные как средство выражения эмоционального и физического состояния человека

Анна Сергеевна Фалеева¹

¹ Вятский государственный университет, Киров, Россия, FaleevaAnn@yandex.ru

Аннотация. Исследуется способность имён существительных с семантикой темпоральности быть средствами номинации внутреннего состояния человека. Смежность семантики темпоральности и семантики состояния объясняется отмеченным в философских и лингвистических работах соотношением времени и состояния как содержащего и содержимого. Выделяются три основных случая выражения темпоральными лексемами семантики состояния: в составе типовых синтаксических конструкций, в составе устойчивых выражений и изолированно при исконной семантике состояния, заключающейся во внутренней форме слова.

Ключевые слова: темпоральность, время, состояние, имя существительное, синтаксическая модель, метафорическая модель

Для цитирования: Фалеева А.С. Темпоральные существительные как средство выражения эмоционального и физического состояния человека // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 36–47. doi: 10.17223/15617793/489/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/4

Temporal nouns as a means of expressing a person's emotional and physical state

Anna S. Faleeva¹

¹ Vyatka State University, Kirov, Russian Federation
FaleevaAnn@yandex.ru

Abstract. In this article, addressing the problem of verbalization of various types of states, the author explores the ability of nouns with the semantics of temporality to be the means of nominating the inner state of a person. At the first stage, the analysis of philosophical works, linguistic monographs and articles shows that the conceptual categories of time and state are close to each other. In modern philosophy, time is defined as a form, a necessary condition for the flow of all organic and mental processes. Important characteristics of the state of any system are temporality, changeability. The state of something correlates with a specific stable time interval and at the same time is a process of changing the object in time. Thus, the state is one of the types of content that fills time, and this is what contributes to the creation of metonymic and metaphorical transfers of the name of the container (time) to its content (state). The research of language material is based on the classification of ways of expressing the semantics of the state presented in work “Syntactic models with the meaning of a mental state and their synonymy” by S.N. Tseytlin. The author used the methods of definitional, component and contextual analysis to study nouns included in the section “Time, its course, periods and moments of its flow” of the *Russian Semantic Dictionary* edited by N.Yu. Shvedova. All observations and assumptions are supported by examples from media texts and the Internet, in which lexemes are used in modern meanings. The author infers that temporal nouns can denote the inner state of a person in three main cases: (1) as part of typical syntactic constructions (as part of the substantive model “I have + noun in the nominative case; as part of the prepositional-case model “in + noun in the prepositional case”; in a phrase representing the conceptual metaphorical models “time-state as an irresistible force”, “time-state as a predatory beast”; in phrases with the word *state* and with verbs *to feel*, *to sense*; in phrases like synecdoche with components *in the soul*, *in the heart*, *in the chest*); (2) as part of idioms; (3) independently, if the semantics of the state is primary and consists in the internal form of the word. The selection of these cases of expressing the semantics of the state indicates the philosophical proximity of the categories of time and state in language and in life.

Keywords: temporality, time, state, noun, syntactic model, metaphorical model

For citation: Faleeva, A.S. (2023) Temporal nouns as a means of expressing a person's emotional and physical state. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 36–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/4

Введение

Проблема вербализации состояния человека, природы и общества в настоящее время одна из актуальных в лингвистике. Анализ средств словесного описания различных состояний способствует выявлению их имплицитных признаков, поэтому учёные обращаются к проблеме вербализации как психологических, эмоциональных (см. работы Е.В. Галкиной [1], А.С. Игнатьевой, В.В. Калининой, Ж.Г. Сонголовой [2], Е.С. Смахтина [3]), так и физиологических состояний (см. статью Е.А. Горобец, Р.Г. Есина, О.Р. Есина [4]). Особое внимание в исследованиях уделяется описанию состояния на лексико-семантическом уровне, что объясняется разнообразием привлекаемого материала: «...лексический фонд, обслуживающий состояние, богатейший» [5. С. 50].

Внимание современной лингвистики направлено также на проблемы языковой экспликации понятийной категории времени. В работах Е.С. Яковлевой [6], Н.Д. Арутюновой [7], А.Д. Шмелёва [8], Е.Н. Широковой [9] время представляется как объект, на который можно смотреть с разных сторон: религиозно-философской, юридической, лингвистической, бытовой. При любом подходе в характеристиках времени обнаруживается «человеческое присутствие» [6. С. 86]. В основном учёные пишут об отражении в языке событийной, деятельностной наполненности времени и не так часто об эмоционально-психологической. Тем не менее в некоторых темпоральных лексемах могут присутствовать семы, репрезентующие внутреннее состояние человека.

Настоящая статья посвящена исследованию возможностей темпоральных существительных и сочетаний, в которые они входят, быть средствами номинации внутреннего состояния человека. Впервые на материале словарных толкований и примеров реального словоупотребления проводится анализ способности темпоральных имен существительных обозначать состояние человека. Это позволяет выяснить, в каком соотношении находятся между собой понятийные категории времени и состояния и как их взаимодействие проявляется в языке.

В речи для описания внутреннего состояния или настроения действительно могут использоваться темпоральные лексемы. Это происходит, как правило, в контекстах, обладающих экспрессивностью (в разговорном дискурсе, в художественных произведениях, в текстах песен и др.). Ср. строки из современных стихотворений и песен: *Состояние – зима, / Настроение – осень. / К сожаленью – жизнь одна, / А, увы – не восемь...* (Сергей Овечкин). *Настроение – Осень, Я закрываю глаза и прибавляю громкость... Если кто меня спросит, отвечу: «Я живой, настроение – Осень»* (гр. «Марсель»). Темпоральные обозначения в этих примерах приобретают символические смыслы: *состояние – зима* – ‘состояние спокойствия, однообразности, пассивности’, *настроение – осень* – ‘настроение меланхолическое, печально-лирическое’.

Случаи обозначения состояния словами с семантикой времени находим в некоторых научных

текстах: в электронной библиотеке «Киберленинка» есть статьи со следующими названиями: «*Свободное время как ресурсное состояние человека*» [10], «*Огаревское время как состояние истории и человека*» [11]. Эти примеры доказывают, что человеку действительно свойственно воспринимать время и переживаемое в это время состояние в неразрывном единстве и характеризовать одно посредством другого.

Цель статьи – выявить, в каких случаях в семантической структуре существительных лексико-семантической группы «Время» появляются семы эмоционального или физического состояния человека.

Материалом исследования явились 314 словарных статей из раздела «Время, его ход, периоды и моменты его течения» «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой [12. С. 44–65]. В ходе работы среди них были выделены лексемы, которые самостоятельно выражают семантику состояния (25 лексем), приобретают её в составе словосочетаний (59 лексем) или устойчивых выражений (17 лексем). Примеры контекстуального употребления темпоральных существительных, выражающих семантику состояния, были извлечены из Национального корпуса русского языка [13] или взяты с интернет-сайтов.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют, с одной стороны, философские представления о времени как о последовательности изменений во внутреннем мире человека, отражающиеся в работах Аристотеля, Плотина, Дж. Локка, И. Канта, В. Дильтея, и, с другой стороны, понимание лингвистических категорий темпоральности и времени, представленное в работах А.В. Бондарко, Е.Н. Широковой, Е.С. Яковлевой, А.А. Зализняк, Д.Н. Шмелёва, В.Г. Гака.

Аристотель писал о тесной связи времени и изменений в душе человека: «Мы распознаем время, когда разграничиваем движение, определяя предыдущее и последующее... Мы разграничиваем их тем, что воспринимаем один раз одно, другой раз другое, а между ними нечто отличное от них; ибо когда мы мыслим крайние точки отличными от середины и душа отмечает два «теперь» (здесь и далее в цитатах из научных источников курсив наш. – А.Ф.), тогда это именно мы называем временем» [14]. Плотин ещё более прямо указывал на смежность текущего времени и состояния людей и окружающего мира: «Время есть жизнь Души в движении» [15. С. 363].

Джон Локк отмечал: «Время начинается и кончается вместе со строем этого чувственно воспринимаемого мира» [16. С. 250]. И. Кант, рассуждая о времени, писал: «Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, т.е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния» [17]. В. Дильтей отождествлял феномен настоящего с текущим переживанием, противопоставляя его воспоминанию и представлениям о будущем [18. С. 279].

В современной философии время определяется как «форма протекания всех механических, органических и психических процессов, условие возможности движения, изменения, развития» [19. Т. 1. С. 450].

В лингвистических работах акцент при рассмотрении категории времени может делаться либо на грамматическом её аспекте (см., например, словарные статьи в терминологических словарях О.С. Ахмановой [20. С. 85], Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [21. С. 43]), либо на семантическом аспекте, в рамках которого и осуществляется наше исследование. При семантическом подходе для характеристики времени вводится понятие *темпоральность*. По определению А.В. Бондарко, «темпоральность – это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета, вместе с тем темпоральность – это базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле, охватывающее группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т.п.) средств того или иного языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории» [22. С. 5]. А.В. Бондарко отмечает, что находящиеся на периферии ФСП «Темпоральность» контекстуальные средства передачи временных отношений неоднородны, а «общая картина средств выражения темпоральных отношений, выявляемая на основе подхода к темпоральности как ФСП, оказывается намного более сложной и многообразной, чем обычный предмет анализа, определяемый границами времени как грамматической категории» [22. С. 57]. Е.Н. Широкова вводит понятие *темпоральный код* и определяет его как «фрагмент языковой системы, репрезентирующий понятийную категорию времени и отражающий неоднородность восприятия, осмысления, познания времени человеком» [9. С. 69].

В лингвистических работах отражается тесная связь времени и событий, его наполняющих. Так, Е.С. Яковлева пишет, что «события уплотняют время, делают его областью бытия, *вместилищем жизни*» [6. С. 96]. А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев приводят похожие доводы: «Сами обозначения временных интервалов основаны не на астрономическом времени, а релятивизованы относительно человеческой деятельности, *в них заключенной*» [23. С. 50]. Е.Н. Широкова называет время «*координирующей категорией*» [9. С. 32]. Такое понимание отношений между временем и наполняющими его элементами (состоянием, деятельностью, эмоциями и т.д.) объясняется тем, что человеку свойственно создавать концептуальные метафоры, которые «распространяют телесно-ориентированное понимание вещей в терминах вместилища на широкий круг абстрактных концептов» [24. С. 354].

Состояние – это «категория научного познания», «интегральная характеристика различных систем» [25. С. 627–628], а также «действующая в человеке

настроенность (настроение), на которую он сам не может оказывать воздействия, но *которая определяет в данный момент* все его чувства, мысли и желания» [26]. Важная характеристика состояния любой системы или явления – его *временность, изменчивость*. Связывая состояние с качеством, Аристотель отмечал: «*Преходящими свойствами, или состояниями называются такие качества, которые легко поддаются колебаниям и быстро изменяются*» [27]. И. Кант, указывая на неизбежность перехода из состояния в состояние с течением времени, утверждал: «*Непрерывный переход из одного состояния в другое* – это способ существования любого явления» [17]. Таким образом, состояние чего-либо соотносится с конкретным устойчивым временным отрезком и при этом являет собой процесс изменения объекта во времени: законы динамики систем и есть законы взаимосвязи состояний во времени [19. Т. 3. С. 600–601].

Разнообразие темпоральных языковых средств и актуальность метафорической модели «время – вместилище событий, деятельности, состояния, жизни» обуславливают возможность понятийным категориям темпоральности и состояния «соприкасаться». В.Г. Гак отмечал: «Всякое слово, обозначающее процесс, может метонимически указывать на временной промежуток» [28. С. 125], и в то же время «понятие времени имеет разветвленные и многообразные связи с широким кругом иных понятий и лексических полей» [28. С. 130]. Всё это доказывает, что функционально-семантическое поле «Темпоральность» и лексико-семантическое поле «Состояние» могут иметь точки пересечения. В этом случае происходит «явление семантической аппликации, связанное с объединением нескольких семантических полей и оживлением ассоциативных связей» [29. С. 23].

В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией Т.В. Жеребило указывается, что семантика состояния может выражаться двумя основными способами, с помощью: «а) словоформ с семантикой состояния; б) словосочетаний со словами *состояние, настроение* и т.п.» [30. С. 353]. С.Н. Цейтлин в работе «Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика» [31] выделяет семь основных синтаксических моделей, выражающих семантику состояния, и их модификации. В настоящей работе проводится анализ темпоральных имен существительных, которые возможно употребить в составе данных синтаксических моделей. Прежде всего мы рассматриваем субстантивную (*у меня тоска*), предложно-падежную (*я в волнении; он в восторге*) и метафорическую (*на меня напал страх; ею овладел ужас*) модели [31. С. 161]. Также в исследовании мы обращаемся к таким выделяемым С.Н. Цейтлин способам выражения семантики состояния, как введение в словосочетания особых слов вспомогательно-го характера (существительных *чувство, состояние, настроение*, глаголов *чувствовать, ощущать*), употребление оборотов типа синекдохи со словами *душа* и *сердце*, «где состояние как бы приписывается не

субъекту в целом, а его части» [31. С. 171], и использование фразеологических средств.

В настоящей статье с опорой на представления о смежности понятий *время* и *состояние* и на существующие синтаксические модели выражения внутреннего состояния человека методами дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа характеризуются имена существительные, входящие в лексико-семантическую группу «Время» («Время, его ход, периоды и моменты его течения» «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой) [12. С. 44–65] (далее – РСС).

Исследование и результаты

Семантика состояния в словосочетаниях, построенных по **субстантивной модели «у меня + темпорема в И.п.»**, может выражаться **16** лексемами из исследуемых **314**. В этом случае семантика состояния имплицитна, и называемый промежуток времени репрезентирует либо состояние усталости, загруженности: *у меня сессия*, *у меня цейтнот*, либо состояние расслабленности, отвлечённости от какой-либо деятельности: *у меня выходной*, *у меня праздник*, *у меня каникулы*, *у меня обед*, *у меня окно*, *у меня отгул*, *у меня отпуск* и т.д. Возможность такого употребления объясняется отражением в этимологических и толковых дефинициях сем, указывающих на процессы физиологического и психологического состояния. Рассмотрим в качестве примера слово *сессия*, ср.: «сессия» < лат. *sessio* «сидение, заседание», суф. производного от *sedēre* «сидеть» [32]. Значит, сессия – это изначально период, когда человек должен много времени проводить в сидячем положении, а также проявлять усидчивость. Если же обратиться к «Русскому ассоциативному тезаурусу», то среди ассоциаций на словостимул *сессия* обнаружим реакции *трудная*, *ужас*, *бессонница*, *волнение*, *кошмар*, *мука*, *ночь без сна*, *плохо*, *страх*, *стресс*, *суета*, *тяжёлая*, *тяжёлое время*, *усталость* и другие, явно демонстрирующие, что для носителя языка темпорема *сессия* устойчиво ассоциируется с определённым состоянием [33]. Лексемы *каникулы*, *обед*, *отгул*, *отпуск* обозначают перерывы разной длительности, предоставляемые для отдыха и восстановления сил, а в соответствии с исконным значением лексемы *отдых* – «для восстановления нормального дыхания» [34. С. 337]. Фразы, построенные по модели «у меня + темпорема в И.п.» часто указывают на состояние-причину отказа заниматься каким-либо делом: *У меня обед*, *вы дали мне деньги, а теперь задерживаете*. (Андрей Колесников. Совесть-то у вас есть? (1997) // Столица. 18.03.1997). *И на все ваши просьбы она будет кричать нечеловеческим голосом: – У меня обед! Все люди едят, а мне нельзя?! – и ещё кулаком погрозит*. (Л. Давыдычев. Жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника). Также подобные словосочетания могут просто подразумевать определенное состояние, смысл которого раскрывается в последующем контексте: *У меня выходной*, *напоминает мне Лена*. *Можно никуда не торопиться*. (А.Н. Котюсов. Дело о помидорах // Волга. 2012). *У меня*

каникулы, *родители на работе*, *значит, можно предаться наслаждению* – это выражение я тоже выхватил из какой-то книги». (Станислав Секретов. Игра в себя. Предисловие к писателю // Волга. 2013).

Лексема *праздник* в составе анализируемой модели может употребляться не в значении ‘день какого-либо торжества’, а в значении ‘испытываемое от чего-либо наслаждение, приятное, радостное чувство’. Приведём в связи с этим одну из дефиниций данного слова в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.В. Дмитриева: «Если что-либо для кого-либо является **праздником**, то это означает, что кто-либо *ощущает радость*, думая, вспоминая и т.д. о каком-либо приятном деле, времяпрепровождении» [35]. Ср.: *Когда только вхожу к тебе, у меня праздник, рук и ног не чувствую*. (Г.Н. Владимов. Генерал и его армия (1994)). – *Ты выпил, кажется? – У меня праздник. Я развожусь с женой*. (Алексей Славовский. Любовь по-нашему // Знамя. 2003). *Вот когда она приходит – у меня праздник*. (Два письма на одну тему // Семья. 2001.11.14). При употреблении слова *праздник* в указанном значении семантика состояния преобладает над семантикой темпоральности, ср. также словарные примеры: «**Праздник** жизни, молодости. На душе у кого-либо **праздник**. Устроить себе **праздник**» [36. С. 954].

По **предложно-падежной модели «(быть) в + П.п.»** в речи строятся словосочетания, выражающие значение состояния: *быть в шоке*, *в восторге*, *в ужасе*. В работе, написанной в конце XX в., С.Н. Цейтлин отмечает избирательность этой модели по отношению к лексике, объясняемую факторами нормативно-стилистического порядка [31. С. 164], однако в современном языке в подобных конструкциях употребляются самые разные слова, ср. актуальные сочетания *в потоке*, *в ресурсе*, *в моменте*, в определенных контекстах обозначающие «погружение» человека в «полезные» для него состояния.

Особого рассмотрения заслуживает сочетание **(быть) в моменте**, активно употребляющееся в современной речи. Темпоральная лексема *момент*, употребляемая в словосочетании *быть в моменте*, репрезентируется как «состояние-вместилище», в котором находится человек: *Я не играю в догонялки, я не мечтаю о себе придуманном, я живу в моменте*. (А.И. Славовский. Большая Книга Перемен // Волга. 2010). В поисковой системе «Яндекс» по запросу «в моменте» нашлись миллионы результатов со следующими употреблениями: *оказываешься в моменте*, *жить в моменте*, *присутствовать в каждом моменте жизни*, *устраивайтесь поудобнее в настоящем моменте*, *находитесь в текущем моменте* и т.д. Слово *момент* в сочетании *быть в моменте* можно рассматривать как семантический конденсат, вбирающий в себя значение адъективного компонента «настоящий, текущий». Лексема *настоящий*, в свою очередь, имеет и такие значения, как ‘натуральный’, ‘подлинный’, ‘действительный’, ‘соответствующий необходимым критериям’, ‘искренний» [35]. Соответственно, сочетание *быть в моменте* в современной речи значит ‘быть в естественном состоянии,

переживаемом в настоящее время', 'двигаться вместе с потоком времени' (момент – от *moveo* «двигаю» [32]). В молодежной речи фраза *быть в моменте* стала мемом и получила соответствующее описание на интернет-ресурсе «Мемепедия», ср.: **Фраза «быть в моменте» означает не отвлекаться на телефон и личные тревоги, расслабиться и наслаждаться тем, что происходит здесь и сейчас. Она пришла в современный сленг из популярных книг по психологии. Наравне с «не в ресурсе»... фраза «я в моменте» часто используется... блогерами. Внимание к своему и чужому психологическому состоянию стало так много, что над этим стали иронизировать** (<https://memepedia.ru/ya-v-momente/>).

Примечательно, что синонимичные слову *момент* лексемы *мгновение* и *миг* не употребляются в составе модели «*быть в + П.п.*», вероятно, потому, что они называют слишком короткую остановку, слишком короткий фрагмент, в котором *быть, пребывать* невозможно из-за его неуловимости. Л.В. Калинина отмечает, что «“неуловимыми” часто бывают промежутки времени, прежде всего настоящего (мгновение, миг, минута, момент, секунда и др.), и то, что они в себя вмещают, чем оказываются наполнены» [37. С. 65]. В речи слово *мгновение* нередко используется в окружении лексем со значением остановки, замирания, прекращения действия или процесса, и это связано с тем, что говорящий стремится «уловить» и зафиксировать важное для него состояние: *Но счастье – это когда всё внутри замирает, и время замирает, и кажется, вот она, настоящая жизнь. Мгновение. А обычное моё состояние – это когда жизнь идёт, а я бегу где-то рядом.* (Елена Голованова. День победы Виктории // Домовой. 2002.08.04). В приводимом в иллюстративном материале РСС прецедентном выражении «*Остановись, мгновенье, ты прекрасно*» [12. С. 57] заключается желание субъекта делимитировать временной отрезок и остаться именно в том кульминационном состоянии, в котором он чувствует себя наиболее хорошо.

По рассматриваемой модели строятся также сочетания *в декрете, в отпуске*, подразумевающие состояние отвлечённости от основной деятельности, и сочетание *в цейтноте* со значением 'в состоянии нехватки времени'. Согласно определениям, данным в словаре под редакцией Д.В. Дмитриева, «*отпуск* – это период времени, когда вы не работаете, а отдыхаете, обычно вдали от дома», «*декретный отпуск* – это период времени, когда женщина может не работать, потому что скоро родит ребёнка и будет какое-то время за ним ухаживать» [35]. В обоих толкованиях содержатся семы, соотносимые с внутренним состоянием человека: отпуск – с состоянием отдыха, восстановления сил; декретный отпуск – с состоянием беременности. И в отпуск, и в декрет человек может *уйти*, данный глагол в таком случае используется в значении «перейти в какое-л. новое состояние, прервав или прекратив какую-л. деятельность» [36. С. 1379]: *Мне бы еще хоть недельку побыть в отпуске! – И месяца бы тебе, браток, не хватило. Счастливые дни не считают* (А. Авдеенко. Над Тиссой). *Сосед*

был в отпуске и целыми днями лежал с книгой в шезлонге. Есть же такие счастливицы! (Г. Мартынов. Каллисто). *В декрете она у меня, понимаешь, – сказал он и засмеялся, помотав головой, – в декрете, это ж надо же... Я не знал, что такое «в декрете», но, по-моему, догадался правильно – у Зои, наверно, скоро будет ребенок, вот они и радуются* (В. Фролов. Что к чему). Таким образом, отпуск – это время отдыха, внутреннего расслабления. А время декрета соотносится особыми физиологическими состояниями – беременностью и периодом кормления ребенка, а также психологическим состоянием радостного ожидания, поэтому осмысливается как особое внутреннее состояние женщины.

Сочетания *быть в возрасте, в годах, в летах* характеризуют физическое состояние пожилого человека, если употребляются без дальнейшего распространения типа *быть в том же возрасте, быть в возрасте пяти лет, быть в возрасте Христа, быть в молодых летах* и т. п. Ср.: *Она молодда? – Нет, уже в возрасте (разг.; о том, кто достиг полной зрелости, преклонных лет)* [36. С. 144]. Людям пожилого возраста обычно приписываются такие признаки, как наличие болезней, постоянная усталость, невозможность легко выполнять обычные физические действия, затрудненность мышления, консерватизм. Ср., напр.: *Далгат принялся рассматривать других мужчин. Они практически все были в возрасте и казались утомленными даже со спины* (Г. Хиращев (Алиса Ганиева). Салам тебе, Далгат! // Октябрь. 2010); *Гипнотизёр уже был в годах, и на длительное усилие его не хватало* (И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий). Несоответствие признакам «типичного пожилого человека» обычно специально подчёркивается в тексте, ср.: *Хотя г-жа Люкчекина была в возрасте, она танцевала без удержу* (Е.С. Шумигорский. Записки Н.В. Головиной [перевод с французского] (1900)); *Третий... с... морщинистой, высоко подстриженной, коричневой шеей, был в годах, не так силен, но шел играючи, легко и, широко махая косой, настигал их* (Г. Бакланов. Июль 1941 года). *Был в годах он. И вдруг – изменился. С виду стал такой молодой, знаменитый, тридцатилетний, впрямь как осенью, той, давнишней, тридцать шесть годочков назад* (В.Д. Алейников. Тадзимас). *Я обернулась и увидела женщину в летах, причесанную и одетую с претензией на моду* (Е.С. Шумигорский. Записки Н.В. Головиной [перевод с французского] (1900)). В словарной статье словаря С.А. Кузнецова отмечается, что *в лета, в года и в возраст* можно *войти* и можно из них *выйти* [36. С. 145]. Человек, таким образом, представляется движущимся из состояния в состояние, из возраста в возраст в потоке времени.

Употребление сочетания *в цейтноте* показывает, что человек может оказаться в ситуации очень сильно ощущаемого недостатка времени [35], и это вызывает у него ощущение нервозности, досады, усталости, бессилия: *Проклятье века – это спешка, // и человек, сти-*

рая пот, // по жизни мечется, как пешка, // **попав затравленно в цейтнот** (Е. Евтушенко. Проклятье века – это спешка). Ср. также развёрнутое описание состояния цейтнота в интернет-публикации «Цейтнот. Как всё успеть?»: *Куча дел. Цейтнот. Времени нет. Бежишь по дню в режиме белки в колесе. Вычеркиваешь задачи в ежедневнике. В итоге: все равно не успеваешь. Волна дел копится. При этом самые важные дела стоят. Не двигаются. То есть был все время занят, а чего сделал не понятно. И не живешь. Не чувствуешь себя живым. Не радуешься моменту.* (<https://happinessinaction.ru/news/cejtnot.-kak-vse-uspet>).

Всего 8 лексем из проанализированных 314, употребляясь в конструкции «в + П.п.», обозначают состояние.

Метафорическая модель, выделяемая С.Н. Цейтлин, репрезентирует состояние как непреодолимую силу или как хищного зверя: «На меня **напал страх**; ею **овладел ужас**» [31. С. 164]. На месте элементов, называющих состояние, в составе метафорического сочетания могут быть некоторые темпоральные лексемы (11 лексем из 314), ср.: *После отдыха, а может и работы, / После Воскресенья и Субботы – / Понедельник завладеет нами, / Нашими усталыми телами...* (Людмила Иоффе). *Будни завладели нашей жизнью: работа – дом, магазин – гараж* (Дзен. Фестиваль светящихся шаров). *Но жестокий цейтнот // Всё тесней мне сжимает виски* (А. Межиров. В цейтноте). *Ночь нависла над кем-чем – о наступлении мрачной, тяжёлой поры* [12. С. 61]. *Все эти годы она терпеливо ждала, когда же ее супруг осознает, что старость уже дышит на него* (Йосси Кински. Харлей-Дэвидсон // Дальний Восток. 2019). *Прошлое успокоилось в нем, будущего не было, а настоящее глядело черным зрачком ствола* (Валентин Никитин. Время сладкого янтаса (главы из романа) // Дальний Восток. 2019). *Он слушал вполуха, мысли были поглощены завтрашним днем, встречами в Алматы для наведения мостов с «гинго» – на профессиональном жаргоне так называли неправительственные организации, которые финансировало правительство* (Анатолий Салуцкий. Немой набат // Москва. 2019).

В данных примерах наблюдается способность темпоральных существительных метонимически указывать на состояние, которое является субъектом метафоры: *завладеет* не понедельник, а подразумеваемое под этим словом состояние усталости, загнанности; не будни – а вынужденное состояние бодрости, бдения; *сжимает виски* не сам период цейтнота, а ощущение недостатка времени; *дышит* не старость, а плохое физическое состояние, характерное для этого периода; *успокоилось* не прошлое, а воспоминания о состояниях, переживаемых в прошлом.

Имеют место и антропоморфные метафоры: *Конечно, годы берут свое, с возрастом воля Любови Ивановны слабеет, и из грозной генеральши она постепенно превращается в слезливую и жалостную старушку* (Владимир Спектр. Face Control (2002)). *От них ушло общее будущее, но прошлое осталось и*

въелось в каждую клетку. (Токарева Виктория. Своя правда // Новый Мир. 2002). В последнем примере темпоральные слова *будущее* и *прошлое* обозначают не временные отрезки, а собирательно номинируют запомнившиеся прошлые и утраченные будущие общи впечатления и переживания.

Часть темпоральных существительных (18 лексем из 314) выражает значение состояния в словосочетаниях с лексемами «вспомогательного характера» (с существительными *состояние, настроение*, с глаголами *чувствовать, ощущать*), при этом иногда, чаще в сочетаниях со словом *настроение*, используются имена прилагательные, образованные от темпоральных существительных: *майское настроение, состояние воскресенья, состояние праздника, летнее настроение, осеннее настроение, состояние зрелости, состояние молодости, будничное настроение, чувствовать весну, ощущать возраст* и т.д. *Весна чувствуется в стиле, весна чувствуется в тоне... и я очень рад, со своей стороны, что теперь никто уже больше не предаётся меланхолии* (К.М. Станюкович. Письма «Знатного иностранца» (1897)). Поясним некоторые примеры подробнее.

В речи встречаются сочетания лексемы *состояние* со словами *понедельник, пятница и воскресенье*, ср.: *Состояние – понедельник, настроение – к морю, положение – на работе* (Р. Валиуллин). *Состояние понедельника* в некоторых интернет-статьях приравнивается к заболеванию и называется «синдромом понедельника»: *Синдром понедельника – профессиональное заболевание, связанное с вредными производственными – различные виды недомогания, возникающие к концу первой рабочей смены после выходных* (Здоровый Гродно. «Синдром понедельника» – диагноз или обычная лень?). Семы состояния, содержащиеся в лексеме *понедельник*, отражаются и в устойчивом выражении, приводимом в иллюстративном материале РСС: *Понедельник – день тяжёлый* (стар. примета) [12. С. 53]. *Но два ближайших дня мне предстоит колесить по области, затем выходные, а понедельник, как известно, день тяжёлый* (Анатолий Салуцкий. Немой набат // Москва. 2019).

Состоянием пятницы называется состояние расслабления и в то же время душевного подъёма, которое бывает только в этот день на рабочей неделе. Наряду с «синдромом понедельника» существует «синдром пятницы»: *Психологи называют «синдромом пятницы» состояние, когда человек полностью расслабляется в последний рабочий день недели и не способен распорядиться обилием свободного времени на выходных и, как следствие, проводит их бездельно* («Синдром пятницы»: как не проводить выходные в безделье). В целом пятница, суббота и воскресенье ассоциируются со свободным времяпрепровождением и соответствующим состоянием расслабленности, свободы: *Пятница, суббота, воскресенье – на дачу, «гекльберри-финить», как я это называю.* (А.А. Данилова, Тутта Ларсен. Тутта Ларсен: «Мои дети не будут делать татуировки» (05.2017) // 2017). *Пять дней в неделю сижу и жду, когда придут выходные и*

начнется моя настоящая жизнь. (Наталья Емельянова. Путешественник // Дальний Восток. 2019).

Интересен смысл словосочетания *состояние воскресенья*. С одной стороны, сама внутренняя форма слова *воскресенье* < от *воскресать* указывает на восстановление сил, обновление состояния человека: «Воскресать. Заимств. из ст.-сл. яз. преф. производное от крѣсати ‘воскрешать’ (ср. рус. кресать – производное от кресъ ‘оживление, здоровье’) [32]. С другой стороны, *состояние воскресенья*, или «синдром воскресенья», характеризуется не восстановлением сил, а лишь «спадом напряжения, который влечет за собой усталость, скуку и печаль» (Psychologies. Почему в выходные мы хандрим).

В речи встречаются **словосочетания по типу синекдох**, в которых время-состояние, называемое темпоральной лексемой, «находится» в душе, в сердце или в груди, ср.: *праздник в душе, весна в душе, осень в сердце, молодость в душе, юность в груди* (всего 6 лексем из 314). Такое употребление характерно для разговорной речи и поэтических текстов. Ср. наш опыт анализа лексемы *весна*, обозначающей состояние в стихотворных текстах XIX в. [38. С. 61].

Таким образом, рассмотренные лексемы могут выражать значение внутреннего состояния человека в составе словосочетаний – конкретных синтаксических моделей. Далее проанализируем темпоральные лексемы, которые используются в **устойчивых выражениях**, обозначающих внутреннее состояние.

Примеры устойчивых выражений с темпоральными лексемами находим в иллюстративном материале РСС: *жить одним днём, дни сочтены, смотреть сентябрём, с веком наравне, годы уже не те, впасть в детство, старость – не радость, войти в лета, серые будни, годы уже не те* и т.д. (всего 23 выражения с 17 лексемами).

В разделе РСС «Промежутки времени в пределах года, месяца, недели, их отрезков» [12. С. 49–50] встречается устойчивое сочетание *медовый месяц*, которое обозначает не только временной отрезок, но и состояние людей, находящихся «внутри этого времени». В том, что медовый месяц – это не всегда период, равный 30/31 дням, помогают убедиться примеры: *Период медового месяца длится от полугода до года.* (Brodude. Медовый месяц кончился – и что теперь?). *Календарно медовый месяц длится 28–31 день. Хотя, его длительность скорее можно измерить не временными рамками, а ощущениями.* (МирСвадеб.Net). Таким образом, *медовый месяц* – это время, длительность которого полностью определяется внутренним состоянием людей. *Медовый месяц* – это также и термин медицины, обозначающий физическое состояние больного сахарным диабетом: *Затем у некоторых пациентов наступает «медовый месяц» – состояние, когда кажется, что все хорошо, наступила ремиссия, уровень сахара в крови держится стабильно* (Гродненский областной эндокринологический диспансер. 14 ноября 2020 года – Всемирный день диабета).

Существительные *настоящее, прошлое, будущее* из раздела «Отрезки, периоды времени, соотносимые

с любым состоянием, событием, деятельностью» [12. С. 55] сами по себе не выражают явной семантики состояния, но она проявляется, если они сочетаются со словом *жить* в значении ‘быть целиком занятым, поглощённым, увлечённым кем-чем-нибудь’ [39. С. 236]. Содержание, на котором человек сосредоточен, эксплицируется через лексемы *настоящее, прошлое и будущее*, которые собирательно «озаглавливают» все заботы и переживания, связанные с называемым периодом времени. Выражение *жить настоящим* значит – уделять внимание только тому, что происходит здесь и сейчас, не думать о прошлом и будущем и соответствует динамической концепции времени, согласно которой «существуют события только настоящего времени («прошлого уже нет, будущего еще нет»)» [40. С. 54]. *Отсюда и тяга у людей античности жить настоящим, сознавая, что самый интересный человек – тот, с кем я говорю сейчас, а самое важное событие в жизни – то, что происходит со мной в данную минуту.* (Павел Крусанов. Перекуем орала на свистела (2001) // Нева. 2004). *Самое главное, самое простое и в то же время самое трудное – жить настоящим... радоваться мигу, дышать им, как дышишь осенней горьковатой свежестью или пролетевшим мимо ароматом нежных духов* (С.А. Волков. Дневник).

Не представленное в РСС выражение *жить прошлым* значит ‘быть мысленно неразрывно связанным с событиями прошлого, думать о них’: *Старшее поколение живет прошлым, воспоминаниями, оно видело хорошую жизнь.* (Л.В. Шапорина. Дневник. Т. 1: 1898–1945 (1898–1945)). *Я всегда плохо понимаю, что значит «жить настоящим».* *Но я могу в подробностях рассказать, что значит жить прошлым.* *Прошлым, в котором не было процентных вероятностей, выкидыша молодой врачихи, неудачно вылечившей сестру, сломанной руки сварливой начальницы, достававшей меня своими придирками* (У. Варт. Проклятая ведьма // Ковчег. 2012).

Выражение *жить будущим* менее употребительно, его семантика весьма размыта, в интернет-статьях встречаются следующие «толкования»: ‘откладывать жизнь на потом’ (URL: <https://www.b17.ru/article/331982/>); ‘волноваться, тревожиться о будущем’ (URL: <https://officelife.media/article/people/michael-labkovsky-living-in-the-past-is-depression-to-live-in-the-future-it-s-about-anxiety/>); ‘быть конструктивным и действовать целесообразно’ (URL: <https://zen.ru/media/id/5e7c468ba5352801b116031d/kak-umet-jit-budushcu-obiasniaem-pochemu-razvitye-liudi-jivut-ne-dliatogo-chtoby-tolko-est-i-spat-605452fc9b23db779b4d0490>). *Человек, комкая настоящее, всю жизнь живёт будущим. То ждёт отпуска, то лета, то зимы, то квартиры* (Н.С. Покровская. Дневник русской женщины. 1929–1945 гг. (1934)).

Устойчивое выражение *жить сегодняшним днем* в современной речи часто используется без отрицательной коннотации, представленной в словаре: «Если кто-либо живёт сегодняшним днём, то это означает, что этот человек ведёт беззаботное существование» [35]. *Жить сегодняшним днем* – это ‘быть спо-

койным, уделять внимание настоящему», ср. примеры: *Я принуждал себя писать о людях, с которыми был знаком, вспоминал, что думал о них тогда. Ведь я живу сегодняшним днем. Хочу подчеркнуть – живу настоящим, а не прошлым.* (Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999–2003)). *Я живу сегодняшним днем и думаю о дне завтрашним.* (Борис Мурадов. Восставший из ада // Формула. 2001). Обычно это именно те моменты, когда выходяшь из Храма после службы, когда вдруг все земное кажется менее важным и *хочется жить сегодняшним днем* (А.А. Данилова. Местность любви (09.11.2015) // Православие и мир (pravmir.ru). 2015).

Стоит сказать и об устойчивых сочетаниях *жить* *вчерашним* *днем* и *жить* *завтрашним* *днем*. Первое имеет значение ‘быть несовременным, отстать от времени’ [41]: *Даже не потому, что человек не может быстро приспособиться к переменам климата – он в принципе не расположен смотреть в будущее, планировать стратегически. Он живет вчерашним днем. А жить надо днем завтрашним.* (Аркадий Тишков, Ольга Балла. Привлечь к себе любовь пространства // Знание – сила. 2009). Второе ещё не получило отражение в словарях, но, проанализировав примеры употребления, можно установить, что оно значит ‘пребывать в постоянном ожидании чего-то, откладывать дела на потом’: *Русский человек живет завтрашним днем – сегодня он проживет начерно, кое-как; он вечно ждет то Юрьева дня, то семнадцатого года, то мира, то коммунизма, то конца пятилетки, то цивилизации* (М.К. Кантор. Медленные челюсти демократии (2008)). *Вернее, это она будет кричать потом, когда ее наденет на руку какая-то другая история, а пока Хлоя говорит так: Верят в Бога лишь те, кто живет завтрашним днем, а я живу только сейчас.* (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // Знамя. 2005). *Вдруг Коршунов понял, что ничто несделанное сразу не сделается никогда. Всю жизнь он жил завтрашним днем. Это его проклятущая графомания, это она своей постоянной незавершенностью перетягивала его в завтра...* (Галина Щербакова. Подробности мелких чувств (2000)).

Фразеологизмы с темпоремой *век* – с *веком* *наравне*, *в ногу с веком*, *отстать от века* – описывают состояние субъекта, который успевает или не успевает за временем. *В искреннем желании быть «с веком наравне», «не отстать», «ловить современность» Анненков жадно искал встреч с замечательными людьми своего времени* (В.П. Дорофеев. П.В. Анненков и его воспоминания. Вступительная статья (1960)). *Он во всем шел в ногу с веком* (Ю.Н. Тынянов. Пушкин (1935–1943)). *Быть может, я выжил из ума, отстал от века, впал в детство; но решительно отказываюсь понимать поведение моей Наточки* (А.Ф. Кошко. Очерки уголовного мира царской России. 1 (1926)).

В 25 из 314 лексем семантика состояния обусловлена **внутренней формой**. В зависимости от способа проявления семантики внутреннего состояния их можно разделить на несколько групп.

1. Имена существительные с исконной семантикой, связанной с состоянием человека: *воскресенье* (от *воскресати*), *суббота* (от греч. *sabbaton* – день покоя), *страда* (работа, нужда, родственно глаголу *страдать*), *сессия* (от *sedēre* «сидеть») [32] и т.д.

2. Имена существительные, представленные в РСС в разделе «Возрастные состояния» [12. С. 62–63], *младенчество*, *малолетство*, *детство*, *отрочество*, *юность*, *молодость*, *зрелость*, *старость*, обозначают период в жизни человека и соответствующее этому периоду состояние физического и психического развития. Формально семантика состояния в них выражена суффиксами, способными иметь значение абстрактного состояния -ость- (*радость*) и -ств- (*бешенство*, *блаженство*): *Но у женщин, пойми, есть одно заболевание: старость* (О.А. Славникова. 2017 (2017)). *«Старость – не радость», написал я, намекая на возраст процентщицы* (В.Г. Месяц. Преступление и наказание // Волга. 2016).

Эти лексемы нельзя рассматривать только как обозначения временных отрезков, так как границы каждого возрастного периода условны и определяются скорее не календарными границами, а внутренним состоянием человека. М.Н. Эпштейн писал: «Если уж бывает затянувшаяся весна, с заморозками и холодными ветрами, никак не переходящая в лето, то тем более бывает и затянувшееся детство» [42]. При этом отметим, что часть слов, обозначающих возрастные состояния, обычно используется в прямом значении и обозначает физическое состояние: *младенчество*, *малолетство*, *отрочество*, *зрелость*, а часть – *детство*, *юность*, *молодость*, *старость* – часто употребляется в переносном значении, используется в составе устойчивых выражений, и семантика внутреннего состояния в них становится особенно явной, ср.: *вторая молодость*, *впасть в детство*, *душевная старость* и т.д. *Несмотря на муки похмелья и преждевременную старость души, ему хватает сил в поисках духовности заглянуть под каждый камень: в клубах?* (Л.А. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего (2016)). *Прощай же, моя молодость, прощай, хоть и не помяну я тебя ничем* (Л.В. Шапорина. Дневник. Т. 1: 1898–1945 (1898–1945)). Человек, таким образом, находится в постоянном движении от возраста к возрасту, от состояния к состоянию.

3. Имена существительные, соотносимые с процессами обновления во внутреннем мире человека: *возрождение*, *ренессанс*, *воскресенье*, *отдых*, *передышка*, *продох*, *роздых*. Лексемы с корнем -дых- объединяются этимологически обусловленным значением ‘восстановление нормального дыхания’ и используются для обозначения процесса расслабления после состояния активности. Лексемы *возрождение*, *воскресенье*, *ренессанс* содержат семы ‘оживление’, ‘подъём’, ‘расцвет’ и называют период возобновления во внутреннем состоянии человека или какого-либо объекта: «Возрождение – восстановление, оживление, появление вновь, обновление чего бы то ни было – чувств и отношений, знаний и умений, культуры и производства и т.д.» [43]. *Расцветают любовь, братство и моральное возрождение. Все носят друг другу кофе из аппарата и применяют в*

обращении уменьшительные суффиксы. (Слава Сэ. Ева (2010)). *Ведь что такое ренессанс как не маленький перевес надежды и успеха над отчаянием и упадком.* (В.В. Библихин. Из записей на тему самопознания. Отдельные записи и отрывки из дневников (нач. 70-х – нач. 90-х гг.) (1970–1992)). *Кроме часов отдыха существуют, конечно, целые дни отдыха – воскресенье и другие праздники* (В.С. Соловьев. Оправдание добра (1894–1899)).

4. Имена существительные, называющие времена суток и времена года и являющиеся метафорически номинациями периодов в жизни человека.

Лексема **утро** этимологически родственна глаголам *чувствовать, ощущать*: «Утро буквально – время, когда начинают бодрствовать, чувствовать» [32]. В иллюстративном материале РСС находим метафорическое употребление **утро жизни**. Эта генитивная метафора используется преимущественно в поэтических текстах, когда символически называются такие возрастные состояния, как детство и юность. *О, неужели утро жизни вешиной // Когда-нибудь взойдет в душе моей?* (А. Блок). *Утро жизни отцветет, // И на сердце грусть падет.* (С. Раич).

Другие названия времени суток (**день, вечер, ночь**) не обладают внутренней формой с семантикой состояния, однако лексема **вечер** в составе генитивной метафоры **вечер жизни** по аналогии с лексемой **утро** обозначает переходное состояние старости в поэтических текстах. *Юность в даль унеслась, невозвратная, // Вечер жизни ненастно-суров* (А. Кондратьев). *Под вечер жизни, в час унылый, // На небо взглянешь впопыхах* (С. Городецкий). В некоторых текстах религиозного характера встречается метафора **ночь жизни** и называет состояние духовной пропасти, ср.: *Да, да... не надо ходить в эту темную ночь жизни, надо уйти от неё, как уходили пустыnnики... надо уединиться, чтобы служить одному Христу!* (С.И. Гусев-Оренбургский. Монах (1915) // Пробуждение. 1916). Лексема **день** ни изолированно, ни в сочетании **день жизни** не обозначает внутреннее состояние человека, так как «концептуализируется как “плато”, т.е. как нечто статическое, неизменное на всем своем протяжении, неградуируемое» [23. С. 42].

Слово **весна**, по данным словаря Н.М. Шанского, «производное от той же основы (вес-), что и *веселый*», «буквально весна – ‘время, когда живет хорошо’» [32]. С весной, как правило, сравнивается молодость, прекрасное настроение: *Пора обновления, начало начал, время надежд, любви, желаний, светлых дум и мечтаний. Одним словом, весна* (Весенний призыв // Экран и сцена. 2004.05.06). В художественных текстах употребительна метафора **весна жизни** со значением ‘период душевного подъема’: *Тот же огнем пылала, когда я за ней бегал! Весна жизни была у нас обоих... Хорошее было время!..* (С.А. Гарин. Емельян (1915)). Отдельные весенние месяцы также могут служить обозначениями юной поры: *Довольно долго пожил я; мой май // Промчался быстро; желтыми листьями // Опал моей весны увядший цвет* (Л.И. Шестов. Шекспир и его критик Брандес (1898)).

Лексема **осень** в составе генитивной метафоры **осень жизни** также выражает семантику внутреннего состояния человека: *Осень жизни, как и осень года, надо, не скорбя, благословить* (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)). Лексемы **лето** и **зима** реже используются для обозначения состояния, хотя в словарях до XX в. отмечалось, что **зима** может метафорически соотноситься с физиологическим состоянием пожилого возраста: «употребляется в стихотворениях уподобительно вместо старости» [44. С. 71]. Осень и весна как периоды кардинальных изменений в природе закономерно являются метафорами изменений во внутреннем мире человека: *Книга построена по сезонному принципу, однако зимы и лета в ней почти нет, есть осень и весна, ибо осенью и весной происходят изменения в природе и жизни людей.* (Любовь Шконда. «Двенадцать звуков разной высоты». О книге стихов Александра Куликова // Дальний Восток. 2019).

Заключение

Проанализировав все рубрики раздела «Время, его ход, периоды и моменты его течения» Русского семантического словаря, разделим проанализированные лексемы на группы и представим случаи появления в них семантики внутреннего состояния в виде таблицы.

Случаи выражения темпоральными лексемами семантики состояния

Случаи выражения семантики состояния темпоральными существительными	Темпоральные существительные из РСС
Употребление в составе субстантивной модели «у меня + И.п.»	<i>Выходной, праздник, сессия, цейтнот, каникулы, обед, окно, отгул, отдых, отпуск, передышка, перекур, перемена, переменка, перерыв, привал</i>
Употребление в составе предложно-падежной модели «в + И.п.»	<i>Момент, настоящее, декрет, отпуск, цейтнот, возраст, год, лета</i>
Употребление в словосочетании, представляющем концептуальные метафорические модели «время-состояние – непреодолимая сила», «время-состояние – хищный зверь»	<i>Понедельник, будни, прошлое, ночь, цейтнот, весна, старость, годы, будущее, завтра</i>
Употребление в словосочетаниях со словом состояние и с глаголами <i>чувствовать, ощущать</i>	<i>Май, воскресенье, понедельник, пятница, праздник, лето, осень, весна, зима, зрелость, молодость, возраст, старость, отрочество, юность, юношество, возрождение, ренессанс</i>
Употребление в словосочетаниях по типу синекдохи с компонентами <i>в душе, в сердце, в груди</i>	<i>Праздник, весна, осень, молодость, юность, май</i>
Употребление в составе устойчивых сочетаний, представленных в РСС	<i>Медовый месяц, жить одним днём, дни сочтены, жить минутой, смотреть сентябрём, понедельник – день тяжёлый, серые будни, жить вчерашним днём, жить завтрашним днём, жить настоящим, жить сегодняшним днём, с веком наравне, в ногу с веком, отстать от века, последний час, годы уже не те, впасть в детство, в расцвете лет, не первой молодости, вторая молодость – не радость, войти в лета</i>

Обладание внутренней формой с семантикой состояния	Воскресенье, суббота, праздник, шабаш, страда, цейтнот, отдых, передышка, продох, роздых, утро, весна, детство, зрелость, малолетство, младенчество, отрочество, младость, молодость, старость, юность, возрождение, ренессанс, сессия, будни
--	---

Таким образом, в философских и лингвистических работах последовательно отражается тесная взаимосвязь понятийных категорий времени и состояния и доказываемая возможность метафорических и метонимических переносов временной семантики на семантику состояния и наоборот. С опорой на данные представления и описанные С.Н. Цейтлин синтаксические модели выражения психического состояния в процессе анализа темпоральных лексем удалось прийти к выводу, что темпоральные имена существительные обозначают внутреннее состояние человека в трех основных случаях:

1) в составе типовых синтаксических конструкций (употребление в составе субстантивной модели «*у меня + И.п.*», в составе предложно-падежной модели «*в + П.п.*», употребление в словосочетании, представляющем концептуальные метафорические модели «*время-состояние – непреодолимая сила*», «*время-состояние – хищный зверь*», употребление в словосочетаниях со словом *состояние* и с глаголами *чувствовать, ощущать* употребление в словосочетаниях по типу синекдохи с компонентами *в душе, в сердце, в груди*);

2) в составе устойчивых выражений;

3) самостоятельно, если семантика состояния заключается во внутренней форме слова.

Выделение данных случаев выражения семантики состояния темпоральными именами существительными указывает на смежность категорий темпоральности и состояния, их философскую близость, проявляющуюся в языке.

Список источников

1. Галкина Е.В. Вербализация эмоционального состояния страха в детской речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. № 3. С. 838–864.
2. Игнатъева А.С., Калинина В.В., Сонголова Ж.Г. Языковое моделирование феномена сожаления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3–2. С. 103–105.
3. Смахтин Е.С. Вербализация эмоций «страх» и «тревога» в современной англоязычной финансово-экономической публицистике // Политическая лингвистика. 2021. № 3. С. 184–195.
4. Горобец Е.А., Есин Р.Г., Есин О.Р. Вербальное описание головокружения русскоязычными информантами с высоким и низким уровнем алекситимии // Филология и культура. 2018. № 4. С. 28–33.
5. Камалова А.А. Семантическая категория состояния. Лингвофилософский очерк. Olsztyn : Centrum Badan Europy Wschodniej Uniwersytetu Warminsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2008. 132 с.
6. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994. 344 с.
7. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Язык и время. М. : Индрик, 1997. 352 с.
8. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
9. Широкова Е.Н. Темпоральный код языка и его эмотивный субкод. Н. Новгород, 2010. 189 с.
10. Юркова М.Г. Свободное время как ресурсное состояние человека // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 8. С. 337–342.
11. Воронина Н.И., Новикова Н.Л. Огаревское время как состояние истории и человека // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. № 1. С. 27–32.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 3. М. : Азбуковник, 2003. 720 с.
13. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 29.04.2022).
14. Аристотель. Физика. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/physic.txt> (дата обращения: 30.03.2022).
15. Плотин. Третья эннеада / пер. с древнегреч. Т.Г. Сидаша ; вступ. ст. Т.Г. Сидаша и Д.Ю. Сухова. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2004. 480 с.
16. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 1 / ред.: И.С. Нарский, А.Л. Субботин ; ред. 1 т., авт. вступ. ст. и примеч. И.С. Нарский ; пер. с англ. А.Н. Савина. М. : Мысль, 1985. 621 с.
17. Кант И. Критика чистого разума. URL: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/kanti02/txt04.htm> (дата обращения: 31.03.2022).
18. Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. А.В. Михалова, Н.С. Плотникова. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе / пер. с нем. под ред. В.А. Куренного. М. : Три квадрата, 2004. 419 с.
19. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч.-ред. совет. В.С. Степин и др. М. : Мысль, 2000–2001.
20. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
21. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
22. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. Л. : Наука, 1990. 262 с.
23. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Время суток и виды деятельности // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
24. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
25. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М. : Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.
26. Губский Е.Ф. Философский энциклопедический словарь. URL: <https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com/2165-состояние> (дата обращения: 30.04.2022).
27. Аристотель. Категории. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt> (дата обращения: 07.03.2022).
28. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. М. : Индрик, 1997. С. 122–130.
29. Лебедева Л.А. Эксплицитные и имплицитные метафорические контексты в художественном произведении // Континуальность и дискретность в языке и в речи. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2009. С. 23–24.
30. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
31. Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика : сб. ст. М., 1976. С. 161–181.
32. Этимологический онлайн-словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (дата обращения: 08.05.2022).

33. Русский ассоциативный тезаурус. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>
34. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
35. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev> (дата обращения: 15.02.2022).
36. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.
37. Калинина Л.В. Изучение семантики неуловимого как лингвистическая и когнитивная проблема // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 3. С. 63–67.
38. Фалеева А.С. Лексема *весна* как средство образной репрезентации внутреннего состояния человека // Мир русского слова. 2021. № 4. С. 55–64.
39. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1164 с.
40. Громова С.Л. Основные концепции времени в XX веке // Идеи и идеалы. 2014. № 2. С. 53–60.
41. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/>
42. Эпштейн М.Н. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Звезда. 2006. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/4/k-filosofii-vozrasta-fraktalnost-zhizni-i-periodicheskaya-tablica-vozrastov.html> (дата обращения: 15.09.2022).
43. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/fc/slovar-194-3.htm#zag-395> (дата обращения: 08.06.2022).
44. Словарь Академии Российской. Императорская Академия Наук. СПб., 1789–1794. Ч. 3: от 3 до М. 761 с.

References

1. Galkina, E.V. (2017) Verbalizatsiya emotsional'nogo sostoyaniya strakha v detskoj rechi [Verbalization of the emotional state of fear in children's speech]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvистических issledovaniy*. 3. pp. 838–864.
2. Ignat'eva, A.S., Kalinina, V.V. & Songolova, Zh.G. (2017) Yazykovoe modelirovanie fenomena sozhaleniya [Linguistic modeling of the phenomenon of regret]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3–2. pp. 103–105.
3. Smakhtin, E.S. (2021) Verbalizatsiya emotsiy “strakh” i “trevoga” v sovremennoy angloyazychnoy finansovo-ekonomicheskoy publitsistike [Verbalization of emotions “fear” and “anxiety” in modern English-language financial and economic journalism]. *Politicheskaya lingvistika*. 3. pp. 184–195.
4. Gorobets, E.A., Esin, R.G. & Esin, O.R. (2018) Verbal'noe opisanie golovokruzheniya russkoyazychnymi informantami s vysokim i nizkim urovnem aleksitimii [Verbal description of dizziness by Russian-speaking informants with high and low levels of alexithymia]. *Filologiya i kul'tura*. 4. pp. 28–33.
5. Kamalova, A.A. (2008) *Semanticheskaya kategoriya sostoyaniya. Lingvofilosofskiy ocherk* [The Semantic Category of the State. Linguistic and philosophical essay]. Olsztyn: Centrum Badan Europy Wschodniej Uniwersytetu Warminsko-Mazurskiego w Olsztynie.
6. Yakovleva, E.S. (1994) *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian Language Picture of the World (Models of space, time and perception)]. Moscow: Gnozis.
7. Arutyunova, N.D. (1997) *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language. Language and time]. Moscow: Indrik.
8. Shmelev, A.D. (2002) *Russkaya yazykovaya model' mira: Materialy k slovaryu* [Russian Language Model of the World: Materials for the dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
9. Shirokova, E.N. (2010) *Temporal'nyy kod yazyka i ego emotivnyy subkod* [Temporal language code and its emotive subcode]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University.
10. Yurkova, M.G. (2011) Svobodnoe vremya kak resursnoe sostoyanie cheloveka [Free time as a resource state of a person]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 8. pp. 337–342.
11. Voronina, N.I. & Novikova, N.L. (2018) Ogarevskoe vremya kak sostoyanie istorii i cheloveka [The time of Ogarev as a state of history and man]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 1. pp. 27–32.
12. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2003) *Russkiy semanticheskyy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Vol. 3. Moscow: Azbukovnik.
13. *Russian National Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/>. (Accessed: 29.04.2022). (In Russian).
14. Aristotle. (1999) *Fizika* [Physics]. Translated from Ancient Greek by V.P. Karpov. Kharkov: Eksmo-Press. [Online] Available from: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/physic.txt>. (Accessed: 30.03.2022).
15. Plotinus. (2004) *Tret'ya enneada* [Third Ennead]. Translated from Ancient Greek by T.G. Sidash. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
16. Locke, J. (1985) *Sochineniya* [Works]. Translated from English by A.N. Savin. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
17. Kant, I. (n.d.) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from German. [Online] Available from: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/kanti02/txt04.htm>. (Accessed: 31.03.2022).
18. Dilthey, W. (2004) *Sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Translated from German by V.A. Kurennoy. Moscow: Tri kvadrata.
19. Stepin, V.S. et al. (eds) (2000–2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl'.
20. Akhmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvистических terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
21. Rozental', D.E. & Telenkova, M.A. (1985) *Slovar'-spravochnik lingvистических terminov* [Dictionary-Reference Book of Linguistic Terms]. Moscow: Prosveshchenie.
22. Bondarko, A.V. (1990) *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Functional Grammar Theory: Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka.
23. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2005) Vremya sutok i vidy deyatelnosti [Time of day and activities]. In: Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. *Khucheyevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
24. Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire and Dangerous Things: What language categories tell us about thinking]. Translated from English by I.B. Shatunovskogo. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
25. Il'ichev, L.F. et al. (eds) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
26. Gubskiy, E.F. (n.d.) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. [Online] Available from: <https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com/2165-sostoyanie>. (Accessed: 30.04.2022).
27. Aristotle. (2000) *Kategorii* [Categories]. Translated from Ancient Greek. [Online] Available from: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt>. (Accessed: 07.03.2022).
28. Gak, V.G. (1997) Prostranstvo vremeni [Space of time]. In: Arutyunova, N.D. & Yanko, T.E. (eds) *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language. Language and time]. Moscow: Indrik. pp. 122–130.

29. Lebedeva, L.A. (2009) Eksplitsitnye i implitsitnye metaforicheskie konteksty v khudozhestvennom proizvedenii [Explicit and implicit metaphorical contexts in a work of art]. In: *Kontinual'nost' i diskretnost' v yazyke i v rechi* [Continuity and Discreteness in Language and Speech]. Krasnodar: Kuban State University. pp. 23–24.
30. Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th ed. Nazran: Pilgrim.
31. Tseytlin, S.N. (1976) Sintaksicheskie modeli so znacheniem psikhicheskogo sostoyaniya i ikh sinonimika [Syntactic models with the meaning of the mental state and their synonyms]. In: Zolotova, G.A. (ed.) *Sintaksis i stilistika* [Syntax and Stylistics]. Moscow: Nauka. pp. 161–181.
32. Shanskiy, N.M. (ed.) *Etimologicheskii onlayn-slovar' russkogo yazyka* [Online Etymological Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://lexicography.online/etymology/shansky>. (Accessed: 08.05.2022).
33. *Russkiy assotsiativnyy tezaurus* [Russian Associative Thesaurus]. (n.d.) [Online] Available from: <http://thesaurus.ru/dict/>.
34. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and Variables of the Russian Language Picture of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
35. Dmitriev, D.V. (n.d.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/dmitriev>. (Accessed: 15.02.2022).
36. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: A–Ya* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language: A–Ya]. Saint Petersburg: Norint.
37. Kalinina, L.V. (2016) Izuchenie semantiki neulovimogo kak lingvisticheskaya i kognitivnaya problema [The study of the semantics of the elusive as a linguistic and cognitive problem]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 63–67.
38. Faleeva, A.S. (2021) Leksema vesna kak sredstvo obraznoy reprezentatsii vnutrennego sostoyaniya cheloveka [Lexeme spring as a means of figurative representation of the internal state of a person]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 55–64.
39. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2008) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. Moscow: Azbukovnik.
40. Gromova, S.L. (2014) Osnovnye kontseptsii vremeni v XX veke [Basic concepts of time in the 20th century]. *Idei i idealy*. 2. pp. 53–60.
41. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Big Dictionary of Russian Sayings]. Moscow: Olma Media Grupp. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/>.
42. Epshteyn, M.N. (2006) K filosofii vozrasta. Fraktal'nost' zhizni i periodicheskaya tablitsa vozrastov [To the philosophy of age. The fractality of life and the periodic table of ages]. *Zvezda*. 4. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/4/k-filosofii-vozrasta-fraktalnost-zhizni-i-periodicheskaya-tablica-vozrastov.html>. (Accessed: 15.09.2022).
43. Bezrukova, V.S. (2000) *Osnovy dukhovnoy kul'tury (entsiklopedicheskiy slovar' pedagoga)* [Fundamentals of Spiritual Culture (Encyclopedic dictionary of a teacher)]. [Online] Available from: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/spiritual-culture/fc/slovar-194-3.htm#zag-395>. (Accessed: 08.06.2022).
44. Lepekhin, I.I. et al. (eds) (1789–1794) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Pt. 3. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk.

Информация об авторе:

Фалеева А.С. – аспирант, старший преподаватель кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: FaleevaAnn@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Faleeva, postgraduate student, senior lecturer, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: FaleevaAnn@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.06.2022;
одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 30.04.2023.

The article was submitted 18.06.2022;
approved after reviewing 30.12.2022; accepted for publication 30.04.2023.

Научная статья
УДК 811.581
doi: 10.17223/15617793/489/5

Проблема дифференциации синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «делать»: корпусное исследование

Евгения Павловна Шавалова¹, Софья Андреевна Маннапова²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, jane.shav2000@yandex.ru

² Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, simatovasa@mgpu.ru

Аннотация Анализируются контексты употребления синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «делать». Основным методом исследования выступает расширенный вариант компонентного анализа с привлечением методов анализа словарных дефиниций и анкетирования носителей китайского языка. В качестве источника языкового материала выбран лингвистический корпус ВСС. Определены дифференциальные семы в составе пяти синонимичных глаголов, выявлены случаи взаимозаменяемости.

Ключевые слова: синоним, сема, компонентный анализ, лингвистический корпус, семантическая дифференциация, функциональная дифференциация

Для цитирования: Шавалова Е.П., Маннапова С.А. Проблема дифференциации синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «делать»: корпусное исследование // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 48–57. doi: 10.17223/15617793/489/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/5

The problem of differentiation of synonymous verbs with the meaning of doing in modern Chinese: A corpus research

Evgenia P. Shavalova¹, Sofya A. Mannapova²

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, jane.shav2000@yandex.ru

² Moscow City University, Moscow, Russian Federation, simatovasa@mgpu.ru

Abstract. The article discusses the problem of semantic and functional differentiation of synonymous verbs with the meaning of doing in modern Chinese. The aim of the work is to analyse the combinability characteristics of investigated verbs and to determine their differential semes. The results of the analysis of entries in synonym dictionaries that differentiate Chinese verbs with the meaning of doing are the following: (1) only two or three verbs are typically compared, whereas the synonymous series of such verbs in modern Chinese is much longer; (2) characteristics of lexical and grammatical combinability of verbs are not analysed in detail. For further analysis, five most common synonymous verbs with the meaning of doing in modern Chinese (作, 做, 弄, 干 and 搞) were selected. The source of the language material in the form of contexts in which investigated verbs are used is BCC corpus. The main method of the research was an extended variant of componential analysis. This kind of analysis involves reference to contexts in which investigated verbs are used in the linguistic corpus, whereas classical componential analysis concentrates only on dictionary definitions. The analysis of the contexts in which synonymous verbs 作, 做, 弄, 干 and 搞 are used made it possible to describe their combinability with nouns, prepositions and verb-suffixes; determine the ability of using complements, reduplication and insertion into a compound verb; define stylistic features. After that the verbs were compared according to the following criteria: shades of meaning, nature of nouns which the verbs take, semantic and syntactic relations with nouns in object position, verb form, nature of action (concrete or abstract), stylistic features. The research revealed that the verb 作 stood semantically and functionally apart from the other four verbs, which were often interchangeable. Therefore, the comparative analysis was conducted in two main groups: (1) the verb 作 was compared with the verb 做 which had the broadest semantics; (2) the verbs 做, 弄, 干 and 搞 were compared as interchangeable. In addition to the main part of the research, in order to clarify information on the differentiation of interchangeable verbs, a survey of native Chinese speakers was conducted. The results of the survey confirmed the high interchangeability of the investigated verbs. The study has shown that the most popular verb, which fits most of the controversial contexts, is the verb 做 and the least popular verb is 干.

Keywords: synonym, seme, componential analysis, linguistic corpus, semantic differentiation, functional differentiation

For citation: Shavalova, E.P. & Mannapova, S.A. (2023) The problem of differentiation of synonymous verbs with the meaning of doing in modern Chinese: A corpus research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 48–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/5

Постановка проблемы

Несмотря на наличие трудов, достаточно подробно описывающих явление синонимии в китайском языке (например, [1–3]), а также многочисленных словарей китайских синонимов (например, [4–6]), максимально полная и точная дифференциация значений синонимичных лексических единиц может быть проведена только при непосредственном анализе как можно большего числа контекстов их употребления. Особенно явно необходимость учета максимального количества контекстов употребления для дифференциации значений проявляется при обращении к глаголам широкой семантики, к которым относятся в том числе синонимичные глаголы современного китайского языка со значением «делать».

В имеющихся учебных и лексикографических пособиях часто содержится противоречивая информация о дифференциации значений синонимичных глаголов китайского языка со значением «делать». Так, в словаре современного китайского языка [7] значение глагола 弄 «делать» приравнивается к значениям его синонимов 做, 干, 办 и 搞, а значение глагола 搞 дается через его сравнение с 做, 干 и 从事, что вызывает трудности в понимании различий между данными единицами. В то же время в учебном пособии «Лексикология китайского языка» [1. С. 127] В.И. Горелов утверждает, что синонимы 做 и 搞 обладают разной стилиевой окраской (общенародное слово и диалектизм), что противоречит факту об их взаимозаменяемости, на который указывают упомянутые выше словарные дефиниции.

Отмеченные противоречия имеют наиболее выраженный негативный эффект в сфере обучения китайскому языку как иностранному: если носитель китайского языка может интуитивно чувствовать, какой синоним употребить в том или ином случае (но при этом, заметим, зачастую не может логически аргументировать свой выбор), то иностранцу с еще несформированным «чувством языка» приходится обращаться к учебным и справочным изданиям, где он и сталкивается с обозначенной проблемой отсутствия полного и непротиворечивого объяснения. Собственно, с такой же проблемой сталкивается и преподаватель, когда пытается в тех же изданиях найти ответ на вопрос о дифференциации синонимов, который ему задали студенты на занятии.

Целью настоящей статьи является осуществление семантической и функциональной дифференциации пяти синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «делать»: 作, 做, 弄, 干 и 搞. Языковым материалом исследования выступают контексты употребления данных глаголов, отобранные из лингвистического корпуса ВСС [8].

Методология исследования

Каждое слово обладает своим уникальным значением (семемой), которое представляет собой совокупность семантических компонентов разного уровня.

Как утверждают И.А. Стернин и М.С. Саломатина, самых крупных компонентов значения (мегакомпонентов) два: лексический и структурно-языковой [9. С. 6]. Мегакомпоненты значения подразделяются на менее крупные макрокомпоненты. Лексический мегакомпонент состоит из денотативного и коннотативного макрокомпонентов. В структурно-языковом мегакомпоненте, в свою очередь, выделяются функциональный и грамматический макрокомпоненты. Однако в контексте проводимого исследования нас прежде всего интересуют микрокомпоненты значения, т.е. семы. Сема – минимальный компонент значения, который отражает отличительный признак предмета или явления [10. С. 46].

При сравнении значений слов выделяют интегральные (общие) и дифференциальные (разные) семы. Например, у слов *мужчина* и *мальчик* интегральными будут семы «человек» и «мужской пол», а дифференциальными – «взрослый» и «юный». Чем больше у слов интегральных сем, тем ближе они по значению. Если ориентироваться на этот принцип, то слова *мальчик* и *девочка* семантически ближе, чем слова *женщина* и *мальчик*, поскольку первая пара слов имеет две интегральные семы («человек» и «юный»), а вторая – только одну («человек») [9. С. 11]. Интегральные и дифференциальные семы могут быть выделены не только на основании словарных дефиниций, но и через анализ функциональных особенностей близких по значению лексических единиц (особенности лексической сочетаемости, устойчивые синтаксические функции и т.п.). Так, например, прилагательное «красивая» сочетается и со словом «женщина», и со словом «девочка», а прилагательное «притягательная» – только со словом «женщина».

В настоящее время одним из наиболее действенных методов описания лексического значения слова является метод компонентного анализа [11. С. 144], базирующийся на представлении значения слова как совокупности минимальных компонентов – сем [12. С. 133].

И.М. Кобозева описывает компонентный анализ как последовательность действий, при которой каждому слову ставится в соответствие определенный набор семантических составляющих [13. С. 111]. При этом происходит попарное сопоставление близких по значению слов с целью выявления их интегральных и дифференциальных сем [9. С. 14]. Таким образом, метод компонентного анализа особенно эффективен при дифференциации значений семантически близких, синонимичных лексических единиц.

З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют две основные формы компонентного анализа – минимальную и полную [10. С. 127]. Минимальный компонентный анализ обычно применяется лишь для разграничения значения небольшой группы синонимов и проводится, как правило, на основании языковой интуиции, хотя обращение к словарям тоже возможно. Целью полного компонентного анализа, в отличие от минимального, является не просто дифференциация значений слов, а выявление максимально возможного количества их семантических компонентов, т.е. описание семной структуры семем. При этом обычно анализируется

большая группа семантически близких слов, анализ проводится на основании словарных дефиниций.

Однако опираться лишь на словарные дефиниции, как правило, возможно только при проведении компонентного анализа значений близких по смыслу существительных. Если же необходимо проанализировать слова других частей речи, в частности прилагательные и глаголы, то, помимо словарей, также необходимо изучать разнообразные контексты употребления этих слов. Поэтому одним из инструментов для развития компонентного анализа и перевода его на более высокий уровень является лингвистический корпус.

Опираясь на русско-китайский словарь под редакцией З.И. Барановой [14], а также исходя из собственного опыта изучения языка, для последующего анализа мы отобрали пять синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «делать»: 作, 做, 弄, 干 и 搞. Выбор данных пяти глаголов обусловлен, прежде всего, их широкой употребительностью и в устной, и в письменной формах речи на китайском языке, что в свою очередь определяет необходимость дифференциации их значений для построения грамотного высказывания на китайском языке, в том числе в процессе профессиональной переводческой деятельности. Выбор односложных глаголов для анализа обусловлен их способностью выступать не только в качестве самостоятельных лексических единиц, но и входить в состав двусложных китайских глаголов, поэтому прояснение значений односложных морфем современного китайского языка, безусловно, является первым шагом для анализа составных лексических единиц.

Дифференциация китайских синонимичных глаголов со значением «делать»: результаты анализа словарей синонимов

В.И. Горелов определяет синонимы как схожие, близкие по значению слова, которые обозначают одно и то же понятие [1. С. 122]. Несмотря на то, что синонимы близки по смыслу, они все же различаются оценочными и эмоциональными оттенками, семантическими и стилистическими коннотациями, что позволяет сделать вывод о дифференцирующей роли синонимов.

Для получения более полного представления о проблеме дифференциации синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «делать» мы обратились к словарям китайских синонимов [4–6]. Данные словари, как правило, проводят дифференциацию между двумя или тремя лексическими единицами.

做 vs 作

В словаре «Синонимы китайского языка: различия и упражнения» (汉语相似词语区别与练习) [4] глаголы 做 и 作 разграничиваются наименее детально: приводится дифференциация лишь по признаку сочетаемости с существительными и двусложными глаголами в

функции прямого дополнения. Дифференциация основана преимущественно на рассмотрении словарных дефиниций данных синонимичных глаголов в китайском толковом словаре: глагол 做 может выступать в значениях «изготавливать» (制造), «исполнять обязанности» (担任) и «служить в качестве чего-либо» (作为), а глагол 作 – в значении «создавать» (创作). Очевидно, что опора только на словарные дефиниции при дифференциации глагольных лексических единиц не дает полного представления о разнице между этими глаголами.

В словаре «1700 пар синонимов китайского языка: функциональные особенности» (1700对近义词语用法对比) [5] помимо прочего указывается стилистическая отнесенность глаголов 做 и 作, приводятся существительные, с которыми они сочетаются, а также на примерах показываются случаи их взаимозаменяемости. Однако здесь, как и в упомянутом выше словаре, вся дифференциация основывается лишь на словарных значениях синонимичных глаголов, именно поэтому авторы не указывают причины взаимозаменяемости глаголов в каждом конкретном случае. Например, непонятно, почему в предложении «Он может писать стихи» возможно употребление двух глаголов: 他会做诗 и 他会作诗. А в предложении 他是这部电影的作曲 «Он пишет музыку для этого фильма» возможно употребление только глагола 作. Таким образом, представленная в данном словаре дифференциация глаголов 做 и 作 также не дает читателю исчерпывающего представления о разнице между ними.

搞 vs 弄

В словаре «1700 пар синонимов китайского языка: функциональные особенности» (1700对近义词语用法对比) [5] глаголы 搞 и 弄 разграничиваются по следующим критериям: сочетаемость с существительными в функции прямого дополнения, сочетаемость с дополнительными элементами (补语), стилистическая отнесенность. Рассматриваются случаи взаимозаменяемости. Поскольку данные глаголы, по мнению авторов, практически полностью взаимозаменяемы, то существенных различий в их значениях не выявлено. Словарные дефиниции, на которые вновь опираются авторы при проведении дифференциации, лишь вносят путаницу. Как пишут авторы, в толковом словаре значение глагола 弄 описывается через значение лексических единиц 搞, 做 и 干. Таким образом, пытаясь разграничить значения глаголов 弄 и 搞, авторы, наоборот, приходят к их отождествлению.

做 vs 干 vs 搞

В словаре «Сравнительный анализ частотных лексических единиц при обучении китайскому языку как иностранному» (对外汉语常用词语对比例释) [6] представлено наиболее полное и подробное описание сино-

нимичных глаголов 做, 干 и 搞. Данные глаголы анализируются по следующим критериям: передаваемое значение, характер действия, сочетаемость с существительными в функции прямого дополнения, сочетаемость с наречиями, сочетаемость с дополнительными элементами. В словаре также представлено большое количество наглядных примеров. Однако, несмотря на подробный анализ семантики каждого глагола, их дифференциация основывается главным образом лишь на сравнении существительных, с которыми они сочетаются.

Основным недостатком рассмотренных словарей синонимов является тот факт, что в них сопоставляются максимум три китайских синонимичных глагола со значением «делать», в то время как в современном китайском языке синонимичный ряд глаголов рассматриваемой семантики гораздо длиннее.

Результаты анализа контекстов употребления китайских синонимичных глаголов со значением «делать»

Для проведения дифференциации синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «делать» мы обратились к лингвистическому корпусу ВСС. Был произведен анализ контекстов употребления рассматриваемых глаголов по шести параметрам:

1) сочетаемость с существительными: всего было отобрано 100 контекстов употребления каждого глагола (50 контекстов с существительными в функции подлежащего и 50 контекстов с существительными в функции прямого дополнения);

2) сочетаемость с предлогами: рассматривались все контексты употребления глаголов с предлогами 在 (вводит предложный оборот со значением места или времени) и 给 (вводит предложный оборот со значением адресата), выявленные с помощью лингвистического корпуса ВСС;

3) возможность присоединения дополнительных элементов: для отбора контекстов осуществлялся поиск по корпусу с помощью служебного слова 把, посредством которого прямое дополнение ставится перед глагольным сказуемым;

4) сочетаемость с видовременными суффиксами: рассматривались все контексты употребления глаголов с суффиксами 了 (указывает на завершенность действия), 过 (является показателем неопределенного прошедшего времени) и 着 (указывает на продолженное действие или состояние), выявленные с помощью лингвистического корпуса ВСС;

5) возможность удвоения: рассматривались все контексты употребления глаголов в удвоенной форме, выявленные с помощью лингвистического корпуса ВСС;

6) стилистическая характеристика: был произведен анализ контекстов, отобранных при реализации первого пункта;

7) возможность употребления в составе сложного глагола: был произведен анализ контекстов, отобранных при реализации первого пункта.

Результаты анализа контекстов употребления глаголов 作, 做, 弄, 干 и 搞 представлены в табл. 1–5.

Таблица 1

Анализ контекстов употребления глагола 作

Критерий анализа	Теоретический вывод	Примеры
Сочетаемость с существительными	1. Чаще сочетается с одушевленными, конкретными и двусложными существительными в функции подлежащего. 2. Сочетается только с неодушевленными существительными в функции прямого дополнения, чаще абстрактными и двусложными	读者作结论 «читатель делает вывод» 作贡献 «вносить вклад»
Сочетаемость с предлогами	Редко сочетается с предлогами	作给妻子的礼物 «сделать подарок для жены»
Возможность присоединения дополнительных элементов	Редко сочетается с дополнительными элементами: наиболее частотные – результативные морфемы 成 и 好	把思想作成条理系统 «превратить идею в упорядоченную систему»
Сочетаемость с видовременными суффиксами	Чаще сочетается с суффиксом 了, значительно реже – с суффиксами 过 и 着	作了10分钟的发言 «произнес 10-минутную речь»
Возможность удвоения	Практически не употребляется в удвоенной форме	上前去作一作揖 «выйти вперед и совершить поклон»
Стилистическая характеристика	Чаще встречается в текстах публицистического стиля и в научно-технической литературе, реже – в художественной литературе и разговорной речи (платформа 微博)	–
Возможность употребления в составе сложного глагола	В подавляющем большинстве примеров является составной частью сложного глагола	合作 «сотрудничать» 创作 «создавать»

Таблица 2

Анализ контекстов употребления глагола 做

Критерий анализа	Теоретический вывод	Примеры
Сочетаемость с существительными	1. Чаще сочетается с одушевленными, конкретными и двусложными существительными в функции подлежащего. 2. Сочетается практически с любыми существительными в функции прямого дополнения	学生做动作 «ученик отрабатывает движения» 做朋友 «стать друзьями»
Сочетаемость с предлогами	Сочетается с предлогами 给 и 在	做给她吃 «приготовить для нее еду»
Возможность присоединения дополнительных элементов	Сочетается с дополнительными элементами: наиболее частотные – 好, 成, 完 и 到	把早餐做好 «приготовить завтрак»
Сочетаемость с видовременными суффиксами	Чаще сочетается с суффиксом 了, реже – с суффиксами 过 и 着	做了个重要实验 «провел важный эксперимент»
Возможность удвоения	Употребляется в удвоенной форме: чаще встречается вариант 做做	做做书上的练习 «поделать упражнения из книги»
Стилистическая характеристика	Чаще встречается в научно-технической литературе, текстах публицистического стиля и разговорной речи (платформа 微博), реже – в художественной литературе	–
Возможность употребления в составе сложного глагола	Чаще употребляется в качестве однослога, однако с его помощью также можно образовать двусложные глаголы с более конкретными значениями	承做 «взять на себя задачу» 定做 «изготавливать на заказ»

Таблица 3

Анализ контекстов употребления глагола 弄

Критерий анализа	Теоретический вывод	Примеры
Сочетаемость с существительными	1. Сочетается как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными в функции подлежащего, чаще – конкретными и двусложными. 2. Чаще сочетается с неодушевленными и конкретными существительными в функции прямого дополнения	男人弄钱 «мужчина зарабатывает деньги» 弄头发 «делать прическу»
Сочетаемость с предлогами	Сочетается с предлогами 给 и 在	弄给他看 «показать ему»
Возможность присоединения дополнительных элементов	Сочетается с дополнительными элементами результата (丢, 成, 清楚, 好) и направления (到, 出来)	把书弄丢 «потерять книгу» 把船弄到那儿 «доставить лодку туда»
Сочетаемость с видовременными суффиксами	Сочетается с суффиксами 了 и 过, практически не употребляется с суффиксом 着	去弄了一些食物来 «принести еды» 前两三年弄过个商业性很强的前期策划 «предыдущие несколько лет занимался разработкой начального этапа серьезного коммерческого проекта»
Возможность удвоения	Практически не употребляется в удвоенной форме	牙还是最好弄一弄 «зуб лучше полечить»
Стилистическая характеристика	Чаще встречается в научно-технической литературе и разговорной речи (платформа 微博), реже – в текстах публицистического стиля и художественной литературе	–
Возможность употребления в составе сложного глагола	Зачастую является составной частью двусложных глаголов, однако, как правило, такие глаголы уже несут иное лексическое значение, нежели сам глагол 弄	耍弄 «играть, разыгрывать» 炫弄 «хвалиться»

Таблица 4

Анализ контекстов употребления глагола 干

Критерий анализа	Теоретический вывод	Примеры
Сочетаемость с существительными	1. Чаще сочетается с одушевленными, конкретными и двусложными существительными в функции подлежащего. 2. Чаще сочетается с неодушевленными, абстрактными и двусложными существительными в функции прямого дополнения	工人为钱干 «рабочие трудятся ради денег» 不干家务 «не выполнять работу по дому»
Сочетаемость с предлогами	Сочетается с предлогами 在 и 给	干在一块 «работать вместе»
Возможность присоединения дополнительных элементов	Редко сочетается с дополнительными элементами: наиболее частотные – результативные морфемы 掉, 完 и 好	把敌人干掉 «убить врага»
Сочетаемость с видовременными суффиксами	Чаще сочетается с суффиксом 了, реже – с суффиксами 过 и 着	这项工作已经干了2年多了 «Эта работа уже ведется более двух лет»
Возможность удвоения	Может употребляться в удвоенной форме	找点事儿干干 «найти какое-то дело»
Стилистическая характеристика	Чаще встречается в текстах публицистического стиля и в научно-технической литературе, реже – в разговорной речи (платформа 微博) и художественной литературе	–
Возможность употребления в составе сложного глагола	Чаще употребляется в качестве однослога, однако встречается и в составе двуслогов	盲干 «действовать вслепую» 单干 «работать в одиночку»

Таблица 5

Анализ контекстов употребления глагола 搞

Критерий анализа	Теоретический вывод	Примеры
Сочетаемость с существительными	1. Сочетается практически с любыми существительными в функции подлежащего. 2. Чаще сочетается с неодушевленными абстрактными существительными в функции прямого дополнения, обозначающими какие-либо сферы деятельности	公司在北京搞项目 «Компания занимается проектом в Пекине» 搞农业 «заниматься сельским хозяйством»
Сочетаемость с предлогами	Практически не сочетается с предлогами	不该跟他们搞在一块 «не нужно с ними связываться»
Возможность присоединения дополнительных элементов	Сочетается с дополнительным элементом направления 上去, а также с результитивной морфемой 定	把房价搞上去 «поднимать цены на жилье» 把作业搞定了 «завершил домашнее задание»
Сочетаемость с видовременными суффиксами	Сочетается с суффиксами 了 и 过, практически не употребляется с суффиксом 着	搞了10多年的税收工作 «занимался налоговой деятельностью более 10 лет» 搞过10年项目开发 «10 лет занимался разработкой проектов»
Возможность удвоения	Может употребляться в удвоенной форме: чаще встречается вариант 搞搞	我要搞搞体育 «я хочу заниматься спортом»
Стилистическая характеристика	Чаще встречается в текстах публицистического стиля, научно-технической литературе и разговорной речи (微博), реже – в художественной литературе	–
Возможность употребления в составе сложного глагола	Чаще употребляется самостоятельно, очень редко встречается в составе других глаголов	乱搞 «хулиганить»

Результаты дифференциации китайских синонимичных глаголов со значением «делать»

На основе анализа собранного языкового материала была проведена дифференциация синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «делать». Сравнение синонимичных глаголов происходило по следующим пунктам:

- 1) оттенки значения;
- 2) характер существительных, с которыми сочетается глагол;
- 3) семантическая и синтаксическая связь с существительными в функции дополнения;
- 4) форма глагола;
- 5) характер действия (конкретное или абстрактное);
- 6) стилистические особенности.

В процессе исследования наблюдалось явное противопоставление глагола 作 остальным четырем глаголам 做, 弄, 干 и 搞, которые очень часто были взаимозаменяемыми. Поэтому в первую очередь необходимо сравнить глагол 作 и глагол 做, обладающий самой широкой сочетаемостью из всех рассматриваемых глаголов.

作 vs 做

При проведении дифференциации глаголов 作 и 做 актуальными оказались следующие пункты сравнения:

1. *Стилистические особенности.* Глагол 作, как правило, употребляется в книжном стиле, особенно часто его можно встретить в составе чэньюев. Например, 作罢 «прекращать, бросать», 作废 «отменять, аннулировать», 以身作则 «подавать личный пример». В

свою очередь, глагол 做 чаще используется в разговорном стиле: 做事 «заниматься чем-либо», 做衣服 «шить одежду».

2. *Оттенки значения и характер существительных, с которыми сочетается глагол.* Глагол 作 не содержит в себе такой компонент значения, как «приложение силы», поэтому в большинстве случаев он сочетается с абстрактными существительными. Например, 作弊 «совершать злоупотребления», 作梗 «чинить препятствия», 作价 «устанавливать цену». Глагол 做 часто обозначает действие, для совершения которого нужно приложить определенную физическую силу, и употребляется с более конкретными существительными: 做菜 «готовить еду», 做家务 «выполнять работу по дому», 做游戏 «играть в игры». Также глагол 做, в отличие от 作, может сочетаться с одушевленными существительными в значении «связываться отношениями»: 做朋友 «стать друзьями».

3. *Форма глагола.* Глагол 作 редко используется в форме однослога, в большинстве случаев он является частью составных глаголов, например 创作 «создавать», 合作 «сотрудничать, вместе работать», 写作 «писать». Однако существуют устойчивые сочетания, в основном связанные с творчеством, в которых данный глагол употребляется самостоятельно: 作曲 «писать музыку», 作诗 «писать стихотворения», 作文 «писать сочинение». В свою очередь, глагол 做 чаще используется именно в качестве однослога.

4. *Семантическая и синтаксическая связь с существительным в функции прямого дополнения.* Сочетаясь с существительными, глагол 作 образует прочные семантические и синтаксические связи, не позволяющие вставить между ними другую морфему. Связи

глагола 做 с существительными в функции дополнения менее прочные, поэтому между ними часто можно поставить другую лексическую единицу, например, прилагательное или числительное, ср.: 做梦 «видеть сон» и 做美梦 «видеть прекрасный сон», 做了一个梦 «видел один сон».

Более наглядно дифференциальные семы глаголов 作 и 做 представлены в табл. 6.

Таблица 6
Дифференциальные семы глаголов 作 и 做

Пункт сравнения	作	做
Стилистические особенности	Книжный стиль	Разговорный стиль
Оттенки значения	Нет приложения силы	Есть приложение силы
Характер существительных, с которыми сочетается глагол	Сочетание с абстрактными неодушевленными существительными	Сочетание с конкретными одушевленными существительными
Форма глагола	Преимущественно двуслог	Преимущественно однослог
Семантическая и синтаксическая связь с существительными в функции прямого дополнения	Прочная связь	Непрочная связь

做 vs 弄 vs 干 vs 搞

Большую трудность в процессе изучения китайского языка представляет дифференциация таких глаголов, как 做, 弄, 干 и 搞. В наиболее общем значении «делать» данные глаголы вполне взаимозаменяемы. Например, без потери смысла можно сказать: 你在做/弄/干/搞什么? «Что ты сейчас делаешь?» или 我想把这件事做/弄/干/搞好. «Я хочу выполнить это дело».

Однако данные глаголы все же имеют ряд дифференциальных сем. Актуальными при проведении дифференциации стали такие пункты сравнения, как «оттенки значения» и «характер действия».

1. *Оттенки значения.* Как уже было установлено, глагол 做, как правило, подразумевает приложение физической силы, три других глагола не имеют указанного оттенка значения. Поэтому в примере 做书架 «изготавливать книжную полку» глагол 做 невозможно заменить ни на один другой. В случае его замены на 弄 или 搞 изменится смысл высказывания: книжную полку будут не изготавливать, а пытаться найти/раздобыть.

Глагол 干 отличается более узкой семантикой, чем все остальные глаголы, поэтому часто употребляется в устойчивых выражениях. Например, 干活 «работать», 干工程 «проводить инженерные работы». В результате проведенной беседы с носителями китайского языка было установлено, что глагол 干 нередко имеет негативный оттенок, особенно явно это ощущают жители Тайваня. Поэтому, во избежание ошибок, данный глагол рекомендуется использовать только в устойчивых выражениях.

Глаголы 弄 и 搞 в некоторых контекстах могут нести оттенок раздражения. Например, 你不要弄我 «отстань от меня», 别搞笑了 «не смейся меня».

2. *Характер действия.* Глагол 弄 является обобщающей и абстрактной морфемой по отношению к остальным рассматриваемым. Данный глагол, как правило, используется в ситуациях, когда говорящему не важны детали самого действия, а важен лишь его результат. Например, в выражении 玩具弄坏了 «игрушка сломалась» неизвестно, что именно сломалось, главное – игрушкой пользоваться уже нельзя. Или, к примеру, в случае, если важен сам факт оказания помощи: фразы 帮我写一下 «помоги мне написать», 帮我做一下 «помоги мне выполнить», 帮我完成一下 «помоги мне закончить» можно легко заменить на 帮我弄一下 «помоги мне разобраться».

Глагол 搞 очень похож на глагол 弄, поскольку тоже имеет обобщенный характер значения. Например, 搞 может использоваться в таких разных по смыслу выражениях, как 他们在搞一个生产计划 «Они составляют производственный план» и 他们在搞破坏 «Они устраивают хаос».

На основании рассмотренных различий можно выделить дифференциальные семы в значениях данных глаголов (табл. 7).

Таблица 7
Дифференциальные семы глаголов 做, 弄, 干 и 搞

Наименование семы	做	弄	干	搞
Оттенок значения «приложение физической силы»	+	–	–	–
Негативный оттенок значения/оттенок раздражения	–	+	+	+
Конкретный характер действия	+	–	+	–
Абстрактный характер действия	–	+	–	+

Как уже было сказано выше, глаголы 弄 и 搞 очень схожи по своему значению. Сами носители языка не всегда могут назвать различия в их употреблении. Единственным обнаруженным моментом, где разница все-таки прослеживается, является наличие у глагола 搞 более сильной негативной коннотации. Так, по мнению носителей языка, если выражение 弄他 можно перевести как «обидеть его в шутку», то словосочетание 搞他 будет уже иметь более высокое по степени негатива значение «расправиться с ним».

Анализ случаев взаимозаменяемости китайских синонимичных глаголов со значением «делать»

При отборе контекстов употребления синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «делать» были обнаружены случаи их взаимозаменяемости. Например, в корпусе ВСС можно встретить следующие словосочетания:

- 做/作报告 «выступать с докладом»;
- 做/干家务 «делать работу по дому»;
- 做/弄/搞头发 «делать прическу»;
- 作/干/搞项目 «делать проект»;

- 作/做贡献 «вносить вклад»;
- 做/弄早餐 «готовить завтрак» и т.д.

Для уточнения оттенков значений глаголов в случаях их взаимозаменяемости было проведено анкетирование носителей китайского языка. Анкета включала десять предложений с пропусками на месте синонимичных глаголов со значением «делать» и список из пяти рассматриваемых глаголов. Носителям языка предлагалось заполнить пропуски в предложениях, используя подходящие, по их мнению, глаголы из представленного списка. Предложения из анкеты были следующими:

- 1) 学校邀请他来.....报告;
- 2) 这位教授在清华大学.....项目;
- 3) 为我们的慈善事业.....贡献;
- 4) 我从来都不.....家务;
- 5) 不要.....一些让自己心里不愉快的事情;
- 6) 我们要把事情.....到最好;
- 7) 今天马上跑去.....头发;
- 8) 我也想把头发.....成这样;
- 9) 我下楼去.....早餐;
- 10) 等我把早餐.....好.

В опросе приняли участие 113 жителей Тайваня и материкового Китая. Результаты анкетирования показали, что самым популярным глаголом, который подходит под большинство ситуаций, является глагол 做. Это объясняется тем, что данный глагол, как уже говорилось выше, имеет гораздо более разветвленную систему значений, чем остальные, поэтому может употребляться в совершенно разных по смыслу контекстах.

В качестве примера обсудим ответы респондентов на некоторые из представленных вопросов. По мнению носителей китайского языка, в предложении 学校邀请他来.....报告 «Его пригласили выступить с докладом в школе» могут быть использованы глаголы 做, 作, 弄 и 搞 (рис. 1). Вероятно, выбор носителями варианта 作 объясняется его сочетаемостью с абстрактными существительными, для совершения действия над которыми не нужно прикладывать физическую силу. А глаголы 弄 и 搞 были выбраны в связи с их отвлеченным, обобщающим характером, указывающим лишь на результат, а не на процесс выполнения действия.

1) 学校邀请他来.....报告
113 ответов

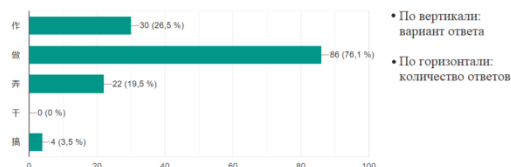

Рис. 1. Результаты ответов на вопрос 1

В предложении 我从来都不.....家务 «Я никогда не выполняю работу по дому», по мнению носителей китайского языка, может употребляться любой из пяти синонимичных глаголов, хотя все глаголы выбирались

в качестве ответа гораздо реже, чем 做 (рис. 2). Сочетание 干家务 является довольно устойчивым, возможно именно поэтому данный вариант является вторым по частотности. Выбор остальных глаголов, вероятно, связан с теми же причинами, что и в рассмотренном выше предложении.

4) 我从来都不.....家务
113 ответов

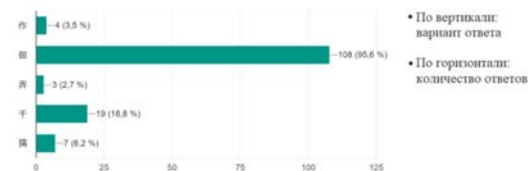

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос 4

Только в предложениях с существительным 头发 самым популярным ответом был глагол 弄. На рис. 3 представлены результаты выбора глаголов для предложения 今天马上跑去.....头发 «Сегодня же побегу стричься/делать прическу». Скорее всего, носители китайского языка проассоциировали данное предложение с ситуацией, когда говорящий не хочет (или просто нет в этом необходимости) сообщать, что именно будет сделано с волосами (мытьё, стрижка, покраска), ему важно лишь сообщить о факте похода в парикмахерскую. Как было показано выше, такой вариант смысла позволяет выразить именно глагол 弄. Однако даже в этом контексте глагол 做 выбрала практически половина опрошенных.

7) 今天马上跑去.....头发
113 ответов

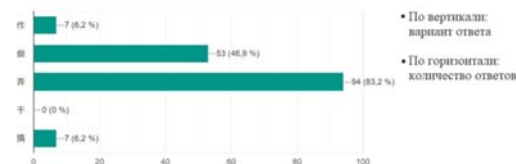

Рис. 3. Результаты ответов на вопрос 7

Следует отметить, что самым непопулярным ответом среди носителей языка стал глагол 干. Такой результат можно связать с частым употреблением данного глагола в устойчивых сочетаниях, а также с наличием у него негативной коннотации.

Заключение

Анализ контекстов употребления синонимичных глаголов 作, 做, 弄, 干 и 搞 позволил проверить их сочетаемость с существительными, предлогами и видо-временными суффиксами, возможность присоединения дополнительных элементов, возможность удвоения, стилистические характеристики и возможность употребления в составе сложного глагола. В результате сопоставительного анализа глаголов была проведена их дифференциация и выделены дифференциальные семы в их составе.

Результаты компонентного анализа глаголов 作 и 做 выглядят следующим образом:

– 作 = книжный стиль + нет приложения силы + сочетание с абстрактными неодушевленными существительными + преимущественное употребление в форме двуслога + прочная семантическая и синтаксическая связь с существительными в функции дополнения;

– 做 = разговорный стиль + есть приложение силы + сочетание с конкретными одушевленными существительными + преимущественное употребление в форме однослога + непрочная семантическая и синтаксическая связь с существительными в функции дополнения.

Для глаголов 做, 弄, 干 и 搞 результаты компонентного анализа следующие:

– 做 = приложение физической силы + конкретное действие;

– 弄 = абстрактное действие + оттенок раздражения;

– 干 = конкретное действие + негативный оттенок;

– 搞 = абстрактное действие + оттенок раздражения.

Компонентный анализ показал, что глаголы 弄 и 搞 очень схожи по своему значению. Однако глагол 搞 обладает более выраженной негативной коннотацией, с точки зрения носителей китайского языка.

При проведении анкетирования носителей китайского языка удалось установить, что самым популярным глаголом, который может употребляться в большинстве спорных контекстов, является 做, наименее популярным – глагол 干. Практически во всех представленных в опросе предложениях носители языка указали в качестве возможных вариантов заполнения пропусков все предложенные глаголы, что подтверждает факт их частой взаимозаменяемости.

Список источников

1. Горелов В.И. Лексикология китайского языка : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов. М. : Просвещение, 1984. 216 с.
2. Семенас А.Л. Лексика китайского языка: учебник для среднего уровня. 3-е изд., испр. М. : Восточная книга, 2010. 280 с.
3. Кленин И.Д., Щичко В.Ф. Лексикология китайского языка : учеб. пособие. М. : Восточная книга, 2013. 272 с.
4. Hanyu xiangsi ciyu qubie yu lianxi: zhongji [Chinese Synonyms: Differentiation and Exercises: Intermediate Level] / ed. by Fang X. Beijing : Beijing Language and Culture University Press, 2013. 526 p. (на кит. яз.).
5. 1700 dui jinyi ciyu yongfa duibi [Functional Comparison of 1700 Pairs of Synonyms] / eds by Yang J., Jia Y. Beijing : Beijing Language and Culture University Press, 2009. 1641 p. (на кит. яз.).
6. Duiwai hanyu changyong ciyu duibi lishi [Frequent Words of Chinese as a Second Language: Comparison with Examples] / ed. by Lu F. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2008. 756 p. (на кит. яз.).
7. Xiandai hanyu cidian: Shangwu yinshuguan chuangli 115 nian jinianban [The Contemporary Chinese Dictionary: the 115th Anniversary Edition of the Commercial Press] / Chinese Academy of Social Sciences, Institute of Language, Dictionary Editorial Office. Beijing : Commercial Press, 2012. 178 p. (на кит. яз.).
8. BCC hanyu yuliaoku [BCC Chinese Language Corpus] / Beijing Language and Culture University, Language Intelligence Research Institute. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 16.05.2022). (на кит. яз.).
9. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте: учеб. пособие. Воронеж : Истоки, 2011. 150 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : URSS, 2009. 172 с.
11. Дырхеева Г.А. Компонентный анализ синонимического ряда (на примере английского глагола to mix) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10–3. С. 144–147.
12. Саматова А.Р. Проблема установления сем при компонентном анализе лексики // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 133–136.
13. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика : учеб. пособие. М. : Едиториал УРСС, 2000. 352 с.
14. Русско-китайский словарь: Ок. 40 000 слов / З.И. Баранова, А.В. Котов. М. : Рус. яз., 1990. 566 с.

References

1. Gorelov, V.I. (1984) *Leksikologiya kitayskogo yazyka* [Lexicology of the Chinese Language]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Semenias, A.L. (2010) *Leksika kitayskogo yazyka* [Chinese Vocabulary]. 3rd ed. Moscow: Vostochnaya kniga.
3. Klenin, I.D. & Shchichko, V.F. (2013) *Leksikologiya kitayskogo yazyka* [Lexicology of the Chinese language]. Moscow: Vostochnaya kniga.
4. Fang, X. (ed.) (2013) *Chinese Synonyms: Differentiation and Exercises: Intermediate Level*. Beijing: Beijing Language and Culture University Press. (In Chinese).
5. Yang, J. & Jia, Y. (eds) (2009) *Functional Comparison of 1700 Pairs of Synonyms*. Beijing: Beijing Language and Culture University Press. (In Chinese).
6. Lu, F. (ed.) (2008) *Frequent Words of Chinese as a Second Language: Comparison with Examples*. Beijing: Beijing Language and Culture University Press. (In Chinese).
7. Chinese Academy of Social Sciences, Institute of Language, Dictionary Editorial Office. (2012) *The Contemporary Chinese Dictionary: the 115th Anniversary Edition of the Commercial Press*. Beijing: Commercial Press. (In Chinese).
8. Beijing Language and Culture University, Language Intelligence Research Institute. (n.d.) *BCC Chinese Language Corpus*. [Online] Available from: <http://bcc.blcu.edu.cn/>. (Accessed: 16.05.2022). (In Chinese).
9. Sternin, I.A. & Salomatina, M.S. (2011) *Semanticheskiy analiz slova v kontekste* [Semantic Analysis of the Word in the Context]. Voronezh: Istoki.
10. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2009) *Leksicheskaya sistema yazyka* [Lexical System of Language]. 2nd ed. Moscow: URSS.
11. Dyrkheeva, G.A. (2014) Komponentnyy analiz sinonimicheskogo ryada (na primere angliyskogo glagola to mix) [Component analysis of the synonymic series (on the example of the English verb to mix)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10–3. pp. 144–147.
12. Samatova, A.R. (2009) Problema ustanovleniya sem pri komponentnom analize leksiki [The problem of establishing semes in the component analysis of vocabulary]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7 (145). pp. 133–136.
13. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow: Editorial URSS.
14. Baranova, Z.I. & Kotov, A.V. (1990) *Russko-kitayskiy slovar': Ok. 40 000 slov* [Russian-Chinese Dictionary: approx. 40,000 words]. Moscow: Russkiy yazyk.

Информация об авторах:

Шавалова Е.П. – магистрант филологического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: jane.shav2000@yandex.ru

Маннапова С.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: simatovasa@mgpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.P. Shavalova, master's student, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: jane.shav2000@yandex.ru

S.A. Mannapova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: simatovasa@mgpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.10.2022;
одобрена после рецензирования 07.01.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 03.10.2022;
approved after reviewing 07.01.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(47)+94(57)
doi: 10.17223/15617793/489/6

Документальная хроника выпуска томских минометов в 1941–1942 гг.

Татьяна Васильевна Галкина¹

¹Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
galkina@tspu.edu.ru

Аннотация. Выявляется фактологический материал, раскрывающий историю создания первых томских минометов как единственного вида вооружения, полностью укомплектованного в г. Томске в годы Великой Отечественной войны. Освоение совершенно нового оборонного задания специального назначения – 50-миллиметровых минометов – стало серьезным испытанием для томской промышленности. По архивным источникам впервые выявлено количество – 642 миномета и восстановлены сроки выпуска – с 30 ноября 1941 г. по 31 января 1942 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, вклад тыла, создание томских минометов

Для цитирования: Галкина Т.В. Документальная хроника выпуска томских минометов в 1941–1942 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 58–65. doi: 10.17223/15617793/489/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/6

The documentary chronicle of Tomsk mortars production in 1941–1942

Tatiana V. Galkina¹

¹ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
galkina@tspu.edu.ru

Abstract. This article was made within the framework of the Map of Victory, a Tomsk State Pedagogical University research patriotic project dedicated to identifying the contribution of the USSR's rear territories to victory in the Great Patriotic War. Promoting an increase in the responsibility of teaching youth to the analysis of the historical experience of the logistics industry, the project is aimed at identifying reliable factual material in Tomsk state archives, including the history of the creation of the first Tomsk mortars as the only type of weapon that was fully equipped in Tomsk during the Great Patriotic War. An additional reason for the implementation of this work was the unreliable information widely disseminated on the Internet about the release of Tomsk mortars. The braggadocio-laden journalistic rhetoric misleads Internet users, creating another fake about an easy victory in the war. In fact, the work on the development of mortars (M-5 or RM-5), a completely new type of weapon for Tomsk, during November 1941 – January 1942 more than once was in a critical situation. Representing the historical experience of short-term cooperation in wartime conditions, the organization of the production of Tomsk mortars was characterized by the following features: (1) the priority of the party-command leadership; (2) the uniqueness of the composition of the group of cooperators (from 16 in November to 24 in December 1941), which included industrial enterprises, a research institute (SPhTI), a university (TPI), secondary vocational schools (vocational school No. 10, elevator technical school) and institutions of the penitentiary system (ITK No. 1, ITK No. 6); (3) non-core cooperators who mastered new production from drawings, which affected the quality of products; (4) unpreparedness of the production base (raw materials, instruments, technologies, personnel); (5) wartime conditions in Tomsk, primarily the shortage of electricity. In the difficult conditions of the formation of Tomsk cooperation, the party's and citizens' attitude to the special task as a defense category was shaping, thanks to which Tomsk residents sent 642 mortars to the front from 30 November 1941 to 31 January 1942.

Keywords: Great Patriotic War, contribution of rear, creation of Tomsk mortars

For citation: Galkina, T.V. (2023) The documentary chronicle of Tomsk mortars production in 1941–1942. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 58–65. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/6

Реальной чертой настоящего времени стала информационная война с вбросом в социальные медиа и традиционные СМИ массы фейковых (фейк с англ. fake –

подделка) новостей, представляющих незримую опасность для восприятия людьми не реальных, а специально сконструированных событий. При этом скорость

появления новых фейков не оставляет времени для отделения «зерен от плевел», оставляя в сознании первые неотработанные впечатления, порой совершенно ложные. Обнародованный же впоследствии его величество факт теряет, таким образом, свой первостепенный статус. Умение отделять совершенно правдоподобный фейк от настоящего факта, зачастую не так красиво поданного, является одной из необходимых защитных компетенций современного человека и общества. В связи с этим актуализация защитной функции общества и отдельного человека посредством неопровержимого анализа поступающей информации и проверки предъявленных фактов представляется своевременной и обоснованной.

Значительную помощь в выработке такой компетенции оказывает исторический материал, насыщенный как фактологией, так и историческими интерпретациями. Казалось бы, локальная тема – история томского миномета, а в ней, как в капле воды, отражаются проблемы достоверности информации: от действительного факта до интерпретации его подачи в исторической литературе и социальных медиа.

В научной исторической литературе «минометная» тема отличается слабой разработанностью: от полного игнорирования ее [1; 2. С. 288; 3. С. 825], до отсутствия фактических сведений, как, например, в небольшой главе «Как в Томске мины и минометы начали выпускать» [4. С. 98–99], в которой нет сведений о сроках выпуска и количестве выпущенных минометов.

Краткие сведения о выпуске минометов в Томске имеются в публикациях, связанных с историей Томского электромеханического завода: «О людях с чистой совестью» [5. С. 410], «Первый машиностроительный. ТЭМЗ – 85» [6. С. 229–230] и статье В.К. Дудина «К вопросу об организации производства мин и минометов в г. Томске в 1941 г.» [7. С. 533–539]. Однако этим публикациям не хватает полноты исследовательской базы.

Отсутствие серьезных научных исследований по данной проблематике способствовало появлению недостоверных интернет-публикаций. Интернет как мощный информационный источник позволяет тиражировать любую, даже самую баснословную информацию. Так, С. Симонов в статье «Первые минометы в Томске» пишет о том, что инженеры и технологи Томского электромеханического завода уже в первые месяцы войны предложили организовать производство минометов и мин и 3 ноября 1941 г. был выпущен первый томский миномет для фронта [8]. Эта же информация повторяется на официальном сайте Законодательной думы Томской области «Трудовая доблесть вчера и сегодня» [9]. Такая информация, не подтвержденная никакими документальными свидетельствами, создает для пользователей недостоверную картину из истории выпуска томских минометов.

Таким образом, «минометная» тема, как содержащая исторический опыт освоения нового вида вооружения кооперацией томской промышленности, так и

обладающая значительным потенциалом патриотического воспитания, настоятельно требует скрупулезного научного исследования.

Целью данной работы является реконструкция процесса выпуска томских минометов, базирующаяся на достоверных архивных документах 1941–1942 гг.

Источниковой базой исследования стали фонды № 80 Томского горкома ВКП(б) и № 329 партийной организации Томского электромеханического завода (ТЭМЗ), хранящиеся в Центре документации новейшей истории Томской области. Рассекреченные протоколы заседаний бюро Томского городского комитета (горкома) ВКП(б) и заводской партийной организации отражают немало вопросов, связанных с налаживанием процесса производства томских минометов.

Ожесточенное сопротивление Красной армии к осени 1941 г. особенно остро поставило вопрос о необходимости значительного увеличения производства вооружения и боеприпасов. Тревожность сложившейся ситуации отражают постановления Государственного комитета обороны (ГКО), когда наряду с постановлениями № 801 «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» (от 15 октября 1941 г.) и № 813 «О введении в Москве осадного положения» (от 19 октября 1941 г.) в массовом порядке публиковались постановления № 725, 835, 984 о планах производства и поставок артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения и военных приборов в октябре, ноябре, декабре 1941 г. [10]. Одновременно ставилась задача значительного расширения производственной базы путем организации на всех действующих предприятиях страны независимо от ведомственной подчиненности (от союзно-республиканских заводов и фабрик до местных и кооперативных артелей и мастерских) массового внепланового производства вооружения и боеприпасов в максимальном количестве в соответствии с мощностью каждого предприятия. Как говорилось на партсобрании Томского электромеханического завода: «Наша задача – снять с производства то, что сегодня не имеет прямого отношения к фронту и переключиться на изготовление того, из чего стреляют, и того, чем стреляют» [11. Л. 62].

Имеются архивные данные о том, что в конце октября 1941 г. обкомом ВКП(б) было дано задание Томскому горкому ВКП(б) приступить к производству минометов и мин силами предприятий г. Томска [12. Л. 4]. О начале работ по освоению выпуска минометов вспоминал бывший конструктор Томского электромеханического завода Б.М. Бирюков: «С октября в инструментальном цехе на слесарном участке собирались вечерами конструкторы, технологи со всех заводов Томска и участвовали в сборке опытных образцов минометов, которые потом испытывали на стрельбище в районе сегодняшнего Технопарка» [6. С. 229].

Однако официальной датой начала истории томского миномета считается 2 ноября 1941 г., когда после обсуждения постановления Новосибирского обкома ВКП(б) от 23 октября 1941 г. о производстве минометов и мин бюро Томского горкома ВКП(б) утвердило план производства минометов и мин по предприятиям

г. Томска [13. Л. 7]. Этот документ открывал организационный этап в подготовке к освоению нового для томской промышленности производства минометов (М-5), причем от чертежей до массового производства. Принимая во внимание, что изготовление гладкоствольного 50-миллиметрового ротного миномета образца 1940 г. (индекс изделия 52-М-822), состоявшего из ствола с дистанционным краном, дуноги, опорной плиты, прицела и трех комплектов ЗИП (запасные части, инструмент и принадлежности) [13. Л. 24–30], являлось достаточно сложным процессом, горком ВКП(б) определил группу предприятий-кооператоров при ведущей роли Томского электромеханического завода, в которую вошли электромоторный завод, заводы № 353 и 355, шарикоподшипниковый завод, завод № 5, весовой завод, Горпромкомбинат, артели Горпромсоюза «Обувщик», «Единение», «Новая жизнь», «Кожмех», «Лабораторприбор», ремесленное училище № 10, Сантехмонтаж и физико-технический институт. Для проектирования чертежей инструментальной оснастки производства минометов создавалась группа из семи конструкторов и двух чертежников (в архиве сохранилась опись чертежей в кальках миномета, его частей и принадлежностей, содержащая 75 чертежей отдельных деталей и общих видов миномета и 50-миллиметровых осколочных чугунных мин) [14. Л. 117–119]. Для изготовления инструментальной оснастки были привлечены квалифицированные рабочие, в том числе 10 токарей, 2 фрезеровщика, 4 строгальщика и 6 слесарей-инструментальщиков. Каждому из предприятий-кооператоров было выдано отдельное задание на производство конкретных частей миномета [13. Л. 8–9].

При горкоме ВКП(б) из ученых и специалистов был создан технический совет под руководством Лопатова, а для осуществления единого технического руководства организована постоянная пятерка из специалистов в составе директора Индустриального института К.Н. Шмаргунова (в качестве председателя), директора завода «Шарикоподшипник» М.И. Эдельштейна, главного инженера электромеханического завода В.В. Иванова, главного инженера электромоторного завода Амбарцумова, заведующего промышленным отделом горкома ВКП(б) И.П. Федоринова, которая в суточный срок должна была проверить и уточнить все вопросы, связанные с распределением заказов на изготовление изделий, инструмента и принадлежности. При этом большим подспорьем в организации производства минометов была работа военных представителей (военпредов), выделенных в начале ноября 1941 г. руководством Сибирского военного округа для оказания реальной помощи предприятиям и приемки готовой продукции в соответствии с утвержденными нормативами.

Самым интригующим местом этого плана от 2 ноября 1941 г. был срок. «Под личную ответственность директора Томского электромеханического завода Булуева, главного инженера Иванова и директоров предприятий: а) выпустить к 3 ноября 1941 г. первый миномет, б) закончить всю разработку технической документации к 3 ноября 1941 г. и приступить к массовому выпуску изделий» [13. Л. 7]. Применение партийно-ко-

мандной риторики как «всемогущего» метода партийной работы, годной и для митингов, и для производства минометов, оказывалось не всегда реализуемым. Тут уместно привести известные слова С.М. Кирова: «Не знаю как технически, а по-коммунистически вы должны и вы выполните программу» [15. Л. 101].

Жесткость поставленных сроков требовала незамедлительных действий всех участников-кооператоров. Однако, несмотря на горячее стремление тружеников тыла, особенно после выступления И.В. Сталина 6 ноября 1941 г., взять дополнительные задания и переключить каждый станок и все имеющееся оборудование на выпуск вооружения, на предприятиях выявился ряд проблем, например серьезный недостаток рабочей силы на электромеханическом заводе – только 40% квалифицированных рабочих [11. Л. 62]. В то же время директоров предприятий предупреждали о необходимости тщательного подбора людей для выполнения спецзаказов и о строжайшем сохранении государственной тайны.

Одним из показательных примеров попытки кооперации двух заводов является объяснительная записка директора Томского завода измерительных приборов Пиля директору электромеханического завода Булуеву от 13 ноября 1941 г., в которой он сообщает о том, что силами двух токарей и одного слесаря завод не в состоянии спроектировать и изготовить 27 штампов до 13 ноября, при том что инструментальный цех полностью загружен изготовлением инструмента по заказу обкома ВКП(б), а 12 ноября от горкома ВКП(б) получен еще один заказ, на выполнение которого брошены все конструкторы и инструментальщики [16. Л. 56]. Этот документ отражает типичную ситуацию с загруженностью предприятий не только производственными программами своих наркоматов, но и дополнительными срочными спецзаказами местных органов власти при имеющемся кадровом дефиците.

Трудности кооперации отразились в очередном протоколе горкома ВКП(б) от 18 ноября 1941 г., в котором работа по подготовке к выпуску М-5 была признана неудовлетворительной. «Директора предприятий не развернули большевистской борьбы по срочной организации выпуска данного изделия, чем поставили под угрозу срыва ноябрьский план выпуска» [13. Л. 14]. Главными проблемами были производственные (отсутствие заготовок литья, пересмотр конструкции М-5 в сторону упрощения работы всех станков и механизмов, новое перераспределение заданий) и кадровые (привлечение 10 специалистов Тульского оружейного училища, нехватка кадров). За необеспечение выпуска продукции для фронта последовали наказания: заместитель директора завода № 625 Аврутис был снят с работы и отдан под суд [13. Л. 14].

Одновременно решались вопросы рабочего питания. По просьбе рабочих электромеханического завода, занятых на работе по 12–15 и более часов, в цехах были организованы буфеты, а от заводской столовой откреплены все посторонние организации [11. Л. 65].

Очередной проверкой выполнения спецзадания по М-5 от 29–30 ноября 1941 г. работа технического совета была признана неудовлетворительной, а председателю совета Лопакову было поручено выявить технические мощности предприятий, определить потребное количество станков, уточнить программы по спецзаданиям и представить проект решения на бюро горкома ВКП(б) 5 декабря 1941 г. «Признать совершенно неудовлетворительной работу по выполнению заказа по М-5 директоров ГПЗ-5, ТЭМЗ, завода “Республика” и заслушать их на бюро горкома 10 декабря 1941 г. За срыв спецзаказа председателя артели “Лабораторприбор” Бекишева с работы снять и отдать под суд» [13. Л. 20]. При этом все руководители предприятий, поставивших оснастку и укупорку оборонным заводам,

были предупреждены о недопустимости иждивенческих тенденций в обеспечении сырьем и самостоятельном изыскании сырья.

В целях проверки фактического выполнения задания Новосибирский обком ВКП(б) обязал с 27 ноября 1941 г. представлять ежесуточную отчетность по производству минометов [17. Л. 12]. В первых отчетах повторялась запись «Готовых изделий нет» и только 30 ноября 1941 г. в отчете появились сведения об изготовлении и сдаче военпреду первых 21 миномете, 20 прицелах и 20 квадрантах [16. Л. 59].

На декабрь 1941 г. горкомом ВКП(б) был утвержден следующий план по кооперации томских предприятий, учебных заведений, исправительно-трудовых колоний и мастерских (см. таблицу).

Таблица

План по выпуску минометов на декабрь 1941 г. [15. Л. 2–4]

Наименование спецзаказа	Задание на декабрь	Адресат поставки	Поставщик сырья
1	2	3	4
I. Электромеханический завод			Кооперированные предприятия
РМ-50 собранных	500	СибВО	
ЗИП к дистанционному крану			
1. Шпилька деталь 1-7	670	СибВО	ТЭМЗ
2. Кольцо разводное дет. 1-8	670	СибВО	ТЭМЗ
3. Винт стопорный М 4х8 дет. 1-9	170	СибВО	ТЭМЗ
4. Палец дет. 1-11	170	СибВО	ТЭМЗ
ЗИП к двуноге с амортизатором			
1. Пружина большая дет. 2-24	170	СибВО	ТЭМЗ
2. Пружина малая дет. 2-26	170	СибВО	ТЭМЗ
3. Кольцо разводное дет. 2-27	170	СибВО	ТЭМЗ
4. Винт дет. 2-28	510	СибВО	ТЭМЗ
5. Винт дет. 2-34	170	СибВО	ТЭМЗ
6. Пружина дет. 2-35	170	СибВО	ТЭМЗ
7. Шайба Гровера дет. 2-51	510	СибВО	ТЭМЗ
Прицелов РМ-50 собранных	500		
ЗИП к прицелу			
1. Винт дет. 4-15	170	СибВО	ТЭМЗ
2. Струна дет. 4-23	170	СибВО	ТЭМЗ
3. Винт дет. 4-39	170	СибВО	ТЭМЗ
4. Корпус поперечного уровня и монтаж № СБ4-8	170	СибВО	ТЭМЗ
5. Корпус продольного уровня и монтаж № СБ4-9	170	СибВО	ТЭМЗ
6. Квадрантов собранных	170	СибВО	ТЭМЗ
7. Шурупы разные (шт.)	50 000	СибВО	ТЭМЗ
II. Артель «Лабораторприбор»			
1. Ампулы к продольному уровню дет. 4-37	700	ТЭМЗ	Стеклозавод № 2
2. Ампулы к поперечному уровню	700	ТЭМЗ	Винзавод
3. Ампулы для квадрантов	700	ТЭМЗ	
III. Стеклозавод № 2			
1. Соломка-дрот толшины 0,4–0,6	50 (кг)	«Лабораторприбор»	Стеклозавод № 2
IV. Винзавод			
Этиловый спирт (кг)	65	«Лабораторприбор»	Винзавод
V. Ремучилище № 10			
1. Отвертка СБ 6-3	670	ТЭМЗ	Ремучилище
2. Экстрактор СБ 6-4	170	ТЭМЗ	
3. Бородки дет. 6-11	670	ТЭМЗ	
VI. Артель «Новая жизнь»			
1. Банник СБ 7-3	500	ТЭМЗ	«Новая жизнь»
2. Щетка СБ 7-4	500	ТЭМЗ	
VII. Завод № 5			
1. Металлические части к баннику (комплект)	500	«Новая жизнь»	
2. Пробки к жестянкам для жидкой смазки с цепочкой и ушками (комплект)	340	«Сельхозмашина»	

3. Пробки к жестянкам для густой смазки с цепочкой и ушками (комплект)	170		
1	2	3	4
VIII. Артель «Сельхозмашина»			
1. Жестянка на 0,4 кг для густой смазки без пробок и цепочек со сборкой	170	ТЭМЗ	
2. Жестянка на 0,4 кг для жидкой смазки без пробок и цепочек со сборкой	340	ТЭМЗ	
3. Масленка типа швейной машины	170	ТЭМЗ	
IX. Весовой завод			
1. Пряжка № 5 дет. 10-4	5 000	«Кожмех»	
2. Пряжка № 12	500	«Кожмех»	
3. Крюк дет. 10-26	4 000	«Кожмех»	
4. Полукольцо дет. 10-19	1 000	«Кожмех»	
5. Полукольцо дет. 10-36	1 000	«Кожмех»	
6. Масленка типа швейной машины	170	ТЭМЗ	
7. Ящик № 1 для ЗП-5	170	ТЭМЗ	
8. Ящик № 2 для ЗП-5	170	ТЭМЗ	
9. Ящик ротный ЗИП	170	ТЭМЗ	
X. Фабрика культтоваров			
1. Укупорочный ящик для М-37	625	ТЭМЗ	
XI. ИТК-1			
1. Укупорочный ящик для М-50	28 500	Разным заводам	
XII. Артель «Кожмех»			
1. Выюк для минометов СБ 10-8	500	ТЭМЗ	
2. Выюк для лотков	1 000		
3. Чехол на банник	500		
4. Футляр для квадрантов	170		
5. Сумки для инструмента	500		
6. Кожаные прокладки для пробок жестянок 32- Ж-034	170	«Сельхозмашина»	
7. Кожаные прокладки для пробок жестянок 52- Ж-033	340	«Сельхозмашина»	
8. Чехол на трубу	500	ТЭМЗ	
9. Ручка для укупорки ящика ЗИП	340	ТЭМЗ	
XIII. Электромоторный завод			
1. Лоток 52-2-822	4000	ТЭМЗ	
XIV. Мукомольно-элеваторный техникум			
1. Футляр для прицела	500	ТЭМЗ	
XV. ИТК № 6			
1. Ящик ротный ЗИП	170	ТЭМЗ	
2. Ящик для укупорки систем	170	ТЭМЗ	
3. Ящик для укупорки лотков	170	ТЭМЗ	
4. Укупорочные ящики для запалов	20	Завод № 5	
5. Укупорочные ящики для запалов РГД	10	Завод № 5	
XVI. Лесоперевалочная база			
1. Пиломатериал толщиной 18–20 мм	615 куб. м.	Разным заводам	Лесоперевалочная база
XVII. Дорожно-ремонтные мастерские ст. Томск-II			
1. Пробка с цепочкой для жидкой смазки	340	ТЭМЗ	
2. Пробка с цепочкой для густой смазки	170	ТЭМЗ	
3. Масленка жестяная	170	ТЭМЗ	

Приведенный перечень изделий для комплектования ротного 50-миллиметрового миномета, столь разнообразный по своим сырьевым и технологическим характеристикам, наглядно свидетельствует о насущной необходимости применения кооперирования различных предприятий и организаций в условиях военного времени.

Выполнение спецзадания по производству минометов оказало влияние на совершенствование некоторых технологических процессов. Опыт работы в ноябре–декабре 1941 г. показал, что литье корпусов М-5 в земляных формах не обеспечивало и не сможет обеспечить в дальнейшем производство минометов. В связи с этим горком ВКП(б) обязал всех руководителей перевести свои предприятия на кокильное литье: ТЭМЗ с

9 декабря, весовой завод – с 11 декабря, РУ № 10 – с 13 декабря, артели – с 15 декабря 1941 г. [13. Л. 23].

Техническому совету было поручено организовать бригаду из научных работников и взять под контроль и оказать практическую помощь электромеханическому и весовому заводам, артели «Сельхозмашина» и ремучилищу № 10 в освоении кокильного литья корпусов для М-5. Эта бригада научных работников Томского индустриального института путем ежедневного наблюдения непосредственно в литейном цехе электромеханического завода с 6 по 17 декабря 1941 г. на основании глубокого изучения всех вопросов, связанных с производством спецпродукции, внесла ряд существенных предложений по оптимизации литейного производства [18. Л. 67].

После выпуска первых минометов на полигонных испытаниях произошли разрывы стволов минометов из-за применения случайных марок сталей. Эта ситуация вынудила Окружное артиллерийское управление СибВО потребовать, чтобы при изготовлении оружия все требования чертежей и технических условий выполнялись строго и неуклонно, оружие сдавалось комплектно с положенным ЗИПом и принадлежностью. Все стали, идущие на изготовление оружия, должны иметь сертификаты или паспорта. «Разрешаю изготавливать трубы для 82 мм минометов из стали 40Х, а трубы 50 мм минометов из стали 5-5, 5-6-6, 5 по ВСТ-65 с обязательной последующей термообработкой и твердостью, отвечающей отпечатку по Брюнеллю 235» [19. Л. 1].

В декабре 1941 г. разворот работ по освоению и производству снаряжения к миномету проходил неудовлетворительно, кооперируемые организации не учли всей важности выполнения заказа головного электромеханического завода. Несмотря на неоднократные предупреждения со стороны бюро и работников аппарата горкома ВКП(б), руководители кооперируемых организаций не обеспечили выполнение задания по поставке снаряжения к миномету. На 12 декабря 1941 г. было принято отделом технического контроля (ОТК) электромеханического завода только 24 миномета вместо 90 шт. из-за отставания автогенно-сварочных работ, недостатка слесарей, а также отсутствия комплектующих изделий: лотков от электромоторного завода, ЗИПов, ящиков 1 и 2 от весового завода, принадлежностей от артели «Кожмех» (сдано только 30 комплектов), банников и щеток от артели «Новая жизнь», инструмента от РУ-10 (не сдано ни одного комплекта), что ставило под угрозу приемку военпредами [16. Л. 74]. За провал в выполнении спецзаказа (лотков) директор электромоторного завода А.В. Черняк был исключен из партии, снят с работы и привлечен к судебной ответственности [13. Л. 29].

Организационные усилия горкома ВКП(б), производственная работа предприятий-кооператоров по укомплектованию минометов необходимым снаряжением сыграли немаловажную роль в выполнении декабрьского плана (по предложению горкома ВКП(б) – 500 минометов, по заданию Наркомата – 300). Таким образом, в ноябре 1941 г. томскими кооператорами был выпущен 21 миномет, в декабре 1941 г. – 416 минометов (из них 320 принято военпредом 31 декабря 1941 г., 95 минометов принято военпредом 2 января 1942 г.). При декабрьском плане в 300 минометов план был выполнен на 138,6%. Всего боевых минометов за 1941 г. было изготовлено 437 шт. [20. Л. 10]. Минометы были полностью укомплектованы прицелами, квадрантами, произведенными в маркшейдерском цехе электромеханического завода, а также всем снаряжением, изготовленным на предприятиях и в артелях г. Томска. По итогам 1941 г. руководство города отмечало, что электромеханический завод в первые месяцы войны хорошо справился с освоением и выпуском вооружения и боеприпасов, за что 7 работников завода в 1942 г. были награждены орденами Советского Союза [21. Л. 8].

При январском плане 1942 г. в 400 минометов было выпущено 300 шт., причем второй раз посчитали 95 шт., изготовленных в декабре, но принятых военпредом 2 января 1942 г. [22. Л. 17], хотя имелась выписка № 172 из протокола заседания бюро Томского горкома ВКП(б) от 13 января 1942 г. о том, что считать 95 минометов, принятых ОТК 2–3 января 1942 г., произведенными в декабре 1941 г. и не входящими в январскую программу [23. Л. 5]. Таким образом, в январе 1942 г. было выпущено 205 минометов. Основные причины невыполнения плана крылись в изменении технических требований к производству минометов, особенно в отношении соответствия марки стали (из стали 5 было запрещено производство труб миномета), а полученная заводом сталь, присланная с опозданием, оказалась со значительным процентом брака.

Судя по партийным документам января 1942 г., планировалось дальнейшее производство минометов на электромеханическом заводе, затем на манометровом заводе (13 декабря 1941 г. завод просил выделить один РМ-50) [15. Л. 5]. Однако в документе «Итоги работы промышленности гор. Томска за 5 месяцев (январь–май) 1942 года» [21. Л. 8] сведений о выпуске минометов в г. Томске в феврале–мае 1942 г. не обнаружено. С мая 1942 г. электромеханический завод был полностью перепрофилирован на производство оборудования для угольной промышленности. Таким образом, утверждение С. Симонова, что эстафету по выпуску минометов у ТЭМЗа принял Томский манометровый завод [8], не подтверждается архивными документами. Также документально не доказывается его утверждение, что на электромеханическом заводе производили 50-миллиметровые мины и гранаты Сердюка [8], в документе же говорится, что электромеханический завод «производил минометы, мины 37 мм; подготовил производство гранаты Сердюка и М-50, но не производил по причине снятия их с программы» [21. Л. 8].

Подводя итоги данного архивного исследования, приходим к следующим выводам: 1) официальная история производства томских минометов охватывает период с 2 ноября 1941 г. по 31 января 1942 г.; 2) за означенный период было изготовлено и принято военпредами с полной комплектацией РМ-50 – 642 миномета (ноябрь 1941 г. – 21 шт., декабрь 1941 г. – 416 шт., январь 1942 г. – 205 шт.).

Организация производства томских минометов представляет собой исторический опыт кратковременной кооперации в условиях военного времени, который характеризуется следующими признаками: 1) приоритетом партийно-командного руководства; 2) уникальностью состава группы кооператоров (от 16 в ноябре до 24 в декабре 1941 г.), в которую входили промышленные предприятия, научно-исследовательский институт (СФТИ), вуз (ТИИ), средние профессиональные учебные заведения (ремесленное училище № 10, мукомольно-элеваторный техникум) и учреждения пенитенциарной системы (ИТК № 1, ИТК № 6); 3) непрофильностью кооператоров, с чертежей осваивавших новое производство, что сказывалось на качестве продукции; 4) неподготовленностью производственной базы (сырьевой, инструментальной, технологической,

кадровой); 5) условиями военного времени в Томске, прежде всего дефицитом электроэнергии. Все эти обстоятельства не раз создавали критические ситуации на предприятиях. Так, в трудных условиях складывания томской кооперации происходило формирование партийного и гражданского отношения к такой оборонной категории, как спецзаказ (спецзадание), выполнение которого ждал фронт.

У войны особые мерки – побед и поражений, а для победы нужны были минометы. Для томского тыла освоение нового непрофильного производства минометов как единственного вида вооружения, полностью укомплектованного в г. Томске, было маленькой победой и 642 томских миномета влились в общий фонд для победы в Великой Отечественной войне.

Список источников

1. Очерки истории города Томска (1604–1954). Томск, 1954. 325 с.
2. Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 432 с.
3. Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н-Я. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 999 с.
4. Жизнь, опаленная войной. Томск 1941–1945: Историко-документальная летопись (хроника жизни Томска в военные годы). Красноярск : Платина, 2020. 384 с.
5. Стойлов Э. Из мастерской в завод союзного значения в 1941 г. и последующие годы // О людях с чистой совестью. Из истории группы томских заводов. М. : Пресса, 1992. 576 с.
6. Первый машиностроительный. ТЭМЗ – 85. Томск : ГалаПресс, 2005. 304 с.
7. Дудин В.К. К вопросу об организации производства мин и минометов в г. Томске в 1941 г. // Международный научно-образовательный форум «Педагогика XXI века: вызовы и решения». Международная конференция «Приоритеты и стратегические направления развития педагогического образования в эпоху 4.0», Томск, 19–24 апреля 2021 г. Томск : Изд-во ТГПУ, 2021. Т. 2. 584 с.
8. Симонов С. Первые минометы в Томске // Новости vtomske.ru. URL: <https://news.vtomske.ru/details/173875-pervye-minomety-v-tomske> (дата обращения: 11.03.2023).
9. Трудовая доблесть вчера и сегодня // Законодательная дума Томской области. URL: https://duma.tomsk.ru/news/news_zdto/trudovaya_doblest_vchera_i_segodnya?%252Fnews%252Fnews_zdto%252Ftrudovaya_doblest_vchera_i_segodnya=&%25252Fnews%25252Fnews_zdto%25252Ftrudovaya_doblest_vchera_i_segodnya=&%2525252Fnews%2525252Fnews_zdto%2525252Ftrudovaya_doblest_vchera_i_segodnya= (дата обращения: 11.03.2023).
10. Постановления ГКО в 1941 г. URL: <https://www.soldat.ru/doc/gko/gko1941.html> (дата обращения: 12.03.2023).
11. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 329. Оп. 1. Д. 25.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 80.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 8.
14. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 81.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 85.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 75.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 65.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 26.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 196.
20. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 96.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 199.
22. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 188.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 99.

References

1. Murashev, S.I. (ed.) (1954) *Ocherki istorii goroda Tomsk (1604–1954)* [Essays on the history of the city Tomsk (1604–1954)]. Tomsk: izd. Otdel Upravleniya kul'tury Tomskogo oblispolkoma.
2. Dmitrienko, N.M. (ed.) (1999) *Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk. The history of the city from its foundation to the present day]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Mayer, G.V. (ed.) (2009) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Oblast]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Kalinina-Sulakshina, O.S. (ed.) (2020) *Zhizn', opalennaya voynoy. Tomsk 1941–1945: Istoriko-dokumental'naya letopis' (khronika zhizni Tomsk v voennye gody)* [Life scorched by war. Tomsk in 1941–1945: Historical and documentary account (a chronicle of the life of Tomsk during the war years)]. Krasnoyarsk: Platina.
5. Stoylov, E. (1992) Iz masterskoy v zavod soyuznogo znacheniya v 1941 g. i posleduyushchie gody [From a workshop to a plant of the all-union significance in 1941 and subsequent years]. In: *O lyudyakh s chistoy sovest'yu. Iz istorii gruppy tomских заводов* [About people with a clear conscience. From the history of a group of Tomsk plants]. Moscow: Pressa.
6. Pushkarev, I.I. et al. (eds) (2005) *Pervyy mashinostroitel'nyy. TEMZ – 85* [The first machine-building. Tomsk Electromechanical Plant is 85]. Tomsk: GalaPress.
7. Dudin, V.K. (2021) [On organizing the production of mines and mortars in Tomsk in 1941]. *Prioritety i strategicheskie napravleniya razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya v epokhu 4.0* [Priorities and strategic directions for the development of teacher education in the era 4.0]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 19–24 April 2021. Vol. 2. Tomsk: TSPU. (In Russian).
8. Simonov, S. (2023) *Pervye minomety v Tomске* [The first mortars in Tomsk]. [Online] Available from: <https://news.vtomske.ru/details/173875-pervye-minomety-v-tomske> (Accessed: 11.03.2023).
9. Legislative Duma of Tomsk Oblast. (2023) *Trudovaya doblest' vchera i segodnya* [Labor prowess yesterday and today]. [Online] Available from: https://duma.tomsk.ru/news/news_zdto/trudovaya_doblest_vchera_i_segodnya?%252Fnews%252Fnews_zdto%252Ftrudovaya_doblest_vchera_i_segodnya=&%25252Fnews%25252Fnews_zdto%25252Ftrudovaya_doblest_vchera_i_segodnya=&%2525252Fnews%2525252Fnews_zdto%2525252Ftrudovaya_doblest_vchera_i_segodnya= (Accessed: 11.03.2023).
10. Soldat.ru. (2023) *Postanovleniya GKO v 1941 g.* [Decrees of the State Defense Committee in 1941]. [Online] Available from: <https://www.soldat.ru/doc/gko/gko1941.html> (Accessed: 12.03.2023).
11. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 329. List 1. File 25.
12. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 80.
13. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 8.

14. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 81.
15. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 85.
16. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 75.
17. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 65.
18. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 329. List 1. File 26.
19. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 196.
20. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 96.
21. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 199.
22. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 188.
23. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 99.

Информация об авторе:

Галкина Т.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: galkina@tspu.edu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Galkina, Cand. Sci. (History), associate professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galkina@tspu.edu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.03.2023;
одобрена после рецензирования 22.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 20.03.2023;
approved after reviewing 22.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 372.893
doi: 10.17223/15617793/489/7

Исторический источник в образовательной системе высшего учебного заведения

Елена Владимировна Голубева¹

¹Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
knyazevaklio@yandex.ru

Аннотация. Актуализируется опыт применения исторического источника в ходе преподавания истории на разных ступенях вузовского образования. Предлагается образовательная стратегия, построенная на активном включении исторических источников в учебный процесс. Основными чертами данной схемы являются фундаментальность, системность и универсальность. Она сочетает в себе опыт отечественной исторической науки, педагогические традиции и современные достижения гуманитарных наук и может быть использована как для подготовки студентов на общеобразовательных курсах, так и в ходе обучения будущих историков.

Ключевые слова: историческое образование, исторический источник, источниковедение, универсальные компетенции, профессиональные навыки

Для цитирования: Голубева Е.В. Исторический источник в образовательной системе высшего учебного заведения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 66–79. doi: 10.17223/15617793/489/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/7

Historical source in the university teaching practice

Elena V. Golubeva¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
knyazevaklio@yandex.ru

Abstract. The current social progress demands a formation of an innovative educational system to train new generation specialists with big creativity, systematic thinking, developed leadership and communicative skills, capacities to ongoing education and self-improvement, and also high resilience. Present national challenges have made the promotion of patriotism and citizenship urgent. A valuable foundation to reach these goals in our country has always been the humanities, history in particular. The aim of this article is to demonstrate how a historical source can become a core for teaching history at different levels of university education. The author proposes an educational strategy built on active incorporation of sources in historical lessons. General features of this system are fundamentality, consistency and versatility. It combines the experience of Russian historical science, national teaching traditions and modern achievements in the humanities, and can be used for students both in general courses and in professional subjects. The first section of the article discusses special aspects of history teaching for different students of non-humanitarian professions. It shows opportunities of using work with historical sources to awake interest in history, to include students in the historical process, to introduce them to scientific procedures in history and to develop their perception of a different culture. The second section of the article explains the using of historical sources at lessons with humanitarian students. In this case, source studies promote developing not only general competencies, but also professional ones. Students learn the methodology of the humanities, practise advertency to information and interdisciplinary cooperation. The biggest third section of the article concerns work with historical sources in different stages of professional history studying. Students receive the necessary empirical base on general history subjects, theoretical and methodological knowledge on source studies, and deepen and practice professional skills in their research projects. This contributes to training versatile and adaptable professionals in education, research, management, culture, and also project development. Thus, it is increasingly clear that the intensification of source studying at history lessons is very useful for solving current problems in university education, general and professional practice in the humanities.

Keywords: historical education, historical source, source studies, universal competencies, professional skills

For citation: Golubeva, E.V. (2023) Historical source in the university teaching practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 66–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/7

Постановка проблемы

Эпоха перемен и постоянное стремление информационного общества к еще более кардинальным технологическим изменениям и новациям оказывают значительное влияние на развитие научного знания всех направлений – от технического до гуманитарного. Данный процесс ставит новые задачи по формированию инновационной образовательной среды, обеспечивающей подготовку профессионалов нового поколения с богатым творческим потенциалом, системным мышлением, развитыми лидерскими и коммуникативными качествами, навыками непрерывного самообразования и саморазвития, а также высокой адаптивностью. При этом необходимо понимать, что достижение подобных результатов независимо от профиля подготовки невозможно без крепкого гуманитарного фундамента. Осознание данного факта на государственном уровне выразилось в создании и реализации национального проекта, охватившего все уровни российской образовательной системы, в котором в качестве той самой гуманитарной опоры выступают духовно-нравственные ценности народов Российской Федерации, их исторические и национально-культурные традиции [1]. Современные вызовы также актуализировали аспекты, связанные с воспитанием патриотизма и гражданственности.

В данном контексте перед гуманитарной отраслью, главным образом историческим знанием, стоит практическая задача разработки образовательных и педагогических стратегий, отвечающих вышеуказанным требованиям. В рамках реализации образовательных программ в высшем учебном заведении эта работа распадается на несколько направлений или уровней: преподавание истории студентам негуманитарного профиля; поиск междисциплинарного взаимодействия исторической науки с другими гуманитарными дисциплинами и его практическое воплощение в преподавании исторических дисциплин студентам-гуманитариям неисторического профиля; поиск инновационных стратегий подготовки студентов-историков для воспитания универсальных широкообразованных специалистов, способных к осознанной профессиональной рефлексии и принятию нестандартных решений во всех возможных направлениях деятельности: педагогической, научно-исследовательской, организационно-управленческой, культурно-просветительской, а также проектной и экспертно-аналитической [2. С. 3].

В этой связи наиболее важным видится обсуждение следующих вопросов: какая из эпистемологических парадигм, существующих в историческом знании, может предоставить необходимые ресурсы и возможности для осуществления подобной работы; возможно ли создание единой стратегической концепции для охвата всех указанных практических направлений; существует ли некий отечественный опыт в развитии исторического знания, к которому необходимо обратиться для решения поставленных задач.

Разумеется, современное историческое знание также не избежало кардинальных перемен в послед-

ние десятилетия, находясь в судорожном поиске тех подходов и методов, которые бы способствовали выходу из постсоветского эпистемологического кризиса и дали возможность переосмыслить как недавнее, так и более далекое прошлое исходя сугубо из принципов научности и объективности. В определенной степени данные «бои за историю» до сих пор продолжаются, и смеем надеяться, что еще принесут свои позитивные плоды. Не останавливаясь подробно на данном вопросе, следует рассмотреть основные аспекты, которые наиболее важны для обсуждаемой проблемы.

В рамках развития исторической науки и высшего профессионального исторического образования при выборе ведущей исследовательской парадигмы и соответственно определенных образовательных стратегий для студентов наблюдается противоборство двух эпистемологических моделей, которые в современной историографии получили названия традиционной нарративистской истории, с одной стороны, и новой исторической науки – с другой. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки.

Первая традиционная модель во многом сохраняет свою приверженность позитивистской методологии и строго иерархична по дисциплинарной структуре. Благодаря данной модели происходит обработка и введение в научный оборот широкого круга исторических источников, накапливается и систематизируется фактологический материал, разрабатываются прикладные методики исследования, в том числе вспомогательных дисциплин. В результате создаются монументальные исторические труды, предлагающие линейные схемы сложных исторических явлений с точки зрения определенных закономерностей и относительно стандартных причинно-следственных связей. Они упрощают восприятие исторического процесса, создают некую внутреннюю логику исторических представлений у своих реципиентов, что, безусловно, облегчает историческую подготовку учащихся, а также формирование исторической памяти у интересующейся аудитории обывателей.

Между тем недостатки описываемой парадигмы, осознанные и четко сформулированные более столетия назад, несмотря на все позитивные стороны дальнейшего развития, никуда не делись. На современном этапе, в том числе в образовательной среде всех уровней, ярко выражены их последствия. Во-первых, «передача готового, уже достигнутого и многократно воспроизводимого набора знаний» в рамках нарративной логики [3. С. 74] значительно разрушает творческий потенциал учащегося. Со школьной скамьи «история преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знанием утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение» [3. С. 74]. В результате наполненный готовыми упрощенными схемами ум студента-историка сложно перестроить и научить исследовательской и методологической рефлексии, настроенной на поиск нового знания. При этом ум обывателя, также приученный к подобным схемам, становится весьма уязвим и подвержен восприятию лженаучной исторической ин-

формации, что, в свою очередь, рождает ряд ошибочных стереотипов и отношение к научному историческому знанию как ложному. Во-вторых, приходится признать, что отношение к историческому источнику как к сухому набору фактов о прошлом, где самым важным считается выяснение его достоверности и возможности добавления сведений в создаваемый трактат, до сих пор сохраняется. Студент усваивает данную простую логику вне осмысления природы исторического источника, что приводит к уже указанным образовательным результатам. В-третьих, усложняет ситуацию продолжающаяся тенденция к специализации и дроблению исторического знания, при которой предметом исследования становится некая незначительная деталь исторического прошлого, одно определенное свойство исторического источника и т.д., которые вынимаются из общего глобального исторического контекста и досконально изучаются сами по себе. В определенной эпистемологической ситуации это неплохо – углубляет и уточняет наши знания о прошлом. С другой стороны, при построении образовательной программы в рамках нарративной логики такая узкая направленность в работе над курсовым или дипломным проектом приводит к еще большему сужению осознаваемого студентом возможного исследовательского ракурса, уходу от восприятия целостности исторической реальности и сложности при выходе на уровень системного обобщения.

Вторая модель в современной историографии обозначается как «новая историческая наука», в широком смысле включающая опыт разнонаправленных методологических поисков нескольких последних поколений историков. Ключевыми ее свойствами являются антропологический поворот, полицентризм исторической мысли, междисциплинарность, непрерывная методологическая саморефлексия. Благодаря развитию данной модели в поле зрения историков попадает большое количество ранее не осознаваемых социокультурных явлений. Каждый рядовой человек, живший когда-то в прошлом, становится признанным субъектом исторического процесса, а сама историческая реальность воспринимается многокомпонентной, многофакторной и нелинейной. Все эти тенденции позволили значительно расширить источниковую базу и актуализировать «нетрадиционные», «второстепенные», «малоинформативные» типы и виды источников, параллельно разрабатывая и уточняя прикладные методики их исследования. Среди них блок визуальных источников, устные исторические источники, источники личного происхождения и художественная литература.

В то же самое время те методологические сложности и проблемы, преодоление которых активно обсуждается мировыми и отечественными теоретиками, также в определенной степени затрудняют построение образовательного процесса студентов. Бывший абитуриент с линейными знаниями в виде упрощенных схем, попадая в среду множественных динамичных исследовательских практик, оказывается дезориентирован. Постепенно при встрече с направлениями

типа новой социальной истории, истории повседневности и т.п., кажущимися наиболее «живыми» и «простыми» на первый взгляд, студент увлекается быстрыми поверхностными построениями, теряет из виду методологический фундамент и внимательное, кропотливое отношение к источнику. Погружение же его в сам контекст методологического осмысления и дискуссий ввиду сложного контекста и языка подобных работ возможно только на старших курсах и только при условии хорошей базовой подготовки. Погоня за живым и интересным результатом в ходе курсовой или дипломной работы осложняет возвращение к базовым началам и постановке правильных исследовательских вопросов. Увлечение одним исследовательским направлением и общий интерес к сугубо одной разновидности исторических источников также чреват развитием односторонности мышления, что не способствует формированию универсальных профессиональных компетенций и навыков.

Недостатки обеих эпистемологических моделей указывают на необходимость решения конкретных педагогических задач по построению базовой профессиональной подготовки студента, которая помогала бы их преодолеть и позволяла студенту включаться в любой формат исследовательской и иной профессиональной работы. Осмысление данной проблемы за последние десятилетия привело к предложениям поменять восприятие природы самого исторического познания и отказаться от представления об истории, как «науке, которая сама создает свой объект», т.е. конструирует его. Напротив, «наиболее существенным для нового этапа развития исторического знания является последовательное введение принципа изучения истории “изнутри”, то есть выявление имманентной позиции самих участников исторического процесса, их отношения к жизни, их ментальностей и систем ценностей» [4. С. 81]. Реализация данного принципа возможна, когда мы признаем, что история есть наука эмпирическая, в ней возможно наблюдение, поскольку она обладает своим собственным эмпирическим объектом – историческим источником [3. С. 61]. Последнее привело к обсуждению основ подготовки «нового типа историка, ориентированного на практику работы с эмпирическим объектом» [3. С. 63], и формирования соответствующей образовательной модели, основанной на источниковедческом подходе [3. С. 75].

Внимание к историческому источнику и активное включение его в образовательную практику – явление для отечественной системы обучения не новое. Важность обращения к нему на занятиях по истории и культуре родной страны и края осознавалась педагогами в рамках как дореволюционной гимназической системы, так и советской школьной системы. Исторический источник становился значимой частью воспитательной, ценностно-ориентированной работы, активно использовался при формировании мировоззренческих принципов, патриотизма, идеологических установок [5–8]. Знакомство с древними вещественными и архитектурными памятниками позволяло ощутить дух эпохи и привить интерес к истории. Чте-

ние и разбор текстов источников на уроках помогали «установлению межпредметных связей» [6. С. 116], углублению и конкретизации знаний, развитию логического и критического мышления, элементарному знакомству с исследовательскими методами, а также осуществлению реализации «принципа наглядности в обучении истории» [6. С. 161].

Детальный разбор исторического либо историографического источника, занимавший порой достаточно длительный период времени (до нескольких семестров), являлся естественной, органичной частью процесса обучения студента-историка. Такие занятия на протяжении многих лет проводились в рамках общих исторических, теоретико-методологических курсов, вспомогательных исторических дисциплин и в качестве построения научно-исследовательской работы, а также отдельных кружков, бесед и научных обществ в ведущих отечественных вузах, воспитавших плеяду крупнейших ученых гуманитарного профиля: «именно университетское преподавание в классическом российском варианте давало возможность охватывать процесс развития науки в целом, обосновывать и соотносить теоретические поиски и исследовательскую практику, улавливать перспективы движения научной мысли. Именно поэтому методология источниковедения и ее преподавание в высшей школе составляют нечто единое» [9. С. 68].

Важно также понимать, что взаимодействие с историческим источником не является сугубой прерогативой профессионального исторического сообщества и не решает исключительно задачи добывания нового исторического знания, в подобное «общение» включается каждый человек с самого рождения, поскольку он изначально находится внутри определенного культурного контекста. А.С. Лаппо-Данилевский подробно описывал особенности этого процесса. Благодаря историческому источнику человек удовлетворяет свой интерес к действительности; устанавливает различные уровни своей идентичности и определяет свое место в обществе и мире; ощущает прошлое и культурную преемственность; обогащает свою духовную жизнь [10. С. 616]. Но самое главное, взаимодействие с историческим источником позволяет ему ощутить себя полноправным субъектом исторического процесса и «соучаствовать в культурной жизни человечества» [10. С. 592].

Таким образом, исторический источник является важной составляющей исторической, культурной жизни и самосознания любого человека. Современные цивилизационные сдвиги это подтверждают и требуют актуализации источниковедческого ракурса высшего образования. Создается впечатление, что именно данный эпистемологический ресурс предпочтительно использовать для преодоления озвученных выше противоречий и поставленных практических задач, решение которых распадается на несколько представленных ниже уровней.

Исторические источники на занятиях по истории со студентами негуманитарных специальностей

История как дисциплина общепрофессионального цикла является обязательной для любой негуманитар-

ной образовательной программы, на сегодняшний день она призвана формировать одну из основных компетенций: «способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах» (УК-5, ФГОС ВО 3++) [11–12]. Минимальный объем часов для ее изучения установлен в 4 зачетных единицы при контактной работе со студентами в размере не менее 80% [13]. Важным шагом к унификации и регламентации обучения истории стало недавнее утверждение Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования [14]. Данный документ подтвердил принципы универсальности, разносторонности и комплексности подготовки специалистов, обозначил необходимость «углубления гуманитарной составляющей обучения», необходимого для всестороннего развития личности, и определил «формирование исторического сознания» как главную цель курса истории [14. С. 1–2].

Сама специфика студентов негуманитарных специальностей определяется, как правило, иным образом мышления, слабым интересом к истории и низкой общекультурной подготовкой. Аудитория отличается обыденным восприятием исторического прошлого, которое характеризуется фрагментарностью, избирательностью, восприимчивостью к мифологическим, идеологическим либо откровенно лженаучным конструкциям [15. С. 8]. Преодоление этих особенностей определило в Концепции формулировку педагогических задач курса [14], полноценная реализация которых, на наш взгляд, недостижима без широкого привлечения различных материалов, в частности непосредственной работы с историческими источниками.

Следует отметить, что формирование исторического сознания осуществимо только при наличии определенного интереса к предмету, развитие которого невозможно без соприкосновения с непосредственными остатками исторического прошлого. Исторический источник помогает преодолеть временную дистанцию между древностью и современностью, увидеть человека другой эпохи, представителя другой культуры, его нужды и потребности, сравнить себя с ним.

Кроме этого, интерес к истории вырабатывается путем включения студентов в исторический процесс через актуализацию индивидуального субъективного исторического опыта. Важным инструментом здесь также является исторический источник. Восприятие живой истории, насыщенной мыслями, эмоциями, судьбами когда-то живших людей, которые не исчезли бесследно, но оставили память о себе, выраженную в письменной, устной, вещественной либо изобразительной форме, осуществимо путем обращения к семейным преданиям, воспоминаниям, письмам, фотоальбомам, к документальным свидетельствам о возникновении и развитии родного села, города и т.п. С их помощью удастся показать, насколько жизнь каждого человека, не далекого и знаменитого, а знакомого, близкого и родного вплетена в историю страны,

народа, культуры и т.д., и заложить фундамент для определения собственного места и роли в историко-культурном пространстве.

Включение студента во взаимодействие с историческим источником любого типа уже само по себе вводит его в опосредованное общение с человеком другой культуры. На наглядных, живых примерах удается показать другие, отличные от нашего, мировосприятие, ценностные ориентиры, исторические условия жизни и деятельности. Попытка понимания автора источника, стратегии его мышления и действий, способов творческой реализации дает более ясное представление о культуре прошлого и побуждает к саморефлексии. Подбор однотипных источников сходной тематики, относящихся к разным цивилизационным контекстам, позволяет произвести сравнительный обзор культурно-исторических и личностных характеристик, показать схожее и различное, проанализировать субъективное личностное восприятие ситуации. Таким образом удается в полной мере реализовать компаративистский подход, а также достичь понимания «особенностей российского исторического развития на общемировом фоне» [14. С. 4].

Понятие о научности, «объективная научная оценка существующих в историческом сознании стереотипов и мифов, причин их формирования» [14. С. 3], а также проблемный уровень осмысления исторического материала [14. С. 7] реализуются через знакомство с принципами и процедурами строго научного исторического познания на примере конкретных исторических источников в рамках ряда практических занятий. Данная работа позволяет показать природу того или иного знания о прошлом, особенности его получения, способы достижения доказательности и объективности. Выбор используемого материала в данном случае должен опираться на предпочтения и опыт конкретной аудитории, чтобы постараться максимально включить студентов в образовательный процесс. Прямым продолжением данной задачи является развитие исторической рефлексии в целом и способности определять и отличать ненаучное историческое знание в частности. Здесь возможно единое сквозное тематическое построение, позволяющее сравнить научное знание о личности/событии и его сконструированный образ в медиапространстве, исторической публицистике и т.п.

«Акцент на многонациональном и поликонфессиональном характере российского государства и социума на всем историческом пространстве» [14. С. 4–5] подразумевает активную внеаудиторную работу с опорой на кругозор, интересы и личный опыт учащихся. Через взаимодействие с корпусами национальных текстов, чтение и разбор литературных произведений, знакомство, посещение и обсуждение памятников истории и культуры, музейных коллекций предметов народной культуры и быта, художественных выставок позволяет реализовать достаточное внимание к русской культуре, национальным традициям народов и региональной истории [14. С. 5, 9–10].

Обращение к историческим источникам важно в рамках изучения древних технологий и технических знаний, соответствующих специализации студентов, при прохождении модуля, посвященному истории «определенной отрасли науки и производства» [14. С. 10]. Интерактивные занятия могут быть построены на участии в реконструкциях древних производств на экспериментальных площадках (например, металлургического, гончарного, ткацкого и др.), моделировании технологических процессов (горнодобывающего, строительного и т.п.), разборе и интерпретации текстов инженерной тематики и т.д. Вокруг конкретных исторических примеров древних инженерных, градостроительных сооружений и памятников культуры может строиться и соответствующая проектная деятельность учащихся [14. С. 11].

Между тем использование исторических источников на занятиях по истории позволяет не только развить интерес, расширить кругозор и углубить понимание исторических процессов. Итоговой, основополагающей задачей курса видится развитие практических навыков применения знаний об историко-культурном многообразии и исторических судьбах российского государства и человечества в целом в социальной и профессиональной деятельности. Она реализуется на всем протяжении курса при активном включении студентов в субъектную деятельность и групповую работу. Сама учебная группа, состоящая из представителей разных семей и традиций, национальных культур, религиозных конфессий, происходящих из разных населенных пунктов, обладающих индивидуальным историко-культурным опытом и взглядами, становится тренировочной площадкой для получения знаний о другом человеке, его социокультурном и историческом восприятии, а также для отработки навыков понимания и эффективного взаимодействия с ним. При этом наличие на курсе иностранных студентов, как из постсоветского пространства, так и из дальнего зарубежья, делает подобную работу еще более наглядной и эффективной.

Таким образом, системное включение исторического источника в образовательный процесс курса истории для студентов негуманитарных специальностей является весьма эффективным и позволяет решить целый комплекс педагогических задач, которые невозможно реализовать при простой передаче и разборе готовой фактической информации даже при использовании технологий активного обучения. При этом источник-ориентированная схема преподавания истории является универсальной и может работать с разным тематическим наполнением, в зависимости от нужд конкретной образовательной программы.

Исторические источники на занятиях по историческим дисциплинам со студентами-гуманитариями неисторического профиля

Преподавание исторических дисциплин на гуманитарных специальностях значительно шире и подчиняется задачам конкретной гуманитарной отрасли. Общие курсы истории призваны дать некий историче-

ский контекст развития общества и сформировать упоминавшуюся выше компетенцию (УК-5). Ряд образовательных программ также содержит традиционно сложившиеся дисциплины, посвященные истории объекта изучения (например, история государства и права, история религии и т.п.) и источникам его изучения (например, источниковедение истории культуры). В данном контексте источниковедческая модель построения этих курсов призвана работать по двум направлениям: общекультурному и профессиональному [16. С. 8]. Для общекультурной составляющей, которая реализуется на младших курсах в общих исторических дисциплинах, актуальны все те задачи, которые прописаны выше для негуманитарных специальностей.

Профессиональные задачи освоения курса несколько глубже и напрямую связаны с современным состоянием источниковедения как отраслью научного знания. Здесь первостепенным обстоятельством является признание его общеметодологической гуманитарной дисциплиной междисциплинарного «интегрирующего» характера [16. С. 7], поэтому важно вывести источниковедческие курсы из-под наследия позитивистских стереотипов об их «прикладном», «вспомогательном» характере, даже если они находятся в сфере неисторического образования. Для этого необходимо признать, что для всех областей знания, изучающих человека, объектом исследования является исторический источник как «продукт культуры» и «результат творческой деятельности человека» [16. С. 94]. Все отрасли гуманитарного знания в своей деятельности сталкиваются с различными типами исторических источников, работа с которыми требует серьезной теоретико-методологической и практической подготовки. Исходя из этого, к профессиональным задачам следует отнести формирование навыка конструировать факты с помощью методов источниковедческого исследования и понимать природу полученного нового знания, а также навыка рефлексии собственного исследовательского процесса [16. С. 9].

Не менее важным аспектом построения образовательного процесса у студентов-гуманитариев является взаимный междисциплинарный синтез. Включение в программу источниковедческой направленности не должно происходить по сугубо профессионально-историческому образцу, а, напротив, органично интегрировать все специальные исследовательские практики и опыт той гуманитарной специальности, для которой разрабатывается курс. Студенты должны ясно представлять, что, зачем и для чего они изучают, каковы будут результаты обучения преимущественно для их будущей профессиональной деятельности.

В целом подобная перестройка подготовки студентов гуманитарного профиля позволит готовить более осознанного специалиста, обладающего широким комплексом универсальных практических инструментов и навыков, позволяющих ему легко ориентироваться в современном информационном пространстве и быстро адаптироваться к изменяющимся

условиям профессиональной деятельности. Междисциплинарное взаимодействие в рамках решения педагогических задач, в свою очередь, также весьма перспективно для развития отдельных отраслей знаний о человеке и для обогащения гуманитаристики в целом.

Исторические источники на занятиях по историческим дисциплинам со студентами-историками

Безусловно, работа с историческими источниками на курсах по историческим дисциплинам является неотъемлемой частью учебного процесса. На них студенты, как правило, знакомятся с корпусом источников, характеризующих определенную отрасль исторического знания, получают необходимый эмпирический опыт по разбору и прочтению классических текстов, выявляют и сравнивают исторические факты, соотносят их с современными научными взглядами на соответствующую проблематику. В рамках изучения археологии, истории первобытного общества происходит накопление знаний о своеобразии вещественных комплексов, специфике их научного описания и интерпретации, а также информационного потенциала для исследовательских реконструкций. При изучении более поздних эпох, а также спецкурсов по истории повседневности, исторической или социокультурной антропологии и т.д. происходит знакомство с аудиовизуальными источниками.

Важной частью образовательной деятельности студента-историка также является работа с историографическими источниками. В рамках изучения конкретной исследовательской проблематики через рассмотрение соответствующих работ происходит наблюдение за эволюцией научных взглядов, подходов, методик, используемых на том или ином этапе развития исторического познания.

Непосредственная работа с историческим источником в контексте определенной изучаемой темы дает возможность на конкретных примерах обсудить вопросы полноты и достоверности сведений, вопросы источниковедческой критики и специфики отражения исторической реальности источниками разного типа и вида. Разбор трудов историков позволяет научить студентов соотносить исследовательские цели и задачи с выбором научного подхода и методов, оценивать репрезентативность источниковой базы, анализировать ход и структуру исследования, определять адекватность полученных результатов заявленным целям. Следует обращать внимание студентов и на контекст эпохи, аспекты мировоззрения и научной картины мира, которые оказывают непосредственное влияние на автора источника.

При этом включение исторического источника в образовательный процесс в данном случае должно быть органичным и систематическим, а не разовым и фрагментарным, поскольку подобные практические занятия существенно расширяют источниковый, историографический, методологический кругозор студентов, формируют как первичные, так и специальные профессиональные навыки. Только при серьезной

источниковой компоненте в процессе освоения исторических дисциплин у будущего историка сформируется необходимая эмпирическая база для дальнейшего теоретического и методологического обобщения и углубления знаний на курсе источниковедения и в ходе самостоятельной научно-исследовательской работы.

Исторические источники на занятиях по источниковедению со студентами-историками

Источниковедение, наряду с методологией истории, является важнейшей дисциплиной для студентов-историков, освоение которой определяет качество их дальнейшей профессиональной деятельности. Его изучение распадается на два классических тематических блока: теоретико-методологический и фактологический (или практический). Первый подразумевает знакомство студентов с целями и задачами дисциплины, историей ее развития, ходом теоретико-методологических поисков и основными исследовательскими стратегиями. Второй блок рассматривается в традиционно сложившемся виде: происходит знакомство с корпусом письменных источников российской истории по принципу, заложенному первыми учебниками М.Н. Тихомирова и С.А. Никитина [17–21], и методами работы с ними.

Обращение к источниковедческому наследию А.С. Лаппо-Данилевского, объяснявшего историю как научную гипотезу, «при помощи которой мы объясняем эмпирически данные исторические источники» [10. С. 594], О.М. Медушевской современной отечественной школы источниковедения привело к окончательному оформлению источниковедческой парадигмы методологии гуманитарного познания, как особой эпистемологической междисциплинарной сферы исследования [9. С. 90].

Ключевым стал отказ от позитивистского восприятия исторического источника как объекта, содержащего некий набор исторических фактов [16. С. 90], что позволило уйти от ощущения сухости и безликости изучаемого предмета. В центре современного образовательного процесса находится исторический источник как цельное уникальное историко-культурное явление, включенное в канву исторического процесса и являющееся неотделимой его частью. В этом смысле исторический источник не случаен, он всегда является частью определенной системы (мировоззренческой, правовой, материальной, интеллектуальной и т.д.). Он всегда антропологичен. За текстом, формой либо образом скрывается человек в широком смысле (автор, группа авторов, общество), благодаря потребностям и творческому потенциалу которого и возникает источник. Данная система координат позволяет существенно изменить характер курса и перейти к непосредственному наблюдению объективно существующего в исторической реальности эмпирического объекта.

Следующим важным шагом стало понимание того, что рассмотрение корпуса исторических источников конкретной эпохи является не просто залогом профессиональной эрудированности будущих историков

и удобной формой первичного знакомства с основными видами источников и прикладными методиками их исследования. Данный ракурс, в первую очередь, является построением проекции «живой» культуры во времени [9. С. 73], поскольку каждый источник является прямым результатом ее функционирования и отражает условия и направление ее движения. Последнее позволяет рассматривать сам источник как явление динамичное, а не статичное, уделять больше внимания его природе и социальной функции, знакомить студентов с компаративными исследованиями в источниковедении.

Как уже упоминалось выше, традиционной формой для построения отечественного курса источниковедения является видовой принцип. За многие десятилетия он показал свою эффективность. Изучение видов источников позволяет студентам усвоить особую специфику видовых групп, понять принцип построения специальных методик, основанных на отличительных признаках, увидеть эволюцию вида во времени и т.д. Набор изучаемых видов источников устойчив (от летописания до источников личного происхождения) и ограничивается исключительно письменными источниками [16, 21], хотя и в данном аспекте в последние годы происходят позитивные изменения. Например, в учебниках появляется раздел, посвященный группе историографических источников [16. С. 506].

Практический опыт работы со студентами-историками действительно показывает необходимость включения в курс темы, посвященной построению исторического знания и анализа природы тех или иных исторических сочинений. Тем не менее здесь не обходится без некоторых трудностей, связанных со сложившимися ранее привычными моделями преподавания отдельных тем и построения студенческой исследовательской работы. Один из этих стереотипных тезисов гласит, что необходимо четко разделять и понимать разницу между историческими источниками и исторической литературой. Из данного утверждения следует логический вывод о том, что исторический труд источником быть не может. Последнее противоречит самому определению источника как продукта определенной эпохи, картины мира, научной доктрины, культуры в целом, с одной стороны. И вносит сумятицу в умы студентов – с другой. В этой связи особо важно тщательно построить теоретическую и практическую работу с историографическими источниками внутри самого курса источниковедения, далее – внутри курса по историографии и параллельно внутри всех уровней научно-исследовательской работы студентов.

Определенным шагом вперед также видится внимание отдельных учебных пособий по источниковедению к художественной литературе [22. С. 440; 23. С. 201]. Неприятие источников данного вида долгое время объяснялось наличием художественного вымысла, который, по мнению историков, полностью исключает наличие подлинных исторических фактов в таких произведениях. С позиций позитивистской методологии данный тезис бесспорен. Со сменой ис-

следовательских подходов удалось сместить угол зрения и вычленили те уникальные свойства источника, которые запечатлевают историческую реальность в практически неизменном виде и представляют богатейший материал для исследований. К тому же, как и любой другой источник, художественное произведение возникает в определенном историко-культурном контексте и имеет непосредственные связи с функционированием официальных общественных институтов, что в свое время привлекало внимание даже отдельных историков-позитивистов [24]. Не менее важным аспектом для изучения является особенность функционирования конкретного произведения в обществе, что также позволяет выявить его как явную, так и скрытую актуальность. В ходе реализации курса важно показать студентам тот механизм, в результате которого историческая реальность попадает на страницы художественного произведения, и как находить данную информацию и обрабатывать ее. Значительное место в этом занимает обращение не только к методам литературоведения и лингвистики, но и к опыту психологии, культурологии, философии, богословия и др. Очевидно, что источниковедческое изучение художественной литературы имеет большой потенциал для междисциплинарного взаимодействия и на исследовательском уровне.

Существенным минусом традиционного отечественного курса по источниковедению, на наш взгляд, является ограничение разбора корпуса источников исключительно письменными источниками. Развитие визуальной антропологии на отечественной почве в последние десятилетия, а также прикладные потребности архивного дела и документального учета привели к тому, что в тематический блок дисциплины была включена группа визуальных (изобразительных) источников и аудиозаписи, так называемый тип кинофотофонодокументов [22. С. 211; 25. С. 345]. В результате студент-историк получает возможность в общем методологическом контексте познакомиться с особенностями такого материала, увидеть его сходства и различия в сравнении с теми или иными видами письменных источников. Первичный обзор наиболее распространенных разновидностей существующих аудиовизуальных источников дает представление об их информационном потенциале и закладывает необходимую основу для дальнейшего изучения спецкурсов по визуальной антропологии и самостоятельной исследовательской практики.

Тематическое расширение блока изучаемых на курсе источников происходит и за счет обращения к типу устных источников. Между тем здесь необходимо как методологическое, так и методическое разделение на устные фольклорные источники и устные исторические источники. В классической отечественной работе по классификации исторических источников под устным типом традиционно подразумеваются традиционные фольклорные материалы [26. С. 196]. Тем не менее развитие гуманитарного знания последних десятилетий существенно расширило предметные границы фольклористики. Уходя от фрагментарного представления об отдельных фольклорных памятни-

ках и изучая фольклор как цельное историко-культурное явление, существующее непрерывно и изменяющееся во времени, как некий особый механизм существования устной коммуникации, часто сопряженной с четко определенным действием, удалось выделить более поздний уникальный этап, получивший название постфольклор. Произошло осознание законов функционирования фольклорных материалов в обществах как с исключительно устной, так и с письменной традицией, что, в свою очередь, открыло возможности для изучения трансформации постфольклора из устной формы в онлайн-формат в современном обществе в новую цифровую традицию [27. С. 18]. Знакомство студентов-историков с данными исследованиями видится существенно важным для формирования системного и целостного восприятия человеческой истории, овладения знаниями о существующих методах изучения разных историко-культурных типов, овладения навыками осознанного выхода за пределы дисциплинарных границ и построения уникальной исследовательской стратегии, отвечающей современным целям и запросам. Хотя все перечисленные результаты в той же степени актуальны для изучения остальных тем источниковедения.

Устные свидетельства о прошлом, в той или иной степени проникавшие в сферу научного исторического познания, также, наконец, получили теоретическое и методологическое обоснование благодаря формированию отечественной школы устной истории. Кроме того, были осмыслены педагогические и воспитательные аспекты работы с устным историческим источником в разных образовательных ситуациях, обоснованы пути перехода от освоения «готовых» знаний о прошлом к стимулированию исследовательской составляющей, т.е. к формированию «умения добывать, обрабатывать, систематизировать и анализировать информацию» [28. С. 16]. Включение устного исторического источника в курс источниковедения позволяет познакомить студентов с новыми подходами к изучению прошлого через изучение субъективного начала истории, осмысление индивидуального и массового сознания общества определенных исторических этапов, анализ формирования исторической памяти о событиях. Практическая работа с подобным материалом, помимо прочего, дополняет понимание природы и особенностей создания и функционирования ряда письменных источников (например, личного характера и др.), знакомит с особенностями применения методов социологии в историческом исследовательском поле и процессами документирования и хранения данных.

В рамках развития и преподавания дисциплины на сегодняшний день серьезным остается вопрос слабой репрезентации и низкого уровня теоретического осмысления типа исходно электронных исторических источников. Несмотря на то что еще в начале века данная проблематика была неплохо охарактеризована и намечены необходимые направления для теоретических и практических разработок [22. С. 593–619], этот тип источников до сих пор либо полностью исключается из образовательных курсов по источниковедению

[16, 21, 23], либо изучается по касательной в рамках простой иллюстрации развития современного общества, появления новых медиа и средств социальной коммуникации [25. С. 338–343]. Безусловно, необходимо время для систематизации и проникновения нового знания в учебный курс. Тем не менее подготовка нового поколения историков уже сегодня требует формирования необходимых умений и навыков профессионального взаимодействия с цифровой средой и остро ставит задачу активного междисциплинарного взаимодействия источниковедения с цифровой историей.

Критерием выделения данного типа исторических источников является его цифровая природа: исходное возникновение и дальнейшее функционирование в цифровой среде. В ходе изучения теории источниковедения студенты знакомятся с различными традициями кодирования и передачи информации (в частности, устной и письменной), которые обуславливают появление и функционирование тех или иных видов традиционных источников на разных этапах развития общества. Целесообразно продлить данную эволюционную цепочку изучением цифровой традиции, которая также является проявлением определенного нового этапа человеческой истории и порождает новые виды источников, согласно новым потребностям общества.

Виды исходно электронных источников весьма разнообразны, ряд из них появился в ходе перехода комплекса подвидов письменных источников в новую среду (делопроизводственная документация, периодика, художественные и научные издания и т.п.). В связи с этим они могут сохранять некие традиционные черты, что, безусловно, позволяет применять к ним уже сложившиеся методы исследования. С другой стороны, не следует забывать о том, что цифровая природа документа так или иначе меняет особенности его содержания и функционирования, что является особым предметом для изучения.

Другая половина электронных источников представляет собой материалы, являющиеся порождением цифровой эпохи и новых принципов общественного взаимодействия: разные виды электронной переписки и иных форм общения, страницы в социальных сетях, новые формы средств массовой информации, базы данных, электронные каталоги и виртуальные коллекции и т.д. Среди них большинство – источники комплексного характера, совмещающие в себе письменный текст, символичный язык, аудиовизуальные материалы и др. В результате мы имеем дело с многокомпонентным материалом, требующим детального изучения каждого элемента и применения разноплановых методов из источниковедческого инструментария. Другой значимой характеристикой электронных источников является их массовость. Соответственно, возникает необходимость обращения к современному опыту обработки большого массива данных в гуманитарной сфере.

Следовательно, в ходе изучения исходно электронных исторических источников необходимо детально разобрать их природу, особенности возникно-

вения и функционирования в обществе. Важно обратить внимание студентов на специфику сочетания универсальных процедур источниковедческого анализа и синтеза в контексте исследования электронных источников с необходимостью применения специфических методов исторической информатики для выявления и обработки исторической информации.

Другой ключевой проблемой преподавания дисциплины «Источниковедение» на сегодняшний день остается исключение из круга изучаемых тем раздела, посвященного вещественным источникам. С одной стороны, данный факт является продолжением сложившейся в отечественной науке еще в XIX в. традиции полностью оставлять вещественные источники в сфере ведения археологии, имеющей некий особый инструментарий для их изучения [29. С. 7; 30. С. 381]. С другой стороны, несмотря на признание того, что «в вещественных источниках воплощается реальная историческая действительность» [26. С. 99] и их значимость для исторических реконструкций весьма высока, что можно наблюдать на примере архитектурных памятников и нумизматических материалов [17. С. 9], в обобщающих трудах и учебниках по источниковедению они не получали самостоятельного раздела [17, 19, 31]. Вероятно, это было также связано с этапом понижения статуса обеих наук в советский период до вспомогательных исторических дисциплин, когда источниковедение призвано было разрабатывать методику извлечения фактов из письменных источников, а археология – из вещественных. Историки же, в свою очередь, должны были создавать на их основе исторические реконструкции.

В настоящее время обе дисциплины существенно изменили свой научный статус. Археология наращивает самостоятельный методологический потенциал и занимается комплексными историческими реконструкциями междисциплинарного характера. Источниковедение, как уже говорилось выше, также является общефилософской методологической дисциплиной, генерирующей материал для всей гуманитарной сферы. Тем не менее историографическое противоречие в определении предмета изучения и дисциплинарных границ относительно вещественных источников не преодолено и отражается на построении образовательных программ для историков.

Почему изучение вещественных источников в рамках дисциплины источниковедения для историков, да и других смежных гуманитарных специальностей также важно, как и остальных типов исторических источников? Во-первых, потому что вещественный источник, так же как любой другой, является уникальным явлением культуры, частью той исторической реальности, в которой он возник. Изучение его с позиций источниковедения возвращает его в единый ряд с другими типами источников и позволяет рассматривать их в едином контексте: историческом, методологическом, хронологическом и т.д. Тем более что вещественный источник, в отличие от ряда других типов, существовал на всем протяжении истории человечества.

Кроме того, фактически так называемый археологический источник – это тот источник, который получен и введен в научный оборот археологическими методами. Если древний предмет не подвергался археологизации и сохранился до наших дней естественным образом, то формально он уже не является археологическим источником, к нему не применимы специальные методы археологии и соответственно в большинстве случаев он выпадает из ее поля зрения.

Таким образом, возникает определенная методологическая и методическая лакуна, отсутствие необходимого инструментария для работы с теми объектами материального мира, которые являлись частью культуры человечества в недавней истории. Бесспорно, гуманитарные науки в ходе своего развития накапливали опыт научного исследования таких материалов: этнография, музееведение, искусствоведение, история архитектуры, нумизматика, фалеристика и др. Тем не менее каждая из них решает свои частные задачи, которые не рассматривают вещественный источник во всей полноте его свойств и проявлений. В определенный период существовала дисциплина под названием «история материальной культуры», которая, казалось, должна была решить указанные противоречия. Но ее предмет, к сожалению, был сведен к компиляции материалов археологии и этнографии с упором на изучение тех же древних обществ, а общеметодологических и методических аспектов источниковедческого характера внутри нее не разрабатывалось [32–35].

Включение темы о вещественных источниках целесообразно после ознакомления с теоретической частью курса. Как правило, на источниковедение студенты-историки приходят после усвоения ряда курсов по археологии, древней истории и имеют опыт прохождения археологической практики. В связи с этим удобно встраивать уже имеющиеся знания о вещественном источнике в общую канву курса. Студенты на этом этапе уже сами способны определить общие черты и различия между типами источников, произвести ревизию общих и специальных методов исследования и опыта смежных дисциплин по изучению вещественных источников. Важно при этом сохранить источниковедческий контекст, акцентировать внимание на особенностях природы источника и его свойств, произвести ретроспективный анализ его функционирования в культуре различных типов обществ, проследить, каким образом вещественный источник той или иной эпохи попадает в поле зрения исследователя и вводится в научный оборот. В рамках изучения темы полезно разбирать со студентами примеры существующих исследований вещественных источников из разных областей гуманитарного и негуманитарного знания, посмотреть, какие цели и задачи реализовывались и каким образом, каких результатов удалось достичь, какие свойства источника в каждом случае являлись наиболее значимыми для получения нового знания.

Таким образом, потребности современного образовательного курса по источниковедению значительно выходят за рамки предлагаемых сегодня вариантов

учебных изданий по дисциплине и требуют существенного дополнения актуальными разработками из разных областей гуманитарного знания. Исключение того или иного типа источников из содержания курса существенно искажает картину развития общества. Концентрация исключительно на примерах источников по истории России также ограничивает профессиональный кругозор и развитие студентов. Для сегодняшнего молодого историка важно иметь наиболее полное представление о современных исследовательских возможностях и инструментах для эффективного выстраивания своей профессиональной траектории и решения кардинально различных и самых специфических задач. Именно с учетом этого должна строиться данная дисциплина, формируя необходимую универсальную базу профессиональных знаний и умений, предоставляя будущим специалистам многоцелевой комплекс дорожных карт, которые можно применять в любой сфере деятельности.

Исторический источник как объект изучения при написании курсовой работы по исторической специальности

Курсовая работа студента-историка является важной ступенью по овладению профессиональными навыками. С каждым учебным годом ее цели, задачи и содержание усложняются до самостоятельного законченного научного исследования по определенной исторической проблеме. Традиции и подходы к курсовой работе историков в разных вузах варьируются. В некоторых реализуется практика обязательной ежегодной смены тематики и хронологии курсовой работы, чтобы расширить кругозор студентов. В других вузах, напротив, поощряется последовательное изучение одной проблемы в ходе нескольких лет, для более глубокой проработки темы и овладения на ее примере необходимым комплексом исследовательских навыков.

Так или иначе, выбор темы исследования традиционно начинается с выявления определенной научной проблемы и изучения историографии, после чего формулируется гипотеза, происходит поиск новых источников и т.д. То есть студент и руководитель чаще всего отталкиваются от существующей лакуны в изучении той или иной темы, от определенного историографического противоречия, противоположных взглядов на то или иное событие, явление и т.п. В попытках разрешить проблему подбирается новый подход, ракурс исследования, новые методы, происходит поиск иных источников либо по-новому исследуются уже известные. Безусловно, существуют и другие варианты, но данный алгоритм наиболее общий и широко распространен, и в большинстве своем прекрасен.

К трудностям построения образовательного процесса по написанию курсовой работы по этому пути следует отнести слабую историографическую, источниковую и методическую подготовку студентов младших курсов. Они еще не приобрели достаточно знаний и умений для свободного творческого исследова-

довательского поиска. Данный недостаток нивелируется исследовательским опытом руководителя и пошаговой навигацией студента, что ограничивает его собственный творческий поиск, предоставляет готовый образец действий, который не всегда универсален и применим для иных ситуаций. Вариантом для преодоления данной ситуации является курсовая работа по анализу научной литературы по выбранной теме, в ходе которого выявляются точки зрения, применяемые подходы и методы, источниковая база этих исследований, обозначаются их сильные и слабые стороны и т.д. Анализ также имеет место и действительно формирует необходимые практические навыки. Однако эти же навыки по анализу научной литературы, точек зрения, подходов, методов, источниковой базы и так далее по целому ряду тем студенты приобретают в ходе практических занятий по изучаемым историческим дисциплинам. В рамках курсовой работы можно лишь расширить круг привлекаемой библиографии и произвести анализ более детально и тщательно, что, однако, не позволит достичь всех поставленных педагогических задач.

Другим решением указанной проблемы является обращение к построению исследовательской стратегии на основе источниковедческого подхода. Многолетний опыт руководства исследовательскими проектами студентов по такому пути показал свои положительные стороны. В данном случае для студентов младших курсов предлагается изначально сменить объект изучения с исторической проблемы на исторический источник. Таким образом перестраивается вся организация работы по курсовому проекту. Студент начинает исследование не с обзора и анализа научной литературы, а с первичного знакомства с историческим источником. Таким образом, его восприятие источника не перекрывается уже существующими выводами и историографическими клише, сохраняется более свежий взгляд и возможность самостоятельного творческого поиска. Процедура источниковедческого исследования включает универсальный набор исследовательских инструментов и этапов по изучению исторического контекста появления источника, проблемы авторства, выявлению конкретных целей и задач по его созданию, возможных внешних и внутренних факторов, повлиявших на форму и содержание источника, собственно анализ содержания и т.п. На всех этапах возможно освоение и применение студентом специальных методов исследования (или их отдельных элементов), применяемых для конкретного вида источников (будь это контент-анализ для материалов СМИ, формулярный анализ для делопроизводственных документов, анализ визуальных средств и образов для кино или экспериментальный метод для вещественных источников) и т.д.

Ключевыми этапами являются анализ содержания источника и источниковедческий синтез, определение информационного потенциала источника для исследований. Студент учится выявлять и воспринимать то многообразие исторических фактов, в явном и скрытом виде заключенных в конкретном историческом источ-

нике, оценивать и осознавать всю совокупность существующих исторических проблем, с которыми этот источник связан прямо или косвенно. Таким образом, благодаря данной стратегии студент выходит на исследовательскую проблематику не через научную литературу, а посредством изучения исторического источника. Этот подход в большей степени позволяет поддерживать студенческую инициативу и стимулировать творческий потенциал личности. Задача руководителя состоит в курировании выполнения исследовательских этапов, поддержке свободного выбора ракурса изучения, помощи в освоении необходимых методик с учетом личностных особенностей и уровня подготовки студента.

На следующий учебный год курсовая работа может строиться уже на изучении историографии, связанной с разобранным источником, и осознанном выборе конкретной исследовательской проблематики, в рамках которой желает двигаться студент. Важным преимуществом источниковедческой основы первой курсовой работы является свобода в дальнейшем выходе на исследовательскую методологию для изучения собственно исторической проблемы. Отталкиваясь от источника, его внутренних и внешних особенностей, можно углубляться в любой, наиболее эффективный для определенного случая научный подход, будь то позитивистская парадигма, визуальная антропология, история повседневности, социальная история и т.д., а также переходить от одного к другому на разных этапах исследования.

Исторический источник в научно-исследовательской практике студента-историка

Последовательно выстроенная на источниковедческом подходе образовательная стратегия приводит к тому, что в ходе обучения студент-историк знакомится с корпусом источников, сопровождающих те или иные периоды истории человечества, постепенно осваивает общенаучные и специальные методы работы с ними, начинает понимать природу научного исторического знания и в итоге приобретает необходимые исследовательские навыки.

На старших курсах при построении собственной научно-исследовательской работы, написании выпускной квалификационной работы, в магистратуре студент в состоянии произвести эвристику исторической проблемы, подобрать необходимые источники и адекватно проанализировать историографию. Важно понимание взаимовлияния общественных процессов и исторических (в том числе историографических) источников, отношение к источнику не как безликому объекту, содержащему фактический материал, а как к сложному явлению, что делает исследовательский процесс более осмысленным.

Поскольку источниковедческий подход обучает постоянной рефлексии в логической цепочке исследовательские цели и задачи – исторические источники – подходы и методы исследования – новое знание, формирование источниковой базы исследования становится ключевым моментом. На данном этапе

важна методологическая поддержка студентов в виде научно-исследовательского семинара или спецкурса. Актуальным и необходимым видится совместное обсуждение студентами выбранных методов изучения конкретных тем, оценка комплекса источников, разговор об их природе: учитываются ли особенности происхождения источника при извлечении исторической информации, насколько она достоверна, как достичь достоверности и объективности получаемых выводов.

Более внимательное отношение необходимо и при построении характеристики источниковой базы в научно-исследовательской работе. Здесь важны аккуратность в использовании принципов (критериев) типологии и классификации при систематизации исторических источников, описание структуры корпуса источников адекватно выбранному научному подходу, внимание к степени изученности материалов и новизне предлагаемого исследования. Итогом данного раздела должно быть полное и логичное обоснование репрезентативности сформированной источниковой базы, ее достаточности для решения поставленных задач.

Заключение

Таким образом, становится очевидно, что образовательная стратегия, построенная на существенной источниковой компоненте, дает значительное преимущество в решении текущих задач, стоящих перед

современной образовательной системой. Главными ее достоинствами являются возврат к фундаментальному познанию, системность и универсальность. Данный подход способствует достижению необходимых результатов обучения на разных уровнях и ступенях освоения исторических дисциплин: от общеобразовательного для студентов негуманитарного профиля до профессионального исторического.

Потребности общества в воспитании развитой высококультурной личности, ответственного гражданина и патриота, устойчивого к любым информационным вызовам, требуют актуализации отечественного опыта преподавания истории с широким использованием исторических источников. Предложенная модель позволяет сохранять необходимую вариативность и модульность преподаваемого материала, легко адаптировать его к нуждам конкретной образовательной программы и специализации студентов, не теряя при этом эпистемологический стержень и реализуя разнообразные педагогические задачи в полном объеме.

Интенсификация источниковедческого ракурса профессиональной подготовки студентов гуманитарного профиля и собственно историков также приносит позитивные плоды, помогая преодолевать издержки существующих схем обучения, существенно расширять кругозор, наращивать теоретическую базу и междисциплинарное восприятие, формировать необходимые исследовательские навыки и рефлексия начиная с первого курса.

Список источников

1. Национальный проект «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/about/> (дата обращения: 31.01.2023).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 46.03.01 История от 8 октября 2020 г. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/460301_B_3_12112020.pdf (дата обращения: 31.01.2023).
3. Медушевская О.М. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. Философия истории и теория исторического познания. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. 820 с.
4. Гуревич А.Я. Двоякая ответственность историка // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 74–84.
5. Колпачева О.Ю. Уроки истории как средство патриотического воспитания учащихся в отечественной школе XIX–XX веков // Историко-педагогический журнал. 2014. № 3. С. 78–89.
6. Студенкин М.Т. Методика преподавания истории в русской школе XIX – начала XX в. М. : Прометей, 2016. 236 с.
7. Андреевская Н.В., Бернадский В.Н. Методика преподавания истории в семилетней школе. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1947. 216 с.
8. Вагин А.А. Методика преподавания истории в средней школе. М. : Просвещение, 1968. 431 с.
9. Медушевская О.М. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. Научно-педагогическая школа. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. 665 с.
10. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. 624 с.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 01.03.01 Математика от 10.01.2018 // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/010301_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 31.01.2023).
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 03.03.02 Физика от 7.08.2020 // Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/030302_B_3_31082020.pdf (дата обращения: 31.01.2023).
13. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19.07.2022 № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (дата обращения: 31.01.2023).
14. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования от 15.02.2023 // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/history_expert/files/Концепция_преподавания_истории_России_для_неисторических_специальностей.pdf (дата обращения: 26.04.2023).
15. Козлов В.П. Документальная память как один из типов исторической памяти // Делопроизводство. 2013. № 3. С. 8–13.
16. Источниковедение / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. М. : Издательский Дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.
17. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1940. 255 с.

18. Никитин С.А. Источниковедение истории СССР. Т. 2: XIX в. (до начала 90-х годов) : курс источниковедения истории СССР. М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1940. 226 с.
19. Ковальченко И.Д. Источниковедение истории СССР. М. : Высшая школа, 1973. 560 с.
20. Источниковедение: Теория, история, метод. Источники российской истории. М. : Изд-во Рос. гос. гум. ин-та, 1998. 702 с.
21. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М. : Академия, 2012. 464 с.
22. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М. : Высшая школа, 2004. 687 с.
23. Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 236 с.
24. Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М. : Мысль, 1968. 368 с.
25. Источниковедение : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2015. 396 с.
26. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М. : Наука, 1975. 282 с.
27. Неклюдов С.Ю. Поле гуманитарного знания и стратегии исследования народной культуры // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 10. С. 11–24.
28. Щеглова Т.К. Устная история. Барнаул : Изд-во Алтайской гос. пед. академии, 2011. 364 с.
29. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. Т. 7. Специальные курсы. М. : Мысль, 1989. 508 с.
30. Кареев Н.И. Избранные труды. М. : Рос. политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. 600 с.
31. Источниковедение истории Древнего Востока : учебник / под ред. В.И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1984. 392 с.
32. Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Л. : Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925. 272 с.
33. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М. : Наука, 1964. 234 с.
34. Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры (в первобытном и раннеклассовом обществе) : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 1979. 304 с.
35. Беловинский Л.В. История русской материальной культуры: учеб. пособие. Ч. 1. М. : Изд-во МГУК, 1995. 112 с.

References

1. Ministry of Education of the Russian Federation. (n.d.) *Natsional'nyy projekt "Obrazovanie"* [Education. National project]. [Online] Available from: <https://edu.gov.ru/national-project/about/>. (Accessed: 31.01.2023).
2. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2020) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 46.03.01 Istoriya ot 8 oktyabrya 2020 g.* [Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's degree in the field of study 46.03.01 History of October 8, 2020] [Online] Available from: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/460301_B_3_12112020.pdf. (Accessed: 31.01.2023).
3. Medushevskaya, O.M. (2017) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
4. Gurevich, A.Ya. (2007) *Dvoyakaya otvetstvennost' istorika* [The Dual Responsibility of the Historian]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 3. pp. 74–84.
5. Korpacheva, O.Yu. (2014) *Uroki istorii kak sredstvo patrioticheskogo vospitaniya uchashchikhsya v otechestvennoy shkole XIX–XX vekov* [History lessons as a means of patriotic education of students in the national school of the 19th–20th centuries]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*. 3. pp. 78–89.
6. Studenkin, M.T. (2016) *Metodika prepodavaniya istorii v russkoy shkole XIX – nachala XX v.* [Methods of Teaching History in the Russian School of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Prometey.
7. Andreevskaya, N.V. & Bernadskiy, V.N. (1947) *Metodika prepodavaniya istorii v semiletney shkole* [Methods of Teaching History in a Seven-Year School]. Moscow: Gos. ucheb.-ped. izd-vo Min. prosveshch. RSFSR.
8. Vagin, A.A. (1968) *Metodika prepodavaniya istorii v sredney shkole* [Methods of Teaching History in Secondary School]. Moscow: Prosveshchenie.
9. Medushevskaya, O.M. (2017) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
10. Lappo-Danilevskiy, A.S. (2006) *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego".
11. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2018) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 01.03.01 Matematika ot 10.01.2018* [Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's degree in the field of studies 01.03.01 Mathematics of January 10, 2018]. [Online] Available from: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/010301_B_3_15062021.pdf. (Accessed: 31.01.2023).
12. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2020) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 03.03.02 Fizika ot 7.08.2020* [Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's degree in the field of study 03.03.02 Physics of July 8, 2020]. [Online] Available from: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/030302_B_3_31082020.pdf. (Accessed: 31.01.2023).
13. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2022) *On Amendments to the Federal State Educational Standards of Higher Education. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 662 of July 19, 2022.* [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025>. (Accessed: 31.01.2023). (In Russian).
14. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2023) *Kontseptsiya prepodavaniya istorii dlya neistoricheskikh spetsial'nostey i napravleniy podgotovki, realizuemykh v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya ot 15.02.2023* [The concept of teaching the history of Russia for non-historical specialties and areas of training implemented in educational institutions of higher education of February 15, 2023]. [Online] Available from: https://minobrnauki.gov.ru/action/history_expert/files/Kontseptsiya_prepodavaniya_istorii_Rossii_dlya_neistoricheskikh_spetsial'nostey.pdf. (Accessed: 26.04.2023).
15. Kozlov, V.P. (2013) *Dokumental'naya pamyat' kak odin iz tipov istoricheskoy pamyati* [Documentary memory as one of the types of historical memory]. *Deloproizvodstvo*. 3. pp. 8–13.
16. Danilevskiy, I.N. et al. (2015) *Istochnikovedenie* [Source Study]. Moscow: HSE.
17. Tikhomirov, M.N. (1940) *Istochnikovedenie istorii SSSR* [Source Study of the History of the USSR]. Vol. 1. Moscow: Gos. sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo.
18. Nikitin, S.A. (1940) *Istochnikovedenie istorii SSSR* [Source Study of the History of the USSR]. Vol. 2. Moscow: Gos. sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo.
19. Koval'chenko, I.D. (1973) *Istochnikovedenie istorii SSSR* [Source Study of the History of the USSR]. Moscow: Vysshaya shkola.
20. Danilevskiy, I.A. et al. (eds) (1998) *Istochnikovedenie: Teoriya, istoriya, metod. Istochniki rossiyskoy istorii* [Source Study: Theory, history, method. Sources of Russian history]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
21. Golikov, A.G. & Kруглова, T.A. (2012) *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [Source Study of National History]. Moscow: Akademiya.
22. Sokolov, A.K. (ed.) (2004) *Istochnikovedenie novysey istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika* [Source Study of the Recent History of Russia: Theory, methodology, practice]. Moscow: Vysshaya shkola.
23. Rusina, Yu.A. (2015) *Istochnikovedenie novysey istorii Rossii* [Source Study of the Modern History of Russia]. Yekaterinburg: Ural Federal University.

24. Cherepnin, L.V. (1968) *Istoricheskie vzglyady klassikov russkoy literatury* [Historical Views of the Classics of Russian Literature]. Moscow: Mysl'.
25. Sirenov, A.V. (ed.) (2015) *Istochnikovedenie* [Source Studies]. Moscow: Yurayt.
26. Pushkarev, L.N. (1975) *Klassifikatsiya russkikh pis'mennykh istochnikov po otechestvennoy istorii* [Classification of Russian Written Sources on National History]. Moscow: Nauka.
27. Neklyudov, S.Yu. (2008) Pole gumanitarnogo znaniya i strategii issledovaniya narodnoy kul'tury [The field of humanitarian knowledge and strategies for the study of folk culture]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 10. pp. 11–24.
28. Shcheglova, T.K. (2011) *Ustnaya istoriya* [Oral History]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy.
29. Klyuchevskiy, V.O. (1989) *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. Moscow: Mysl'.
30. Kareev, N.I. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Ros. politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
31. Kuzishchin, V.I. (ed.) (1984) *Istochnikovedenie istorii Drevnego Vostoka* [Source Study of the History of the Ancient East]. Moscow: Vysshaya shkola.
32. Got'e, Yu.V. (1925) *Ocherki po istorii material'noy kul'tury Vostochnoy Evropy do osnovaniya pervogo russkogo gosudarstva* [Essays on the History of the Material Culture of Eastern Europe before the Founding of the First Russian State]. Leningrad: Izd-vo Brokgauz-Efron.
33. Yakobson, A.L. (1964) *Srednevekovyy Krym. Ocherki istorii i istorii material'noy kul'tury* [Medieval Crimea. Essays on the history and history of material culture]. Moscow: Nauka.
34. Markov, G.E. (1979) *Istoriya khozyaystva i material'noy kul'tury (v pervobytnom i ranneklassovom obshchestve)* [History of Economy and Material Culture (In primitive and early class society)]. Moscow: Moscow State University.
35. Belovinskiy, L.V. (1995) *Istoriya russkoy material'noy kul'tury* [History of Russian Material Culture]. Pt. 1. Moscow: Moscow State University of Commerce.

Информация об авторе:

Голубева Е.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: knyazevaklio@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Golubeva, Cand. Sci. (History), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: knyazevaklio@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.02.2023;
одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 03.02.2023;
approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 271.2-9(571.1/5)
doi: 10.17223/15617793/489/8

Новые материалы к дискуссии о старообрядческой грамотности

Елена Ерофеевна Дутчак¹, Артем Викторович Васильев²

^{1, 2}Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
¹dee010@mail.ru
²art@lib.tsu.ru

Аннотация. Рассматриваются спорные вопросы в изучении старообрядческой письменной культуры, сформированной на христианском литературном наследии и испытывающей влияние устного знания о сакральном тексте. Предлагается введение понятий «нормативность» и «перформативность» для оценки доминирующего в старообрядческой общине типа грамотности и описания ее исторических проявлений. В качестве самостоятельного источника информации обосновывается привлечение техник и материальных следов ремонта кириллической книги.

Ключевые слова: Сибирь, старообрядчество, книжная культура, книжная реставрация, исторический источник

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

Для цитирования: Дутчак Е.Е., Васильев А.В. Новые материалы к дискуссии о старообрядческой грамотности // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 80–87. doi: 10.17223/15617793/489/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/8

New materials on the discussion about Old-Believers' literacy

Elena E. Dutchak¹, Artyom V. Vasilyev²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
¹dee010@mail.ru
²art@lib.tsu.ru

Abstract. The article considers controversial issues in the studies of Old Believers' written tradition, which is based on the Christian literary heritage and at the same time is influenced by oral knowledge of the sacred text. The article introduces the concepts "normativity" and "performativity" to determine the dominant type of literacy in the Old Believer community and to describe its historical manifestations. Techniques and material traces of the repairing of a Cyrillic book are used as an independent source of information indicating the cultural meanings and tactile practices of restoring the visual symbolism of Orthodox literacy. A field for the implementation of this approach is practices and techniques of the book restoration of the existing taiga skete Old Believer community of Wanderers (Siberia, 19th – early 21st centuries). The study of the book restoration traces and book repair techniques mastered by the skete community in different periods of its history made it possible to identify types of Old Believer literacy and describe the accompanying identification patterns. Normative literacy is defined as a pronounced orientation towards Old Russian restoration techniques and copying of its elements, which together help the community to position itself as a faithful and careful custodian of church antiquities and Christian books. Performative literacy arises in the context of the actualization of messianic attitudes and the awareness of one's own chosenness. The transition to performative literacy is accompanied with a free choice of methods for preserving the religious tradition and therefore allows ignoring and rethinking the canons of book restoration. The obtained direct and indirect data were compared from the point of their ability, firstly, to provide information about the intellectual needs, religious reflections and instruments of confessional socialization of the Old Believer peasants living within the eschatological doctrine and worldview; secondly, to outline the ways of multilayered analysis of Old Believer culture as a whole, the development and modification of which cannot be explained in terms of external influences and borrowings, "progress" and "decline", or as a confrontation between elitist/written and folk/oral traditions.

Keywords: Siberia, Old Believers, book culture, book restoration, historical source

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No 0721-2020-0042.

For citation: Dutchak, E.E. & Vasilyev, A.V. (2023) New materials on the discussion about Old-Believers' Literacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 80–87. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/8

Введение. Старообрядческая письменная культура XIX – начала XXI в. по внешним признакам явление быстро модифицирующееся. Вместе с тем исследования, поставившие вопрос об истоках ее языкового, жанрового и тематического многообразия, убеждают, что видимые изменения сформированы не механическим заимствованием тезауруса и стилистики «никоианского мира», а логикой развития религиозной интеллектуальной традиции, ежедневно контактирующей с устным рассказом о вере и вероучении [1–4].

Сложность описания этих процессов создает «историографические ловушки» подобные той, в которой оказалась дискуссия о старообрядческой грамотности. Начало обсуждению в 1992 г. положил доклад Д. Шеффела, назвавший ее в соответствии с классификацией J. Goody и I. Watt [5] «ограниченной грамотностью» (restricted literacy) в силу близкого графопочитанию отношения к христианскому сочинению [6]. Тезис вызвал критику на самой конференции и в научной периодике последующих лет [7. С. 94–95], поскольку противоречил данным о численности умеющих читать и писать староверов и богатой литературной истории конфессии.

Импульс новому витку дискуссии в середине 2000-х гг. был придан теоретико-методической статьей R. Crummeу [8]. В ней рассматривалась возможность описания старообрядческих групп с помощью термина «текстуальное сообщество» (textual communities), ранее использованного В. Stock для показа роли устного знания о сакральном тексте в европейской «popular religion» XII–XIII вв. [9]. М.О. Львов и поддержавшая его С.Е. Никитина не согласились с предложением, аргументировав позицию тем, что старообрядческие деноминации считали владение кириллической грамотностью обязательным и все созданные ими конфессионимы стабильны и устойчивы [10. С. 14–17, 57–62; 11. С. 208–209]. В свою очередь исследователи письменного наследия староверия сочли его «работающим» и обратили внимание на то, что в региональных общинах соотношение пишущих, читающих и слушающих всегда было ситуативным и зависело от исторической эпохи, социальной принадлежности, этнического окружения и состава книжных собраний [12; 13; 14. С. 138–180; 15].

Расхождение во взглядах говорит не только о непредсказуемости результатов переноса терминологии из одной научной среды в другую – нейтральные и узкоспециализированные дефиниции при переводе всегда имеют шанс получить негативную коннотацию или избыточную универсальность. Перманентно идущая дискуссия о том, как реализуется воспроизводство культурной традиции в староверии и что определяет доминирование в этих процессах устных и письменных форм, доказывает необходимость переконпоновки понятия «конфессиональная грамотность» и усложнения параметров ее анализа.

Задачи исследования. Их поиск следует начать с выяснения, какие смыслы вкладываются в определение «грамотный человек» староверами старшего поколения. Прежде всего, к ним относят тех, кто умеет вести полемику, адаптировать вероучение к текущим обстоятельствам и делает это в соответствии с принятыми риторическими приемами и правилами цитирования. Однако объективное снижение численности таких людей в конфессии не лишает остальных, владеющих лишь элементарными навыками письма и чтения на церковно-славянской кириллице, знания о том, чем внешне отличаются «древняя»/«правильная» и «новая»/«испорченная реформами» христианская книга.

В своем отношении к «внетекстовым» составляющим книжной культуры староверие не уникально. Для сообществ со значительной долей читающих мирян визуальное и тактильное освоение библейских текстов, названное М.Р. Brown терминами «eye / hand piety» [16], является распространенным и вполне обычным [17]. Эти наблюдения служат дополнительными аргументами в пользу расширения не только градаций старообрядческой грамотности, раскрывающих ее природу и формы проявления, но и круга исторических источников, способных показать книгу религиозного содержания как материальный объект и одновременно отразить практики обращения с ней.

Эту задачу в состоянии решить включение в поле исследования реставрации старинной книги, понимаемой староверами как внутренне связанный комплекс действий и представлений о способах поддержания ее сакральной силы. Во-первых, следы ремонта – источник информации не только хорошо известный, но и датируемый с высокой степенью точности. Во-вторых, техники ремонта, хотя и выглядят весьма изобретательными, обнаруживают либо прямое следование древнерусскому канону, либо из-за применения современных и нетипичных материалов кажутся отходом от него. В последнем есть большой соблазн увидеть структурные и необратимые сдвиги в культуре староверия в целом. Но действительно ли это так?

Учитывая стабилизирующий потенциал религиозной доктрины, вряд ли процесс модификации протекает хаотично; одним из его регуляторов может выступать широко интерпретируемое староверами понимание грамотности. Это делает возможным привлечение терминов нормативность и перформативность для обозначения ими ее разных типов, проявляющиеся в том числе в техниках книжной реставрации. В интерпретации этих понятий мы отталкиваемся от классического определения Дж. Остина, охарактеризовавшего перформативные речевые акты как высказывания, которые служат основанием для осуществления действий – и этим отличаются от констатаций, описывающих факты и разграничивающих истинное и ложное [18]. В нашем случае нормативная

грамотность, сопровождающаяся выраженной ориентацией на древнерусские техники ремонта и копирование их элементов, означает, что ее носители позиционируют себя верными и бережными хранителями церковной старины в точно заданных и освященных традицией рамках. В то время как перформативная грамотность свидетельствует о том, что они осознают себя свободными в выборе методов сохранения и поэтому могут допустить, если требуют обстоятельства, игнорирование реставрационного канона. Следовательно, смена или сосуществование приемов ремонта выступают дополнительным индикатором не только для оценки идейной самодостаточности локальных общин, деноминаций (согласий и толков), но и их готовности контролировать или направлять собственные изменения.

Возможно, исследование в таком направлении покажет выход из зашедшей в тупик дискуссии и поможет продолжить изучение феномена старообрядческой грамотности, не сводя его к взаимодействию или противостоянию элитарной / письменной и народной / устной культур.

Источники. Информационной основой исследования выступил корпус данных, связанных с историей и современным состоянием одного из сибирских (томско-чулымских) таежных скитов – коллективного владельца и реставратора книг¹.

Он был основан в 1830-е гг. выходцами из Европейской России, относившими себя к «странникам». Вероучение этой ветви староверия составляло положения о приходе Антихриста, пресечении рукоположенного священства и праве совершать публичную молитву, таинства крещения и покаяния лишь тем мирянам, которые приняли иноческие обеты, отказались от личных документов и пользования деньгами. Финансовая поддержка купцов Поволжья и затем помощь местных крестьян превратили скит в хозяйственно устойчивое поселение, ставшее в условиях советской действительности центром притяжения для людей с аскетическим и эсхатологическим мировоззрением.

Первая группа материалов, представленная интервью со скитниками (1985–2020 гг.) [19], открывает процессы складывания их библиотеки. Часть книг приходила вместе с «неофитами», но эпизодические поступления не могли решить главную проблему общины, нуждавшуюся в предписанных монастырским уставом богослужебных и четких текстах. Поэтому основным источником пополнения общинного собрания стал их целенаправленный поиск через надежных посредников: купленные книги отправлялись в Томск, потом развозились по деревням и зимой на лыжах доставлялись таежным заказчикам. Такой путь оказывался медленным, трудоемким и опасным для физического состояния книг. Они поступали в скит с повреждениями разной степени тяжести и восстанавливались на месте параллельно с обучением всех способных азам книжного ремонта.

Потребность в его освоении этим не исчерпывалась. Размеры келий позволяли держать в отапливае-

мых помещениях лишь минимум книг, остальные, сложенные в сундуки, размещались на чердаках и в сених. Результатом такого хранения становились деформация и загрязнение переплетов, заражение плесенью книжных блоков, обширные утраты текста. Кроме того, к повреждениям книг приводили принятые в сибирских скитах методы их «спасения» от изъятий властями – меры, призванной лишить староверие возможности создавать свои версии христианской эсхатологии и вести богослужение по дореформенным изданиям. Так, книжными конфискациями сопровождалась акция по ликвидации поселения (1849, 1947 гг.) и выявлению «бродяг, дезертиров и тунеядцев» (1958–1965, 1985–1987 гг.) [20; 21; 22. Л. 79–82, 100; 23. Л. 1–2; 24. Л. 148–149; 25. Л. 35–36, 105]. Лишь дисперсное расселение скитников (кели разделены расстоянием от 1 до 7 км) помогало всякий раз спасти большую часть общинной библиотеки, рассредоточив ее по заранее подготовленным земляным тайникам.

Вторая группа материалов – это переданная в Научную библиотеку Томского университета часть скитского книжного собрания. Она включает в себя 144 древнерусские и старообрядческие рукописи временного диапазона конца XV в. – 2012 г. и 78 книг, изданных Московским печатным двором, старообрядческими и единоверческой типографиями и в типографиях русской православной церкви (Синодальной и Киево-Печерской). После исключения рукописных литургических и гомилетических текстов, не сшитых в кодексы, корпус значимых для исследования книг оказывается таким – из 118 экземпляров (76%) имеют следы ремонта обложек и переплетов, восстановления текстов, наращивания или обрезки листов. В какой мере они отражают характер освоения сибирским пустынножительством визуальной символики православной книжности и в каких материальных формах воплощается присущий ему тип грамотности, мы проиллюстрируем на примере оцифрованной части книжной коллекции «Скитская библиотека» [26, 27].

Старообрядческая реставрация: нормативная и перформативная грамотность. Процесс и результат книжного ремонта скитники называют «поновлением», сохраняя тем самым древнерусское значение возвращения к культурной норме [28. С 48–55] и указание на механические действия по восстановлению физического состояния. Поэтому принципиальным для реставрации, реализующейся в логике нормативной грамотности, становится вопрос об образце, следование которому позволяло считать «поновленные» книги пригодными для богослужения и прочтения. Для общины с преимущественно крестьянским составом наглядным пособием и одновременно хранителем сведений о реставрационном каноне выступали книги подобные Прологу конца XV в., попавшему в скит со следами четырех реставраций [26, 27, 29]. Путь, который проделала рукопись, невозможно установить с документальной точностью, но массив косвенных данных и запись на

форзаце («Сия Богодухновенная святая книга Пролог прислана мне в смысле незабвенного подарка на память от отца духовного Антония 8 декабря 7423 [1915] г. получил Иван Суботин») дают основания считать его вполне типичным: скорее всего, ее последний владелец был в числе мирских ктиторов скита и, как предписывало странническое вероучение, в зрелом возрасте отправился сюда «креститься и умереть под иконами».

Итак, первый «слой» Пролога, содержащего чтения с сентября по февраль [30. С. 15–104], относится к XVII столетию. В этот период был проверен текст, дописаны пропущенные фразы (л. 132) и восстановлены чтения с 21 по 29 февраля (л. 288–295), листы кодекса пронумерованы. Работы, обусловленные состоянием рукописи (утрата заключительной части говорит о том, что она какое-то время находилась без переплета), сопровождалась сличением с другим списком Пролога. Такой прием – поддержание внешнего вида книги и параллельно сверка ее содержания – в дальнейшем будут практиковать скитники-реставраторы.

Каждый из последующих «слоев», понятий как паттерн, по-своему примечателен. Так, подклейка листов бумагой синего цвета на рубеже XVIII–XIX вв. легитимировала использование в схожих случаях доступных материалов (для скитников ими стали листы погибших книг и обычная писчая нелинованная бумага). Следы реставрации второй половины XIX в. показывали обязательность пересчета тетрадей и листов при разборе книжного блока и сохранения орнаментального единства текста (см. воссозданный в балканском стиле инициал на л. 165). «Поновления», сделанные между 1900–1915 гг., подтверждали нужность восстановления декора (на л. 1 и 40 об. опять имитируется «балканская плетенка») и «учили», как нарастить более чем на половину утраченный лист и что дописывание фраз должно идти с соблюдением длины строки и высоты букв (л. 2).

Сопоставление этих приемов с отреставрированными книгами «Скитской библиотеки» не вызывает сомнений в их прилежном усвоении. Однако подчеркнем ряд моментов, наиболее интересных для характеристики носителей нормативной грамотности.

Во-первых, им присуще отношение к декору кириллической книги как «организатору» процесса чтения, где инициалы, заставки и концовки призваны гармонизировать скорость чтения и понимание прочитанного. Впоследствии древний монашеский прием регламентации чтения вслух с помощью визуального ряда книги сохранится в скитских молитвенных текстах. Например, в Часослове с певческой азбукой (1870–1910 гг.) их заменили деколи, используя которые реставратор второй половины XX в. сначала «собрал» растекшийся от влаги и выцветший рисунок, а потом «создал» его заново, заняв свободное пространство в верхней части листа [26; 27; 31. Л. 1, 89].

Во-вторых, для сообществ с нормативным типом грамотности точное следование авторитетной традиции является не самоцелью, а созданием условий для раскрытия заложенных в ней смыслов. Реставрацион-

ный слой Пролога начала XX в. показывает, как это реализовано: ремонт-«лечение» всегда давал техническую возможность упрочить сакральную силу древней книги новыми текстами. Так, почти через четыреста лет в рукопись включены «Повесть о чудеси святого отца Николы, яже от Агрикове сыне Василии» и «Память преподобного отца нашего Иоанна постника, иже в Лавре святого Савы», и указание, что они взяты из декабрьской части Пролога «древлепечатного» (вшиты между л. 213–214). Прием также будет усвоен томско-чулымскими странниками. Например, во второй четверти XX в. скитской реставратор дополнил «Службу Иисусу Христу» описанием обряда очищения еды и питья с отсылкой: «выписано из Каноника печатного в Могилеве в лето 7352 [1844]» [26; 27; 32. Л. 90 об.–93].

Для староверия, известного своей книжной эрудицией и тщательностью исторических и текстологических разысканий [33. С. 22–44; 34. С. 192–226; 35], помещение сведений о происхождении дописываемых фрагментов выглядит устойчивой литературной традицией. Действительность оказывается сложнее. Если наличие у реставратора старопечатного Пролога не вызывает сомнений (при недостаточной изученности его редакций [36, 37] неясно лишь, о каком из изданий – первом (1642/1643 г.), втором (1659/1660 г.) или третьем (1661/1662 г.) – следует вести речь), то ситуация с «могилевским Канонником» принципиально иная. Староверы с осторожностью относятся к поздним публикациям молитвословий и принимают их, будучи уверенными в том, что они выполнены единоверцами или по их заказу. Поскольку установленные факты обращений в типографию Могилева-на-Днестре и Могилева-на-Днестре не выходят за пределы XVIII столетия [38. С. 18–19; 39. С. 143–145, 155], есть все основания сомневаться в существовании такой книги.

Пример с Канонником говорит о том, что складывание системы книжных авторитетов могло происходить не только в ходе личной работы с христианским сочинением [40], но и быть результатом безличного действия внутриконфессиональной сети [41], по которой перемещались люди, циркулировали печатные книги и многократно переписанные анонимные сборники. В данном случае неважно, стала ли указанная вставка следствием нечаянной ошибки или преднамеренной имитации. Гораздо более существенным для понимания природы старообрядческой грамотности представляется эффект добавленной валидности, когда подробная, вплоть до указания листа запись о цитируемом тексте вместе с осознанием, что информация получена по проверенным каналам, обеспечивали ее восприятие как достоверной.

Как долго нормативная грамотность могла существовать в «чистых» формах и какие материальные признаки свидетельствуют о накоплении перформативности, на наш взгляд, показывает заключительное, «томско-чулымское звено» в цепи реставраций Пролога. В середине XX в. скитский реставратор помещает рукопись в переплет, ранее принадлежавший старообрядческому изданию рубежа XVIII–XIX вв.², но при этом не восстанавливает заставки.

Символика «застегивания» как оберега, защиты сакрального предмета от «лукавого» изучена на разных материалах народного православия. Считается, что старообрядческая культура, следующая максиме «кто не застегнет книгу – анафема да будет», сохраняет ее в полном объеме [42, 43]. «Скитская библиотека» открывает любопытную деталь – на снятых с до-реформенных и ранних старообрядческих изданий переплетах застежки восстанавливались реже, чем на изготовленных в таежном монастыре. Возможность датировать такие ремонтные операции по материалу позволяет установить временной диапазон столь избирательного проявления реставрационного канона и считать 1940–1960-е гг. переходом томско-чулымской общины к перформативной грамотности.

Его социальным триггером стало промышленное освоение лесных массивов. С конца 1940-х гг. советская сырьевая экономика планомерно разрушала сетевое единство старообрядческих нелегальных поселений и вместе с ним внешние связи томско-чулымских странников. Исчезновение монастырей единоверцев закономерно привело к оценке своего скита как «места спасения древнего благочестия», выдержавшего проверку временем. В конце 1980-х гг. мы застали ее полностью сложившейся: скитники пришли к убеждению в собственной избранности («Мир будет стоять до тех пор, пока будет жив хоть один странник, пусть даже самый немощный») и реинтерпретировали сентенцию о святых, которые не творят чудес, но «выше первых чудотворных отец явятся в царствие небесное» [44. С. 93]: «Это о нас сказано. О тех, кто в последнее время скроется от человек и сами собой воспримут усердие и сами собой знают, что здесь делать и как тут доживать» [19. Аудиозапись № 1].

Полагаем, установка на самостоятельное формирование «информационного поля» есть главный индикатор перформативной грамотности, и томско-чулымский книжный ремонт последней трети XX в. открывает как минимум два фактора ее генезиса. Во-первых, это общие для народного православия представления об очищающей силе сакральных локусов, к каковым относились любые монастырские комплексы; во-вторых – интеллектуальные и технологические реалии эпохи *modernity*, сделавшие соотношения нормы и антинормы гибкими, ситуативными и подвижными.

Поэтому как связанные явления стоит рассматривать расширяющееся применение нетипичных материалов (хозяйственной тары, настенных обоев, автомобильных чехлов для изготовления переплетов, школьных тетрадей и канцелярских журналов для укрепления книжного блока, скотча для соединения разрывов на листах) и кардинальное преобразование в ходе реставрации текста «Вруцелето», в котором изъятые модели расчета всех церковных праздников кроме Пасхи [26, 27, 45]. В совокупности они говорят о складывании качественно нового типа темпоральности, и проникновение в повседневность таежного монастыря гражданского исчисления времени – лишь одна из составляющих процесса. Не менее показательными в данном случае становятся частота ис-

правлений и дополнений шариковой ручкой в книгах для богослужения и христианского чтения, использование в них в качестве закладок страниц настенных отрывных календарей с информацией о советских праздниках и деятелях коммунистического движения.

Соответственно, переход к перформативной грамотности следует маркировать не технической изобретательностью религиозной группы, а ее умением совместить ортодоксальную символику сакральной книги с прагматичным отношением к современной полиграфии. Так, в конце XX столетия переплет скитской рукописи с толкованиями Андрея Кесарийского на Откровение Иоанна Богослова (1910-е гг.) украшается аппликацией – вырезанным из конфетной коробки букетом роз [26, 27, 46]. Станный, на первый взгляд, выбор для пророчеств о конце света вполне согласуется со средневековой трактовкой Страшного суда как победы добра над злом и празднично-торжественным оформлением рукописных Апокалипсисов до XVIII столетия [47. С. 93–94]. Приведем созвучное этой традиции эмоциональное высказывание современной скитницы: «Я здесь как в раю» [19. Тетр. 7. Л. 88].

Вместе с тем использование для выражения эсхатологических идей продукции «никонианского мира» отражает глубинные перемены, происходящие с человеком рационалистической культуры: чтобы ощущать себя органичным религиозной старине, ему требуется научиться чувствовать взаимосвязь формирующих ее элементов. Поэтому своего рода защитным механизмом в ситуации ухода из жизни грамотных наставников – хранителей древнерусской традиции оформления книги – стало обратное движение томско-чулымской общины к нормативной грамотности в 2000-е гг.

В его основе лежит знание о происходящем за пределами скита, которое заставляет сомневаться в собственной исключительности: «Таких, как мы, больше нигде не осталось, может, только в Америке маленько» [19. Видеозапись № 1]. Для сегодняшнего поколения скитников – детей, заменивших родителей, чтобы продлить существование таежного поселения, – характерно осознание своего положения как ученического. Это объясняет, почему, ремонтируя книги, они уже не рискуют исправлять или дополнять их тексты, а копируют на полях листов или форзацах церковнославянские буквы и размышляют о необходимости овладения полууставным письмом: «Надо приучаться может что и получится, практика это проверка знаний, трудновато дается но надо привыкать. Учись с терпением и не борзись. Привыкати писать надо. Господи, помози мне верно писать без ошибок. Грешнику Бог не помогает, а обращающего приемлет» (запись на листе школьной тетради служила закладкой в Псалтыри) [19. Тетр. 6. Л. 15].

В совокупности эти примеры показывают – «маятник» старообрядческой грамотности движется неравномерно. Для обретения качества перформативности скитской общине сегодня недостаточно освоить технику ремонта: она нуждается в выработке правил контаминации религиозных и светских текстов, следуя которым

смогла бы преодолеть собственную «устность», заданную влиянием «никонианского мира».

Заключение. Сопоставление техник книжного ремонта, продуцируемых нормативным и перформативным типами грамотности, свидетельствует о сложной динамике развития старообрядческой культуры чтения и письма, поэтому равным эвристическим потенциалом будут обладать ситуации смены и сосуществования разных моделей «поновления». Рассмотрение их как внутренне единого феномена уже не позволяет оценивать изменения читательских привычек, литургических практик и схем восприятия религиозного текста в логике культурного прогресса – поступательного вытеснения старого новым, но дает все основания считать обучение правилам ремонта самостоятельной частью конфессиональной социализации и идентификации вне зависимости от исторического периода.

Безусловно, наши наблюдения и выводы нуждаются в проверке на других материалах, но уже сейчас очевиден круг задач, требующих решения. К ним мы предлагаем отнести, во-первых, анализ рефлексий староверов о «правильных» и «неправильных» формах поддержания физического состояния старинной книги; во-вторых, сравнение способов «очищения» древних рукописных и старопечатных книг от пребывания в руках иноверцев и применяемых в отношении изданий деноминаций-конкурентов, продукции синодальных и светских типографий. Надеемся, что это позволит расширить научное знание о методах, используемых конфессией для актуализации символов православной книжности, и приблизиться к пониманию природы старообрядческой грамотности в ее устных, письменных, визуальных и тактильных воплощениях.

Примечания

¹ Скит находится в междуречье притоков Оби – рек Томь и Чулым, приблизительно в 100 км от Томска – старейшего университетского города Сибири, в прошлом – губернского и епархиального центра.

² В настоящее время из-за плохой сохранности он заменен реставраторами Научной библиотеки Томского университета.

Список источников

1. Волкова Т.Ф., Мелихов М.В. Книгописная деятельность и литературное творчество печорских крестьян-старообрядцев (XVIII–XX вв.) // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2008. № 3. С. 147–162.
2. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
3. Автобиографическая и духовная проза старообрядцев Печоры. Материалы и исследования / подгот. текстов, вступ. ст., указ. и ком. М.В. Мелихова. Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. 415 с.
4. Потехина Е. Язык иоганнисбургских текстов Константина Голубева : перспективы исследования // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4. С. 269–280.
5. Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy // Comparative Studies in Society and History. 1963. Vol. 5, № 3. P. 304–345.
6. Шеффел Д. Старая вера и русский церковный обряд // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 22–27.
7. Шемякина О.Д. Власть линии в росписании и нелинейный характер российского хаосмоса // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 92–103.
8. Crumney R.O. Old Believer as Popular Religion: New Approaches // Slavic Review. 1993. Vol. 52, Is. 4. P. 700–712.
9. Stock B. Listening for the Text: On the Uses of the Past. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1990. 193 p.
10. Львов А.Л. Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2011. 328 с.
11. Никитина С.Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). М. : Ин-т наследия, 2013. 312 с.
12. Данилко Е.С. Социальные механизмы сохранения традиционных ценностей // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 98–108.
13. Смилянская Е.Б. Книжная премудрость и избрание пути спасения старообрядцами Верхотурья на рубеже XIX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 36–43.
14. Гурьянова Н.С. Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2017. 230 с.
15. Дутчак Е.Е. Старообрядческие скиты и их паства в 1920–1930-е гг. // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 29–43.
16. Brown M.P. Hand Piety; or, Operating a Book in Early New England // Cultural Narratives / ed. S. Gustafson. Notre Dame: U of Notre Dame, 2010. P. 14–33.
17. История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М. : Изд-во ФАИР, 2008. 544 с.
18. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. : Прогресс, 1986. С. 22–130.
19. Архив археографической экспедиции ТГУ. Красный Яр : полевые материалы 1985–2020 гг. (тетради 1–12; аудиозаписи № 1–7; видеозаписи № 1, 2).
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 54. Д. 261.
21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 763.
22. ГАТО. Ф. р1786. Оп. 1. Д. 222.
23. ГАТО. Ф. р1786. Оп. 1. Д. 295.
24. ГАТО. Ф. р1786. Оп. 1. Д. 449.
25. ГАТО. Ф. р1786. Оп. 1. Д. 451.
26. The Endangered Archives Programme. URL: <https://doi.org/10.15130/EAP834>
27. Научная библиотека Томского государственного университета. Электронная библиотека (репозиторий). URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:1847>
28. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л. : Наука. Ленинградское отд-ние, 1986. 205 с.
29. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников. «Скитская библиотека». В-25011.

30. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 1. XV–XVII вв. / сост. В.А. Есипова; под ред. Г.И. Колосовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 424 с.
31. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников. «Скитская библиотека». В-26420.
32. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников. «Скитская библиотека». В-26408.
33. Козлов В.П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М. : Аспект Пресс, 1996. 272 с.
34. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М. : Языки славянской культуры, 2022. Т. 1. 544 с.
35. Гурьянова Н.С. Исторические штудии противников церковной реформы в XVII – первой четверти XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. № 8. С. 34–43.
36. Круминг А.А. Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 46–60.
37. Дадыкин А.В. Издания книги Пролог на Московском печатном дворе в третьей четверти XVII в. // Федоровские чтения – 2003. М. : Наука, 2003. С. 176–196.
38. Вознесенский А.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918) : материалы к словарю. Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1996. 80 с.
39. Починская И.В. История восточнославянского кириллического книгопечатания : курс лекций. Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2022. 204 с.
40. Покровский Н.Н. О роли древних рукописных старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : ГПНТБ, 1973. Вып. 14. С. 19–40.
41. Пригарин А.А., Стороженко А.А. Традиционные варианты сетевых сообществ в доцифровую эпоху: староверы-часовенные Сибири по данным похозяйственных книг 1920–1950-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 54–76.
42. Бойко Е.С. Книга как святыня у староверов на Енисее // Седьмые Макушинские чтения : материалы конференции. Новосибирск : ГПНТБ, 2006. С. 18–20.
43. Фурсова Е.Ф. Металлические заставки богослужебных книг новосибирских старообрядцев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2021. Т. 27. С. 856–860.
44. Полетаева Е.А. Выписки из Жития св. Нифонта в древнерусских сборниках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 2. С. 88–97.
45. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников. «Скитская библиотека». В-26104.
46. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников. «Скитская библиотека». В-26127.
47. Завадская Е.В. Мир как книга (Образ книги в Апокалипсисе и образы Апокалипсиса в книге) // Книга: исследования и материалы. Сб. 61. М. : Книжная палата, 1990. С. 85–94.

References

1. Volkova, T.F. & Melikhov, M.V. (2008) Knigopisnaya deyatel'nost' i literaturnoe tvorchestvo pechorskikh krest'yan-staroobryadtsev (XVIII–XX vv.) [Book-writing activity and literary creativity of the Pechora peasants-Old Believers (18th–20th centuries)]. *Vestnik Rossiyskogo humanitarnogo fonda*. 3. pp. 147–162.
2. Zhuravel', O.D. (2012) *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadtsev XVIII – nachala XXI v.: temy, problemy, poetika* [Literary Creativity of the Old Believers of the 18th – Early 21st Centuries: Themes, problems, poetics]. Novosibirsk: Siberian Branch RAS.
3. Melikhov, M.V. (ed.) (2018) *Avtobiograficheskaya i dukhovnaya proza staroobryadtsev Pechory. Materialy i issledovaniya* [Autobiographical and Spiritual Prose of the Old Believers of Pechora. Materials and research]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
4. Potekhina, E. (2019) Yazyk iogannisburgskikh tekstov Konstantina Golubeva: perspektivy issledovaniya [The language of Konstantin Golubev's Iohannisburg texts: research perspectives]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. 4. pp. 269–280.
5. Goody, J. & Watt, I. (1963) The Consequences of Literacy. *Comparative Studies in Society and History*. 3 (5). pp. 304–345.
6. Sheffel, D. (1992) Staraya vera i russkiy tserkovnyy obryad [Old faith and Russian church rite]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of Russian Old Believer Settlements in Europe, Asia and America]. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. pp. 22–27.
7. Shemyakina, O.D. (2008) Vlast' linii v rossievidenii i nelineyny kharakter rossiyskogo khaokosmosa [Power of the line in Russian studies and the nonlinear nature of the Russian chaocosmos]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 92–103.
8. Crummey, R.O. (1993) Old Believer as Popular Religion: New Approaches. *Slavic Review*. 4 (52). pp. 700–712.
9. Stock, V. (1990) *Listening for the Text: On the Uses of the Past*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
10. L'vov, A.L. (2011) *Sokha i Pyatiknizhie: russkie iudeystvyushchie kak tekstual'noe soobshchestvo* [Sokha and the Pentateuch: Russian Judaizers as a Textual Community]. Saint Petersburg: European University.
11. Nikitina, S.E. (2013) *Konfessional'nye kul'tury v ikh territorial'nykh variantakh (problemy sinkhronnogo opisaniya)* [Confessional Cultures in Their Territorial Variants (Problems of synchronous description)]. Moscow: In-t naslediya.
12. Danilko, E.S. (2006) Sotsial'nye mekhanizmy sokhraneniya traditsionnykh tsennostey [Social mechanisms for the preservation of traditional values]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 98–108.
13. Smilyanskaya, E.B. (2013) Book learning and ways to salvation in the Old Believer communities at the turn of the twenty first century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1. pp. 36–43. (In Russian).
14. Gur'yanova, N.S. (2017) *Rukopisnye sborniki i oformlenie ideologii staroobryadcheskogo dvizheniya* [Handwritten Collections and Design of the Ideology of the Old Believer Movement]. Novosibirsk: Institute of History of SB RAS.
15. Dutchak, E.E. (2019) Staroobryadcheskie skity i ikh pastva v 1920–1930-e gg. [Old Believer sketes and their flock in the 1920s–1930s]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 1. pp. 29–43.
16. Brown, M.P. (2010) Hand piety; or, operating a book in Early New England. In: Gustafson, S. (ed.) *Cultural Narratives*. Notre Dame: University of Notre Dame. pp. 14–33.
17. Chartier, R. & Cavallo, G. (eds) (2008) *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dney* [A History of Reading in the Western World from Antiquity to the Present]. Translated from French by M. Runova, N. Zubkov & T. Nedashkovskaya. Moscow: Izd-vo FAIR.
18. Austin, J. (1986) Slovo kak deystvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vol. 17. Moscow: Progress. pp. 22–130.
19. Archive of the archeographic expedition of TSU. (1985–2020) *Krasnyy Yar: polevye materialy* [Krasny Yar: field materials]. Notebooks 1–12; audios 1–7; videos 1–2.
20. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 54. File 261. (In Russian).
21. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 4. File 763. (In Russian).
22. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund r1786. List 1. File 222. (In Russian).
23. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund r1786. List 1. File 295. (In Russian).

24. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund r1786. List 1. File 449. (In Russian).
25. State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund r1786. List 1. File 451. (In Russian).
26. *The Endangered Archives Programme*. (n.d.) [Online] Available from: <https://doi.org/10.15130/EAP834>.
27. *Nauchnaya biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Elektronnaya biblioteka (repozitoriy)* [Research Library of Tomsk State University. Electronic library (repository)]. (n.d.) [Online] Available from: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:1847>.
28. Panchenko, A.M. (1986) *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter's Reforms]. Leningrad: Nauka.
29. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [Skete Library]. V-25011.
30. Kolosova, G.I. (ed.) (2007) *Slavyano-russkie rukopisi Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Katalog* [Slavic-Russian Manuscripts of the Research Library of Tomsk State University: Catalogue]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
31. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [Skete Library]. V-26420.
32. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [Skete Library]. V-26408.
33. Kozlov, V.P. (1996) *Tayny fal'sifikatsii: Analiz poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov* [Secrets of Falsification: Analysis of forgeries of historical sources of the 18th–19th centuries]. Moscow: Aspekt Press.
34. Yukhimenko, E.M. (2022) *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': Dukhovnaya zhizn' i literature* [Vygovskaya Old Believer Hermitage: Spiritual Life and Literature]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
35. Gur'yanova, N.S. (2022) Istoricheskie shtudii protivnikov tserkovnoy reformy v XVII – pervoy chetverti XVIII veka [Historical studies of the opponents of the church reform in the 17th – the first quarter of the 18th centuries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 8. pp. 34–43.
36. Kruming, A.A. (1998) Redaktsii slavyanskogo pechatnogo Prologa (predvaritel'nye zametki) [Editions of the Slavic printed Prologue (preliminary notes)]. *Slavyanovedenie*. 2. pp. 46–60.
37. Dadykin, A.V. (2003) [Editions of the book Prologue at the Moscow Printing Yard in the third quarter of the 17th century]. *Fedorovskie chteniya – 2003* [Fedorov Readings–2003]. Proceedings of the Conference. Moscow. 1–2 October 2003. Moscow: Nauka. pp. 176–196. (In Russian).
38. Voznesenskiy, A.V., Mangilev, P.I. & Pochinskaya, I.V. (1996) *Knigoizdatel'skaya deyatel'nost' staroobryadtssev (1701–1918): materialy k slovaryu* [Book Publishing Activity of the Old Believers (1701–1918): Materials for the dictionary]. Yekaterinburg: Ural State University.
39. Pochinskaya, I.V. (2022) *Istoriya vostochnoslavianskogo kirillicheskogo knigopechataniya* [History of East Slavic Cyrillic Printing: A course of lectures]. Yekaterinburg: Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary.
40. Pokrovskiy, N.N. (1973) O roli drevnikh rukopisnykh staropechatnykh knig v skladyvaniy sistemy avtoritetov staroobryadchestva [On the role of ancient handwritten old printed books in the formation of the system of authorities of the Old Believers]. In: Kartashov, N.S. et al. *Nauchnye biblioteki Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Scientific Libraries of Siberia and the Far East]. Vol. 14. Novosibirsk: State Public Scientific and Technological Library of SB RAS. pp. 19–40.
41. Prigarin, A.A. & Storozhenko, A.A. (2022) Traditsionnye varianty setevykh soobshchestv v dotsifrovuyu epokhu: starovery-chasovennyye Sibiri po dannym pokhozyaystvennykh knig 1920–1950-kh gg. [Traditional variants of networked communities in the pre-digital era: Old Believers chapels of Siberia according to household books of the 1920s–1950s]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 4. pp. 54–76.
42. Boyko, E.S. (2006) [The book as a shrine among the Old Believers on the Yenisei]. *Sed'mye Makushinskie chteniya* [Seventh Makushinsky Readings]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk. 16–17 May 2006. Novosibirsk: State Public Scientific and Technological Library of SB RAS. pp. 18–20.
43. Fursova, E.F. (2021) Metallicheskie zastezhki bogoslužebnykh knig novosibirskikh staroobryadtssev [Metal clasps of liturgical books of Novosibirsk Old-Believers]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. 27. pp. 856–860.
44. Poletaeva, E.A. (2011) Vypiski iz Zhitiya sv. Nifonta v drevnerusskikh sbornikakh [Extracts from the Life of St. Nifont in Old Russian collections]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2 (10). pp. 88–97.
45. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [Skete Library]. V-26104.
46. Manuscripts and Rare Books Department of the Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [Skete Library]. V-26127.
47. Zavadskeya, E.V. (1990) Mir kak kniga (Obraz knigi v Apokalipsise i obrazy Apokalipsisa v knige) [The world as a book (The image of the book in the Apocalypse and the images of the Apocalypse in the book)]. In: Sikorskiy, H.M. (ed.) *Kniga: issledovaniya i materialy* [Book. Researches and materials]. Vol. 61. Moscow: Knizhnaya palata. pp. 85–94.

Информация об авторах:

Дутчак Е.Е. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dee010@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5284-6054

Васильев А.В. – канд. ист. наук, директор Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: art@lib.tsu.ru

ORCID: 0000-0002-6561-4375

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.E. Dutchak, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dee010@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5284-6054

A.V. Vasilyev, Cand. Sci. (History), head of the Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: art@lib.tsu.ru

ORCID: 0000-0002-6561-4375

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2022;
одобрена после рецензирования 09.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.

The article was submitted 25.12.2022;
approved after reviewing 09.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.

Научная статья
УДК 94.41.99
doi: 10.17223/15617793/489/9

Российские регионы в системе внешнеэкономической деятельности Китая

Алексей Николаевич Зарубин¹, Александра Александровна Чернышева²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹zarkaman@mail.ru

²nice.stoun@list.ru

Аннотация. Проанализированы механизмы внешнеэкономической деятельности, характерные для экономического взаимодействия Китайской Народной Республики с неравновесными ему экономическими системами развивающихся макрорегионов. Рассмотрены характер и последствия реализации Китайской Народной Республикой механизмов ВЭД в регионах Российской Федерации в период с 1991 г. по настоящее время. Проведена историческая рефлексия двусторонних региональных отношений постсоветской России и КНР, выделены их основные периоды, изучены оценки российских, китайских и западных ученых по данной проблематике, произведен сравнительный анализ ВЭД КНР в регионах РФ и других макрорегионах мира.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, внешнеэкономическая деятельность, региональное сотрудничество, теневой сектор, центр-региональные отношения

Для цитирования: Зарубин А.Н., Чернышева А.А. Российские регионы в системе внешнеэкономической деятельности Китая // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 88–102. doi: 10.17223/15617793/489/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/9

Russian regions in the system of Chinese foreign economic activities

Alexey N. Zarubin¹, Alexandra A. Chernysheva²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹zarkaman@mail.ru

²nice.stoun@list.ru

Abstract. Among similar mechanisms of the PRC's foreign economic activities (FEA) implemented in various macroregions, the following are highlighted: (1) accelerated trade and economic cooperation, provision of a large number of economic support funds; (2) "entry" into a new region for the purpose of conducting bilateral trade, with the subsequent deepening of FEA towards investments, loans, infrastructure projects, and with further transition to exertion of political influence after the establishment of economic dependence; (3) implementation of FEA in politically and economically unstable states and regions through direct interaction with "local" political elites with the involvement of corruption component; (4) implementation of FEA with active involvement of local Chinese diasporas which are economically associated with local political elites; (5) development of resource extraction, logistics and other infrastructure, on which the innovative development of the target territory depends, with it ultimately passing under the control of the Chinese side; (6) resolution of political issues in favor of the Chinese side as compensation for the inability to fulfill debt obligations at state level; (7) polycentricity in establishing trade and economic relations with the same mechanisms of the implementation of FEA and general political influence on macroregions. According to the results of the research of the activities of enterprises established by the Chinese side from 1991 to 2022 in the regions of Western and Eastern Siberia, and the Far East, no practical results that contribute to the innovative development of the economy and infrastructure of settlements and regions were found. At the same time, a high degree of multifaceted influence of the PRC's FEA on the regional processes of Russia was stated, with the Chinese side scaling exclusively those implementation mechanisms that are unilaterally beneficial to it as an actor, economically and politically. The study also indicates a transfer of the investment activities of the PRC in the regions of Russia to the shadow segment, institutionalized with active state participation in the 2000s. The FEA mechanisms that are implemented by the PRC in the regions of Russia are characterized as a counterproductive tool of interregional cooperation with no positive effect on the realization of the resource and economic potential of the part of Russian periphery that is geographically close to China. The dominant factor is the "shadow" sector of economic cooperation, through which most of the described mechanisms are implemented. All the actors of the PRC's FEA are elements of the state policy. Accordingly, the spread of the shadow segment within the framework of the FEA to important sectors of the state functioning of Russia in one way or another corresponds to the state policy. The qualitative indicators of the productivity of the PRC's FEA in the

regions of Russia directly depend on the degree of state regulation by the central government, with the weakening of which the PRC's FEA, on the contrary, impacts the regional policy in Russia.

Keywords: Russian-Chinese relations, External Economic Activities, regional cooperation, shadow sector, center-region relations

For citation: Zarubin, A.N. & Chernysheva, A.A. (2023) Russian regions in the system of Chinese foreign economic activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 88–102. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/9

В XXI в. Китайская Народная Республика выступает одной из ведущих экономических держав мира, а ее торгово-экономические отношения с другими странами становятся более тесными независимо от географических факторов. Экономика КНР интегрирована в мировую и оказывает на нее существенное влияние в различных отраслях, таких как логистика, экология, приграничное и научно-техническое сотрудничество, стимулируя их непрерывное развитие. По этой причине все экономические изменения и процессы в КНР отражаются на странах-партнерах, в ряд которых входит и Российская Федерация. Исходя из истории развития экономики КНР, ее быстрое и устойчивое экономическое развитие обусловлено ведением внешнеэкономической деятельности (ВЭД), за счет которой растет влияние Китая в различных государствах и регионах [1]. Определение наличия и масштаба этого влияния на экономически уязвимые российские регионы представляется крайне актуальной задачей для политических и научных кругов РФ. При этом разработанность проблемы остается на достаточно низком уровне как среди российских, так и среди зарубежных исследователей, которые затрагивают ее лишь косвенно. Для подтверждения приведем историографический бэкграунд исследования.

В работах таких авторов, как К.А. Черевык [2], Е.Г. Гарбузарова [3], Е.В. Савкович [4], исследована внешнеэкономическая деятельность КНР с Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, а также проблемы их взаимоотношений и перспективы развития. Внешнеэкономическую деятельность КНР в странах Африки, а также китайскую экспансию и «неоколонизм» на территории африканского континента описали такие авторы, как Р.И. Томберг [5], М. Подкопаева [6], Т.С. Денисова [7]. Кроме того, в работе были использованы исследования, посвященные становлению и развитию внешнеэкономической деятельности КНР и ее нормативно-правовой базы, написанные А.Б. Галаганом [8], Т.Г. Терентьевой [9], Дин Жуджунь [1], Е.А. Вервекиной [10] и др. Российско-китайское региональное сотрудничество, его перспективы, теневой сектор и ВЭД КНР в регионах РФ были рассмотрены в работах И.Ю. Зуенко [11], О.В. Залесской [12], Л.С. Веселовой [13], Н.Н. Ныровой [14], А.С. Голобокова [15]. Упомянутые ученые объектом исследования рассматривали российско-китайское региональное сотрудничество либо систему ВЭД КНР и ее механизмы в развивающихся макрорегионах. При этом регионы РФ как элемент всей системы ВЭД КНР и как объект реализации ее механизмов предметом исследований не выступали.

Материалы китайской научной периодики зачастую слабо отражают реальную конъюнктуру реализации механизмов ВЭД как в сфере российской экономики в целом, так и в ее региональной составляющей. В большинстве они сосредоточены либо на сотрудничестве в сфере энергоресурсов, либо на перспективах более глубокой интеграции регионов Китая и регионов Сибири и Дальнего Востока (ДВ), с описанием выгоды для обеих сторон, не приводя при этом научных обоснований. В иных случаях научное обоснование в исследованиях присутствует, однако выгодополучателем в них выступает исключительно китайская сторона, без учета интересов сибирских и дальневосточных регионов. Примерами могут послужить работы, к которым авторы обращались в ходе проведения исследования, за авторством таких китайских исследователей как Лю Бо [16], Вен Сюе [17], Ли Синь [18], Нью Янпин [19], Чан Нуо, Ван Бинин [20], Су Ян, Чжоу Дэмин [21], и т.д.

Исследования западных ученых сосредоточены исключительно на военно-политических взаимодействиях в рамках российско-китайского международного режима, на трансграничных процессах или же на процесс ВЭД КНР в других развивающихся макрорегионах. Именно последние были использованы авторами в ходе проведения собственного исследования как альтернативные и более подробные по сравнению с отечественными. В частности, отметим работы Дебора Бротингем [22], Солянж Шательер с соавтором [23], Барри Сонтмэн и Ян Хэйронг [24], которые пишут об экономической экспансии КНР в страны Африки. Во всех работах акцент делается на то, что Африканские страны зависимы от экономики КНР, поэтому любые изменения в экономической сфере Китая могут отразиться на экономическом состоянии стран африканского континента. Например, из-за того, что экономические связи Китая с Африкой в значительной степени основаны на природных ресурсах, падение спроса Китая на сырьевые товары из Африки может создать экономическую напряженность в африканских странах. Также авторы считают, что африканцы справедливо негативно реагируют на то, что КНР рассматривает континент как арену своих собственных стратегических или экономических интересов. И приходят к тому, что африканские страны должны опасаться оказаться в долгу перед Китаем, поэтому им следует учитывать сопутствующие политические риски при реализации ВЭД с КНР. В целом необходимость разработки системного подхода по совершенствованию региональных форм двустороннего сотрудничества с КНР вкуче с отсутствием современного объективного анализа экономик регионов РФ как объекта системы

ВЭД КНР предопределили и обусловили проведение настоящего исследования. Его отправная точка – анализ институциональной основы ВЭД КНР.

Исходя из полиаспектности термина «внешнеэкономическая деятельность», выявленной в процессе работы с источниковой базой и историографическим бэкграундом исследования, определим данное понятие в рамках работы как совокупность финансовых операций, реализуемых за рубежом и включающих в себя такие элементы, как инвестиционная деятельность, ведение международной торговли, реализация международных проектов с привлечением капитала, обмен информацией, услугами и результатами интеллектуальной и научно-технической деятельности, а также валютные и кредитно-финансовые операции, в том числе кредитование и покупка акций предприятия.

В конце XX – начале XXI в. в Китае была провозглашена государственная стратегия «выход за рубеж». Основная цель стратегии – поддержка государственных предприятий, стимулирование их на инвестиционную деятельность, создание китайских предприятий на территории других стран [9]. С этого момента КНР постепенно начинает выводить накопленный за период политики реформ и открытости капитал за рубеж, тем самым реализуя внешнеэкономическую деятельность. Поскольку ВЭД Китая – это сложный процесс, охватывающий множество отраслей экономики и включающий большое количество акторов как государственного, так и регионального уровня, возникает необходимость в его регулировании путем создания на государственном уровне нормативно-правовой базы для того, чтобы результаты проведения ВЭД были эффективными.

Нормативно-правовая база ВЭД КНР

В период реализации политики реформ и открытости, с началом вывода капитала за рубеж, руководству страны требовались корректировки в области регулирования гораздо более комплексной, чем несколько десятилетий назад, внешнеэкономической деятельности. К концу XX в. государственное регулирование ВЭД из набора принципов сложилось в четкую систему законодательных актов и мероприятий по развитию и упорядочению внешнеэкономических отношений, осуществляемых органами центральной власти с целью достижения максимальной эффективности внутренних экономических процессов.

Основой правового регулирования внешнеэкономической деятельности Китая выступали такие документы:

– Закон КНР «О внешней торговле» от 1994 г. (действует в редакции 2016 г.), принятый в целях расширения внешней открытости, развития внешней торговли, обеспечения внешнеэкономического порядка, защиты прав и интересов участников внешнеэкономической деятельности, содействия развитию социалистической рыночной экономики [25];

– Закон КНР «О договорах» от 1999 г., регулирующий внешнеэкономическую деятельность. Закон обес-

печивает защиту законных прав и интересов договаривающихся сторон, поддержание социально-экономического порядка, содействие осуществлению социалистической модернизации, а также защищает права иностранных субъектов в КНР [26];

– Закон КНР «О компаниях» от 1993 г. (действует в редакции 2005 г.), разработанный на основе Конституции КНР в связи с необходимостью создания системы современных предприятий, установления правил организации и деятельности компаний, обеспечения их законных прав и интересов, а также прав и интересов акционеров, кредиторов, поддержания общественно-экономического порядка, содействия развитию социалистической рыночной экономики. Объектом регулирования данного закона выступают компании с ограниченной ответственностью и акционерные компании, созданные в пределах территории Китая [27].

С 2000 г. разрабатываются и принимаются дополнительные нормативно-правовые акты, регулирующие международное сотрудничество и ВЭД:

– Свод арбитражных правил Китайской международной торгово-экономической арбитражной комиссии, 1995 г.

– Положения КНР о проведении расследований по введению внешнеторговых барьеров, 2005 г.

– Положения об управлении банками с иностранным капиталом в КНР, 2006 г. [10].

В XXI в. в структуре Государственного совета КНР создается государственный комитет КНР по развитию и реформе (ГКРР КНР). В его задачи вошли макроэкономическое регулирование, определение стратегий социально-экономического развития, регулирование ценовой политики, содействие развитию регионов, улучшение отраслевой структуры экономики КНР, выдача разрешений на реализацию инвестиционных проектов в КНР и зарубежных инвестиционных проектов КНР, реализация стратегии устойчивого развития экономики. ГКРР КНР выступал ведущим государственным органом, регламентирующим привлечение иностранных инвестиций, формирующих капитал страны. Основными документами его правовой базы являются:

1. Закон КНР «О паевых совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом» [28].

2. Закон КНР «О кооперационных (контрактных) совместных предприятиях» [29].

3. Закон КНР «О предприятиях иностранного капитала» [29].

4. Положение Госсовета КНР «О поощрении иностранных инвестиций» [30].

5. Закон КНР «О внешней торговле» [25].

6. Временные положения «О соотношении общего объема инвестиций и уставного капитала совместных паевых предприятий китайского и иностранного капитала» [31].

7. Правила «Регистрации постоянных представительств иностранных предприятий» [32].

Другим органом, исполняющим функции регулятора ВЭД КНР, стало Министерство коммерции Китайской Народной Республики. Это исполнительный орган Государственного совета КНР, регулирующий

инвестиционную политику КНР за рубежом и отвечающий за разработку политики внешней торговли, регулирования экспорта-импорта и прямых иностранных инвестиций, защиты прав потребителей, рыночной конкуренции, двусторонних и многосторонних торговых соглашений. Основным документом, которым руководствуется Министерство, – «Правила регулирования зарубежных инвестиций». Концепция управления внешнеторговой деятельностью КНР также входит в Положение о Регулировании импорта и экспорта товаров в КНР. Данное положение определило органы управления, разграничило их полномочия по регулированию ВЭД. Среди них необходимо выделить Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) и его Постоянный комитет, Государственный совет (Отдел Госсовета, отвечающий за ведение внешней торговли и экономического сотрудничества), Министерство коммерции, Министерство финансов, Государственное налоговое управление (ГНУ), Тарифно-классификационную комиссию при Госсовете и Главное таможенное управление, Министерство науки.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что изначально коммерчески ориентированная ВЭД в КНР получает жесткое и достаточно централизованное государственное регулирование. Поскольку она находилась под строгим контролем со стороны центральных органов не только исполнительной, но и законодательной власти, логичным будет предположение о том, что она превратилась из процесса решения частных экономических задач в важный инструмент развития государства, с помощью которого реализуются не только экономические, но и политические цели.

Это отчетливо прослеживается в трансфере полномочий регулирования ВЭД от отдельных подразделений органов исполнительной власти в высшие органы государственного управления по мере ее роста и эволюции. Здесь же необходимо упомянуть о последовательном укрупнении нормативно-правовой базы, в которой наблюдается явный переход от общего характера принципов внешней торговли к узконаправленным законодательным актам, регулирующим крайне частные аспекты ее ведения. Для подтверждения вышесказанного предположения рассмотрим эволюцию, непосредственно, процессов ВЭД КНР в различных регионах мира и того, как они влияли на политическую составляющую отношений КНР с ними.

Реализация КНР механизмов ВЭД в различных макрорегионах

К настоящему времени ВЭД Китая реализовывалась в странах Юго-Восточной Азии, СНГ, а наиболее активно в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане, а также в Африке, Южной Америке и РФ, что подтверждает ее глобальный характер. Рассмотрим некоторые из них.

С 1991 г. ВЭД начала реализовываться в бывших республиках СССР, в том числе Центральной Азии. По мнению Е.В. Савковича, выраженному в его диссертации

на соискание ученой степени доктора наук, отправной точкой для развития дипломатии Китая с государствами данного макрорегиона являлось обеспечение внутренних потребностей КНР в рамках «четырёх модернизаций» и «политики реформ и открытости». Соответственно, дипломатия должна была способствовать «курсу на рациональное обеспечение удовлетворения внутренних потребностей развития Китая», а также «обслуживать принципы и интересы КНР». В этом должны принимать активное участие и соседние с КНР страны путем их вовлечения в «большой экономический круг» [4]. И приоритетным инструментом в данной практике выступила именно ВЭД. На первом этапе установления и развития сотрудничества Китай ожидал возвращения в регион России, однако по итогам десятилетия было принято решение «активно входить в регион». Наибольшее значение для внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности КНР имели договоренности с Республикой Казахстан, с которой в 2005 г. был достигнут уровень «стратегического партнерства», что для китайской дипломатии может быть сравнимо с уровнем союзнических отношений [4]. Китай выстроил сотрудничество с Казахстаном сразу после обретения последним независимости, поскольку территория Казахстана была важной частью Великого шелкового пути, что говорит о том, что торговые отношения между двумя странами, внутри которых Китай занимал доминирующее положение, зародились сотни тысяч лет назад. КНР выступала одним из крупнейших внешнеторговых партнеров Казахстана, а их экономическое сотрудничество продолжает демонстрировать положительную динамику роста двустороннего товарооборота, в который входит экспорт таких товаров, как минеральные продукты, металлы, продукты химической промышленности, а также импорт – машины, техническое оборудование, транспортные средства, продукты химической промышленности, металлы и изделия из них [33].

В связи с этим снижаются возможности Казахстана по восстановлению собственного производства. КНР вкладывает десятки миллиардов долларов в банковский и добывающий секторы, а также выдает кредиты. Это, в свою очередь, предоставляет Китаю контроль над нефтегазовыми и горнорудными месторождениями: если государство не выплачивает кредит, оно сдает в аренду порты и месторождения на длительный срок, в результате чего Казахстан попадает в зависимое положение от приграничного государства [34]. КНР активно вкладывает государственный капитал в экономику Казахстана, расширяя сферы влияния на страну-партнера. Практика выстраивания «стратегического партнерства» с Казахстаном была признана в КНР успешной, и в 2012 г. подобная формула была предложена для отношений с Узбекистаном [4].

ВЭД КНР в Кыргызстане также можно охарактеризовать как активную. Проявляя интерес к топливно-энергетической базе Кыргызстана, КНР стала важнейшим источником прямых иностранных инвестиций в страну, поступающих в такие секторы экономики, как геологоразведка, горнодобывающая промышленность, а также производство нефтепродуктов [2]. Кроме того,

большая часть предприятий, функционирующих на территории Кыргызстана, полностью или частично принадлежат КНР. В стране также увеличивается количество китайских компаний, кредитов, растет численность китайских рабочих, что повышает зависимость Кыргызстана от Китая. Долг Кыргызстана перед КНР составляет несколько миллиардов долларов, что является практически половиной внешнего долга страны [3], и продолжает расти, поскольку КНР реализует крупные энергетические и транспортно-логистические проекты в стране, при этом оказывая финансовую поддержку. Таким образом, Кыргызстан из-за неспособности развивать свою экономику теряет государственную самостоятельность, наращивая внешний долг, становясь финансово уязвимым и зависимым от Китая.

Китай является ведущим торгово-экономическим партнером, важным источником инвестиций, займов и крупнейшим экспортером для Таджикистана, однако отношения между странами объективно неравноправные с точки зрения экономических возможностей, что вызывает определенные риски в отношении экономического и политического положения Таджикистана. Контакты представителей центральной власти остаются непрозрачными, поскольку многие условия двусторонних соглашений остаются негласными, а таджикские и китайские данные по двусторонней торговле зачастую разнятся [35]. Это говорит о существовании в рамках ВЭД теневого сектора. Кроме того, КНР сотрудничает в основном с местными элитами, контролирующими торговлю между двумя государствами. Китай получает доступ к природным ресурсам Таджикистана, в число которых входят драгоценные и редкоземельные металлы, а также стремится к расширению рынка сбыта товаров [35].

КНР оказывала влияние на экономику страны за счет масштабного льготного кредитования в начале XXI в. с целью решения социально-экономических проблем, после чего внешний долг Таджикистана перед КНР начал стремительно расти. Ярким примером фактической зависимости от КНР явилось прошение властей Таджикистана отсрочки по выплате кредитов в 2021 г. На это китайская сторона дала согласие, однако ценой стало то, что золоторудные месторождения постепенно перешли под внешнее управление китайской стороны в качестве процентов по кредитам. КНР заинтересована не в получении долговых выплат, а в предоставлении доступа к активам предприятий и месторождениям полезных ископаемых, что значительно расширит влияние КНР в Таджикистане [36]. Таким образом, для Таджикистана также существует опасность необратимой экономической зависимости от КНР, при потере политического суверенитета. «Активный вход» Китая в Центральную Азию для проведения ВЭД оформился зависимостью от китайской экономики трех из пяти государств региона. Политически же Китай добился беспрецедентных по масштабам результатов, используя подобную зависимость. Например, были решены территориальные споры времен Советского Союза, касающиеся так называемых утраченных территорий и неравноправных договоров, которые

после распада СССР во многом были подняты искусственно. Решая данные вопросы, КНР использовала метод «пакетных соглашений», поддержанный лидерами республик. Другим результатом стало создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), и это после решения пограничных проблем позволило решать актуальные проблемы на многосторонней основе при фактическом лидерстве КНР.

Рассмотрим ВЭД КНР в Африке. В 1992 г. были сформулированы 6 новых принципов, определяющих отношения КНР со странами Африки. На их основании отношения КНР и африканских стран получили форсированное экономическое развитие. Страны африканского континента экспортируют природные ресурсы в Китай, в то время как КНР создает необходимую инфраструктуру для добычи неиспользованных африканских ресурсов [5]. Кроме того, КНР заинтересована в увеличении количества китайских предприятий и предпринимателей в Африке, конкурирующих с уже существующими местными [23]. Страны активно осуществляют совместные проекты с Китаем, однако для их реализации привлекается больше китайской рабочей силы, а не африканской, что вызывает сокращение занятости африканцев, нежели рост. К тому же, несмотря на дружественные отношения между государствами Африки и КНР, во время реализации инфраструктурных проектов китайские компании наносят вред местным экосистемам, эксплуатируют коррупционную составляющую взаимодействия с местными элитами, нарушают права африканских рабочих, а при невыплате кредитов со стороны африканских стран становятся полноправными владельцами построенных ими объектов [6]. Наиболее яркими примерами интенсивного развития ВЭД с КНР выступают Судан, Нигерия и Конго. Благодаря китайским инвестициям в Судане быстро начало разворачиваться мощное промышленное и инфраструктурное строительство, а также гуманитарные программы. Китай предоставил Судану не только льготные кредиты, но и крупные безвозмездные гранты. Кроме того, Китай осуществлял поставки в Судан не только в виде гуманитарной помощи, но и в виде внушительных объемов вооружения. КНР также поставляла свою рабочую силу на нефтепромыслы в Судане. Кроме того, совместно осваивались крупные месторождения нефти, экспорт которой осуществлялся в Китай.

С конца XX в. экономические отношения между КНР и Нигерией начали развиваться быстрыми темпами. Нефтяная отрасль Нигерии стала главным направлением китайской инвестиционной деятельности [22]. Другими сферами стали инфраструктура и строительство. В разработанной КНР стратегии в отношениях с Нигерией основными направлениями экономической политики стали рост числа китайских компаний на нигерийском рынке, использование рынка для продажи китайских товаров, расширение китайского присутствия в нефтегазовом секторе Нигерии, использование инвестиций в Нигерию в качестве канала для проникновения КНР на рынки государств – членов Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) [7]. Так, постепенно, в начале 2000-х гг.

прозрачность в экономических процессах между странами начала нивелироваться, а Китай начал получать доступ к природным ресурсам, в том числе с привлечением коррупционной составляющей политических элит [24]. Что касается Конго, то страна выступает таким же крупным источником нефтяных запасов, как и Нигерия, поэтому экономические взаимоотношения Судана, Нигерии и Конго с Китаем имеют схожие черты.

Таким образом, в числе схожих механизмов ВЭД КНР в различных макрорегионах выделим:

1) форсированное торгово-экономическое сотрудничество, предоставление большого количества фондов экономической поддержки, кредитов;

2) «вход» в новый регион с целью ведения двусторонней торговли, с последующим углублением ВЭД в сторону инвестиций, кредитов, инфраструктурных проектов и с дальнейшим переходом на политическое воздействие после установления экономической зависимости;

3) осуществление ВЭД в политически и экономически нестабильных государствах и регионах путем прямого взаимодействия с «местными» политическими элитами с привлечением коррупционной составляющей;

4) реализация ВЭД с активным привлечением местных китайских диаспор, как правило, завязанных в тесные экономические связи с местными политическими элитами;

5) развитие ресурсодобывающей, логистической и другой инфраструктуры, от которой зависит инновационное развитие территории – объекта ВЭД, в конечном итоге переходящей в ведении китайской стороны;

6) решение политических вопросов в пользу китайской стороны в качестве компенсации за неспособность исполнения долговых обязательств на государственном уровне;

7) полицентризм в установлении торгово-экономических отношений с одинаковыми механизмами реализации ВЭД и общим политическим влиянием на макрорегионы.

Данные механизмы формируют переход экономического полицентризма китайской ВЭД в политические блоковые структуры (ШОС, БРИКС) с лидерством Китая в силу экономической зависимости остальных от инвестиций последнего. В конечном итоге практически все контрагенты китайской ВЭД оказались в экономической и политической зависимости от Китая, поскольку базисом экономики государств и макрорегионов становятся китайские инвестиции и кредиты. Таким образом, подтверждается предположение о ВЭД КНР как об инструменте установления в различных макрорегионах политического влияния КНР, что обосновывает ее крайне централизованное регулирование высшими органами государственной власти в Китае.

Помимо вышеописанных объектов ВЭД, КНР также является стратегическим торгово-экономическим партнером для РФ. Рассмотрев эволюцию ВЭД КНР, мы можем отметить, что Китай за счет ее механизмов распространяет свое политическое влияние в

различных регионах и государствах. Это происходит в силу централизованного государственного контроля над деятельностью китайских коммерческих кругов, непосредственно реализующих ВЭД. При этом в самом начале политики «выхода за рубеж» в КНР происходит трансформация унитарного СССР в федеративную Россию, административно состоящую из равноправных субъектов. Иными словами, Китай после распада СССР получил возможность реализовывать ВЭД не только с РФ, но и с каждым ее регионом как самостоятельным субъектом двусторонних отношений.

Регионы являются наименее равновесными контрагентами по отношению к КНР. При этом, если предположить, что Китай может реализовывать в регионах РФ те же механизмы ВЭД, как в странах Африки, СНГ и др., последствия этой реализации будут также равнозначны. Речь идет об установлении экономической зависимости регионов РФ от рынка КНР и политической экспансии КНР на ДВ и Сибирь. Причем мотивация в реализации подобной экспансии у китайской стороны имеется, так как одним из результатов ВЭД в Центральной Азии в числе прочего стал пересмотр КНР «неравноправных территориальных договоров» с Российской империей. Схожесть регионов РФ как объекта ВЭД КНР с описанными выше определяется многими составляющими: территориальная близость к КНР, коррупционная составляющая чиновничьего аппарата на местах, ресурсный потенциал, геостратегическое положение региона, нестабильное экономическое состояние, запрос на иностранные капиталовложения для инновационного развития, наличие китайских диаспор с политическими и экономическими ресурсами.

Соответственно, при схожести внешних факторов и возможностей КНР может реализовывать выявленные и описанные механизмы ВЭД в стратегически важных регионах РФ, с равновеликими описанным последствиями. Актуальность подтверждения или опровержения данной гипотезы представляется крайне высокой именно с позиции РФ.

ВЭД КНР в регионах РФ

Централизованная экономика Советского Союза не позволяла регионам самостоятельно вести ВЭД, поскольку она полностью находилась под контролем Центра. Торгово-экономическое сотрудничество Китая и СССР было равноправным, поскольку оно реализовывалось только на государственном уровне, а модели экономик были равновесными. Паритет делал двустороннюю ВЭД работоспособной, и нормализация советско-китайских отношений в 1980-х гг. началась именно с реинкарнации приграничной торговли. Советско-китайская ВЭД продемонстрировала, что при равновесных моделях взаимодействия в рамках ВЭД с Китаем описанные в данном параграфе механизмы не работали. Соответственно, их необходимо рассматривать как работоспособные инструменты только при неравновесных моделях и экономическом преимуществе Китая. В результате стихийной децентрализации

в РФ, последовавшей за распадом СССР, ее субъекты получили широкую свободу в ведении ВЭД с иностранными контрагентами, в том числе с Китаем. В сочетании с кризисом экономики конъюнктура резко меняет модель взаимодействия российско-китайской ВЭД с равновесной на неравновесную. Паритет советско-китайской ВЭД также нивелируется, новые субъекты с российской стороны из единого Центра стали множеством разрозненных единиц, что отвечает запросу китайской стороны на полицентризм в двусторонних отношениях с общим политическим влиянием на макрорегион.

При этом сам Китай никаких изменений не претерпел и, напротив, как было описано выше, расширял в данный период сферу своей ВЭД на государства Центральной Азии, форсируя ее механизмы. Ожидаемо, что, в силу схожести внешних факторов периферийных регионов РФ с этими государствами, указанные механизмы ВЭД КНР потенциально могли реализовываться и в них.

Механизмы ВЭД КНР в регионах РФ получили свой старт в начале 1990-х гг. в приграничном макрорегионе Восточной Сибири и ДВ, и базировались на двух составляющих. Первая – теневой сектор приграничья советского периода (в частности – контрабанда), осуществивший трансфер в открытый сегмент самостоятельной региональной экономики РФ. Второй – активная реинкарнация приграничной торговли в поздний советский период, познакомившая советских (впоследствии – российских) региональных чиновников с КНР, ее рынком, региональной властью.

Исходя из характера второго аспекта, можно предположить, что при наличии развитого теневого сегмента торговли в рамках жестко регулируемой советской региональной политики, при получении правовой и внешнеэкономической свободы, данный сегмент получит форсированное развитие. Первый же аспект, согласно данному предположению, даст толчок развитию межрегиональных связей приграничных областей России и Китая – Амурской, Читинской области, Приморскому Краю, провинции Хэйлунцзян. Для 1990-х гг. характерен массовый приток китайских контрагентов трех уровней: государственных, региональных, корпоративных [37]. Это происходит в рамках политики Китая на вывод и освоение капитала за рубежом и изучение новых возможностей в открывшихся регионах РФ, а также на постсоветском пространстве.

На региональном уровне китайская сторона фактически не реализовывала масштабных двусторонних проектов, заключая с руководством регионов исключительно неконкретные рамочные соглашения и меморандумы о намерениях, содержание которых всегда носило одинаковый характер [38]. То есть за данный период китайская сторона сделала акцент исключительно на количестве двусторонних связей без какой-либо точечной экономической реализации. Контакты осуществлялись на основе личных знакомств китайской стороны с региональными чиновниками, полученными в поздний советский период, во время восстановления приграничной торговли. Основной посыл

государственных преобразований постсоветского периода заключался в предоставлении регионам полномочий ведения собственной ВЭД с целью аккумулирования инновационного развития за счет ресурсов и привлечения иностранного капитала. Однако от двусторонней ВЭД с Китаем фактической пользы и каких-либо значительных поступлений в региональный бюджет получено не было [38].

Практической основой реализации китайской стороной первичного закрепления своей ВЭД в регионах России стало создание большого количества разнотипных сетевых предприятий экспортно-импортного характера [14]. Многие из них закреплялись на рынке ресурсов региона. В результате происходит резкое увеличение экспорта в Китай лесных ресурсов и драгоценных металлов ДВ [12]. Кроме того, предметами торговли были продукты производства тяжелой, легкой, пищевой промышленности, накопленные в регионах за советский период, поскольку производственная база РФ практически полностью нивелировалась переходным периодом [39]. При этом статистических данных об увеличении бюджета регионов за счет экспорта ресурсов в Китай за период 1990-х гг. не имеется. Одновременно с китайской стороны происходит резкий рост населения и урбанизации в городах с таможенными пунктами – Хэйхэ, Маньчжурия [40, 41].

Деятельность сетевых предприятий быстро расширялась. Впоследствии контрагенты функционировали не только как торговые элементы, но и выступали посредниками на переговорах с региональными властями других компаний Китая, начинающих свою деятельность в регионе [12]. Данные сетевые предприятия получали поддержку от различных экспортно-импортных банков Китая, действующих в рамках упомянутой политики КНР по выводу капитала за рубеж [13]. Поскольку китайская сторона действовала в регионах РФ методом создания сети «родственных» мелких фирм, которые в том числе выступали посредниками для других предприятий, а все системное сетевое образование китайских контрагентов пользовалось поддержкой банков Китая, до настоящего времени между регионами РФ и КНР не была реализована система трансграничных платежей. Причиной послужил фактический контроль китайской стороной всех финансовых потоков в рамках ВЭД [42].

Интересным следствием отсутствия системы трансграничных платежей стало доминирование в приграничной торговле двусторонних бартерных сделок. Данный факт исключает возможность объективной статистики региональной торговли периода 1990-х гг. Все имеющиеся на данный момент статистические данные не являются достоверными. В качестве примера приведем график двусторонней торговли между Иркутской областью и Китаем за период рассматриваемого десятилетия. Линия графика практически ровная на протяжении всего периода 1990-х с лишь одним резким подъемом в 1996 г. [42]. При изучении архивных документов можно найти контракт на поставку Китаю в этом году гражданского самолета Ту-134, что явилось причиной резкого подъема графика, при от-

существовании какой-либо видимой торговли за все десятилетие [43]. То есть можно констатировать факт перехода значительной части российско-китайской региональной торговли в теневой сегмент экономики, который имеет определенный исторический базис советского периода.

Второй аспект ВЭД КНР в регионах РФ данного периода – массовая разнонаправленная частная торговля, последовавшая за разрушением советских хозяйственных связей и выходом большей части теневого сегмента в открытые секторы экономики. На основании логистической сети, а также каналов сбыта товаров как в Китае, так и в регионах РФ, выстроенными теневыми элементами советского периода в начале 1990-х гг., формируется двусторонний челночный бизнес. Последствием данного явления при отсутствии государственного регулирования стало распространение сначала в приграничных, а затем и других регионах РФ китайских рынков и поселений вокруг них. Далее последовала миграция китайского населения в Сибирь и на ДВ как заполнение открывшейся ниши двусторонней торговли – сектора товаров массового потребления. Впоследствии данная социальная масса займет другие вакуумы хозяйственной и экономической деятельности региона (например, сельское хозяйство), которых в силу его экономической и инфраструктурной неразвитости существовало огромное количество [44].

В результате к началу 2000-х гг. на основе торгового и теневого сегментов экономики при отсутствии государственного регулирования сложилась система крайне негибких и нестабильных связей Китая с отдельными регионами РФ. Разрушенная система хозяйственных связей СССР и укоренившаяся за советский период структура теневого сегмента экономического взаимодействия с Китаем привели к стихийному возникновению разнонаправленной торговли, проводимой как частными лицами, так и региональной властью. Предметами торговли выступали как товары массового потребления, так и природные ресурсы, а также продукты промышленного производства.

Примечательно, что при наличии большого количества исследований российско-китайских региональных отношений в конце 1990-х – начале 2000-х гг. во многих из них не учитываются указанные выше контрпродуктивные факторы этих отношений, игнорируется необъективность статистических данных регионов за исследуемый период, а также упускается анализ теневого сегмента. Например, Д.В. Ганжуров в своем диссертационном исследовании положительно оценивает региональные отношения Китая с Иркутской, Читинской областями, а также с республикой Бурятия. Помимо этого, он утверждает, что Китай является главным торгово-экономическим партнером регионов Прибайкалья, особенно в области экспортных поставок, а также играет ключевую роль в такой важной для экономики сфере, как инвестиционное сотрудничество. При этом примеров успешно реализованных за исследуемый период инвестиционных проектов он не приводит [45]. Таким образом, объективность оценки

исследований, относящихся к началу XXI в. и касающихся первого десятилетия российско-китайских региональных отношений, остается под сомнением.

Некоторые ученые все же учитывали негативные факторы начального периода исследуемых отношений. Например, М.В. Александрова в своей диссертации также указывает на перспективность развития межрегиональных связей, при этом отмечая, что одной из главных причин негативных явлений в сфере внешнеэкономических связей российских регионов является то, что они развиваются стихийно и хаотично, без долгосрочной программы, удовлетворяя лишь сиюминутные потребности. Согласно ее выводам, межрегиональное сотрудничество может дать положительный эффект лишь в том случае, если оно будет подчинено не только узкокоррумпированным местным интересам, но и общероссийским, которые регулировались бы координирующим органом [46].

В период 2000-х гг., охарактеризованный как новая институционализация, происходит построение вертикали власти, возвращение контроля над регионами со стороны Федерального центра, подчинение российской стороной части финансовых потоков в рамках ВЭД регионов, структурная перестройка региональных департаментов, отвечающих за внешние связи. Одновременно с этим происходит национализация энергоресурсов, что при высоких ценах на внешних рынках поднимает уровень экономического развития регионов и уровень жизни населения. Центр начинает оценивать ВЭД регионов в рамках федерального законодательства, а также изучает перспективы ее развития.

В начале периода происходит резкое и качественное изменение собирательного образа китайского контрагента ВЭД в регионах РФ. На место разнонаправленных торговых сетевых структур, многие из которых были полутеневыми [14], приходят крупные корпорации регионального и государственного уровня, с высокими амбициями в рамках ВЭД и политической поддержкой правительства КНР. Делегации подобных структур в этот период ведут переговоры с региональными чиновниками не только в приграничных и околোগраничных регионах, а повсеместно, вплоть до европейской части РФ. Одновременно происходит постепенный уход первичных китайских резидентов, поскольку были исключены возможности для торговли природными ресурсами и продуктами промышленного производства в рамках политики регулирования со стороны Центра.

Несмотря на расширение региональной географии контактов, китайская сторона по-прежнему представляла на переговорах неконкретные соглашения о намерениях и меморандумы о взаимодействии [38]. Однако, в силу кадровых перемен в структуре региональной власти (часть новой региональной политики Центра), российская сторона теперь делает китайским партнерам встречные предложения, касающиеся крупных перспективных инвестиционных проектов в регионах [47]. При этом более высокий уровень бэкграунда китайских контр-

агентов позволял доводить иницируемые в российских регионах проекты до конкретных контрактов. Отвечая на новые реалии российской внутренней политики, китайская сторона меняет акцент с количества подписанных соглашений и установленных связей с регионами на их качество и реализацию. Неслучайно большинство крупных реализованных проектов было именно в период 2000-х гг.

Двусторонняя торговля продолжилась, однако велась она уже в рамках федерального законодательства, при этом акцент в отношениях с регионами сместился в сторону инвестиций. Даже те отрасли, которые занимали большие ниши двусторонней торговли (например, лесные ресурсы), не могли более выступать ее предметом в силу ужесточения законодательного регулирования. По этой причине китайская сторона устанавливала контакты в этой сфере не с частными бизнесменами или чиновниками, а с региональной властью, стороной, представляющей РФ как государство, в чьем ведении находятся природные ресурсы. Поэтому торговые отношения в крупных секторах экономики заменяются на инвестиции, которые занимают доминирующее положение над двусторонней торговлей [48]. Китайские инвесторы расширяют сферу своей деятельности в регионах. Период высокого экономического роста с 2005 по 2014 г. совпал с ростом китайского присутствия в регионах РФ и выходом большей его части из теневого сегмента [19]. Сравнивая два рассмотренных десятилетия, мы можем сделать промежуточный вывод о том, что крупные китайские контрагенты были заинтересованы в региональном сотрудничестве с Россией в тот период, когда происходил внутренний экономический рост и это сотрудничество было перспективным. При отсутствии такового, крупные контрагенты ВЭД не присутствовали в экономике регионов, а заинтересованность была только у теневых сетевых предприятий, мотивированных отсутствием запретов на двустороннюю торговлю.

Это говорит о важной роли государственного регулирования и внутренней экономической политики в рамках ВЭД с КНР. Китайская сторона устанавливает контакты исключительно с теми элементами, которые обладают реальной властью и полномочиями принятия решений в рамках тех или иных территорий. Поэтому отсутствие государственного регулирования неизбежно ведет к укрупнению деятельности теневого сегмента как с российской, так и с китайской стороны, поскольку одна сторона может предложить товары, торговлю которыми ограничивает закон, а противоположной стороне не требуется разрешения более высокопоставленного органа власти на согласие. Важно отметить, что каждый представитель КНР действовал в рамках ВЭД с регионами РФ не только в личных, но и в государственных интересах. С российской же стороны заметен яркий контраст доминирования теневого сектора в отношениях с Китаем при отсутствии оформленных центр-региональных отношений и исключения влияния этого сегмента при появлении таковых.

Именно фактор понимания государственных интересов китайскими контрагентами сыграл роль в «сдерживании» процесса развития сотрудничества с регионами

в период бума двусторонней ВЭД 2000-х гг. Факт «сдерживания» особенно ярко виден с точки зрения отсутствия полноценной реализации потенциала сибирских регионов в рамках отношений с Китаем за период наиболее бурного стимулирования этих отношений. Подобный «сдержанный» характер виден при анализе данных статистики отдельных регионов. Например, Томская область, располагающая огромным количеством ресурсов, в которых так остро нуждается Китай (дерево, газ, нефть), имеет собственный опыт ВЭД с КНР. Однако при ближайшем рассмотрении макроэкономических показателей и статистики можно обнаружить, что в экспорте продукции Томской области во втором десятилетии XXI в. лидировали США (37,2% от общего объема экспорта, по данным на 2016 г.), в то время как доля Китая составляет лишь 21,2% (для сравнения: Казахстана – 14,4%, Узбекистана – 7,6%, Японии – 5,2%) [49].

Схожая ситуация наблюдалась и в других регионах – при укреплении двусторонних связей, реализации отдельных совместных проектов, инициатив расширения сотрудничества с китайской стороны не следовало. Соответственно, ни ресурсный, ни инфраструктурный потенциалы региона, требующие инвестиций, не реализовывались, несмотря на проведение способствующей этому региональной и государственной политики. Гипотетически основной причиной стали целенаправленные действия китайской стороны, изначально заинтересованной не в инновационном развитии регионов, но исключительно в экономическом закреплении в них. Эта причина получает дополнительное обоснование при учете факта большого количества инициатив со стороны регионов РФ и очень малый процент их реализации в силу отсутствия встречной активности с китайской стороны. Ее резиденты действовали в том числе и в русле государственной политики. Саботирование дальнейшего развития ВЭД в регионах РФ с реализованными ранее совместными проектами не может рассматриваться как самостоятельная инициатива китайских резидентов, идущая вразрез политике Центра. Соответственно, подтверждается отсутствие стратегической заинтересованности китайской стороны в фактическом инновационном развитии регионов РФ за счет китайского капитала. Тем не менее цель «закрепления» в них большого количества китайских контрагентов при восстановленной системе контроля российского Центра была достигнута китайской стороной.

В итоге к 2014 г. происходит стагнация всех уровней российско-китайских экономических отношений. В этих условиях происходят внешнеполитические события в Европе с непосредственным вовлечением России, следствием которых стал конфликт с Западом и начало политики «поворота на Восток», от которой многие политики и исследователи ждали вторичного бума региональной ВЭД с Китаем [50]. Период, начавшийся в 2014 г., действительно характеризовался существенным изменением ситуации в экономической, политической, культурной, научной сферах двусторонних отношений российских регионов с Китаем. Их стимулирующим фактором стали действия российских и китайских властей, которые предприняли ряд последовательных, однако совершенно различных с точки

зрения мотивации шагов по сближению друг к другу. В периферийных регионах Сибири и ДВ были созданы территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) – зоны с особыми экономическими (в первую очередь налоговыми) условиями для контрагентов из КНР. Также были запущены глобальные проекты по поставке в Китай газа и нефти, приглашены подрядчики из КНР для реализации инфраструктурных проектов национального масштаба. В России подобная интенсификация процесса сближения со странами Востока была вынужденной в связи с событиями 2014 г., спровоцировавшими отток западного капитала и освобождение ниши, требовавшей заполнения. В Китае же не могли не отреагировать на новые возможности, и после спада экономического кризиса в разных частях страны – от ДВ до Калининградской области – стал заметен новый виток ВЭД КНР. У китайских резидентов, представляющих крупные китайские компании, появился новый интерес к вновь открывшемуся инвестиционному потенциалу РФ [51].

Положительные тенденции начала нового периода двусторонних отношений привели к парадоксальным статистическим данным конца второго десятилетия XXI в. Китай к 2019 г. выводил из РФ капитала больше, чем инвестировал. Согласно данным Банка России, за 2018 г. китайский бизнес вывел из РФ более 900 млн долл., из которых 774 млн долл. – из капитала российских компаний [52]. Рассмотрим деятельность резидентов КНР в РФ, которая привела к такому итогу.

Феномен ТОСЭР говорит о том, что на фоне общего инвестиционного климата России после 2014 г. любой крупный инвестор, планирующий вложения в российскую экономику, оценивался очень высоко, и для него делались определенные уступки, в некоторых случаях существенные, идущие вразрез федеральному или местному законодательству. В комплексе это создавало впечатление гораздо большей заинтересованности России в инвесторах из Китая, чем наоборот.

После 2014 г. РФ погрузилась в затяжной кризис, и российские регионы были вынуждены осуществлять собственный поиск партнеров зарубежом. Это привело к ситуации, в которой деятельность китайских компаний в России характеризовалась не иначе как экспансия коммерческих интересов китайской стороны в регионы Сибири и ДВ, форсированная за счет контрпродуктивной для РФ внешнеполитической конъюнктуры и реализуемая без учета интересов российских партнеров [38]. При пониженном государственном участии возникал риск трансфера «закрепившихся» резидентов ВЭД в теневой сегмент, по типу сетевых предприятий конца XX в. [14]. Этот процесс делает невозможным объективный статистический учет товарооборота и финансовых потоков, что объясняет парадоксальные данные, по которым Китай фактически выводил капитал из России. При этом, согласно статистике, баланс с притоком новых инвестиций отсутствовал абсолютно.

Существует две причины, обосновывающие подобное положение дел: инвесторы из Китая действительно не приходили в регионы РФ после 2015 г. или же они приходили, но большая часть их деятельности оставалась в рамках теневого сегмента. Учитывая создание

ТОСЭРов, а также имеющуюся открытую информацию о ежегодных контактах большого количества регионов РФ с китайскими контрагентами [53], риторику региональных и федеральных политиков [54], публикации СМИ [55], исследования в сфере регионалистики [56], мы приходим к выводу, что вероятность второго обоснования крайне высока. Для его подтверждения авторами было проведено исследование кейсов инвестиционных проектов регионов РФ с КНР периода 2016–2018 гг.

Исследование проводилось в Челябинской, Кемеровской областях. Реализация всех изучаемых проектов замыкалась на китайских компаниях совместного капитала. Проекты в Челябинской и Кемеровской областях за два года не получили даже базового старта. Все завершалось на уровне документооборота: соглашений с региональными властями, контрактов с муниципальными чиновниками. Причем в одном случае (Кемеровская область) деятельность велась в рамках ТОСЭР, созданной на уровне федерального правительства под проект китайской стороны, – создание крупного логистического центра в городе Юрга. Лица, пришедшие в эти проекты, являлись либо не конечными инвесторами (выгодополучателями или стейкхолдерами), а представителями промежуточной инстанции, которая сама не располагает достаточным количеством финансовых средств для долгосрочных капиталовложений. В иных случаях они вообще не являлись предпринимателями [38].

Вопрос налоговой нагрузки был крайне важен для инвесторов из КНР, участвующих в данных проектах, и поднимался одним из первых на переговорах. Китайская сторона выдвигала если не ультимативные запросы, то как минимум требования по снижению налоговых квот на различные стороны реализации проекта. По законодательству, никакими иными способами, кроме как создания какого-либо вида особой экономической зоны на территории проекта, удовлетворить их требования было невозможно. Поэтому муниципалитетам приходилось идти на уступки, чтобы не потерять потенциального инвестора, в то же время действовать в рамках закона. Создание ТОСЭР было возможно только при наличии соглашения инвестора с первым лицом субъекта РФ, исследования рынка, технико-экономического обоснования проекта, а также подробного бизнес-плана [57]. Китайская сторона такого рода информацию зачастую не предоставляла, а проектная работа не проводилась. При этом ТОСЭР в г. Юрга не просто была создана в короткий срок, но и с формулировкой основной цели – «привлечение иностранных инвесторов, для создания в городе сибирского логистического центра» [58].

По итогам оценки деятельности предприятий, созданных китайской стороной в регионах Западной и Восточной Сибири, практических результатов, способствующих развитию экономики и инфраструктуры населенных пунктов и регионов, не обнаружено. Этот факт подтверждается даже отдельными китайскими исследователями, несмотря на общую тенденцию иг-

норирования ими всех контрпродуктивных сторон сотрудничества Китая с сибирскими регионами [48]. Однако, несмотря на данный факт, уход китайских компаний из регионов по причине провала проектов также не был отмечен. Например, 22 января 2018 г. губернатор Кемеровской области Аман Тулеев подписал соглашение с ООО «Объединенная деревоперерабатывающая торгово-промышленная компания» соглашение о создании на юргинской ТОСЭР фабрики по производству мебели евростандарта [59]. В данном случае китайская компания могла рассчитывать на налоговые льготы, поскольку проект реализуется в рамках ТОСЭР. Однако основной итог для региона – крупный логистический проект, под который создавалась ТОСЭР, реализован не будет. В Томской области проект лесопромышленного комплекса г. Асино, о котором уже шла речь, стартовал в 2011 г. и развивался вплоть до 2016 г., когда первый инвестор продал компанию, курирующую данный проект. Результат – сокращение объемов заготовок, практически 90-процентная остановка предприятия и крайне неприятные переговоры с первыми лицами областной администрации. Переговоры фактически ничего не изменили, а в 2022 г. предприятие было обанкрочено за неуплату налогов [60]. Исследование продемонстрировало, что после экономического кризиса 2014–2015 гг. и поворота России «на Восток» регионы РФ в сфере инвестиций фактически стали площадкой для реализации механизмов ВЭД КНР. Констатируется высокая степень разностороннего влияния фактора ВЭД КНР на региональные процессы, где китайская сторона масштабирует исключительно те механизмы ее реализации, которые выгодны ей как субъекту в одностороннем порядке, экономически и политически. Результаты исследования также подтвердили предположение о трансфере в теневой сегмент институционализированной при активном государственном участии в 2000-е гг. системы капиталовложений КНР в российские регионы. Причины – резкое ослабление контроля Центра над ВЭД КНР в регионах РФ после 2014 г. и поощрение ее активности за счет системы ТОСЭР.

В качестве итога можно охарактеризовать механизмы ВЭД, реализуемые КНР в регионах РФ, как контрпродуктивный инструмент межрегионального взаимодействия, не способствовавший реализации ресурсно-экономического потенциала территориально близкой к Китаю российской периферии. Подтвердилось несколько гипотез исследования:

1. Механизмы ВЭД, реализуемые в регионах РФ, тождественны применяемым КНР в других макрорегионах мира, которые приводят их к экономической и политической зависимости от китайского капитала, а

также являются инструментом китайской внешней политики.

2. В рамках ВЭД «базисного» (регионального) российско-китайского международного режима доминирующим является фактор «теневых» сектора экономического взаимодействия, посредством которого реализуется большая часть описанных механизмов.

3. Качественные показатели продуктивности ВЭД КНР в регионах РФ напрямую зависят от степени государственного регулирования со стороны Центра.

4. При ослаблении регулирования ВЭД КНР оказывает влияние на региональную политику РФ.

Мотивация российской стороны заключается в альтернативности китайских инвестиций. Понимание мотивации китайской стороны в развитии региональной ВЭД складывается из результатов проведенного исследования и заключается в решении тех или иных задач вне рамок официальной статистики. Все акторы ВЭД КНР являются элементами государственной политики. Соответственно, распространение теневого сегмента в рамках ВЭД на важные секторы государственного функционирования РФ тем или иным образом находится в ее русле. В ином случае на одном из этапов государственная власть централизованного Китая пресекла бы процесс реализации механизмов ВЭД. Тем не менее не выявлено каких-либо рестрикций в сторону представителей национального бизнеса со стороны региональной или же государственной бюрократии. Напротив, даже в случаях прямого уголовного делопроизводства по факту контрабанды в КНР лесных ресурсов с территории Томской области правоохранительные органы КНР оставляют запросы российских коллег без ответа¹.

То есть государственный аппарат КНР не просто не накладывает санкции на своих граждан, ведущих деятельность в регионах РФ вне рамок законодательства, а стимулирует развитие этой деятельности подобным бездействием. Эти процессы схожи по внешним косвенным признакам с экономической и политической экспансией КНР в государствах Средней Азии, Африки, Южной Америки, Юго-Восточной Азии и др. Основные механизмы ВЭД КНР – установление личных контактов с национальными и региональными элитами (часто не ротируемыми) → «закрепление» в регионе посредством коррупционной составляющей и социально-экономической экспансии → политическое влияние в регионе. По этой причине, чтобы исключить подобное развитие ситуации, проведение более узконаправленных исследований регионального уровня российско-китайских отношений видится крайне актуальным именно в контексте государственного развития и государственной безопасности.

Примечание

¹ В 2021 г. в рамках уголовного дела, возбужденного Томским линейным отделом Управления МВД по Томской области, проходило следствие по факту незаконной перевозки через границу РФ круглого леса, в объемах, в несколько раз превышавших допустимые федеральным законодательством. В рамках данного следствия автор участвовал в качестве переводчика постановлений, предъявляемых Линейным отделом китайской стороне.

Список источников

1. Дин Жуджунь, Ковалев М.М., Новик В.В. Феномен экономического развития Китая. Минск : Издательский центр БГУ, 2008. 446 с.
2. Черевык К.А. Стратегическое сотрудничество Кыргызской Республики и КНР : торгово-экономический аспект // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. Вып. 3, ч. 2. 2020. С. 415–418.
3. Гарбузарова Е.Г. «Стратегическое партнерство» Кыргызстана и Китая в экономической сфере: перспективы и риски // Universum: Общественные науки. 2018. № 4 (45). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5747>
4. Савкович Е.В. Политика Китая в Центральной Азии (1992–2012 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013.
5. Томберг Р.И. Китайская «экспансия» как ресурсная составляющая международных конфликтов в Африке // Вестник МГИМО. 2008. № 3. С. 84–91.
6. Подкопаева М. Африканская экспансия Китая // Суть времени. 2013. № 21.
7. Денисова Т.С. Нигерия и Китай: проблемы экономического и политического сотрудничества // Вестник РУДН. 2018. № 3. С. 673–685.
8. Галаган А.Б. Эволюция модели экономического развития Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 6. С. 40–52.
9. Терентьева Т.Г. КНР. Дальнейшее развитие стратегии «Выход за рубеж» // Азия и Африка сегодня. 2015. № 4. С. 11–17.
10. Вerveкина Е.А. История формирования современного законодательства КНР в области внешнеэкономической деятельности и межрегионального сотрудничества // Известия АГУ. 2016. № 4. С. 198–202.
11. Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного института. 2015. № 2. С. 51–59.
12. Залеская О.В., Чжоу Т. Этнические предприниматели из КНР на приграничных территориях Дальнего Востока России в 1990-е гг.: особенности экономической деятельности // Genesis: исторические исследования. 2019. № 8. С. 1–19. doi: 10.25136/2409-868X.2019.8.30299
13. Веселова Л. Понятие и роль неформальных отношений «Гуанси» в экономической жизни современного Китая // Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49). С. 218–221.
14. Нырова Н.Н. Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 1. С. 87–114.
15. Голобоков А.С. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество и его роль в развитии Российского Дальнего Востока // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. № 4. С. 114–117.
16. Лю Бо. Чжун го дэ сиболля янцзиу со цзи сиболля янцзиу со янцзиу чэнго гайшу [Результаты аналитической работы Китайского центра сибирских исследований] // Сибирский исследования. 1998. № 3. С. 51–55 (на кит.).
17. Вэн Сюе. Елуосы Сиболля юй Юандун дичу вэйлай фачжан чуши чжун го фэнси цзи чи дуй чжунгуанси дэ инсян [Анализ перспектив развития сибирского и дальневосточного регионов РФ и их влияние на российско-китайские отношения] // Журнал института международных отношений Пекинского университета. 2008. № 6. С. 16–21 (на кит.).
18. Ли Синь. Елуосы Сиболля юй Юандун кайфа юй джун го цзиюй [Возможности для Китая в развитии Сибири и Дальнего Востока РФ] // Сибирские исследования. 2013. № 3. С. 32–36 (на кит.).
19. Ню Янпин. Эсиболля лянбанчу юй чжунго шен чу мао и хэцзосинши фэнси [Анализ сотрудничества сибирских регионов с китайскими провинциями] // Сибирские исследования. 2006. № 6. С. 11–15 (на кит.).
20. Чан Нуо. Ван Бинин. Елуосы Сиболля юй Юандун дичу тун чжунго дунбей дичу дзиндзи хэцзо дэ фачжан юй чиань цзин [Перспективы сотрудничества китайского Северо-Востока с российскими Сибирью и Дальним Востоком] // Рынки Средней Азии, Восточной Европы и России. 2011. № 11. С. 40–45 (на кит.).
21. Су Ян. Чжоу Дэмин. Чжунго кэсюеюань Чаньчунь феньюань юй элуосы кэсюеюань сиболля феньюань туй цзин шуанбянь хэцзо [Развитие двустороннего сотрудничества Чаньчуньского отделения китайской академии наук с Сибирским отделением Российской академии наук] // Периодическое издание Китайской Академии наук. 1999. № 3. С. 2–3 (на кит.).
22. Brautigam D. The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa. Oxford : Oxford University Press, 2009. 397 p.
23. Chatelard S.G., Chu J.M. Chinese Agricultural Engagements in Zambia: A Grassroots Analysis. CARL Policy Brief. 2015. № 4. URL: https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/568c474fd8af1097861ed025/1452033871100/CARL_PolicyBrief_4_Jan2015.pdf (дата обращения: 12.10.2020).
24. Sautman B., Hairong Y. African Perspectives on China–Africa // The China Quarterly. 2009. Vol. 199. P. 728–759. doi: 10.1017/S030574100999018X
25. Закон КНР «О внешней торговле» от 12 мая 1994 // Законодательство Китая. URL: <http://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 17.07.2022).
26. Закон КНР «О договорах» от 1999 // Законодательство Китая. URL: <http://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 17.07.2022).
27. Закон КНР «О компаниях» от 1993 // Законодательство Китая. URL: <http://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 17.07.2022).
28. Закон КНР «О паевых совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом» от 2016 // Законодательство Китая. URL: <http://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 17.07.2022).
29. Закон КНР «О кооперационных (контрактных) совместных предприятиях» от 2017 // Законодательство Китая. URL: <http://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 17.07.2022).
30. Закон «О поощрении иностранных инвестиций» от 1986 г. // Законодательство Китая. URL: <http://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 17.07.2022).
31. Временные положения «О соотношении общего объема инвестиций и уставного капитала совместных паевых предприятий китайского и иностранного капитала» // Законодательство Китая. URL: <http://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 17.07.2022).
32. Нормы и правила «О регистрации постоянных представительств иностранных предприятий от 2010 года» // Законодательство Китая. URL: <http://chinalawinfo.ru/all> (дата обращения: 17.07.2022).
33. Савкович Е.В. Политика Китая в Центральной Азии (1992–2012 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2013. 532 с.
34. Милованова Н.А. Концептуальные основы отношений КНР и Республики Казахстан // Постсоветские исследования. 2020. № 7. С. 593–599.
35. Китайско-таджикские отношения: проблемы и перспективы // РИСИ. URL: <https://riss.ru/article/6873/> (дата обращения: 18.07.2022).
36. Майтдинова Г.М. Таджикско-китайские отношения в условиях формирования полицентричного мира // Постсоветские исследования. 2021. № 4. С. 255–264.
37. Братчикова В. У Китайской стены есть калитка в Приморье [о вывозе из края ценного сырья и бесконтрольных туристах из Китая] // Российская газета. 1995. 21 июля.
38. Зарубин А.Н. Проблемы и парадоксы сотрудничества регионов Российской Федерации и Китайской Народной Республики в 1990–2010-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 114–122. doi: 10.17223/15617793/469/15
39. Соколова Д.А., Павлюченко К.И. Российский Дальний Восток как торгово-экономический актор Северо-Восточной Азии // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2021. № 1. С. 50–65.
40. Лу Чуньюе. Становление и развитие торгово-экономических связей Дальнего Востока России с провинцией Хэйлунцзян в конце XX века : дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2020. 250 с.
41. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогносис. 2007. № 1. С. 252–277.

42. Внешнеэкономическая деятельность Иркутской области // Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области : в 5 т. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. Т. 5.
43. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1399. Оп. 9. Д. 1461.
44. Митченко А. Изменение социальной и экономической структуры общества на Дальнем Востоке в 90-е годы XX века // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 1 (19). С. 56–63.
45. Ганжуров Д.В. Российско-китайские отношения и роль регионов Восточной Сибири в их развитии, 1989–1999 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2001. 151 с.
46. Александрова М.В. Китай и Россия : особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ : дис. ... канд. экон. наук. М., 2001. 273 с.
47. Батанов К.Н. Проблемы и перспективы экономического сотрудничества между приграничными регионами России и Китая : дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 140 с.
48. Wen Xue. Paradoxes of Siberia and the Far East development trends and their impact on bilateral Russian-Chinese relations // Beijing university, International Relations Institute Periodical. 2008. № 6. P. 16–21 (на кит.).
49. Отчет // Администрация Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/opendata/front/getTable/id/87> (дата обращения: 09.08.2019).
50. Синенко И.Ю. Перспективы «Поворота на Восток» в контексте текущего геополитического положения России в Северо-Восточной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2. С. 123–136.
51. Ли Цзинной, Чжу Хэнсю. Чжун э лян го хэ цзо кай фа сиболля юй юан дун ди чу нэн юань сян му дэ дуй цэ чан и [Влияние сибирских и дальневосточных энергетических проектов на развитие российско-китайских отношений] // Журнал Даляньского университета технологий. 2000. № 4. С. 43–48 (на кит.).
52. Годовой отчет за 2018 год // Банк России. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19699/ar_2018.pdf (дата обращения: 30.08.2019).
53. Внешняя торговля // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11193> (дата обращения: 06.05.2020).
54. В Рязани начал работу первый Российско-китайский муниципальный форум // РИА Новости. 21.06.2019. URL: <https://ria.ru/20190621/1555800885.html> (дата обращения: 06.05.2020).
55. Лесной вестник : Ежемесячное корпоративное информационное издание группы компаний Асиновского лесопромышленного парка. Вып. 2014–2016 гг.
56. Ань Чжао Чжэн, Суслов Д.В. Эффективный путь к всестороннему развитию экономических связей между Китаем и Россией // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 14–20.
57. Протоколы переговоров между администрацией Кемеровской области и главой ООО «Объединенная деревоперерабатывающая торгово-промышленная компания» Чжу Сяосинем. Кемерово, 2015–2016.
58. Юрга получит статус территории опережающего социально-экономического развития. Кемеровская область (1 октября 2015). URL: <http://kemoblack.ru/news/e-konomika/2015/10/01/yurga-poluchit-status-territorii-operezhayushhego-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 27.02.2019).
59. Двустороннее соглашение между Администрацией Кемеровской области и ООО «Объединенная деревообрабатывающая торгово-промышленная компания», 12.12.2016 г., г. Кемерово.
60. Бердникова Д. Власть рассказали о ситуации на заводах асиновского ЛПК // Новости vtomske.ru. 10.02.2022. URL: <https://news.vtomske.ru/news/190105-vlasti-rasskazali-o-situacii-na-zavodah-asinovskogo-lpk> (дата обращения: 08.06.2022).

References

1. Ding Zhujun, Kovalev, M.M. & Novik, V.V. (2008) *Fenomen ekonomicheskogo razvitiya Kitaya* [The phenomenon of China's economic development]. Minsk: BSU.
2. Cherevyk, K.A. (2020) Strategicheskoe sotrudnichestvo Kyrgyzskoy Respubliki i KNR: trgovno-ekonomicheskii aspekt [Strategic cooperation between the Kyrgyz Republic and China: a trade and economic aspect]. In: *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo: ezhegodnik* [Greater Eurasia: development, security, cooperation: yearbook]. Vol. 3 (2). pp. 415–418.
3. Garbuzarova, E.G. (2018) Strategic partnership between Kyrgyzstan and China in the economic sphere: perspectives and risks. *Universum: Obshchestvennye nauki*. 4 (45). [Online] Available from: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5747> (In Russian).
4. Savkovich, E.V. (2013) *Politika Kitaya v Tsentral'noy Azii (1992–2012 gg.)* [China's policy in Central Asia (1992–2012)]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
5. Tomberg, R.I. (2008) Kitayskaya “ekspansiya” kak resursnaya sostavlyayushchaya mezhdunarodnykh konfliktov v Afrike [Chinese “expansion” as a resource component of international conflicts in Africa]. *Vestnik MGIMO*. 3. pp. 84–91.
6. Podkopaeva, M. (2013) Afrikanskaya ekspansiya Kitaya [China's expansion in Africa]. *Sut' vremeni*. 21.
7. Denisova, T.S. (2018) Nigeriya i Kitay: problemy ekonomicheskogo i politicheskogo sotrudnichestva [Nigeria and China: problems of economic and political cooperation]. *Vestnik RUDN*. 3. pp. 673–685.
8. Galagan, A.B. (2016) Evolyutsiya modeli ekonomicheskogo razvitiya Kitaya [Evolution of China's Economic Development Model]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*. 6. pp. 40–52.
9. Terent'eva, T.G. (2005) KNR. Dal'neyshee razvitie strategii “Vykhod za rubezh” [China. Further development of the Going Global Strategy]. *Aziya i Afrika segodnya*. 4. pp. 11–17.
10. Vervekina, E.A. (2016) Istoriya formirovaniya sovremennogo zakonodatel'stva KNR v oblasti vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti i mezhregional'nogo sotrudnichestva [The formation of the PRC modern legislation in the field of foreign economic activities and interregional cooperation]. *Izvestiya AGU*. 4. pp. 198–202.
11. Zuenko, I.Yu. (2015) Kitayskoe prisutstvie v sel'skom khozyaystve Dal'nego Vostoka: nekotorye aspekty problemy [Chinese presence in the agriculture of the Far East: some aspects of the problem]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2. pp. 51–59.
12. Zalesskaya, O.V. & Zhou, T. (2019) Ethnic Entrepreneurs in Prc in the Border Areas of the Russian Far East During the 1990s: Peculiarities of Economic Activities. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 8. pp. 1–19. (In Russian). doi: 10.25136/2409-868X.2019.8.30299
13. Veselova, L. (2014) Ponyatie i rol' neformal'nykh otnosheniy “Guan'si” v ekonomicheskoy zhizni sovremennogo Kitaya [The concept and role of Guanxi informal relations in the economic life of modern China]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 1 (49). pp. 218–221.
14. Nyrova, N.N. (2004) Kitayskie kompanii prigranichnoy trgovli i ikh mesto v mezhdunarodnoy prestupnoy deyatel'nosti [Chinese border trade companies and their place in international criminal activities]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1. pp. 87–114.
15. Golobokov, A.S. (2016) Rossiysko-kitayskoe trgovno-ekonomicheskoe sotrudnichestvo i ego rol' v razvitiy Rossiyskogo Dal'nego Vostoka [Russian-Chinese trade and economic cooperation and its role in the development of the Russian Far East]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 4. pp. 114–117.
16. Liu Bo. (1998) Results of the analytical work of the Chinese Center for Siberian Research. *Siberian Research*. 3. pp. 51–55 (In Chinese).
17. Weng Xue. (2008) Analysis of the prospects for the development of the Siberian and Far Eastern regions of the Russian Federation and their impact on Russian-Chinese relations. *Journal of the Institute of International Relations of Peking University*. 6. pp. 16–21 (In Chinese).

18. Li Xin. (2013) Opportunities for China in the development of Siberia and the Far East of the Russian Federation. *Siberian Research*. 3. pp. 32–36. (In Chinese).
19. Niu Yangping. (2006) Analysis of cooperation between Siberian regions and Chinese provinces. *Siberian Research*. 6. pp. 11–15. (In Chinese).
20. Chan Nuo & Van Bining. (2011) Prospects for cooperation between the Chinese Northeast and Russian Siberia and the Far East. *Markets of Central Asia, Eastern Europe and Russia*. 11. pp. 40–45. (In Chinese).
21. Su Yang & Zhou Deming. (1999) Development of bilateral cooperation between the Chanchun Branch of the Chinese Nike Academy and the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Periodical of the Chinese Academy of Sciences*. 3. pp. 2–3. (In Chinese).
22. Brautigam, D. (2009) *The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa*. Oxford: Oxford University Press.
23. Chatelard, S.G. & Chu, J.M. (2015) Chinese Agricultural Engagements in Zambia: A Grassroots Analysis. *CARI. Policy Brief*. 4. [Online] Available from: https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/568c474fd8af1097861ed025/1452033871100/CARI_PolicyBrief_4_Jan2015.pdf (Accessed: 12.10.2020).
24. Sautman, B. & Hairong, Y. (2009) African Perspectives on China–Africa. *The China Quarterly*. 199. pp. 728–759. doi: 10.1017/S030574100999018X
25. Chinalawinfo.ru. (2022) *Zakon KNR "O vneshney torgovle" ot 12 maya 1994* [Law of the People's Republic of China "On Foreign Trade" of May 12, 1994]. [Online] Available from: <http://chinalawinfo.ru/all> (Accessed: 17.07.2022).
26. Chinalawinfo.ru. (2022) *Zakon KNR "O dogovorakh" ot 1999* [Law of the People's Republic of China "On Contracts" of 1999]. [Online] Available from: <http://chinalawinfo.ru/all> (Accessed: 17.07.2022).
27. Chinalawinfo.ru. (2022) *Zakon KNR "O kompaniyakh" ot 1993* [Law of the People's Republic of China "On Companies" of 1993]. [Online] Available from: <http://chinalawinfo.ru/all> (Accessed: 17.07.2022).
28. Chinalawinfo.ru. (2022) *Zakon KNR "O paevykh sovmestnykh predpriyatiyakh s kitayskim i inostrannym kapitalom" ot 2016* [Law of the People's Republic of China "On joint ventures with Chinese and foreign capital" of 2016]. [Online] Available from: <http://chinalawinfo.ru/all> (Accessed: 17.07.2022).
29. Chinalawinfo.ru. (2022) *Zakon KNR "O kooperatsionnykh (kontraktnykh) sovmestnykh predpriyatiyakh" ot 2017* [Law of the People's Republic of China "On cooperative (contract) joint ventures" of 2017]. [Online] Available from: <http://chinalawinfo.ru/all> (Accessed: 17.07.2022).
30. Chinalawinfo.ru. (2022) *Zakon "O pooshchrenii inostrannykh investitsiy" ot 1986 g.* [Law "On the encouragement of foreign investment" from 1986]. [Online] Available from: <http://chinalawinfo.ru/all> (Accessed: 17.07.2022).
31. Chinalawinfo.ru. (2022) *Vremennye polozheniya "O sootnoshenii obshchego ob"ema investitsiy i ustavnogo kapitala sovmestnykh paevykh predpriyatiy kitayskogo i inostrannogo kapitala"* [Temporary provisions "On the ratio of total investment and authorized capital of joint ventures of Chinese and foreign capital"]. [Online] Available from: <http://chinalawinfo.ru/all> (Accessed: 17.07.2022).
32. Chinalawinfo.ru. (2022) *Normy i pravila "O registratsii postoyannykh predstavitel'stv inostrannykh predpriyatiy ot 2010 goda"* [Norms and rules "On the registration of permanent representative offices of foreign enterprises from 2010"]. [Online] Available from: <http://chinalawinfo.ru/all> (Accessed: 17.07.2022).
33. Savkovich, E.V. (2013) *Politika Kitaya v Tsentral'noy Azii (1992–2012 gg.)* [China's policy in Central Asia (1992–2012)]. History Dr. Diss. Tomsk.
34. Milovanova, N.A. (2020) Kontseptual'nye osnovy otnosheniy KNR i Respubliki Kazakhstan [Conceptual foundations of relations between the People's Republic of China and the Republic of Kazakhstan]. *Postsovetkie issledovaniya*. 7. pp. 593–599.
35. RISS. (2022) *Kitaysko-tadzhikskie otnosheniya: problemy i perspektivy* [Sino-Tajik relations: problems and prospects]. [Online] Available from: <https://riss.ru/article/6873/> (Accessed: 18.07.2022).
36. Maytdinova, G.M. (2021) Tadzhiksko-kitayskie otnosheniya v usloviyakh formirovaniya politsentrichnogo mira [Tajik-Chinese relations in the context of the formation of a polycentric world]. *Postsovetkie issledovaniya*. 4. pp. 255–264.
37. Bratchikova, V. (1995) U Kitayskoy steny est' kalitka v Primor'e [o vyvoze iz kraya tsennogo syr'ya i beskontrol'nykh turistakh iz Kitaya] [The Chinese wall has a gate in Primorye [about the export of valuable raw materials from the region and uncontrolled tourists from China]]. *Rossiyskaya gazeta*. 21 July.
38. Zarubin, A.N. (2021) Problems and paradoxes of cooperation between the regions of the Russian Federation and the People's Republic of China in the 1990s–2010s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 469. pp. 114–122. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/469/15
39. Sokolova, D.A. & Pavlyushchenko, K.I. (2021) Rossiyskiy Dal'niiy Vostok kak torgovo-ekonomicheskiy aktor Severo-Vostochnoy Azii [Russian Far East as a trade and economic actor in Northeast Asia]. *Izvestiya Dal'nevostochnnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie*. 1. pp. 50–65.
40. Lu Chunyue. (2020) *Stanovlenie i razvitie torgovo-ekonomicheskikh svyazey Dal'nego Vostoka Rossii s provintsiei Xeyluntzyan v kontse XX veka* [Formation and development of trade and economic relations of the Russian Far East with the Heilongjiang province at the end of the 20th century]. History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
41. Zagrebnoy, E. (2007) Ekonomicheskaya organizatsiya kitayskoy migratsii na rossiyskiy Dal'niiy Vostok posle raspada SSSR [Economic organization of Chinese migration to the Russian Far East after the collapse of the USSR]. *Prognosis*. 1. pp. 252–277.
42. Vinokurov, M.A. & Sukhodolov, A.P. (2008) Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' Irkutskoy oblasti [Foreign economic activities of Irkutsk Oblast]. In: *Ekonomika Irkutskoy oblasti: v 5 t.* [Economy of Irkutsk Oblast: in 5 volumes]. Vol. 5. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law.
43. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund R-1399. List 9. File 1461.
44. Mitchenko, A. (2013) Izmenenie sotsial'noy i ekonomicheskoy struktury obshchestva na Dal'nem Vostoke v 90-e gody XX veka [Changes in the social and economic structure of society in the Far East in the 1990s]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 1 (19). pp. 56–63.
45. Ganzhurov, D.V. (2001) *Rossiysko-kitayskie otnosheniya i rol' regionov Vostochnoy Sibiri v ikh razviti, 1989–1999 gg.* [Russian-Chinese relations and the role of the regions of Eastern Siberia in their development, 1989–1999]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
46. Aleksandrova, M.V. (2001) *Kitay i Rossiya: osobennosti regional'nogo ekonomicheskogo vzaimodeystviya v period reform* [China and Russia: features of regional economic interaction in the period of reforms]. Economics Cand. Diss. Moscow.
47. Batanov, K.N. (2006) *Problemy i perspektivy ekonomicheskogo sotrudnichestva mezdu prigranichnyimi regionami Rossii i Kitaya* [Problems and prospects of economic cooperation between the border regions of Russia and China]. Economics Cand. Diss. Moscow.
48. Wen Xue. (2008) Paradoxes of Siberia and the Far East development trends and their impact on bilateral Russian-Chinese relations. *Beijing university, International Relations Institute Periodical*. 6. pp. 16–21. (In Chinese).
49. Administration of Tomsk Oblast. (2019) *Otchet* [Report]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/opendata/front/getTable/id/87> (Accessed: 09.08.2019).
50. Sinenko, I.Yu. (2016) Perspektivy "Povorota na Vostok" v kontekste tekushchego geopoliticheskogo polozheniya Rossii v Severo-Vostochnoy Azii [Prospects for the "Turn to the East" in the context of Russia's current geopolitical position in Northeast Asia]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2. pp. 123–136.
51. Li Jingyu & Zhu Hengxiu. (2000) The impact of Siberian and Far Eastern energy projects on the development of Russian-Chinese relations. *Journal of Dalian University of Technology*. 4. pp. 43–48. (In Chinese).

52. Bank of Russia. (2018) *Godovoy otchet za 2018 god* [Annual report for 2018]. [Online] Available from: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/19699/ar_2018.pdf (Accessed: 30.08.2019).
53. Federal State Statistics Service. (2020) *Vneshnyaya trgovlya* [Foreign trade]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/11193> (Accessed: 06.05.2020).
54. RIA Novosti. (2019) *V Ryazani nachal rabotu pervyy Rossiysko-kitayskiy munitsipal'nyy forum* [The first Russian-Chinese municipal forum started in Ryazan]. 21 June 2019. [Online] Available from: <https://ria.ru/20190621/1555800885.html> (Accessed: 06.05.2020).
55. *Lesnoy vestnik*. (2014–2016).
56. An Zhao Zhen & Suslov, D.V. (2013) Effektivnyy put' k vsetoronnemu razvitiyu ekonomicheskikh svyazey mezhdu Kitaem i Rossiei [An effective way to the comprehensive development of economic relations between China and Russia]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 4 (65). pp. 14–20.
57. Administration of Kemerovo Oblast & Zhu Xiaoxin. (2015–2016) *Protokoly peregovorov mezhdu administratsiyey Kemerovskoy oblasti i glavoy OOO "Ob" edinennaya derevopererabatyvayushchaya trgovno-promyshlennaya kompaniya " Chzhu Syaosinem* [Minutes of negotiations between the Administration of Kemerovo Oblast and Zhu Xiaoxin, the head of the United Wood Processing Trade and Industrial Company]. Kemerovo.
58. Kemoblast.ru. (2015) *Yurga poluchit status territorii operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Yurga will receive the status of a territory of priority social and economic development]. 1 October 2015. [Online] Available from: <http://kemoblast.ru/news/ekonomika/2015/10/01/yurga-poluchit-status-territorii-operezhayushchego-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya> (Accessed: 27.02.2019).
59. Administration of Kemerovo Oblast & the United Woodworking Commercial and Industrial Company. (2016) *Dvustoronnee soglasenie mezhdu Administratsiyey Kemerovskoy oblasti i OOO "Ob" edinennaya derevopererabatyvayushchaya trgovno-promyshlennaya kompaniya* [Bilateral agreement between the Administration of Kemerovo Oblast and the United Woodworking Commercial and Industrial Company]. 12 December 2016. Kemerovo.
60. Berdnikova, D. (2022) *Vlasti rasskazali o situatsii na zavodakh asinovskogo LPK* [The authorities spoke about the situation at the plants of the Asino timber processing complex]. [Online] Available from: <https://news.vtomske.ru/news/190105-vlasti-rasskazali-o-situatsii-na-zavodah-asinovskogo-lpk> (Accessed: 08.06.2022).

Информация об авторах:

Зарубин А.Н. – старший преподаватель кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: zarkaman@mail.ru

Чернышева А.А. – студент кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nice.stoun@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Zarubin, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zarkaman@mail.ru

A.A. Chernysheva, student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nice.stoun@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.10.2022;
одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 21.10.2022;
approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 908(470+571)
doi: 10.17223/15617793/489/10

Проблема сбора ясака с манси в Соликамском и Чердынском уездах в 1720–1770-е гг.

Анна Алексеевна Космовская^{1, 2, 3}

¹ Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

³ Пермская государственная фармацевтическая академия, Пермь, Россия
^{1, 2, 3} akosmovskaya@list.ru

Аннотация. Рассматривается проблема сбора натуральной подати с манси в Соликамском и Чердынском уездах в 1720–1770-е гг. Анализируется ситуация с недоимками натуральной подати с коренных народов Урала. Изучается вопрос эффективности налоговых сборов на этапе расцвета абсолютной монархии. Делается вывод о невыполнении местной властью задачи сбора ясака. Определяются основные причины недоимочности у манси – в частности, снижение количества натуральной подати напрямую связывается с падением платежеспособности ясачного населения в Соликамском и Чердынском уездах. Ясачные сборы признаются тяжелыми для манси.

Ключевые слова: недоимка, ясак, манси, Соликамский уезд, Чердынский уезд

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60007.

Для цитирования: Космовская А.А. Проблема сбора ясака с манси в Соликамском и Чердынском уездах в 1720–1770-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 103–112. doi: 10.17223/15617793/489/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/10

The problem of the collection of a natural tax from the Mansi in Solikamsk and Cherdyn districts in the 1720s–1770s

Anna A. Kosmovskaya^{1, 2, 3}

¹ Perm State Institute of Culture, Perm, Russian Federation

² Perm State University, Perm, Russian Federation

³ Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russian Federation
^{1, 2, 3} akosmovskaya@list.ru

Abstract. The tax policy of the Russian state in relation to yasak peoples repeatedly attracted the attention of specialists. The efficiency of collecting yasak (natural tax) from the Mansi in Solikamsk and Cherdyn districts in the 1720s–1770s has not received consideration in the literature. As for the source base of the study, information about yasak-paying peoples is presented in Funds 439, 444, 576 and 955 in the Russian State Archive of Ancient Acts. The author used various types of documents of the 18th century. The aim of the article is to evaluate the effectiveness of collecting yasak from the Mansi in Solikamsk and Cherdyn districts in the 1720s–1770s. As a criterion of collection efficiency, the percentage of collection of the established amount of the natural tax was taken. In Solikamsk and Cherdyn districts, the Mansi paid the natural tax. The author of the article infers that the government never succeeded in achieving 100% yasak collection. The central authorities tried to solve the problem not by reducing the natural tax, but by replacing sable skins with moose skins. However, skins also had to be obtained, and, with a decrease in the number of hunters, the Mansi's ability to pay the tax was smaller and smaller. Thus, despite the periodic payments of the tax, the situation with its collection was very bad. Lower yasak was explained not only by the reduction of the fur-bearing animal and the problems of the collectors, but also by the decrease in the number of the indigenous population. The government, collecting the natural tax, did not take into account the realities: a part of the Mansi were dying of hunger, cold, and disease, and the rest did not cope with paying yasak. Government measures to increase yasak seem ineffective. Instead of reducing the rate due to a decrease in the real number of the yasak-paying population, local officials rather registered the lacking sable and moose skins as arrears. A curious fact is that yasak made up a small amount in the total income of the office – less than 1%, so the benefit of collecting the natural tax was insignificant.

icant. There are some parallels with the Siberian reality. The reduction in the amount of yasak is directly associated with a decline in the solvency of the yasak-paying population. In the 17th century, Siberian lands were the source of furs for the tsarist government, while, by the early 18th century, sables disappeared from almost everywhere. This forced the government to consider foreigners as potential plowmen. In conclusion, the author notes that the Mansi were in an unenviable position compared with the Russian population of the county. The latter, as shown by the results of the analysis of similar documents, coped well with the payment of the per capita tax and other fees.

Keywords: arrears, yasak, Mansi, Solikamsk district, Cherdyn district

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-39-60007.

For citation: Kosmovskaya, A.A. (2023) The problem of the collection of a natural tax from the Mansi in Solikamsk and Cherdyn districts in the 1720s–1770s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 103–112. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/10

Налоговая политика Российского государства в отношении ясачных народов неоднократно привлекала внимание исследователей [1, 2]. Историков интересовали источники формирования бюджета государства, особенности отношений администрации с коренными народами в регионах, а также собираемость ясака в течение XVIII в.

Проблема сбора натуральной подати в историографии XVII–XXI вв., с одной стороны, является достаточно разработанной: используя в основном материалы Сибири, специалисты обращались к вопросу объяснения коренных народов с разных позиций. Если в дореволюционной историографии преобладала оценка политики присоединения Сибири и взятия ясака как необходимости для Российского государства, то в советской науке ясачный сбор считался негативным явлением, и политика ограбления коренных народов оценивалась отрицательно. Например, С.В. Бахрушин определял ясак как принудительную подать, установленную законом и являющуюся данью, признаком подданства [3. С. 49–51]. Другими словами, ясак выступает данью, которую побежденные платят победителям. Ясак в интерпретации С.В. Бахрушина делится на окладной и неокладной (без строгой фиксации оклада) [3. С. 58–59].

В.А. Александров считал ясак (применительно к XVII в.) феодальной рентой, которая уплачивалась государству за пользование угодьями. При этом ясачная подать признавалась тяжелой для местного населения [4. С. 15].

Вопросам дальнейшего использования ясачных доходов после их сбора также посвящено немало статей и работ. Принадлежность ясака императорскому кабинету рассматривается в работах Е.М. Залкинда [5. С. 243, 245], Г.П. Жидкова [6. С. 22], Л.М. Горюшкина [7] и других авторов [8].

Среди исследований, затрагивающих территорию Прикамья, отметим монографию А.А. Преображенского, в которой автор анализирует взаимодействие ясачных народов и русского населения в процессе сбора ясака [9]. На материалах Урала и Западной Сибири исследователь приходит к выводу об отсутствии намерения у центральных органов власти целенаправленно истреблять коренное население территории Прикамья. Напротив, для освоения богатств края правительство было вынуждено проводить гибкую политику.

В современной историографии появляются работы, в которых сбор ясака оценивается не с позиции польза–вред для коренного населения Урала и Сибири, но с некоторых других точек зрения. Л.М. Дамешек с соавт. на сибирском материале характеризуют ясак как форму податной зависимости аборигенного населения от собственника земли, которая существовала на протяжении XVII – начала XX в. [10. С. 10].

Таким образом, проблема сбора ясака в ее разнообразной интерпретации проходит красной нитью через канву исторического развития Российского государства в XVII–XVIII вв. При этом, несмотря на неослабевающий интерес к указанной теме, некоторые ее аспекты не получили достаточного освещения в литературе на региональном уровне, что подчеркивает актуальность настоящего исследования.

Для анализа общероссийских тенденций развития налоговой политики (в частности, сбора ясака) перспективным представляется компаративный подход, в рамках которого сравнительно-исторический метод дает возможность определить общее и особенное в функционировании экономических институтов Российского государства на различных территориях и сделать вывод об эффективности государственного управления в исследуемый хронологический период (1720–1770-е гг.). Отметим, что выбор последнего объясняется интересом автора к периоду пореформенной налоговой политики Российской империи и наличием источниковой базы. Информация о ясачных сборах в XVIII в. представлена в фондах № 273, 439, 444, 576 и 955 Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Среди основных типов материалов следует выделить приходные книги и прочую отчетную документацию (экстракты, рапорты, счета), которая отправлялась в центральные ведомства.

В целях анализа сбора ясака и оценки его эффективности в обозначенный период в Прикамье автор сосредотачивается на территории Соликамского и Чердынского уездов, поскольку именно в этой местности жили коренные народы – манси, которые платили натуральный ясак в XVIII в.

В качестве критерия эффективности сбора был взят процент собираемости установленного размера натуральной дани. Анализируя подобные аспекты собирания ясака, можно оценить налоговую политику администрации на региональном уровне.

Сбор ясака входил в обязанности уездных воевод в XVII–XVIII вв. Воеводское управление, отмененное в ходе административных петровских реформ, было восстановлено на новых началах в 1720-е гг. Воеводы использовали в качестве сборщиков выборных людей. При этом близость майората Строгановых не являлась проблемой для местных управителей, поскольку промышленники исправно платили налоги в казну и не имели отношения к коренным народам. Перепись ясачных людей входила в обязанности сотрудников местных органов власти. Обычно в налогоплательщики записывали мужчин от 18 до 50 лет. Пожилые люди освобождались от уплаты, если в число плательщиков вместо них записывали подростков [11. С. 203]. По факту в отсутствие должного количества ясачных людей и возникновения недоимки по ясаку это могло и не соблюдаться.

По замечанию Л.М. Дамешека про сбор ясака в Сибири, первоначально «власть здесь шла явно впереди экономики, создавая административно-территориальные единицы и формируя экономические районы» [10. С. 8]. На Урале процесс включения территорий в экономическое пространство Российского государства начался намного раньше. Извлечение пользы от присоединения и эксплуатации Соликамского уезда не могло не быть одной из основных экономических задач местной администрации.

В XVI в. Чердынь являлась главным административным центром Прикамья. Чердынскому наместнику (впоследствии воеводе) подчинялись Соликамский уезд, земли печорских и вишерских манси, которые платили ясак. На протяжении XVII в. ведущее место в экономике края занимал Соликамский уезд (с 1636 г. оба уезда управлялись одним воеводой из Соликамска). Размер ясака (4 сорока и 7 соболей) был установлен в 1620-е гг. и не менялся на протяжении всего исследуемого периода [12]. В XVIII в. активно богател соседний Кунгурский уезд. После того как прекратились восстания башкир, продолжилось активное освоение Сибири, а Кунгур стал купеческим центром. Соликамский и Чердынский уезды проигрывали Кунгурскому в темпах развития. Основной центр торговли сместился на юг. К этому времени развиваются и уральские промышленные предприятия.

Поступление соболиного ясака в первой четверти XVIII в. можно исследовать по приходным книгам и сметным спискам. Вообще первая четверть XVIII в. отличается переходным характером документации. Для 1710-х гг. выявленные автором в фонде № 214 РГАДА сводные таблицы заполнены кириллическими цифрами, приходная и расходная части имеют сходство с XVII в. В 1720-е гг. формуляр начинает приближаться к более типичным для XVIII в. образцам.

По приходной книге 1712 г. «ясашной казны» с вишерских манси на 1712 г. было собрано 30 соболей. По розыскным делам местная администрация приняла еще 10 соболей (вместе 40 соболей на 13 руб. 32 алтына 4 деньги). Из доимки на 1710 г. собрали 3 соболя и 26 лосиных кож (на 28 руб. 10 алтын 5 денег). На 1711 г. из доимки были взяты 54 соболя и 98 лосиных кож на 138 руб. 22 алтына 3 деньги. В итоге на 1712 г. из доимки на прошлые 1710–1711 гг. «ясашной казны и по розыскным делам» поступило 2 сорока 17 собо-

лей и 124 «лосины» на 197 руб. 32 алтына 4 деньги» [13]. Как можно заметить, в ведомостях появляется доимка по ясаку за несколько лет.

В выписке из приходно-расходных книг денежной казны и таможенных сборов г. Соликамска за 1717 г. показаны сборы по Чердынскому уезду ясачной доимки за 1716 г. На прошлый 1716 г. из доимки было взято «без цены» 45 соболей, в том числе у 4 соболей пупки, а у 9 хвосты были «пришивные». К ним прибавились 47 лосиных кож. Теперь в Соликамске остались 45 соболей и 134 лосиные кожи. В Чердыни в том же документе упоминались 87 лосиных кож, 45 соболей и 47 лосиных кож (все без цены). После расхода осталось 22 соболя без цены, 134 лосиные кожи без цены [14].

В ведомости прихода и расхода денежных сборов и ясачной казны г. Чердыни за 1717 г. имеются данные о ясачных сборах [15]. В приходе на 1717 г. с вишерских манси учтено 20 соболей и 45 лосиных кож. После расходов в остатке оказалось 20 соболей и 89 лосиных кож (еще 44 кожи лежало в закромах с прошлого года, как показывает общая таблица в документе). Следует акцентировать внимание на изменение характера ясака – лосиных кож становится больше, чем соболей. В случае недостатка соболей местная администрация принимала в зачет лосиные кожи. Сведения до 1724 г. о доимке в документации более позднего периода не встречаются. Можно сделать осторожное предположение, что с заключением Ништадского мира предшествующая недоимка была сложена.

Для 1720-х гг. имеются счетные («щетные») выписки камериров, которые начали фиксировать поступления от местного населения после проведения первой ревизии и подушной реформы на Урале. Первоначально в таких документах также учитывалось серебро и указывался финансовый эквивалент поступления ясака. Манси находились теперь в юрисдикции соликамских воевод.

Счетная выписка 1723 г. «серебру и ясаку» камерира Захарова показывает алгоритм сбора натурального налога. В определенные числа несколько раз в год брался остаточный от прошлых лет ясак (как правило, зимой и весной), потом наступала очередь сборов на текущий год. В заключительных столбцах документа определялась цена «по оценке Соли Камской посадских людей» [16. Л. 96 об., 99 об.]. Практика оценки сохранилась с XVII в. (табл. 1).

В конце делалось замечание, что «сия выписка учинена верно». На 1723 г. с учетом долгов предыдущего 1722 г. поступило 45 соболей и 100 лосиных кож. Это достаточно много по сравнению с последующими годами, что будет видно далее.

На 1724 г. в распоряжении автора имеется годовая ведомость. Документ представляет собой роспись доходов в соликамской канцелярии по месяцам. В приходе с вишерских манси на 1724 г. было 37 лосиных кож, а на 1723 г. – 30 кож. «Оной по приходу лосинной ясак 67 кож по отдаче октября 16 числа Чердынского уезду крестьянину Федору Мальцову, усольцу Марку Холкину, за которые у них взято по цене» 68,3 руб. [17. Л. 46].

Таблица 1

Счетная выписка на 1723 г. (фрагмент) [16. Л. 96 об., 99 об.]

Месяц и число	Приход 1723 г.	Ясак		Руб.
		Соболи	Лосины	
8 февраля	По взысному письму Соли Камской 1722 г. целовальника Пантелея Казанцова остаточного от 1722 г. соболиного ясаку, который взят в 1722 г. Цены им не показано	30		
6 мая	По взысному письму Чердынского ясажного целовальника Фотей Матвеева да вагульского сотника Филипа Ленкова с вишерских ясажных вагулич на 1722 г.	15		
	По оценке Соли Камской посадских людей			7,5
6 июня	По взысному письму Чердынских выборных ясажных целовальников 1722 г. Фотей Матвеева с товарищи 1723 г. Михаила Ильиных со оных же вагулич на 1722 г.		37	
	На 1723 г.		63	
	Сумма	45	100	7,5

Здесь кожи уже оценены сборщиками и включены в общий приход. Всего в 1724 г. в казну прибыло 18417,2025 руб., а с остаточными – 19115,92625 руб. Интересно, что стоимость полученного ясака представляет собой в общей структуре доходов местной

канцелярии незначительную сумму (примерно 0,37% от общего сбора финансовых средств).

Еще одна счетная выписка из книг 1725 г. «денежной казны провинции Соли Камской капитана рентмейстера Дмитрия Шетнева» показывает недобор ясака (табл. 2).

Таблица 2

Счетная выписка на 1725 г. [18. Л. 33 об.]

Месяц и число	Приход 1725 г.	Ясак	Руб.
19 апреля	У ясажного целовальника 1724 г. Демида Филиппева збору ево с вишерских вагулич соболиного ясаку на 1724 г. 20 соболей с хвосты, в том числе у одного хвост пришивной, по оценке оценщиков на показанное число	20	12
1 июня	Ясажных целовальников Демида Филиппева и Ивана Саламатова сего 1725 г. с вишерских ясажных вагулич вместо соболиного ясаку лосинных кож на 1724 г. из доимки – 28, на нынешней 1725 г. – 30. По оценке соликамских посадских людей большие 40 по 1 руб., средние 18 по 70 коп.	58	52,6
Сумма			64,6

27 января собранный ясак был выдан посыльщику в московскую рентерею крестьянину Никите Ефремову «с роспискою на указе». «А вышеписанные по приходу ясаки соболи и лосиные кожи в остатке к 1726 г.: Соболей – 20 (на сумму 12 руб. – А.К.). Лосиных кож – 58, на сумму 52,6 руб.» [18. Л. 34]. В 1725 г. добирается недоимка на 1724 г. лосиными кожами. О полном сборе ясака речь уже не идет.

Обратимся к другим данным фонда № 955 РГАДА и рассмотрим содержание копии книги камерирской канторы «приходу и отсылки в рентерею 1725 г.» [19], а также сведения 1726–1727 гг.

В копиях дел представлены основные налоговые поступления за 1725–1727 гг. Информация о сборах подробно структурирована лишь за 1727 г. В 1725–1726 гг. переписчик ограничился описанием поступлений по месяцам и источникам, но экстракт отсутствует. Встречаются отдельные записи о сборе ясака, поскольку в ходе реализации подушной реформы после первой ревизии часто отчетность еще не имела строгой формы. 19 апреля 1725 г. «по ведению ясажного целовальника прошлого 1724 г. Демида Филиппева збору его с вишерских вагулич соболиного ясаку на прошлый 1724 г. двадцать соболей с хвосты, в том числе у одного хвост пришивной по оценке соликамских посадских людей Михаила Валова с товарищи пяти человек на 12 рублей и оные соболи для отдачи в рентерею с ним ж целовальником Филиппевым отосланы» [19. Л. 14 об.–15].

12 июня сбор повторился. С соболями происходили традиционные проблемы – добирать качественные шкурки становилось все сложнее. «По ведению вишерских ясажных целовальников прошлого 1724 году Демида Филиппева сего 1725 г. собранных с вишерских ясажных вагулич вместо соболиного ясаку лосинных кож на прошлой 1724 г. из доимки двадцать восемь, на нынешний 1725 г. тридцать, обоим пятьдесят восемь лосин по оценке Соли Камской посадских людей Никиты... с товарищи больших 40 по рублю, средних семнадцать по 70 копеек. Итого на 52 рубли на 60 копеек и оные лосиные кожи для отдачи отосланы в рентерею с ними ж целовальники» [19. Л. 23].

В 1726 г. местные власти сразу собрали ясак лосиными кожами. 16 марта 1726 г. «по доношению лосиных подрядчиков Федора Малова, Марка Холнина за отдаточные кожи за 58 кож – 55 руб. 10 коп. Оные деньги для отдачи в рентерею при указе отосланы с ними ж подрядчиками» [19. Л. 50].

Всего в 1726 г. в приходе и в посылке в рентерею было 45356,9625 руб. Сумма ясажных поступлений снова составляет незначительную часть общих доходов канцелярии – менее 1%.

1727 г. более конкретизирован в данном источнике. Документ называется «Щетная выписка из книг 1727 г. приходу и росходу денежной казны провинции Соликамской бывшей земской канторы» [19. Л. 67].

Добавляется статья расходов (справа) параллельно с учетом доходов в левой части документа.

28 августа 1727 г. ясак снова собирался с манси лосиными кожами. «По ведению Соли Камской купеческого человека Михаила Турчанинова за отданные ему из земской конторы собранные с вишерских вогулич ясашные лосиные кожи за пятьдесят одну лосину по оценке посадских людей по девяносту копеек за кожу итого 45 руб. 90 коп.» [19. Л. 88 об.]. Отметим, что в разные годы стоимость лосиной кожи колеблется от 70 коп. до 1 руб. Обычно цена зависела от качества и размера кожи. В 1727 г. кожи были оценены почти в 1 рубль каждая. В 1727 г. было израсходовано 31900,305 руб., а в приходе числилось 41853,5925 руб.

Образец отсутствия сборов представляет собой «Книга окладная приходная из доимки на прошлые годы доходам Соликамской провинциальной канцелярии при бытности стольника и Соликамской провинции воеводы господина князя Черкасского с товарищи 1736 г.». Под «доимкой» понимается взыскание недополученного государственного дохода в конкретный период. Для удобства представим сведения в виде табл. 3.

Таблица 3

Недоимка соболиного ясака у манси
в 1724–1735 гг. [20. Л. 17 об.–18]

Год	Недоимка, шт.
1724	82
1725	82
1726	113
1727	95
1728	96
1729	96
1730	157
1731	74
1732	82
1733	85
1734	83
1735	142

21 мая 1735 г. было внесено 20 соболей и 39 кож, поэтому осталось 83 соболя [20. Л. 18]. Обратим внимание, что недоимка учитывалась начиная с 1724 г. Канцелярия вела учет в соболях, периодически проводя зачет лосиными кожами. Но даже их было недостаточно, чтобы компенсировать нехватку ясака.

Реестр остаточный казны 1733 г. также демонстрирует постепенное поступление недостачи ясака и прочих налогов. Всех сборов (подушных, канцелярских и прочих, кроме соляного) числилось в канцелярии 24 972,8 425 руб. [21. Л. 11]. Дополнительный сбор с вишерских «ясашных вогулич» по ясаку составил на 1730 г. – 24 соболя, на 1731 г. – 49 соболей, 28 лосиных кож, на 1732 г. – 25 соболей, 18 лосиных кож. Всего 98 соболей, 46 лосиных кож было получено в канцелярию в качестве доимки [22. Л. 12].

В следующем документе, приходной доимочной книге провинции Соли Камской, представлено, как по годам учитывалась доимка с манси, а также поступление данного ясачного сбора в казну. Интерес пред-

ставляет сравнение данных нескольких документов из разных фондов с целью определения реальности указанных цифр. Могла ли канцелярия преувеличивать или преуменьшать ясак в официальной документации, чтобы не показывать свою неспособность собрать натуральный налог полностью и вовремя? Поскольку данные всех рассмотренных документов из трех фондов совпадают, в том числе и на протяжении рассматриваемого периода, на вопрос следует дать отрицательный ответ.

«С чердынских вишерских вагулич соболиного ясаку:

На 1724 г. – 82 соболя;
На 1725 г. – 82 соболя;
На 1726 г. – 130 соболей;
На 1727 г. – 95 соболей;
На 1728 г. – 96 соболей;
На 1729 г. – 96 соболей;
На 1730 г. – 157 соболей;
На 1731 г. – 102 соболя» [23. Л. 14 об.–18 об.].

«По доношению Чердынского уезда Губдорского стану крестьянина ясачного сбора 1731 г. у целовальника Александра Яборова, писанному того ж мая дня 27 сего 1732 году принято... ясашной лосиной казны сбора его с вишерских ясашных вагулич на прошлый 1731 г. 28 лосин в прием за счетом щетчика Никиты Котоногова. Платил те лосины означенной целовальник Александр Яборов, он же писал лосиные те 28 кож. Щетчик Никита Котоногов принял и росписался» [23. Л. 18 об.].

Обратимся к особенностям сбора недоимки за прошлые годы, включая 1720-е гг., но в основном – 1732–1734 гг. В 1730-е гг. соликамская канцелярия начала активно фиксировать недоимки с ясачных манси. Чтобы оценивать реальные неплатежи, следует обращаться ко всему имеющемуся комплексу документов, иначе не избежать ошибок.

В приходной доимочной книге 1735 г. в левой части документа описана недоимка, в правой – показана собранная сумма и расписано, почему налоги не удалось собрать полностью [23. Л. 109–124]. При этом речь идет о самых разных сборах – подушные, откупные платежи, картяной сбор, таможенные пошлины.

В 1735 г. сумма поступлений в канцелярию составила 26098,49625 руб. [23. Л. 89]. Данные о приходе приводятся автором для сравнения финансовых поступлений от коренных народов и русского населения. Сумма доимки за прошлые годы (упоминаются 1732–1734 гг.) составила 6134,31125 руб. [23. Л. 26]. В итоге удалось собрать ничтожно малую сумму из прошлогодних недостач – 118,175 руб. В недоимке числилось 10977,36375 руб. до начала сбора. В новый налоговый период в итоге перешло в качестве долга 10859,18875 руб. Недоимки более ранних годов были явно списаны, поскольку в документацию после 1730 г. не попадали. Но они есть в более ранних материалах. Например, в материалах фонда № 444 упоминается, что в 1731 г. в недоимке числилось на указанный год 102 соболя [22]. Часть соболиных шкур внесли в казну в более поздний период.

Вогулы были переписаны в 1720 г., но сборщики не учитывали, что 25 человек выбыло вследствие различных обстоятельств. Всего по переписи было учтено 62 вогула, а платежеспособных среди них числилось 36 человек. Про них «наличные вогуличи сказали: те де неявившиеся вагуличи после переписи 1720 г. <...> померли за неимением платья и обуви» [23. Л. 126]. В том же документе (книге окладных и неокладных сборов) зафиксировано, что в 1732 г. вогулы задолжали 82 соболя, в 1733 г. – 85, а к 1734 г. – 137 соболей. Всего из доимки к 1731 г. надлежало взять 1 099 соболя [23. Л. 126 об].

Ситуация с ростом неплатежей у вогулов проявляется, если обратиться к главе «зачем невзяты». «Оной с вагулич ясак в недоборе для того, что по прежней 1710 г. окладной росписи показано с них окладу в год 167 соболей, и в тот оклад по переписи прошлого 1710 г. написано для оных ясашных вагулич 87 человек, а в 1733 г. по переписи и свидетельству тех вагулич <...> всего 62 человека и против прежнего 1710 г. убыло 25 человек, а потому с поданными от ясашных целовальников объявлено, что оные вагуличи после переписи многие от голода померли и за неимением платья и обуви в нестерпимые морозы замерзли, а прочие безвестно пропали и за тем осталось по свидетельству только 20 человек <...> Оставшиеся вагуличи живут в пустых лесных местах и питаются за неимением хлеба и скота зверем и за неуловом зверя едят переваривая звериные кости и сосновую кору <...> и оные доимки с них взыскать невозможно» [24. Л. 4 об.]. Источники позволяют судить о бедственном положении коренных народов, при этом дело было не в том, что вогулы растеряли охотничью хватку, а в сокращении численности самих охотников и пушного зверя. Манси также переселялись на другие территории Российской империи.

Важные сведения содержат материалы Камер-коллегии. В годовом рапорте 1744 г. соликамской канцелярии о сборе с ясачных вогулов подробно указаны причины недоимки. Этот документ хранился вместе с годовым рапортом пермской провинциальной канцелярии. Недоимка составила 1 365 соболей, потому что «с 1740 г. поданными вогульскими сборщиками доношениями объявлено, что оных вогуличей за умершими и безвестно бежавшими осталось <...> только уже с малолетними 22 человека и против прежней 1720 г. переписи не явилось 65 человек» [25. Л. 149 об.]. Охотиться (ставить ловушки) было просто некому. Местная администрация проводила следствие и писала в Камер-коллегию, но резолюции так и не поступило. Судя по документам, уездные админи-

страторы неоднократно пытались уменьшить размер оклада и сделать его посильным для манси.

Правительство по-прежнему берет зачет за соболиные шкуры лосиными кожами, руководствуясь принципом «хоть что-то» (в остатке на 1768 г. – 64 соболя и 4 лосиных кож) [26. Л. 35]. Например, у целовальника Прохора Собенина было принято 19 соболей и 35 лосиных кож [23. Л. 127]. Однако указанные меры не помогли, и в 1757 г. за вишерскими ясашными вогулами числился долг по ясаку 100 соболей [24. Л. 10 об.]. В 1758 г. было собрано «соболиных с вагулич ясаку 83 соболя» [24. Л. 1].

Периодически удавалось достигнуть договоренности о зачете ясака только лосиными кожами. По доношению выборного целовальника Василия Собенинова Чердынского уезда Верх-Язывенского стана «принято собранных со оных вишерских ясашных вагулич из доимки прошлого 1758 г. за сентябрьскую треть вместо соболей 47 лосиных кож» [24. Л. 12]. В последующие годы манси не расплатились с долгами.

По данным ясачных комиссий 1763 и 1835 гг. в Сибири наблюдалась аналогичная тенденция: происходил пересмотр состава ясака за счет менее ценных пушных зверей: оклад 1763 г. состоял преимущественно из соболей и лисиц, в 1835 г. правительство собирает песцов и горностаев [10. С. 190].

Таблица 4
Доимка с вишерских вогуличей соболиного и лосиного ясака в 1762–1766 гг. [26. Л. 4 об.]

Год	Соболи	Лосиные кожи
1762		17
1763		17
1764		10
1765		5
В том же 1765	42	11
1766	18	4
Итого	60	64

В остатке на 1768 г. в канцелярии находилось 64 соболиные шкуры и 4 лосиные кожи.

Теперь обратимся к последним годам исследуемого периода и составим сводную таблицу недоимки по ясаку. Для лучшей презентации данных были объединены материалы фонда № 576 РГАДА и № 316 Государственного архива Пермского края (ГАПК).

В остатке в 1775 и 1776 гг. значилось соболиного и лосиного ясака: 116 соболей и 12 лосиных кож по цене 121,8 руб. соболи и 26 руб. лосиные кожи [27. Л. 1 об.]. Представим итоговую табл. 5 по недоимкам за полвека. В нее также вошла информация о собранных доимках за прошлые годы.

Таблица 5

Недоимка по соболиному ясаку в 1730–1781 гг. по данным документации 1758–1780 гг. [27–31]

Год	На 1758 г.	На 1776 г.	На 1779 г.	На 1780 г.
1730	157	157	157	157
1731	74	74	74	74
1732	89 (так!)	82	82	82
1733	85	85	85	85

Год	На 1758 г.	На 1776 г.	На 1779 г.	На 1780 г.
1734	83	83	83	83
1735	83	83	83	83
1736	83	83	83	83
1737	84	84	84	84
1738	82	82	82	82
1739	84	84	84	84
1740	82	82	82	82
1741	86	86	86	86
1742	83	83	83	83
1743	83	83	83	83
1744	83	83	83	83
1745	83	83	83	83
1746	84	84	84	84
1747	85	85	85	85
1748	90 (так!)	86	86	86
1749	86	129	129	129
1750	129	83	129	83
1751	83	162	162	162
1752	162	167	167	167
1753	167	167	167	167
1754	196	126	126	126
1755	100	100	100	100
1756	83	83	83	83
1757	131	83	83	83
1758	131	48	48	48
1759	–	83	83	83
1760	–	83	83	83
1761	–	83	83	83
1762	–	83	83	83
1763	–	96	96	96
1764	–	106	106	106
1765	–	96	96	96
1766	–	98	98	98
1767	–	96	96	96
1768	–	95	95	95
1769	–	95	95	95
1770	–	85	85	85
1771	–	93	93	93
1772	–	91	91	91
1773	–	91	91	91
1774	–	91	91	91
1775	–	91	91	91
1776	–	91	91	91
1777	–	91	91	91
1778	–	91	91	91
1779	–	91	91	91
1780	–	–	–	91
1781	–	–	–	133
Итого в доимке	2 931	4 720	4 720	4 944

В 1775 г. манси компенсировали 43 соболя и 10 кож. В денежном эквиваленте это составило 43,2 руб. На 1776 г., с учетом взятых 92 соболей и 30 лосиных кож, осталось в доимке 4 576 соболей. 81 соболь и 16 кож поступили в ходе добора. Итого манси не внесли своевременно 4 479 соболей [27. Л. 1 об.]. 1776 г. оказался «урожайным» на сбор ясака: в отправке числилось 197 соболей и 32 кожи на сумму 240,1 руб. [27. Л. 2].

В 1779 г. удалось собрать 50 соболей по цене 75 руб. В 1780 г. – 28 соболей за 28 руб. На 1780 г. предполагалось взять 167 соболей. Всего было собрано 28 соболей и 7 кож по оценке на 35 руб. Осталось собрать 132 соболя. Всего на 1780 г. стало числиться в доимке 4 883 соболя.

Рассмотрим, как дела обстояли с другими доходами канцелярии. Могло ли получиться так, что прочие местные обитатели уездов, обложенные по-

душной податью и платившие прочие окладные и неокладные сборы, также не справлялись с выплатами? Напротив, местные крестьяне и посадские люди успешно платили налоги в казну. В остатке с 1779 г. находилось: окладных сборов – 12138,2425 руб., неокладных сборов – 18733,81 руб. Всего окладных и неокладных сборов – 30872,0525 руб. С вишерских манси на 1778 г. было собрано 16 кож, на 1779 г. – 50 соболей и 13 кож, итого 50 соболей и 29 кож, что снова являлось недостаточным [29. Л. 1.–1 об.].

Всего окладных сборов (без подушной подати) на 1780 г. было 84229,515 руб. В доимочном столбце по окладным и неокладным сборам не зафиксированы недоборы. Из доимки за прошлые годы окладных – 294,145 руб., неокладных – 25905,7375 руб. [29. Л. 4 об.–5 об.]. Такая недоимка обычно получалась вследствие того, что жители уездов платили сборы постфактум, осенью или в начале января, когда полу-

чали для этого средства. Всего окладных и неокладных сборов на 1780 г. было учтено 90554,3975 руб. С остаточными деньгами за прошлый год бюджет канцелярии достиг значительной суммы – 121426,45 руб.

К отправке было приготовлено 107 соболей по цене 138,2 руб., при этом в остатке в канцелярии было 7 лосиных кож по цене 7 рублей [29. Л. 26]. Эта сумма представляется крайне малой по сравнению с бюджетом канцелярии, указанным выше.

Таким образом, размеры ясачных сборов в исследуемый исторический период могли не соответствовать реальной возможности местного населения платить ясак в полном размере, – к такому заключению можно прийти, исходя из анализа ясачной политики в Соликамском и Чердынском уездах.

Сравним ситуацию с Сибирью. Если в XVII в. сибирские земли являлись источником пушнины для царского правительства, то к началу XVIII в. соболь почти повсеместно был выбит. Это заставило правительство рассматривать инородцев как потенциальных хлебопашцев, но в XIX в. все-таки «поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом» [10. С. 138]. Очевидно, что с манси так не получилось.

Недоимочность у ясачных народов была распространенным явлением и в Сибири (в исследуемый и более поздний хронологические периоды). По сведениям Второй ясачной комиссии, в 1820-е гг. у оседлого аборигенного населения Тобольской губернии накопилось недоимок на сумму 342 844 руб. всего за пятилетний срок (по земским платежам). У кочевников Томского округа податные недоимки составляли 34 783 руб. или 82,3% [10. С. 164].

До 1760-х гг. единственной формой обложения сибирских народов был ясак. Комиссия 1763 г. пересчитала количество душ мужского пола. В Восточной Сибири было учтено 90 519 душ мужского пола (д.м.п.), которые по результатам комиссии должны были уплачивать 122 075 руб. В Западной Сибири комиссия учла 19 591 налогоплательщика и насчитала соответственно 19 169 руб. ясака [10. С. 170–171].

Но в 1763 г. всех инородцев, платящих ясак, было 90 114, в 1835 г. – 192 012 д.м.п., а в денежном эквиваленте ясак вырос с 122 075 руб. до 451 128 руб., т.е. почти на 330 000 руб. или в 4,47 раза, а численность населения увеличилась лишь в 1,96 раза [10. С. 189–190]. Очевидно, что выплата больших сумм была зачастую проблематичной для аборигенного населения Сибири.

По мнению Л.М. Дамешека с соавт., «при разработке доктрины окраинной политики, правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ» [10. С. 90]. Оче-

видно, что последние два принципа гораздо меньше волновали правительство в случае управления Соликамским и Чердынским уездами, нежели финансовый аспект. Безопасность границ в XVIII в. на Северном Урале давно не беспокоила правительство: была покорена и активно осваивалась Сибирь. Управление столь немногочисленным ясачным населением не составляло значительной проблемы для уездных администраторов. Оставался финансовый аспект, который правительство пыталось решить, руководствуясь опытом XVII в.

Подводя итоги, отметим несколько аспектов ясачной политики Российского государства на протяжении рассматриваемого хронологического периода. В Соликамском и Чердынском уездах облагались натуральным сбором манси (в источниках – вогулы).

Добиться 100-процентной собираемости ясака правительству ни разу за исследуемый период не удавалось. Устойчиво сохраняется тенденция недобора. К началу 1780-х гг. недостача соболей исчислялась тысячами. Центральные органы пытались решить проблему недобора не снижением ясака, а заменой соболей на лосиные кожи. Но кожи тоже нужно было добывать, а с уменьшением численности охотников возможностей для выплаты ясака у манси становилось все меньше. Таким образом, несмотря на периодические выплаты ясака, дела со сбором обстояли очень плохо.

Недостаток ясака объяснялся не только сокращением пушного зверя и проблемами у выборных сборщиков, но и уменьшением численности коренного населения. Правительство, собирая натуральную подать, не учитывало реалии: часть манси умирала от голода, холода и болезней, уходила на другие территории, а оставшиеся не справлялись со сбором ясака.

Следует констатировать, что меры правительства по сбору ясака представляются в Прикамье неэффективными. Вместо снижения оклада вследствие уменьшения реальной численности ясачного населения, местным чиновникам проще было учесть соболей и лосиные кожи как недоимку, а потом мелочно переписывать их из рапорта в рапорт с комментарием «зачем невзятые». Можно обозначить и такой момент – в общей структуре доходов канцелярии ясак составлял небольшую сумму – менее 1%. Выгода от сбора натуральной подати представляется незначительной.

Присутствуют и некоторые параллели с сибирской действительностью, где снижение количества ясака напрямую связывается с падением платежеспособности ясачного населения.

В заключение отметим, что манси находились в незавидном положении по сравнению с русским населением уезда. Последнее, как показывают результаты анализа аналогичных документов, вполне справлялось с выплатами подушной подати и прочих сборов.

Список источников

1. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л. : Наука, 1982.
2. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М. : Наука, 1966.
3. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 3, ч. 2. С. 49–85.
4. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1969.

5. Залкинд Е.М. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVII – первой половине XIX в. // Сибирь периода феодализма. Экономика, управление и культура Сибири XVII–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 236–247.
6. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1969.
7. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1976.
8. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007.
9. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М. : Изд. Ин-та истории Академии Наук СССР, 1972.
10. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014.
11. Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб. : Историческая иллюстрация, 2020.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Новгород. Д. 13в, 14, 16. Ч. 2.
13. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1577.
14. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2336.
15. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2343.
16. РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 4.
17. РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 6.
18. РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 16.
19. РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 1.
20. РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 100.
21. РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 75.
22. РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 49.
23. РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 78.
24. РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 239.
25. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 7. Д. 30025.
26. РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 349.
27. РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 510.
28. РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 239.
29. РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 511.
30. РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 382.
31. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 316. Оп. 1. Д. 20.

References

1. Anisimov, E.V. (1982) *Podatnaya reforma Petra I. Vvedenie podushnoy podati v Rossii, 1719–1728 gg.* [Tax reform of Peter I. Introduction of the poll tax in Russia, 1719–1728]. Leningrad: Nauka.
2. Troitskiy, S.M. (1966) *Finansovaya politika russkogo absolyutizma v XVIII veke* [The financial policy of Russian absolutism in the 18th century]. Moscow: Nauka.
3. Bakhrushin, S.V. (1955) *Yasak v Sibiri v XVII v.* [Yasak in Siberia in the 17th century]. In: *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Vol. 3 (2). Moscow: USSR AS. pp. 49–85.
4. Aleksandrov, V.A. (1969) *Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.)* [Russia on the Far Eastern Frontiers (second half of the 17th century)]. Moscow: Gl. red. vost. lit. izd-va "Nauka".
5. Zalkind, E.M. (1965) *Yasachnaya politika tsarizma v Buryatii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [Yasak policy of tsarism in Buryatia in the 17th – first half of the 19th centuries]. In: *Sibir' perioda feodalizma* [Siberia of the period of feudalism]. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie. pp. 236–247.
6. Zhidkov, G.P. (1969) *Kabinetnoe zemlevladenie (1747–1917)* [Office land tenure (1747–1917)]. Abstract of History Dr. Diss. Novosibirsk.
7. Goryushkin, L.M. (1976) *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.)* [Agrarian relations in Siberia during the period of imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie.
8. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Preobrazhenskiy, A.A. (1972) *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka* [Ural region and Western Siberia at the end of the 16th – beginning of the 18th centuries]. Moscow: Institute of History, USSR AS.
10. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2014) *Yasak v Sibiri v XVIII – nachale XX veka* [Yasak in Siberia in the 18th – early 20th centuries]. Irkutsk: ISU.
11. Dmitrieva, Z.V. & Kozlov, S.A. (2020) *Nalogi i voyny v Rossii XVI–XVIII vv.* [Taxes and wars in Russia in the 16th–18th centuries]. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya.
12. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 137. *Novgorod*. File 13v, 14, 16. Part 2.
13. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 214. List 1. File 1577.
14. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 214. List 5. File 2336.
15. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 214. List 5. File 2343.
16. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 955. List 1. File 4.
17. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 955. List 1. File 6.
18. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 955. List 1. File 16.
19. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 955. List 1. File 1.
20. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 444. List 1. File 100.
21. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 444. List 1. File 75.
22. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 444. List 1. File 49.
23. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 444. List 1. File 78.
24. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 576. List 1. File 239.
25. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 273. List 1. Part 7. File 30025.
26. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 576. List 1. File 349.
27. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 576. List 1. File 510.
28. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 576. List 1. File 239.
29. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 576. List 1. File 511.
30. Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). Fund 576. List 1. File 382.
31. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund 316. List 1. File 20.

Информация об авторе:

Космовская А.А. – канд. ист. наук, научный сотрудник Пермского государственного института культуры (Пермь, Россия); доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия); доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермской государственной фармацевтической академии (Пермь, Россия). E-mail: akosmovskaya@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Kosmovskaya, Cand. Sci. (History), research fellow, Perm State Institute of Culture (Perm, Russian Federation); associate professor, Perm State University (Perm, Russian Federation); associate professor, Perm State Pharmaceutical Academy (Perm, Russian Federation). E-mail: akosmovskaya@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2018;
одобрена после рецензирования 14.08.2019; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 13.12.2018;
approved after reviewing 14.08.2019; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 94(571.12)"16":281.93
doi: 10.17223/15617793/489/11

Феномен почитания святого Николая Мирликийского в Тобольске XVII в.

Ирина Леонидовна Манькова¹

¹*Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
ilman.08@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются посвящения церковных престолов Николаю Мирликийскому, наполнение храмовых пространств иконами святого, видения и чудеса по молитвам ему, а также анализируется отражение почитания Николая Чудотворца в местной литературной традиции. Показано, что уже в первой четверти XVII в. иконы святого в тобольских церквях были весьма разнообразны по своей иконографии, определены наиболее почитаемые из них. На основе свидетельств о видениях и чудотворениях рассмотрено отношение верующих к святителю Николаю Мирликийскому как к быстрому помощнику, Божьему угоднику, целителю, защитнику и духовному наставнику.

Ключевые слова: Николай Мирликийский, почитание святых, церкви, иконы, Тобольск

Для цитирования: Манькова И.Л. Феномен почитания святого Николая Мирликийского в Тобольске XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 113–120. doi: 10.17223/15617793/489/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/11

The phenomenon of the worship of Saint Nicholas of Myra in Tobolsk of the 17th century

Irina L. Mankova¹

¹*Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation
ilman.08@mail.ru*

Abstract. Saint Nicholas of Myra has been the most popular saint in Russia since ancient times. The widespread worship of St. Nicholas the Wonderworker was transferred to the new eastern territories in the process of colonization. The aim of the article is the analysis of practices of worshipping St. Nicholas the Wonderworker in Tobolsk, which was the administrative and religious center of Siberia. The sources of the research were the Siberian chronicles of the 17th century, the Legend of the Appearance and Miracles of the Abalak Icon of the Virgin, census books, documents of the Siberian prikaz. The first part of the article discusses the consecration of the churches to Nicholas of Myra. The first church, which was built at the time of the city's foundation, had a chapel in honor of Nicholas the Wonderworker. The monastery and parish Nicholas churches appeared at the beginning of the 17th century. Chronicles link their construction with the miracles after the prayers to Nicholas the Wonderworker. The second part of the article analyzes the filling of the temple spaces with the icons of the saint, describes their iconography and painting technique. The most worshiped images are determined by the decorations of icons and the number of offerings to them. The attitude of Tobolsk residents to St. Nicholas of Myra is traced in the third part of the article. It analyzes the tales of the healings after the prayers to the miraculous Abalak icon of the Virgin Mary, on which Saint Nicholas was also depicted, and examines the case of the healing of Aleshka Ivanov in 1664. The reflection of the widespread reverence of St. Nicholas the Wonderworker in the regional literary tradition is investigated on the example of S. Remezov's *Siberian History*. The author comes to the conclusion that the phenomenon of the worship of St. Nicholas the Wonderworker in the early history of Tobolsk appeared in a variety of practices of his worship and their "concentrated" manifestation in a relatively small area. The construction of St. Nicholas churches in the first years of the city's existence was supposed to provide its sacred protection, to express gratitude to the saint for stopping the horse death losses. The church thrones dedicated to St. Nicholas the Wonderworker invariably remained in Tobolsk despite the destruction of St. Nicholas churches by fires and the redevelopment of urban space. The significant number of the icons of St. Nicholas in Tobolsk churches, offerings to them and visions recorded in documents testify to the deep faith of people in the healing power of prayer to St. Nicholas the Wonderworker. Believers turned to him as a quick helper, a God's saint, a healer, an intercessor, a spiritual mentor. The wide range of epithets that people gave Nicholas the Wonderworker reflects the people's lasting hope for the saint's effective help in all difficult situations and emphasize the unusual popularity of Nicholas of Myra among the inhabitants of Tobolsk.

Keywords: Saint Nicholas of Myra, worship of saints, churches, icons, Tobolsk

For citation: Mankova, I.L. (2023) The phenomenon of the worship of Saint Nicholas of Myra in Tobolsk of the 17th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 113–120. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/11

Архиепископ Мир Ликийских святитель Николай издавна широко почитается в России, что нашло отражение в фольклоре, литературе и искусстве [1–5 и др.]. Среди христианских святых мы едва ли найдем столь популярного святого: к Николаю Чудотворцу обращались за помощью в разных жизненных ситуациях, его считали защитником от разбойников и корыстных людей, от несправедливого наказания и стихийных бедствий, целителем многих болезней и эпизоотий. Народные представления о Николае Чудотворце как «скором помощнике» всем страждущим формировались под влиянием многих факторов: местных преданий о чудесах по молитвам святому, его икон с житием, широкого бытования книги «Службы и житие, и чудеса святителя Николы» в печатном и рукописном виде, а также в составе многочисленных рукописных сборников [6. С. 275–278].

Историография истории почитания святых весьма обширна (даже безбрежна), тем не менее используемый в этой области исследований понятийный аппарат до сих пор не выработан окончательно: сам термин «почитание» трактуется неоднозначно, без четких определений используются такие понятия, как «объекты почитания», «практики почитания» и т.д. [7. С. 74, 75, 295–297]. Не погружаясь в дискуссию, отметим, что для нас «почитание святого» это и поклонение, и поминовение его. Объектом почитания является сам святой, а иконы, мощи, связанные с ним артефакты и т.д. составляют предмет почитания. Почитание святого выражается в таких практиках, как молитвенное обращение к нему, церковное празднование дней его памяти, посвящение ему церковных престолов, приобретение его икон для храмов и в личное пользование, появление особо чтимых образов этого святого, видения и чудотворения по молитвам ему, создание сказаний о чудотворных иконах и ведение записей о чудесах, паломничество к мощам, посещение мест его пребывания.

Многовековая традиция народного почитания Николая Мирликийского была принесена русскими землепроходцами и в Сибирь. Особое отношение сибиряков к этому святому прослеживается с самого начала колонизации региона. Так, почти во всех сибирских городах-острогах уже в начале XVII в. имелись Никольские церкви. Цель данной статьи – проанализировать практики почитания Николая Чудотворца в Tobolske на протяжении XVII в. Сохранившийся комплекс источников позволяет выявить такие практики почитания Николая Мирликийского, как посвящение в его честь церковных престолов, наполнение храмовых пространств иконами святого, видения и чудеса по молитвам ему, а также проанализировать отражение почитания Николая Чудотворца в местной литературной традиции.

Tobolsk был построен в 1587 г. как опорная база для окончательного разгрома Сибирского ханства.

В скором времени он превратился в военный, административный и экономический центр Сибири, а с учреждением Сибирской и Tobolskoy епархии в 1620 г. стал и епархиальной столицей. Закономерно, что именно в Tobolske были созданы уникальные летописные памятники: Есиповская летопись [8], Сибирский летописный свод [9], «История Сибирская» С.У. Ремезова, которые содержат информацию о строительстве Никольских церквей в Tobolske [10]. Сведения о приобретениях икон Николая Чудотворца для tobolskikh церквей встречаются в документах сибирского делопроизводства. В дозорной книге Tobolska 1624 г. приведены описания храмовых икон в городских церквях [11. Д. 3. Л. 1–70 об.], а переписные книги Tobolskogo архиерейского дома 1625 и 1636 гг. содержат сведения об иконах, находившихся в Софийском соборе и церкви во имя Похвалы Богородицы на архиерейском дворе [12. С. 37–44, 83–89, 102–109]. Высокая степень подробности этих описаний позволяет получить представление не только о сюжетах и внешнем виде икон, но и о прикладах к ним. Количество последних может свидетельствовать об особом почитании некоторых образов. Ценными источниками являются следственные дела о видениях и чудесах XVII в., а также местные литературные памятники. Они дают представление и о восприятии святого Николая Мирликийского верующими, позволяют проследить ритуалы его прославления в связи с чудотворением.

Посвящение церковных престолов святому Николаю Мирликийскому

Согласно дозорной книге 1624 г., в Tobolske было 13 церквей, большинство из которых имели приделы. С учетом всех приходских, монастырских и архиерейских храмов в городе насчитывалось 24 престола. Главные престолы в основном освящали в честь Господних и Богородичных праздников, а придельные престолы в девяти из 11 случаев были посвящены святым [11. Д. 3. Л. 1–70 об.]. Уникальная ситуация сложилась с посвящениями престолов во имя святителя Николая Мирликийского. С начала XVII в. в Tobolske одновременно существовали приходская и монастырская Никольские церкви; кроме того, во имя этого святого был освящен придел Троицкой церкви, построенной при закладке города в 1587 г. Известно, сразу ли она возводилась с Никольским приделом, либо он был пристроен позже. Самое раннее из известных упоминаний о нем содержится в царской грамоте 1622 г. о присылке икон, книг и церковной утвари для пострадавшей от пожара Троицкой церкви [12. С. 201]. Вероятно, в связи со строительством Софийского архиерейского двора Троицкая церковь была перенесена ближе к административному центру («городу»). Будучи деревянной, она неоднократно гибла во время пожаров, но вновь отстраивалась. В 1689–1690 гг. по инициативе

сибирского митрополита Павла была построена каменная Троицкая церковь с приделами во имя Спаса Нерукотворного образа и святителя Николая Чудотворца [9. С. 212, 215, 216, 229].

Истории строительства приходской и монастырской Никольских церквей связаны с чудотворениями. В сибирских летописях есть упоминание о том, что в 1601/1602 г. при воеводах Ф.И. Шереметьеве и А.М. Пушкине «в Сибире, в Тоболску, явился святитель Христов Николае чудотворец, повелевая во свое имя воздвигнути церковь на Премском звозе. И по его явлению церковь воздвигнута»¹ [8. С. 98; 9. С. 191; 10. С. 356].

В дозорной книге 1624 г. Никольская церковь указана с приделами во имя праздника Входа во Иерусалим Иисуса Христа, святых Георгия и Параскевы Пятницы. Рядом с ней была построена церковь Рождества Богородицы с приделом во имя Дмитрия Солунского [11. Д. 3. Л. 32 об.]. Скорее всего, Никольская и Рождественская церкви использовались как единый комплекс (одна из них была летней, вторая – зимней). Согласно дозорной книге 1624 г. и записям в городских книгах о выдаче окладов духовенству ружных церквей, они имели один на две церкви штат священнослужителей и причетников и общий комплект богослужебных книг [11. Д. 3. Л. 29 об., 33 об.; Д. 501. Л. 65; Д. 389. Л. 114]. Около Никольской и Рождественской церквей находилось 13 келий, в которых проживала 21 старица, но эти строения не названы монастырем [11. Д. 3. Л. 34]. В 1625 г. монахини переселились в Успенский монастырь, где до возведения Знаменской обители проживала мужская монашеская община.

Никольская и Рождественская церкви сгорели во время большого пожара 1677 г. Согласно Книге записной, 4 мая 1679 г. была заложена церковь во имя «великого архиерея святителя чудотворца Николы архиепискупа Мирликийских на прежнем месте да предел великомученика Дмитрия Селунского чудотворца, а совершена и освящена во 188-м (1679) году декабря в 3 день» [9. С. 215]. Скорее всего, на месте двух церквей построили одну, рассчитанную на круглогодичное использование. Приведенная выше цитата из летописи интересна тем, как автор записи идентифицирует Николая Мирликийского, подчеркивая его величие как церковного деятеля.

Несколько иную коннотацию, приближенную к народной трактовке образа святого Николая, имеет летописная запись о возведении Никольской церкви в Успенском монастыре. Храм поставили за один день (23 июня 1611 г.) «во имя угодника божия святителя Николы Чудотворца по обещанию всех православных христиан от конского падежу. И празднество и ход со кресты по вся годы установлено в тот июня 23-й день»² [9. С. 143]. Популярность этой церкви была настолько значительной, что Успенский монастырь иногда называли Никольским [12. С. 177]. Согласно дозорной книге 1624 г., на территории Успенского монастыря находились Успенская церковь с приделом во имя преподобного Варлаама Хутынского и Никольский храм [11. Д. 3. Л. 61–65 об.]. Во второй половине XVII в.

вместо двух храмов был построен один. Как сообщается в «Сибирском летописце», «194 (1686) г. мая во... день в Тобольске в Успенском монастыре в девичье прежнее церковь Успения Пресвятыя Богородицы с места сломали, а на месте заложили новую церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы да придел Николая Чудотворца, а совершена и освящена в 195 (1686/87) г.» [13. С. 35]. К концу XVII в. эта церковь была достроена и у нее появились еще приделы во имя преподобного Варлаама Хутынского Чудотворца, святых Бориса и Глеба [11. Д. 860. Л. 5 об.].

Иконы святителя Николая Мирликийского в тобольских церквях

Дозорная книга 1624 г. дает представление об иконах Николая Чудотворца, размещавшихся в приходских церквях на алтарной преграде в местном ряду. Скорее всего, этот источник содержит неполную информацию о храмовых иконах Николая Мирликийского, поскольку в древнерусских церквях образ святителя часто включался и в деисусный ряд. В описании 1624 г. почти во всех тобольских храмах отмечены деисусные комплексы, состоявшие из разного количества икон, но лишь в описании соборной Вознесенской церкви указаны их сюжеты. Деисус этого храма состоял из девяти икон «на красках»: Спас, Богородица, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел, святители Василий Кесарийский и Николай Мирликийский [11. Д. 3. Л. 1]. Не исключено, что в деисусах других тобольских церквей также имелись иконы Николая Чудотворца.

Святитель мог быть запечатлен также на столбцах, обрамлявших царские врата. Традиционно на дверных створках изображались Благовещение и четыре евангелиста, а на столбцах сюжеты могли варьироваться. В дозорной книге 1624 г. подробно описаны царские двери только в главном храме приходской Воскресенской церкви. Так, на их столбцах были «писаны на красках» образы святителей Василия, Григория, Иоанна и Николая, а также четырех дьяконов [11. Д. 3. Л. 24]. В архиерейском Софийском соборе на столбцах царских дверей были изображены «Спас и Пречистая со святыми» [12. С. 44]. В описаниях других церквей лишь указано, двери царские были «со столбцы и сенми» «на красках», «на празелени» или «на золоте» [11. Д. 3. Л. 4, 9, 12, 13, 20, 26, 29, 31–33, 64 об., 65].

Среди тобольских приходских церквей выделялась своим богатым убранством упомянутая выше Воскресенская церковь с приделом во имя Ильи пророка. Она была построена около гостиного двора в верхнем посаде, поэтому ее частыми посетителями были местные и приезжие торговцы и промысловики, которых в столице Сибири всегда было много. Местный ряд главного храма состоял из образов Воскресения, Успения Богородицы, святителя Николая Мирликийского и преподобного Кирилла Белозерского. Все иконы были выполнены «на красках», имели серебряные с золочением венцы и гривны. У образа Николая Чудотворца были венец и две гривны с подвешенными к ним двумя золотыми копейками, а также золотой крест [11. Д. 3. Л. 17].

Скорее всего, эти украшения можно рассматривать как знаки особого почитания данного образа. В алтаре за престолом находился «выносной большой на красках» образ Богородицы Одигитрии, на обороте которого был «написан чудотворец Николай, у него гривна серебряная золочена» [11. Д. 3. Л. 19]. Аналогичная выносная икона отмечена в алтаре небольшой церкви во имя Флора и Лавра, построенной напротив Воскресенского храма «под колоколы» [11. Д. 3. Л. 26–26 об.].

В дозорной книге 1624 г. зафиксировано в Воскресенской и Флоролаврской церквях большое количество так называемых домовых образов. В основном это были иконы-падницы Богородицы и святых, в том числе имелись три образа Николая Чудотворца. Одну из икон святителя украшали серебряные венец и гривна, зеленая тафтяная пелена. Вероятно, эти домовые иконы были вкладыями приезжих богомольцев. Мы лишь можем предполагать мотивацию их поступков: одни благодарили высшие силы за успешное преодоление долгого и трудного пути в Сибирь, за удачную торговлю и надеялись на благоприятный исход своей поездки; другие, проводя в Тобольске по несколько месяцев, хотели иметь в ближайшей церкви «свою» икону, заботиться о ней. Присутствие в Воскресенской церкви сразу четырех икон и изображение на столбце царских дверей святителя Николая Чудотворца подчеркивает его широкое народное почитание.

Особо чтимые иконы Николая Мирликийского находились в Никольских церквях. Приходская Никольская церковь с тремя приделами имела в главном храме один из самых больших деисусов – на 17 икон. Скорее всего, в нем среди предстоятелей был и святитель Николай Мирликийский. Интересен состав местного ряда икон на алтарной преграде этого же храма. В нем, кроме двух образов Богородицы Одигитрии, находились четыре иконы святителя: Николай Великорецкий «на празелени», Николай Чудотворец «в полтреть вершка» в серебряном окладе и два образа Николая Можайского. Одна икона Николая Можайского была выполнена «на золоте», другая икона была резной в киоте, «около киота на притворех писаны чудеса Николы чудотворца на левкасе, крыто золотом и серебром твореным» [11. Д. 3. Л. 27–29]. Последний образ украшали три гривны и пелена из цветной немецкой камки. Судя по большому количеству прикладов, икона Николая Можайского «на золоте» была особо чтимым образом, вероятно, считалась чудотворной. Еще одна местная икона Николая Чудотворца находилась во Входаиерусалимском приделе [11. Д. 3. Л. 27].

Заслуживает внимания икона святого Николая Чудотворца в Никольском приделе Троицкой церкви. После пожара 1622 г. прихожане обратились с челобитной к царю Михаилу Федоровичу, в которой просили дать распоряжение сибирскому архиепископу Киприану, чтобы приехавшие с ним в Тобольск иконописцы написали для Троицкой церкви местные образы Троицы и Николая Чудотворца, а также деисусы и царские двери. Но в Москве было принято другое решение: необходимое церковное строение приобрели в столице и отправили с оказией в Тобольск, в том числе и «образ местной Николае чудотворец з деянием, на празелени,

деисус на девяти иконах на празелени, двои двери царские со святители на празелени, с столбцы и с сенми» [12. С. 201]. Из этого описания следует, что, скорее всего, Николай Мирликийский был изображен на царских дверях и, вероятно, в деисусе³.

В дозорной книге 1624 г. приведено более детальное описание присланной из Москвы для Троицкой церкви местной иконы Николая Мирликийского, которое дает возможность получить некоторое представление об иконографии образа: в центральной части иконы рядом со святителем «в облацех» были написаны Спас и Богородица. Подобная иконография известна на Руси с XII в. и восходит к византийской традиции: Христос и Богородица изображались вручающими Николаю знаки его епископского достоинства. Как отметил искусствовед А.М. Лидов, такая особенность изображений святителя «не просто концентрирует внимание на литургическом смысле образа, но и подтверждает высочайший статус св. Николая в православной иерархии святости как рукоположенного на истинное служение самим Христом и Богородицей» [14. С. 145]. С XVI в. московская власть взяла курс на централизацию культа Николая Чудотворца и унификацию изображавшихся на иконах житийных циклов, акцентируя внимание на его деяниях [14. С. 149]. Заметим, что в дозорной книге 1624 г. подобные иконы названы «Никола Чудотворец с деянием». Думается, что в прославлении именно деяний святителя по укреплению веры и помощи страждущим отразилась идеология московских властей, которую должны были «считывать с иконы» прихожане, в том числе и в далекой Сибири. Икона из Троицкой церкви отличалась богатым убранством: лики Николая Чудотворца, Спаса и Богородицы украшали серебряные с позолотой венцы, инкрустированные «голубыми камнями», а также «басмяные» серебряные с позолотой гривны. Около изображения святителя Николая находились три серебряные гривны, на одной из которых был выбит образ «Богородицы воплощение со святыми», «да у гривен же крест серебряной золочен тощей» [11. Д. 3. Л. 13 об.–14]. Вероятно, венцы и гривны были прикладами и появились у иконы уже в Тобольске за довольно короткое время ее пребывания в храме. Если это действительно так, то такие дорогие приклады могли быть сделаны либо вскладчину приходской общиной, либо кем-то из состоятельных богомольцев.

Согласно дозорной книге 1624 г., еще два образа Николая Мирликийского находились в церквях Успенского монастыря. В обыденной Никольской церкви местный ряд состоял из трех икон: Успения Богородицы, Кирилла Белозерского и Николая Можайского. Последний образ был резным в киоте, его украшали четыре серебряные гривны, приклады в виде серебряного с золочением тельного креста и пяти копеек [11. Д. 3. Л. 62–63].

Вероятно, в Успенской церкви пространство придельного храма не было отделено от главного, поскольку в описании отмечены только один деисус и местные иконы общим списком. В местный ряд были помещены храмовые образы Успение Богородицы и святого Варлаама Хутынского, а также пророка Ильи,

святителя Николая Чудотворца, святых Бориса и Глеба. Икона Николая Чудотворца представляла собой образ-пядницу в чеканном серебряном окладе, венец и гривна украшены бирюзой и рубинами. Она находилась в киоте, «обложенном» черным бархатом. На притворах киота были изображены деяния Николая Чудотворца. О том, что этот образ особо почитался, свидетельствует большое количество прикладов: золоченые и «незолоченые» копейки, нательные кресты, вышитые пелены из бархата и атласа. Икону украшали четыре большие и малые «басмяные» серебряные с позолотой гривны с «двумя иконами серебряными золочеными, невеликими, а на них образ Николы» [11. Д. 3. Л. 61–64]. Из икон всех приходских и монастырских храмов, описанных в дозорной книге 1624 г., этот образ имел наибольшее количество прикладов, что свидетельствует о его широком почитании, скорее всего, как чудотворного.

Большинство икон в архиерейском Софийском соборе были написаны иконописцами, приехавшими вместе с первым сибирским архиепископом Киприаном в 1621 г. Вероятно, духовные предпочтения этого преосвященного определили состав иконостаса и сюжетную линию наполнения храмового пространства первой Тобольской Софии. Так, по его желанию из Троицкой церкви были перенесены иконы-пядницы Троицы и Николая Чудотворца, «обложенные серебром басмяным и позолочены, и подписи серебряные, венцы резные и позолочены, да у Николы гривна резная же и позолочена» [12. С. 41–42]. Для архиепископа Киприана эти иконы представляли ценность в первую очередь с исторической точки зрения. В переписной книге 1625 г. отмечено, что «поставленые те обе пядницы от взятия начала Сибири Ермака с товарищи» [12. С. 42]. Известно, что архиепископ Киприан с особым вниманием относился к увековечиванию памяти об исторической миссии Ермака и его дружины [15. С. 355].

Согласно переписной книге 1636 г., в архиерейской церкви Похвалы Богородицы образов Николая Мирликийского не было среди местных и аналойных икон, но его изображение отмечено на обороте напестольной иконы Похвалы Богородице, хранившейся в алтаре [12. С. 103].

Образ Николая Мирликийского в свидетельствах о видениях и чудесах

Подробная информация о видениях и чудесных исцелениях по молитвам святителю Николаю содержится в известном агиографическом сочинении «Сказание об Абалацкой иконе Божьей Матери Знамение» [15. С. 85–184, 342–344]. Оно начинается с видений в 1636 г. вдове Марии, в которых ей являются Богородица, Николай Чудотворец и Мария Египетская и требуют построить церковь во имя иконы Знамения Богородицы с приделами во имя явленных святых в селе Абалак, расположенном от Тобольска на расстоянии «двадцать поприщ» (около 30 км). Дальнейшие события в «Сказании» уже связаны с написанием чудотворной иконы Абалацкой Божией матери «Знамение». Особенностью ее иконографии является изображение

на полях молящихся Николая Чудотворца и Марии Египетской. Сохранившееся в нескольких редакциях «Сказание» содержит большое количество записей о чудесных исцелениях, в том числе и жителей Тобольска. В видениях Богородица являлась вдове вместе с преподобной Марией Египетской в виде двух икон, а Николая Чудотворца «тайнозрительница» видела «яко жива суща, во святительской одежде стояща» [15. С. 342]. Е.К. Ромодановская обратила внимание на то, что большинство рассказов в «Сказании» построено по схеме, характерной для жанра «чудес»: несчастье – обращение к иконе – избавление. По ее мнению, сибирские авторы «чаще всего описывают “чудо” по единому трафарету, в котором могут меняться только имена действующих лиц и название местности» [16. С. 159]. Вместе с тем она отметила, что «Сказание» сложилось из разновременных блоков записей о чудесах. Нам представляется это важным, поскольку лексические особенности, повторяющиеся в определенной части «Сказания», несут смысловую нагрузку. В описаниях всех чудес в этом источнике главный посыл страждущего адресован Богородице. Николай Чудотворец и Мария Египетская упоминаются не во всех рассказах. Если они присутствуют, то позиционируются как помощники молящегося. Типичный случай описан в «Чуде 8»: служилый человек Василий Нос из Тобольска, «одержимый великим недугом», начал молиться Абалацкому образу Богородицы, «на помощь призва святых Божиих угодников, святого отца нашего Николу Чудотворца и преподобную Марию Египтянину», и получил исцеление «милостию Пресвятыя Богородицы и молитвами святых Божиих угодников» [15. С. 102]. Если на протяжении всего текста «Сказания» имя Марии Египетской сопровождается нейтральными определениями «святая», «преподобная», «Божии угодники» (вместе с Николаем Чудотворцем), то уже с первых сюжетов произведения прослеживается особое отношение к святителю: он является Марии в телесном образе, а не в виде иконы, т.е. в земном, одушевленном облике. В последней части «Сказания» (чудеса 76, 79, 80–82, 84, 85, 87, 88, 93, 98, 101) святой Николай называется не просто «святой Божий угодник, святитель Христов», а «отец наш», что может свидетельствовать об его устойчивом восприятии как «своего» святого, надежного помощника.

Именно такое отношение к святому прослеживается и в деле об исцелении сына тобольского стрельца Алешки Иванова, хранящемся в фонде Сибирского приказа (РГАДА) [17. Д. 663. Л. 349–352]. Оно начинается с доношения от 24 июля 1664 г., поданного в съезжую избу приказчиком Тобольского архиерейского дома Григорием Груздевым и попом Богоявленской церкви Иваном Исаковым. За четыре дня до этого на архиерейском дворе 19-летний Алешка Иванов рассказал о том, что два года он был «расслаблен, руками и ногами не владел», и описал обстоятельства своего чудесного исцеления. Накануне праздника пророка Ильи⁴ он проснулся под колокольный звон, звавший на утреннюю молитву, и увидел свет «в церковном окне у пресвятей Богородицы Казанские и начал с плачем молиться присвятей Богородице и великому святителю

Николе» [17. Д. 663. Л. 349]. Судя по тексту молитвы, в первую очередь он связывал свои надежды именно со святителем: «О, пресвятый великий чудотворче Никола, свет христов, се каков си благочестивии христиане на праздники приходят к церкви божии молиться Господу, а аз грешный на сей постели лежу и Господу творцу моему поклониться не могу. Помилуй мене, о милосердный свете угоднике божий Никола, сильно желает душа моя прийти к церкви Божий и помолиться Богу и пресвятей Богородице и видите твой святой образ» [17. Д. 663. Л. 349]. Молящийся обращался к святому Николаю, которого считал и чудотворцем, и угодником Божиим, и посредником между ним и Богом. Он не просто просил исцеления, у него была благая цель – прийти в церковь, помолиться Богу и Богородице, увидеть образ святителя Николая.

Вскоре после молитвы Алешка уснул, и во сне ему явился знакомый юноша. Он звал Алешку гулять, и, когда тот хотел пойти с ним, юноша исчез. Алешка отправился его искать и «против врат» церкви во имя иконы Казанской Божьей Матери встретил человека с образом Николая Чудотворца в киоте. Алешка спросил его: «Куды еси ходил ты, человече?». Тот ответил: «Аз де збираю в казну по подгорью⁵ к Николе Чудотворцу высокому⁶ на гору». Алешка сказал, что у него есть копейка, и он хочет положить ее «в казну к Николе Чудотворцу». В тот момент, когда Алешка положили копейку в киот, человек, несший образ, исчез, а образ начал расти и стал «яко муж высок и сед, облачен в ризах, а круг его свет яко летней день» [17. Д. 663. Л. 350]. Далее «тот муж», взяв из своего мешочка копейку, велел положить ее в тот же киот святому Николаю со словами: «А он де великий святитель щедр и милостив... изрядно де есть милостив, обидимым помощник и болезным целитель, помолися де ты ему, прославляя Бога и заступника своего Николу» [17. Д. 663. Л. 350]. В это время Алешка увидел во сне, что «из града» идут люди с крестами к Казанской церкви, и вдруг перед его глазами «учинилось будто дым, и муж тот не видим бысть».

Во сне Алешки все действия происходят с иконой святого Николая: в ее киот кладут копейку, образ растет и превращается в высокого и седого «мужа», который дает Алешке совет. Визионер не называет этого «мужа» святителем Николаем, между мирянином и святым есть посредник – икона. Проснувшись, Алешка стал размышлять о своем видении и «ноги ево начаша здравы бывать». Он решил, что выздоровление ему даровал «Господь по молитвам Николы Чудотворца... и обещался святому Николе Чудотворцу со звоном пети молебн» [17. Д. 663. Л. 350]. В конце доношения сообщалось, что Алешка был опрошен духовным отцом, богоявленским попом Иваном Исаковым, и во время расспроса повторил вышеизложенный рассказ.

Проводившие следствие архиепископский приказной Г. Груздев и поп Иван Исаков 23 июля 1664 г. отправились в Никольскую церковь «досматривать того стрелецкого сына Алексея как ему Господь Бог и святой Николае чудотворец даровали от недуга исцеление» [17. Д. 663. Л. 351]. В церкви они увидели, что

выздоровевший Алешка сидит перед иконой святителя Николая Чудотворца. Приказной и священник осмотрели его и увидели на левой руке «невеликие раны, да и те заживают». Они допросили «по святой евангельской непорочной заповеди» родителей Алешки – тобольского стрельца Ивашку Мартемьянова и его жену Татьяну, которые подтвердили правдивость рассказа сына [17. Д. 663. Л. 352]. По поручению Г. Груздева поп Иван Исаков еще раз осмотрел исцелившегося и подтвердил, что Алешка «руками и ногами и весь собою здрав», однако отметил, что «разумом своим он после исцеления стал быть вне ума и спрашивать нельзя ево» [17. Д. 663. Л. 352]. Через четыре месяца приказной и священник снова осмотрели Алешку. Осмотр показал, что у него остались только небольшие раны и «разумом исправился по-прежнему», что дало им основания считать это чудесным исцелением [17. Д. 663. Л. 348–348 об.].

Широкое народное почитание Николая Мирликийского было творчески осмыслено тобольским картографом, художником и писателем С.У. Ремезовым в «Истории Сибирской», созданной не позднее 1689 г. [18. С. 22–25; 19. С. 254–262]. В этом сочинении повествование о событиях похода Ермака и его дружины как бы «прошито» образом святителя Николая. Автор выстроил определенную драматургию постепенного приближения святого к участникам событий и расширения его функций. Сначала лишь фиксируется почитание святителя Николая ермаковцами, когда в день его памяти, 9 мая 1579 г., перед отправкой в Сибирь они ставят на месте своей зимовки обетную часовню в его честь [10. С. 314]. Следующее «появление» святого на страницах «Истории» происходит в один из первых драматических эпизодов сибирского похода, когда случился продолжительный и кровопролитный бой с Маметкулом «в Бабасанах на усть озера на Тоболе». Как сообщается в источнике, «з Богом казацы одолеша и протчих прогнаша и царевич беже, и по явлению святителя Николая чудотворца дерзати повеле, и поплыша вниз» [10. С. 323–324]. В данном случае С.У. Ремезов упоминает о явлении чудотворца, который повелевает продолжать поход. Вновь святитель Николай приходит на помощь ермаковцам 9 мая 1584 г., когда в тяжелой ситуации противостояния с Карачей Ермак и казаки, помолившись Богу и «святителя Николу чудотворца на помощь призва», одолевают опасного врага в Саусканской луке. Апогеем «вовлеченности» святителя в события сибирской эпопеи становится явление Николая Можайского Ермаку и пяти его соратникам во время ночной молитвы. На этот раз святой наставляет казаков на христианский образ жизни, «повелевая в чистоте житии и прилежный пост имети и всякие с братолюбием добродетели проходить» [10. С. 340–341]. Затем следует предупреждение святого о том, что если казаки не послушаются его, то он перестанет помогать, и им грозит неминуемая гибель за грехи. В итоге святитель Николай становится не только защитником и помощником, но и духовным наставником православных покорителей Сибири.

Таким образом, феномен почитания святого Николая Чудотворца в ранней истории Тобольска выразился в разнообразии практик его почитания и их «концентрированном» проявлении на относительно небольшой территории с динамичными демографическими процессами. Так, посвящение святителю придела Троицкой церкви и возведение приходской Никольской церкви около въезда в острог верхнего города должны были обеспечить сакральную защиту города. Строительство всем миром обведенной Никольской церкви в Успенском монастыре стало благодарностью за избавление от конского падежа. После уничтожения Никольских церквей во время пожаров и перестройки храмов престолы, посвященные Николаю Чудотворцу, восстанавливались, их количество оставалось в Тобольске неизменным до конца XVII в. Значительное количество икон святителя в тобольских церквях, приклады к ним и зафиксированные в документах видения свидетельствуют

о глубокой вере людей в целительную силу молитвенного обращения к Николаю Чудотворцу. По данным 1624 г., особенно почитались иконы «Никола» в монастырской Успенской церкви, «Николай Можайский» и резной «Николай Можайский в киоте с деянием» в приходской Никольской церкви, резной «Николай Можайский» в монастырской Никольской церкви и «Николай с деянием» в Троицкой церкви. Сохранившиеся документы передают широкий спектр эпитетов, которыми люди наделяли Николая Чудотворца: «великий архиерей», «Божий угодник», «святитель Христов», «отец наш», «обидимым помощник и болезным целитель», «заступник». Они отражают непреходящую надежду верующих на действенную помощь святого во всех трудных жизненных ситуациях и подчеркивают необыкновенную популярность Николая Мирликийского у жителей Тобольска. Эти явления соответствовали общерусской православной традиции.

Примечания

- ¹ В летописях указано место строительства Никольской церкви на Премском взвозе (взвоз – подъем в верхний город). В реальности церковь стояла у другого взвоза, который в XVIII в. уже называли Никольским.
- ² Успенский монастырь был построен около 1609/1610 г. [9. С. 143].
- ³ Это деисус был подобен деисусу в Вознесенской соборной церкви, также состоявшему из девяти икон и присланному из Москвы.
- ⁴ Праздник пророка Ильи – 20 июля по старому стилю.
- ⁵ Подгорье – подгорная часть Тобольска или нижний посад.
- ⁶ Речь идет о церкви во имя святого Николая Чудотворца, стоявшей на верхнем посаде. Определение «высокий» подчеркивало особенности его архитектуры.

Список источников

1. Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире. М., 2011. 600 с.
2. Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве : [материалы и исследования]. М., 2007. 256 с.
3. Святитель Николай Мирликийский в памятниках письменности и иконографии. М., 2006. 448 с.
4. Святой Николай Мирликийский в произведениях XII–XIX столетий из собрания Русского музея. СПб., 2006. 248 с.
5. Шутова Н.И. К истории почитания св. Николая Чудотворца в Камско-Вятском регионе // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 1. С. 58–64.
6. Покровский Н.Н. Новые сибирские чудеса святителя Николая Мирликийского // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 275–297.
7. Романова А.А. Почитание святых и чудотворных икон в России в конце XVI – начале XVIII в.: религиозная практика и государственная политика : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016. 507 с.
8. Есиповская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 42–128.
9. Сибирский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 138–379.
10. Ремезовская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 312–366.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1.
12. Тобольский архиерейский дом в XVII в. / сост. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. 292 с.
13. Сибирский летописец. Летопись конца XVII и начала XVIII столетий, веденая в Тобольске / пред. Е.В. Кузнецова. Тобольск, 1892.
14. Лидов А.М. «Русский бог». О почитании образа св. Николая в Древней Руси // Archeologia Abrahamica : сб. ст. М., 2009. С. 137–157.
15. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / сост. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель. Новосибирск, 2001. 440 с.
16. Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы) // Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. (Избранные труды). Новосибирск, 2002. С. 20–180.
17. РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 3.
18. Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965. 152 с.
19. История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. / гл. ред. В.В. Блажес, Е.К. Созина. М., 2012. 608 с.

References

1. Bugaevsky, A.V. (ed.) (2011) *Dobryy kormchiy. Pochitanie svyatitelya Nikolaya v khristianskom mire* [Veneration of Saint Nicholas in the Christian World]. Moscow: Skiniya.
2. Bugaevsky, A.V. (ed.) (2007) *Pochitanie svyatitelya Nikolaya Chudotvortsa i ego otrazhenie v fol'klore, pis'mennosti i iskusstve* [Veneration of St. Nicholas the Wonderworker and Its Reflection in Folklore, Writing and Art]. Moscow: M-Skanrus.
3. Klokova, G.S. & Krutova, M.S. (eds) (2006) *Svyatitel' Nikolay Mirlikiyskiy v pamyatnikakh pis'mennosti i ikonografii* [Saint Nicholas of Myra in the Monuments of Writing and Iconography]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.

4. Solov'eva, I.D. (ed.) (2006) *Svyatoy Nikolay Mirlikiyskiy v proizvedeniyakh XII–XIX stoletiy iz sobraniya Russkogo muzeya* [St. Nicholas of Myra in the works of the 12th–19th centuries from the collection of the Russian Museum]. Vol. 132. Saint Petersburg: Palace editions.
5. Shutova, N.I. (2013) K istorii pochitaniya sv. Nikolaya Chudotvortsy v Kamsko-Vyatskom regione [To the history of the veneration of St. Nicholas the Wonderworker in the Kama-Vyatka region]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 1. pp. 58–64.
6. Pokrovskiy, N.N. (1996) Novye sibirskie chudesya svyatitelya Nikolaya Mirlikiyskogo [New Siberian miracles of St. Nicholas of Myra]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Russkoe obshchestvo i literatura pozdnego feodalizma* [Russian Society and Literature of Late Feudalism]. Novosibirsk: Institute of History RAS. pp. 275–297.
7. Romanova, A.A. (2016) *Pochitanie svyatykh i chudotvornykh ikon v Rossii v kontse XVI – nachale XVIII v.: religioznaya praktika i gosudarstvennaya politika* [Veneration of saints and miraculous icons in Russia in the late 16th – early 18th centuries: religious practice and state policy]. History Dr. Diss. Saint Petersburg.
8. Okladnikov, A.P. & Rybakov, B.A. (eds) (1987) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36. Pt. 1. Moscow: Nauka. pp. 42–128.
9. Okladnikov, A.P. & Rybakov, B.A. (eds) (1987) *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36. Pt. 1. Moscow: Nauka. pp. 138–379.
10. Remezov, S.U. (1907) Remezovskaya letopis' po Mirovichevu spisku [Remezov chronicle according to the Mirovich list]. In: Maykov, L.N. & Maykov, V.V. (eds) *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. Saint Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova. pp. 312–366.
11. *Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA)*. Fund 214 (Sibirskiy prikaz [Siberian order]). List 1. (In Russian).
12. Pokrovskiy, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (eds) (1994) *Tobol'skiy arkhieyskiy dom v XVII v.* [Tobolsk Bishop's House in the 17th century]. Novosibirsk: Nauch.-izd. tsentr "Sib. Khronograf".
13. Kuznetsov, E.V. (ed.) (1892) *Sibirskiy letopisets. Letopis' kontsa XVII i nachala XVIII stoletiy, vedenaya v Tobol'ske* [Siberian Chronicler. Chronicle of the late 17th and early 18th centuries, kept in Tobolsk]. Tobol'sk: Tip. Gubernskogo Pravleniya.
14. Lidov, A.M. (2009) "Russkiy bog". O pochitanii obraza sv. Nikolaya v Drevney Rusi ["Russian god". On the veneration of the image of St. Nicholas in Ancient Rus']. In: Beliaev, L.A. (ed.) *Archeologia Abrahamica*. Moscow: Indrik. pp. 137–157.
15. Romodanovskaya, E.K. & Zhuravel', O.D. (eds) (2001) *Literaturnye pamyatniki Tobol'skogo arkhieyskogo doma XVII veka* [Literary Monuments of the Tobolsk Bishops' House of the 17th century]. Novosibirsk: Nauch.-izd. tsentr "Sib. Khronograf".
16. Romodanovskaya, E.K. (2002) Russkaya literatura v Sibiri pervoy poloviny XVII v. (Istoki russkoy sibirskoy literatury) [Russian literature in Siberia in the first half of the 17th century (The origins of Russian Siberian literature)]. In: Romodanovskaya, E.K. *Sibir' i literatura. XVII vek. (Izbrannye trudy)* [Siberia and Literature. 17th Century. (Selected works)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 20–180.
17. *Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA)*. Fund 214 (Sibirskiy prikaz [Siberian prikaz]). List 3.
18. Dergacheva-Skop, E.I. (1965) *Iz istorii literatury Urala i Sibiri XVII v.* [From the History of Literature of the Urals and Siberia of the 17th Century]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
19. Blazhes, V.V. & Sozina, E.K. (eds) (2012) *Istoriya literatury Urala. Konets XIV – XVIII v.* [History of Literature of the Urals. Late 14th – 18th centuries]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Информация об авторе:

Манькова И.Л. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: ilman.08@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.L. Mankova, Cand. Sci. (History), leading researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). Email: ilman.08@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.01.2020;
одобрена после рецензирования 10.03.2020; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 30.01.2020;
approved after reviewing 10.03.2020; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 94(3)(092)
doi: 10.17223/15617793/489/12

М.М. Хвостов: в поисках нового образа исторической науки

Михаил Васильевич Новиков¹, Татьяна Борисовна Перфилова²

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, m.novikov@yspu.org
²byzenka@yandex.ru

Аннотация. Анализируется культура науковорчества М.М. Хвостова, его вклад в создание нового для рубежа XIX–XX вв. образа объяснительной – социологической – истории, интегрирующей эпистемологию генерализирующей социологии и индивидуализирующей истории при изучении причин изменений целостной социальной реальности у всех народов Древнего мира. Представлен философско-исторический аспект концепции социологической истории, ее достоинства и уязвимость.

Ключевые слова: теория истории, позитивизм, неокантианство, социологическая история, общество, развитие, «приблизительные обобщения», каузальные «силы», детерминизм

Для цитирования: Новиков М.В., Перфилова Т.Б. М.М. Хвостов: в поисках нового образа исторической науки // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 121–134. doi: 10.17223/15617793/489/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/12

Mikhail Khvostov: In search of a new image of historical science

Mikhail V. Novikov¹, Tatiana B. Perfilova²

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation
¹m.novikov@yspu.org
²byzenka@yandex.ru

Abstract. In 2022, the 150th anniversary of the birth of the famous Russian historian, professor of the Imperial Kazan University Mikhail Mikhailovich Khvostov was celebrated. His life was tragically cut short in Tomsk, where the scientist came to live during the Civil War. His premature death did not allow him to complete the comprehension of ideas about a new “type” of history, in which the traditional philosophical foundations of historiography were revised and adjustments were made in the strategy of achieving scientific truth by historians. The article analyzes the culture of Khvostov’s science-making, his contribution to the creation of a new (for the turn of the 20th century) image of explanatory – sociological – history that integrates the epistemology of generalizing sociology and individualizes history in the study of the causes of changes in the integral social reality. The focus is on the philosophical and historical aspect of Khvostov’s concept of sociological history, the main approaches to verifying its disciplinary status: the subject of research, theoretical and methodological foundations, principles of cognition and the achievement of objective truth, place in the system of socio-humanitarian knowledge. The theory of the “forces” (factors) of the unfolding of the historical process among the peoples of the ancient world – the core of the concept of sociological history, reflecting the ideas of determinism and causality of social evolution, – is described in the most detail. The scientist claimed the equivalence of all factors of historical development: natural, demographic, socio-economic, socio-political, socio-psychological. However, he dedicated his research mainly to the analysis of “economic life” and, mainly, to changes in the ways of exchanging material values, thereby sharing the stadial theories of economic transformation processes developed in German political economy. In addition, unlike the supporters of Marxism, Khvostov considered economics to be a “psychological phenomenon”. Despite a number of erroneous conclusions from a modern point of view, the factor theory became an important tool for him in understanding the fundamental causes of continuous historical changes among the peoples of the ancient world. It proved the interdependence of all social conditions, conveyed the idea of the predetermined route of the historical development of ancient civilizations. Along with the novelty of Khvostov’s sociological discourse, the article reveals the vulnerability of a number of provisions of his conception. He relied more than his contemporaries on the basic philosophical and methodological postulates of positivism and at the same time “renewed” positive nomothetic knowledge with neo-Kantian ideas and a psychological approach to the study of historical processes among the peoples of the ancient world.

Keywords: theory of history, positivism, neo-Kantianism, sociological history, society, development, “approximate generalizations”, causal “forces”, determinism

For citation: Novikov, M.V. & Perfilova, T.B. (2023) Mikhail Khvostov: In search of a new image of historical science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 121–134. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/12

В 2022 г. исполнилось 150 лет Михаилу Михайловичу Хвостову, известному российскому историку с трагической судьбой. Выпускник Керченской гимназии, один из лучших студентов Императорского Московского университета, он мог остаться преподавать в альма-матер, но выбрал в качестве места своей работы Императорский Казанский университет, где были созданы все условия для творческого роста молодого ученого, включая неоднократные длительные командировки в ведущие зарубежные научные центры и университеты. Работая в Казани, М.М. Хвостов получил международное признание как автор оригинальных исследований по истории античности, здесь он подготовил магистерскую и докторскую диссертации, получил звание профессора.

Осенью 1918 г. в связи с событиями Гражданской войны М.М. Хвостов оказался в Томске. После Февральской революции в Томском университете открылся историко-филологический факультет, на кафедре всеобщей истории которого М.М. Хвостову предстояло проработать около полутора лет. Жизнь вне привычной среды Казанского университета положила конец его размышлениям о сущности «новой» исторической теории и специфике «нового» исторического познания. Тем не менее М.М. Хвостов не прекратил своих исследований, найдя в обществоведческом дискурсе наиболее созвучную переживаемым событиям нишу. События 1917 г. заставили его обратиться к истории рабочего движения в Западной Европе [2. С. 101], к осмыслению значения «русской революции 1917–1918 годов», свидетелем которой он являлся [3. С. 153]. Пробудился его интерес и к истории Франции, благо, что в Строгановской библиотеке Томска он обнаружил важные для своих исследований материалы [2. С. 93]. Вместе с другими профессорами и преподавателями историко-филологического факультета М.М. Хвостов принял участие в организации при университете Общества этнографии, истории и археологии, которое стало первым сибирским профессиональным объединением историков, филологов, философов и культурологов [1. С. 112].

Установление в начале 1920 г. на территории Сибири советской власти негативно отразилось на общем состоянии дел в исторической науке. В Томском и в Иркутском университетах были закрыты юридические и историко-филологические факультеты [1. С. 115]. Большинство историков, лишенных средств существования, были вынуждены покинуть сибирские города. Они пытались вернуться в учебные учреждения европейской России несмотря на то, что те находились в полупарализованном войной состоянии. М.М. Хвостов не дождался этих дней. Он умер в Томске от сыпного тифа в феврале 1920 г. Правление Томского университета в ознаменование уважения к памяти «одного из величайших историков России» приняло решение поместить портрет М.М. Хвостова в кабинете историко-филологического факультета [3. С. 153].

Эти и другие аспекты жизни и творчества М.М. Хвостова уже получили освещение в наших исследованиях [4–6]. В данной статье в обобщенном виде представлен анализ творческих поисков М.М. Хвостова, его попыток создания нового образа исторической науки.

Исследовательская деятельность М.М. Хвостова пришлось на переломную эпоху, когда глобальная научная революция рубежа XIX–XX вв. изменила научную картину мира, подготовив коренные преобразования в истории как неотъемлемой части общенаучного знания.

Хотя изменения в историографии происходили не так стремительно, как в точных и естественных науках, потребность в обновлении теоретико-методологических основ «положительного» обществознания постепенно овладевала сознанием молодого поколения «всеобщих» историков, к числу которых принадлежал и М.М. Хвостов. Им, готовым бросить вызов мировоззренческим принципам и нормам мышления классического рационализма, было важно заявить о необходимости пересмотра философских оснований историографии и внесения коррективов в стратегии достижения историками научной истины.

Представляя себя глашатаями «реальной» исторической науки, сторонники «критического» позитивизма, в том числе и М.М. Хвостов, решительно отказывались от устаревшего интеллектуального багажа: «мертвой схоластики», «метафизических спекуляций», «догматов веры» философских систем XIX в. [7. С. 1–2; 8. С. 73, 78–84, 104]; они констатировали крах и метафизических, и материалистических априорно-догматических концепций, унифицирующих исторический процесс, признавали важность усовершенствования самого слабого звена позитивизма – исторической гносеологии [9. С. 791–795].

Начавшиеся в 90-е гг. XIX в. упорные поиски нового образа истории и новых идеалов научности продолжились и в первые десятилетия XX столетия, в условиях революционных потрясений и Гражданской войны в России. Это придало историографическому процессу и методологическим дискуссиям еще более сложный, напряженный и противоречивый характер, отражавший, помимо эпистемологических, комплекс нараставших онтологических, мировоззренческих, аксиологических проблем переломного – кризисного – состояния отечественной исторической науки.

Противоречиями отмечено и научное наследие М.М. Хвостова, новый образ истории которого складывался на основе взаимодействия дисциплинарных норм истории и социологии. Работая вдали от столичных оплотов науки, он больше многих своих современников был проникнут духом позитивизма: отстаивал базовые философские и методологические постулаты этого наукоучения, отвергал неокантианские попытки слома позитивистского теоретико-познавательного

стандарта. В то же время, активно участвуя в полемике с представителями субъективистских версий исторического познания, он «подновлял» положительное номотетическое знание неокантианскими идеями и психологическим подходом к изучению исторических процессов у древневосточных и античных народов.

Концепция социологической истории, которая для нас представляет первостепенный интерес, тоже впитала в себя весьма неоднозначные идеи и подходы к анализу исторического развития народов древности и, более того, из-за безвременной кончины профессора оказалась незавершенной. Сохранившиеся в логически отрефлексированном виде несколько тезисов по сути составляют изложение основополагающих идей этой концепции – тот итог его интеллектуальных исканий, который на пороге новой исторической эпохи в России он смог предложить потомкам.

Вполне осознавая, что ценность отдельных высказываний о предназначении социологической истории и ее теоретико-методологических основаниях может снижаться незавершенностью их совокупности и несогласованностью в системе, мы все же сочли возможным передать рассуждения М.М. Хвостова об этом новом, по его представлениям, «типе» истории, сопроводив краткие выводы ученого своими комментариями. Кроме того, мы учли содержащиеся в научном и научно-методическом багаже ученого упоминания о социологической истории, принципах и подходах к разработке ее научно-теоретической стратегии и исследовательской модели. Социологические трактовки историко-культурных процессов народов древности также принимались во внимание.

Чтобы избежать двусмысленности, недоверия или обвинений в субъективизме, сначала приведем рассуждения М.М. Хвостова о социологической истории целиком, в том виде, в каком они оказались зафиксированными в его главной теоретической работе, статье «К вопросу о задачах истории».

«Нельзя думать, – утверждал профессор, – что социологическая история исключает изучение отдельных фактов и стремится к познанию только общего в истории человеческих обществ. Напротив, возможно более детальное изучение отдельных фактов является тем фундаментом, на котором зиждется социологическая история.

Во-вторых, нельзя думать, что социологическая история занимается изучением общественных масс, а не личностей. И то и другое является предметом исследования социологической истории сообразно степени их “действенности”» [9. С. 824].

Важные резюмирующие высказывания о социологической истории сделаны М.М. Хвостовым и в ходе рассуждений о «пределах исторического познания в области причинного объяснения» фактов [9. С. 815], в контексте обоснования логической необходимости использования в истории такого общего понятия, «образованного на естественнонаучный лад», как «факторы общественной эволюции» [9. С. 818–819].

Он сообщал: «Так как изучение факторов общественной эволюции является главным образом задачей

социологии, то тот тип истории, который мы здесь пытались охарактеризовать, можно назвать *социологической историей*. Социологическая история стремится истолковать отдельные исторические события, сводя их путем анализа к проявлению действий общих факторов. Социологическая история не только не исключает истории реферирующей и прагматической, но, напротив, немыслима без их существования: прежде чем переходить к выяснению роли общих факторов, необходимо точно восстановить исторические факты и указать связь *отдельных* фактов с предшествующими, то есть выполнить задачу реферирующей и прагматической истории» [9. С. 821] (Курсив М.М. Хвостова).

Из других многочисленных, но не систематизированных высказываний ученого следует, что социологическая история вбирает в себя все проявления социального: историю социальных структур, процессов и явлений, все стороны и проявления общественной жизни: социально-экономические, социально-политические, социально-психологические отношения, явления «чистой» – духовной – культуры [9. С. 803; 10. С. 30, 34; 11. С. 8–13], т.е. всю историю общества. Избавившись от естественно-научного механицизма, социологическая история включает в свое проблемное поле не только истолкование процесса социальной эволюции, но и анализ результатов деятельности исторических личностей [9. С. 820, 824]. Следовательно, социологическая история свободна от односторонних подходов к оценке исторического процесса, наподобие «философско-исторических построений Гегеля» или «марксистской концепции исторического процесса» [9. С. 792–793]. Признавая одинаковую значимость материального и духовного в жизни общества, равноценную необходимость изучения «общественных масс» и «отдельных личностей» [9. С. 820, 824], эта «синтетическая» по своей природе наука способна дать целостную «картину» социальной реальности [10. С. 12, 20; 12. С. 20, 124] и, кроме того, объяснить причины и специфику разворачивания исторического процесса, исходя из изучения глубинных внутренних макропроцессов развития цивилизаций [9. С. 813, 824; 10. С. 21, 202; 13. С. 23, 25, 30, 83].

Социологическая история, отстаивая непрерывную каузальность и детерминированность как «истории состояний», так и «истории событий» [9. С. 810–811, 815–816, 819; 13. С. 21–23], базируется на соединении исторических и социологических принципов познания прошлого. Будучи разновидностью «наук конкретных, индивидуализирующих, или идиографических» [9. С. 803, прим. 3; 13. С. 11, 23], она познает «конкретную действительность в ее многообразии», стремясь к «возможно более детальному изучению отдельных фактов», «восстановлению деталей исторического развития» [9. С. 801, 813, 824; 13. С. 11]. Вместе с тем, поставив задачу «истолковать» исторические события и весь ход истории при помощи «проявления действия общих факторов», социологическая история вторгается в предметное поле социологии, которая, будучи «научной абстрактной, генерализирующей, или номо-

тетической» [9. С. 803, прим. 3; 13. С. 11], «должна давать систему факторов исторической эволюции и теории их действия» [9. С. 819, прим. 2, 821].

Таким образом, социологическая история подчеркнуто обозначает разрыв со старым направлением истории, которое весь процесс развития человечества пыталось подвести под один какой-либо господствующий принцип или начало, так как она задействует в своих объяснениях и «истории состояний», и «истории событий» весь известный науке арсенал «сил физических и химических, биологических и психологических» [9. С. 820]. Причем при изучении «мало поддающегося анализу элемента личного и случайного» она стремится обращать внимание на «индивидуальное сцепление... элементарных сил» и на возможность «скрещения причин рядов, которые создают исторические факты» [9. С. 820].

«Силы», следовательно, составляют истинные, реальные, а не мистические, иррациональные, как считали прежде, причины «общественных явлений» и поступков исторических деятелей.

Знание этих движущих общественное развитие «сил» и выяснение их взаимообусловленности и превращает социологическую историю в разновидность «истории объяснительной» [10. С. 21].

Социологическая история может заимствовать в своей практике опыт зародившейся еще в античности «прагматической истории», которая также объясняла исторический процесс причинно-следственными взаимоотношениями фактов. Но если прагматическую историю интересовал только отдельный предшествующий факт, который породил последующее событие [9. С. 815, прим. 5, 821; 10. С. 21], то социологической истории важно понять всю совокупность «сил», приводящих в движение маховик исторического процесса и осуществляющих дальнейшее управление развитием общества. Получив в социологии название «факторов общественной эволюции» [9. С. 821–822] (а на языке истории – «причин истолкования фактов/событий» [13. С. 32–38] при помощи «общих социологических положений» [10. С. 21]), «двигающие силы» исторических процессов и явлений оказались в фокусе внимания прежде всего «абстрактных, или теоретических, наук об обществе» [9. С. 820] и, главным образом, социологии. Здесь они были разделены на ряд групп: географические, демографические, коммуникативные («влияние соседей»), социально-психологические («потребности индивидов, составляющих общество»; «уровень знаний в обществе, степень сознательного воздействия общества на свою структуру»), социально-экономические («деятельность индивидов, направленная к удовлетворению их потребностей») и социально-политические («формы общественной организации») [10. С. 21; 13. С. 42–84].

Руководствуясь новыми познавательными потребностями науки, адепты социологической истории должны перенести акцент в своих исследованиях с анализа сугубо личностного начала в истории на выяснение значения «общественных масс» в историческом

процессе. Это значительно расширит предмет исследования. Отныне не столько политическая история и государственно-правовые институты власти, сколько динамично развивавшиеся общественные системы, сложные и противоречивые общественные явления вместе с глубинными основаниями социальной эволюции определяют эвристический интерес ученых [9. С. 792].

Следовательно, социологическая история, отказываясь от перекоса в сторону политической (событийной) истории, сосредоточивает свои усилия на многогранном процессе исторических трансформаций, заявляя о важности изучения истории всех народов, в том числе и народов древности, с «общей исторической точки зрения» [10. С. 30–31, 34].

Систематическое постижение и глубокое проникновение в суть исторического развития многих народов Древнего мира дают возможность осуществить их историко-культурную типологизацию, зафиксировать характерные, аналогичные и повторяющиеся черты в социально-экономической, политико-правовой, культурно-идеологической сферах жизни [10. С. 47; 11. С. 5–16], найти подходы к определению достигнутого «уровня (или степени) культуры» [10. С. 5, 31]. Все это представляет особую значимость для социологической истории.

Интеграцию истории и социологии в объяснительную модель социологической истории обеспечивает методологический монизм: социологическая история не противопоставляет «науки о природе» «наукам о культуре» ни с точки зрения «логического различия», ни с позиций научного метода [9. С. 811, прим. 1]. Тот факт, что «общественные явления» относятся к «явлениям духа» [9. С. 803], не исключает применения общенаучных методов в историко-социологическом познании. Следовательно, «психический характер исторического материала» [9. С. 816–817] не может служить препятствием для соединения обобщающих (генерализирующих) познавательных процедур с «индивидуализирующим методом», который позволяет «воспроизводить индивидуальные явления в конкретной действительности» [13. С. 10–11].

Потенциал социологической истории неисчерпаем, так как она не ограничивает возможности синтеза двух логически противоположных методов исследования: конкретных и абстрактных. Социологическая история конкретизирует, акцентирует детали, «когда изучает частности», и, наоборот, типизирует, абстрагируется от частных, когда «ищет общее в общественных явлениях» [9. С. 813, 824; 13. С. 11].

Наличие у истории и социологии общих задач, направленных на осмысление сущности общественной эволюции, причинности и законосообразности в истории, возникновения и развития социальных структур и институтов, роли личности в историческом процессе [13. С. 4], обеспечивает размыкание предметных полей этих двух социогуманитарных дисциплин и подготавливает их взаимовыгодный и неизбежный синтез.

На наш взгляд, именно такой – в окончательном, систематизированном виде – могла бы быть концепция социологической истории казанского ученого.

Зная о том, что подходы к ее созданию он начал вынашивать сразу после окончания Императорского Московского университета, а завершил публикационную активность во втором десятилетии XX в., мы можем заключить, что поиски образа социологической истории заняли весь период наукотворчества ученого. Оттого-то рассыпанные во всех публикациях мысли М.М. Хвостова, его рассуждения, заявления, наиздания, резюмирующие высказывания о социологической истории, социологическом подходе к постижению исторической эволюции народов Древнего мира и аналоге этого подхода – общеисторической точке зрения [10. С. 33], а также факторной теории изобилуют противоречиями, которые являются свидетельствами становления и развития исторического и методологического сознания казанского ученого. Противоречия могут быть выявлены на философско-историческом, научно-теоретическом, логико-методологическом уровнях.

Философско-исторические противоречия, рассмотренные ниже, со всей очевидностью позволяют понять причины, мешавшие М.М. Хвостову завершить разработку модели социологической истории, которая в годы его жизни считалась выражением «системного постижения античности», глубокого проникновения «в суть общего исторического развития» [14. С. 312].

В научном аппарате социологической истории центральное место занимает категория «общество».

М.М. Хвостов рассматривал общество как «совокупность индивидов, находящихся в более или менее устойчивом взаимодействии» [13. С. 12]. Данное определение общества содержало рецепции «естественного» мировоззрения и методологии механикоматематического естествознания, повлиявшие на появление в позитивистской социологии представления об обществе как о малой системе с небольшим количеством элементов, которые подчинялись законам статики и динамики. Как некий устойчивый объект, общество воспринималось управляемым механизмом [15. С. 55].

Такое упрощенное восприятие общества уже не соответствовало наполненной тревожными ожиданиями и социальными катастрофами эпохе революционных преобразований в России, поэтому многие современники М.М. Хвостова вплотную подошли к пониманию общества как сложной саморегулировавшейся системы с непредсказуемым взаимодействием элементов [16. С. 25, 31].

Подобного отношения к обществу в наукотворчестве М.М. Хвостова мы не замечали, хотя он и признал тот факт, что социальная реальность отличается от природной реальности большей степенью свободы и неопределенности [9. С. 820], и повинна в этом человеческая психика.

Профессор был сторонником психологизации социальных процессов. Психологическая интерпретация форм и проявлений общественной жизни, несомненно, была шагом вперед по сравнению с биологическим редукционизмом, которым «грешили» трактовки общества основоположников социологии. Однако отношение М.М. Хвостова к «органической теории общества»

Г. Спенсера, положенной знаменитым английским социологом в основу своей модели социальной эволюции, не было однозначным. С одной стороны, профессору претило искусственно упрощенное восприятие общества, характерное для биологических детерминистов, которые уподобляли социумы живым организмам [13. С. 15–17]. С другой стороны, он сам использовал натуралистические идеи для осмысления системно-структурных отношений и функциональных связей в различных типах древних обществ: признавал универсальность биологического закона борьбы за существование [13. С. 71], применял к культурным и социальным формам важное положение теории биологической эволюции о саморазвитии живой природы [13. С. 18–19], излагал процесс общественного развития по спенсеровскому образцу интеграции и дифференциации частей организма [13. С. 19, 76]. В этих случаях изменения любой сложной развивающейся системы уподоблялись биологическим прототипам. Примеры из «мертвой природы» (геологии, географии) и биологии выполняли роль объяснительной модели при анализе М.М. Хвостовым причин изменений «истории состояний» [13. С. 24], однозначно указывая на реликты естественно-научного мышления в его историческом сознании, которые заявляли о себе и при осмыслении ученым теории общественной эволюции.

Скептически относясь к телеологизму философско-исторических теорий и исключая любую возможность вмешательства метафизических сил на процесс развития и природы, и общества, М.М. Хвостов отстаивал идею непреднамеренного характера социального развития, естественного органического поступательного движения общества [12. С. 72–73, 77, 155]. Так, ученый подчеркивал свою принадлежность к сторонникам эволюционизма, выражал важность служения идеалам «позитивной» науки.

Однако, вопреки демонстрации этой естественно-научной методологической установки, он не прочь был заявить о своей причастности к модному на рубеже XIX–XX вв. социально-психологическому направлению обществознания, представители которого искали объяснение причин общественного развития в процессах психического характера. Учитывая эту познавательную позицию, М.М. Хвостов был склонен считать важным фактором исторической эволюции потребности людей [10. С. 21; 13. С. 69–84], которые управляют и сознанием индивида, и организуют пространство общественного взаимодействия [13. С. 19–20, 83]. С осознанием психической природы всех общественных явлений [13. С. 12] ему лучше стала удаваться акцентуация уникальности социальной организации, обоснование ее коренного отличия от биологического организма. Он стал смелее рассуждать о влиянии на «общий ход» истории волевой, идейной, эмоциональной сторон психики человека, т.е. допускать возможность нарушения континуального характера социальной эволюции сознательными, целенаправленными действиями людей [13. С. 77–83].

Таким образом, теория общественной (исторической) эволюции в изложении М.М. Хвостова представляла собой соединение двух оппозиционных друг

другу трактовок исторического процесса: когда он мыслился самопроизвольным изменением внеиндивидуальных и надындивидуальных «состояний» и когда он рассматривался с позиции психологически детерминированных форм социального поведения людей. Чтобы подчеркнуть сложный, изменчивый и противоречивый характер историко-социального развития, возможность преломления поступательной траектории движением вспять в виде периодов упадка, застоя, регресса, профессор во всех лекционных курсах склонялся ко второй трактовке сценария общественной эволюции [10. С. 76, 85; 11. С. 273; 12. С. 5–6; 13. С. 57]. Но когда эта же трактовка имплицировала идею непредсказуемости исторического процесса, нивелировала ценность детерминистского подхода, М.М. Хвостов старался не замечать психологического плана истории и ограничивался только анализом «истории состояний», хотя самопроизвольный характер появления «новообразований» в жизни древних обществ не предполагал использования каких-либо рациональных познавательных процедур.

М.М. Хвостов осуществлял аналитические операции изучения общественных процессов в рамках позитивистской исследовательской программы, которая еще во второй половине XIX в. считала важной целью научной эмпирии поиск исторических закономерностей.

Позитивистскую уверенность в существовании «исторических закономерностей» ученый разделял в начале своего наукотворчества, оговариваясь при этом, что его как историка-социолога привлекает изучение законов общественного развития, открытие которых возможно только при осмыслении экономической эволюции древних обществ [17. С. 281].

Позже, под влиянием неокантианства и критического направления в историографии, он продолжал отстаивать только непреодолимость, неизменность и вечность законов, регулировавших порядок в мире природы. Им должен был подчиняться человек как биологический тип, включенный в общую систему природы [13. С. 71, 83].

Наличие социальных законов, соразмерных по своей значимости с законами развития живой природы, которые выступали бы в роли исторической необходимости, М.М. Хвостов отрицал [13. С. 40–41].

В то же время он не исключал наличия-постоянства в истории, которое обеспечивали два условия: прежде всего, одинаковость человеческой природы (сходство в физической организации людей, сходство душевной жизни) [9. С. 817; 13. С. 33, 38] и повторяющиеся на новых витках циклического развития европейских народов аналогичные исторические периоды. Постоянство заставляло верить в более или менее устойчивые связи, которые присутствуют во всех явлениях и процессах, поэтому даже при отсутствии «общеобязательных безусловных законов в истории человечества» он верил в существование «переходных форм причинного истолкования фактов, менее общих, чем законы природы, но в то же время более общих, чем причинная связь между единичными фактами» [9. С. 816].

Отказавшись искать универсальные закономерности в развитии древних обществ, М.М. Хвостов ограничил номологические операции производством «приблизительных обобщений» [13. С. 40–41], в которых фиксировались повторяющиеся, по его мнению, «элементы» исторических процессов, прочные связи внутри социальных явлений и между ними, т.е. любые единообразия. Поиски «единообразий» в событиях, явлениях, процессах, взятых в истории разных народов, были рецепцией сформулированного Дж.С. Миллем «принципа единообразия природы» [13. С. 29, 31]. При заимствовании этой идеи М.М. Хвостов не обращал внимания на то, что заключение английского теоретика позитивизма относилось к природным явлениям, подчинявшимся законам механики. Казанскому ученому важно было при констатации «какого-либо единообразия» получить возможность осуществлять генерализирующие процедуры, исключавшиеся при истолковании единичных фактов и уникальных явлений [9. С. 816; 13. С. 30]. Поэтому ему так важно было постоянно подвергать эмпирический материал сравнениям, сопоставлениям, использовать исторические аналогии. В ходе синхронных и диахронных историко-сравнительных операций он стремился обнаружить общие направления или тенденции развития народов Древнего мира, единые типы культур, повторения «отдельных сторон» в эволюции древневосточных и античной цивилизаций. Это и были «приблизительные обобщения», которые заменили в его научном тезаурусе понятие «исторические законы», потерявшее в начале XX в. свою научную значимость.

Обнаружение типичного, массового, повторяющегося было важно и при реализации социологического подхода к истории, который делал востребованными в научном дискурсе такие логические операции, как обоснование исторической детерминированности и установление каузальных связей в процессе общественного развития.

Однако увлечение М.М. Хвостова номотетическими исследовательскими приемами неминуемо ослабляло позиции событийной истории по отношению «к истории состояний», как и индивидуализирующей истории по отношению к генерализирующей социологии [13. С. 11]. Следовательно, профессору необходимо было внести ясность в «представление об историческом процессе», разобраться в соотношении «общих состояний» и «единичных фактов» [13. С. 23, 30], их взаимодействии, предопределявшем направленность, темпы, результаты изменений в создававшемся им как субъекте познания образе исторической реальности.

Из рассуждений профессора следовало, что базовым элементом индивидуализирующей истории являются события, а «длительные состояния», или «общие перемены», относятся к конструкциям ума ученого [13. С. 22], с социологической точки зрения «восстанавливавшего» процесс развития народов древности [10. С. 23, 82]. Однако ему, историку «состояний», приписавшему значение даже эпохальных событий [10. С. 142, 150, 214, 227, 236] и не верившему в предназначение личности творить историю [13. С. 78–82], было

трудно разделить события по степени их значимости, поэтому понятия «событие», «случай», «момент», «катастрофа» наделялись им единым смыслом, считались однопорядковыми и взаимозаменяемыми. Он даже не пытался внести ясность в семантику этих слов, так как, заявляя о том, что общественная эволюция состоит из «отдельных моментов, отдельных событий», «бесконечной цепи случайностей», «катастрофического элемента» [13. С. 27–29], мог разрушить им же сформулированное положение об эволюции как о «постепенном изменении чего-либо во времени» [13. С. 18].

Вместе с тем очевидно, что замена идеи континуальности на противоположную идею дискретности, а значит, и скачкообразности исторического процесса, означала признание прерывности в развертывании общественной эволюции, которая ранее представлялась М.М. Хвостовым в виде плавных, пластичных, органических исторических преобразований [13. С. 39]. Кроме того, идея дискретности указывала на непредсказуемый и вероятностный характер общественного развития, с чем он был категорически не согласен.

Одной из главных причин, порождавших двойственные представления М.М. Хвостова о способах протекания исторического процесса, являлось его непоследовательное отношение к стержневым понятиям социологической истории: «общество» (как уж отмечалось) и «развитие».

Он отчетливо осознавал, что общество – это особый мир социальной реальности [13. С. 12–18, 25], и в то же время утверждал, что общество является частью общей системы природы [13. С. 12, 83]. Как часть подчиняется целому, так и человеческое общество, будучи частью живой природы, не может не испытывать на себе действия механико-математических законов (например, закона инерции [13. С. 83]) и быть свободным от законов биологического детерминизма, соответствовавших «строго эволюционной точке зрения» [13. С. 24].

Подобно социал-дарвинистам, применявшим «естественные законы» ко всем живым организмам, М.М. Хвостов распространил эволюционную теорию развития биологических видов на познание процесса исторического развития народов Древнего мира, эклектично соединяя при этом два подхода, существовавших в биологии, к трактовке модели изменений органического мира: эволюционный подход Ч. Дарвина и скачкообразный – Ж. Кювье [13. С. 24–25].

У дарвинистов основополагающую роль играла идея саморазвития природы, предполагавшая непрерывный однонаправленный поступательный процесс кумулятивных изменений живых организмов.

Подобный способ незаметных, «нечувствительных» перемен, происходивших во всех сферах жизни как природных, так и «социальных организмов», отстаивал и Г. Спенсер [13. С. 15–17] – горячий защитник эволюционной биологии и создатель «органического» направления в социологии [18. С. 47–49, 216–217], многие положения теории которого (о постепенных поступательных прогрессивных изменениях «сложных систем», о непреодолимости в мире людей универсальных законов природы) разделял и М.М. Хвостов.

Профессор знал, что в борьбе со сторонниками теории катастроф Ж. Кювье дарвинисты элиминировали все намеки на скачкообразность изменений органического мира и все настойчивее стали подчеркивать, говоря словами самого М.М. Хвостова, «строго непрерывный», «строго последовательный» характер эволюционного процесса [13. С. 24].

Отрицая дискретность процесса развития живой природы и любые «революционные» преобразования в ходе эволюции, дарвинисты резко противопоставили свои убеждения идеям катастрофизма сторонников Ж. Кювье.

Но, словно не замечая этой борьбы идей, М.М. Хвостов считал целесообразным соединить оба названных подхода в биологии, поэтому его модель эволюции человечества, которая состояла из чередования «истории состояний» и «истории событий» [13. С. 28], содержала интеграцию непреднамеренных плавных «естественных» изменений со скачкообразными, «катастрофическими» преобразованиями, с определенной периодичностью происходившими и в царстве природы, и в социальной реальности. Степень «катастрофичности» могла усиливаться еще и потому, что профессор признавал важную роль психики человека в процессе общественных преобразований [13. С. 12–13, 19–20].

Вместе с тем надо признать, что лексему «катастрофа» М.М. Хвостов не наделял такими смысловыми значениями, как внезапное, непредвиденное, разрушительное, агрессивное действие, непременно влекущее за собой коренные изменения предшествующих состояний, а то и гибель всего живого. Поэтому даже использование в лекционных курсах таких понятий, как «революция» [10. С. 205, 214, 226–227], «социальные перевороты» [10. С. 36], ожесточенная «классовая борьба» [11. С. 158; 19. С. 412, 417], которые в нашем сознании ассоциируются с катастрофами, смертельной опасностью для социально-политических систем, в изложении казанского ученого не оборачивались для древних «культур» ни коренными преобразованиями их общественного устройства, ни сломом старых государственно-политических порядков и не превращались в узловые, поворотные моменты истории народов Древнего мира.

Более того, «случай» не представлял собой «нарушения причинности», являясь «результатом перекрещивания двух или нескольких причинных рядов» [9. С. 822; 13. С. 23].

В выбранной М.М. Хвостовым методологической парадигме детерминизма случай был предсказуем, причинно обусловлен, заранее предопределен. Любая катастрофа – даже самая «действенная», имевшая максимальные последствия [9. С. 815], в его трактовке была внутренне обусловленным событием, следствием фокусирования в одном пучке подспудно вызревавших взаимосвязанных и взаимозависимых экономических, социальных, политико-правовых, культурно-идеологических процессов [10. С. 23, 36, 82; 11. С. 5; 12. С. 1–6].

Значит, события любого масштаба подготавливались исподволь, имели своими истоками изменения «истории состояний» и не относились к «скачкам»,

«взрывам», «резким изменениям» [13. С. 25], способным, помимо сбой эволюционного ритма, разорвать саму непрерывную «цепь» поступательного развития и оказать на исторический процесс решающее воздействие [13. С. 29]. В противном случае история могла бы превратиться в набор случайностей, не доступных социологическому анализу, или в хаос не поддающихся разумному объяснению фактов, действий «масс» и поступков «героев». Этого М.М. Хвостов – сторонник объяснительной социологической истории – допустить не мог.

Не сумев раскрыть всех нюансов проблемы соотношения «истории состояний» и «истории событий» (а также взаимодействия в ходе общественной эволюции статики и динамики, порядка и его нарушения), исследователь сделал попытку понять причины изменений устойчивых социально-политических систем. Не исключая полностью влияния событий на темпы и направленность вектора дальнейшего историко-культурного развития того или иного народа [13. С. 27–28], М.М. Хвостов с упорством первопроходца стал выявлять и осмысливать совокупность объективных факторов, детерминировавших общественную эволюцию [13. С. 30–31].

В качестве образца теоретических рассуждений о базовых понятиях исторической науки: причина и следствие – он использовал «Систему логики» Дж.С. Милля – фундамент социологической трактовки логических приемов проведения причинно-следственного анализа.

Придя к уверенности в том, что безусловные, общеобязательные, неизбежные причинно-следственные связи можно установить только между повторяющимися фактами (явлениями), М.М. Хвостов приступил к выявлению «привычного его уму» «некоторого общего элемента» в индивидуализирующей истории [9. С. 816] и, обнаружив интересовавшие его «единообразия», стал подводить их под проявления каузальных связей, или движущих «сил» (факторов) исторического развития [9. С. 794, 821].

Причинно-следственные связи в истории являлись экспликацией «каузальных законов» в естествознании и превратились в яркое воплощение идей детерминизма к осмыслению М.М. Хвостовым исторического процесса, его генезиса, тенденций и итогов развития.

Факторный подход как аналог исторической причинности должен был учитывать прежде всего роль надперсональных «сил», участвовавших как в сохранении устойчивости социально-политических систем, так и в их выведении из состояния равновесия. Физические, химические, биологические, психологические «силы», участвовавшие в развитии древних обществ [9. С. 820], которые были важны и сами по себе, и в своих «сцеплениях», становились частью исторической действительности, т.е. попадали в проблемное поле истории. Это подготавливало исторический синтез с комплексом гуманитарных и точных наук, необходимый для охвата многоаспектного, сложного мира истории и познания прежде закрытых для анализа зон макроисторического знания.

Для М.М. Хвостова – яркого провозвестника исторического синтеза [9. С. 818–819; 13. С. 40; 18. С. 301, 303] было важно заимствовать в междисциплинарном подходе теоретический потенциал и инструментарий главным образом генерализирующей социологии, так как его социологическая история формировалась на двойственной, обобщающей и индивидуализирующей, теоретико-методологической основе.

Вместе с тем использование новых видов источников и постановка новых исследовательских задач делали актуальным запрос на привлечение новых объяснительных моделей и методов, которые могли представить география, демография, антропология, социальная психология, статистика. Это открывало М.М. Хвостову дополнительные возможности для постижения всего многообразия социальной жизни, разноплановости системы общественных отношений и логики развития историко-культурной целостности.

Ученый проделал большую работу по осмыслению «сил, которые создали эволюцию общества» [13. С. 83]. Его интересовала не только результативность совокупного действия всех указанных им «сил», но и постепенность и избирательность их включения на разных этапах существования социумов и цивилизаций. Так, «на ранних ступенях» общественной эволюции особо важную роль, по его представлениям, играли демографические процессы [13. С. 60], а «на сравнительно более поздних ступенях развития» трактовка «общественной жизни» уже была невозможной без учета «сознательного воздействия» индивида на «структуру общества» и сам общественный строй [13. С. 77, 83].

Убеждение в предопределенности не только темпов общественно-политической эволюции, но и исторической судьбы народа, природно-экологической нишей формирования «нации», превратило его в адепта географического детерминизма исторического процесса и поклонника антропогеографии ключевой фигуры геоистории Ф. Ратцеля [13. С. 42–43]. Нередко М.М. Хвостов преувеличивал решающее влияние среды обитания на характер общественных отношений и форму государственного строя народов Древнего Востока [11. С. 65, 72, 77, 79, 227–228, 236–237], на формирование «культурных типов» полисов Древней Греции [10. С. 31–37, 42, 47–48], т.е. на особенности протекания исторических процессов и их результаты.

Увлекаясь исторической демографией, казанский ученый многое сделал для изучения влияния численности и прироста населения в государствах Древнего мира на процессы их экономического и внутривнутриполитического развития. На конкретных примерах профессор смог доказать глубокие корни демографических преобразований, которые находились в зависимости от биологических, социальных и психологических причин и подчинялись изменявшимся историко-культурным реалиям [10. С. 124–125; 13. С. 55–60].

Впервые в историографии античности М.М. Хвостов рассмотрел вопрос об использовании труда подростков в ремесленных мастерских Птолемея Египта [19. С. 199; 20].

Однако, обращая внимание на необходимость учета демографического фактора в исторических реконструкциях прошлого человечества, он не всегда был корректен. Так, использование «выводов биологии» о размножении живых существ применительно к человеческому обществу оборачивалось биологическим редуccionизмом [13. С. 56, 58]. Кроме того, осуждая расовую дискриминацию, которая в расовых теориях его времени выражалась в делении народов на «избранных» и «отверженных» [13. С. 49–51], он упорно указывал на культурную неоднородность человечества, когда противопоставлял «примитивных людей и общества» [11. С. 15, 178, 180], «малокультурные народы и племена» [10. С. 50, 124; 11. С. 64] «культурным народам», «цивилизованным народностям» [17. С. 15, 280].

М.М. Хвостов декларировал равнозначность каузальных «сил» исторического развития, но все же «одним из наиболее основных факторов общественной эволюции» называл хозяйственную деятельность людей и связанную с ней «организацию производственных отношений» [13. С. 62, 67–68].

Выявляя типологические особенности формирования древневосточных цивилизаций, составляя периодизации процессов исторического развития в Древней Греции и Древнем Риме, он всегда начинал исторические реконструкции с анализа изменений прежде всего в экономической сфере [10. С. 35–37; 11. С. 8; 12. С. 1–16], поскольку производство материальных благ считал вечной естественной потребностью человечества, а перемещение материальных ценностей – первоочередной необходимостью «культурных» народов.

При этом стоит подчеркнуть тот факт, что М.М. Хвостов в своих историко-экономических изысканиях следовал не марксистской концепции всемирной истории [13. С. 62–67], а теоретическим воззрениям представителей исторических школ в политэкономии. Поэтому для него изменения в способах обмена производимой в обществе продукции служили главными маркерами смены форм хозяйственной деятельности, углубления разделения труда, интенсификации производственной деятельности, развития производительных сил.

Из немецкой политэкономии он заимствовал идею поступательного развития «экономического быта» и теории стадийности, учитывавшие закономерности экономической эволюции на разных этапах истории европейских народов [18. С. 281]. Адаптировав стадийную – «всемирную» в свете европоцентризма – экономическую теорию создателя «новой» школы в политэкономии К. Бюхера к истории народов Древнего мира, М.М. Хвостов выделил внутри их экономических систем стадии замкнутого домашнего хозяйства, городского хозяйства и высокоразвитого народного хозяйства [10. С. 226; 11. С. 8–10; 19. С. II, III, прим. 1, VI, VII].

Кроме того, М.М. Хвостов синхронизировал изменения общественно-политического устройства древневосточных и античных народов со сменой стадий их экономической эволюции [10. С. 117, 119, 137; 11. С. 9, 11–12, 115–118; 12. С. 124–125]. Эпоха феодализма была соотнесена с замкнутым домашним и зарождавшимся в его недрах городским хозяйством, а период

капитализма – с переходом от городского к народному хозяйству и превращением последнего в фундамент социально-экономических отношений у древних греков и римлян, достигших зенита своего развития [10. С. 76, 101, 119, 124, 134, 234–235; 11. С. 11–12, 115–116; 12. С. 124, 200–204, 208, 266; 17. С. IX, 435].

По его представлениям получалась следующая «картина». Ликвидировав остатки феодализма, особенно долго существовавшего на Древнем Востоке и в «гомеровский период» истории Греции [10. С. 36, 109, 124; 11. С. 9–11, 115, 117–118, 131, 133; 12. С. 124–125], народы древности приступили к созданию нового общественного строя, в котором сочетались элементы капиталистического и рабовладельческого способов производства, расстановки классовых сил, «партийных» интересов [10. С. 221–222, 224; 12. С. 4, 203; 17. С. 404, 407–408, 435].

Сконструированная на современный лад история Древнего мира утратила свою неповторимую специфику и стала «слепком» европейской и российской истории Нового времени.

Интенция М.М. Хвостова представлять исторический процесс в виде комплекса «непрерывно изменявшихся» [9. С. 822–823] взаимосвязанных сторон общественной жизни привела его к необходимости объединять стадийно-экономическую схему с историко-типологической периодизацией Э. Мейера, в которой, кроме темпоральных экономических преобразований, учитывались еще и общественно-политические изменения. Однако соединение двух способов концептуального моделирования исторических изменений в Древнем мире привело к разрушению базового принципа создававшейся М.М. Хвостовым концепции социологической истории: эволюционного подхода к осмыслению исторического процесса. Это произошло потому, что модель линейно-поступательного развития стала сочетаться с предполагавшей дискретность временного потока и движение вспять моделью «исторического круговорота» повторявшихся в истории человечества типов общественного строя.

Обратим внимание на еще один важный момент, связанный с историко-экономическими изысканиями казанского ученого. Когда он отвел изменениям в экономическом укладе важнейшую роль в цепи последующих общественных преобразований, его рассуждения стали напоминать марксистскую теорию смены общественно-экономических формаций. Выражая категорический протест против подобного сравнения, М.М. Хвостов, расценивавший марксистскую парадигму развития профанацией безмерно сложного исторического процесса [13. С. 65–67], стал рассматривать экономику «явлением психического ряда» [13. С. 12]. Хотя в его конкретных исследованиях характеристики производительных сил того или иного древнего общества лишены даже намека на одушевленность, в теоретических рефлексиях он настойчиво называл движущей силой исторических изменений, в том числе и экономических, сознательно-волевые компоненты общественной психики. Так он солидаризировался с широко распространенными в годы его наукотворчества убеждениями классиков позитивизма, неокантианства,

крупнейших представителей историко-теоретической мысли (к примеру, К. Лампрехта), трактовавших экономику сферой проявления социально-психологических реакций людей. Это давало ему, как и его современникам, российским историкам [21. С. 198], право считать экономические отношения эманациями психического состояния социума.

Считая производство материальных благ естественной необходимостью человеческого существования [13. С. 39, 61], М.М. Хвостов не обесценивал и «нематериальные потребности», которые считал выражением разнообразных состояний «духовного бытия человека» или его психики. При этом психика не отождествлялась с «иррациональным, необъяснимым» [13. С. 73] и не рассматривалась как совокупность физиологических процессов деятельности мозга [12. С. 17–18; 13. С. 67]; духовное также не выводилось из материального. Но для исследователя содержание психического ограничивалось главным образом рациональной сферой человеческого поведения внутри «группировок», поэтому, упоминая о сложной структуре «психики общественной» [13. С. 13, 72–73, 82–83], М.М. Хвостов имел в виду преимущественно результаты психологического взаимодействия в социальных общностях Древнего мира.

Ему не всегда удавалось установить взаимную связь между изменявшейся исторической средой и социальной психологией, раскрыть роль бессознательного в мотивах и моделях поведения общественных групп, показать эволюцию семьи и других микрогрупп в трансформировавшемся социокультурном контексте, хотя без освещения этих и других проявлений коллективных психологических реакций доказать равноправие материальных и духовных факторов в ходе общественной эволюции было сложно.

В итоге «картина» исторического процесса в изложении казанского ученого все же получалась однобокой: как правило, она сводилась к детализации трех составляющих «экономического быта» – производству материальных благ, их распределению и потреблению, в то время как М.М. Хвостову могло показаться, что само выражение «социально-экономические отношения», которым он обогатил свой тезаурус, имплицировало указания на «психическую сторону» жизнедеятельности людей [13. С. 69, 74], превращая историческую эволюцию в настолько осознанный, психически предопределенный процесс, что «индивиды» могут оказывать воздействие даже на «структуру общества» [13. С. 20].

Содержание исторического процесса, по утверждению М.М. Хвостова, зависело также от такого социального явления, как появление «общественных группировок» [13. С. 69, 76, 83]. Не разъясняя смысла понятия «группировка», что приводило к смешению признаков «класса» и «сословия» [12. С. 1–2, 71, 85, 112, 151], неразличимости имущественного неравенства и социальной дифференциации [12. С. 55, 73], М.М. Хвостов все же смог на материалах источников доказать, что появление социальной иерархии произошло в результате концентрации в руках аристократической элиты главного богатства общества – земли, что экономически гос-

подствовавший класс определял характер общественного строя, а соотношение классовых сил влияло на форму государственного устройства народов Древнего мира [10. С. 100, 104, 109, 122–123; 11. С. 132, 134; 22. С. 21, 55].

При интерпретации М.М. Хвостовым процесса исторического развития в аспекте активности «общественных группировок» отчетливо наблюдается гносеологическая коллизия, образованная эклектичным соединением континуальной и дискретной форм разворачивания общественно-политических преобразований.

С одной стороны, ученый убеждал нас в плавном, органичном характере появления всех «новообразований» [10. С. 72, 73; 12. С. 65, 72, 73, 76–78, 82, 155], с другой стороны, профессор заявлял о том, что «самый состав общества обуславливает катастрофический элемент в его эволюции», и, более того, утверждал, что «чем больше катастрофического элемента будет в истории общества, тем более общество будет уклоняться от непрерывного последовательного эволюционного ряда» [13. С. 26].

Называя оба варианта развития «эволюцией», М.М. Хвостов допускал методологическую оплошность, так как в годы его наукотворчества с исторической эволюцией начали ассоциировать только плавные поступательные преобразования социально-политических отношений [17. С. 233–234; 23. С. 197], а применительно к «резким отклонениям от определенного социального порядка» [13. С. 24–25] предпочитали не употреблять понятие «эволюция».

Кульминацией медленных поступательных процессов развития всех народов древности М.М. Хвостов считал изменения форм их государственного устройства. Он проделал большую работу по осмыслению сущности государства и даже пошел дальше ряда европейских и российских коллег в изучении социальных оснований, функций и ресурсов государственной власти.

М.М. Хвостов не отождествлял общество и государство [13. С. 70]; считал государство наивысшей формой социально-политической интеграции соплеменников, уже испытавших на себе последствия имущественного и социального неравенства [10. С. 99–105; 12. С. 73]; среди функций государства, помимо организации самообороны и реализации «общественных нужд» [10. С. 105; 11. С. 11–12, 72, 134], особо выделял защиту личности от притеснений разбогатевших соплеменников [10. С. 96, 100; 11. С. 12; 12. С. 70–71, 73], а в период обострения «классовой борьбы» – защиту неприкосновенности личности и имущественных прав граждан [10. С. 234–235].

Следует также отметить стремление ученого доказать историчность форм государственного устройства, организационных структур и ресурсов власти. На конкретных примерах он проиллюстрировал зависимость административно-правовой и социокультурной политики государства от демографических проблем, расстановки общественных сил в периоды «растущей

дифференциации» и усложнения «классовой группировки» [10. С. 103–108, 121, 154, 235; 11. С. 10, 12; 12. С. 73–76, 80, 298–299].

Вместе с тем М.М. Хвостов, как и его старшие современники (П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев), идеализировал роль государства в историческом процессе [24. С. 312–313, 322] и, кроме того, утрированно подчеркивал его надклассовую – этическую – природу [10. С. 235; 12. С. 298–299]. Но эти методологические изъяны не помешали ему отметить алгоритмы в осуществлении общественно-политических перемен. Так, он был уверен в том, что изменениям государственно-политического устройства всегда предшествовали преобразования «внутреннего устройства», а они, в свою очередь, являлись следствием возникновения новых «потребностей, политических и экономических». Формой осуществления коренных, радикальных преобразований служила «классовая борьба» (которая изучалась по аналогии с внутривластной историей Европы или России), в то время как реформы создавали лишь временные компромиссные возможности решения проблем социальных взаимоотношений [10. С. 36, 127, 149, 250].

Констатируя подобные закономерности слома старого государственного устройства на материалах истории народов древности, М.М. Хвостов и не думал одобрять классовую борьбу как единственную возможность кардинального решения назревавших порой столетиями проблем социально-политического характера. Он был поборником постепенного реформирования социальной системы и институтов власти, а в своевременном совершенствовании форм государственно-правового регулирования видел внутренние силы развития любой культуры.

Богатая событиями история античных цивилизаций, особенно история Греции V–IV вв. до н. э. и история Рима II–I вв. до н. э., привлекла внимание М.М. Хвостова к роли личности в процессах общественной эволюции и даже подвела его к выводу о том, что «крупные личности сами являются факторами, влиявшими... на ход событий» [12. С. 224]. Однако, только единожды высказав такое заключение, он, как и его учителя, профессора Императорского Московского университета, тут же попытался сгладить это утверждение рассуждениями о кратковременности подобных воздействий и отсутствии у «индивида» возможности повлиять на процессы, характеризующие «историю состояний».

Деятельность любой, даже самой выдающейся личности, объяснял М.М. Хвостов, была предопределена «предшествующими историческими процессами»; «даровитая личность» была порождена средой и поэтому могла удовлетворить лишь те потребности, которые были выдвинуты влиятельными общественными «группировками» [13. С. 78, 83].

Резюмируя рассуждения М.М. Хвостова о факторном подходе к пониманию причин общественной эволюции, еще раз обратим внимание на то, какое важное значение в его модели объяснительной социологической истории занимал анализ «двигающих сил» исторического процесса.

Факторная теория превратилась в ядро, системообразующий элемент создававшейся концепции социологической истории ученого. Тщательность ее проработки в «Лекциях по методологии...» [13. С. 42–84] может свидетельствовать о том, что М.М. Хвостов видел в факторной теории важный инструмент познания фундаментальных причин непрерывных общественных изменений, верифицированный способ трансляции идей взаимообусловленности всех общественных состояний и объективной предопределенности маршрута исторического развития народов Древнего мира.

Соединяя самые устойчивые и длительные в своих проявлениях естественные (природные) и биосоциальные (демографические) «силы» с более подвижными социально-экономическими явлениями, содержащими психологические детерминанты исторического процесса, факторная теория позволяла зафиксировать и подтвердить внутреннюю взаимосвязь всех «сил» (причин, условий), задействованных в генезисе и последующем развитии древних обществ. Циклическая повторяемость главных социально-политических систем и «совпадения психических процессов» народов Земли [25. С. 126] научно обосновывали постоянство и повторяемость причинно-следственных связей [9. С. 811, 815], проявлявших себя вне зависимости от пространственно-временных границ, т.е. придавали факторной теории характер универсальной объяснительной модели процесса исторической (общественной) эволюции народов Древнего мира. Это, в свою очередь, имело первостепенное значение для выведения социологических закономерностей, гарантиями точности, доказательности и объективности которых служили не только результаты широкомащштабных эмпирических исследований М.М. Хвостова, но и научно-познавательный потенциал многочисленных номотетических (как социогуманитарных, так и естественно-научных) дисциплин, привлекавшихся им для решения поставленных задач [9. С. 819, прим. 1].

Однако при наличии этих, без сомнения, важных для историографии (и прежде всего историографии античности) рубежа XIX–XX вв. научных достижений М.М. Хвостова не стоит забывать, что теория факторов была общим местом зарубежных и отечественных исследований на протяжении более чем полувека [26. С. 59].

Существует мнение и о том, что факторный подход, укорененный в механике, культивировал отношение к обществу как некоему управляемому механизму [15. С. 55], что могло препятствовать М.М. Хвостову адекватно воспринимать реалии времени его жизни и своевременно актуализировать теоретические построения (например, не затягивать расставание с историко-философской концепцией прогресса, рецепции которой еще отчетливо присутствовали в его сочинениях первого десятилетия XX в.) [11. С. 14, 192, 273; 17. С. 57–58, 261, 350, 364, 420, 433, 454]. Хотя, по мнению Ш.В. Ланглау и Ш. Сеньобоса, выделение экономических, политических, идеологических потребностей в особую группу предпосылок развития общества напрямую соответствовало постулатам прогресса с ее верой в «разумный характер истории» [27. С. 227].

Не считаясь с негативной реакцией современников, М.М. Хвостов скрупулезно и добросовестно исследовал многие стороны жизни народов древности, пытаясь доказать, что разные аспекты исторической реальности в своих взаимовлияниях и взаимодополнительности придавали «культурам» Востока и Запада целостность и устойчивость, но в то же время содержали истоки дальнейшей эволюции экономического и общественно-политического укладов, правовой и духовной жизни [9. С. 822, 823].

В этом состоял его вклад в разработку и институционализацию социологической истории. Однако он не брал на себя ответственность участвовать в теоретическом обосновании факторной доктрины, считая это задачей «абстрактных, или теоретических, наук об обществе» и, главным образом, социологии [9. С. 819–821]: именно социология, подчеркивал М.М. Хвостов, должна была «дать систему факторов исторической эволюции и теорию их действия» [9. С. 819, прим. 2].

Решение других теоретических вопросов и прежде всего изучение такой глобальной «философско-исторической проблемы», как создание теории исторического познания на основе «переработки» новых социологических и общеисторических концепций о «причинном анализе фактов», он перекладывал на плечи «специалистов-философов» [9. С. 794, 795]. Их интеллектуальные навыки (привычки) анализировать явления с помощью «общих теоретико-познавательных принципов» должны были помочь историкам, сведущим в «конкретном историческом материале», «установить точные принципы, определить задачи и методы» в объяснительной истории, возникшей на современном ему этапе развития историографии [9. С. 796].

Философия и социология должны были заниматься теоретическими построениями значимых для истории проблем, предлагать подходы к их решению, разрабатывать правила и нормы осуществления научной практики, включая исследовательские методы, необходимые эмпирической истории для анализа конкретных фактов и историко-культурных процессов [9. С. 801, 806]. Это, в свою очередь, позволило бы истории окончательно избавиться от «прежнего “инстинктивного” эмпиризма» и встать на путь «сознательного эмпиризма» [9. С. 795].

Предложив истории теоретико-методологический арсенал для максимально полной и достоверной реконструкции исторической реальности в ее разнообразных проявлениях [9. С. 813], генерализирующие науки создадут общезначимые стандарты для «систематической разработки» наиболее востребованных в историографии тем и, кроме того, позволят «прийти к строго согласованным выводам», утверждал М.М. Хвостов [9. С. 795, 813].

Это было действительно важно в условиях теоретико-методологического плюрализма рубежной эпохи,

на что недвусмысленно указывал уставший от отсутствия четких познавательных ориентиров казанский профессор.

Таким образом, главное предназначение истории должно было заключаться в доскональном изучении фактов – резонансных событий и явлений, имевших наибольшую результативность, т.е. оказавших наибольшее влияние на ход исторического процесса, и, помимо этого, в выяснении причин, вызвавших их появление, а также анализе последствий [9. С. 800, 808, 809, 815, 818, 819].

Однако создание такой модели истории, как считал М.М. Хвостов, было делом будущего, так как и социология, и философия истории еще не достигли тех высот развития, которые, по его мнению, требовались для создания современных исторических исследований, где центральными являлись «методологические вопросы в области... анализа и синтеза» фактов [9. С. 810].

М.М. Хвостов взял на себя смелость сформулировать «эмпирические обобщения» социологической истории [9. С. 821, 824], учитывая повышенный интерес научного сообщества к вопросам экономической истории [9. С. 813], актуальность объяснительной – рациональной – парадигмы исторического познания и востребованность идеи междисциплинарного синтеза номотетических и идиографических наук, без которого уже невозможно было осмыслить «столь сложные явления, какими представляются исторические» [9. С. 820].

М.М. Хвостов хорошо осознавал пределы исторического познания, которые разрушить пока не представлялось возможным. Историческая наука его времени еще не знала, как постичь «иррациональный остаток» в поступках исторических персонажей и «индивидуальное сцепление элементарных сил в отдельных личностях», а также понять весь комплекс не поддающихся логике «сцеплений» рядов причин, приводивших к историческим случайностям [9. С. 815, 819, 820]. Идеалом науки он считал возможность дать «исчерпывающее... причинное истолкование исторических событий», когда «каждое историческое событие будет разложено на составные элементы и будет установлена связь этих элементов с общими факторами общественной эволюции» [9. С. 819].

Он дал себе установки идти «по пути систематической разработки известных идей», принимать во внимание каждое продуманное мнение, избегать эклектизма [9. С. 795], но, как показали его рефлексии по основополагающим проблемам теории истории, достичь желаемых научных результатов ему не удалось. Противоречия отмечены все теоретические аспекты истории, разбиравшиеся М.М. Хвостовым: теория исторического знания, теория исторического процесса и историческая гносеология.

Список источников

1. Хаминов Д.В. Историческая наука в Сибири и организация сибиреведческих исследований в период революции, Гражданской войны и первых лет советской власти (1917 г. – середина 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 111–116.
2. Грацианский Н.П. Памяти М.М. Хвостова: Речь, произнесенная в заседании Общества 5 апреля 1920 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1921. Т. XXXI, вып. 1–3. С. 91–104.

3. Матвеева И.Н. К вопросу о научной и педагогической деятельности М.М. Хвостова // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1968. Вып. 3. С. 145–153.
4. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Особенности научного мировоззрения М.М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.
5. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. «Это был человек труда»: памяти М.М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
6. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Социологический дискурс в творчестве М.М. Хвостова // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2022. Т. 164, кн. 6. С. 9–29.
7. Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. СПб. : Типо-литография Б.М. Вольфа, 1898. № 2. Февраль. С. 1–10.
8. Петрушевский Д.М. Тенденции современной исторической науки // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. СПб. : Типо-литография Б.М. Вольфа, 1899. № 5–6. Май–июнь. С. 73–104.
9. Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М. : Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1909. С. 791–824.
10. Хвостов М.М. История Греции. Лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах / под ред. Г. Пригоровского. 2-е изд., доп. М. : Гос. изд-во, 1924. 262 с.
11. Хвостов М.М. История Древнего Востока / под ред. Г. Пригоровского. 2-е изд. Л. : Гос. изд-во, 1927. 275 с.
12. Хвостов М.М. История Рима. Конспективное изложение лекций пр.-доц. М.М. Хвостова, читанных в 1906/7 академическом году. Казань : Лито-Типография И.Н. Харитонов, 1907. 299 с.
13. Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. 2-е изд. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 104 с.
14. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб. : Изд-во СПбУ, 1999. Гл. 7, 8. С. 175–396.
15. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии : учеб. пособие. 4-е изд., испр. М. : Книжный дом «Университет», 2000. 216 с.
16. Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 349 с.
17. Хвостов М.М. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань : Типо-литография Императорского университета, 1907. 479 с.
18. Уткина Н.Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). М. : Наука, 1975. 317 с.
19. Хвостов М.М. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1914. 264 с.
20. Хвостов М.М. Изучение экономического быта древности (Две полемики) // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1900. Июнь. С. 281–303.
21. Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. 221 с.
22. Хвостов М.М. Сисахтия Солона и разложение эвпатридовского землевладения // Филологическое обозрение: журнал классической филологии и педагогики. М., 1897. Т. 13. С. 3–26.
23. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории : в 2 ч. Ч. 2. Научные основы теории прогресса. 2-е изд., перераб. СПб. : Изд-во Л.Ф. Пантелеева, 1887. 311 с.
24. Гутнова Е.В. Историография истории Средних веков : учебник для студентов, обучающихся по специальности «История». 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1985. 479 с.
25. Бернгейм, проф. Введение в историческую науку / пер. с нем. под ред. С.Е. Сабинина. М. : Изд-во М.Н. Прокоповича, 1908. 185 с.
26. Виппер Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания // Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки : сб. ст. и публичных лекций. 1900–1912. М. : Типо-литография тов-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. С. 26–61.
27. Ланглюа и Сеньобос. Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. СПб. : Склад изданий и книжный магазин для иногородних О.Н. Поповой, 1899. 275 с.

References

1. Khaminov, D.V. (2011) Historical science in Siberia and organization of Siberia studies during the revolution, civil war and first years of the Soviet power (1917 – middle 1920s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 352. pp. 111–116. (In Russian).
2. Gratsianskiy, N.P. (1921) Pamyati M.M. Khvostova: Rech', proiznesennaya v zasedanii Obshchestva 5 aprelya 1920 goda [In memory of M.M. Khvostov: Speech delivered at a meeting of the Society on April 5, 1920]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 1–3 (31). pp. 91–104.
3. Matveeva, I.N. (1968) K voprosu o nauchnoy i pedagogicheskoy deyatelnosti M.M. Khvostova. In: Shofman, A.S. (ed.) *Voprosy istoriografii vseobshchey istorii* [Questions of the Historiography of World History]. Kazan: Kazan State University. 3. pp. 145–153.
4. Novikov, M.V. & Perfilova, T.B. (2020) Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M.M. Khvostova [Features of the scientific worldview of M.M. Khvostov]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 4. pp. 56–74.
5. Novikov, M.V. & Perfilova, T.B. (2020) “Eto byl chelovek truda”: pamyati M.M. Khvostova [“He was a man of labor”: in memory of M.M. Khvostov]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 166–173.
6. Novikov, M.V. & Perfilova, T.B. (2022) Sotsiologicheskii diskurs v tvorchestve M.M. Khvostova [Sociological discourse in M.M. Khvostov]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*. 6 (164). pp. 9–29.
7. Petrushevskiy, D.M. (1898) O zadachakh vseobshchey istorii kak nauki [On the tasks of world history as a science]. *Obrazovanie: pedagogicheskii i nauchno-populyarnyy zhurnal*. 2. pp. 1–10.
8. Petrushevskiy, D.M. (1899) Tendentsii sovremennoy istoricheskoy nauki [Trends in modern historical science]. *Obrazovanie: pedagogicheskii i nauchno-populyarnyy zhurnal*. 5–6. pp. 73–104.
9. Khvostov, M.M. (1909) K voprosu o zadachakh istorii [On the issue of the tasks of history]. In: Barskov, Ya.L. et al. (eds) *Sbornik statey, posvyashchennykh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, друз'ями i pochitatel'nyami ko dnyu tridsatilet'ya ego professorskoy deyatelnosti v Moskovskom universitete (5 dekabr'ya 1879 – 5 dekabr'ya 1909 goda)* [Collection of Articles Dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by His Students, Friends and Admirers on the Day of the Thirtieth Anniversary of His Professorship at Moscow University (December 5, 1879 – December 5, 1909)]. Moscow: Tov-vo “Pechatnya S.P. Yakovleva”. pp. 791–824.
10. Khvostov, M.M. (1924) *Istoriya Gretsii. Leksii, chitannyye v Kazanskom universitete i na Kazanskikh vysshih zhenskikh kursakh* [History of Greece. Lectures given at the Kazan University and at the Kazan Higher Women's Courses]. 2nd ed. Moscow: Gos. izd-vo.
11. Khvostov, M.M. (1927) *Istoriya Drevnego Vostoka* [History of the Ancient East]. 2nd ed. Leningrad: Gos. izd-vo.
12. Khvostov, M.M. (1907) *Istoriya Rima. Konspektivnoe izlozhenie leksiy pr.-dots. M.M. Khvostova, chitannykh v 1906/7 akademicheskoy godu* [History of Rome. Summary of lectures by Prof. Assoc. M.M. Khvostov, read in the 1906/7 academic year]. Kazan: Lito-Tipografiya I.N. Kharitonova.
13. Khvostov, M.M. (2011) *Leksii po metodologii i filosofii istorii* [Lectures on Methodology and Philosophy of History]. 2nd ed. Moscow: Knizhnyy dom “Librokom”.

14. Frolov, E.D. (1999) *Russkaya nauka ob antichnosti* [Russian Classical Studies]. Parts 7, 8. Saint Petersburg: Saint Petersburg University. pp. 175–396.
15. Gofman, A.B. (2000) *Sem' lektsiy po istorii sotsiologii* [Seven Lectures on the History of Sociology]. 4th ed. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet".
16. Nechukhrin, A.N. (2003) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossiyskoy pozitivistskoy istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [Theoretical and Methodological Foundations of Russian Positivist Historiography (1880s–1917)]. Grodno: Grodno State University.
17. Khvostov, M.M. (1907) *Issledovaniya po istorii obmena v epokhu ellinisticheskikh monarkhiy i Rimskoy imperii. I. Istoriya vostochnoy trgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. Kh. – 284 g. po R. Kh.)* [Studies in the History of Exchange in the Age of the Hellenistic Monarchies and the Roman Empire. I. The history of the eastern trade of Greco-Roman Egypt (332 BC – 284 AD)]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta.
18. Utkina, N.F. (1975) *Pozitivizm, antropologicheskiy materializm i nauka v Rossii (vtoraya polovina XIX veka)* [Positivism, Anthropological Materialism and Science in Russia (Second half of the 19th century)]. Moscow: Nauka.
19. Khvostov, M.M. (1947) *Ocherki organizatsii promyshlennosti i trgovli v greko-rimskom Egipte. I. Tekstil'naya promyshlennost' v greko-rimskom Egipte* [Essays on the organization of industry and trade in Greco-Roman Egypt. I. Textile industry in Greco-Roman Egypt]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta.
20. Khvostov, M.M. (1900) *Izuchenie ekonomicheskogo byta drevnosti (Dve polemiki)* [The study of the economic life of antiquity (Two controversies)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. June. pp. 281–303.
21. Safronov, B.G. (1976) *Istoricheskoe mirovozzrenie R.Yu. Vippera i ego vremya* [Historical Outlook of R.Yu. Vipper and His Time]. Moscow: Moscow State University.
22. Khvostov, M.M. (1897) *Sisakhtiya Solona i razlozhenie evpatridskogo zemlevladieniya* [Solon's Seisachtheia and the decomposition of Eupatridian land ownership]. *Filologicheskoe obozrenie: zhurnal klassicheskoy filologii i pedagogiki*. 13. pp. 3–26.
23. Kareev, N.I. (1887) *Osnovnye voprosy filosofii istorii* [Basic Questions of the Philosophy of History]. 2nd ed. Pt. 2. Saint Petersburg: Izd-vo L.F. Panteleeva.
24. Gutnova, E.V. (1985) *Istoriografiya istorii Srednikh vekov* [Historiography of the History of the Middle Ages]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
25. Bernheim, E. (1908) *Vvedenie v istoricheskuyu nauku* [Introduction to Historical Science]. Translated from German by S.E. Sabinin. Moscow: Izd-vo M.N. Prokopovicha.
26. Vipper, R.Yu. (1912) *Neskol'ko zamechaniy o teorii istoricheskogo poznaniya* [Several remarks on the theory of historical knowledge]. In: Vipper, R.Yu. *Dve intelligentsii i drugie ocherki* [Two Intelligentsias and Other Essays]. Moscow: Tipo-litografiya tov-va I.N. Kushnerev i K°. pp. 26–61.
27. Langlois, Ch.-V. & Seignobos, Ch. (1899) *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the Study of History]. Translated from French by A. Serebryakova. Saint Petersburg: Sklad izdaniy i knizhnyy magazin dlya inogorodnikh O.N. Popovoy.

Информация об авторах:

Новиков М.В. – д-р ист. наук, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия). E-mail: m.novikov@yspu.org

Перфилова Т.Б. – д-р ист. наук, свободный исследователь (Ярославль, Россия). E-mail: byzenka@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Novikov, Dr. Sci. (History), head of the Department of the Theory and Methodology of Professional Education, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: m.novikov@yspu.org

T.B. Perfilova, Dr. Sci. (History), independent researcher (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: byzenka@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.03.2023;
одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 10.03.2023;
approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 93/94+347.961(571.16)
doi: 10.17223/15617793/489/13

Реорганизация томского нотариата в 1928–1944 гг.

Екатерина Николаевна Румянцева¹

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
katerum3007@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена реорганизация томского нотариата в условиях социально-экономических и административно-территориальных преобразований 1928–1944 гг. Основное внимание уделено особенностям организационно-структурных и функциональных изменений нотариальной работы, вопросам комплектования кадрового состава и материального обеспечения Томской государственной нотариальной конторы. С учетом новых данных сделаны выводы о причинах, этапах реорганизации и специфике деятельности государственного нотариата на территории с административным центром город Томск.

Ключевые слова: история государственного нотариата, нотариальная часть, Томская государственная нотариальная контора, томский нотариус

Для цитирования: Румянцева Е.Н. Реорганизация томского нотариата в 1928–1944 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 135–142. doi: 10.17223/15617793/489/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/13

Reorganization of the Tomsk notary in 1928–1944

Ekaterina N. Rumyantseva¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
katerum3007@mail.ru

Abstract. The research presents a historical overview of the organization and activities of the Tomsk notary in 1928–1944. The research interest in the history of the notary system on the territory of modern Tomsk Oblast is associated with the adoption of legal acts of the Soviet era and the reorganization of the state apparatus in the country, and is also determined by the peculiarities of the development of socio-political and socio-economic relations in Tomsk, the specifics of the geographical location and the policy of administrative and territorial division of the region. The article aims to determine the stages of the notary system and show their features, as well as to identify the specifics of the activities of the Tomsk notary as a public authority. The author studied the legal acts on the organization and functioning of the notary system on a national scale, determined their implementation features on the territory with the administrative center of the city Tomsk (from Tomsk District to Tomsk Oblast), analyzed the main conditions affecting the work of the Tomsk notary bodies, and considered the structure of the Tomsk notary system and its jurisdiction, the main areas of activity, issues of staffing and material support of notary offices in the region. The research is based on unpublished documents of the State Archives of Tomsk and Novosibirsk Oblasts, published legal and political acts, as well as scientific works of Russian historians and jurists. The studied material allowed the author to draw the following conclusions. The events of 1928–1944 acted as a “reform swing” in the fate of the Tomsk notary. Although the “state notary” formed in the first decade of Soviet power, during the period under study there was a constant change of its jurisdiction: subordination of notary bodies in the judicial system in 1928–1929, “survival” of the notary system as part of the work of district and city executive committees and village councils in 1930–1936, revival in the structure of judicial bodies in 1937, and integration into the system of bodies of the People’s Commissariat of Justice of the RSFSR since 1939. Along with organizational transformations the Tomsk notary had to solve other problems: notary support of the population and organizations of territories far from the regional center, frequent turnover of Tomsk state notaries, acute shortage of qualified specialists, low wages and weak material base of notary bodies. The gradual improvement of commodity-money relations in the 1930s, the activities of universities as well as the renewal and development of industrial production in Tomsk during the war years contributed to the strengthening of notary work. There was a final consolidation of the implementation of the notary function for state notary offices and the formation of Tomsk Oblast marked a new stage in the development of the Tomsk state notary.

Keywords: history of state notary, Notary Section, Tomsk State Notary Office, Tomsk notary

For citation: Rumyantseva, E.N. (2023) Reorganization of the Tomsk notary in 1928–1944. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 135–142. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/13

История государственного нотариата в советский период в общероссийском масштабе изучена многими историками и правоведами. В то же время организация и функционирование нотариальных органов в регионах страны проходили неравномерно, а история нотариата Сибири и Дальнего Востока имела свой особенный путь развития. В контексте сибирской региональной истории исследователями рассмотрена история нотариатов Алтая [1], республик Тыва [2] и Хакасия [3], Красноярского края [4–5]. Доктором исторических наук, профессором Андреем Викторовичем Друзякой подробно изучены вопросы становления и развития нотариата на Дальнем Востоке, а также особенность организации и функционирования дальневосточного нотариального дела [6–8]. В 2021 г. опубликован коллективный труд томских историков, в котором впервые описаны общие положения по истории томского нотариата в рамках научно-публицистического проекта «Золотые страницы истории российского нотариата», организованного Федеральной нотариальной палатой Российской Федерации [9]. Вместе с тем остаются не раскрыты многие аспекты развития государственного нотариата Томской области XX в. и причинно-следственные связи его организационно-функциональных изменений. Актуальность исследования региональной истории томского нотариата обусловлена как спецификой природно-географического расположения, так и социально-экономическими событиями, этапами развития региона. В этой связи цель публикации – на основе анализа процесса реорганизации системы нотариата выделить этапы и показать их особенности, а также выявить специфику деятельности томского нотариата как органа государственной власти. Источниковая база исследования представлена ранее неопубликованными материалами государственных архивов Томской и Новосибирской областей.

Свертывание новой экономической политики, курс на форсированную индустриализацию, коллективизация в сельском хозяйстве, выполнение плана первой пятилетки способствовали усилению государственного контроля и формированию административно-командной системы хозяйствования, которые сопровождалась реорганизацией всех отраслей экономики для выполнения главной задачи – создание мощной промышленной базы. В результате наблюдался рост цен на товары для гражданского населения, ввод карточной системы привел к сокращению товарно-денежных отношений, отмечались изменения в системе банковского кредитования и налогов, произошло усиление регулирующей деятельности государства и упрощение системы организации государственных органов. Отмеченные процессы оказали влияние на работу государственной нотариальной системы: происходило усечение нотариальной функции и ликвидация государственных нотариальных контор. Так, в СССР в 1924 г. нотариальных контор было 414, а к 1937 г. их осталось всего 122 [10].

В 1928 г. территория Сибирского края с центром в г. Новосибирске включала в себя 19 округов, в том числе Томский, и Ойротскую автономную область [11. Л. 94–106]. Территория Томского округа с центром в

г. Томске состояла из 30 районов [11. Л. 104–105].

Организация государственного нотариата регулировалась Положением о государственном нотариате РСФСР 1926 г. [12]. На территории Томского округа нотариальную функцию осуществляли три государственные нотариальные конторы (в г. Томске, Мариинском и Анжеро-Судженском районах), а в местах, где нотариальные конторы отсутствовали, – народные суды, районные исполнительные комитеты и сельские советы. Все вопросы, связанные с деятельностью томских государственных нотариальных контор, находились в ведении Томского окружного суда. Томская государственная нотариальная контора имела статус «окружной», в ее ведении:

- 1) осуществление нотариальных действий и сопровождение нотариальных сделок;
- 2) контроль и консультирование по разрешению административных, хозяйственных и финансовых вопросов в области нотариата;
- 3) инструктирование районных государственных нотариальных контор, народных судов, районных исполкомов (райисполкомы) и сельских советов (сельсоветы);
- 4) финансово-отчетная и общественная работы.

Самыми распространенными нотариальными действиями являлись засвидетельствования доверенностей, копий документов и выписок из торговых книг, подлинностей подписей, совершение нотариальных актов (об отчуждении немунципализированных строений, аресте строений, помещений и предприятий), завещания, засвидетельствование сделок (об учреждении торговых и торгово-промышленных предприятий, о подрядах и поставках), совершение протестов векселей и др. [13. Л. 4–5]. Всего в Томской окружной нотариальной конторе было совершено нотариальных действий: в 1928 г. – 9 405, 1929 г. – 11 425 [14. Л. 9–9 об.; 15. Л. 2–2 об., 10–10 об.; 16. Л. 18–18 об.].

Инструктивная работа нотариуса состояла в обследовании районных государственных нотариальных контор, нарсудов, райисполкомов и сельсоветов; инструктирование по вопросам нотариата, разработке специального информационного материала для оптимизации нотариальной деятельности на местах [17. Л. 23]. В Томском округе насчитывалось 25 райисполкомов и 530 сельсоветов, из которых по территориальному расположению за Томской госнотконторой было закреплено 19 районов с приблизительно 400 сельсоветами [18. Л. 66]. Сложная транспортная доступность отдаленных районов до окружного центра, сильная загруженность основной нотариальной работой и кадровый дефицит Томской окружной государственной нотариальной конторы привели к тому, что в конце 1920-х гг. инструктивная работа томским нотариусом практически не выполнялась. В этой ситуации стала применяться частая практика обследования райисполкомов и сельсоветов не нотариусом, а секретарем Томской госнотконторы.

Руководитель Томской окружной государственной нотариальной конторы Глеб Гаврилович Синицын выполнял также общественные работы: знакомил население с нотариатом и гражданским правом, проводил информационные беседы, оказывал помощь беднейшему

населению и др. Например, в 1928 г. он дежурил в консультациях при окружном суде и Кожевенном заводе по нотариальным вопросам, а в 1930 г. – по общему плану Томского окружного суда выполнял работу на курсах выдвиженцев при Спичечной фабрике [15. Л. 23; 16. Л. 33].

За нотариальные действия взыскивалась плата: нотариальный, гербовый, местный, канцелярский сборы и плата за техническую работу [19. Л. 24, 30]. Взимаемые сборы и надбавки направлялись в счет местного бюджета, делали нотариальную работу прибыльной и выгодной. Именно поэтому во второй половине 1920-х гг. в условиях ужесточения финансовой дисциплины со стороны Народного комиссариата юстиции РСФСР (НКЮ РСФСР) и Народного комиссариата финансов РСФСР (НКФ РСФСР) вопросу о правильном и целесообразном ассигновании и расходовании нотариальных средств уделялось самое пристальное внимание. В свою очередь, государственное финансирование на содержание нотариата продолжало оставаться незначительным и по остаточному принципу. С 1 октября 1930 г. вводилась единая государственная пошлина, которая унифицировала сборы за нотариальную деятельность и усилила государственный контроль за движением нотариальных сборов.

Штат Томской окружной государственной нотариальной конторы в конце 1920-х гг. включал ставку нотариуса (Глеб Гаврилович Сеницын), секретаря (Анатолий Федорович Мальцев), машинистки (фактически – машинист-корреспондент) и курьера. Социальный состав Томской государственной нотариальной конторы: трое служащих и один рабочий (курьер); партийный состав: члены ВКП (б) – 1 человек (нотариус), члены ВЛКСМ – 1 человек (машинистка), беспартийные – 2 человека. Размер заработной платы томского нотариуса составлял 110 руб. Аналогичная оплата нотариусам окружного значения устанавливалась и в других регионах Сибирского края, например в Красноярском округе [5. С. 131]. Однако, для сравнения, заработная плата нотариуса была ниже заработной платы работников суда: член окружного суда получал 125 руб., запасный судья – 118 руб. [16. Л. 32 об.].

Мариинская (нотариус Виктор Петрович Карпов) и Анжеро-Судженская (нотариус Иван Юрьевич Дзенис) районные государственные нотариальные конторы, осуществляя нотариальную работу на местах, оказывали функциональную помощь Томской окружной государственной нотариальной конторе [17. Л. 20]. Доходность районных государственных нотариальных контор была незначительной, а их содержание отчасти покрывалось за счет доходов Томской окружной государственной нотариальной конторы. Так, государственный нотариус Г.Г. Сеницын про Анжеро-Судженскую государственную нотариальную контору говорил: «Контора дефицитна, но закрывать ее нецелесообразно, так как она обслуживает большой рабочий район. На содержание этой конторы приходится частично расходовать средства Томской конторы» [17. Л. 21 об.]. Штат районных государственных нотариальных контор предполагал только одного нотариуса с фиксированным размером заработной платы 100 руб.

Народные суды, райисполкомы и сельсоветы являлись низовыми органами по исполнению нотариальной функции, которые помимо обязанностей по своему прямому назначению выполняли и нотариальную работу. В конце 1920-х гг. в Томском округе нотариальную работу выполняли нарсудьи 21 участка [17. Л. 94]. Основным объемом работы состоял из удостоверения копий, доверенностей и оформления наследственных дел.

Принятие Положения о государственном нотариате РСФСР от 20 июля 1930 г. способствовало сужению компетенции нотариальных учреждений [7], а также привело к постановке в равные условия нотариальных контор и райисполкомов в вопросах выполнения нотариальных действий.

В то же время – 23 июля 1930 г. – было принято постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР о ликвидации округов: из округов бывшего Сибирского края образован Западно-Сибирский край с центром в г. Новосибирске и Восточно-Сибирский край с центром в г. Иркутске [11. С. 117]. Территория ликвидируемого Томского округа вошла в состав Западно-Сибирского края и претерпела очередное изменение, в результате которого 10 августа 1930 г. образовались районы: Томский с центром в г. Томске, Судженский (г. Анжеро-Судженск) и Мариинский (г. Мариинск).

Одновременно с административно-территориальными изменениями произошла реорганизация системы судебных органов и юстиции: Томская государственная нотариальная контора перешла из ведения ликвидируемого Томского окружного суда к нотариальному отделению Западно-Сибирского краевого суда, а Мариинская и Анжеро-Судженская государственные нотариальные конторы вышли из подотчетности и руководства Томской государственной нотариальной конторы.

В отчетах начала 1930-х гг. содержится информация, что общие условия работы Томской государственной нотариальной конторы по сравнению с 1929 г. не изменились: «ликвидация округов на работе конторы не отразилась, если не считать сокращения работы по Томской конторе, что получилось в результате того, что от Томской конторы отпали функции руководства и наблюдения за деятельностью районных контор и райисполкомов бывшего Томского округа» [9]. Статистические подсчеты в архивных документах указывают на сокращение количества нотариальных действий в 1930 г. в Томске до 7 687. Одна из причин такого сокращения заключалась в том, что согласно Положению часть нотариальной работы (нотариальное удостоверение доверенностей, договоров купли-продажи и сделок на сумму не свыше 500 рублей; засвидетельствование подлинности подписей на документах; засвидетельствование верности копий документов и др.) от государственных нотариальных контор перешла к райисполкомам и сельсоветам [20]. Также уменьшению объема работы в Томской государственной конторе способствовали социально-экономические преобразования, такие как сокращение товарно-денежных отношений, закрытие рынков на местах, рост цен на продовольственные продукты и т.д. Это произошло за

счет снижения векселей, доверенностей, исполнительных надписей и депозитных операций. В начале 1930-х гг. практически перестали заключаться сделки между частными лицами, расчеты по которым производились векселями. Вместе с тем увеличилось количество сделок по покупке учреждениями, особенно университетами, частновладельческих строений. Из сделок, удостоверяемых госнотконторой, абсолютное большинство относилось к сделкам купли-продажи частновладельческих строений.

На основании распоряжений Народного комиссариата юстиции РСФСР (НКЮ РСФСР) от 30 июня 1931 г. и Западно-Сибирского краевого суда от 19 октября 1931 г. нотариальные конторы ликвидировались, а их функции переданы создаваемым при городских советах нотариальным частям [21. Л. 1]. Томская государственная нотариальная контора 5 ноября 1931 г. также подлежала закрытию, а ее полномочия перешли к Городскому совету рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Томска (Горсовет) [13. Л. 1]. В Горсовете обязанности по совершению нотариальных действий возлагались на секретариат Горсовета, а точнее – на нотариальную часть, и Городской отдел коммунального хозяйства (Горкомхоз). Они могли совершать свидетельствование договоров об отчуждении и залоге строений и права застройки, выдачи залоговых свидетельств о залоге строений и права застройки и регистрации налагаемых на них арестов. В свою очередь, принятие в депозит предметов обязательств перешло в полномочия Томского отделения Государственного банка [13. Л. 3]. Разъяснения в случае затруднений, возникающих при выполнении нотариальной работы, осуществлял организационно-инструкторский отдел Западно-Сибирского краевого суда.

В штат общего отдела секретариата Горсовета вводилась должность заведующего нотариальным делом-производством с правом ответственного исполнителя с окладом 150 руб. в месяц. В 1931–1933 гг. данную должность занимала Елена Дмитриевна Шиманская, до этого работавшая машинисткой Томской прокуратуры, в 1933–1935 гг. – Мария Гавриловна Приимчук, имевшая опыт работы в секретариатах различных судебных органов [21. Л. 3].

Фактически работа нотариальной части Томского горисполкома началась с 10 ноября 1931 г. Разъяснения по вопросам нотариальной работы осуществлял организационно-инструкторский отдел Западно-Сибирского краевого суда [21. Л. 75].

В 1933 г. Постановлением ВЦИК СССР № 58 и Постановлением СНК СССР № 1924 от 7 февраля 1933 г. принято Положение о единой государственной пошлине, согласно которому происходила категоризация плательщиков и устанавливался размер взимаемой пошлины в зависимости от категории. Государственная пошлина продолжала поступать в местный бюджет.

10 апреля 1933 г. ВЦИК СССР постановил «ликвидировать Томский район Западно-Сибирского края»: часть сельсоветов Томского района перешли к Анжеро-Судженскому горсовету, а все остальные сельсоветы ликвидируемого Томского района – Томскому горсовету [11. С. 175]. Но 17 января 1935 г. Томский район был вновь восстановлен [11. С. 177].

Фактически в 1932–1935 гг. основные действия, выполняемые в нотариальной части, состояли из нотариального удостоверения доверенностей, засвидетельствования верности копий документов и подлинности подписей, исполнительных надписей на документах, а также мерах охраны наследства и свидетельства о праве наследования. Работа заведующего нотариальной частью сводилась к осуществлению простых технических функций, при этом специального образования не требовалось, как и профессиональных компетенций и опыта, которые ранее предъявлялись к нотариусам.

В период работы нотариальной части Томского Горсовета было выполнено нотариальных действий: в первом полугодии 1932 г. – 3 452, в первом полугодии 1934 г. – 3 064, в первом полугодии 1935 г. – 2 795 [21. Л. 24, 78, 79]. Несмотря на постоянные административно-территориальные преобразования по сокращению томской территории, объем работы нотариальной части существенно не уменьшился. Постоянная загруженность нотариальной части Горсовета Томска и обязательное требование о проставлении на нотариальных документах имущественного характера подписи и печати не только заведующего нотариальной частью Горсовета, но и Горкомхоза, затягивали сроки подготовки документов. В свою очередь, низкая квалификация и отсутствие опыта в нотариальном деле у сотрудников нотариальной части приводили к ошибкам в составлении нотариальных документов, в целом снижая качество нотариальной работы.

Вторая половина 1930-х гг. характеризуется временным усилением роли государства в жизни общества. Выявленные проблемы позволили пересмотреть новым руководством политику управления в сфере нотариата. В середине 1930-х гг. происходит новый этап – восстановление нотариата, которому способствовало принятие Конституции СССР 1936 г. с закреплением категоризации права собственности. С 1 января 1937 г. нотариальная функция из ведения советов исполкомов передавалась нотариальным конторам и столам при народных судах. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1936 г. была утверждена реорганизация нотариальных органов [22. Л. 1].

Одновременно произошло очередное административно-территориальное преобразование. В 1936 г. Томский район был упразднен (до 22 февраля 1939 г.), сохранив лишь городские территориальные границы Томска [11. С. 179]. Постановлением ВЦИК СССР от 28 сентября 1937 г. Западно-Сибирский край был разделен на Новосибирскую область и Алтайский край [11. С. 135], а г. Томск отнесен к вновь образованной Новосибирской области.

В 1937 г. в Западно-Сибирском крае, наряду с Западно-Сибирской краевой государственной нотариальной конторой, переименованной из Новосибирской областной нотариальной конторы, открываются еще 8 нотариальных контор (Сталинская, Бийская, Барнаульская, Прокопьевская, Ленинск-Кузнецкая, Кемеровская, Анжеро-Судженская и Томская) и 8 нотариальных столов (в течение года их число увеличилось до 54) [23. Л. 20, 50; 24. Л. 1]. В г. Томске с 15 февраля 1937 г. работала Томская государственная нотариальная контора, которая первоначально находилась в ведении старшего народного

судьи г. Томска. Инструктирование Томской государственной нотариальной конторы и нотариальных столов по выполнению ими нотариальных действий было возложено на Новосибирскую областную государственную нотариальную контору, а общее руководство – на председателя Западно-Сибирского краевого суда. Наблюдение за надлежащим выполнением заведующими нотариальными столами их обязанностей возложено на народный суд, который проверял правильность совершения нотариальными столами того или иного нотариального действия или отказа от совершения нотариального действия лишь в случае их обжалования в порядке статей 231–234 Гражданского процессуального кодекса РСФСР.

В 1939 г. Томская государственная нотариальная контора переходит в ведение Управления НКЮ РСФСР по Новосибирской области. В целях упорядочивания деятельности нотариальных контор 17 августа 1940 г. НКЮ РСФСР разослал в регионы инструкцию по разъяснению постановления СНК РСФСР от 20 июля 1940 г. № 575 «Об организации и руководстве деятельностью нотариальных контор», согласно которой все нотариальные столы были переименованы в нотариальные конторы, а заведующие нотариальными столами – в нотариусы без увеличения штата и размера заработной платы [25. Л. 23 А].

Работа возрожденного государственного нотариата как структурной единицы советского государственного аппарата теперь акцентировалась не только на нотариальной работе – совершении юридических актов, но и ориентировалась на целенаправленное укрепление революционной законности.

Штат Томской государственной нотариальной конторы в 1937–1939 гг. включал государственного нотариуса (Мария Гавриловна Приемчук), секретаря и машинистку. Заработная плата нотариуса Томской государственной конторы составляла 450 руб. в месяц, что на 15% меньше заработной платы народного судьи в данной местности. Для сравнения, старший нотариус Западно-Сибирской краевой государственной нотариальной конторы (г. Новосибирск) получал 550 руб. в месяц [23. Л. 20].

Томская государственная нотариальная контора выполняла все нотариальные действия, перечисленные в статье 1 Положения о государственном нотариате 1930 г., за исключением действий, указанных в п. 12 данной статьи по регистрации арестов, налагаемых на строения или право застройки, которые производились только Горкомхозом и Горсоветом [19. Л. 2]. Томский нотариус в 1937 г. совершил 6 657 нотариальных действий, в 1938 г. – 7 536, в 1939 г. – 6 085, с января по сентябрь 1940 г. – 9 143 [26. Л. 4 об., 8 об., 11 об., 14 об.; 27. Л. 6, 11, 18, 23; 28. Л. 7, 14, 24 об., 28; 29. Л. 1–20]. При этом размеры взысканной госпошлины по Томской нотариальной конторе составляли: в 1937 г. – 11 083,22 руб., в 1938 г. – 40 538 руб., в 1939 г. – 32 610 руб., с января по сентябрь 1940 г. – 53 357 руб. [26. Л. 4 об., 8 об., 11 об., 14 об.; 27. Л. 6, 11, 18, 23; 28. Л. 7, 14, 24 об., 28; 29. Л. 1–20].

В марте 1940 г. на должность нотариуса Томской государственной нотариальной конторы была назначена Елизавета Кондратьевна Татаринцева. Согласно штатному расписанию в Томской государственной нотариальной конторе с июня 1940 г. работали: нотариус,

ответственный исполнитель (Мария Дмитриевна Шамская) – должность введена вместо секретаря-машинистки, курьер-уборщица [30. Л. 38]. Ответственный исполнитель фактически являлся заместителем нотариуса и имел право совершать все нотариальные действия на период отсутствия последнего.

В начале 1940-х гг. перед НКЮ РСФСР стояли две важные задачи в организации работы нотариата – повышение статуса и деловой квалификации работников нотариата и улучшение материально-бытового положения сотрудников [31]. В этой связи НКЮ РСФСР по Новосибирской области были организованы 6-месячные курсы переподготовки, усилена подготовка работников юстиции в годичной правовой школе и проведена агитационная работа по вовлечению на заочное обучение [32. Л. 239]. В Томской государственной нотариальной конторе были улучшены материально-бытовые условия для работы: пригодное помещение с двумя комнатами оборудовано новой мебелью и пишущей машинкой.

В годы Великой Отечественной войны Томск, несмотря на свою удаленность от центра боевых действий, ощутил колоссальные изменения, затронувшие чуть ли не все сферы жизни населения. С начала войны из оккупированных западных территорий страны в Томск эвакуировали гражданское население, промышленные предприятия, учреждения культуры и образования: заводы «Пневматика» и «Электросила» из Ленинграда, «Шарикоподшипник» и «Москабель» из Москвы, Спичечная фабрика из Гомеля, Оптико-механический завод из Загорска и многие другие. Томск стал тыловым плацдармом разработки оборонной продукции: зажигательной смеси для уничтожения танков, миноискателей, противогазов, радиооборудования, прицелов для артиллерийских орудий, танковых призм и др. [33. С. 48–49]. Военное время оказало влияние на работу органов юстиции, судов и нотариата: чувствовалась острая нехватка квалифицированных кадров и колоссальная нагрузка на специалистов в режиме жесткой экономии, отсутствовали благоприятные условия труда, происходили постоянные сбои в электроснабжении, водоснабжении и т.д. В стране в целях экономии повсеместно началось сокращение государственных структур, в том числе и нотариальных контор, но единственная в городе Томская государственная нотариальная контора продолжила работу под руководством государственного нотариуса Татаринцевой Елизаветы Кондратьевны.

В военные годы в Томской государственной нотариальной конторе подавляющее большинство нотариальных действий составляли засвидетельствования подлинности копий и подписей, например, таких документов, как выписки из истории болезни, справки об инвалидности, об эвакуации, аттестаты зрелости об окончании образовательных учреждений, извещения о нахождении на военной службе либо о признании погибшим на фронте. Снизилось количество удостоверений договоров об отчуждении строений и купли-продажи строений, но возросло количество договоров купли-продажи животных личного подсобного хозяйства (коровы, козы, куры) и предметов бытового назначения (посуда, тапки, дрова, сено).

В 1941 г. в Новосибирской области нотариусы районных государственных нотариальных контор, в том числе и Томской, получали в месяц 414 руб., старший нотариус Новосибирской областной нотариальной конторы – 600 руб. [34. Л. 3]. В связи с большой нагрузкой и отсутствием кадровой замены нотариусы фактически не могли уйти в отпуск и часто брали компенсацию за неиспользованный отпуск. К 1944 г. вместе с нагрузкой выросла и заработная плата нотариусов: у старшего нотариуса государственной нотариальной конторы г. Новосибирска она составляла 1100 р., у нотариуса г. Томска – 680 руб.

Новый виток в развитии томского нотариата традиционно был связан с изменениями в административно-территориальном делении страны. Указом Президиума Верховного Совета от 13 августа 1944 г. была образована Томская область, в состав которой включены города Томск, Колпашево и районы: Александровский, Асиновский, Бакчарский, Васюганский, Верхнекетский, Зырянский, Каргасокский, Кожевниковский, Молчановский, Парбигский, Пудинский, Пышкино-Троицкий, Тегульдетский, Томский, Туганский, Тымский, Чаинский и Шегарский [35. С. 129].

С 1 ноября 1944 г. Томская нотариальная контора получила областной статус и была передана в подчинение Управлению Наркомата юстиции РСФСР по Томской области. Возглавил ее Н.А. Лебедев, имевший за плечами большой опыт руководящей работы в системе юстиции. Действующий государственный нотариус Василиса Ивановна Хотько стала старшим государственным нотариусом.

Штат государственной нотариальной конторы г. Томска включал ставку старшего нотариуса, ответственного исполнителя, секретаря, счетовода-кассира и уборщицы [36. Л. 11].

Специфика Томского региона заключалась в отдаленности областного центра от большинства сельских районов, входящих в состав субъекта, где единственным путем сообщения была только весенне-летняя навигация по реке Томь. В связи с этим население испытывало большие сложности выезда в Томск для надлежащего оформления различного рода нотариальных документов. Кроме того, обеспечить нотариальную функцию работой единственного нотариуса в области априори было невозможно и требовало открытия новых государственных нотариальных контор в Томской области. В 1944 г., после образования Томской области, Колпашевской государственной нотариальной конторе во главе с государственным нотариусом Капелькиной Анастасией Ильиничной в первое время удалось решить вопрос обеспечения населения северных районов области нотариальным обслуживанием. В дальнейшем, в послевоенные годы, эту проблему удалось решить благодаря открытию нотариальных контор в других муниципалитетах Томской области: с. Молчаново (1945 г.), с. Каргасок (1946 г.), г. Асино (1946 г.), Кожевниковский район (1948 г.) и т.д.

Во второй половине 1930-х гг. – 1944 г. томский нотариат продолжал ощущать острую нехватку квалифицированных специалистов-юристов: специалисты с юридическим образованием сначала распределялись

для работы в суды и органы прокуратуры, а государственные нотариальные конторы доукомплектовывались по остаточному принципу. В Томской государственной нотариальной конторе работали нотариусы без профессионального юридического образования, законченного среднего образования, с незначительным опытом работы в секретариате судебно-правоохранительных органов либо молодые юристы – выпускники высших учебных заведений РСФСР без опыта работы. Так, государственный нотариус Томской государственной нотариальной конторы Е.К. Татаринцева на момент исполнения своих обязанностей получила образование на уровне юридических курсов и имела за плечами незначительный опыт работы с 1937 г. в качестве секретаря и судебного исполнителя народного суда в Горной Шории [37. Л. 3]. После ухода Е.К. Татаринцевой в 1942 г. на должность государственного нотариуса в Томскую госнотконтору получила назначение В.И. Хотько, опять же с уровнем образования в объеме юридических курсов и опытом работы на судейской Тоугучинского (1932–1933 гг.) и Томского (1935–1936 гг.) народных судов [38. Л. 6, 10, 15].

Следует обратить внимание и на гендерное изменение в составе томского нотариата: если в дореволюционное время и в первое десятилетие советской власти профессия томского нотариуса была исключительно мужской, то в 1930-е и военные годы в Томской государственной нотариальной конторе работали государственными нотариусами только женщины.

Несмотря на отмеченное политическим руководством улучшение организации и деятельности государственного аппарата в результате проведенных реформ 1930-х гг. для страны и Сибири в целом, для Томска это имело негативный эффект. Постоянные административно-территориальные изменения способствовали постепенному ограничению административной самостоятельности города Томска в распределении финансовых дотаций на развитие территории в связи с централизацией всех ресурсов в г. Новосибирске. Отсутствие в г. Томске индустриальных предприятий, удобных транспортных коммуникаций, сворачивание культурной жизни привели к оттоку населения в динамично развивающиеся г. Новосибирск или Кузбасс. Вместе с тем обновление и развитие промышленного производства в военное время позволили вернуть Томску статус областного значения. Также Томск продолжал развиваться как центр высшего и среднего специального образования Сибири: в 1930-е гг. наряду с самым крупным за Уралом индустриальным институтом и государственным университетом открывались новые вузы. В преддверии Великой Отечественной войны в Томске было семь вузов, девятнадцать техникумов, в которых обучалось 15–17 тыс. студентов. Примерно каждый двенадцатый житель города был студентом. Томские вузы и техникумы сыграли решающую роль в обеспечении народного хозяйства Сибири кадрами высокой квалификации [39. С. 394].

Низкая заработная плата, слабая материально-техническая оснащенность Томской государственной нотариальной конторы и большой объем работы продолжали способствовать текучке кадров. Данная проблема

была характерна для многих регионов Сибири и Дальнего Востока [1, 4–6].

Таким образом, не только государственные социально-экономические и правовые изменения, но и административно-территориальные преобразования 1930-х гг. выступили «реформенными качелями» в судьбе томского нотариата: от постепенного сокращения до ликвидации в качестве самостоятельного государственного органа до последующего восстановления и дальнейшего развития в системе государственных органов. Вместе с тем указанные преобразования позволили постепенно наладить гражданский оборот и увеличить товарно-денежные отно-

шения, что способствовало развитию нотариальной деятельности. Действующим руководством было определено место нотариата в системе государственных органов: пройдя путь от подчинения органам суда через упрощенную работу в системе государственных органов – горисполкомов, райисполкомов и сельсоветов, нотариат в итоге был встроен в систему органов Народного комиссариата юстиции РСФСР. Произошло окончательное закрепление осуществления нотариальной функции за государственными нотариальными конторами, а образование Томской области ознаменовало новый этап развития томского государственного нотариата.

Список источников

1. Васильев А.А. История нотариата на Алтае. Барнаул : Колибри, 2017. 187 с.
2. Карчаева Т.Г., Доржу З.Ю., Северьянов М.Д., Седен А.В. История нотариального дела на территории Тувы: от нойонов и старших выборных до Первой Кызылской нотариальной конторы (1914–1940-е гг.) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15, № 1. С. 51–62.
3. Карчаева Т.Г., Северьянов М.Д., Жулаева А.С., Задорин А.В. Нотариат Республики Хакасия: история и современность. Абакан : Добромир, 2020. 247 с.
4. Жулаева А.С., Карчаева Т.Г., Немтушкина М.А., Северьянов М.Д. Нотариат Красноярского края: история и современность. Красноярск : Класс Плюс, 2018. 287 с.
5. Жулаева А.С., Карчаева Т.Г., Северьянов М.Д. История нотариата Приенисейской Сибири (XVIII–XX вв.). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. 262 с.
6. Друзяка А.В. История нотариата на Дальнем Востоке России : в 2 т. Т. 2 : Становление и функционирование органов государственного нотариата на Дальнем Востоке России в 1918–1992 гг. Владивосток : Федеральная нотариальная палата; Фонд развития правовой культуры, 2014. 209 с.
7. Друзяка А.В. Государственный нотариат на Дальнем Востоке СССР в 1946–1950-е гг. // *Современная научная мысль*. 2017. № 1. С. 77–83.
8. Друзяка А.В., Дударенок С.М. Институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1879–1930-е гг.) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2018. № 2 (45). С. 76–83.
9. Румянцев П.П., Румянцева Е.Н., Сорокин А.Н. История нотариата на Томской земле. Томск, 2021. 290 с.
10. Козинцев А.Я. Разрушение и восстановление системы советского нотариата в середине 30-х годов XX века // *Нотариус*. 2006. № 3. С. 43–47.
11. Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.) : справочник / сост.: И.Ф. Астраханцева, А.А. Дудолодов, М.И. Тимошенко. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 220 с.
12. О введении в действие Положения о Государственном Нотариате РСФСР : декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 04 октября 1926 г. // *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (далее СУ РСФСР)*. 1926. № 74. Ст. 576.
13. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 47.
14. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 116.
15. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 158.
16. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 195.
17. ГАТО. Ф. Р.-224. Оп. 1. Д. 43.
18. ГАТО. Ф. Р.-224. Оп. 1. Д. 88.
19. ГАТО. Ф. Р.-117. Оп. 3. Д. 1.
20. Положение о государственном нотариате РСФСР от 20 июля 1930 г. // *СУ РСФСР*. 1930. № 38. Ст. 476.
21. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 232.
22. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 329.
23. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Р.-1027. Оп. 6. Д. 30.
24. ГАНО. Р.-1027. Оп. 6. Д. 36.
25. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 406.
26. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 364.
27. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 391.
28. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 420.
29. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 451.
30. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 453.
31. ГАНО. Р.-1027. Оп. 9. Д. 13.
32. ГАНО. Р.-1199. Оп. 1. Д. 4.
33. Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. д-ра ист. наук Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. 440 с.
34. ГАНО. Р.-1199. Оп. 3. Д. 31.
35. Томскому областному суду 200 лет. Документально-публицистическая история Томского областного суда / под ред. В.А. Миронов. Томск : Изд-во «Красное знамя», 2004. 528 с.
36. ГАНО. Р.-1199. Оп. 3. Д. 52.
37. ГАНО. Р.-1208. Оп. 3. Д. 1719.
38. ГАНО. П.-3. Оп. 17. Д. 2888.
39. Томская область : исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1994. 684 с.

References

1. Vasil'ev, A.A. (2017) *Istoriya notariata na Altae* [History of notaries in the Altai region]. Barnaul: Kolibri.
2. Karchaeva, T.G., Dorzhu, Z.Yu., Sever'yanov, M.D. & Seden, A.V. (2022) History of Notarial Affairs in Tuva: From Noyons and Senior Electives to the First Notarial Office of Kyzyl, 1914 to 1940s. *Oriental Studies*. 15 (1). pp. 51–62. (In Russian).

3. Karchaeva, T.G., Sever'yanov, M.D., Zhulaeva, A.S. & Zadorin, A.V. (2020) *Notariat Respubliki Khakasiya: istoriya i sovremennost'* [Notaries of the Republic of Khakassia: history and modernity]. Abakan: Dobromir.
4. Zhulaeva, A.S., Karchaeva, T.G., Nemtushkina, M.A. & Sever'yanov, M.D. (2018) *Notariat Krasnoyarskogo kraya: istoriya i sovremennost'* [Notaries of Krasnoyarsk Krai: history and modernity]. Krasnoyarsk: Klass Plyus.
5. Zhulaeva, A.S., Karchaeva, T.G. & Sever'yanov, M.D. (2019) *Istoriya notariata Prieniseyskoy Sibiri (XVIII–XX vv.)* [History of the notaries of the Yenisei Siberia (18th–20th centuries)]. Krasnoyarsk: SFU.
6. Druzyaka, A.V. (2014) *Istoriya notariata na Dal'nem Vostoke Rossii: v 2 t.* [History of notaries in the Far East of Russia: in 2 vols]. Vol. 2. Vladivostok: Federal'naya notarial'naya palata; Fond razvitiya pravovoy kul'tury.
7. Druzyaka, A.V. (2017) Gosudarstvennyy notariat na Dal'nem Vostoke SSSR v 1946–1950-e gg. [State Notaries in the Far East of the USSR in 1946–1950s]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 1. pp. 77–83.
8. Druzyaka, A.V. & Dudarenok, S.M. (2018) Institut notariata na Dal'nem Vostoke Rossii i v Man'chzhurii (1879–1930-e gg.) [Notary Institute in the Russian Far East and Manchuria (1879–1930s)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2 (45). pp. 76–83.
9. Rummyantsev, P.P., Rummyantseva, E.N. & Sorokin, A.N. (2021) *Istoriya notariata na Tomskoy zemle* [The history of notaries in Tomsk Oblast]. Tomsk: [s.n.].
10. Kodintsev, A.Ya. (2006) Razrushenie i vosstanovlenie sistemy sovetskogo notariata v seredine 30-kh godov XX veka [Destruction and restoration of the system of the Soviet notaries in the mid-1930s]. *Notarius*. 3. pp. 43–47.
11. Astrakhanseva, I.F., Dudoladov, A.A. & Timoshenko, M.I. (1966) *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri (avgust 1920 g. – iyul' 1930 g.), Zapadnoy Sibiri (iyul' 1930 g. – sentyabr' 1937 g.), Novosibirskoy oblasti (s sentyabrya 1937 g.): spravochnik* [Administrative-territorial division of Siberia (August 1920 – July 1930), Western Siberia (July 1930 – September 1937), Novosibirsk region (since September 1937): reference book]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
12. RSFSR. (1926) O vvedenii v deystvie Polozheniya o Gosudarstvennom Notariate RSFSR: dekret VTsIK i SNK RSFSR ot 04 oktyabrya 1926 g. [On the Enactment of the Regulations on the State Notaries of the RSFSR: Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR of October 04, 1926]. *Sobranie uzakoneniy i rasporozhdeniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. 74. Art. 576.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 47.
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 116.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 158.
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 195.
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-224. List 1. File 43.
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-224. List 1. File 88.
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-117. List 3. File 1.
20. RSFSR. (1930) Polozhenie o gosudarstvennom notariate RSFSR ot 20 iyulya 1930 g. [Regulations on the state notary of the RSFSR of July 20, 1930]. *Sobranie uzakoneniy i rasporozhdeniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR*. 38. Art. 476.
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 232.
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 329.
23. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R.-1027. List 6. File 30.
24. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R.-1027. List 6. File 36.
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 406.
26. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 364.
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 391.
28. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 420.
29. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 451.
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R.-448. List 1. File 453.
31. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R.-1027. List 9. File 13.
32. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R.-1199. List 1. File 4.
33. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *Tomsk ot A do Ya: Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: Brief encyclopedia of the city]. Tomsk: NTL.
34. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). R.-1199. List 3. File 31.
35. Mironov, V.A. (ed.) (2004) *Tomskomu oblastnomu sudu 200 let. Dokumental'no-publitsisticheskaya istoriya Tomskogo oblastnogo suda* [Tomsk Regional Court is 200 years old. Documentary and journalistic history of the Tomsk Regional Court]. pod red. V.A.). Tomsk: Izd-vo "Krasnoe znamya".
36. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). R.-1199. List 3. File 52.
37. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). R.-1208. List 3. File 1719.
38. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). P.-3. List 17. File 2888.
39. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1994) *Tomskaya oblast': istoricheskiy ocherk* [Tomsk Oblast: historical essay]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторе:

Румянцев Е.Н. – аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: katerum3007@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Rummyantseva, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: katerum3007@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.03.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2023; принята к публикации 30.04.2023.

The article was submitted 08.03.2023;
approved after reviewing 14.03.2023; accepted for publication 30.04.2023.

Научная статья
УДК 327.2
doi: 10.17223/15617793/489/14

Церковная периодическая печать рубежа XIX–XX вв. об инородцах Сибири и Дальнего Востока

Константин Анатольевич Семенчук¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
ksemenchuk29@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются способы репрезентации инородческого населения восточных окраин Российской империи. Приведены основные метафорические модели, при помощи которых в церковной периодической печати описывалось аборигенное население окраин России, а также проведен анализ и выполнена реконструкция каждой из них. Делается вывод, что истоки экспансионистских идей и имперского дискурса лежат внутри тех форм рациональности, стереотипов восприятия и шаблонов мышления, основы которых заключены в рамки религиозной парадигмы.

Ключевые слова: имперский дискурс, инородцы, Русско-китайская война, Русско-японская война, миссионерский исторический нарратив

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках проекта «Конфессиональные границы, смена веры и реидентификация крещеных евреев в Российской империи» (№ 22-78-10140), осуществленного при поддержке Российского научного фонда.

Для цитирования: Семенчук К.А. Церковная периодическая печать рубежа XIX–XX вв. об инородцах Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 143–152. doi: 10.17223/15617793/489/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/14

Church periodicals of the turn of the 20th century about the inorodtsy of Siberia and the Far East

Konstantin A. Semenchuk¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
ksemenchuk29@gmail.com

Abstract. In modern historiography, the image of Asian “inorodtsy” (foreigners) is relatively well-developed. Works on this issue were carried out within a certain general framework of imperial studies and, to some extent, were associated with the reception of the concept “orientalism” by Edward Said. However, due to certain circumstances, the materials of the church press, with rare exceptions, were not used. Because of this, the question of how the Asian peoples were represented in the Orthodox-Christian discourse was not considered separately. This is a significant scientific problem, and this work is aimed at solving it. The study is based on a sample that includes 431 publications in church periodicals – Kamchatka, Blagoveshchensk, Vladivostok, Trans-Baikal and Yakut eparchy journals for 1894–1906. The source base was also supplemented with publications from other regions and other materials. The study involved the identification of metaphorical models used by church publicists in relation to foreigners using the method of content analysis. The most common models were the following: (1) a biblical model – when describing foreigners, comparisons are made with Old Testament and New Testament landscapes and characters; (2) a patriarchal family model – foreigners fit into the widespread concept of assimilation of state relations to intra-family ones; (3) a zoomorphic model – when describing foreigners, comparisons with representatives of the animal world are used; (4) a phyto-morphic model – the same as the previous one, only plants are used as an object for comparison; (5) a physiological model – social relations are described by analogy with the human body. The selected groups of metaphors generally correspond to the models that were used in the church periodical press when describing the Russian Empire. At the same time, almost all of them are interconnected and, one way or another, go back to Orthodox Christian symbolism. Around all the narratives, there is a certain discursive frame, which, on the whole, fits into the idea of a teleological nature about the predetermination of the unification of the territory of Northern Eurasia under the rule of the Russian tsar into a single ethno-political space. Based on this, we can assume that the origins of expansionist ideas and imperial

discourse lie in the forms of rationality, stereotypes of perception and thought patterns, whose foundations lie within a religious paradigm that supports not only the symbolic legitimization of the monarchical political regime, but also justifies the geographical expansion of the Russian tsar's power.

Keywords: imperial discourse, inorodtsy, Russo-Chinese war, Russo-Japanese war, missionary historical narrative

Financial support: The article was prepared within the framework of the project “Confessional borders, change of faith and re-identification of baptized Jews in the Russian Empire” (No. 22-78-10140), carried out with the support of the Russian Science Foundation.

For citation: Semenchuk, K.A. (2023) Church periodicals of the turn of the 20th century about the inorodtsy of Siberia and the Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 143–152. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/14

Введение

На сегодняшний день активно расширяются экономические и культурные связи Российской Федерации с государствами Центральной и Восточной Азии, помимо этого, продолжают развиваться после распада СССР процессы поиска новой идентичности, способной эффективно объединить полиэтническое российское общество. В связи с этим растет запрос на изучение имперского прошлого России, важным аспектом которого являются представления колонизаторов об аборигенном населении, а также целях и задачах государства на отдаленных окраинах.

В современной отечественной и зарубежной историографии образ азиатских «иностранцев» разработан относительно хорошо. Работы, посвященные данной проблематике, проводились в некоей общей рамке имперских исследований и в какой-то степени были связаны с рецепцией концепции «ориентализма» Эдварда Саида [1]. Сюда можно отнести таких известных авторов, как Дэвид Схиммельпеннинк ван дер Ойе, Слезкин Ю., Джераси Р., Сюзанна Суджунг Лим и др. [1–9]. Однако в силу определенных обстоятельств материалы церковной печати практически не были задействованы ими в качестве центрального источника.

Работы вышеперечисленных авторов по большей части сосредотачиваются на анализе трудов крупных имперских военных и гражданских экспертов или значимых литературных произведениях. О заостренности исследовательских нарративов именно на этих сюжетах ярко свидетельствует критерий выделения глав: зачастую они оказываются персонализированы (например, «Желтая угроза: Алексей Куропаткин»; «И.Н. Смирнов и Мултанское дело» и др.). Несколько особняком стоит работа Юрия Слезкина «Арктические зеркала», которая, в силу обширности использованных источников, включает в область исследования церковные тексты (это видно по структуре работы [6. С. 508]). Однако выявленные элементы церковного дискурса были встроены в общую канву повествования, а потому его отдельные части детально не анализировались.

В качестве редкого исключения стоит отметить работу Я.С. Гузей «“Желтые народы” во взглядах русского православного духовенства в конце XIX – начале XX вв.» [10]. Несмотря на предметную близость, ис-

следовательская оптика здесь была значительно смещена в область изучения «желтого вопроса». Более подробно этот аспект был рассмотрен в исследовании В.В. Суворова [11. С. 78–80], а наиболее полно представлен в коллективной работе В.И. Дятлова, Я.С. Гузей, Т.Н. Сорокиной «Китайский погром. Благовещенская “Утопия” 1900 г. в оценке современников и потомков» [12]. При этом в работе содержится некоторая неточность, которая касается событий, связанных с Русско-китайской войной и погромом в Благовещенске в июле 1900 г. В монографии заявлено, что местная церковная печать никак прямо не отреагировала на произошедшие трагические события [12. С. 86]. Этому утверждению противоречит тот факт, что в 1903 г. в нескольких номерах Благовещенских епархиальных ведомостей вышла путевая заметка священника А. Гаркина, где он кратко затрагивает военные события лета 1900 г., истолковывая произошедшее в рамках православно-христианского дискурса [13. С. 339–340].

Естественно, что на взгляды духовенства влияли и разноплановые общественные суждения об азиатских народах (китайцах, корейцах, японцах, маньчжурах, монголах), обобщенно именуемые «желтый вопрос» или «желтая опасность». Поэтому можно согласиться с Я.С. Гузей в том, что церковно- и священнослужители как члены общества вбирали в свои повседневные представления общие настроения эпохи [10. С. 114], но при этом их письменная репрезентация значительно осложнялась региональной и фактически задавалась конфессиональной спецификой (даже на уровне выбора метафор).

Но важно отметить, что сами церковно- и священнослужители слово «желтый», по крайней мере на страницах епархиальных изданий, в отношении азиатских народов практически никогда не использовали. В Камчатских, Благовещенских, Владивостокских и Забайкальских епархиальных ведомостях (то же можно сказать и о Якутских епархиальных ведомостях) эти народы именуются в основном либо по этно-территориальной, либо по конфессиональной принадлежности: «соседи наши», «сыны Небесной империи», корейцы, китайцы, маньчжуры, японцы, буряты или же язычники, шаманисты, конфуцианцы и буддисты, ламaitы. Однако в современной историографии вопрос о том, каким именно образом азиатские народы были изображены в рамках православно-христианского дис-

курса не поднимался, что является существенной научной проблемой, на решение которой и направлена данная работа.

Исследование основывается на выборке, включающей в себя 431 публикацию в церковной периодической печати – Камчатских, Благовещенских, Владивостокских, Забайкальских и Якутских епархиальных ведомостях за 1894–1906 гг. Источниковая база также была дополнена публикациями из других регионов и иными материалами.

Методы и процедура исследования

В основу работы легла апробированная ранее схема [14], которая на первом этапе предполагала выявление с помощью метода контент-анализа наиболее распространенных метафорических моделей, используемых церковными публицистами в отношении инородцев. Процедура включала поиск характерных для каждой модели слов-индикаторов, при этом частота упоминания каждого из них не подсчитывалась. Такой подход позволил

рассмотреть распределение по публикациям в целом, тем самым были получены следующие данные:

1. *Библейская модель* – при описании инородцев используются сравнения с ветхозаветными и новозаветными ландшафтами и персонажами.

2. *Модель патриархальной семьи* – инородцы вписываются в распространенную концепцию уподобления государственных отношений внутрисемейным.

3. *Зооморфная модель* – при описании инородцев используются сравнения с представителями животного мира.

4. *Фитоморфная модель* – то же, что и предыдущая, только в качестве объекта для сравнений используются растения.

5. *Физиологическая модель* – общественные отношения описываются по аналогии с человеческим телом (чаще всего для того, чтобы акцентировать внимание на характерных чертах инородца).

Получившееся распределение приведено ниже (рис. 1).

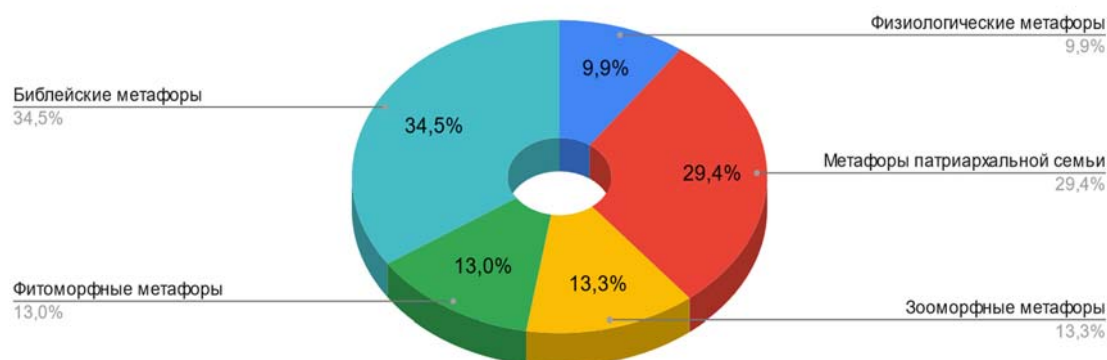

Рис. 1. Распределение публикаций по наличию слов-индикаторов

Второй этап предполагал реконструкцию каждой из представленных моделей. Это позволило воссоздать некоторые общие для авторов и широко тиражируемые в печати (не только церковной) «прототипы» или, если использовать терминологию Ролана Барта, «мифы» [15. С. 18, 71], являющиеся существенной частью имперского дискурса.

Библейская модель

Библейские метафоры представлены в виде нескольких довольно распространенных конструкций: «младенцы во Христе» [1 Кор. 3:1–2], «истинный Пастырь» [Ин. 10:1–6], «нива духовная» [Лк. 10:2–2]. Деятельность священников-миссионеров прямо уподобляется деятельности первых апостолов [16. С. 8–11]. Но наиболее популярной оказалась конструкция, восходящая к Евангелию от Луки: «просветить сидящих во тьме и тени смертной» [Лк. 1:79]. Последний образ наиболее распространен и вариативен. Инородцы представлены как сидящие «во тьме языческого

мрака» [17. С. 349], в который постепенно проникает «свет евангельского учения» [18. С. 356]. Эта же конструкция используется в речи епископа Никодима (Боккова) для обоснования вторжения русских войск в Китай в 1900 г. (Китай – «страна мрака и заблуждений») [19. С. 74–75], ее же он использует и по случаю войны с Японией [20. С. 143]. Не менее распространенными были уподобления Российской империи Израильскому царству и активное использование образов из Ветхого Завета («Вспомните как наша Святая Русь страдала от ига татар, от нашествия Батыя; но господь не допустил до гибели своего возлюбленного Израиля...» [21. С. 21]) и параллели между врагами российского царя и врагами пророка Давида [22. С. 382]. Нужно отметить, что использование христианских образов было распространено не только в конфессиональной книжности и церковной периодике, но и применялось в качестве средства легитимации политической системы. Происходило активное конструирование Иерусалимов сначала в Центральной России, а затем библейская топонимика распространялась на территории Сибири и

Дальнего Востока [23. С. 174–184]. Заслуживает внимания то, что в историческом нарративе о православной миссии в Китае можем встретить следующее замечание: «Азия – колыбель христианства... Но... согласно пророчеству Самого Господа, свет Его учения померк даже в Палестине, а тем более обложен мраком сени смертные в иных странах жестоковейной Азии» [24. С. 361]. Таким образом, расширение Российской империи представляется в виде некоей «великой исторической миссии русского народа» [25. С. 577] по продвижению «света Христова учения» в темные, дикие и пустынные языческие территории [19. С. 72]. При этом просвещение светом Христова учения фактически представлено в текстах как синоним русификации аборигенного населения, поскольку «православие... составляет главную существенно-характерную, отличительную основу русского духа, русского народа» [26. С. 144]. Необходимо отметить, что попытки привлечения в христианство дальневосточных евреев были крайне редки и наталкивались на использование ветхозаветных образов в качестве контраргументов в дискуссиях с миссионерами: «привлекал в христианство еврея Авраама Садовича... но безуспешно. Отец Садовича закоренелый еврей фанатик и даже староста Нерчинской синагоги. Авраам гордится своим происхождением из рода Аарона и ожидает от своего потомства Мессии. Доказательства истинности православной веры на Авраама не влияли» [27. С. 35].

Политические концепции, облеченные в «христианскую оболочку», многократно использовались для построения объяснительных моделей в военное время. На этой стезе православно-миссионерский дискурс являл собой довольно экспансионистскую систему. Незадолго до вторжения русских войск в Китай («темного хиннов царства, омраченного гордостью древнего змия» [28. С. 107]) в одной из публикаций епархиальных ведомостей можно было обнаружить замечание следующего содержания: «...другим уже возведено евангелие царствия, но они, находясь под тяжелым гнетом своих языческих гражданских религиозных вождей, нуждаются в опоре, защите и помощи, чтобы порвать с прежним язычеством...» [28. С. 414]. Поэтому Россия не могла быть «индифферентна к судьбе многих миллионов людей, китайцев, сидящих во тьме язычества» [30. С. 16]. В 1903 г., уже после событий, связанных с участием Российской империи в подавлении восстания ихэтуаней, священник Благовещенской епархии, опираясь на сюжеты из Нового Завета, выражал надежду на скорую христианизацию китайского государства (включая крещение императора) [31. С. 102–106]. Русский народ в этом фрейме был уподоблен «апостолу неверных народов Востока» [20. С. 142–143]. Апелляцию к апостольской деятельности мы встречаем и в текстах, которые объясняют необходимость войны вообще и военных действий в Китае в частности [30. С. 16].

При этом в контексте столкновения с Японией нередко можно заметить отдельные элементы алармистских настроений в духе «желтой опасности»: страх перед «бесчисленными азиатскими народами» во главе с

японцами, с надеждой, что «Бог не допустит змию восторжествовать над крестом... не допустит поклонникам дракона победить верующих во Христа» [30. С. 16–17]. Встречается даже сравнение русских войск, отправляющихся на театр боевых действий, с «Голгофским подвигом Христа Спасителя» [20. С. 144]. Поражение же России было истрактовано как наказание «за грехи наши, ибо мы все почти совершенно развратились и забыли Бога, а военным бедствием Господь хочет призвать нас к покаянию» [33. С. 184].

Метафора патриархальной семьи

Орочоны, эвенки (тунгусы), нивхи (гиляки), нанайцы (гольды), негидальцы и др. – автохтонное население Дальнего Востока – практически повсеместно предстают в нарративах как «наивные дети природы», которые «не испорчены ложной культурой», «люди с детской душой и верою» [34. С. 412], а в случае если остались без священника – как «духовные сироты» [35. С. 35]. Регулярно используется заимствованное из Нового Завета определение – «младенцы во Христе». При этом обряд крещения для них является «видимым знаком вступления в царство верующих во Христа и в одну семью с русскими» [36. С. 50]. Однако положение в этой семье у инородцев неравноправное, они занимают место «меньшей братии», «бедных жалких братьев наших по вере» [37. С. 56], «духовных детей» или «юных чад Св. Церкви» [38. С. 102]. При этом на русских возлагается роль более цивилизованного народа, который способен научить меньших братьев «всему доброму» [17. С. 345]. Однако зачастую это не удается, поскольку инородцы «как малые дети бессознательно повторяют скверное слово, сказанное в семье отцом... заимствуя у русских хорошее, охотно предаются порокам, господствующим у них...» [39. С. 105]. Священник-миссионер закономерно выступает как «духовный отец» [40. С. 241–243], при этом ему прямо рекомендуется действовать так, чтобы инородцы находили в нем «отца, брата, друга» [41. С. 196]. Аналогичным образом представлен и епископ, который для инородцев «их истинный наставник, покровитель, отец и молитвенник за них... и к нему они должны относиться и идти, как дети к отцу безбоязненно» [42. С. 86–87].

Стоит отметить, что подобного рода метафоры в епархиальных ведомостях практически не применяются по отношению к китайцам, маньчжурам и японцам. Употребляются даже противопоставления между «братьями, православными русскими воинами» и «дикими сынами природы, слепыми идолопоклонниками, дерзкими до самозабвения... хитрыми, вспыльчивыми, коварными, мстительными... и несчастными китайцами» [43. С. 17]. Кроме того, китайцы описываются как «чада гнева божьего» и «бедный и убогий народ» [31. С. 103], а японцы как «ничтожный и невзрачный по виду» народ, «насчитывающий только десятками лет свою культуру» [44. С. 446].

В некоторых текстах можно встретить идеи об объединении Востока под властью русского царя в «новую Римскую империю» [45. С. 417]. Отдельные авторы даже выражают надежды на духовное и политическое объединение в рамках Российской империи в «одну общую

братскую семью» китайцев, корейцев, бурят и инородцев Приамурья [25. С. 579; 46. С. 31; 47; 48. С. 289]. Заслуживает отдельного внимания тот факт, что в письмах епископа Николая Японского (Касаткина), написанных в период Русско-японской войны, он обращается к своей пастве в Стране Восходящего солнца и указывает на то, что для православных японцев российский император есть такой же «брат по вере... как и все русские единоверные вам» [49. С. 293], что идет вразрез с общей концепцией России как большой семьи во главе с императором-отцом. Подобное исключение, на мой взгляд, связано с политической ситуацией – попыткой защитить православную миссию в Японии в условиях войны.

Зооморфные и фитоморфные метафоры

Инородцы (включая корейцев) именуется при помощи заимствованных из Священного Писания определений «стадо Христово», «овцы не имеющие истинного пастыря». Также можно встретить метафоры: «зверек, тарашающий глазенки» (в отношении ребенка-инородца, не посещающего школу) [34. С. 414], «вьючное животное, от которого не добьешься ни слова» [48. С. 202] (в отношении женщин-нивхов), «туземные инородцы тунгусы... <с> торчащими в разные стороны, как у ежа, волосами» [50. С. 365].

Более интересны метафоры, используемые в отношении китайцев, русских торговцев, евреев-засольщиков, шаманов и ламаитского духовенства. Так, китайцы предстают как «пауки края» [52. С. 212] или «вредные паразиты», которых необходимо удалить, чтобы «избавить» инородцев от «когтей» китайских и русских «торгащей» [53. С. 268]. Нужно отдельно отметить, что церковная пресса, как правило, негативно отзывалась о предпринимателях, иногда представляя их как «культурных выроdkов всевозможных сортов эксплуататоров, широко раскрывающих свои пасти, чтобы беспощадно и бесцеремонно пожирать все...» [54. С. 316]. Рядом с китайцем обязательно присутствует фигура шамана, который держит в своих «цепких когтях» инородцев [55. С. 118], при этом в текстах их сравнивают с мухами, которые «перед смертью стараются сильнее укусыть человека» [39. С. 104]. В качестве «паразитов» и «дармоедов» описываются корейские шаманы [56. С. 311], а при описании бурятских лам находится параллель со «стадом волков» [57. С. 15], с «губителями христианского стада» [58. С. 5–6]. Любопытно, что при описании языческой веры используются сходные сравнения: «вера в шаманство, идолов, порчу и целую мошкарку духов» [59. С. 393]. Китайские рабочие на пристанях сравниваются со снующими взад и вперед муравьями [60. С. 438], совершенно аналогичное сравнение используется в отношении кочующих в тайге инородцев [61. С. 69].

По большей части при описании китайцев, маньчжур и японцев используются конструкции, характерные для «желтого дискурса» [12. С. 17]. При этом элементы дегуманизации заметно шире распространяются в военное и послевоенное время в заметках, посвященных осмыслению произошедших событий.

По причине того, что практически все фитоморфные метафоры восходят к библейским образам («нива духовная», «семя слова Божия», «жатвы много, а делателей мало» и др.), отдельно рассматриваться они здесь не будут.

Физиологические метафоры

Метафоры данной группы имеют различное применение, которое зависит как от описываемого народа, так и обстоятельств. Говоря об инородцах, миссионеры в первую очередь отмечают «умственную неразвитость», «природную апатию» и «духовную спячку» [48], которая не позволяет им в полной мере принять христианские догматы. Нередко в качестве эффективного подспорья для проповеди предполагается использовать медицину, поскольку в таком случае священник-миссионер способен заменить шамана, лечащего аборигенное население. Это поможет ему постепенно предстать и в качестве «духовного врача» [62. С. 303], который исцеляет «язвы духовные» [48. С. 287] и борется с языческими верованиями.

Важно иметь в виду, что корреспонденты более оптимистично рассматривают перспективу принятия христианства инородцами-шаманистами, чем представителями конфуцианства, буддизма и даосизма, несмотря на то, что «вековые языческие суеверия вошли в плоть и кровь» [48. С. 287] и требовать от «инородца дикаря», «примитивного идолопоклонника китайца или корейца» полного принятия православия невозможно – «это значит, чтобы он с корнем вырвал свою много лет язычествовавшую душу и сразу облекся в нового человека» [63. С. 48]. Причем прогнозы относительно последней зачастую крайне пессимистичны: «народ китайский... давно умер духовно... если он и существует, то только для одних телесных потребностей...» [25. С. 578]; «быть может многим из современных язычников-корейцев придется умереть в ожесточении своих темных суеверий и свет Христовой веры не согреет их мертвого сердца» [46. С. 31]; «буряты коснеют в своих вековых заблуждениях не столько по убеждению в их истинности, сколько по силе привычки, унаследованной от отцов и дедов и всосанной с молоком матери...» [64. С. 5]. В конечном итоге на русский народ возлагается великая историческая миссия надления «живительной кровью», «лучами света животворного» всех иных народов, с которыми он входит в соприкосновение, дабы соединиться с ними «внутреннею органической связью» в единое целое [65. С. 41–42].

Универсальные стереотипы

Кроме вышеперечисленных моделей, в текстах активно используются расхожие шаблоны восприятия народов, населяющих Российскую империю, практически не зависящие от их этнической принадлежности и являющиеся общим местом для построения нарративов:

– *Нечистоплотность инородцев* – применяется абсолютно к разным этническим группам вне зависимости от региона проживания (к китайцам, маньчжурам, корейцам, евреям, нивхам, негидальцам, нанайцам, черемисам, татарам и др.).

– **Умышленное спаивание спиртными напитками** – «торгаши-китайцы» (реже купцы-якуты) активно сбывают инородцам и русским «водку-ханшин» (совершенно идентичны образу шинкаря-еврея в Центральной России [66]).

– **Неэквивалентный обмен и эксплуатация инородцев** – в подобной деятельности обвиняют «китайцев-торгашей», «евреев-засольщиков», японцев, купцов-якутов, «торгашей из русских».

Заключение

Выделенные группы метафор в целом соответствуют моделям, которые использовались в церковной периодической печати при описании Российской империи [14]. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что призма, через которую представители духовенства описывали

народы Сибири и Дальнего Востока, была задана существующими представлениями об устройстве российского государства. При этом практически все модели связаны между собой и так или иначе восходят к православно-христианской символике. Вокруг всех нарративов просматривается некая дискурсивная рамка, которая в целом укладывается в идею телеологического характера о предпринятости объединения под властью российского царя территории Северной Евразии в единое этнополитическое пространство. Исходя из этого, можно предположить, что истоки экспансионистских идей и имперского дискурса лежат в рамках тех форм рациональности, стереотипов восприятия и шаблонов мышления, основы которых заключены в рамки религиозной парадигмы, не только поддерживающие символическую легитимацию монархического политического режима, но и обосновывающие географическое расширение власти русского царя.

Список источников

1. Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции // ЛитРес. [Б. м.]. 2004. URL: <https://www.litres.ru/david-shimmelpennink/russkiy-orientalizm-aziya-v-rossiyskom-soznanii-ot-ep> (дата обращения: 16.10.2022).
2. Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. 432 с.
3. Schimmelpenninck van der Oye D. Russia's Ambivalent Response to the Boxers // Cahiers du Monde russe, 2000. Vol. 41, № 1. P. 57–78.
4. Schimmelpenninck van der Oye D. Russia's Asian Temptation // International Journal. 2000. Vol. 55, № 4. P. 603–623.
5. Soojung Lim S. China and Japan in the Russian Imagination, 1685–1922. To the ends of the Orient. 2013. 238 p.
6. Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. 512 с.
7. Bartlett R. Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness // The Russian Review. 2008. № 67 (1). P. 8–33.
8. Murray J. Together and Apart: The Russian Orthodox Church, the Russian Empire, and Orthodox Missionaries in Alaska, 1794–1917 // Russian History. 2013. Vol. 40, № 1. P. 91–110.
9. Slocum J. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of "Aliens" in Imperial Russia // Russian Review. 1998. Vol. 57, № 2. P. 173–190.
10. Гузей Я.С. «Желтые народы» во взглядах русского православного духовенства в конце XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. 2020. № 1. С. 108–116.
11. Суворов В.В. Место «восточничества» в российской общественной мысли // Власть. 2012. № 12. С. 78–80.
12. Дятлов В., Гузей Я, Сорокина Т. Китайский погром. Благовещенская «Утопия» 1900 года в оценке современников и потомков. СПб., 2020. 208 с.
13. Гаркин А. Поездка его преосвященства, преосвященнейшего Никодима, епископа Приамурского и Благовещенского для обозрения нижне-амурских, уссурийских и амгунских церквей, совершенная им с 5 июля по 17 августа 1902 года (продолжение) // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1903. № 13. С. 333–346.
14. Семенчук К.А. Имперский дискурс и метафорические модели российского государства в церковной периодической печати конца XIX века // Исторический курьер. 2021. № 6. С. 29–40.
15. Барт Р. Мифологии. М., 2008. 351 с.
16. Слово на день святителя и чудотворца Иннокентия, первого епископа Иркутского // Забайкальские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1901. № 4. С. 7–13.
17. Протоиерей А. Из отчета о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1893 год // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1894. № 16. С. 344–349.
18. Кириллов А.В. Высокопреосвященный Иннокентий, первый епископ Камчатский // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1897. № 18. С. 361–377.
19. Семенчук К.А. Миссионерский исторический нарратив и обстоятельства его формирования (на материалах дальневосточной епархиальной печати рубежа XIX и XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 72. С. 71–77.
20. Хроника церковной жизни // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1904. № 8. С. 141–148.
21. Черняк М. Русским воинам // Забайкальские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1900. № 17. С. 19–22.
22. Хроника епархиальной жизни // Владивостокские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1903. № 16–17. С. 380–384.
23. Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в. СПб., 2021. 776 с.
24. Никанор. Православно-русская миссия в Китае (Краткий очерк за XVIII – XIX вв.) // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1901. № 17. С. 361–368.
25. Гаркин А. Поездка его преосвященства, преосвященнейшего Никодима, епископа Приамурского и Благовещенского, в пост св. пророка Божия Илии, бывшее китайское поселение Сахалин // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1903. № 20. С. 575–581.
26. Отчет о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1897 год // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1898. № 9. С. 142–152.
27. Титов Н. Миссионерская поездка сотрудника Забайкальской духовной миссии – священника Зюльзинской Предтеченской церкви Никандра Титова в Усть-Олгондонскую тайгу по р. Витиму (Из рапорта о. сотрудника и.о. начальника миссии) // Забайкальские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 3–4. С. 17–36.
28. Попов В. Поучение на 9-е февраля 1905 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 5. С. 105–109.
29. М.К. Статистика религий // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1899. № 24. С. 412–415.

30. Колобов М. К военным действиям в Китае // Забайкальские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1900. № 22. С. 10–16.
31. Гаркин А. Поездка его преосвященства Никодима епископа Приамурского и Благовещенского 27 декабря 1902 года на пост св. Марии Магдалины, на правом берегу Амура // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1903. № 4. С. 98–108.
32. Во имя Отца и Сына и Святого Духа // Забайкальские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 3–4. С. 12–17.
33. Уссурийский Св.-Троицкий монастырь и Русская армия // Владивостокские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 8. С. 181–185.
34. Попов В. Описание поездки преосвященного Евсевия, епископа Камчатского для обозрения церквей епархии, совершенной с 8 июля по 22 августа сего 1898 года (продолжение) // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1898. № 22. С. 405–414.
35. Старгородский С. По Японии (записки миссионера). М., 1998. 229 с.
36. Кириллов А. Материалы для истории христианской миссии на Амуре, со времени присоединения его к России до 1865 года // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1896. № 3. С. 47–59.
37. Хроника церковной жизни // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1903. № 2. С. 40–57.
38. Попов-Кокоулин Н. Инородцы на о-ве Сахалин в отношении к православной церкви и русскому государству // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1896. № 5. С. 98–107.
39. Протоиерей А. Отчет о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1898 год (продолжение) // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1899. № 7. С. 101–106.
40. Громов С. Поучительный пример борьбы с суевением // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1899. № 14. С. 241–243.
41. Сведения о миссии среди русских корейцев (№ 5 Сам. Епарх. Вед. за 1899 г.) (окончание) // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1899. № 12. С. 187–196.
42. Тихвинский С. Путешествие его преосвященства, преосвященнейшего Никодима, епископа Приамурского и Благовещенского по обозрению церквей епархии, расположенных по р.р. Амуру и Уссури с 15 июня по 20 июля сего 1901 г. (продолжение) // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1902. № 5. С. 86–90.
43. Косовский П. В храме на рельсах, на пути в Китай // Забайкальские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1900. № 17. С. 17–19.
44. Гаркин А. Специальная миссионерская поездка его преосвященства, преосвященнейшего Никодима, епископа Приамурского и Благовещенского, по обозрению инородческой гольдо-гилякской миссии по нижнему течению Амура, совершенная с 15 июня по 6 августа 1905 г. // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1905. № 19. С. 437–450.
45. Краткий очерк деятельности Православной миссии в Пекине // Владивостокские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1904. № 19. С. 415–418.
46. Освящение церковно-приходской школы в корейском с. Заречье, Посыетского участка // Владивостокские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1903. № 2. С. 31–34.
47. Слово по случаю освящения храма во имя святителя Николая Чудотворца в селении Агинском // Забайкальские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1903. № 23. С. 333–338.
48. Протоиерей А. Отчет о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1894 год // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1895. № 14. С. 284–290.
49. Николай (Касаткин). Два окружных письма епископа Николая к православным японцам // Владивостокские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 12–13. С. 290–294.
50. Протоиерей А. Отчет о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1897 год (продолжение) // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1898. № 11. С. 192–205.
51. Давыдов В. Поездка преосвященнейшего Евсевия, епископа Владивостокского, в Камчатку летом 1899 года // Владивостокские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1903. № 16. С. 361–371.
52. Протоиерей А. Отчет о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1895 год // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1896. № 9. С. 205–213.
53. Котляков А. Отчет о состоянии и деятельности Благовещенской духовной миссии за 1900 год // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1901. № 12. С. 261–269.
54. Кузнецов Е. Характеристика бурят с точки зрения способности их к принятию христианства и общеевропейской культуры // Забайкальские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1904. № 22–23. С. 310–330.
55. Протоиерей А. Отчет о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1898 год (продолжение) // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1899. № 8. С. 117–125.
56. Протоиерей А. Отчет о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1898 год (продолжение) // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1897. № 15. С. 307–312.
57. Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии // Забайкальские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1901. № 15. С. 15–20.
58. Могуч В.В. Борьба православной миссии с ламаизмом и его друзьями (Исторический обзор деятельности Забайкальской духовной миссии) // Забайкальские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1902. № 14. С. 3–10.
59. Торжество православия // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1899. № 22. С. 393–395.
60. Попов В. Описание поездки преосвященнейшего Евсевия, епископа Камчатского для обозрения церквей епархии, совершенной с 8 июля по 22 августа сего 1898 года (продолжение) // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1898. № 23. С. 431–445.
61. Тихвинский С. Описание путешествия, совершенного его преосвященством, преосвященнейшим Никодимом, епископом Приамурским и Благовещенским с 10 января по 3 февраля сего 1904 г. для обозрения зазейских церквей и церквей якуто-тунгусской миссии у якутов, кочующих по р.р. Бурее, Тырме, Чекунде, Усть-Мальте, Ниману, Чинхою и Таламинскому хребту и ручью, известному под названием Елга, притоку р. Селемджи и по р. Селемдже // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1904. № 5. С. 68–75.
62. Протоиерей А. Из отчета о состоянии и деятельности Камчатской духовной миссии за 1893 год // Камчатские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1894. № 14. С. 301–311.
63. Распоряжения епархиального начальства // Благовещенские епархиальные ведомости. Официальный отдел. 1901. № 12. С. 46–49.
64. Могуч В.В. Борьба православной миссии с ламаизмом и его друзьями (Исторический обзор деятельности Забайкальской духовной миссии) // Забайкальские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1902. № 22. С. 1–5.
65. Свет Христов просвещает всех // Якутские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1894. № 3. С. 37–44.
66. Поучение о трезвости // Киевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1891. № 14. С. 283–289.

References

1. Schimmelpenninck van der Oye, D. (2004) *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind From Peter the Great to the Emigration*. [Online] Available from: <https://www.litres.ru/david-shimmelpenninck/russkiy-orientalizm-aziya-v-rossiyskom-soznanii-ot-ep> (Accessed: 16.10.2022). (In Russian).

2. Schimmelpenninck van der Oye, D. (2009) *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War With Japan*. Moscow: NLO. (In Russian).
3. Schimmelpenninck van der Oye, D. (2000) Russia's Ambivalent Response to the Boxers. *Cahiers du Monde russe*. 41 (1). pp. 57–78.
4. Schimmelpenninck van der Oye, D. (2000) Russia's Asian Temptation. *International Journal*. 55 (4). pp. 603–623.
5. Soojung Lim, S. (2013) *China and Japan in the Russian Imagination, 1685–1922. To the ends of the Orient*. Routledge.
6. Slezkin, Yu. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Translated from English. Moscow: NLO.
7. Bartlett, R. (2008) Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness. *The Russian Review*. 67 (1). pp. 8–33.
8. Murray, J. (2013) Together and Apart: The Russian Orthodox Church, the Russian Empire, and Orthodox Missionaries in Alaska, 1794–1917. *Russian History*. 40 (1). pp. 91–110.
9. Slocum, J. (1998) Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia. *Russian Review*. 57 (2). pp. 173–190.
10. Guzey, Ya.S. (2020) “Zheltые народы” во взглядах русского православного духовенства в конце XIX – начале XX в. [“Yellow peoples” in the views of the Russian Orthodox clergy in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 108–116.
11. Suvorov, V.V. (2012) Mesto “vostochnichestva” v rossiyskoy obshchestvennoy mysli [The Place of “Easternism” in Russian Public Thought]. *Vlast'*. 12. pp. 78–80.
12. Dyatlov, V., Guzey, Ya. & Sorokina, T. (2020) *Kitayskiy pogrom. Blagoveshchenskaya “Utopiya” 1900 goda v otsenke sovremennikov i potomkov* [Chinese pogrom. Blagoveshchensk “Utopia” of 1900 as assessed by contemporaries and descendants]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
13. Garkin, A. (1903) Poездka ego preosvyashchenstva, preosvyashchenneyshego Nikodima, episkopa Priamurskogo i Blagoveshchenskogo dlya obozreniya nizhne-amurskikh, ussuriyskikh i amgungskikh tserkvey, sovershennaya im s 5 iyulya po 17 avgusta 1902 goda (prodolzhenie) [The trip of His Eminence, His Grace Nikodim, Bishop of the Amur region and Blagoveshchensk, to review the Lower Amur, Ussuri and Amgun churches, made by him from 5 July to 17 August 1902 (continued)]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 13. pp. 333–346.
14. Semenchuk, K.A. (2021) Imperskiy diskurs i metaforicheskie modeli rossiyskogo gosudarstva v tserkovnoy periodicheskoy pechati kontsa XIX veka [Imperial Discourse and Metaphorical Models of the Russian State in Church Periodicals of the Late 19th Century]. *Istoricheskiy kur'er*. 6. pp. 29–40.
15. Barthes, R. (2008) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii Proekt.
16. Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti. (1901) Slovo na den' svyatitelya i chudotvortsy Innokentiya, pervogo episkopa Irkutskogo [Speech on the day of St. Innokenty, the miracle worker, the first bishop of Irkutsk]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 4. pp. 7–13.
17. Protodiakonov, A. (1894) Iz otcheta o sostoyanii i deyatel'nosti Kamchatskoy dukhovnoy missii za 1893 god [From the report on the status and activities of the Kamchatka Spiritual Mission for 1893]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 16. pp. 344–349.
18. Kirillov, A.V. (1897) Vysokopreosvyashchennyy Innokentiy, pervyy episkop Kamchatskiy [His Eminence Innokenty, the first Bishop of Kamchatka]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 18. pp. 361–377.
19. Semenchuk, K.A. (2021) Missionary Historical Narrative and the Circumstances of Its Formation (Based on Materials From the Far Eastern Diocesan Press at the Turn of the 20th Century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 72. pp. 71–77. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/72/10
20. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti. (1904) Khronika tserkovnoy zhizni [Chronicle of church life]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 8. pp. 141–148.
21. Chernyak, M. (1900) Russkim voynam [To Russian warriors]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 17. pp. 19–22.
22. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. (1903) Khronika eparkhial'noy zhizni [Chronicle of eparchy life]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 16–17. pp. 380–384.
23. Shapovalov, A.Yu. Et al. (2021) *Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX – nachale XXI v.* [Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th – Early 21st Centuries]. St. Petersburg: Nestor-istoriya.
24. Nikanor. (1901) Pravoslavno-russkaya missiya v Kitae (Kratkiy ocherk za XVIII – XIX vv.) [Orthodox-Russian Mission in China (A Brief Essay on the 18th–19th Centuries)]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 17. pp. 361–368.
25. Garkin, A. (1903) Poездka ego preosvyashchenstva, preosvyashchenneyshego Nikodima, episkopa Priamurskogo i Blagoveshchenskogo, v post sv. proroka Bozhiya Ilii, byvshee kitayskoe poselenie Sakhalyan [The trip of His Eminence, His Grace Nikodim, Bishop of the Amur region and Blagoveshchensk, to the post of St. Prophet of God Elijah, the former Chinese settlement of Sakhalyan]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 20. pp. 575–581.
26. Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti. (1898) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Kamchatskoy dukhovnoy missii za 1897 god [Report on the status and activities of the Kamchatka spiritual mission for 1897]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 9. pp. 142–152.
27. Titov, N. (1905) Missionerskaya poездka sotrudnika Zabaykal'skoy dukhovnoy missii – svyashchennika Zyl'zinskoy Predtechenskoy tserkvi Nikandra Titova v Ust'-Olgonokonskuyu taygu po r. Vitimu (Iz raporta o sotrudnike i.o. nachal'nika missii) [Missionary trip of the priest of the Zylza Baptist Church Nikandr Titov, an employee of the Trans-Baikal Spiritual Mission, to the Ust'-Olgonokon taiga along the Vitim (From the report of an employee of the acting head of the mission)]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 3–4. pp. 17–36.
28. Popov, V. (1905) Pouchenie na 9-e fevralya 1905 g. [Instruction for February 9, 1905]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 5. pp. 105–109.
29. M.K. (1899) Statistika religiy [Statistics of religions]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 24. pp. 412–415.
30. Kolobov, M. (1900) K voennym deystviyam v Kitae [To military operations in China]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 22. pp. 10–16.
31. Garkin, A. (1903) Poездka ego preosvyashchenstva Nikodima episkopa Priamurskogo i Blagoveshchenskogo 27 dekabrya 1902 goda na post sv. Marii Magdaliny, na pravom beregu Amura [The trip of His Eminence Nikodim, Bishop of the Amur region and Blagoveshchensk on December 27, 1902, to the post of St. Mary Magdalene, on the right bank of the Amur]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 4. pp. 98–108.
32. Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti. (1905) Vo imya Ottsa i Syna i Svyatogo Dukha [In the name of the Father and the Son and the Holy Spirit]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 3–4. pp. 12–17.
33. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. (1905) Ussuriyskiy Sv.-Troitskiy monastyr' i Russkaya armiya [Ussuriysk St. Trinity Monastery and the Russian Army]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 8. pp. 181–185.
34. Popov, V. (1898) Opisanie poezdki preosvyashchennogo Evseviya, episkopa Kamchatskogo dlya obozreniya tserkvey eparkhii, sovershennoy s 8 iyulya po 22 avgusta sego 1898 goda (prodolzhenie) [Description of the trip of His Grace Evseviy, Bishop of Kamchatka to review the churches of the eparchy, made from July 8 to August 22, 1898 (continued)]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 22. pp. 405–414.
35. Starogorodskiy, S. (1998) *Po Yaponii (zapiski missionera)* [Around Japan (Missionary's Notes)]. Moscow: Krut. Patriarshee Podvor'e: O-vo lyubiteley Tserkov. ist.

36. Kirillov, A. (1896) Materialy dlya istorii khristianskoy missii na Amure, so vremeni prisoedineniya ego k Rossii do 1865 goda [Materials for the history of the Christian mission on the Amur, from the time of its accession to Russia until 1865]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 3. pp. 47–59.
37. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti. (1903) Khronika tserkovnoy zhizni [Chronicle of church life]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 2. pp. 40–57.
38. Popov-Kokoulin, N. (1896) Inorodtsy na o-ve Sakhalin v otnoshenii k pravoslavnoy tserkvi i russkomu gosudarstvu [Foreigners on Sakhalin Island in relation to the Orthodox Church and the Russian state]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 5. pp. 98–107.
39. Protodiakonov, A. (1899) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Kamchatskoy dukhovnoy missii za 1898 god (prodolzhenie) [Report on the status and activities of the Kamchatka spiritual mission for 1898 (continued)]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 7. pp. 101–106.
40. Gromov, S. (1899) Pouchitel'nyy primer bor'by s sueveriem [An instructive example of the fight against superstition]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 14. pp. 241–243.
41. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti. (1899) Svedeniya o missii sredi russkikh koreytssev (okonchanie) [Information about the mission among the Russian Koreans (end)]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 12. pp. 187–196.
42. Tikhvinskiy, S. (1902) Puteshestvie ego preosvyashchenstva, preosvyashchenneyshego Nikodima, episkopa Priamurskogo i Blagoveshchenskogo po obozreniyu tserkvey eparkhii, raspolozhennykh po r.r. Amuru i Ussuri s 15 iyunya po 20 iyulya sego 1901 g. (prodolzhenie) [Journey of His Eminence, His Grace Nikodim, Bishop of the Amur region and Blagoveshchensk, on a review of the churches of the eparchy, located along the rivers Amur and Ussuri from June 15 to July 20, 1901 (continued)]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 5. pp. 86–90.
43. Kosovskiy, P. (1900) V khrame na rel'sakh, na puti v Kitay [In the church on the rails, on the way to China]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 17. pp. 17–19.
44. Garkin, A. (1905) Spetsial'naya missionerskaya poezdka ego preosvyashchenstva, preosvyashchenneyshego Nikodima, episkopa Priamurskogo i Blagoveshchenskogo, po obozreniyu inorodcheskoy gol'do-gilyakskoy missii po nizhnemu techeniyu Amura, sovershennaya s 15 iyunya po 6 avgusta 1905 g. [Special missionary trip of His Eminence, His Grace Nikodim, Bishop of the Amur region and Blagoveshchensk, on the review of the foreign Gold-Gilyak mission along the lower reaches of the Amur, made from June 15 to August 6, 1905]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 19. pp. 437–450.
45. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. (1904) Kratkiy ocherk deyatel'nosti Pravoslavnoy missii v Pekine [A brief outline of the activities of the Orthodox mission in Beijing]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 19. pp. 415–418.
46. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. (1903) Osvyashchenie tserkovno-prikhodskoy shkoly v koreyskom s. Zarech'e, Pos'etskogo uchastka [Consecration of a parochial school in the Korean village Zarechye, Posietsky section]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 2. pp. 31–34.
47. Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti. (1903) Slovo po sluchayu osvyscheniya khrama vo imya svyatitelya Nikolaya Chudotvortsya v selenii Aginskom [Speech on the occasion of the consecration of the church in the name of St. Nicholas the Wonderworker in the village Aginsky]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 23. pp. 333–338.
48. Protodiakonov, A. (1895) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Kamchatskoy dukhovnoy missii za 1894 god [Report on the state and activities of the Kamchatka spiritual mission for 1894]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 14. pp. 284–290.
49. Nikolay (Kasatkin). (1905) Dva okruzhnykh pis'ma episkopa Nikolaya k pravoslavnym yaponsam [Two district letters of Bishop Nicholas to the Orthodox Japanese]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 12–13. pp. 290–294.
50. Protodiakonov, A. (1898) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Kamchatskoy dukhovnoy missii za 1897 god (prodolzhenie) [Report on the status and activities of the Kamchatka spiritual mission for 1897 (continued)]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 11. pp. 192–205.
51. Davydov, V. (1903) Poezdka preosvyashchenneyshego Evseviya, episkopa Vladivostokskogo, v Kamchatku letom 1899 goda [The trip of His Grace Evseviy, Bishop of Vladivostok, to Kamchatka in the summer of 1899]. *Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 16. pp. 361–371.
52. Protodiakonov, A. (1896) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Kamchatskoy dukhovnoy missii za 1895 god [Report on the status and activities of the Kamchatka spiritual mission for 1895]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 9. pp. 205–213.
53. Kotyakov, A. (1901) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Blagoveshchenskoy dukhovnoy missii za 1900 god [Report on the status and activities of the Blagoveshchensk Spiritual Mission for 1900]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 12. pp. 261–269.
54. Kuznetsov, E. (1904) Kharakteristika buryat s tochki zreniya sposobnosti ikh k prinyatiyu khristianstva i obshcheevropeyskoy kul'tury [Characteristics of the Buryats from the point of view of their ability to accept Christianity and common European culture]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 22–23. pp. 310–330.
55. Protodiakonov, A. (1899) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Kamchatskoy dukhovnoy missii za 1898 god (prodolzhenie) [Report on the status and activities of the Kamchatka spiritual mission for 1898 (continued)]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 8. pp. 117–125.
56. Protodiakonov, A. (1897) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Kamchatskoy dukhovnoy missii za 1898 god (prodolzhenie) [Report on the status and activities of the Kamchatka spiritual mission for 1898 (continued)]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 15. pp. 307–312.
57. Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti. (1901) Otchet o sostoyanii Zabaykal'skoy dukhovnoy missii [Report on the state of the Trans-Baikal spiritual mission]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 15. pp. 15–20.
58. Moguch, V.V. (1902) Bor'ba pravoslavnoy missii s lamaizmom i ego druž'yami (Istoricheskiy obzor deyatel'nosti Zabaykal'skoy dukhovnoy missii) [The struggle of the Orthodox mission against Lamaism and its friends (Historical review of the activities of the Trans-Baikal Spiritual Mission)]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 14. pp. 3–10.
59. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti. (1899) Torzhestvo pravoslaviya [The Triumph of Orthodoxy]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 22. pp. 393–395.
60. Popov, V. (1898) Opisanie poezdki preosvyashchenneyshego Evseviya, episkopa Kamchatskogo dlya obozreniya tserkvey eparkhii, sovershennoy s 8 iyulya po 22 avgusta sego 1898 goda (prodolzhenie) [Description of the trip of His Grace Evseviy, Bishop of Kamchatka, to review the churches of the eparchy, made from July 8 to August 22, 1898 (continued)]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 23. pp. 431–445.
61. Tikhvinskiy, S. (1904) Opisanie puteshestviya, sovershennogo ego preosvyashchenstvom, preosvyashchenneyshim Nikodimom, episkopom Priamurskim i Blagoveshchenskim s 10 yanvarya po 3 fevralya sego 1904 g. dlya obozreniya zazeyskikh tserkvey i tserkvey yakuto-tungusskoy missii u yakutov, kochuyushchikh po r.r. Buree, Tyrme, Chekunda, Ust'-Mal'te, Nimanu, Chinkhoyu i Talaminskomu khrebtu i ruch'yu, izvestnomu pod nazvaniem Elga, pritoku r. Seledmdzhi i po r. Seledmdzhe [Description of the journey made by His Grace Nikodim, Bishop of the Amur region and Blagoveshchensk, from January 10 to February 3, 1904, to view the Zazeya churches and the churches of the Yakut-Tungus mission among the Yakuts roaming along the rivers Bureya, Tyrma, Chekunda, Ust-Malta, Niman, Chinkhoi and Talaminsky ridge and a stream known as Elga, a tributary of the river Seledmdzhi and along the river Seledmdzhe]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 5. pp. 68–75.
62. Protodiakonov, A. (1894) Iz otcheta o sostoyanii i deyatel'nosti Kamchatskoy dukhovnoy missii za 1893 god [From the report on the state and activities of the Kamchatka spiritual mission for 1893]. *Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 14. pp. 301–311.
63. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti. (1901) Rasporiazheniya eparkhial'nogo nachal'stva [Orders of the eparchy authorities]. *Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti*. Official Part. 12. pp. 46–49.
64. Moguch, V.V. (1902) Bor'ba pravoslavnoy missii s lamaizmom i ego druž'yami (Istoricheskiy obzor deyatel'nosti Zabaykal'skoy dukhovnoy missii) [The struggle of the Orthodox mission against Lamaism and its friends (Historical review of the activities of the Trans-Baikal Spiritual Mission)]. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 22. pp. 1–5.

65. Yakutskie eparkhial'nye vedomosti. (1894) Svet Khristov prosveshchaet vsekh [The Light of Christ Enlightens Everyone]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. 3. pp. 37–44.
66. Kievskie eparkhial'nye vedomosti. (1891) Pouchenie o trezvosti [Teaching about sobriety]. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 14. pp. 283–289.

Информация об авторе:

Семенчук К.А. – аспирант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ksemenchuk29@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Semenchuk, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ksemenchuk29@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 01.03.2023;
approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 94: 33
doi: 10.17223/15617793/489/15

Цифровизация предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.): степень изученности проблемы

Игорь Сергеевич Соловенко¹, Анатолий Алексеевич Рожков²

¹ Юргинский технологический институт (филиал) Национального исследовательского Томского политехнического университета, Томск, Россия, solovenko71@mail.ru

² «Росинформуголь» – филиал Российского энергетического агентства Минэнерго России, Москва, Россия
aarozhkov@mail.ru

Аннотация. Дается характеристика степени изученности процесса цифровизации предприятий ТЭКа России рубежа XX–XXI вв. Выделяются этапы и особенности анализа поднимаемой проблемы, определяется место и роль исторической науки в данном вопросе. Делается вывод о том, что по данной теме уже накопилась достаточная для исторического анализа литературная база. Исследования в этом направлении позволяют дополнить картину формирования энергетической безопасности нашей страны в постсоветский период.

Ключевые слова: постсоветский период, наука, топливно-энергетический комплекс, конкурентоспособность, инновации, цифровизация

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00987, <https://rscf.ru/project/23-28-00987/>

Для цитирования: Соловенко И.С., Рожков А.А. Цифровизация предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.): степень изученности проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 153–161. doi: 10.17223/15617793/489/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/

Digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia (the turn of the 21st century): The state of the art of the problem

Igor S. Solovenko¹, Anatoliy A. Rozhkov²

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
¹ solovenko71@mail.ru
² aarozhkov@mail.ru

Abstract. The authors of the research aim to analyze the state of the art of research on digitalization of enterprises of Russia's fuel and energy complex at the turn of the 21st century. The main stages in the development of the literature are distinguished, with their characteristic features: (1) mid 1990s–2007: actualization of the topic under consideration in research works, although with a predominance of indirect mention of the use of digital technologies; (2) 2008–2016: the topic of digitalization of enterprises in the fuel and energy complex acquired a more solid form, with the main attention focused on showing the connection between digitalization and enterprise competitiveness, including within the framework of Soviet history; (3) 2017 – to the present day: a significant increase in research interest in the problem of digitalization and its import independence. The conducted quantitative and qualitative analysis of the literature demonstrated that most of them are articles, much fewer are monographs and textbooks. This testifies to the insufficient level of a fundamental approach to the topic of digitalization of enterprises in the fuel and energy complex of Russia. Representatives of technical knowledge (branch level) and economic science (macro-level) made the main contribution to the study of the problem. A comparative analysis showed that the subject of works on digital transformation changed in the period under review. Researchers began to focus on the study of the integrated digitalization of business processes associated with security (infrastructural, industrial, energy, environmental, etc.). The authors of the article highlight the reasons and factors for the growing attention to the study of the digitalization of enterprises in the fuel and energy complex of Russia at the turn of the 21st century: (1) the introduction of the latest technologies in industry and other sectors of the economy; (2) targeted impact on this process of public authorities and management; (3) innovative and investment activities of enterprises. The final conclusion is that there has been accumulated literature, sufficient for historical analysis, on the topic of digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia at the turn of the 21st centuries. This topic is very promising, its

research will significantly complement the picture of achievements and problems in the course of the formation of innovative potential, as well as the energy and economic security of our country in the post-Soviet period

Keywords: post-Soviet period, science, fuel and energy complex, competitiveness, innovations, digitalization

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00987, <https://rscf.ru/project/23-28-00987/>

For citation: Solovenko, I.S. & Rozhkov, A.A. (2023) Digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia (the turn of the 21st century): The state of the art of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 153–161. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/15

В последние десятилетия развития отечественной исторической науки заметно расширилась тематика исследований, усилился их междисциплинарный подход [1, 2]. Большое внимание ученые-историки отводят вопросам экономической модернизации и безопасности страны рубежа XX–XXI вв. Однако основная часть их трудов посвящена теоретико-методологическим проблемам [3, 4]. Отдельные направления изучения историками критически важных сегментов экономической безопасности (инновации, цифровизация, инвестиции и др.) только формируются, и в своем объеме редко выходят за рамки журнальных статей [5]. Между тем подобные исследования обеспечивают возможность применения исторических знаний в теории и практике развития отечественной экономики во время перехода к новейшим технологическим укладам, где цифровизация является неотъемлемым элементом прогресса. Под цифровизацией мы понимаем «комплексное освоение современных информационных технологий в целях оптимизации внутренних процессов, улучшения продуктов и услуг, создания новых ценностных предложений, улучшения внешнего взаимодействия компаний со своими партнерами, клиентами и другими заинтересованными сторонами» [6. С. 49]. Заметим, что тема цифровизации (автоматизации, информатизации и компьютеризации) и в советское время не была популярным направлением в исследовательской деятельности историков, в том числе и по причине слабого междисциплинарного подхода. Это, безусловно, негативно отразилось на изучении данного вопроса и в постсоветское время.

Процесс изучения истории цифровизации экономики России рубежа XX–XXI вв., а также ее отдельных отраслей только начинается. Объективным препятствием для ученых-историков является сложность технико-экономического анализа, отсутствие достаточной источниковой базы, а также «свежий» характер научной проблемы, особенно в рамках заявленной хронологии. Это определяет зачаточный характер формирующейся историографической базы, высокую степень актуальности и необходимости научного анализа и изученности проблемы. Ситуацию осложняет и то, что вопросы цифровизации, как это ни парадоксально звучит, долгое время оставались вне зоны внимания таких важных для этого процесса наук, как экономика, педагогика, и даже технических отраслей знаний. При этом тема энергетической безопасности страны как таковая получила свое развитие во многих научных сочинениях пред-

ставителей технических наук. Особенно здесь выделяются труды ученых Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск) [7–9]. Однако составные части ее формирования, в том числе и процесс цифровизации, так и остались малоизученными.

Объективным доказательством существования этой отрицательной тенденции являются: резкий рост количества публикаций по заявленной проблеме только с 2020 г., их тематическое разнообразие, а также глубокий анализ рассматриваемых вопросов. Причиной данного парадокса, на наш взгляд, являются результаты экономической политики последнего десятилетия XX в., плоды которой мы пожинаем до сих пор, – это усиление импортозависимости, особенно в высокотехнологичных отраслях промышленности, к которым, безусловно, относится и топливно-энергетический комплекс [10]. В то время большинство руководителей предприятий были убеждены в том, что зарубежные информационные технологии по всем параметрам продвинулись безнадежно дальше отечественных [11]. На прекращение деиндустриализации России в 1990-е гг. не повлияла и прямая угроза энергетической безопасности, вызванная высоким износом оборудования на предприятиях ТЭКа [12]. В результате, на фоне масштабного закрытия в стране научно-исследовательских организаций и сокращения государственного финансирования фундаментальных наук, многие ученые, в том числе историки, стали ориентироваться на другие, более выгодные тематики, которые довольно часто были связаны с процессом рассекречивания архивных документов. Таким образом, в начале 1990-х гг. интерес к истории научно-технологического развития отраслей народного хозяйства, в том числе к процессу цифровой трансформации, оказался в ситуации ожидания каких-либо факторов воздействия.

Такие факторы вскоре появились как на глобальном, так и отраслевом уровне. В середине 1990-х гг. среди ученых серьезно возросло внимание к анализируемому вопросу в связи с полномасштабным проникновением Интернета и мобильной связи в жизнедеятельность всех слоев населения нашей страны. Отчетливо проявился в это время и исследовательский интерес к использованию информационно-коммуникационных технологий, которые стали одним из драйверов научно-технического прогресса. Здесь в силу фундаментальной значимости для экономики России важное место заняли предприятия топливно-энергетического комплекса. Как для теоретиков, так и

практиков было очевидно, что в новых рыночных условиях без их использования нельзя достичь конкурентного преимущества. Тогда в научный словарь был включен термин «цифровая экономика», под которым понимался переход всех бизнес-процессов на новые цифровые модели и продукты. Этому способствовала и приватизация компаний и предприятий, набравшая в конце 1990-х гг. обороты. Она стимулировала увеличение инвестиций во все отрасли ТЭКа, что положительно отразилось и на финансовой поддержке инновационной деятельности [7, 13], где цифровизация занимала одно из ведущих мест. При этом внимание к использованию информационных технологий тогда активизируется и среди профессорско-преподавательского состава технических вузов страны. Это отразилось на содержании диссертационных исследований, в которых наблюдается высокая степень критики, а также широкий перечень предложений по улучшению цифровой трансформации, выделению ее места и роли в системе высшего образования [14].

Таким образом, на рубеже веков ученые внесли свои коррективы в изучение вопросов цифровизации народного хозяйства, в том числе предприятий ТЭКа. Данная тема была тесно связана с такими исследовательскими проблемами, как формирование глобального интернет-пространства, инвестиционная активность, инновационный подход к повышению конкурентоспособности, место и роль цифровизации промышленных предприятий в педагогическом процессе технических вузов. Почти во всех работах отмечалась обеспокоенность за будущее российской экономики в связи с внешней цифровой экспансией.

Данная исследовательская тенденция наблюдалась и в дальнейшем [9, 15]. Вместе с тем историографической особенностью начала XXI в. является заметное увеличение количества научных работ обобщающего характера, в которых поднимались вопросы цифровизации отдельных отраслей ТЭКа, их связь с политикой инновационного развития экономики [16]. Так, например, характеризуя постсоветское время, московские [17] и кузбасские [18] исследователи обращают внимание на то, что в середине 1990-х гг. ключевым участником экономической деятельности стали финансово-промышленные группы, которые немало сделали для повышения уровня компьютеризации в сфере управления предприятиями. Нельзя не отметить и появление обобщающих трудов по истории информационных технологий [19, 20], где затрагивались стратегически важные вопросы цифровизации отраслей топливно-энергетического комплекса.

Вместе с тем благоприятная рыночная конъюнктура, а также стабильный рост макроэкономических показателей вплоть до мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. негативно отразились на внимании ученых к инновациям в целом и к информационным технологиям в частности. Содержание научных работ слабо отражало цифровую трансформацию в теории и практике экономической и энергетической безопасности нашего государства. Только представители педагогической науки, как и прежде, активно критиковали

недостаточные темпы информатизации российских образовательных программ [21]. Они соглашались с мнением известного американского ученого Д. Белла о том, что адекватная научно-техническому прогрессу политика образования позволит не остаться на периферии мирового капитализма [22].

Начиная с 2008 г. в отечественной экономике были предприняты масштабные мероприятия в области цифровизации. С того года Правительство РФ стало продвигать в регионы широкополосный Интернет [23], что позволило значительно увеличить инновационные возможности развития промышленных компаний и предприятий. С 2010 г., по мнению экспертов, конкурентоспособность отечественных субъектов хозяйственной деятельности все больше ориентировалась на автоматизацию и роботизацию производственных процессов, увеличение производительности труда, а также формирование интеллектуальных управленческих систем [24–27]. Однако ситуация с публикационной активностью по рассматриваемой проблеме на рубеже первого и второго десятилетия XXI в. серьезно не изменилась. Безусловно, важную, но так и не ставшую популярной среди ученых тему эффективно не поддерживали ни государственные, ни частные политико-экономические институты России.

При этом усиление роли государства в экономических процессах страны в начале XXI в. актуализировало интерес к советскому прошлому, в том числе и к историческому опыту в сфере научно-технической политики. Здесь выделяется замечательная работа А.А. Гарынова «История производства и применения в народном хозяйстве СССР электронно-вычислительной техники в 50–80-е гг. XX в.» [28]. В ней показана глубокая связь информационных технологий с эволюцией народного хозяйства. Однако эта статья ограничивается восьмидесятыми годами XX столетия, к тому же в ее содержании делается акцент на развитии функциональных возможностей электронно-вычислительных машин, а не на их применении в экономической сфере.

К сожалению, научное исследование А.А. Гарынова так и не стало важным ориентиром для коллег-историков. Тогда вопросы цифровизации, в том числе и в советской экономике, рассматривались косвенно и фрагментарно вплоть до издания в 2016 г. «Очерков истории кибернетики в СССР» украинского ученого В.Д. Пихоровича [29]. В этой объемной книге рассматривается использование информационных технологий в управлении народным хозяйством СССР. Значительное внимание автор отводит анализу причин и факторов, сдерживавших организацию общегосударственной автоматизированной системы управления, которая могла серьезным образом усилить экономическую и политическую конкурентоспособность Советского Союза в мире. По мнению В.Д. Пихоровича, некоторые проблемы развития кибернетики, в том числе и в топливно-энергетическом комплексе (например, оперативность внедрения), сохраняют свою актуальность до наших дней.

Продолжая рассматривать важные труды по теме цифровизации народного хозяйства СССР, следует остановиться еще на одной значимой книге – это

«Пионеры цифровизации» [30]. Основное внимание ее автор – А. Сафронов уделяет советскому периоду развития цифровизации государственного управления экономикой, в том числе и отраслях ТЭКа. В книге акцентируется внимание на таком важном вопросе в сфере цифровизации управления предприятиями топливно-энергетического комплекса, как процесс оптимизации (развития и размещения, топливного баланса страны, инвестиционной деятельности и др.). Достоинством работы является хоть и незначительный, но все-таки экскурс в 1990-е гг.

В целом научные труды по истории цифровизации народного хозяйства СССР позволяют провести сравнительный срез с постсоветским периодом, выявить важные изменения в рассматриваемой области, определить их природу. Вместе с тем надо признать, что интересующий нас период (рубеж XX–XXI вв.) – это время тектонических сдвигов в области цифровизации, в том числе и в отраслях ТЭКа. Именно тогда динамично появлялись цифровые продукты нового поколения, которые были мало связаны с научными решениями советского времени, при этом ориентированы на новейшие информационные и коммуникационные технологии. Поэтому любое исследование, имеющее значимый информационный и аналитический характер по заявленной тематике, не осталось без нашего внимания. Тем более в середине второго десятилетия XXI в. тема цифровизации предприятий ТЭКа получила дополнительный импульс, вызванный усилением внимания к реализации инновационного потенциала инженеров, в том числе в технических и экономических науках. Появляются новые тематики, связанные с цифровизацией, научная актуальность и практическая значимость некоторых из них со временем только растут, например кибербезопасность.

В этой связи следует обратить внимание на то, что в 2013 г. появляется узкоспециализированный журнал «Вопросы кибербезопасности», в котором стали рассматриваться вопросы безопасности цифровой трансформации во всех сферах жизни российского общества, в том числе и на предприятиях топливно-энергетического комплекса. В этом журнале наиболее значимой среди прочих считаем статью «Киберопасность как одна из стратегических угроз энергетической безопасности России» [31], в которой выделяется ряд специфических отраслевых проблем: отсутствие в то время государственной доктрины кибербезопасности, недостаточный уровень компьютерной грамотности среди обслуживающего персонала, высокая степень зависимости от импортного оборудования, компьютерного и программного обеспечения и др.

В середине второго десятилетия XXI в. начинается переход к четвертой промышленной революции («Индустрия 4.0»), который в первую очередь был ориентирован на успехи научно-технологической мысли стран Запада [32]. Вместе с тем он не остался без внимания со стороны нашего государства и бизнеса. На этом фоне в России стал живо реализовываться макроэкономический курс по дальнейшей цифровизации промышленных предприятий. Важным событием

в экономической жизни страны было утверждение государственной Программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которая способствовала организации отраслевых программ цифрового перехода, в том числе в сфере энергетики [33].

По мнению экспертов, в начале XXI в. можно обозначить такие ключевые драйверы внедрения цифровых технологий, как динамичное развитие робототехники и технологий искусственного интеллекта, разработка новых управленческих технологий, повышение производительности аппаратного обеспечения, изменение подходов к организации производственного процесса. Это отразилось и на тематике исследований [34]. Однако данный процесс имел неоднородный характер, так как Россия по уровню цифровизации промышленности сильно отставала от ведущих стран Запада [35]. По этому поводу важный для нас вывод сделала профессор В.В. Акбердина в статье «Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики» – уровень развития цифровой экономики в России напрямую коррелировал с уровнем развития материальной сферы: только там, где формировался высокотехнологичный сектор в промышленном комплексе, развитие цифрового сегмента являлось наиболее целесообразным [36]. Вероятно, что особенно активно цифровизация в промышленности происходила в области нефте- и газодобычи. Это напрямую отразилось на исследовательском интересе к данному сектору ТЭКа [37]. Между тем есть авторитетное мнение и о высоких темпах цифровизации в начале XXI в. на предприятиях горнорудной промышленности [34]. Все это усиливает исследовательский интерес к поднимаемой проблеме, определяет векторы предметного анализа.

Современные специалисты обращают внимание на такие важные (но до сих пор не решенные) проблемы цифровой трансформации, как неразработанность отраслевой стратегии цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса, высокая степень импортозависимости, отсутствие системы цифрового управления, несформированность центров цифровых компетенций, необеспеченность развития информационной инфраструктуры, а также недостаточная разработка программ повышения квалификации персонала по цифровому развитию [38, 39]. Исследователи в сфере образования обратили внимание и на то, что в базовой парадигме отечественной педагогики еще не использовался куррикулумный подход, нацеленный на мировые достижения в области прикладной информатики [40]. Тем самым в педагогической науке России было задано новое исследовательское направление, связанное с анализом использования информационных технологий в теории и практике хозяйственной деятельности.

В последних научных работах (в основном экономистов) цифровая экономика предстает как новая парадигма развития народного хозяйства [41–43]. Вместе с тем исследователи часто обращают внимание на недостаточное участие государства в процессе цифровой трансформации периода конца 1990-х – начала 2000-х гг., причем на всех уровнях и направлениях [44], а также

слабое формирование информационного менталитета [45], без которых невозможно осуществить прорыв в области цифровизации предприятий и организаций.

Сложные вопросы цифровой трансформации экономики России, за редким исключением, так и не стали актуальными для современной исторической мысли. Однако заслуживает внимания вывод докторов исторических наук Е.В. Бодровой и В.В. Калинова – разработка оптимальных инновационных программ требует извлечения уроков из исторического опыта нашей страны [5].

Важно остановиться и на такой известной работе, как «Высокое напряжение Великой Победы: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне» [46]. Отдельная страница этой книги посвящена цифровизации электроэнергетического сектора экономики России в последние годы. Авторы подчеркивают, что и ранее российские энергетики имели опыт цифровизации отдельных сегментов данной отрасли, однако содержание книги особо не углубляет нас в историческое прошлое.

В последние годы эксперты в области современных цифровых технологий все чаще дополняют картину своих научных работ анализом исторического прошлого. Так, например, Д. Хитрых в своей статье «О цифровой трансформации энергетической отрасли» указывает, что в интересующий нас период (1990–2010 гг.) на месторождениях по всей России активно внедрялись процессы автоматизации (на базе 3D-сейсмических моделей). По мнению автора, это заметно усилило рост экономических показателей во всем народном хозяйстве [27].

Роль цифровизации в глобальном энергетическом переходе и в российской энергетике начала XXI в. весьма объективно, но кратко представили В.А. Барина, А.А. Девятова, Д.Ю. Ломов. В их статье подчеркивается постепенная утрата данными отраслями своего лидерского положения не только в процессе цифровизации, но и в такой важной деятельности, как отраслевая интеграция [47].

Отдельные попытки современных ученых (известных, но не имеющих исторического образования) проанализировать прошлое цифровизации отечественной экономики [48] или какой-либо отдельной отрасли ТЭКа носят весьма условный, урезанный характер [49]. Однако нельзя не признать их вклад в историческую картину достижений и проблем в области цифровизации экономики России и ее топливно-энергетического комплекса. Данная ситуация относится и к учебным пособиям по отраслевой истории [50]. В них весьма невелик уровень исторического анализа цифровизации отечественных предприятий ТЭКа, однако эти сведения имеют определенную практическую значимость.

Невозможно обойти вниманием и мнение иностранных специалистов в данной области. Многие из них делают акцент на цифровизации предприятий, которые ориентированы на альтернативные источники энергии ввиду их большей склонности к инновациям и внедрению цифровых технологий [51]. Вполне объяснимо, что зарубежные авторы уходят от прямого анализа проблем цифровизации

энергетического сектора экономики России и ограничиваются межстрановым сравнением на отраслевом уровне. Например, такие известные иностранные эксперты, как С. Sganzerla, С. Seixas и А. Conti, неоднократно рассматривали переход крупнейших в мире горнодобывающих компаний и предприятий на цифровые модели развития. На основании их обследований можно утверждать то, что цифровая трансформация разрезов и шахт в России имеет разнородный характер. Авторы подчеркивают, что не все российские компании и предприятия считают цифровую трансформацию частью своей корпоративной стратегии [52], что, безусловно, ослабляет энергетическую безопасность страны.

Таким образом, проведенный анализ современного состояния исследований в сфере цифровизации компаний и предприятий топливно-энергетического комплекса России выявил следующие важные черты и особенности:

- Предметно эта тема в историческом разрезе не рассматривалась. Фрагментарные и весьма разрозненные сведения по ней требуют всестороннего и тщательного научного анализа, организованного на междисциплинарном подходе.

- Выделяются основные этапы изучения рассматриваемой проблемы с их характерными особенностями: 1) середина 1990-х гг. – 2007 гг.: актуализация рассматриваемой темы в научной литературе, хотя и с преобладанием косвенного упоминания использования цифровых технологий; 2) 2008–2016 гг.: тема цифровизации предприятий ТЭКа приобрела более цельный вид, а основное внимание авторов было ориентировано на показ связи цифровизации с их конкурентоспособностью, в том числе и в рамках советской истории; 3) 2017 г. – до наших дней: значительный рост исследовательского интереса к проблеме цифровизации и ее импортонезависимости.

- Во времена СССР тема цифровизации промышленных предприятий была ориентирована на изучение комплексной механизации и автоматизации производства, а также информатизации некоторых систем управления. В постсоветское время ключевой темой в исследованиях стала комплексная цифровизация бизнес-процессов, которые обеспечивают полноценную безопасность (инфраструктурную, промышленную, энергетическую, экологическую и др.).

- Значительная часть научно-исследовательских работ, посвященных анализируемой проблеме, представлена статьями, намного меньше монографий и учебных пособий. Это показывает недостаточный уровень фундаментального подхода к теме цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России.

- Основной вклад в изучение рассматриваемого вопроса внесли представители технических знаний (отраслевой уровень) и экономической науки (макроуровень). Несмотря на объективную необходимость, весьма ограниченно участвуют в дискуссиях по заявленной теме представители социальных наук: педагогики, философии, психологии и др.

- Уровень внимания ученых к рассматриваемой теме тесно взаимосвязан с внедрением новейших технологий

в промышленности и других отраслях экономики, а также с целенаправленным воздействием на данный процесс органов государственной власти и управления.

– Наблюдается тесная взаимосвязь процесса изучения цифровизации отраслей топливно-энергетического комплекса с инновационной и инвестиционной деятельностью предприятий.

– В отраслевом разрезе преобладают труды по цифровизации в сфере угледобычи и нефтегазового сектора экономики России. Заметно меньше работ посвящено электроэнергетике и использованию альтернативных источников энергии.

– В большинстве научных работ, начиная с середины 1990-х гг., прослеживается обеспокоенность

импортонезависимостью российских предприятий на рынке цифровых продуктов.

– Стратегические направления научных исследований за рубежом ориентированы на обобщающий анализ использования цифровых технологий крупнейшими российскими компаниями и предприятиями.

В целом по теме цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России рубежа XX–XXI вв. уже накопилась достаточная для исторического анализа литературная база. Данная тема весьма перспективна, ее научная реализация позволит существенным образом дополнить картину достижений и проблем формирования инновационного потенциала, а также энергетической и экономической безопасности нашей страны в постсоветский период.

Список источников

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. 559 с.
2. Савельева И.М. Историческая наука в XXI веке: ключевые слова // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 5–24.
3. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М. : Экономика, 2000. 294 с.
4. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : Российская политическая энциклопедия, 2006. 239 с.
5. Бодрова Е.В., Калинова В.В. Падение инновационной активности в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации в 1990-е годы и его последствия // Научный диалог. 2021. № 4. С. 325–339.
6. Зозуля А.В., Зозуля П.В., Титов С.А. Эффективность использования цифровых технологий в производственных процессах угольной промышленности // Уголь. 2022. № 9. С. 47–52.
7. Воропай Н.И., Сендеров С.М., Пяткова Н.И., Славин Г.Б. Энергетическая безопасность России. Новосибирск : Наука, 1998. 302 с.
8. Рабчук В.И., Сендеров С.М., Славин Г.Б. Энергетическая безопасность России: проблемы и пути решения / отв. ред. Н.И. Воропай. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 2011. 197 с.
9. Сендеров С., Рабчук В. Энергетическая безопасность сегодня и основные методики ее обеспечения // Энергетическая политика. 2022. 28 ноября. URL: <https://energypolicy.ru/energeticheskaya-bezopasnost-segodnya-i-osnovnye-metodiki-ee-obespecheniya/energetika/2022/16/28/> (дата обращения: 23.01.2023).
10. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252/page/1> (дата обращения: 24.12.2022).
11. Лукичев С.В., Наговицын О.В. Цифровая трансформация горнодобывающей промышленности: прошлое, настоящее, будущее // Горный журнал. 2020. № 9. С. 73–79.
12. Трифонов Ю.В., Летагина Е.Н. Инновационная направленность развития российской энергетики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 3 (1). С. 245–248.
13. Дюпин А.Ю. Угольная промышленность Кузбасса и ее перспективы // Уголь. 2005. № 4. С. 9–13.
14. Гончарук Н.П. Интеллектуализация профессионального образования в техническом вузе : дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2004. 377 с.
15. Басаев З.В. Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации // Мир новой экономики. 2018. Т. 12, № 4. С. 32–38.
16. Кобец Б.Б., Волкова И.О. Инновационное развитие электроэнергетики на базе концепции SmartGrid. М. : ИАЦ Энергия, 2010. 207 с.
17. Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г. и др. История угледобычи в России / под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. 479 с.
18. Дьяков Ю.И., Кузьмин А.П., Коновалов А.Б., Паршуков А.Д. Угольный Кузбасс: страницы истории. Кемерово, 2005. 428 с.
19. Левин В.И. История информационных технологий : учеб. пособие. М. : ИНТУИТ ; Бином ; Лаборатория знаний, 2007. 335 с.
20. История информатики. Новосибирск : ИВМиМГ СО РАН, 2011. 115 с.
21. Полещук М.Н. Управление социально-трудовыми отношениями инновационных групп угледобывающего предприятия : дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2009. 144 с.
22. Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М., 2007. 303 с.
23. История развития цифровой экономики в России // Официальный сайт Государственного университета управления. URL: https://Guu.Ru/News_Ru/45423/ (дата обращения: 24.12.2022).
24. Плакиткина Л.С. Интенсификация инновационного процесса в угольной промышленности России // Горная промышленность. 2011. № 3. С. 4–11.
25. Харас Б.З. Цифровизация и проблемы импортонезависимости ТЭК // Научные труды ВЭО России. 2018. Т. 210. С. 105–114.
26. Плакиткин Ю.А., Плакиткина Л.С. Воздействие процессов цифровизации на технологическое развитие крупномасштабных систем ТЭК (на примере угольной отрасли) // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD*2018. М., 2018. С. 89–97.
27. Хитрых Д. О цифровой трансформации энергетической отрасли // Энергетическая политика. 2021. № 10 (164). С. 76–89.
28. Гарынов А.А. История производства и применения в народном хозяйстве СССР электронно-вычислительной техники в 50–80-е гг. XX в. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2010. № 15. С. 75–84.
29. Пихорович В.Д. Очерки истории кибернетики в СССР. Изд. стереотип. М. : ЛЕНАНД, 2016. 264 с.
30. Сафронов А. Пионеры цифровизации. К 60-летию АЦ при Правительстве Российской Федерации. М., 2019 // Официальный сайт Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/pdf/About_Documents_01/60_let_web.pdf (дата обращения: 16.01.2023).
31. Массель Л.В., Воропай Н.И., Сендеров С.М., Массель А.Г. Кибербезопасность как одна из стратегических угроз энергетической безопасности России // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 4 (17). С. 2–10.
32. Erboz G. How to Define Industry 4.0: Main Pillars of Industry 4.0 // Managerial Trends in the Development of Enterprises in Globalization Era. 2017. P. 761–767.
33. Холкин Д.В., Чаусов И.С. Цифровой переход в энергетике России: в поисках смысла // Энергетическая политика. 2018. № 5. С. 7–16.
34. Лютягин Д.В., Яшин В.П., Забайкин Ю.В., Якунин М.А. Особенности и тенденции цифровой трансформации российской горнодобывающей отрасли // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 7А. С. 147–159.

35. Скруг В.С. Трансформация промышленности в цифровой экономике: проблемы и перспективы // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 7. С. 943–952.
36. Акбердина В.В. Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, № 3. С. 82–99.
37. Бродт В.В. Цифровизация в энергетике и ее преимущества // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза, 2019. С. 53–54.
38. Власюк Л.И., Сиземов Д.Н., Дмитриева О.В. Стратегические приоритеты цифровой трансформации угольной отрасли Кузбасса // Экономика предприятий. 2020. Т. 13, № 3. С. 328–338.
39. Сорокин Д. Комплексная энергетическая безопасность и цифровизация ТЭК // Нефтегаз. Ежемесячное информационно-аналитическое издание. 2020. URL: [https://www.neftegaz-expo.ru/common/img/uploaded/exhibitions/neftegaz2020/img/digest/Neftgaz_Digest_2020.17\(24\).pdf](https://www.neftegaz-expo.ru/common/img/uploaded/exhibitions/neftegaz2020/img/digest/Neftgaz_Digest_2020.17(24).pdf).
40. Kupriyanovsky V., Sukhomlin V., Dobrynin A., Raikov A., Schkurov F., Drozhzhinov V., Fedorova N., Namiot D. Skills in the Digital Economy and the Challenges of the Education System // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5, № 1. P. 19–25.
41. Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски / под ред. Е.Б. Ленчук. СПб., 2020. 320 с.
42. Титков И.А. Цифровой нефтегазовый сектор РФ: вопросы конкурентоспособности // Вестник МИРБИС. 2021. № 3 (27). С. 37–51.
43. Сологубова Г.С. Составляющие цифровой трансформации. М.: Юрайт, 2019. 147 с.
44. Шамин Е.А., Генералов Е.Г., Завибаев Н.С., Черемухин А.Д. Сущность информатизации, ее цели, субъекты и объекты // Вестник Нижегородского государственного инженерно-экономического университета. 2015. № 11. С. 99–107.
45. Тюкавкин Н.М. Информатизация экономики и информационное общество // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 10. С. 139–146.
46. Высокое напряжение Великой Победы : к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / Г.А. Будник, Т.В. Королева, Т.Б. Котлова и др. М., 2020. 128 с.
47. Баринаева В.А., Девятова А.А., Ломов Д.Ю. Роль цифровизации в глобальном энергетическом переходе и в российской энергетике // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16, № 4. С. 126–145.
48. Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе // Цифровая экономика. 2018. № 1. С. 5–19.
49. Лукичев С.В. Цифровое прошлое, настоящее и будущее горнодобывающих предприятий // Горная промышленность. 2021. № 4. С. 73–79.
50. Дмитриев П.Н. История горной науки и техники. Развитие технологии и техники подземной добычи угля. СПб., 2019. 140 с.
51. Kimura O., Suzuki T. 30 years of solar energy development in Japan: co-evolution process of technology, policies, and the market // The 2006 Berlin Conference on the Human Dimensions of Global Environment Change: "Resource Policies: Effectiveness, Efficiency and Equity", 17–18 November 2006, Berlin, Germany. URL: <https://dokumen.tips/documents/30-years-of-solar-energy-development-in-japan-co-30-years-of-solar-energy.html?page=1> (дата обращения: 25.01.2023).
52. Sganzerla C., Seixas C., Conti A. Disruptive Innovation in Digital Mining // Procedia Engineering. 2016. Vol. 138. P. 64–71.

References

1. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries: Social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug.
2. Savel'eva, I.M. (2017) *Istoricheskaya nauka v XXI veke: klyuchevye slova* [Historical science in the 21st century: key words]. *Dialog so vremenem*. 58. pp. 5–24.
3. Inozemtsev, V.L. (2000) *Predely "dogonyayushchego" razvitiya* [Limits of "Catching up" Development]. Moscow: Ekonomika.
4. Poberezhnikov, I.V. (2006) *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii* [Transition from Traditional to Industrial Society: Theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
5. Bodrova, E.V. & Kalinova, V.V. (2021) *Padenie innovatsionnoy aktivnosti v toplivno-energeticheskom komplekse Rossiyskoy Federatsii v 1990-e gody i ego posledstviya* [The fall of innovation activity in the fuel and energy complex of the Russian Federation in the 1990s and its consequences]. *Nauchnyy dialog*. 4. pp. 325–339.
6. Zozulya, A.V., Zozulya, P.V. & Titov, S.A. (2022) *Effektivnost' ispol'zovaniya tsifrovyykh tekhnologiy v proizvodstvennykh protsessakh ugol'noy promyshlennosti* [The effectiveness of the use of digital technologies in the production processes of the coal industry]. *Ugol'*. 9. pp. 47–52.
7. Voropay, N.I. et al. (1998) *Energeticheskaya bezopasnost' Rossii* [Energy Security of Russia]. Novosibirsk: Nauka.
8. Rabchuk, V.I., Senderov, S.M. & Slavin, G.B. (2011) *Energeticheskaya bezopasnost' Rossii: problemy i puti resheniya* [Energy Security of Russia: Problems and solutions]. Novosibirsk: SB RAS.
9. Senderov, S. & Rabchuk, V. (2022) *Energeticheskaya bezopasnost' segodnya i osnovnye metodiki ee obespecheniya* [Energy security today and the main methods of its provision]. *Energeticheskaya politika*. 28 November. [Online] Available from: <https://energypolicy.ru/energeticheskaya-bezopasnost-segodnya-i-osnovnye-metodiki-ee-obespecheniya/energetika/2022/16/28/>. (Accessed: 23.01.2023).
10. President of Russia. (2019) *On Approval of the Energy Security Doctrine of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation No. 216 of May 13, 2019*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252/page/1>. (Accessed: 24.12.2022). (In Russian).
11. Lukichev, S.V. & Nagovitsyn, O.V. (2020) *Tsifrovaya transformatsiya gornodobyvayushchey promyshlennosti: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Digital transformation of the mining industry: past, present, future]. *Gornyy zhurnal*. 9. pp. 73–79.
12. Trifonov, Yu.V. & Letyagina, E.N. (2010) *Innovatsionnaya napravlenost' razvitiya rossyskoy energetiki* [Innovative orientation of the development of the Russian energy industry]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 3 (1). pp. 245–248.
13. Dyupin, A.Yu. (2005) *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa i ee perspektivy* [Coal industry of Kuzbass and its prospects]. *Ugol'*. 4. pp. 9–13.
14. Goncharuk, N.P. (2004) *Intellektualizatsiya professional'nogo obrazovaniya v tekhnicheskoy vuzakh* [Intellectualization of vocational education in a technical university]. Pedagogy Dr. Diss. Kazan.
15. Basaev, Z.V. (2018) *Tsifrovizatsiya ekonomiki: Rossiya v kontekste global'noy transformatsii* [Digitization of the Economy: Russia in the Context of Global Transformation]. *Mir novoy ekonomiki*. 4 (12). pp. 32–38.
16. Kobets, B.B. & Volkova, I.O. (2010) *Innovatsionnoe razvitiye elektroenergetiki na baze kontseptsii SmartGrid* [Innovative Development of the Electric Power Industry Based on the SmartGrid Concept]. Moscow: IATs Energiya.
17. Grun', V.D. et al. (2003) *Istoriya ugledobychi v Rossii* [History of Coal Mining in Russia]. Moscow: Academy of Mining Sciences.
18. D'yakov, Yu.I. et al. (2005) *Ugol'nyy Kuzbass: stranitsy istorii* [Coal Kuzbass: Pages of history]. Kemerovo: Advertising Forms Agency.
19. Levin, V.I. (2007) *Istoriya informatsionnykh tekhnologiy* [History of Information Technology]. Moscow: INTUIT; Binom; Laboratoriya znaniy.
20. Fet, Ya.I. (ed.) (2011) *Istoriya informatiki* [History of Computer Science]. Novosibirsk: Institute of Computational Mathematics and Mathematical Geophysics SB RAS; Institute of Informatics Systems SB RAS.
21. Poleshchuk, M.N. (2009) *Upravlenie sotsial'no-trudovymi otnosheniyami innovatsionnykh grupp ugledobyvayushchego predpriyatiya* [Management of social and labor relations of innovative groups of a coal-mining enterprise]. Economic Cand. Diss. Chelyabinsk.
22. Bell, D. & Inozemtsev, V.L. (2007) *Epokha razobshchennosti: razmyshleniya o mire XXI veka* [The Age of Disunity: Reflections on the World of the 21st Century]. Moscow: Svobodnaya mysl'. Tsentr issled. postindustrial'nogo o-va.

23. State University of Management. (n.d.) *Istoriya razvitiya tsifrovoy ekonomiki v Rossii* [The history of the development of the digital economy in Russia]. [Online] Available from: https://Guu.Ru/News_Ru/45423/. (Accessed: 24.12.2022).
24. Plakitkina, L.S. (2011) Intensifikatsiya innovatsionnogo protsessa v ugol'noy promyshlennosti Rossii [Intensification of the innovation process in the Russian coal industry]. *Gornaya promyshlennost'*. 3. pp. 4–11.
25. Kharas, B.Z. (2018) Tsifrovizatsiya i problemy importonezavisimosti TEK [Digitalization and problems of import independence of the fuel and energy complex]. *Nauchnye trudy VEO Rossii*. 210. pp. 105–114.
26. Plakitkin, Yu.A. & Plakitkina, L.S. (2018) [The impact of digitalization processes on the technological development of large-scale fuel and energy systems (on the example of the coal industry)]. *Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem MLSD*2018* [Management of the development of large-scale systems MLSD*2018]. Proceedings of the 11th International Conference. Moscow. 1–3 October 2018. Moscow: Institute of Control Sciences RAS. pp. 89–97. (In Russian).
27. Khitrykh, D. (2021) O tsifrovoy transformatsii energeticheskoy otrasli [On the digital transformation of the energy industry]. *Energeticheskaya politika*. 10 (164). pp. 76–89.
28. Garynov, A.A. (2010) Istoriya proizvodstva i primeneniya v narodnom khozyaystve SSSR elektronno-vychislitel'noy tekhniki v 50–80-e gg. XX v. [The history of the production and use of electronic computers in the national economy of the USSR in the 1950–1980s]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. 15. pp. 75–84.
29. Pikhovich, V.D. (2016) *Ocherki istorii kibernetiki v SSSR* [Essays on the History of Cybernetics in the USSR]. Moscow: LENAND.
30. Safronov, A. (2019) *Pionery tsifrovizatsii. K 60-letiyu ATs pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii* [Pioneers of digitalization. To the 60th anniversary of the AC under the Government of the Russian Federation]. Moscow: Analytical Center for the Government of the Russian Federation. [Online] Available from: https://ac.gov.ru/uploads/pdf/About_Documents_01/60_let_web.pdf. (Accessed: 16.01.2023).
31. Massel', L.V. et al. (2016) Kiberopasnost' kak odna iz strategicheskikh ugroz energeticheskoy bezopasnosti Rossii [Cybersecurity as one of the strategic threats to Russia's energy security]. *Voprosy kiberbezopasnosti*. 4 (17). pp. 2–10.
32. Erboz, G. (2017) [How to Define Industry 4.0: Main Pillars of Industry 4.0]. *Managerial Trends in the Development of Enterprises in Globalization Era*. Proceedings of the 7th International Conference. Nitra. 1–2 June 2017. Nitra: Slovak University of Agriculture. pp. 761–767.
33. Kholkin, D.V. & Chausov, I.S. (2018) Tsifrovoy perekhod v energetike Rossii: v poiskakh smysla [Digital transition in the energy sector of Russia: in search of meaning]. *Energeticheskaya politika*. 5. pp. 7–16.
34. Lyutyagin, D.V. et al. (2019) Osobennosti i tendentsii tsifrovoy transformatsii rossiyskoy gornodobyvayushchey otrasli [Features and trends of digital transformation of the Russian mining industry]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 7A (9). pp. 147–159.
35. Skrug, V.S. (2018) Transformatsiya promyshlennosti v tsifrovoy ekonomike: problemy i perspektivy [Transformation of industry in the digital economy: problems and prospects]. *Kreativnaya ekonomika*. 7 (12). pp. 943–952.
36. Akberdina, V.V. (2018) Transformatsiya promyshlennogo kompleksa Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Transformation of the industrial complex of Russia in the conditions of digitalization of the economy]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 3 (19). pp. 82–99.
37. Brodt, V.V. (2019) [Digitalization in the energy sector and its advantages]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Fundamental and Applied Scientific Research: Topical issues, achievements and innovations]. Proceedings of the 26th International Conference. Penza. 15 December 2019. Penza: Nauka i Prosveshcheniye. pp. 53–54. (In Russian).
38. Vlasjuk, L.I., Sizemov, D.N. & Dmitrieva, O.V. (2020) Strategicheskie priority ty tsifrovoy transformatsii ugol'noy otrasli Kuzbassa [Strategic priorities of the digital transformation of the coal industry in Kuzbass]. *Ekonomika predpriyatiy*. 3 (13). pp. 328–338.
39. Sorokin, D. (2020) Kompleksnaya energeticheskaya bezopasnost' i tsifrovizatsiya TEK [Comprehensive energy security and digitalization of the fuel and energy complex]. *Neftegaz*. 17 (24) [Online] Available from: [https://www.neftegaz-expo.ru/common/img/uploaded/exhibitions/neftegaz2020/img/digest/Neftegaz_Digest_2020.17\(24\).pdf](https://www.neftegaz-expo.ru/common/img/uploaded/exhibitions/neftegaz2020/img/digest/Neftegaz_Digest_2020.17(24).pdf).
40. Kupriyanovsky, V. et al. (2017) Skills in the Digital Economy and the Challenges of the Education System. *International Journal of Open Information Technologies*. 1 (5). pp. 19–25.
41. Lenchuk, E.B. (ed.) (2020) *Formirovaniye tsifrovoy ekonomki v Rossii: vyzovy, perspektivy, riski* [Formation of the Digital Economy in Russia: Challenges, prospects, risks]. Saint Petersburg: Institute of Economics RAS.
42. Titkov, I.A. (2021) Tsifrovoy neftegazovyy sektor RF: voprosy konkurentosposobnosti [Digital oil and gas sector of the Russian Federation: issues of competitiveness]. *Vestnik MIRBIS*. 3 (27). pp. 37–51.
43. Sologubova, G.S. (2019) *Sostavlyayushchie tsifrovoy transformatsii* [Components of Digital Transformation]. Moscow: Yurayt.
44. Shamin, E.A. et al. (2015) Sushchnost' informatizatsii, ee tseli, sub'ekty i ob'ekty [The essence of informatization, its goals, subjects and objects]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo inzhenerno-ekonomicheskogo universiteta*. 11. pp. 99–107.
45. Tyukavkin, N.M. (2012) Informatizatsiya ekonomiki i informatsionnoe obshchestvo [Informatization of the economy and the information society]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10. pp. 139–146.
46. Budnik, G.A. et al. (2020) *Vysokoe napryazhenie Velikoy Pobedy: k 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne* [High voltage of the Great Victory: to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War]. Moscow: Krasivaya Kniga.
47. Barinova, V.A., Devyatova, A.A. & Lomov, D.Yu. (2021) Rol' tsifrovizatsii v global'nom energeticheskom perekhode i v rossiyskoy energetike [The role of digitalization in the global energy transition and in the Russian energy sector]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 4 (16). pp. 126–145.
48. Kozyrev, A.N. (2018) Tsifrovaya ekonomika i tsifrovizatsiya v istoricheskoy retrospektive [Digital economy and digitalization in historical retrospective]. *Tsifrovaya ekonomika*. 1. pp. 5–19.
49. Lukichev, S.V. (2021) Tsifrovoe proshloe, nastoyashcheye i budushcheye gornodobyvayushchikh predpriyatiy [Digital Past, Present and Future of Mining Enterprises]. *Gornaya promyshlennost'*. 4. pp. 73–79.
50. Dmitriev, P.N. (2019) *Istoriya gornoy nauki i tekhniki. Razvitiye tekhnologii i tekhniki podzemnoy dobychi uglya* [History of Mining Science and Technology. Development of technology and equipment for underground coal mining]. Saint Petersburg: Svoyo izdatel'stvo.
51. Kimura, O. & Suzuki, T. (2006) [30 years of solar energy development in Japan: co-evolution process of technology, policies, and the market]. *Resource Policies: Effectiveness, Efficiency and Equity*. Proceedings of the European Conference. Berlin. 17–18 November 2006. [Online] Available from: <https://dokumen.tips/documents/30-years-of-solar-energy-development-in-japan-co-30-years-of-solar-energy.html?page=1>. (Accessed: 25.01.2023).
52. Sganzerla, C., Seixas, C. & Conti, A. (2016) Disruptive innovation in digital mining. *Procedia Engineering*. 138. pp. 64–71.

Информация об авторах:

Соловенко И.С. – д-р ист. наук, профессор Юргинского технологического института (филиал) Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: solovenko71@mail.ru

Рожков А.А. – д-р экон. наук, начальник отдела аналитических исследований и краткосрочного прогнозирования развития угольной промышленности «Росинформуголь» – филиала Российского энергетического агентства Минэнерго России (Москва, Россия). E-mail: aarozhkov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.S. Solovenko, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

A.A. Rozhkov, Dr. Sci. (Economics), Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: aarozhkov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.04.2023;
одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 06.04.2023;
approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.14
doi: 10.17223/15617793/489/16

Модель иноязычного обучения студентов в контексте цифровизации профессиональной среды: теоретические и практические аспекты

Ирина Евгеньевна Абрамова¹, Анастасия Валерьевна Ананьина², Анна Михайловна Есенгалиева³

^{1, 2}Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

³Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

¹lapucherabr@gmail.com

²ananyinastya@yahoo.com

³yessengaliyeva@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается изменение подхода к иноязычной подготовке специалистов в сфере международных отношений, которые будут обладать цифровой грамотностью и универсальными компетенциями для работы в условиях цифровой дипломатии и геополитических вызовов. Анализируются результаты прикладного проблемно-ориентированного исследования по конструированию профессионально интегрированной обучающей цифровой среды на английском языке с международным участием. Предложена универсальная система обучения с участием зарубежных партнеров, которая будет эффективна в иноязычной подготовке студентов гуманитарного профиля.

Ключевые слова: профессионально интегрированное иноязычное обучение, межкультурная коммуникация, цифровая трансформация, цифровые компетенции, международная кооперация

Для цитирования: Абрамова И.Е., Ананьина А.В., Есенгалиева А.М. Модель иноязычного обучения студентов в контексте цифровизации профессиональной среды: теоретические и практические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 162–172. doi: 10.17223/15617793/489/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/16

Model of tertiary foreign language teaching for increasingly digital professional environment: Theoretical and practical aspects

Irina E. Abramova¹, Anastasia V. Ananyina², Anna M. Yessengaliyeva³

^{1, 2}Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

³L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

¹lapucherabr@gmail.com

²ananyinastya@yahoo.com

³yessengaliyeva@inbox.ru

Abstract. The demand for professionals capable of working effectively for the digitally transforming economy and the rapidly changing labor market reflects the gap between the set of competencies formed by university students and the actual needs of the society. Thus, the article examines the changing approach to teaching a foreign language to future international relations professionals, who will be digitally literate and will have universal competencies to be engaged in digital diplomacy and address geopolitical challenges. The authors analyze the results of their applied problem-oriented research on designing a professionally integrated digital learning environment in English in cooperation with a foreign partner to develop students' cross-cultural communicative competencies and key digital competencies. This research seems to be of high relevance because we need to prepare university students with humanities majors, namely students of international relations, to the digital transformation of their future professional environment and labor market in general. The novelty of the experimental study described in the article is to offer one of the seemingly effective ways to create conditions for the formation and development of the key communicative and digital competences through immersing students in the environment that simulates to some extent the real-life conditions in which future graduates will perform their professional functions. The research methodology included observation, formalized questionnaires with open- and closed-ended questions, interviews, and statistical methods. The authors evaluated the dynamics of the target competencies development during the longitudinal study and revealed specific language and digital (technical) problems faced by the students during the cross-cultural communication in virtual environment.

The maximum results were achieved on the competency described as “Working in digital environment under uncertainty”, as well as translation and sociocultural competencies. The conclusion is that specially designed digital learning environment oriented at specific professional communication enhances effective formation of the required communicative and digital competencies and, therefore, can be used not only for teaching students of humanities, but also students of technical and natural science majors.

Keywords: content and language integrated learning, cross-cultural communication, digitalization, digital competences, international cooperation

For citation: Abramova, I.E., Ananyina, A.V. & Yessengaliyeva, A.M. (2023) Model of tertiary foreign language teaching for increasingly digital professional environment: Theoretical and practical aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 162–172. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/16

Введение

Необходимость перехода к цифровой экономике в новой геополитической реальности способствовала критическому анализу сложившейся ситуации в высшей школе Российской Федерации и признанию того факта, что не все вузы оказались готовы к обновлению содержания учебного процесса и планируемых образовательных результатов в соответствии с вызовами времени. Эксперты называют сферу высшего образования России среди наиболее отстающих по уровню внедрения цифровых технологий [1]. На преодоление данного отставания направлена программа господдержки вузов «Приоритет 2030», одной из задач которой стало формирование цифровых компетенций у обучающихся [2]. Однако основной акцент в программе сделан на поддержку университетов, создающих наукоемкую продукцию, что, в первую очередь, обеспечивается техническими и естественно-научными, а не гуманитарными специальностями. Кроме того, набор студентов на гуманитарные направления заметно сократился за последние годы. Так, в 2022 г. 58,7% бюджетных мест в российских вузах было выделено для инженерно-технических, медицинских и сельскохозяйственных направлений обучения, которые, по мнению министра науки и высшего образования РФ В.Н. Фалькова, пользуются наибольшей популярностью в регионах [3]. Сложившаяся ситуация вызывает беспокойство, поскольку дефицит как специалистов общего гуманитарного профиля, так и «цифровых гуманитариев» неизбежно влечет за собой не только кадровый голод в ряде отраслей, но и негативные социокультурные последствия [4]. В частности, уже признано, что отечественные СМИ и интернет-ресурсы не выдерживают конкуренции с западными аналогами в вопросах создания положительного имиджа страны и продвижения национальных интересов [5].

Одной из современных профессиональных сфер, где требуется постоянная работа в виртуальной информационной среде, является область международных отношений, в частности цифровая дипломатия, в рамках которой проводится постоянный мониторинг особенностей освещения внешнеполитических событий западными СМИ; создается цифровой контент, формирующий общественное мнение [6]. Отличие цифровой дипломатии от традиционных международных отно-

шений заключается, прежде всего, в создании более открытого и яркого коммуникативного пространства, в более интенсивном, но не всегда дружественном общении, а также в оказании непосредственного влияния на умы и настроения людей в России и далеко за ее пределами в целях разъяснения важных решений руководства страны, ее внешнеполитического курса; укрепления сетевого взаимодействия и популяризации различных национальных проектов, концепций, ценностей и т.д. Использование цифровых технологий позволяет не только установить обратную связь между разными социальными группами, но и управлять большим количеством людей в политических и дипломатических целях. Попытки отдельных внешнеполитических игроков усложнить взаимодействие России с другими странами в международных, экономических, культурных, научных и других значимых областях делают принципиально важным подготовку специалистов, владеющих необходимыми универсальными и профессиональными компетенциями для работы в быстро меняющихся условиях цифровой дипломатии.

В этой связи особенно актуальным становится взаимодействие с учебными заведениями из дружественных стран, в которых английский язык, также как и в России, изучается в условиях аудиторного билингвизма. В качестве одного из перспективных партнеров можно рассматривать Казахстан, который обладает крупнейшей экономикой в Центральной Азии и активно продвигает идею создания «цифрового государства» и интенсивно цифровизирует свою систему образования [7].

С учетом вышесказанного целью статьи является анализ особенностей формирования универсальных и профессиональных компетенций у студентов направления подготовки «Международные отношения» в условиях взаимодействия с вузом-партнером в смоделированной профессионально интегрированной иноязычной среде, учитывающей специфику цифровой трансформации будущей профессиональной сферы деятельности.

Теоретическо-методологические положения исследования

Формирование универсальных компетенций у взрослых продолжает оставаться одним из ключевых направлений развития вузовского образования как в

России, так и за рубежом. Крупнейший проект «Программа международной оценки компетенций взрослых» (PIAAC), осуществляемый Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), трактует универсальные компетенции как способность мобилизовать имеющиеся ресурсы (знания, навыки, технологии) в постоянно меняющемся социальном контексте для успешного осуществления профессиональной деятельности в технологически и информационно насыщенной среде. При определении перечня ключевых компетенций делается упор на взаимодействие с людьми, изменчивость профессионального ландшафта, высокую степень цифровизации современного общества. Это требует от обладателя универсальных компетенций XXI в., в числе прочего, умения работать с большими массивами текста (текстовая грамотность/*textual literacy*), умение искать, проверять достоверность и анализировать информацию (информационная грамотность/*information literacy*), умение использовать цифровую информацию в собственных целях (цифровая грамотность/*digital literacy*), способность решать задачи в технологически насыщенной среде с использованием интернет-ресурсов (технологическая грамотность/*technological literacy*) и способность эффективно взаимодействовать с окружающими, соблюдая принципы толерантности и уважения культурных различий (гуманистическая грамотность/*human literacy*) [8, 9].

В современной лингводидактике и ее отдельной отрасли цифровой дидактике, нацеленной на реализацию обучения в гибридной или виртуальной среде, подход к формированию универсальных компетенций в условиях интенсивного развития информационно-компьютерных технологий (ИКТ) базируется на признании важной роли цифровой грамотности в формировании иноязычной коммуникативной компетенции. Суть данного процесса заключается в повышении результативности обучения «за счет персонализации образовательного процесса на основе использования растущего потенциала цифровых технологий, включая применение методов искусственного интеллекта, средств виртуальной реальности; развития в учебных заведениях цифровой образовательной среды...» [10. С. 36]. Это создает условия для развития ключевых компетенций XXI в., таких как критическое мышление, коммуникация, креативность, командная работа, а также для формирования цифровой грамотности, которую в широком смысле можно определить как способность планировать, создавать и использовать контент с помощью цифровых технологий [11].

Следует отметить, что цифровая дидактика трансформирует традиционные принципы обучения, адаптируя их к новым условиям цифровизированной образовательной среды. К фундаментальным принципам цифровой дидактики принято относить следующее [12]:

1. Принцип персонализации, который подразумевает возможность выбора обучающимся индивидуальной образовательной траектории в цифровой образовательной среде.

2. Принцип доминирования процесса учения, т.е. собственной учебной деятельности обучающегося в цифровой учебной среде.

3. Принцип целесообразности, который предполагает перевод в цифровой формат только эффективных педагогических технологий, обеспечивающих достижение поставленных образовательных целей.

4. Принцип гибкости и адаптивности, который позволяет выстраивать процесс обучения с учетом индивидуальных особенностей/потребностей обучающихся и конкретных условий цифровой образовательной среды.

5. Принцип успешности в обучении, согласно которому цифровые средства обучения используются для закрепления необходимых знаний, умений, навыков и компетенций, что позволяет сделать этот процесс менее однообразным и трудоемким.

6. Принцип интерактивности, который требует, чтобы учебный процесс строился на основе активной многосторонней коммуникации между всеми вовлеченными субъектами, осуществляемой как в реальной, так и в виртуально-сетевой форме.

7. Принцип практикоориентированности, в соответствии с которым в образовательном процессе необходимо учитывать современные требования рынка труда и конкретной отрасли, а также использовать актуальные и перспективные цифровые технологии.

8. Принцип нарастания сложности, который подразумевает переход от обучения с внешней дидактической поддержкой к самостоятельному выполнению заданий, а в последствии – к оказанию поддержки другим обучающимся в условиях цифровой образовательной среды.

9. Принцип включенного оценивания, который означает обеспечение максимально быстрой обратной связи за счет использования цифровых инструментов.

Анализ наиболее популярных методик цифровой дидактики показывает, что они функционируют в рамках парадигмы смешанного обучения (*blended learning*), которое предполагает комбинацию очного и дистанционного форматов [13] с опорой на принцип междисциплинарных связей, принцип «перевернутого класса» (*flipped classroom*) и принцип обучения в кооперации (*collaborative learning*). Важным фактором успешного обучения является создание условий для взаимного оценивания и самооценивания, что способствует развитию у обучающихся навыков рефлексии, самоанализа и самоконтроля [14]. Благодаря цифровизации образовательного процесса активизируется самостоятельная работа студентов, развиваются внутри-вузовские и межуниверситетские коллаборации, происходит более плавный переход от контролирующей роли педагога к фасилитации [15].

На сегодняшний день имеется множество примеров успешного внедрения отдельных цифровых инструментов в процесс обучения разным дисциплинам, поскольку в условиях новой реальности многие вузы стали широко использовать массовые открытые онлайн-курсы (МООС). В рамках вузовских программ такие ресурсы дают студентам больше академической свободы и возможностей для выполнения групповых и индивидуальных учебных проектов. Также широко используются мобильные техноло-

гии, позволяющие максимально реализовать дидактический потенциал поисковой деятельности студентов (*inquiry-based learning*) [16], и облачные технологии для хранения больших объемов данных, повышающие эффективность командной работы студентов [17]. Цифровизация открыла новые возможности и для внедрения таких образовательных технологий, как геймификация и цифровой сторителлинг, которые мотивируют современных студентов и развивают творческое мышление [18]. При этом сохраняется потребность в комплексных методиках и технологиях по проектированию цифровых образовательных сред, конструирующих условия для практико-ориентированного обучения и квазипрофессионального взаимодействия в соответствии с требованиями цифровой дидактики.

С учетом вышесказанного был проведен сопоставительный анализ федерального государственного образовательного стандарта высшего образования РФ (ФГОС 3++) и государственного общеобразовательного стандарта образования Республики Казахстан для бакалавриата по направлению подготовки «Международные отношения», который позволил выявить следующие точки соприкосновения и различия в рамках проводимого исследования.

Оба стандарта в качестве основных профессиональных областей устанавливают информационно-аналитическую деятельность и межкультурную коммуникацию с использованием национального и иностранного языков.

Оба документа уделяют особое внимание критическому мышлению, умению обрабатывать большие объемы информации и устанавливать причинно-следственные связи. При этом, российский стандарт концентрируется на собственно коммуникативной, а казахский – на аналитико-прогностической деятельности.

В обоих стандартах отдельно прописано требование, согласно которому бакалавры-международники должны уметь применять современные информационные технологии для решения профессиональных задач.

Сильная сторона казахского образовательного стандарта заключается в акценте на создании объективной и реалистичной картины происходящих событий и явлений действительности, а также на продвижение национальных интересов и позиций на мировой арене.

Недостатком обоих документов является то, что в них отсутствует четкое понятие цифровой компетен-

ции, а требования к формированию необходимых цифровых навыков и умений распределены по разным разделам.

К сложностям, которые возникают с реализацией компетентного подхода в зарубежных и отечественных вузах, можно отнести недостаточную степень концептуализации и дифференциации понятия универсальных компетенций. Кроме того, некоторые эксперты считают, что при декларируемом отходе от сугубо профессиональных компетенций на практике университетское образование оказывается сфокусированным на конкурентоспособности, а не универсальности будущих специалистов и уделяет слишком много внимания требованиям современного рынка труда, которые в нынешних геополитических условиях изменяются слишком стремительно. Поэтому всегда существует риск, что компетентно-ориентированный подход может усугубить дисбаланс высшего образования [19], обусловленный противоречиями между практико-ориентированным обучением и стремлением сформировать всесторонне развитого и самодостаточного специалиста.

Формирование профессионально-интегрированной иноязычной цифровой среды

Изученный опыт российских и зарубежных специалистов позволил преподавателям Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) провести прикладное проблемно-ориентированное исследование, включающее поэтапное конструирование цифровой обучающей среды, основанной на принципах цифровой дидактики и обеспечивающей адаптацию к будущим профессиональным вызовам российских студентов направления «Международные отношения» при взаимодействии с казахскими партнерами из Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (ЕНУ). Поскольку данное исследование было в первую очередь нацелено на изучение формирования универсальных (коммуникативных и цифровых) компетенций, которые являются ведущими для современной цифровой дипломатии, в целях контроля и оценивания была разработана рабочая классификация компетенций с опорой на образовательный стандарт и нормативные документы. Перечень компетенций с соответствующими расшифровками представлен в табл. 1.

Таблица 1

Ключевые компетенции, формируемые в рамках обучения английскому языку для специальных целей в профессионально-интегрированной цифровизированной среде с международным участием

Коммуникативные компетенции	Цифровые компетенции
Лингвистическая компетенция владение необходимым словарным запасом, знание грамматики и фонетических норм иностранного языка, а также способность использовать все вышеперечисленное для достижения определенных коммуникативных целей цифровой дипломатии	Кооперация в цифровой среде способность использовать определенные цифровые средства для достижения поставленных дипломатических целей путем взаимодействия с партнерами
Социокультурная компетенция	Критическое мышление в цифровой среде умение дипломата оценивать качество, релевантность и достоверность информации, полученной из цифровых источников, а также

Коммуникативные компетенции	Цифровые компетенции
знание основных национально обусловленных особенностей речевого поведения носителей иностранного языка и способность имитировать их в процессе межкультурной дипломатической коммуникации	строить логические умозаключения на основе полученной информации.
Прагматическая (дискурсивная) компетенция способность интегрировать иноязычный языковой материал в связный текст с учетом стилистического регистра, коммуникативной ситуации и целевой аудитории	Креативное мышление в цифровой среде способность дипломата генерировать новые идеи, предлагать новые варианты действий и находить новые инструменты для решения дипломатических задач в условиях виртуальной реальности
Переводческая компетенция способность успешно реализовать все вышеперечисленные компетенции для осуществления эффективной профессионально ориентированной посреднической деятельности на стыке двух языков и культур	Управление информацией в цифровой среде способность дипломата находить релевантные источники информации, а затем отбирать, извлекать, сохранять, анализировать, систематизировать и передавать информацию с использованием цифровых средств и с учетом требований информационной безопасности, включая соблюдение авторских прав
	Работа в цифровой среде в условиях неопределенности умение дипломата ставить новые и корректировать существующие цели и задачи в соответствии с меняющимися условиями; способность сопротивляться стрессу при работе в цифровой среде

Следует подчеркнуть, что участие зарубежного партнера (ЕНУ) было принципиально важным для данного практико-ориентированного исследования, поскольку перед специалистами ПетрГУ стояла задача не только создать цифровую иноязычную образовательную среду, имитирующую трансформирующиеся условия профессиональной деятельности, но и социализировать студентов за счет вовлечения их в совместную деятельность, организованную таким образом, чтобы частично имитировать реальные рабочие процессы в сфере дипломатии и международных отношений. Достигалось это за счет организации и проведения совместных виртуальных (в том числе сетевых) мероприятий, выполняющих различные функции: контактоустанавливающую, дискуссионную и аналитико-исследовательскую. При этом учитывался весь спектр обязанностей профессиональных дипломатов, включая представление и защиту интересов своей страны, сбор важной информации из различных источников, текущую коммуникацию в цифровой среде, налаживание и развитие полезных для страны контактов, участие в переговорах и дискуссиях, разрешение спорных ситуаций [20].

Материалы и методы

В описываемом лонгитюдном исследовании приняли участие 70 бакалавров ПетрГУ, обучающихся по направлению «Международные отношения», и аналогичное количество студентов ЕНУ, выступивших в роли партнеров. Для сбора данных использовалось формализованное анкетирование открытого и закрытого типа, а также интервьюирование. Верификация полученных результатов проводилась с применением методов статистического анализа. Уровень сформированности иноязычных коммуникативных и цифровых компетенций до и после обучения оценивался независимыми экспертами, в число которых входил один национально-английский билингв, владеющий английским как иностранным на уровне Proficiency (C2). Для оценки по каждому из критериев применялась пятибалльная шкала, где 1 балл означал отсутствие у сту-

дента рассматриваемой компетенции, а 5 – максимальный уровень ее сформированности. Для сопоставления полученных результатов использовались средние арифметические значения совокупных оценок каждого студента, на основании которых рассчитывались средние баллы для всей группы по целевым критериям. Достоверность степени различий между начальными и конечными показателями внутри экспериментальной группы проверялась с помощью *t*-критерия Стьюдента (при уровне значимости 5%). На завершающей стадии было проведено интервью, позволившее выявить субъективное оценивание студентами эффективности обучения и тех сложностей, с которыми они столкнулись за время исследования. Ниже представлена поэтапная организация обучения студентов ПетрГУ в процессе их взаимодействия со студентами из Казахстана в рамках разработанной обучающей модели.

Модуль 1 (первый год обучения): техника устной речи и публичных выступлений. Цель обучения в рамках этого модуля заключалась в формировании навыков и умений, необходимых для эффективного межличностного и межкультурного общения на английском языке в профессиональной среде с партнерами из другой страны. Студенты осваивали нормативное английское произношение и интонацию для снижения уровня иностранного акцента, тренировали навыки аудирования для извлечения значимой информации из устной речи, анализировали особенности структурирования дискурса и различия между письменной и устной речью, а также изучали правила, этикетные нормы и национально-обусловленные особенности речевого поведения, обеспечивающие адекватность социальных и профессиональных контактов. Овладение необходимыми технологиями и цифровыми инструментами происходило в процессе создания цифрового контента в режимах офлайн (Microsoft PowerPoint) и онлайн (Canva, Google Презентации), а через усвоение основ видеосъемки и монтажа (специализированные компьютерные и мобильные приложения, встроенные инструменты смартфонов). В качестве коллективных цифровых инструментов применя-

лись учебная среда Moodle, где размещались инструкции к заданиям и необходимые методические материалы, а также облачная платформа Google Диск для загрузки уже выполненных заданий и их критической оценки другими студентами и преподавателями, в том числе и казахскими. На данном этапе студенты из двух стран активно взаимодействовали за пределами аудитории, обменивались опытом, помогали друг другу в создании качественного цифрового контента, используя групповые чаты и мессенджеры, обсуждали ролики друг друга, сходства и различия между двумя вузами, выявляли особенности представления информации, сильные и слабые стороны видеоматериалов, будущие точки роста и направления для будущего взаимодействия в цифровой среде.

Модуль 2 (второй год обучения): общественно-политический перевод. Учебный процесс был нацелен на формирование переводческих компетенций, необходимых для создания профессионально ориентированного переводного контента, который в дальнейшем предполагалось использовать при создании цифровых продуктов. Основными форматами работы были сравнительный анализ и двусторонний перевод новостных и аналитических статей, опубликованных в российских и зарубежных СМИ, для выявления различий на структурном, лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях, а также для составления оценочно-идеологических характеристики параллельных текстов. Студенты составляли тематические глоссарии, учились работать с контекстными словарями, осваивали навыки взаимного и самостоятельного критического редактирования перевода. Пристальное внимание уделялось стилистическому ранжированию изучаемых текстов и различиям между устным и письменным дискурсами. В рамках этого модуля цифровизация процесса обучения осуществлялась за счет использования командных инструментов платформы Google Doc для группового анализа и редактирования текстов. Студенты регулярно выполняли аудиозаписи собственных переводов для отслеживания переводческих ошибок и совершенствования фонетических и темпо-ритмических характеристик устной речи. На этом этапе межвузовское взаимодействие осуществлялось в рамках конкурса письменного общественно-политического перевода и олимпиады по редактированию машинного перевода публицистических текстов. Сравнительный анализ подходов к переводу и редактированию студентов ПетрГУ и ЕНУ, а также итоговых конкурсных работ, выполненных самими обучающимися, позволил оценить возможность возникновения коммуникативных барьеров в процессе последующего межвузовского взаимодействия.

Модуль 3 (третий год обучения): основы политического дискурса и международная пресса. Цель обучения состояла в овладении умениями и навыками самостоятельного сбора, анализа, отбора и структурирования информации для выполнения профессиональной деятельности. Студенты не только учились работать с материалами англоязычных СМИ, составлять

критические обзоры прессы, но и изучали банк речей мировых политических лидеров [21], готовили мотивационные речи в цифровом формате с учетом всех требований к визуализации и аргументации. Кроме того, студенты, разбившись на мини-команды, сопоставляли особенности подачи одних и тех же политических событий зарубежными и русскими англоязычными интернет-изданиями, выявляя и анализируя приемы пропаганды, манипулятивных тактик и способов оказания воздействия на аудиторию. Бакалавры овладевали современными стратегиями построения аналитического рассуждения и представления его результатов на английском языке, учились разрабатывать профессионально интегрированные проекты, в том числе и в интернациональных в командах. Обучающиеся загружали свои видеоролики на кафедральный веб-сайт. На этом этапе межвузовское взаимодействие было расширено до групповых дискуссий в формате видеоконференции, в рамках которых студенты обсуждали глобальные проблемы, выявляли темы, наиболее актуальные для каждой из стран, и сравнивали точки зрения на одни и те же вопросы в России и Казахстане, опираясь на материалы национальной прессы и свой личный опыт.

Модуль 4 (четвертый год обучения): создание профессионально ориентированного YouTube-канала на английском языке. Этот завершающий модуль был нацелен на закрепление, развитие и применение на практике всех умений, навыков и компетенций, сформированных на предыдущих этапах обучения. Перед студентами стояла задача в установленные сроки создать собственный канал на платформе YouTube и наполнить его оригинальным англоязычным видеоконтентом. Работа выполнялась по следующему алгоритму: 1) ознакомление с заданием (анализ целей, постановка конкретных задач, изучение и уточнение инструкций, определение сроков); 2) выбор тем для индивидуальных видеороликов и оценка их актуальности с учетом текущей внутривузовской и внешнеполитической ситуации; 3) поиск, анализ и отбор материалов (включая исходные тексты на русском языке, аналоговые иноязычные тексты, теоретические материалы и практические рекомендации по созданию новостей на английском языке, фото- и видеоматериалы для итогового ролика); 4) работа с текстом (создание исходного текста, его адаптация для перевода, перевод и последующее редактирование); 5) адаптация текста для видеоматериала с учетом различий между письменным и устным дискурсами; 6) запись видеоролика; 7) создание YouTube-канала и заполнение его контентом; 8) оформление группового портфолио и презентация проекта; 9) экспертное оценивание преподавателями ПетрГУ и внешним экспертом; 10) обратная связь, рефлексия, самооценивание. Для организации работы в рамках группового проекта использовались видеоконференции Zoom и BigBlueButton, а также чаты социальной сети ВКонтакте. Пример цифрового продукта, созданного в рамках данной обучающей модули, представлен на сайте YouTube по следующему адресу: <https://www.youtube.com/channel/UCRf2ETjOPwVZMNctFIdZIQ/playlists> [22]. После создания канала была получена обратная связь от партнеров из Казахстана: они выбирали наиболее интересные ролики и комментировали их в свободной форме.

Работа на каждом из этапов велась под контролем преподавателей, с учетом их замечаний и рекомендаций. В рамках последнего модуля был достигнут максимальный уровень цифровизации обучения, внутригруппового взаимодействия и общения между студентами и преподавателями. Для получения инструкций, отправки заданий и обсуждения промежуточных и итоговых результатов был задействован электронный почта, мессенджеры, социальные сети, платформы для видео-конференц-связи. Поскольку базовые навыки создания цифрового контента были сформированы у студентов ранее, они смогли сосредоточиться на освоении более продвинутых инструментов видеосъемки и аудиозаписи, обработки звука, монтажа и создания спецэффектов (вплоть до использования технологии *green screen* для изменения фона предварительно отснятого изображения). Данный учебный проект привел к созданию полноценного цифрового продукта – видеоканала, который в будущем сможет жить своей

жизнью и привлекать новых участников. Положительная направленность большинства видеороликов, дружелюбный настрой комментаторов, в том числе из Казахстана, и увеличение числа просмотров по мере заполнения канала подтверждают, что российским учащимся удалось добиться целей цифровой дипломатии, которые заключаются, с одной стороны, в продвижении национальных интересов в глобальном виртуальном пространстве, а с другой – в привлечении обычных людей к обсуждению важных международных вопросов.

Результаты исследования

Независимые эксперты оценивали по пятибалльной шкале уровень сформированности у студентов ПетрГУ лингвистической, социокультурной, прагматической и переводческой компетенций до и после обучения. Обобщенные результаты представлены в виде средних баллов в табл. 2.

Таблица 2

Экспертное оценивание динамики развития коммуникативных компетенций

Оцениваемые компетенции	Средний балл		Значение <i>t</i> -критерия Стьюдента ($p \leq 0,05$)
	до	после	
Лингвистическая компетенция	3,03	4,48 (+1,45)	16,2
Переводческая компетенция	1,77	4,17 (+2,40)	15,0
Прагматическая компетенция	2,88	4,34 (+1,46)	13,2
Социокультурная компетенция	2,28	4,26 (+1,98)	17,9

Согласно табл. 2, уровень всех оцениваемых коммуникативных компетенций вырос у всех участников экспериментального обучения. Проверка достоверности различий между исходными и итоговыми результатами с помощью *t*-критерия Стьюдента подтвердила их статистическую значимость на уровне 5% ($p \leq 0,05$). Максимальный прогресс был достигнут по критерию «Переводческая компетенция»: средняя оценка выросла на 2,4 балла ($t_{\text{мп}} = 15,0$) по сравнению с уровнем до начала экспериментального обучения, что объясняется переводческой

направленностью студенческого цифрового проекта. Уровень социокультурной компетенции в среднем вырос на 1,98 балла ($t_{\text{мп}} = 17,9$), а показатели прагматической и лингвистической компетенций – на 1,46 и 1,45 балла соответственно ($t_{\text{мп}} = 13,2$ и $16,2$).

Далее экспертам было предложено оценить уровень сформированности цифровых компетенций студентов до и после обучения по пятибалльной шкале, что отражено в табл. 3.

Таблица 3

Экспертное оценивание динамики развития цифровых компетенций

Оцениваемые компетенции	Средний балл		Значение <i>t</i> -критерия Стьюдента ($p \leq 0,05$)
	до	после	
Кооперация в ЦС	3,06	4,66 (+1,60)	11,4
Критическое мышление в ЦС	2,83	4,43 (+1,60)	10,0
Креативное мышление в ЦС	2,91	4,46 (+1,55)	9,1
Управление информацией в ЦС	3,03	4,57 (+1,54)	9,1
Работа в ЦС в условиях неопределенности	2,77	4,68 (+1,91)	12,8

Примечание. ЦС – цифровая среда

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что максимальный прогресс в ходе обучения был достигнут по такому критерию, как «Работа в цифровой среде в

условиях неопределенности», и составил 1,91 балла ($t_{\text{мп}} = 12,8$). Улучшение средних показателей по трем остальным критериям (управление информацией,

креативное мышление, критическое мышление и ко-операция в цифровой среде) было схожим (от 1,54 до 1,60 балла соответственно) и также оказалось достоверно значимым после проверки с помощью *t*-критерия Стьюдента на 5-процентном уровне ($p \leq 0,05$).

На завершающем этапе исследования также было проведено интервью, в ходе которого респонденты отметили свои достижения и описали сложности, с которыми столкнулись в ходе экспериментального обучения. В целом студенты весьма положительно оценили опыт международного взаимодействия в цифровой среде, отметив, что получили от казахских партнеров много интересной и подробной информации «из первых рук», которая помогла получить «более полное представление о другой стране», а также «оценить влияние глобальных проблем на Казахстан». По мнению респондентов, совместные мероприятия были полезными «в плане межвузовской коммуникации», а для части студентов стали «первым опытом межкультурной коммуникации» и позволили «обсудить важные вопросы между представителями разных стран». Часть анкетированных пришла к выводу, что у них произошли «большие сдвиги» не только в овладении английским языком, но и в личностной и профессиональной сферах. Подавляющее большинство участников (92,8%) дали высокую оценку эффективности экспериментального обучения, указав, что у них существенно улучшились дикция и произношение (88,6%), навыки визуализации (85,7%) и навыки межкультурной коммуникации (благодаря общению с казахскими студентами) (82,8%); им стало легче работать в команде (77,1%), у них появилась уверенность в применении цифровых технологий для создания интернет-контента (67,1%) и сформировался критический подход к отбору информации (58,6%).

Что касается сложностей, с которыми бакалавры столкнулись в процессе нового формата обучения, то 22,9% из них все же оценили свое произношение как «недостаточно четкое, чистое и качественное». Столько же учащихся подчеркнули, что у них сохранялись лексические трудности, которые заключались в нехватке терминологии и ощущении ограниченности словарного запаса. Наличие таких переводческих проблем, как интерференция в иноязычном тексте, а также трудности с предпереводческой адаптацией и достижением оптимальной адекватности при переводе отметили 15,7% информантов. Для 7,6% респондентов проблема заключалась в стилистическом оформлении текста с учетом основных особенностей англоязычного медийного дискурса. Среди технических сложностей большинство учащихся (53,8%) назвали проблему доступности бесплатного и (или) простого в использовании оборудования и программного обеспечения. Качеством съемки и озвучивания остались недовольны 38,6% студентов, а 22,9% информантов отметили, что им не хватало практического опыта монтажа и создания новостей. Наконец, 27,1% респондентов упомянули о том, что обучение в данном формате требовало

больших временных и трудовых затрат. Следует отметить, что выявленные сложности дают возможность разработчикам данной модели обучения учесть их в дальнейшем для усовершенствования предложенной методики.

Заключение

Полученные данные не противоречат результатам аналогичных исследований в других российских вузах. В качестве примеров можно привести формирование обучающей виртуальной языковой среды на базе персональных веб-сайтов в Мордовском государственном педагогическом университете [23], проведение социокультурных проектов в Ивановском государственном химико-технологическом университете [24], осуществление проектной деятельности для приближения виртуальной языковой среды к естественной в Томском государственном педагогическом университете [25], внедрение технологий дополненной и виртуальной реальности для оптимизации процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции в Тульском государственном университете [26].

Преподаватели Петрозаводского государственного университета учли положительный опыт своих коллег и предприняли попытку создать виртуальную образовательную среду для обучения профессионально ориентированному английскому языку дипломатии с учетом основных принципов цифровой дидактики и с использованием цифровых инструментов, доступных современному пользователю. Проведенный эксперимент подтвердил, что развитая информационно-образовательная среда, благодаря таким характеристикам, как системность, многофункциональность, универсальность, адаптивность, доступность и наглядность, обеспечивает условия для индивидуализации, дифференциации и оптимизации процесса обучения иностранному языку, расширения объема самостоятельной работы студентов, повышения мотивации обучающихся, снижения психологических и коммуникативных барьеров [27]. Данное исследование продемонстрировало эффективность подготовки будущих специалистов в сфере дипломатии и международных отношений в специально смоделированной цифровой обучающей среде, воспроизводящей реальные ситуации профессионального взаимодействия и межкультурной коммуникации. Цифровая среда позволила не только распространять знания, закреплять навыки, осуществлять поиск и систематизацию информации, но и моделировать и имитировать реальность, создавать учебно-игровые ситуации, что привело к трансформации учебного процесса и содержания обучения.

Согласно оценкам экспертов в области публичной дипломатии, современные цифровые технологии можно использовать в конструктивных целях: для расширения многосторонних контактов, повышения цифровой грамотности общества, развития политической эмпатии и укрепления доверия [28].

Таким образом, запрос на развитие инструментов цифровой дипломатии для преодоления современных вызовов уже сформировался в самой профессиональной среде, и предложенная модель обучения представляет собой один из вариантов подготовки специалистов, владеющих необходимыми компетенциями, за счет создания гибкой и адаптивной вирту-

альной среды для взаимодействия и кооперации. Создание цифровой обучающей среды с учетом специфики профессионального обучения, вероятно, можно рассматривать как достаточно универсальный способ организации обучения и профессиональной социализации как гуманитариев, так и студентов технических и естественнонаучных специальностей.

Список источников

1. Перова М.В., Никитина Е.В., Линькова А.В. Влияние цифровизации на сферу трудоустройства в РФ // Материалы МСНК «Студенческий научный форум». 2020. № 1. С. 89–92. URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018018799> (дата обращения: 02.01.2023).
2. Программа «Приоритет 2030» // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 02.01.2023).
3. Минобрнауки России объявило результаты распределения бюджетных мест на 2022/2023 год // Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/33254/> (дата обращения: 02.01.2023).
4. Рынок труда для цифровых гуманитариев : материалы круглого стола // Высшая школа экономики. URL: https://hum.hse.ru/digital/advent_2020/dh_work (дата обращения: 02.01.2023).
5. Алексеева Е.С. Политика России в условиях современной информационной войны: от оборонительной стратегии к наступательной // Гуманитарный вестник. 2017. № 4. С. 1–17. doi: 10.18698/23 06-8477-2017-04-430
6. Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 6. С. 6–28. doi: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-1
7. Государственная программа «Цифровой Казахстан». URL: <https://zerde.gov.kz/activity/management-programs/digital-kazakhstan/> (дата обращения: 02.01.2023).
8. Lotherington H. From Literacy to Multiliteracies // Cummins J., Davison C. International Handbook of English Language Teaching. Springer New York, NY, 2007. 1257 p. doi: 10.1007/978-0-387-46301-8.
9. Welsh T., Wright M. Information Literacy in the Digital Age: An Evidence-Based Approach (Chandos Information Professional Series) // T. Welsh, M. Wright. Information Literacy in the Digital Age. Chandos Publishing, 2010. 236 p. URL: <https://www.sciencedirect.com/book/9781843345152/information-literacy-in-the-digital-age#book-info> (дата обращения: 02.01.2023).
10. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае. II Российско-китайская конференция исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект». Москва, Россия, 26–27 сентября 2019 г. / А.Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан и др. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 155 с.
11. Петрова Н.П., Бондарева Г.А. Цифровизация и цифровые технологии в образовании // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 353–355. doi: 10.24411/1991-5497-2019-00138
12. Биленко П.Н., Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Кондаков А.М., Сергеев И.С. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / под науч. ред. В.И. Блинова. М. : Пепо, 2019. 98 с. URL: http://murindkol.ru/img/all/35_konceptiya_cd_xi_2019_verstka.pdf (дата обращения: 02.01.2023).
13. Блинов В.И., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Модели смешанного обучения: организационно-дидактическая типология // Высшее образование в России. 2021. № 5. С. 44–64. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-44-64
14. Wu W., Huang J., Han Ch., Zhang J. Evaluating Peer Feedback as a Reliable and Valid Complementary Aid to Teacher Feedback in EFL Writing Classrooms: A Feedback Giver Perspective // Studies in Educational Evaluation. 2022. Vol. 73. doi: 10.1016/j.stueduc.2022.101140
15. Maker C.J. From Leading to Guiding, Facilitating, and Inspiring: A Needed Shift for the 21st Century // Educational Science. 2022. Vol. 12 (1). № 18. doi: 10.3390/educsci12010018
16. Becker S., Klein P., Gossling A., Kuhn J. Using Mobile Devices to Enhance Inquiry-Based Learning Process // Learning and Instruction. 2020. Vol. 69. doi: S0959475219305961
17. Roy P., Sarker S., Razzaque A., Abdur-Razzaque M.A., Mamun-or-Rashid M.M., Hassan M.M., Fortino G. Distributed Task Allocation in Mobile Device Cloud Exploiting Federated Learning and Subjective Logic // Journal of Systems Architecture. 2021. Vol. 113. doi: 10.1016/j.sysarc.2020.101972
18. Rincon-Flores E.G., Mena J., Lopez-Camacho E. Gamification as a Teaching Method to Improve Performance and Motivation in Tertiary Education during COVID-19: A Research Study from Mexico // Education Sciences. 2022. № 12 (1). doi: 10.3390/educsci12010049
19. Гилязова О.С., Замощанский И.И. Специфика универсальных компетенций высшего образования России в контексте компетентностно-ориентированного образования: концептуальный анализ // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56). С. 77–94. doi: 10.32744/pse.2022.2.5
20. Abramova I.E., Ananyina A.V., Yessengaliyeva A.M. Mediation as a Component of Communicative Competence in Training International Relations Professionals: Collaboration Between Russia and Kazakhstan // Human Language, Rights and Security. 2021. Vol. 1, № 1. P. 61–70. doi: 10.22363/2713-0614-2021-1-1-60-71
21. Collections of Political Speeches. URL: <https://users.wfu.edu/louden/Political%20Communication/Class%20Information/SPEECHES.html#Collections> (дата обращения: 02.01.2023).
22. Project: интернет-проект студентов ПетрГУ, обучающихся по направлению «Международные отношения». URL: <https://www.youtube.com/channel/UCRf2ETjOpwVZMNctFIdZlQ/videos> (дата обращения: 02.01.2023).
23. Чевтайкина М.П. Способы создания обучающей виртуальной языковой среды на уроке английского языка // Актуальные вопросы исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. СПб. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2020. С. 305–307.
24. Иванова Н.К., Шишкина С.Г. Социализация студентов технического вуза и дисциплина «Иностранный язык» // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 96–103.
25. Перковская Т.А. Применение виртуальной языковой среды в процессе обучения иностранным языкам // Иностранный язык и межкультурная коммуникация : материалы XV Международной студенческой научно-практической конференции. Томск : Изд-во Вайар, 2021. С. 228–231.
26. Коннова З.И., Семенова Г.В. Технологии дополненной и виртуальной реальностей: инновации в обучении иностранным языкам в вузе // Научный результат: педагогика и психология образования. 2021. Т. 7, № 3. С. 53–67. doi: 10.18413/2313-8971-2021-7-3-0-5
27. Стамгалиева Н.А. Обучение иностранному языку на основе информационно-коммуникационных технологий // Вестник Карагандинского университета. 2018. № 2 (90). С. 83–86.

28. Кошкин П.Г. Пять проблем современной публичной дипломатии и как их решать // Публикации Российского совета по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pyat-problem-sovremennoy-publichnoy-diplomatii-i-kak-ikh-reshat/?sphrse_id=92887814 (дата обращения: 02.01.2023).

References

1. Perova, M.V., Nikitina, E.V. & Lin'kova, A.V. (2020) Vliyaniye tsifrovizatsii na sferu trudoustroystva v RF [The impact of digitalization on the sphere of employment in the Russian Federation]. *Studencheskiy nauchnyy forum*. 1. pp. 89–92. [Online] Available from: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018018799>. (Accessed: 02.01.2023).
2. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (n.d.) *Programma "Prioritet 2030"* [Program "Priority 2030"]. [Online] Available from: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/>. (Accessed: 02.01.2023).
3. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (n.d.) *Minobrnauki Rossii ob "yavilo rezul'taty raspredeleniya byudzhetykh mest na 2022/2023 god"* [The Ministry of Education and Science of Russia announced the results of the distribution of budget places for 2022/2023]. [Online] Available from: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/33254/>. (Accessed: 02.01.2023).
4. Vysshaya shkola ekonomiki. (2020) Rynok truda dlya tsifrovyykh gumanitariyev: materialy kruglogo stola [The labor market for digital humanities: materials of the round table]. *Vysshaya shkola ekonomiki*. [Online] Available from: https://hum.hse.ru/digital/advent_2020/dh_work. (Accessed: 02.01.2023).
5. Alekseeva, E.S. (2017) Politika Rossii v usloviyakh sovremennoy informatsionnoy voyny: ot oboronitel'noy strategii k nastupatel'noy [Russian policy in the context of modern information warfare: from defensive to offensive strategy]. *Gumanitarnyy vestnik*. 4. pp. 1–17. DOI: 10.18698/2306-8477-2017-04-430
6. Kon'kov, A.E. (2019) Tsifrovizatsiya politicheskikh otnosheniy: grani poznaniya i mekhanizmy transformatsii [Digitalization of political relations: facets of knowledge and mechanisms of transformation]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 6 (12). pp. 6–28. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-1
7. Gosudarstvennaya programma "Tsifrovoy Kazakhstan" [State program "Digital Kazakhstan"]. (n.d.) [Online] Available from: <https://zerde.gov.kz/activity/management-programs/digital-kazakhstan/>. (Accessed: 02.01.2023).
8. Lotherington, H. (2007) From Literacy to Multiliteracies. In: Cummins, J. & Davison, C. *International Handbook of English Language Teaching*. New York: Springer New York.
9. Welsh, T. & Wright, M. (2010) Information literacy in the digital age: an evidence-based approach (Chandos Information Professional Series). In: Welsh, T. & Wright, M. *Information Literacy in the Digital Age*. Oxford: Chandos Publishing. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/book/9781843345152/information-literacy-in-the-digital-age#book-info>. (Accessed: 02.01.2023).
10. Uvarov, A.Yu. et al. (2019) [Problems and prospects of digital transformation of education in Russia and China]. *Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya i iskusstvennyy intellekt* [Digital Transformation of Education and Artificial Intelligence]. Proceedings of the 2nd Russia-China Conference. Moscow. 26–27 September 2019. Moscow: HSE.
11. Petrova, N.P. & Bondareva, G.A. (2019) Tsifrovizatsiya i tsifrovyye tekhnologii v obrazovanii [Digitalization and digital technologies in education]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5 (78). pp. 353–355. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00138
12. Bilenko, P.N. et al. (2019) *Didakticheskaya kontseptsiya tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya* [Didactic Concept of Digital Vocational Education and Training]. Moscow: Pero. [Online] Available from: http://murindkol.ru/img/all/35_koncepciya_cd_xi_2019_verstka.pdf. (Accessed: 02.01.2023).
13. Blinov, V.I., Esenina, E.Yu. & Sergeev, I.S. (2021) Modeli smeshannogo obucheniya: organizatsionno-didakticheskaya tipologiya [Models of blended learning: organizational and didactic typology]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 5. pp. 44–64. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-44-64
14. Wu, W. et al. (2022) Evaluating Peer Feedback as a Reliable and Valid Complementary Aid to Teacher Feedback in EFL Writing Classrooms: A Feedback Giver Perspective. *Studies in Educational Evaluation*. 73. DOI: 10.1016/j.stueduc.2022.101140
15. Maker, C.J. (2022) From leading to guiding, facilitating, and inspiring: a needed shift for the 21st century. *Educational Science*. 18 (12). DOI: 10.3390/educsci12010018
16. Becker, S. et al. (2020) Using mobile devices to enhance inquiry-based learning process. *Learning and Instruction*. 69. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2020.101350
17. Roy, P. et al. (2021) Distributed task allocation in mobile device cloud exploiting federated learning and subjective logic. *Journal of Systems Architecture*. 113. DOI: 10.1016/j.sysarc.2020.101972
18. Rincon-Flores, E.G., Mena, J. & Lopez-Camacho, E. (2022) Gamification as a teaching method to improve performance and motivation in tertiary education during COVID-19: a research study from Mexico. *Education Sciences*. 12 (1). DOI: 10.3390/educsci12010049
19. Gilyazova, O.S. & Zamoshchanskiy, I.I. (2022) Spetsifika universal'nykh kompetentsiy vysshego obrazovaniya Rossii v kontekste kompetentnostno-orientirovannogo obrazovaniya: kontseptual'nyy analiz [The specificity of universal competencies of higher education in Russia in the context of competence-oriented education: a conceptual analysis]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2 (56). pp. 77–94. DOI: 10.32744/pse.2022.2.5
20. Abramova, I.E., Ananyina, A.V. & Yessengaliyeva, A.M. (2021) Mediation as a component of communicative competence in training international relations professionals: collaboration between Russia and Kazakhstan. *Human Language, Rights and Security*. 1 (1). pp. 61–70. DOI: 10.22363/2713-0614-2021-1-1-60-71
21. *Collections of Political Speeches*. (n.d.) [Online] Available from: <https://users.wfu.edu/louden/Political%20Communication/Class%20Information/SPEECHES.html#Collections>. (Accessed: 02.01.2023).
22. YouTube. (n.d.) *22Project*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/channel/UCRf2ETjJOpwVZMNctFIdZIQ/videos>. (Accessed: 02.01.2023).
23. Chevtaykina, M.P. (2020) [Ways to create a virtual language learning environment in an English lesson]. *Aktual'nye voprosy issledovaniya yazyka i kul'tury: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Topical Issues in the Study of Language and Culture: Theoretical and applied aspects]. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference. Saint Petersburg. 9–10 April 2020. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 305–307. (In Russian).
24. Ivanova, N.K. & Shishkina, S.G. (2017) Sotsializatsiya studentov tekhnicheskogo vuza i distsiplina "Inostranny yazyk" [Socialization of students of a technical university and the discipline "Foreign language"]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 96–103.
25. Perkovskaya, T.A. (2021) [The use of a virtual language environment in the process of teaching foreign languages]. *Inostranny yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Foreign Language and Intercultural Communication]. Proceedings of the 15th International Conference. Tomsk. 28–29 April 2021. Tomsk: Vayar. pp. 228–231. (In Russian).
26. Konnova, Z.I. & Semenova, G.V. (2021) Tekhnologii dopolnennoy i virtual'noy real'nostey: innovatsii v obuchenii inostrannym yazykam v vuze [Technologies of augmented and virtual reality: innovations in teaching foreign languages at the university]. *Nauchnyy rezul'tat: pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*. 3 (7). pp. 53–67. DOI: 10.18413/2313-8971-2021-7-3-0-5
27. Stangaliev, N.A. (2018) Obuchenie inostrannomu yazyku na osnove informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy [Teaching a foreign language based on information and communication technologies]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta*. 2 (90). pp. 83–86.

28. Koshkin, P.G. (2018) Pyat' problem sovremennoy publichnoy diplomatii i kak ikh reshat' [Five problems of modern public diplomacy and how to solve them]. *Publikatsii Rossiyskogo soveta po mezhdunarodnym delam*. [Online] Available from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pyat-problem-sovremennoy-publichnoy-diplomatii-i-kak-ikh-reshat/?sphrase_id=92887814. (Accessed: 02.01.2023).

Информация об авторах:

Абрамова И.Е. – д-р филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: lapucherabr@gmail.com

Ананьина А.В. – старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: ananyinastya@yahoo.com

Есенгалиева А.М. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: yessengaliyeva@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.E. Abramova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Foreign Languages for Humanities, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: lapucherabr@gmail.com

A.V. Ananyina, senior lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: ananyinastya@yahoo.com

A.M. Yessengaliyeva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: yessengaliyeva@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.01.2023;
одобрена после рецензирования 01.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 09.01.2023;
approved after reviewing 01.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/489/17

Инновационные виды педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся в информационно-образовательной среде

Гульсина Якуповна Гревцева¹, Марина Владимировна Циулина²,
Анастасия Викторовна Фахрутдинова³

¹ Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, yakupovna@rambler.ru

² Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия, ciulinamv@cspu.ru

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, avfach@mail.ru

Аннотация. Раскрывается актуальность самостоятельной работы, анализируются ключевые понятия (самостоятельная работа, автодидактика, педагогическое сопровождение, информационно-образовательная среда и др.). Представлены позиции ученых на исследуемую проблему. Обосновывается выбор методологических подходов: системно-синергетический, информационный, интегративный, личностно-деятельностный и праксеологический. Выделены инновационные виды педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов в информационно-образовательной среде.

Ключевые слова: самостоятельная работа, автодидактика, педагогическое сопровождение, информационно-образовательная среда, деятельность, наставничество, тьюторство, модерация, супервизия

Для цитирования: Гревцева Г.Я., Циулина М.В., Фахрутдинова А.В. Инновационные виды педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся в информационно-образовательной среде // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 173–180. doi: 10.17223/15617793/489/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/17

Innovative types of pedagogical support for students' self-organized work in a digital educational environment

Gulsina Ya. Grevtseva¹, Marina V. Tsiulina², Anastasia V. Fakhrutdinova³

¹ Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation, yakupovna@rambler.ru

² South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation, ciulinamv@cspu.ru

³ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, avfach@mail.ru

Abstract. The article aims to substantiate the choice of methodological approaches and highlight the types and advantages of pedagogical support for students' self-organized educational activities in a digital educational environment. To reach this aim, the authors analyzed the literature on the problem, clarified the key concepts (self-organized work, autodidactics), determined methodological approaches (systemic-synergetic, digital-informational, integrative, personal-activity and praxeological) and the corresponding principles (humanization, subjectivity, practical orientation of educational activities, feedback, reflexivity). The systemic-synergetic educational approach as a methodological basis allows managing the cognitive process, modeling and predicting the development of the system of pedagogical support for students' self-organized work. The digital-informational educational approach makes it possible to use information resources, receive and exchange information. The integrative educational approach allows the use of an interdisciplinary knowledge and contributes to the integration of education, the harmonization of human relations with nature through the development of a modern scientific picture of the world. The personal-activity educational approach allows organizing self-organized educational activities by including students into research, design, communication, analytical and other activities; as a result, socially significant educational projects are created. The praxeological educational approach contributes to the understanding of the effectiveness of self-organized educational activities by identifying actions that bring satisfaction to the subjects of the educational process; to the determination of the potential and reserves of self-organized activities. The system of pedagogical support for students' self-organized educational activities in the digital educational environment includes motivational-targeted (goals and objectives of self-organized work), methodological (approaches and principles), content (program of self-organized work), organizational (forms, methods, means), monitoring (criteria, indicators, levels of students' self-organized work, methods of diagnostics, control, self-control) blocks. Innovative types of pedagogical support for students' self-organized educational activities are: moderation, tutoring, supervision. Moderation contributes to improving

the quality of educational activity results in research, analytical, design and other students' activities. Moderation techniques create conditions for the development of students' creative thinking. Tutor's support also aims to stimulate and create conditions for students' self-organized educational activities. The tutor, acting as an analyst, expert, consultant, accompanies such activities. Supervision is a unique technology that is used in the organization of self-organized educational activities, helps to overcome the difficulties that students face in self-organized work.

Keywords: self-organized work, autodidactics, pedagogical support, digital educational environment, activity, mentoring, tutoring, moderation, supervision

For citation: Grevtseva, G. Ya., Tsiulina, M. V. & Fakhrutdinova, A. V. (2023) Innovative types of pedagogical support for students' self-organized work in a digital educational environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 173–180. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/17

Введение

Актуальность проблемы самостоятельной работы. Современные информационные, в частности компьютерные, сети локального и глобального характера изменяют не только характер деятельности обучающегося, но и выдвигают новые требования к подготовке будущих специалистов. Российское образовательное пространство становится полифоничным. Одной из задач повышения качества образования является создание условий для формирования мобильных и творческих личностей, способных к самостоятельной познавательной деятельности. Появились различные формы образования, требующие освоения и применения инновационных технологий, использования возможностей и специфики цифровой среды, инновационных видов педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов.

Цель статьи – обосновать выбор методологических подходов и выделить виды и преимущества педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся в информационно-образовательной среде.

Состояние вопроса в науке. Проблема самостоятельной работы обучающихся имеет глубокие корни в отечественной педагогической науке и практике. За последние десятилетия различным аспектам самостоятельной работы в процессе обучения уделяли внимание в своих трудах В.И. Загвязинский, А.А. Конаржевский, Х.И. Лийметс, М.И. Махмутов, М.М. Потапкин, В.С. Елагина, Е.Ю. Немудрая, Н.С. Касаткина, Н.С. Шкитина и многие другие ученые. Вопросы педагогического сопровождения рассматривались в исследованиях Л.Э. Абдулиной, Т.С. Беляковой, С.М. Каплунович, О.А. Трофимовой и др. Для нашего исследования представляют интерес труды К.Д. Ушинского о самостоятельности, которая формируется в процессе самостоятельной деятельности; Д.Б. Богоявленской о взаимосвязи творческих способностей и самостоятельности; исследования о самостоятельной работе Ю.Б. Зотова, А.Ф. Соловьева, Б.П. Есипова, И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина, А.В. Усовой и др.

Педагогическому сопровождению посвящены работы Н.О. Яковлевой, Е.В. Яковлева, тьюторскому сопровождению образовательной деятельности – исследования М.А. Дьячковой, О.Н. Томюк и др. Вопросы автодидактики отражены в работах В.Н. Худякова,

А.В. Стрельникова, Е.А. Пикаловой, Л.И. Саввы, Е.А. Гасаненко и др. Наставничеству как форме научно-методического сопровождения профессионального развития будущих педагогов посвящены работы И.В. Руденко, И.В. Саркисова и др.

Самостоятельная работа трактуется учеными как форма самообразования, способ обучения, как средство обучения, развития творческих способностей. Не существует однозначности в трактовке понятия самостоятельной работы. И.А. Рудакова отмечает, что самостоятельная работа рассматривается как разнообразные виды деятельности на аудиторных и внеаудиторных занятиях или дома [1]. В современной научной периодике представлены различные аспекты изучения самостоятельной работы студентов: пути повышения качества самостоятельной работы [2], организация педагогической поддержки студентов [3], формирование навыков самоорганизации и самооценивания [4], организация самостоятельной работы в технологии «перевернутый класс» и на основе использования блогов [5–7], оценка самостоятельной работы [8] и др.

Самообразовательная деятельность связана с аналитической, алгоритмической и другими видами действиями, предполагает коммуникацию, анализ информации. В общепсихологических работах Ch. Osgood [9], G. Miller, J. Selfridge [10], основанных на теориях связи и информации, общение представлено как сложный акт коммуникации. Роль коммуникации в подготовке конкурентоспособного специалиста поднимается в ряде педагогических работ [11–13].

Авторами определены критерии, условия и способы успешной коммуникации, и, в соответствии с системно-коммуникативно-информационным подходом, который соотносится с теорией связи и подачи информации и направлен в основном на изучение восприятия информации, характеристик коммуникатора и аудитории, условий обмена информацией, коммуникация рассматривается как взаимодействие функционально согласуемых систем – психики коммуниканта и психики реципиента, внутри которых существует сложное интрапсихологическое взаимодействие восприятия и производства речевого сообщения.

Неотъемлемой частью образовательного процесса является самостоятельная работа обучающихся, которая в условиях информационно-образовательной

среды играет важную роль в системе повышения качества подготовки дипломированного специалиста. В самостоятельной работе проявляется мотивация студента, его целенаправленность, организованность, ответственность, критичность ума, самостоятельность, самоконтроль и т.д.

Самостоятельная работа – творческий процесс, в котором интуиция представляет особый интерес. Интуицию «порождает размышление, постановка задачи, упорный поиск, накопление знаний, осознанная необходимость достижения определенного результата» [14. С. 173–174]. Творчество в самостоятельной работе – основа культуры, источник ценностей. П.К. Энгельмейер выделяет в творческом процессе три этапа: 1) интуиция и желания; 2) знания и рассуждения; 3) умения [14. С. 173–174].

Самостоятельная работа носит индивидуализированный гибкий характер, что значительно повышает ответственность личности. В основе самообразования – конкретная личная заинтересованность обучающегося в самостоятельном дополнительном получении знаний из информации. Складывается представление об *информационно-образовательной среде*, которое мы трактуем как комплекс организационных, психолого-педагогических условий, направленных на организацию успешной самостоятельной работы обучающихся на основе интеграции информации и инновационных технологий.

В свете данных процессов закономерно обращение к понятию «автодидактика», появившемуся в понятийно-терминологическом аппарате педагогики в 90-е гг. XX в. Анализ публикаций ученых (Е.А. Белова [15], С.А. Днепров [16], Д.Г. Левитес [17], О.Е. Масленникова [18], В.А. Куринский [19], Е.А. Пикалова [20], Л.И. Савва [21], А.В. Стрельников [22], В.Н. Худяков [23] и др.) показал, что трактуется данное понятие по-разному: «автодидактика как целенаправленная, систематическая, самостоятельная и автономная деятельность студента по добыванию, усвоению и творческой переработке знаний и умений в области имидж-проектирования» [16, 20, 21]; «теория и практика конструирования собственных технологий обучения, и одновременно – учебный курс подготовки студентов к будущей деятельности педагогического проектирования» [17. С. 101].

Будем опираться в нашем исследовании на понятие, конкретизированное В.А. Куринским, который рассматривает автодидактику как целенаправленную, систематичную, автономную деятельность субъекта процесса самообучения по усвоению знаний, развитию представлений, формулировке понятий и категорий, выработке умений и навыков [19].

На наш взгляд, современный вузовский процесс преподавания – подачи материала – объективно предполагает новые формы и варианты, которые должны отучить студента от пассивного восприятия «чужой» информации, пусть даже тематически целенаправленно переработанной педагогом. Ни о какой самостоятельности мышления, анализе в противном случае не может идти речь. Не случайно традиционные формы

подачи информации в вузе начинают переосмысливаться учеными, так как у студентов падает интерес к традиционной форме обучения – лекции.

Сегодня студент имеет возможность использовать электронные устройства с выходом в сеть Интернет и получить информацию в любое время, причем продублированную в нескольких источниках: как электронных, так и в книжных. Поэтому конструктивность результата поиска необходимой информации – это уже субъективный момент, зависящий от осознания и желания студента достичь положительного результата.

Педагог на занятии озвучивает сначала план лекции, студент последовательно логично находит, а затем, анализируя, отбирает информацию и в итоге обобщает и применяет для решения поставленной практической проблемы. А этот навык общеуниверсален: необходим и для жизни, и для будущей профессиональной деятельности. Для метода автодидактики характерна не только самостоятельность деятельности студента, но главное – автономность всего процесса от педагога.

Таким образом, в разрезе Smarteducation («умное обучение») мы, вслед за А.В. Стрельниковым [22], В.Н. Худяковым [23], считаем важным активизировать самообразовательную деятельность студентов на основе приемов автодидактики.

Материалы и методы исследования

Логика исследования. Содержание исследования заключается в логическом обосновании необходимости педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся в информационно-образовательной среде, анализа понятий ключевых понятий исследования, выбора методологических подходов и принципов, видов педагогического сопровождения. Ведущими методами являются: анализ нормативной базы, научно-методической литературы по теме исследования; наблюдение, анализ студенческих работ, опрос. Они позволили выявить эффективные формы, методы самостоятельной работы.

Материалы. В исследовании проблемы педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся в информационно-образовательной среде используются адекватные методологические подходы, соответствующие предмету исследования.

Результаты исследования

Методологические подходы, совокупность принципов. Базовой ценностной ориентацией, определяющей позицию педагога и позволяющей рассматривать педагогические явления под определенным углом зрения, является подход. Рассмотрим сущность, особенности подходов, уточним дидактические принципы.

Системно-синергетический подход (Е.Н. Князева, М.С. Каган, Г.Н. Сериков, Т.П. Степанова и др.) как теоретико-методологическая стратегия требует повышенного внимания к особенностям и возможностям обучающихся и обучающихся. Предполагает изучение факторов

самоорганизации, внешнего влияния, внутренних возможностей, оказывающих влияние на самообразование, саморазвитие. «Системно-синергетический подход дает возможность представить в структурно-функциональном и процессно-динамическом аспекте рефлексивно-ценностное сопровождение профессионально-творческой подготовки студентов педагогического вуза с позиций системного влияния на самоорганизующиеся системы и разработать систему педагогического обеспечения этого процесса; установить ведущие взаимосвязи между компонентами систем, определить функции каждого; установить факторы (аттракторы), влияющие на неравновесность состояния систем исследования» [24. С. 159]. Системно-синергетический подход как методологическая основа позволяет управлять познавательным процессом, моделировать и прогнозировать развитие системы педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся. Знания о закономерностях самоорганизации в процессе самостоятельной работы способствуют развитию самостоятельности, инициативности, мобильности, критического мышления.

Информационный подход (В.М. Казакевич, Л.И. Фишман, В.А. Якунин и др.) позволяет с единых позиций изучить те аспекты природных и социальных объектов, для которых существенным является процесс информационного обмена. Информационный подход «позволяет рассмотреть особенности циркуляции информации в педагогических системах и описать их на языке теории информации, оценить степень информационной насыщенности педагогического процесса, охарактеризовать механизмы получения, передачи, распознавания, преобразования и хранения информации, значимой для достижения запланированных результатов» [25. С. 88]. Информационный подход делает возможным использовать информационный ресурс, получать информацию, осуществлять информационный обмен; использовать знания межпредметного характера; способствует интеграции образования, гармонизации отношений человека с природой через освоение современной научной картины мира.

Интегративный подход (И.А. Зимняя, Е.В. Земцова, В.М. Лопаткина, О.Б. Акимова, Н.К. Чапаев и др.) содействует решению следующих задач: раскрывает интеллектуальный потенциал личности обучающихся; формирует профессиональные компетенции; создает психолого-педагогические условия для самообразования, самовоспитания, саморазвития, социализации. Данный подход заложен в межпредметных связях. Использование знаний межпредметного характера способствует интеграции образования, гармонизации отношений человека с природой через освоение современной научной картины мира. Важно, чтобы обучающиеся могли использовать знания комплексно, критически оценивать изучаемые явления [26].

Личностно-деятельностный подход (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Н.Ф. Талызина и др.) позволяет организовать самостоятельную работу посредством включения студентов в исследовательскую, проектировочную, коммуникативную, аналитическую и другие виды деятель-

ности, в результате которых создаются социально значимые, учебные проекты, осуществляются разные виды рефлексии.

Праксеологический подход (И.А. Колесникова, Е.В. Титова и др.) позволит осмыслить эффективность самостоятельной работы, выявить действия, которые приносят удовлетворенность субъектам образовательного процесса; определить потенциал, резервы самостоятельной деятельности.

На основе методологических подходов была построена система педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов в информационно-образовательной среде, которая включает мотивационно-целевой (цели и задачи самостоятельной работы), методологический (подходы и принципы), содержательный (программа самостоятельной работы), организационно-деятельностный (формы, методы, средства), мониторинговый (критерии, показатели, уровни самостоятельной работы обучающихся, методы диагностики, контроля, самоконтроля) блоки.

Определены принципы функционирования системы педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся:

- гуманизации (признает человека самодостаточной личностью, способной к творчеству, созиданию);
- самостоятельности (усиливает системность знаний, активизирует самостоятельную деятельность);
- субъектности (обучающийся как субъект деятельности проектирует образовательный процесс на основе субъектного опыта, осуществляя творческо-созидательную деятельность в информационно-образовательной);
- практической направленности (стимулирует и развивает самостоятельную познавательную деятельность в целях осознанного усвоения изучаемых дисциплин);
- обратной связи (выполняет поддерживающую, корректирующую и развивающую функции);
- рефлексивности (предполагает обращение обучающихся к личному опыту и его анализ).

Практический опыт организации самостоятельной работы. Комплекс вышеуказанных подходов позволил разработать систему педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов в информационно-образовательной среде, основными блоками которой являются: методологический (подходы и принципы целостности, субъектности, рефлексии), содержательный (программа самостоятельной работы студентов), процессуальный (технологии, формы, методы и средства педагогического сопровождения), мониторинговый (критериально-диагностическая программа).

Реализация системы педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов в информационно-образовательной среде обеспечивается комплексом организационно-педагогических условий: включение в разнообразные виды самостоятельной деятельности; использование разноуровневых заданий, информационно-методических ресурсов; создание рефлексивного портфолио, электронной образовательной среды.

Значимым компонентом в структуре организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов является грамотное педагогическое сопровождение указанного процесса. С.А. Ускова рассматривает сопровождение как «особый гуманистически ориентированный педагогический процесс оказания помощи в саморазвитии и осуществлении самостоятельности» [27. С. 86]. В портфолио преподавателя имеются средства, позволяющих спроектировать и реализовать гибкое педагогическое сопровождение самостоятельной деятельности студента с позиций личностно-деятельностного подхода. Среди инновационных видов педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов выделяют тьюторство, модерацию и супервизию.

Н.О. Яковлева, Е.В. Яковлев рассматривают тьюторство «в аспекте специализированной индивидуализированной помощи формирующейся личности, предусматривающей опору на успешный опыт тьютора, его мировоззренческие установки и предметно-практическое взаимодействие» [28. С. 102]. Ученые выделяют основные направления тьюторского сопровождения: информационное, организационное, диагностическое, коммуникативное, инновационно-исследовательское.

В последнее время популярна супервизия – «вид педагогического сопровождения, предусматривающий консультирование субъекта в оказании помощи формирующейся личности обучающегося... Супервизия связана с обеспечением корректной помощи субъектам сразу двух уровней взаимодействия» [28. С. 104–105].

Для самостоятельной работы могут быть использованы подготовка кластеров, синквейнов, коллажей, эссе, аналитические карты, рефлексивных анкет и т.д. Например, при подготовке эссе авторы выражают личностную позицию, краткость, точность образов. Например, студентам могут быть предложены следующие темы эссе: «Цифровизация: за и против», «Современный ребенок – Современный педагог», «Особенности моей будущей профессии», «Применение коуч-технологий», «Наставничество и коучинг», «Профессионализм и карьера» и т.д.

Среди технологий следует выделить скаффолдинг – интерактивный метод профессионально ориентированного обучения. Технология скаффолдинга – особый тип процесса инструктирования, которая имеет место в ситуациях взаимодействия педагога и обучающихся по решению учебных задач. Основной характеристикой стратегии скаффолдинга (scaffolding), является «угасающая помощь» (fading help) со стороны педагога в ходе самостоятельной работы. Такая помощь в начале обучения может быть частой и содержательной, а к завершению курса значительно уменьшается или отсутствовать совсем [29].

В процессе работы с научным текстом рекомендуем студентам составлять таблицы, диаграммы, схемы, писать рецензии, аннотации. Популярны среди студентов метод проектов, подготовка презентаций, видеосюжетов на заданную тему, а используемые приемы модерации обеспечивают инициативное, творческое участие в совместных действиях.

Модерация, по мнению Т.Т. Сидельниковой, «представляет собой сложный интерактивный процесс организации коллективно-индивидуальной работы и принятия оптимальных решений. Процесс представлен в разнообразных формах, которые развивают коммуникативные навыки, умения работать в команде, обеспечивают получение высококачественного интеллектуального продукта» [30. С. 376]. Студентам могут быть предложены дискуссии на следующие темы: «Национальная система образования в Российской Федерации», «Мой взгляд на феномен клипового мышления», «Роль интернет-ресурсов в организации современного образовательного процесса», «Реализация педагогов-классиков в современном образовании», «Функциональная грамотность как современный образовательный результат», «Воспитание в современной школе» и т.д.

При подготовке и защите педагогических проектов («Герои Специальной военной операции», «Заслуженные учителя Южного Урала», «Природные и культурные достопримечательности Южного Урала», «Танкоград в годы Великой Отечественной войны» и т.д.) студенты представляют собственные предложения, на основе алгоритма выбора и принятия решения предлагаются конкретные действия по реализации проектов, демонстрируется ораторское искусство, выражается личностное отношение к проблеме. Участие в реализации педагогических проектов требует освоения технологии проектирования, техники продуктивного взаимодействия, личностных качеств (мобильности, ответственности, активности, принципиальности, бескорыстности и т.д.). Популярны среди обучающихся метод проектов, методы создания положительной мотивации (рефлексивное портфолио, карта достижений, построение системы профессиональных перспектив, эмоциональное стимулирование, учет личных достижений и т.д.); методы организации интерактивной познавательной деятельности (рецензирование научных статей, анализ педагогических ситуаций, экспресс-опросы, мини-исследования и т.д.); рефлексивно-оценочные методы и др.

Заключение

Предложенная система педагогического сопровождения самостоятельной работы студентов, построенная на системно-синергетическом, информационном, интегративном, личностно ориентированном и праксеологическом подходах, способствует созданию за пределами аудитории оптимальных условий для овладения учебным материалом, набором обозначенных образовательным стандартом компетенций. Инновационные виды педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся в информационно-образовательной среде повышают качество подготовки будущих специалистов, разнообразные методы и приемы, виды самостоятельных действий повышают интерес студентов к дополнительным учебным материалам.

Список источников

1. Рудакова И.А. Дидактика. Среднее профессиональное образование. Ростов-н/Д : Феникс, 2005. 250 с.
2. Тихонова О.В., Азизян И.А., Гречушкина Н.В. Пути повышения качества подготовки в высшей школе на основе анализа отношения студентов к внеаудиторной самостоятельной работе // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 98–116. doi: 10.32744/pse.2019.5.8
3. Тихонова О.В., Чихачева О.А., Гречушкина Н.В. Особенности организации педагогической поддержки студентов при прохождении онлайн курса в рамках внеаудиторной самостоятельной работы // Перспективы науки и образования. 2020. № 1 (43). С. 57–71. doi: 10.32744/pse.2020.1
4. Абрамова И.Е., Шишмолина Е.П. Формирование навыков самоорганизации и самооценивания студентов в конкурентной иноязычной обучающей среде: практический опыт // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 10. С. 161–185. doi: 10.17853/1994-5639-2020-10-161-185
5. Борзова Т.А. Принципы организации СРС первого курса в технологии «перевернутый класс» // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 8–9. С. 80–88. doi: 10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-80-88
6. Гнуптова И.И. От «перевернутого класса» к «перевернутому обучению»: эволюция концепции и её философские основания // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 3. С. 86–95. doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-3-86-95
7. Гареев А.А., Шихова О.Ф., Шихов Ю.А. Организация самостоятельной работы студентов на основе учебных блогов // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 3. С. 117–139. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-3-117-139
8. Озерова Г.П. Оценка самостоятельной работы студентов при смешанном обучении на основе данных учебной аналитики // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 8/9. С. 117–126. doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-117-126
9. Miller G.A., Selfridge J.A. Verbal Context and the Recall of Meaningful Material // American Journal of Psychology. 1951. Vol. 63. P. 176–187.
10. Osgood Ch.E. On Understanding and Creating Sentence // American Psychologist. 1963. Vol. 18, № 12.
11. Гревцева Г.Я., Котлярова И.О., Сериков Г.Н., Фахрутдинова А.В., Циулина М.В. Методологические подходы к подготовке студентов к профессиональной инновационной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 462. С. 181–191. doi: 10.17223/15617793/462/2
12. Fakhrutdinova A.V., Mendelson V.A., Abutalipova L.N. Competence Development For The Competitive Specialist Education // REVISTA SAN GREGORIO. 2019. Vol. 34, Is. 34. P. 39–46. doi: 10.36097/rsan.v0i34.1160
13. Minzaripov R.G., Fakhrutdinova A.V., Abakumova N.N. Scientific / Educational communication and leadership ARWU versus MosIUR // Revista on line de Política e Gestão Educacional, Araraquara, 2021. Vol. 25, N. esp. 1. P. 557– 566. doi: 10.22633/rpge.v25iesp.1.14996
14. Никифоров А.С. Этюды о разуме. М. : Сов. Россия, 1981. 208 с.
15. Белова Е.А. Технология использования электронных образовательных ресурсов с элементами автодидактики в процессе саморазвития личности студентов профессиональной образовательной организации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 12 (164). С. 26–34.
16. Днепров С.А. Технология автодидактики // Пайдеа: журнал педагогических инноваций и технологий. 1997. Вып. 1. С. 60–73.
17. Левитес Д.Г. Автодидактика // Школьные технологии. 2016. № 5. С. 100–105.
18. Масленникова О.Е. Подготовка студентов университета к межличностному познанию средствами автодидактики: дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 2005. 210 с.
19. Куринский А.В. Автодидактика: в 3 ч. Ч. 1. СПб. : СПбГУ, 2001. 395 с.
20. Пикалова Е.А., Савва Л.И., Гасаненко Е.А. Овладение студентами вуза средствами автодидактики профессионального имиджпроектирования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 64–69.
21. Савва Л.И., Масленникова О.Е. Критериально-оценочный аппарат и методика подготовки студента к межличностному познанию средствами автодидактики: учеб.-метод. пособие. Магнитогорск : МаГУ, 2005. 60 с.
22. Стрельников В.А. Автодидактика как одно из условий формирования информационно-коммуникационной культуры // Вестник культуры и искусств. 2015. № 2 (42). С. 55–61.
23. Худяков В.Н. Понятийно-терминологический аппарат автодидактики как одного из важнейших методов обучения в сфере социально-культурной деятельности // Вестник культуры и искусств. 2014. № 4 (40). С. 125–130.
24. Циулина М.В., Гревцева Г.Я. Системно-синергетический подход к проблеме рефлексивно-ценностного сопровождения профессионально-творческой подготовки студентов педагогического вуза // Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 255–160.
25. Яковлев Е.В., Яковлева Н.О. Педагогическое исследование: содержание и представление результатов. Челябинск : Изд-во РБИУ, 2010. 317 с.
26. Гревцева Г.Я., Циулина М.В., Болодурина Э.А., Банников М.И. Интегративный подход в учебном процессе вуза // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26857> (дата обращения: 26.02.2023).
27. Ускова С.А. Сопровождение как базовая категория современной педагогики: теоретическое обоснование // Человек и образование. 2013. № 2 (35). С. 84–88.
28. Яковлев Е.В., Яковлева Н.О. Инновационные виды педагогического сопровождения // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 8. С. 101–106.
29. Ударцева С.М., Ударцева Т.С., Ахметова Д.Р. Изучение опыта в обучении профессионально ориентированному иностранному языку в технических вузах зарубежных стран и Республики Казахстан // Молодой ученый. 2017. № 1. С. 472–475.
30. Сидельникова Т.Т. Ресурсы и риски модерации как интерактивного метода развития у студентов вузов навыков работы в команде // Интеграция образования. 2018. Т. 22, № 2. С. 369–382. doi: 10.15507/1991-9468.091.022.201802.369-382

References

1. Rudakova, I.A. (2005) *Didaktika. Srednee professional'noe obrazovanie* [Didactics. Secondary vocational education]. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Tikhonova, O.V., Azizyan, I.A. & Grechushkina, N.V. (2019) Puti povysheniya kachestva podgotovki v vysshey shkole na osnove analiza otnosheniya studentov k vneauditornoy samostoyatel'noy rabote [Ways to improve the quality of training in higher education based on the analysis of students' attitudes towards extracurricular independent work]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 5 (41). pp. 98–116. DOI: 10.32744/pse.2019.5.8
3. Tikhonova, O.V., Chikhacheva, O.A. & Grechushkina, N.V. (2020) Osobennosti organizatsii pedagogicheskoy podderzhki studentov pri prokhozhenii onlayn kursa v ramkakh vneauditornoy samostoyatel'noy raboty [Features of the organization of pedagogical support for students during the passage of an online course in the framework of extracurricular independent work]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 1 (43). pp. 57–71. DOI: 10.32744/pse.2020.1
4. Abramova, I.E. & Shishmolina, E.P. (2020) Formirovanie navykov samoorganizatsii i samoocenivaniya studentov v konkurentnoy inoyazychnoy obuchayushchey srede: prakticheskiy opyt [Formation of skills of self-organization and self-assessment of students in a competitive foreign language learning environment: practical experience]. *Obrazovanie i nauka*. 10 (22). pp. 161–185. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-10-161-185

5. Borzova, T.A. (2018) Printsipy organizatsii SRS pervogo kursa v tekhnologii "perevernutyy klass" [Principles of organization of the first-year IWS in the "flipped class" technology]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 8–9 (27). pp. 80–88. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-80-88
6. Gnutova, I.I. (2020) Ot "perevernutogo klassa" k "perevernutomu obucheniyu": evolyutsiya kontseptsii i ee filosofskie osnovaniya [From "flipped class" to "flipped learning": the evolution of the concept and its philosophical foundations]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 3 (29). pp. 86–95. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-3-86-95
7. Gareev, A.A., Shikhova, O.F. & Shikhov, Yu.A. (2018) Organizatsiya samostoyatel'noy raboty studentov na osnove uchebnykh blogov [Organization of independent work of students on the basis of educational blogs]. *Obrazovanie i nauka*. 3 (20). pp. 117–139. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-3-117-139
8. Ozerova, G.P. (2020) Otsenka samostoyatel'noy raboty studentov pri smeshannom obuchenii na osnove dannykh uchebnoy analitiki [Evaluation of students' independent work in blended learning based on educational analytics data]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 8/9 (29). pp. 117–126. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-117-126
9. Miller, G.A. & Selfridge, J.A. (1951) Verbal context and the recall of meaningful material. *American Journal of Psychology*. 63. pp. 176–187.
10. Osgood, Ch.E. (1963) On understanding and creating sentence. *American Psychologist*. 12 (18). pp. 735–751.
11. Grevtseva, G.Ya. et al. (2021) Methodological Approaches to preparing students for professional innovative activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 462. pp. 181–191. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/462/2
12. Fakhrutdinova, A.V., Mendelson, V.A. & Abutalipova, L.N. (2019) Competence development for the competitive specialist education. *REVISTA SAN GREGORIO*. 34 (34). pp. 39–46. DOI: 10.36097/rsan.v0i34.1160
13. Minzaripov, R.G., Fakhrutdinova, A.V. & Abakumova, N.N. (2021) Scientific / Educational communication and leadership ARWU versus MosIUR. *Revista on line de Política e Gestão Educacional*. 1 (25). pp. 557–566. DOI: 10.22633/rpge.v25iesp.1.14996
14. Nikiforov, A.S. (1981) *Etyudy o razume* [Sketches about the Mind]. Moscow: Sov. Rossiya.
15. Belova, E.A. (2016) Tekhnologiya ispol'zovaniya elektronnykh obrazovatel'nykh resursov s elementami avtodidaktiki v protsesse samorazvitiya lichnosti studentov professional'noy obrazovatel'noy organizatsii [The technology of using electronic educational resources with elements of autodidactics in the process of self-development of the personality of students of a professional educational organization]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 12 (164). pp. 26–34.
16. Dneprov, S.A. (1997) Tekhnologiya avtodidaktiki [Technology of autodidactics]. *Paydeya: zhurnal pedagogicheskikh innovatsiy i tekhnologiy*. 1. pp. 60–73.
17. Levites, D.G. (2016) Avtodidaktika [Autodidactics]. *Shkol'nye tekhnologii*. 5. pp. 100–105.
18. Maslennikova, O.E. (2005) *Podgotovka studentov universiteta k mezhluchnostnomu poznaniyu sredstvami avtodidaktiki* [Preparation of university students for interpersonal cognition by means of autodidactics]. Pedagogies Cand. Diss. Magnitogorsk.
19. Kurinskiy, A.V. (2001) *Avtodidaktika* [Autodidactics]. Pt. 1. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
20. Pikalova, E.A., Savva, L.I. & Gasanenko, E.A. (2016) Ovladenie studentami vuza sredstvami avtodidaktiki professional'nogo imidzhproektirovaniya [Mastering university students by means of autodidactics of professional image design]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 64–69.
21. Savva, L.I. & Maslennikova, O.E. (2005) *Kriterial'no-otsenochnyy apparat i metodika podgotovki studenta k mezhluchnostnomu poznaniyu sredstvami avtodidaktiki* [Criteria-Evaluative Apparatus and Methods of Preparing a Student for Interpersonal Cognition by Means of Autodidactics]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.
22. Strel'nikov, V.A. (2015) Avtodidaktika kak odno iz usloviy formirovaniya informatsionno-kommunikatsionnoy kul'tury [Autodidactics as one of the conditions for the formation of information and communication culture]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 2 (42). pp. 55–61.
23. Khudyakov, V.N. (2014) Ponyatiyno-terminologicheskii apparat avtodidaktiki kak odnogo iz vazhneyshikh metodov obucheniya v sfere sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [Conceptual and terminological apparatus of autodidactics as one of the most important teaching methods in the field of social and cultural activities]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 4 (40). pp. 125–130.
24. Tsiulina, M.V. & Grevtseva, G.Ya. (2020) Sistemno-sinergeticheskii podkhod k probleme refleksivno-tsennostnogo soprovozhdeniya professional'no-tvorcheskoy podgotovki studentov pedagogicheskogo vuza [System-synergetic approach to the problem of reflexive-value support of professional and creative training of students of a pedagogical university]. *Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 255–160.
25. Yakovlev, E.V. & Yakovleva, N.O. (2010) *Pedagogicheskoe issledovanie: sodержanie i predstavlenie rezul'tatov* [Pedagogical Research: Content and presentation of results]. Chelyabinsk: Russian-British Institute of Management.
26. Grevtseva, G.Ya. et al. (2017) Integrativnyy podkhod v uchebnom protsesse vuza [Integrative approach in the educational process of the university]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 5. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26857>. (Accessed: 26.02.2023).
27. Uskova, S.A. (2013) Soprovozhdenie kak bazovaya kategoriya sovremennoy pedagogiki: teoreticheskoe obosnovanie [Accompaniment as a basic category of modern pedagogy: theoretical justification]. *Chelovek i obrazovanie*. 2 (35). pp. 84–88.
28. Yakovlev, E.V. & Yakovleva, N.O. (2015) Innovatsionnye vidy pedagogicheskogo soprovozhdeniya [Innovative types of pedagogical support]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 8. pp. 101–106.
29. Udartseva, S.M., Udartseva, T.S. & Akhmetova, D.R. (2017) Izuchenie opyta v obuchenii professional'no orientirovannomu inostrannomu yazyku v tekhnicheskikh vuzakh zarubezhnykh stran i Respubliki Kazakhstan [The study of experience in teaching a professionally oriented foreign language in technical universities of foreign countries and the Republic of Kazakhstan]. *Molodoy uchenyy*. 1. pp. 472–475.
30. Sidel'nikova, T.T. (2018) Resursy i riski moderatsii kak interaktivnogo metoda razvitiya u studentov vuzov navykov raboty v komande [Resources and risks of moderation as an interactive method of developing teamwork skills among university students]. *Integratsiya obrazovaniya*. 2 (22). pp. 369–382. DOI: 10.15507/1991-9468.091.022.201802.369-382

Информация об авторах:

Гревцева Г.Я. – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия). E-mail: yakupovna@rambler.ru

Циулина М.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: ciulinamv@csru.ru

Фахрутдинова А.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: avfach@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.Ya. Grevtseva, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: yakupovna@rambler.ru

M.V. Tsiulina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: ciulinamv@cspu.ru

A.V. Fakhrutdinova, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Foreign Languages in International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: avfach@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2023;
одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 14.03.2023;
approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 378:37.02
doi: 10.17223/15617793/489/18

Педагогический дизайн и иноязычная подготовка в неязыковом вузе

Ирина Владимировна Леушина¹, Любовь Игоревна Леушина²

^{1, 2}Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия
¹leushinaiv@yandex.ru
²kafmto@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования возможностей педагогического дизайна как систематизированного подхода к созданию инновационных образовательных решений. Рассматривается вопрос о специфике иноязычной подготовки в неязыковом вузе. Даются практические рекомендации по выбору моделей обучения и действий преподавателя применительно к типам обучения, этапам формирования иноязычной коммуникативной компетенции и уровням субъектности студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры.

Ключевые слова: педагогический дизайн, образовательный процесс, иноязычная подготовка, неязыковой вуз, модель обучения

Для цитирования: Леушина И.В., Леушина Л.И. Педагогический дизайн и иноязычная подготовка в неязыковом вузе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 181–192. doi: 10.17223/15617793/489/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/18

Pedagogical design and foreign language training in a non-linguistic university

Irina V. Leushina¹, Lubov I. Leushina²

^{1, 2}Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev, Nizhny Novgorod, Russian Federation
¹leushinaiv@yandex.ru
²kafmto@mail.ru

Abstract. Pedagogical design is a field of science that opens real opportunities for a practicing teacher to achieve the desired pedagogical results and allows taking into account the content of a particular academic discipline, the interests of the target audience and the specifics of the educational program. In the article, in the context of solving the most important problem of ensuring the quality of foreign language training of graduates of a non-linguistic university, some results of a study of the possibilities of pedagogical design as a systematic approach to creating innovative educational solutions are presented, the issue of the specifics of foreign language training in a non-linguistic university is considered. Based on the results of their comparison, practical recommendations are given on the choice of learning models and teacher actions in relation to the types of learning, the stages of the formation of foreign language communicative competence and the levels of subjectivity of undergraduate, specialty and master's students of a non-linguistic university. The course and results of experimental work on the simultaneous integration of elements of two models of pedagogical design (David Kolb's model and John Keller's ARCS-V model) into the educational process of foreign language training of students of a particular university are described. At the final stage of experimental work, students of the experimental and control groups were asked to solve a test task of professional activity of a technological type, namely, to conduct a search and critical analysis of technical information and existing foreign experience on the subject of future final qualifying work and prepare an appropriate presentation. The answers prepared by the students were evaluated by experts – leading teachers of the department and representatives of employers on a standard four-point scale, after which the results were processed mathematically. A higher level of linguistic professional competence of the participants in the experimental group and their readiness to solve professional problems were clearly demonstrated in comparison with the students in the control group. This shows that mastering the skills of pedagogical design and even a superficial acquaintance with models of its practical implementation really help a foreign language teacher at a non-linguistic university to significantly improve their work and increase the efficiency of the educational process.

Keywords: pedagogical design, educational process, foreign language training, non-linguistic university, learning model

For citation: Leushina, I.V. & Leushina, L.I. (2023) Pedagogical design and foreign language training in a non-linguistic university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 181–192. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/18

В последнее время потребность в компетентных, высококвалифицированных инженерно-технических и управленческих кадрах для промышленности постоянно растет, что в условиях внешних угроз, непрекращающихся попыток сдержать развитие нашей страны и изолировать ее от мирового сообщества в первую очередь объясняется четким курсом президента и Правительства России на обеспечение стабильного и уверенного роста отечественной экономики.

В этих условиях традиционные инструменты системы образования, подходящие для «линейных» методов подготовки, теряют свою эффективность, а их применение приводит к неоправданным потерям времени и высоким затратам. Грамотное и системное применение знаний о рациональном выстраивании образовательного процесса с «открытой архитектурой» становится требованием времени и привлекает все большее внимание вузовского сообщества. Это особенно важно применительно к иноязычной подготовке в неязыковых вузах, которые непосредственно занимаются подготовкой выпускников, призванных на основе критической оценки лучшего зарубежного опыта не на словах, а на деле найти целый ряд прорывных решений в науке и технике, обеспечив тем самым технологический суверенитет России.

Постановка задачи

В центре внимания авторов данной статьи находится поиск путей решения важнейшей проблемы обеспечения качества иноязычной подготовки выпускников неязыкового вуза. Научная новизна представленного материала заключается в том, что в статье затрагиваются теоретические основы применения педагогического дизайна как одного из действенных инструментов разрешения данной проблемы.

Цель работы – показать эффективность, действенность этого инструмента применительно к реальному образовательному процессу иноязычной подготовки студентов неязыкового вуза.

Для достижения указанной цели авторами выстраивался логический алгоритм выполнения работы и последовательно решались такие задачи, как:

- выполнить информационно-аналитический обзор возможностей педагогического дизайна как систематизированного подхода к созданию инновационных образовательных решений, в том числе его наиболее успешных моделей, получивших признание педагогического сообщества;
- провести оценку специфики иноязычной подготовки студентов в неязыковом вузе;
- осуществить «наложение» результатов решения первой задачи на итоги решения второй, наглядно иллюстрирующее наличие соответствующих предпосылок для достижения цели работы, в частности, «гибкости» моделей педагогического дизайна и реальных возможностей их адаптации к уровню образования, формату обучения, профессиональной ориентации конкретной образовательной программы, реализуемой в неязыковом вузе;

– дать практические рекомендации по выбору моделей педагогического дизайна, действий преподавателя и приемов разработки учебно-методических материалов применительно к этапам формирования иноязычной коммуникативной компетенции и уровням субъектности студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры неязыкового вуза;

– провести первичную апробацию, предусматривающую внедрение полученных результатов в «живой» образовательный процесс иноязычной подготовки студентов на примере выбранных моделей педагогического дизайна.

Педагогический дизайн: трактовка, функционал, основные принципы, уровни и модели

Основы педагогического дизайна как явления были заложены еще в пятидесятые годы прошлого века. В 1954 г. вышла статья американского психолога-бихевиориста Берреса Фредерика Скиннера «Наука обучения и искусство преподавания», а в 1956 г. Бенджамин Блум разработал знаменитую «Таксономию образовательных задач» («Taxonomy of educational objectives»), сегодня известную как «таксономия Блума». Она стала стержнем педагогического дизайна. В 1962 г. Роберт Мэйгер публикует книгу «Как писать обучающие задачи» («Preparing instructional objectives»), а в 1965 году появляется работа Роберта Ганье «Условия обучения» («The conditions of learning»), в которой описаны девять событий преподавания – это шаги в образовательном процессе, которые помогают сделать его результативным. Эти работы тоже легли в основу современной практики педагогического дизайна.

К 90-м гг. XX в. относятся первые упоминания в открытой печати об электронном обучении, а также так называемом быстром прототипировании учебных материалов – создании их «черновой» модели для проверки базовой функциональности, работоспособности в целом, испытания взаимодействий и работы по различным сценариям с последующим итеративным совершенствованием. В нулевые, десятые годы XXI в. и особенно в период ограничений, связанных с пандемией COVID-19, практическая реализация педагогического дизайна в подавляющем большинстве публикаций связывается прежде всего с бурным развитием онлайн-обучения.

Педагогический дизайн (англ. instructional design, instructional systems design) – это, по сути, процесс преобразования общих принципов обучения и преподавания в учебно-методические материалы, который охватывает всю деятельность по структурированию содержания, подготовленного преподавателем конкретной дисциплины, с целью сделать его доступным и понятным для студента в наиболее удобной и ясной форме (тексты, аудиозаписи, графические изображения, видео или другие средства визуализации).

Педагогический дизайн учитывает теоретические положения психологии, педагогики, эргономики, когнитив-

вистики и других наук, изучающих особенности человеческого восприятия и познания, и базируется на открытой линейке теорий обучения (бихевиоризм, конструктивизм, социально-когнитивная теория или научение через наблюдение) и методологических принципах проектирования. В основе педагогического дизайна – важность содержания курса, стиля и последовательности изложения материала, а также способов его представления. Результатом его практического применения является система обучения, обеспечивающая эффективный и комфортный образовательный процесс.

Для понимания термина «педагогический дизайн» важен точный перевод английского слова «design». В русском языке это слово традиционно ассоциируется с проектированием эстетических свойств: дизайн интерьера, ландшафтный дизайн и т.п. Однако английское слово имеет гораздо более широкий контекст употребления: замысел, план, намерение, цель, чертеж, проект, конструкция, расчет, эскиз, рисунок, композиция и т.п. В этой связи представляют интерес многочисленные трактовки данного термина. При этом, по мнению подавляющего большинства специалистов и исследователей, педагогический дизайн – это прежде всего системный подход к построению образовательного процесса [1–7]. Главное то, что он позволяет выстроить единую систему из цели и задач обучения, учебного материала и методических инструментов, доступных для передачи знаний. Его функционал можно охарактеризовать в разноплановом спектре как:

- научную область, исследующую образовательные условия и имеющую целью выработать общие регламенты для наиболее общих ситуаций;
- дисциплину, изучающую разработку и внедрение образовательных стратегий;
- процесс выстраивания педагогической системы, анализа проблем и поиска решений, конечная цель которого – создание образовательного контента;
- подход к организации учебного процесса и работе с образовательным контентом;
- инструмент разработки и повышения эффективности образовательного контента.

Основная задача качественной и планомерной разработки учебного курса – максимально полная передача нужной информации в форме, настолько доступной и понятной студенту, чтобы последующее применение полученных знаний, навыков и умений на практике не вызывало у него затруднений. Ее решению способствуют основные принципы педагогического дизайна, сформулированные вышеупомянутым американским психологом Робертом Ганье [8]:

- привлечение внимания обучающихся, мотивация на обучение, пробуждение интереса к теме и применяемым методам;
- объяснение обучающимся цели и задач обучения;
- обращение к опыту обучающихся;
- представление нового материала с применением варьирования форм представления и фрагментации;
- руководство обучением (помощь в выборе методов изучения и освоения материала обучающимися);
- проверка обучающимися новых знаний, навыков и умений на практике;

– максимально гибкая обратная связь, принимающая во внимание результаты анализа целевой аудитории и её возможностей, а также позволяющая оперативно провести оценку выбранного метода обучения и его эффективности;

– оценка преподавателем качества выполнения заданий обучающимися;

– сохранение и перенос обучающимися полученных компетенций на сходные проблемные ситуации и в новые условия, не заданные изначальными рамками курса.

Важное значение для педагогической практики имеют возможности стратификации педагогического дизайна и детализации его конкретных процедур. Так, например, А.Ю. Уваров [9] вслед за А.Ж. Ромижовским [10] в иерархии педагогического дизайна выделяет четыре уровня:

Уровень 1: уровень системы курсов.

Уровень 2: уровень «урока» – урок в данном контексте означает педагогический этап, необходимый для решения одной задачи, а не фиксированный период времени в учебном расписании.

Уровень 3: уровень «педагогического события» – термин «событие» используется для обозначения одного из конкретных действий, которые необходимо осуществить для эффективного обучения в рамках четко описанной задачи.

Уровень 4: уровень «учебного шага» означает детальное планирование отдельного «педагогического события» как совокупности шагов.

На всех четырех уровнях, согласно А.Ю. Уварову, должны быть определены желаемые результаты, исходные ресурсы: содержание этапа, характеристика контингента обучающихся, информационное наполнение, а также условия обучения (образовательная среда и возможные препятствия на пути достижения цели).

В результате детального анализа по всем уровням предлагаемой иерархии специалист по педагогическому дизайну должен получить ответы на следующие важные вопросы:

- когда (последовательность событий, которые должны произойти);
- как (используемые стратегии, методы и тактика);
- кто (структура и состав групп);
- насколько хорошо (необходимые механизмы контроля).

В настоящее время известно множество моделей разработки образовательных решений. Любая модель представляет собой последовательность процедур, которые сгруппированы в ряд этапов, имеют конкретные задачи и методы их решения. Модели не привязаны к тому или иному рабочему месту: с их помощью можно проектировать и корпоративное, и вузовское, и школьное обучение, и курсы для взрослых, и программы для дополнительного образования.

Проведенный авторами статьи информационно-аналитический обзор публикаций по тематике педагогического дизайна [1–7, 11–13] позволил выстроить открытый ряд моделей педагогического дизайна, в котором выделяются группы, ориентированные на:

- процесс разработки (например, ADDIE, SAM, SMART);

– логику обучения (например, ALD, модель обратного дизайна, модель визуального представления, модель Дика и Кэри, 4C/ID, модель Колба);

– мотивацию обучающихся (например, ARCS-V).

Рассмотрим их кратко.

Модель ADDIE (Analysis – анализ, Design – проектирование, Development – разработка, Implementation – внедрение, реализация, Evaluation – оценка) – это наиболее часто применяемая на практике линейная модель здравого смысла, часто называемая стандартной, описывающая пятиступенчатый процесс разработки образовательных решений, кажущийся очевидным и логичным.

Модель SAM (Successive Approximation Model) – модель последовательного приближения или аппроксимации, популярная альтернатива ADDIE. Делит процесс разработки на короткие повторяющиеся шаги – итерации, во время которых постепенно нарабатываются новые качества продукта. При этом итогом каждой итерации является версия готового результата с разной степенью детализации, которую можно проанализировать и скорректировать. Классическая модель SAM состоит из восьми этапов, распределенных по трем фазам проекта: подготовка, итеративное проектирование и итеративная разработка. Ее достоинство в том, что разработчик видит результат своих действий на ранних этапах, поэтому неверные решения диагностируются вовремя благодаря оценке и анализу в конце каждой итерации.

Модель SMART (Specific – конкретный, Measurable – измеримый, Attainable – достижимый, Relevant – актуальный и Time-bound – ограниченный во времени, вместе: SMART – умный) – модель проектного управления, базирующаяся на четко сформулированных и измеримых целях. Согласно этой модели, цель обязательно должна быть конкретной, измеримой, достижимой, значимой и соотноситься с конкретным сроком, а скорость и эффективность выполнения задачи зависят от правильности и корректности её формулировки. При этом, каким образом будет достигнуто выполнение, не имеет особого значения. Это может быть и поэтапное и планомерное повышение результатов за счёт множества небольших шагов, и сразу ориентация на максимально возможный результат – главное, чтобы он был конкретно и объективно измерим.

Модель ALD (Agile Learning Design) основывается на принципах гибкой разработки Agile (Align – нацелиться, Get set – подготовиться, Iterate and implement – повторять и реализовать, Leverage – усилить, Evaluate – оценить), широко применяемой в современной организации труда. Модель ALD – это скорость, гибкость и оперативность разработки. Она вобрала в себя множество наработок из области создания программного обеспечения, ее главное отличие – ускорение за счет резкого увеличения концентрации на специфических задачах. Она наиболее применима там, где необходима интенсивная передача материала и использование активного интереса самого обучающегося. Среди особенностей этой модели следует отметить приоритет людей и их взаимодействия перед процессами и инструментами, а также готовность к изменениям перед намеченным планом.

Модель обратного дизайна (Backward Design, Understanding by Design) предполагает начало разработки курса «с конца», когда вначале следует определиться с желаемым результатом обучения, затем понять, каким образом можно оценить его достижение, и только потом предлагать формы обучения и контент. Эту модель часто сравнивают с движением по карте, когда сначала определяется конечная точка путешествия и только потом прорабатывается оптимальный маршрут до нее. Эта модель позволяет сосредоточиться именно на результате, а не процессе. Пока результат не определен, движение дальше невозможно.

Модель визуального представления, или модель Кэти Мур, базируется на использовании карты действий (Action Mapping) и в большей степени ориентирована не на дизайн образовательных программ, а на постоянный мониторинг и улучшение рабочего процесса в действующем производстве или организации. В рамках этой модели сначала выявляются бизнес-цели и задачи, которые предстоит решать, а затем уже под них разрабатывается стратегия действий. Action Mapping ориентирована на обучение в процессе работы и оптимизацию кадровых ресурсов. Она помогает выявить неэффективные шаблоны действий, устранить причину их появления. С помощью карты действий сотрудники смогут освоить новые модели поведения на практике.

Модель Дика и Кэри (Dick and Carey Model) основана на связи между образовательным контентом, контекстом, учебным поведением и методикой обучения. Ее еще называют «модель системного подхода». Некоторые исследователи считают ее расширенной версией ADDIE, поскольку, как и в ADDIE, в ней все начинается с постановки цели, однако в отличие от ADDIE последующие процессы в ней идут не линейно, а параллельно друг другу, что позволяет вносить изменения сразу на нескольких уровнях. Эта модель решает главную проблему модели ADDIE – возвращение на предыдущую стадию без серьезных потерь. Другие исследователи уверены, что она ближе к Backward Design за счет ориентированности на результат. Как и в модели обратного дизайна, разработка здесь начинается с постановки цели обучения. Но дальнейший процесс работы состоит из параллельно развивающихся этапов и итераций. Модель Дика и Кэри основана на глубоком предметном анализе компонентов обучения: обучающихся, их знаний, личных качеств и условий, в которых они будут усваивать информацию. Это помогает избегать ошибок при разработке и внедрении инновационных образовательных решений.

Модель 4C/ID (4C – four Components, ID – Instructional Design) – модель проблемно-ориентированного обучения. Модель делает акцент не на отдельных знаниях, навыках и умениях, а на их системе, которая формируется в процессе обучения на аутентичных, то есть реальных, а не учебных, проблемных задачах, с которыми сталкиваются профессионалы в процессе своей деятельности. Такой подход позволяет обучающимся эффективно координировать и сочетать разные знания и

навыки и обучает их решать реальные профессиональные проблемы. Отличительной особенностью этой модели является разделение двух типов информации, которая преподносится обучающимся: вспомогательная информация и информация «здесь и сейчас», или своевременная. Первый тип способствует созданию когнитивных и ментальных схем, что позволяет использовать полученную систему знаний в разных ситуациях. Информация «здесь и сейчас» повышает эффективность обучения во время занятия за счет снижения когнитивной перегрузки обучающихся. В отличие от других, данная модель предлагает использовать как основную, так и дополнительную или частичную практику. Последняя направлена на отработку конкретных навыков и доведение их до автоматического использования, что позволяет повысить эффективность решения проблемы.

Модель Колба (Experiential Learning Model, David A. Kolb) – эффективное решение для практико-ориентированного обучения взрослых, которых от детей в контексте обучения отличает наличие жизненного опыта.

Модель Колба предусматривает четырехэтапный цикл обучения:

- приобретение конкретного опыта (КО);
- наблюдение и размышление над опытом (НО);
- формирование абстрактных понятий и обобщений (АО);
- активное экспериментирование (АЭ).

Однако фактически обучающиеся не проходят все четыре этапа, а ограничиваются только двумя в соответствии с комфортными для них типами обучения (табл. 1).

Таблица 1

Соответствие этапов цикла Колба и типов обучения

Этапы цикла Колба	АЭ	НО
КО	приспособление; приспосабливающийся тип	отстранение; отклоняющийся тип
АО	конвергенция; сосредоточенный тип	ассимиляция; поглощающий тип

Сторонники приспособляющегося типа ориентируются на общие представления и стремятся к консенсусу. Им важно прочувствовать вещи и явления.

Отклоняющийся тип обучения выбирают люди, привыкшие искать пути решения проблем. Они с удовольствием участвуют в мозговых штурмах и открыты к обратной связи.

Сосредоточенный тип присущ людям, у которых логика превалирует над чувствами. Для них важны конкретные действия и решение проблем в практической плоскости.

Сторонники поглощающего типа обучения – одиночки, предпочитающие наблюдение и обдумывание общению и командной работе. Они глубоко погружаются в суть проблем, строят ментальные модели, склонны к научным поискам.

Модель предполагает путь от практического опыта обучающегося к теории, а не наоборот, как это принято в традиционном обучении. Ценность модели Колба состоит в том, что взрослые люди в повседневной жизни приобретают знания, навыки и умения именно таким путём.

Модель ARCS-V (Attention – внимание, Relevance – значимость, релевантность, Confidence – уверенность, Satisfaction – удовлетворение, Volition – волеизъявление) – модель стратегии, в которой акцент сделан на практическую мотивацию обучающихся. При этом разработчик модели Джон Келлер опирался на теорию «ожидаемой ценности», которая предполагает, что человек мотивирован, если поставленная перед ним задача имеет ценность и удовлетворяет его личные потребности, а сам он верит, что способен преуспеть в её решении. Достоинство модели Келлера в том, что она может

быть интегрирована в любое обучение: университетское, корпоративное, школьное. Её принципы можно адаптировать и добавлять в преподавание и академических STEM-дисциплин (Science, Technology, Engineering and Mathematic), и гуманитарных наук, и иностранных языков, и многих других предметов. Эффективность модели подтверждается, например, в дистанционном и проблемно-ориентированном образовании. Но главное преимущество заключается в гибкости ARCS-V, поскольку её компоненты можно сочетать с самыми разными подходами к педагогическому дизайну.

Поскольку успешная модель педагогического дизайнера – это всегда конструкция, основанная на опыте, реализация любой из перечисленных моделей на практике без учета целого ряда факторов, определяющих специфику конкретной учебной дисциплины, может быть не достаточно эффективной.

Специфика иноязычной подготовки в неязыковом вузе

Анализ публикаций исследователей вопроса в открытой печати, проведенный авторами данной статьи, в совокупности с опытом их работы позволил выделить ряд специфических проблем, принципиально отличающих иноязычную подготовку студентов в неязыковом вузе [14]:

– высокая дифференциация уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции у студентов первого курса;

– отсутствие у студентов младших курсов полноценной информации о востребованности иностранного языка в их дальнейшей профессиональной деятельности.

сти, ведущее к непониманию студентами конечных целей обучения иностранному языку в вузе и связи этой дисциплины с профилем будущей работы и снижающее мотивацию к изучению иностранного языка;

- существующий у студентов стереотип отношения к иностранному языку как общеобразовательной учебной дисциплине, преподаваемой в неязыковом вузе «в нагрузку» к важным для будущей профессиональной карьеры специальным предметам;

- сложившийся стереотип о достаточности пассивного владения иностранным языком для выпускников неязыкового вуза;

- повсеместное нарушение неязыковыми вузами принципа непрерывности иноязычной подготовки в цепочке «бакалавриат – магистратура» и специалитете;

- недостаточный объем аудиторных занятий на изучение иностранного языка в рамках учебных планов бакалавриата, специалитета и магистратуры;

- нехватка учебно-методических материалов по иноязычной подготовке студентов конкретных направлений.

Некоторые исследователи связывают этапы формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры с уровнем их субъектности, понимая под субъектностью участника образовательного процесса способность выступать агентом (субъектом) действия, самостоятельно направляя и определяя (детерминируя) свое профессиональное развитие, быть независимым от других его участников.

Безусловно, формирование и развитие уровня субъектности обучающихся способствует повышению эффективности образовательного процесса в целом и иноязычной подготовки студентов в частности. Во многом именно этим объясняется наметившийся в последнее время тренд на индивидуализацию и личностную ориентацию иноязычной подготовки в неязыковом вузе, согласно которому обучающихся нельзя загонять в жесткие рамки инструкций, выстроенных преподавателем, ограничивая свободу и подрывая тем самым основу обучения, а напротив, следует принимать во внимание характеристики формирующейся личности и индивидуальные предпочтения каждого конкретного студента и всемерно поддерживать его самообразование и самовыражение [15].

В этих условиях преподаватель иностранного языка, по сути, выполняет функции тьютора, который сопровождает конкретного студента с целью полноценной реализации образовательного потенциала личности, потенциала саморазвития, самоактуализации через образование и удовлетворение потребностей обучающегося как субъекта образовательного процесса. Он помогает студенту реализовать себя в образовательной деятельности, проясняет образовательные мотивы и интересы обучающегося, проводит поиск образовательных ресурсов для создания индивидуальной образовательной траектории и даже индивидуального образовательного пространства конкретного студента [16].

Еще одной особенностью иноязычной подготовки в неязыковом вузе на современном этапе является ее профессионализация – стремление увязать формирова-

ние иноязычной коммуникативной компетенции с обучением студентов эффективному решению задач из области будущей профессиональной деятельности, в частности, задач импортозамещения, на основе квалифицированной критической оценки лучшего зарубежного опыта. Это предполагает обучение студентов неязыкового вуза практической работе с аутентичными иноязычными информационными источниками.

В контексте задач, поставленных в данной работе, интерес представляют варианты решения ранее обозначенных проблем, уже доказавшие свою эффективность на практике. Вот лишь некоторые из них [14].

Например, поэтапный план обучения, базирующийся на личностно ориентированной лингводидактической концепции обучения активному владению иностранным языком и предусматривающий перераспределение часов аудиторной и самостоятельной работы в зависимости от начального уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции студентов, позволяет выровнять его внутри академической группы уже после первого года обучения в вузе.

Многоуровневость процесса обучения способствует повышению его качества, но в то же время предполагает серьезный пересмотр всех компонентов его содержания и, в том числе технологии обучения. В этих условиях на первый план выходит комплементарность языковой подготовки студентов, понимаемая как гибкость и оперативность в выборе технологий обучения и методических приемов при формировании всех компонентов коммуникативной языковой способности. Конкретный пример – схема «трансситуационного» обучения, при которой процесс обучения строится циклично, по спирали снизу вверх с элементами повторения, посредством выполнения усложняющихся задач и видов деятельности в конкретных ситуациях общения. Главная цель при этом – формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенций, базирующиеся на владении предметной информацией.

Будущая сфера приложения сил выпускника неязыкового вуза может быть самой разнообразной, например, работа технологом, конструктором, исследователем, руководителем производственного подразделения или администратором-менеджером. Однако она, так или иначе, в большей или меньшей степени, будет связана с необходимостью восприятия, понимания, трансляции и использования иноязычной информации в различных формах: текстовой, аудиовизуальной, мультимедийной. В такой ситуации иноязычная подготовка студентов неязыкового вуза должна стать контекстной. Контекстное обучение позволяет динамически моделировать предметное и социальное содержание усваиваемой профессиональной деятельности. Способности профессионального владения иностранным языком складываются при дифференциации языкового материала с учетом предметной основы, задаваемой степенью овладения студентом его будущей специальностью.

Результаты решения задачи и их обсуждение

Умение сделать обоснованный выбор конкретной модели разработки образовательных решений свидетельствует о профессиональной зрелости и компетентности педагога, определяет необходимый набор действий всех участников образовательного процесса и призван обеспечить максимальный эффект иноязычной подготовки [17].

Сопоставление результатов проведенной авторами аналитической оценки возможностей педагогического дизайна как систематизированного подхода к созданию инновационных образовательных решений и специфики иноязычной подготовки в неязыковом вузе позволило

дать практические рекомендации по выбору конкретных моделей педагогического дизайна и их комбинациям (табл. 2). В таблице даны основные критерии выбора (уровень образования, целевая аудитория, формат обучения, ориентация образовательной программы, гибкость модели), их возможные значения и рекомендуемые модели разработки образовательных решений.

Очевидно, что никакая модель не решит проблемы, связанные с хаотичными, бессистемными, не до конца осмысленными действиями участников образовательного процесса, она нужна для его упорядочивания и организации.

Таблица 2

Выбор моделей педагогического дизайна для иноязычной подготовки в неязыковом вузе

Критерий выбора	Значение критерия	Рекомендуемые модели
Уровень образования	бакалавриат	ADDIE; SAM; ALD; ARCS-V; модель Дика и Кэри
	специалитет	ADDIE; SAM; SMART; 4C/ID; ARCS-V; модель обратного дизайна; модель Колба
	магистратура	SMART; ARCS-V; модель обратного дизайна; модель визуального представления; модель Колба
Целевая аудитория	не имеющая практического опыта	ADDIE; SAM; ALD; ARCS-V; модель обратного дизайна
	имеющая практический опыт	SMART; 4C/ID; модель Дика и Кэри; ARCS-V; модель обратного дизайна; модель визуального представления; модель Колба
Формат обучения	традиционный	ADDIE; SAM; ALD; SMART; 4C/ID; ARCS-V; модель обратного дизайна; модель визуального представления; модель Колба
	дистанционный	модель обратного дизайна; модель визуального представления; модель Колба
	смешанный	ADDIE; SAM; ALD; SMART; 4C/ID; ARCS-V; модель обратного дизайна; модель визуального представления; модель Колба
Ориентация образовательной программы	теория	ADDIE; SAM; ALD; модель Дика и Кэри
	практика	SMART; 4C/ID; ARCS-V; модель обратного дизайна; модель визуального представления; модель Колба
Гибкость (возможность корректировки модели в процессе)	есть	SMART; 4C/ID; SAM; ALD; ARCS-V; модель визуального представления; модель Колба.
	нет	ADDIE; модель Дика и Кэри; модель обратного дизайна

В термине «педагогический дизайн» ключевое слово – педагогический. Цель педагогического дизайнера – обеспечить эффективный процесс обучения, максимальное усвоение материала и его дальнейший перенос в практическую плоскость. Грамотно проектируя образовательную программу, необходимо учитывать особенности обучающихся: возраст, опыт обучения, мотивацию и т.д. Поэтому любой учебно-методический контент, который встраивается в программу, каждое задание, каждый элемент фонда оценочных средств должны отвечать на вопрос: «Соответствует ли это интересам данной целевой аудитории?»

Еще один важный вопрос: «Смогут ли обучающиеся применить новые знания на практике?» Здесь необ-

ходимо определиться с такими средствами обучения, которые помогут перенести новые знания на практику, – симуляциями, ролевыми играми, кейсами и т.д.

В такой ситуации преподаватель иностранного языка в неязыковом вузе просто обязан принимать на себя роль и ключевые компетенции педагогического дизайнера [18]:

– проводить оценку потребностей в обучении. Это позволяет понять целевую аудиторию, определить пробелы в знаниях, выявить желаемые результаты;

– выбирать подходящий подход к обучению. Создание новой рабочей программы учебной дисциплины или целой образовательной программы не всегда оптимально. Иногда достаточно провести их актуализацию или корректировку;

- разрабатывать образовательную программу, обоснованно выбирать формат (традиционный, дистанционный, смешанный) и методы обучения;
- разрабатывать учебно-методические материалы. Необходимо использовать качественные задания, основанные на реальных проблемных ситуациях, которые помогают студенту осознанно подходить к их выполнению;
- взаимодействовать со стейкхолдерами-работодателями выпускников и экспертами в области их профессиональной деятельности;
- оценивать эффективность результатов обучения.

Внедрение в практику

Успешным примером практической реализации распространения идей педагогического дизайна на иноязычную подготовку в неязыковом вузе может служить результат совместной работы кафедр «Иностранные языки» и «Металлургические технологии и оборудование» (выпускающая) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Федеральный опорный университет).

Проводилась первичная апробация авторских предложений по интеграции элементов сразу двух моделей педагогического дизайна (модель Дэвида Колба и модель ARCS-V Джона Келлера) в образовательный процесс иноязычной подготовки студентов очной формы обучения четвертого курса бакалавриата направления «Металлургия» (численность экспериментальной группы – 10 человек), посещавших факультативные занятия по дисциплине «Иностранный язык для металлургов» в течение двух учебных семестров по два часа в неделю. Остальные студенты (10 человек) входили в состав контрольной группы, указанные занятия не посещали, но старались поддерживать уровень иноязычной компетенции самостоятельно с использованием доступных в Интернет и популярных языковых платформ, онлайн-сервисов и веб-сайтов.

Все студенты экспериментальной и контрольной групп ранее успешно освоили базовый курс иноязычной подготовки и к началу работы прошли ознакоми-

тельную и технологическую практики в условиях действующего производства предприятий Нижегородской области.

Всех участники экспериментальной группы квалифицировали по склонности работать с новой информацией на категории (активист, мыслитель, теоретик, прагматик). При этом руководствовались данными портала EDUNews [19], в соответствии с которыми при реализации данной модели каждый обучающийся в разной степени преодолевает все этапы цикла Колба и предпочитает определенную связку способов получения и обработки информации, больше склоняясь к практическим действиям или теоретизации.

Активиста (связка «личный опыт – практика») бесполезно заставлять читать книги. Он предпочитает простые объяснения, которые сразу пытается применить на практике, без погружения в теорию.

Мыслитель (связка «личный опыт – размышление») спешку не любит и старается разобраться во всех деталях: задает уточняющие вопросы, анализирует увиденное и пройденное, углубляется в информацию и много над ней размышляет, но практиковать применение новых знаний не спешит.

Теоретик (связка «теория – размышление») мыслит логически, любит «глубоко копать», систематизировать информацию, строить модели и концепции, но практическим их применением интересуется мало. Он много читает и анализирует. Логически обоснованная теория для него важнее практического применения.

Прагматик (связка «теория – практика») – это типичный «технарь», который изучает материал ровно столько, сколько нужно для решения практических задач, и сразу приступает к выполнению заданий. Он реализует свой потенциал при решении практических задач. Принимает решение путем поиска ответов на конкретные вопросы, но не прочь и поэкспериментировать.

В составе экспериментальной группы оказалось четыре прагматика и по два мыслителя, теоретика и активиста.

Занятия с экспериментальной группой подчинялись логике модели Колба и строились по следующему план-графику (табл. 3).

Таблица 3

План-график занятий с экспериментальной группой

Этап цикла Колба	Роль этапа в образовательном процессе	Задачи преподавателя	Методический инструментарий	Доля этапа, % от общего времени обучения
1-й этап – приобретение конкретного опыта	Проблематизация и мотивация участников	Демонстрация значимости проблемы, формирование у студентов заинтересованности в ее решении	Провокации. Ролевые игры. Ситуационные задачи	10
2-й этап – наблюдение и размышление над опытом	Критический анализ полученного опыта	Установление участниками причинно-следственной связи неудачного опыта и недостатка компетенции	Обсуждение в малых группах «Круглый стол»	20
3-й этап – формирование абстрактных понятий и обобщений	Формирование модельного представления о проблемной ситуации, генерирование идей	Приобретение участниками навыков работы с информацией	Мини-лекция. Мастер-класс	50
4-й этап –	Апробация предлагаемых решений	Верификация и оценка полученных навыков	Практические упражнения по теме. Кейсы.	20

Этап цикла Колба	Роль этапа в образовательном процессе	Задачи преподавателя	Методический инструментарий	Доля этапа, % от общего времени обучения
активное экспериментирование			Тесты. Рольевые и деловые игры. Планирование применения. Создание алгоритмов	

В качестве отправной точки образовательного процесса (1-й этап цикла Колба – приобретение конкретного опыта) участники экспериментальной группы прогнозируемо получали опыт (в большей степени неудачный) представления ими на иностранном языке решения реальной задачи из области будущей профессиональной деятельности. На этом этапе преподаватель использовал прием провокации, рольевые игры и упражнения, нацеленные на осознание студентами пробелов в иноязычной подготовке и мотивацию к их устранению.

Далее (2-й этап цикла Колба – наблюдение и размышление над опытом) обучающиеся анализировали плюсы и минусы полученного ими опыта. Процедурно этому этапу придавалась форма обсуждения в малых группах по 2–4 человека или коллективного критического анализа презентации. Чтобы запустить процесс обмена идеями, преподаватель предлагал участникам группы поделиться наблюдениями касательно: того, что понравилось/не понравилось в представленных решениях, действиях (словах, поведении) участников группы; эмоций, вызванных этими действиями (поведением, словами); того, что помогло/помешало достижению цели; согласия/несогласия с действиями (словами, поведением) участников; информативности, жизнеспособности, практической применимости представленного варианта решения; недостающей информации.

Студенты проводили поиск и анализ информации по проблеме в открытых иноязычных источниках, консультировались со специалистами выпускающей кафедры и пытались найти взаимосвязь между полученным ими ранее неудачным опытом решения задачи и проанализированной информацией. У участников группы формировалось некоторое целостное модельное представление о проблемной ситуации, которое, с одной стороны, давало объяснение и понимание причин полученного ранее неудачного решения задачи, а с другой – содержало ответ на вопрос о том, как именно можно использовать эту информацию для поиска более успешного решения. В результате генерировались идеи, позволяющие по-новому подойти к решению задачи. Таким образом, студенты извлекали уроки из своего собственного неудачного опыта и проходили 3-й этап цикла Колба – формирование абстрактных понятий и обобщений.

Завершающий 4-й этап цикла Колба – активное экспериментирование – сводился к попытке участников экспериментальной группы коллективно с применением иноязычной коммуникативной компетенции каждого из них найти улучшенное решение ранее поставленной или подобной, но усложненной, профессиональной задачи, проведении его критической оценки и разработке ими плана внедрения выбранного варианта решения, его своеобразного «встраивания» в

практику. Особое внимание на этом этапе преподаватель уделял взаимопониманию в группе. Для этого обучающиеся разных категорий (активист, мыслитель, теоретик, прагматик) должны были стать «движущей силой» друг друга на соответствующих этапах образовательного процесса. Активисты своей неумолимой энергией компенсировали медлительность мыслителей, а склонные к экспериментированию прагматики придавали практическую направленность умозаключениям теоретиков, которые в свою очередь подытоживали работу всей группы.

Элементы модели ARCS-V Келлера проявились в выстраивании для участников экспериментальной группы параллельной мотивационной программы, позволяющей преподавателю вовлекать каждого студента так, чтобы помочь ему усвоить информацию и решать задачи, обеспечить высокий уровень запоминания и результативности.

Эта программа на каждом из этапов цикла Колба предусматривала мониторинг группы по каждому из пяти компонентов модели ARCS-V Келлера:

- внимание. Будут ли студенты с интересом реагировать на предлагаемый учебный материал или скучать и отвлекаться?
- значимость, релевантность. Понимают ли обучающиеся значимость обучения для достижения своей цели и востребованность результатов?
- уверенность. Сомневаются ли студенты в своих силах или, наоборот, излишне самоуверенны?
- удовлетворённость. Как аудитория относится к выстраиванию образовательного процесса?
- сила воли. Обладают ли участники группы достаточным уровнем самоорганизации, чтобы не свернуть с образовательной траектории и пройти ее до конца?

При необходимости преподаватель устранял выявленные проблемы, применяя приемы повышения, понижения или поддержания мотивации студентов (геймификация, индивидуальное или групповое проектирование, хакатон, симуляция, исследование, конструирование) и комбинируя их с выполнением участниками самостоятельно или совместно рутинных учебных заданий.

На заключительном этапе апробации студентам экспериментальной и контрольной групп предлагалось решить тестовую задачу профессиональной деятельности технологического типа, а именно: «Провести поиск и критический анализ технической информации и имеющегося опыта, представленных в зарубежных источниках, по тематике будущей выпускной квалификационной работы» и подготовить соответствующую презентацию на иностранном языке.

Ответы, подготовленные студентами, оценивались экспертами (ведущие преподаватели выпускающей кафедры и представителя ботодателей) по четырех-

балльной шкале (2 – «неудовлетворительно»; 3 – «удовлетворительно», 4 – «хорошо», 5 – «отлично»), широко применяемой российскими вузами, после чего проводилась математическая обработка результатов в программе MS-Excel. Оценка, без участия преподавателя иностранного языка, решения студентами тестовой задачи профессиональной деятельности технологического типа, предполагающего их работу с иноязычными неадаптированными источниками информации, исключительно экспертами – ведущими преподавателями выпускающей кафедры и представителями рабо-

тотателей, владеющими иностранным языком, обеспечила ее объективный и интегрированный характер и возможность измерить реальный уровень лингвопрофессиональной компетентности каждого студента на конкретном примере. При этом особое внимание в исследовании уделялось функционалу иностранного языка как инструмента для решения задач профессиональной деятельности будущих выпускников неязыкового вуза.

Результаты проведенной апробации представлены в табл. 4 и на рис. 1.

Таблица 4

Результаты апробации

Группа	Количество студентов, получивших оценки, чел.				Всего студентов, чел.
	2 – «неудовлетворительно»	3 – «удовлетворительно»	4 – «хорошо»	5 – «отлично»	
Экспериментальная	0	2	4	4	10
Контрольная	1	5	3	1	10

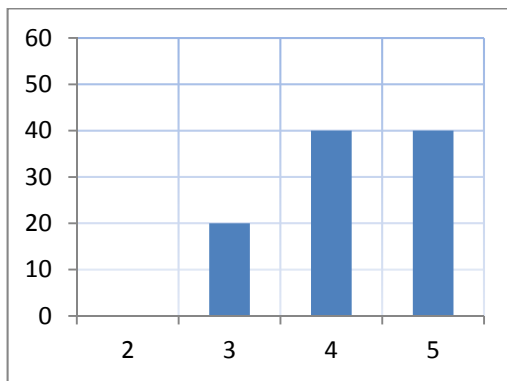
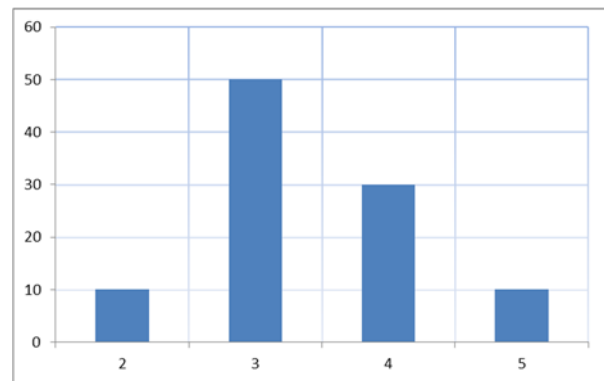
а
Экспериментальная группаб
Контрольная группа

Рис. 1. Распределение оценок, полученных за решение тестовой задачи, доли в %

Исходя из данных табл. 4 и рис. 1, видно, что среди участников экспериментальной группы нет ни одного, получившего оценку «неудовлетворительно», оценка «удовлетворительно» – у 20% студентов, а оценки «хорошо» и «отлично» имеют по 40% участников, в то время как в контрольной группе распределение оценок иное: 10% участников – с оценкой «неудовлетворительно», 50% – с оценкой «удовлетворительно», 30% – с оценкой «хорошо» и 10% участников имеют оценку «отлично».

Таким образом, полученные результаты апробации наглядно продемонстрировали более высокий уровень лингвопрофессиональной компетентности участников экспериментальной группы и их готовности к решению профессиональных задач в сравнении со студентами, входящими в состав контрольной группы. Этот факт был отмечен всеми экспертами.

Заключение

Педагогический дизайн – это прежде всего процесс принятия решений о наилучших педагогических методах и приемах для улучшения результативности обра-

зовательного процесса с учетом содержания конкретной учебной дисциплины, интересов целевой аудитории и специфики конкретной образовательной программы.

Современный преподаватель иностранного языка в неязыковом вузе по роду своей деятельности помимо собственно проведения занятий со студентами занимается поиском информационных материалов, выбором образовательных технологий, подготовкой рабочих программ дисциплин, формированием учебно-методических комплексов, освоением инновационных форматов обучения – то есть, по сути, педагогическим дизайном, носящим случайный характер, делая все это интуитивно или опираясь на имеющийся педагогический опыт.

Исследование, проведенное авторами данной статьи, доказывает, что владение навыками педагогического дизайна и даже поверхностное знакомство с моделями его практической реализации помогут ему значительно улучшить свою работу и повысить эффективность образовательного процесса.

Рациональный, научно обоснованный выбор и практическое использование в образовательном процессе

моделей педагогического дизайна способствуют повышению эффективности иноязычной подготовки, поскольку каждая из выбранных моделей характеризуется гибкостью (возможность корректировки модели в процессе обучения студентов) и на каждом этапе формиро-

вания иноязычной коммуникативной компетенции позволяет принять во внимание уровень образования, формат обучения, ориентацию конкретной образовательной программы и субъектность студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры неязыкового вуза.

Список источников

1. Барсукова А.Д. Педагогический дизайн в инженерном образовании: анализ и перспективы // Современное педагогическое образование. 2022. № 3. С. 109–114.
2. Бурдейная М.Н. Педагогический дизайн как средство повышения эффективности организации учебного процесса // Прогрессивная педагогика. 2021. № 3. С. 49–59.
3. Кочурин Т.С. «Педагогический дизайн»: сущность и структура // Преподаватель XXI век. 2022. № 1-1. С. 21–29.
4. Ширинкина Е.В. Педагогический дизайн – системный подход к созданию образовательных решений // Инновации в образовании. 2022. № 4 (62). С. 23–29.
5. Youhasan P., Chen Y., Lyndon M., Henning M.A. Exploring the pedagogical design features of the flipped classroom in undergraduate nursing education: a systematic review // BMC Nursing. 2021. Vol. 20. doi: 10.1186/s12912-021-00555-w
6. Blau L., Shamir-Inbal T., Avdiel O. How does the pedagogical design of a technology-enhanced collaborative academic course promote digital literacies, self-regulation, and perceived learning of students? // The Internet and Higher Education. 2020. Vol. 45. doi: S1096751619304403
7. Dehbozorgi N., Attota D.Ch. A Conversational Recommender System for Exploring Pedagogical Design Patterns // International Conference on Artificial Intelligence in Education. 2022. P. 497–501. doi: 10.1007/978-3-031-11647-6_101
8. Gagne R.M. The conditions of learning. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1965. 308 p.
9. Уваров А.Ю. Педагогический дизайн // Информатика: Приложение к газете «Первое сентября». 2003. № 30. С. 2–31.
10. Romiszowski A.J. Designing Instructional Systems: Decision Making in Course Planning and Curriculum Design. Taylor & Francis Group, 2016. 432 p.
11. Воронина Д.В. Педагогический дизайн в современной России: проблемы и пути развития // Педагогический журнал. 2016. № 3. С. 61–68.
12. Абызова Е.В. Педагогический дизайн: понятие, предмет, основные категории // Вестник ВятГУ. 2010. № 3. С. 12–16.
13. Ситаров В.А. Проблемное обучение как одно из направлений современных технологий обучения // Проблемы педагогики и психологии. 2009. № 1. С. 148–157.
14. Леушина И.В. Иностранный язык в системе подготовки специалистов технического профиля. Нижний Новгород : НГТУ, 2006. 152 с.
15. Леушин И.О., Леушина И.В. Иностранный язык и индивидуализация подготовки студентов: реалии, тренды, варианты // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 3. С. 147–154.
16. Курносова С.А. Основы педагогического дизайна. Челябинск, 2014. 168 с.
17. Печеркина А.А., Сыманюк Э.Э., Умникова Е.Л. Развитие профессиональной компетентности педагога: теория и практика. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2011. 233 с.
18. Кто такой педагогический дизайнер в LEVEL. URL: <https://levellab.ru/academy/pedagogicheskiy-dizayner-plan>
19. Цикл Колба в тренингах. URL: <https://edunews.ru/intensiv/info/cikl-kolba-v-treninge.html>

References

1. Barsukova, A.D. (2022) Pedagogicheskiy dizayn v inzhenernom obrazovanii: analiz i perspektivy [Pedagogical design in engineering education: analysis and perspectives]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 3. pp. 109–114.
2. Burdeynaya, M.N. (2021) Pedagogicheskiy dizayn kak sredstvo povysheniya effektivnosti organizatsii uchebnogo protsesssa [Pedagogical design as a means of improving the efficiency of the organization of the educational process]. *Progressivnaya pedagogika*. 3. pp. 49–59.
3. Kochurina, T.S. (2022) "Pedagogicheskiy dizayn": sushchnost' i struktura ["Pedagogical design": essence and structure]. *Prepodavatel' XXI vek*. 1–1. pp. 21–29.
4. Shirinkina, E.V. (2022) Pedagogicheskiy dizayn – sistemnyy podkhod k sozdaniyu obrazovatel'nykh resheniy [Pedagogical design – a systematic approach to the creation of educational solutions]. *Innovatsii v obrazovanii*. 4 (62). pp. 23–29.
5. Youhasan, P. et al. (2021) Exploring the pedagogical design features of the flipped classroom in undergraduate nursing education: a systematic review. *BMC Nursing*. 20. DOI: 10.1186/s12912-021-00555-w
6. Blau, L., Shamir-Inbal, T. & Avdiel, O. (2020) How does the pedagogical design of a technology-enhanced collaborative academic course promote digital literacies, self-regulation, and perceived learning of students? *The Internet and Higher Education*. 45. DOI: S1096751619304403
7. Dehbozorgi, N. & Attota, D.Ch. (2022) [A conversational recommender system for exploring pedagogical design patterns]. *International Conference on Artificial Intelligence in Education*. Proceedings of the International AIED Conference. Durham, UK. 27–31 July 2022. Springer. pp. 497–501. DOI: 10.1007/978-3-031-11647-6_101
8. Gagne, R.M. (1965) *The Conditions of Learning*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
9. Uvarov, A.Yu. (2003) Pedagogicheskiy dizayn [Pedagogical design]. *Informatika: Prilozhenie k gazete "Pervoe sentyabrya"*. 30. pp. 2–31.
10. Romiszowski, A.J. (2016) *Designing Instructional Systems: Decision making in course planning and curriculum design*. London: Routledge.
11. Voronina, D.V. (2016) Pedagogicheskiy dizayn v sovremennoy Rossii: problemy i puti razvitiya [Pedagogical design in modern Russia: problems and ways of development]. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 3. pp. 61–68.
12. Abyzova, E.V. (2010) Pedagogicheskiy dizayn: ponyatie, predmet, osnovnye kategorii [Pedagogical design: concept, subject, main categories]. *Vestnik VyatGU*. 3. pp. 12–16.
13. Sitarov, V.A. (2009) Problemnoe obuchenie kak odno iz napravleniy sovremennykh tekhnologiy obucheniya [Problem-based learning as one of the areas of modern learning technologies]. *Problemy pedagogiki i psikhologii*. 1. pp. 148–157.
14. Leushina, I.V. (2006) *Inostranny yazyk v sisteme podgotovki spetsialistov tekhnicheskogo profilya* [Foreign Language in the System of Training Technical Specialists]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University.
15. Leushin, I.O. & Leushina, I.V. (2019) Inostranny yazyk i individualizatsiya podgotovki studentov: realii, trendy, varianty [Foreign language and individualization of student training: realities, trends, options]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 3 (28). pp. 147–154.
16. Kurnosova, S.A. (2014) *Osnovy pedagogicheskogo dizayna* [Fundamentals of Pedagogical Design]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
17. Pecherkina, A.A., Symanyuk, E.E. & Umnikova, E.L. (2011) *Razvitie professional'noy kompetentnosti pedagoga: teoriya i praktika* [Development of Professional Competence of a Teacher: Theory and practice]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
18. LEVEL. (n.d.) Kto takoy pedagogicheskiy dizayner v LEVEL [Who is the pedagogical designer at LEVEL]. *LEVEL*. [Online] Available from: <https://levellab.ru/academy/pedagogicheskiy-dizayner-plan>.

19. Kobil'chenko, N. (n.d.) Tsikl Kolba v treningakh [Kolb's cycle in trainings]. *EDUNews*. [Online] Available from: <https://edunews.ru/intensiv/info/cikl-kolba-v-treninge.html>.

Информация об авторах:

Леушина И.В. – д-р пед. наук, профессор кафедры «Иностранные языки» Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия). E-mail: leushinaiv@yandex.ru.

Леушина Л.И. – канд. техн. наук, доцент кафедры «Металлургические технологии и оборудование» Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия). E-mail: kafmto@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Leushina, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: leushinaiv@yandex.ru.

L.I. Leushina, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alexeev (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kafmto@mail.ru.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.11.2022;
одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 09.11.2022;
approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 796.01:612
doi: 10.17223/15617793/489/19

Оптимальный метод определения второго лактатного (анаэробного) порога в циклических видах спорта

Тимур Сергеевич Спирин¹, Александр Игнатович Чикуров², Светлана Викторовна Радаева³

^{1, 2} Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ TSpirin@sfu-kras.ru

² chikurov71@mail.ru

³ svetlanaradaeva70@mail.ru

Аннотация. Представлены общие сведения о лактатных порогах, включая современный взгляд на причину их возникновения. Приведены сведения о широко используемых методах определения второго лактатного (анаэробного) порога в табличном и графическом виде. На основании объединения данных из отобранных за последние 10 лет экспериментальных исследований произведен выбор метода определения второго лактатного порога, оптимального, по нашему мнению, для процесса спортивной подготовки в циклических видах спорта на выносливость.

Ключевые слова: лактатный порог, анаэробный порог, порог анаэробного обмена, ПАНО, MLSS, maximal lactate steady state

Для цитирования: Спирин Т.С., Чикуров А.И., Радаева С.В. Оптимальный метод определения второго лактатного (анаэробного) порога в циклических видах спорта // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 193–200. doi: 10.17223/15617793/489/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/19

The optimal method for determining the second lactate (anaerobic) threshold in cyclic sports

Timur S. Spirin¹, Alexander I. Chikurov², Svetlana V. Radaeva³

^{1, 2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ TSpirin@sfu-kras.ru

² chikurov71@mail.ru

³ svetlanaradaeva70@mail.ru

Abstract. The most well-known metabolic threshold, mentioned in the Russian-language literature, is the threshold of anaerobic metabolism (TAM). At the same time, in the English-language literature, the names used are aerobic (AeT) and anaerobic (AnT) thresholds. The generally accepted reference method for determining LT2, called maximal lactate steady state (MLSS), is too difficult to use in the training process because it requires three to six tests. As the analysis of the literature shows, the widely used method for determining LT2 by a fixed lactate concentration of 4 mmol/l in trained subjects does not provide adequate accuracy in individual cases. The research objective is to identify a method for determining the intensity of LT2 on trained subjects, on average closest in terms of intensity of LT2 to the MLSS method. The method chosen should determine LT2 from a single incremental test. The research methods consist of analysis of data from experimental studies selected according to the following criteria: the study must be conducted on trained subjects with the determination of LT2 values, obtained by various methods, including the MLSS method. We searched the PubMed database for relevant studies for the last 10 years in February 2023. From the data extracted from the selected studies, we calculated the standardized mean difference (SMD) between the LT2 values determined by the various methods and the LT2 values determined by the MLSS method. The keyword search query made it possible to identify 2313 publications. After reading the titles and abstracts of these publications, we determined seven publications that corresponded to the selection criteria: J.G. Pallares et al. (2016), I. Garcia-Tabar et al. (2018), I. Arratibel-Imaz et al. (2015), V. Cerezuela-Espejo et al. (2018), K. Płoszczyca et al. (2020), N.A. Jamnick et al. (2018), L. Zwingmann et al. (2018). A total of 131 subjects participated in these studies. According to the SMD calculation, when combining data from selected studies, the Dmod method is closest to the MLSS method in terms of SMD (the SMD value is closer to zero among all the methods considered). In our opinion, in cyclic endurance sports, it is

optimal to use the Dmod method to determine LT2 on trained subjects, since this method does not require repeated testing and allows you to get the result, on average, the closest (of the methods considered in the study) to the reference MLSS method.

Keywords: anaerobic threshold, lactate threshold, MLSS, maximal lactate steady state

For citation: Spirin, T.S., Chikurov, A.I. & Radaeva, S.V. (2023) The optimal method for determining the second lactate (anaerobic) threshold in cyclic sports. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 193–200. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/19

Введение

Концепция метаболических порогов, проявляющихся в изменении метаболического состояния организма человека в процессе выполнения упражнения с повышающейся интенсивностью, является общепринятой концепцией, описанной в изданиях, посвященных теории и методике физической культуры и спорта [1–3]. Наиболее известным метаболическим порогом, упоминающимся в отечественной литературе, является порог анаэробного обмена (ПАНО) [1–5]. При этом в англоязычной литературе используются наименования, которые можно перевести как аэробный (АЭП) и анаэробный пороги (АНП) [6, 7].

В исследованиях S. Meyler и соавт. (2023) и D. Iannetta и соавт. (2019) рекомендуется использование значений интенсивности АЭП и АНП в качестве границ зон интенсивности физических упражнений вместо стандартных универсальных рекомендаций [8, 9]. Это позволяет находиться во время выполнения упражнения в заранее определенном физиологическом состоянии и оказывать преимущественное воздействие на определенные механизмы энергообеспечения [3–5].

Первые работы, в которых представлены методики определения метаболических порогов в процессе напряженной мышечной деятельности, опубликованы в 1973 г. K. Wasserman и соавт. в США и Н.И. Волковым и Е.А. Широковым в СССР [10, 11].

Первичная причина возникновения метаболических порогов, базирующаяся на особенностях рекрутирования мышечных волокон (МВ) вследствие повышения внешней нагрузки, в настоящее время имеет множество экспериментальных подтверждений, основанных на анализе электромиограммы (ЭМГ) [12, 13]. В России Д. Поповым и соавт. разработан метод определения АНП в работающей мышце при помощи анализа ЭМГ [14]. По нашему мнению, гипотезу о связи между рекрутированием различных типов МВ (I, IIa и IIb) и появлением метаболических порогов впервые опубликовали J. Skinner и T. McLellan (1980) [15. Р. 241]. В России данная гипотеза приобрела известность благодаря работе В.Н. Селуянова и соавт. (1991) [16].

Современные достижения в области биологических наук поставили под вопрос классическое объяснение причины возникновения АНП, основанное на недостаточном снабжении кислородом работающих мышц, которое приводится в первых исследованиях по этой теме, выполненных группой K. Wasserman [10. Р. 237]. Современный биологический подход к данной проблеме во всей ее широте, включая исторические сведения,

приведен в исследовании D.C. Poole и соавт. (2020) [7]. В этой статье доказывается, что накопление лактата в крови вследствие рекрутирования МВ IIa и IIb типов после превышения мощности метаболических порогов происходит, вероятно, не вследствие гипоксии в работающих мышцах, а как способ обеспечить ткани внутренних органов (прежде всего сердца) энергетическим субстратом, что позволит увеличить мощность их деятельности. Это важно для продолжения напряженной мышечной деятельности [7. Р. 14].

W. Kindermann и соавт. (1979) впервые сформулировали концепцию двух метаболических порогов на основании измерения концентрации лактата в крови во время теста со ступенчато повышающейся нагрузкой: первый порог авторы *впервые* назвали АЭП, второй порог АНП [17]. По сведениям из обзора O. Faude и соавт. (2009), в дальнейших исследованиях закрепился термин первый лактатный порог (LT1), соответствующий АЭП, и второй лактатный порог (LT2), соответствующий АНП; всего существует более двух десятков методов определения LT1 и LT2 [6]. Лактатный порог LT1 определен как интенсивность нагрузки, при которой наблюдается первое значимое повышение концентрации лактата относительно базального уровня [6]. Порог LT2 определен как интенсивность нагрузки, после превышения которой начинается *быстрая фаза* экспоненциального роста концентрации лактата [6].

К настоящему времени на основании многочисленных исследований сформировалось мнение, что показатель LT2 имеет важнейшее значение в подготовке спортсменов на выносливость: интенсивность LT2 служит границей, после превышения которой тренировка считается высокоинтенсивной [6, 7]. Показатель LT2 надежнее, чем МПК, отражает изменение спортивной подготовленности на длинных дистанциях в циклических видах спорта [1, 6, 7].

Исходя из физиологической сущности LT2, а именно: LT2 это наибольшая мощность работы, во время которой скорость выделения лактата не превышает скорости его утилизации, в 1985 г. Н. Neck и соавт. предложили методику определения максимального устойчивого состояния по лактату (maximal lactate steady state, далее MLSS). По данным A.M. Jones и соавт. (2019), а также V. Billat и соавт. (2003), MLSS считается *эталонным* методом определения LT2 [18, 19]. Методика определения MLSS: испытуемые выполняют упражнение с постоянной интенсивностью в течение 30 минут. Интенсивностью MLSS считается такая *наибольшая* ин-

тенсивность упражнения, во время которой концентрация лактата возрастает не более чем на 1 ммоль/л в промежуток между 10-й и 30-й минутой теста. Для определения MLSS необходимо проведение от трех до шести тестов с разным уровнем постоянной интенсивности. В обзоре О. Faude и соавт. (2009) продемонстрировано, что показатель MLSS имеет очень сильные корреляции с результативностью спортсмена в видах спорта на выносливость [6]. V. Billat и соавт. (2003) упоминают об эффективности продолжительных тренировок для улучшения показателей аэробной выносливости, которые проводятся на интенсивности MLSS [19]. Серьезный недостаток данной методики – необходимость проведения нескольких тестов (обычно требуется 4–5 тестов) по 30 минут в разные дни, что отрывает спортсменов от процесса запланированной спортивной подготовки, затрудняет широкое использование метода MLSS в практике тренировок на выносливость [6, 18, 19].

В исследовании W. Kindermann и соавт. (1979) сделано заключение, что средняя концентрация лактата по группе испытуемых (7 высококвалифицированных лыжников) на LT1 приблизительно 2 ммоль/л, на LT2 приблизительно 4 ммоль/л [17]. На основании этого появилась методика определения метаболических порогов по фиксированному значению концентрации лактата, которая приобрела широкую популярность ввиду своей простоты, а также субмаксимального характера теста (отсутствие необходимости выполнять тест до отказа) [6].

Однако еще в исследовании Н. Stegmann и соавт. (1982) на 19 тренированных гребцах показано, что попытка выполнить упражнение продолжительностью 50 минут с постоянной мощностью, соответствующей концентрации лактата 4 ммоль/л в ступенчатом тесте, была удачной лишь в четырех случаях, в остальных случаях отказ произошел в среднем через 14,4 минуты [20. Р. 106]. В обзоре О. Faude и соавт. (2009) на основании многочисленных исследований указано, что концентрация лактата на MLSS значительно различается между испытуемыми, что не позволяет полагаться на фиксированную концентрацию лактата как на универсальный критерий MLSS [6. Р. 481]. По данным V. Billat и соавт. (2003), концентрация лактата на интенсивности MLSS может колебаться в пределах 2–8 ммоль/л между различными испытуемыми [19. Р. 408].

Таким образом, широко распространенный критерий определения LT2 по фиксированному значению концентрации лактата в крови не учитывает индивидуальные особенности испытуемых, а общепризнанный в качестве эталонного метода определения LT2 метод MLSS слишком сложен для использования в тренировочном процессе циклических видов спорта. По нашему мнению, существует необходимость выявления оптимального метода определения LT2 в циклических видах спорта на выносливость.

Цель исследования: выделить оптимальный метод определения второго лактатного (анаэробного) порога в циклических видах спорта.

Методика исследования заключается в анализе данных экспериментальных исследований, отобранных по следующим критериям: исследование должно быть проведено на тренированных в видах спорта на выносливость испытуемых с определением значений LT2, полученных различными методами, в том числе методом MLSS. Поиск исследований произведен в феврале 2023 г. в базе данных PubMed за последние 10 лет, поисковый запрос «maximal lactate steady state OR MLSS OR lactate threshold».

Для объединения результатов исследований, выполненных на различных нагрузочных устройствах с указанием интенсивности нагрузки в различных единицах измерения, была рассчитана величина стандартизированной средней *разницы* (standardized mean difference, далее SMD). SMD между средними значениями интенсивности LT2, определенными различными методами, и средним значением интенсивности эталонного метода MLSS в нашем исследовании служит показателем точности методов определения LT2. Методы определения LT2, в среднем завышающие значение LT2 относительно MLSS, будут иметь положительное значение SMD; методы, в среднем занижающие значение LT2 относительно MLSS, будут иметь отрицательное значение SMD; модуль значения SMD показывает среднее отклонение от MLSS, выраженное в долях от объединенного стандартного отклонения выборки (с учетом коррекции для малых выборок). Метод определения интенсивности LT2, в среднем по выборке из отобранных исследований наиболее близкий к интенсивности MLSS, должен иметь SMD, наиболее близкую к нулю.

Методика расчета SMD (Hedges' g) представлена в работе Е.Ф. Бороховского и Р.М. Бернарда (2013), для расчетов использована фиксированная модель [21]. Все расчеты выполнены в MS Excel.

Выявление метода для определения LT2 осуществлялось по следующему критерию: SMD, рассчитанная между выбранным методом определения LT2 и методом MLSS, рассчитанная при объединении результатов всех отобранных исследований по данной теме, должна быть наиболее близкая к нулю.

Результаты исследования

Поисковый запрос по ключевым словам позволил выделить 2 313 публикаций. После изучения названий и аннотаций данных публикаций определено, что критериям отбора соответствуют 7 публикаций: J.G. Pallarés и соавт. (2016), I. García-Tabar и соавт. (2018), I. Aratibel-Imaz и соавт. (2015), V. Cerezuela-Espejo и соавт. (2018), K. Płoszczyca и соавт. (2020), N.A. Jamnick и соавт. (2018), L. Zwingmann и соавт. (2018) [22–28]. Всего в данных исследованиях участвовал 131 испытуемый.

Наиболее широко методы определения LT2 и их краткая характеристика, представленные в данных исследованиях, показаны в табл. 1. На рис. 1 приведен пример определения LT2 несколькими методами по лактатной кривой.

Методы определения LT2 и их краткая характеристика

Номер	Обозначение	Комментарии	Ссылки
1	MLSS	Наибольшая постоянная интенсивность нагрузки, при которой концентрация лактата повышается не более чем на 1 ммоль/л в промежуток времени между 30-й и 10-й минутой теста	A.M. Jones и соавт. (2019) [18]; V. Billat и соавт. (2003) [19]
2	LT _{4mmol}	Интенсивность, соответствующая концентрации лактата 4 ммоль/л в крови	W. Kindermann и соавт. (1979) [17]
3	IAT (Stegmann)	Интенсивность, соответствующая пересечению лактатной кривой и касательной прямой, проведенной из точки в момент восстановления после отказа, в которой концентрация лактата становится равной концентрации лактата в момента отказа (пример см. на рис. 1)	H. Stegmann и соавт. (1981) [29]
4	IAT (Dickhuth)	Интенсивность, соответствующая концентрации лактата, равной +1,5 ммоль/л относительно минимального лактатного эквивалента LE _{min} (отношение концентрации лактата к интенсивности нагрузки) (пример см. на рис. 1)	I. Garcia-Tabar и соавт. (2018) [23]
5	Dmax	Интенсивность, соответствующая точке пересечения перпендикуляра, имеющего наибольшую длину, от прямой, соединяющей начальную и конечную точку в тесте до лактатной кривой, полученной аппроксимацией до полинома третьей степени (пример см. на рис. 1)	L. Zwinglymann и соавт. (2019) [28]
6	Dmod	Интенсивность, соответствующая точке пересечения перпендикуляра, имеющего наибольшую длину, от прямой, соединяющей точку, после которой концентрация лактата возрастает более, чем на 0,4 ммоль/л и конечную точку в тесте до лактатной кривой, полученной аппроксимацией до полинома третьей степени (пример см. на рис. 1)	S. Chalmers и соавт. (2015) [30], L. Zwinglymann и соавт. (2019) [28]

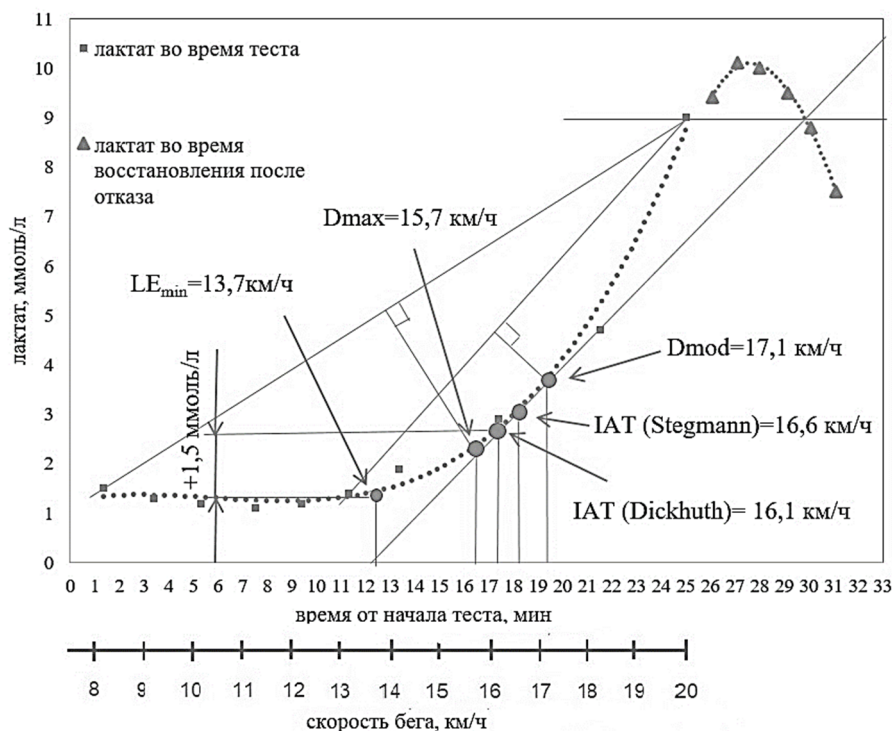

Рис. 1. Пример определения LT2 по динамике лактата во время ступенчатого теста и восстановления после отказа различными методами (критерии определения LT2 приведены в табл. 1). На оси абсцисс – время и скорость бега в тесте. Интенсивность упражнения повышается равномерно до момента отказа от продолжения работы (в данном случае отказ произошел после 25 минут теста). Определение концентрации лактата во время восстановления после отказа нужно только для метода IAT (Stegmann)

Из отобранных семи исследований собраны данные о количестве испытуемых, типе нагрузочного устройства, значениях интенсивности LT2, определенных методами Dmax, IAT (Dickhuth), LT_{4mmol}, IAT (Stegmann) и Dmod, а также данные о значении интенсивности MLSS. Вышеуказанные сведения

приведены в табл. 2. На основании экспериментальных данных, собранных в табл. 2, было рассчитано значение SMD между значениями интенсивности LT2, определенными различными методами, и значением интенсивности LT2 по методу MLSS. Результаты расчета см. на рис. 2.

Таблица 2

Данные о значениях интенсивности LT2 ($M \pm SD$), определенных различными методами, собранные из семи отобранных экспериментальных исследований

Исследование	Кол-во испытуемых	Нагр-ое у-во	Dmax	IAT (Dickhuth)	LT _{4mmol}	IAT (Stegmann)	Dmod	MLSS	Ед. изм.
J.G. Pallarés и соавт. (2016) [22]	14	Велоэрг-р	257 ± 40	288 ± 37	304 ± 40	–	–	255 ± 32	Вт
I. Garcia-Tabar и соавт. (2018) [23]	15	Тредбан	13,2 ± 1,2	15,9 ± 1,4	–	–	–	15 ± 1,1	км/ч
I. Arratibel-Imaz и соавт. (2015) [24]	16	Велоэрг-р	253,7 ± 24,9	253,6 ± 33,8	276,1 ± 49,1	240,3 ± 31	–	251,6 ± 32,7	Вт
V. Cerezuela-Esrejo и соавт. (2018) [25]	22	Тредбан	14,1 ± 1,6	14,3 ± 1,9	14,5 ± 2,1	–	–	13,5 ± 1,1	км/ч
K. Płoszczyca и соавт. (2020) [26]	14	Велоэрг-р	296,7 ± 22,3	–	341,7 ± 32,1	297,1 ± 24,3	330 ± 32,5	298,3 ± 21,2	Вт
N.A. Jamnick и соавт. (2018) [27]	17	Велоэрг-р	232 ± 36	254 ± 41	291 ± 42	–	267 ± 39	264 ± 39	Вт
L. Zwingmann и соавт. (2018) [28]	15	Велоэрг-р	204 ± 26	–	–	–	231 ± 35	229 ± 38	Вт
L. Zwingmann и соавт. (2018) [28]	18	Тредбан	12,6 ± 0,9	–	–	–	13,2 ± 1,4	13,6 ± 1,4	км/ч

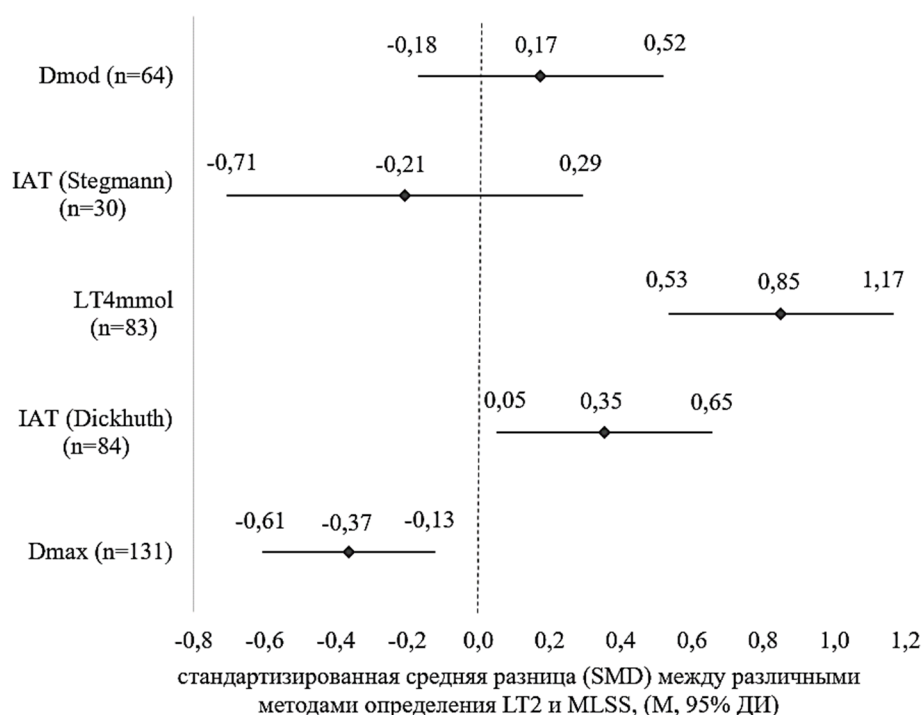

Рис. 2. SMD (M , 95% ДИ) между различными методами определения LT2 и методом MLSS (критерии и пример определения см. в табл. 1 и рис. 1). В скобках указано суммарное количество испытуемых во всех отобранных исследованиях, в которых использовался данный метод. Штриховая линия показывает нулевое значение SMD

Как видно из рис. 2, метод Dmod наиболее близок к методу MLSS (значение SMD ближе к нулю среди всех рассмотренных методов), однако метод Dmod применяется только в предельных протоколах (требуется максимальный тест). Вслед за методом Dmod, ближе к MLSS метод IAT (Stegmann). Этот метод, по

сведениям авторов метода Н. Stegmann и соавт. (1981), не требует предельной работы (можно провести субмаксимальный тест) [29]. Однако, по данным рис. 2, он менее точен, чем Dmod, при этом требует дополнительных измерений во время восстановления (см. рис. 1).

Также из рис. 2 видно, что метод LT_{4mmol} , судя по значению SMD, в среднем завышает значения интенсивности $LT2$ относительно значения MLSS на большую величину, чем другие проанализированные методы. Эти данные подтверждаются сведениями из обзора О. Faude и соавт. (2009), обзора V. Billat и соавт. (2003), экспериментальным исследованием ($n = 162$) Arratibel-Imaz и соавт. (2015), а также неопубликованными данными авторов настоящей работы [6, 19, 24].

Заключение

По нашему мнению, в циклических видах спорта на выносливость для определения $LT2$ на тренированных испытуемых оптимально использовать метод Dmod, так как данный метод не требует многократного тестирования и позволяет получать результат, в среднем наиболее близкий (из рассмотренных в исследовании методов) к эталонному методу MLSS.

Список источников

1. Платонов В.Н. Двигательные качества и физическая подготовка спортсменов. М. : Спорт, 2019. 656 с.
2. Мякинченко Е.Б., Крючков А.С., Фоминченко Т.Г. Силовая подготовка спортсменов высокого класса в циклических видах спорта с преимущественным проявлением выносливости. М. : Спорт, 2022. 280 с.
3. Волков Н.И., Олейников В.И. Биоэнергетика спорта. М. : Советский спорт, 2011. 160 с.
4. Бреслав И.С., Волков Н.И., Тамбовцева Р.В. Дыхание и мышечная активность человека в спорте: руководство для изучающих физиологию человека. М. : Советский спорт, 2013. 336 с.
5. Тамбовцева Р.В., Войтенко Ю.Л., Орел В.Р. Состояние метаболизма при напряженной мышечной деятельности спортсменов циклических видов спорта. М. : ТБТ Дивизион, 2017. 120 с.
6. Faude O., Kindermann W., Meyer T. Lactate threshold concepts, how valid are they? // Sports Medicine. 2009. Vol. 39, № 6. P. 469–490. doi: 10.2165/00007256-200939060-00003
7. Poole D.C., Rossiter H.B., Brooks G.A., Gladden L.B. The anaerobic threshold: 50+ years of controversy // The Journal of Physiology. 2021. doi: 10.1113/JP279963
8. Meyler S., Bottoms L., Wellsted D., Muniz-Pulmares D. Variability in exercise tolerance and physiological responses to exercise prescribed relative to physiological thresholds and to maximum oxygen uptake // Experimental physiology. 2023. Vol. 108, Is. 2. doi: 10.1113/EP090878
9. Iannetta D., Inglis E.C., Mattu A.T., Fontana F.Y., Pogliaghi S., Keir D.A., Murias J.M. A Critical Evaluation of Current Methods for Exercise Prescription in Women and Men // Medicine & Science in Sports & Exercise. 2020. Vol. 1. doi: 10.1249/mss.0000000000002147
10. Wasserman K., Whipp B.J., Koyl S.N., Beaver W.L. Anaerobic threshold and respiratory gas exchange during exercise // Journal of Applied Physiology. 1973. № 35 (Z). P. 236–243. doi: 10.1152/jappl.1973.35.2.236
11. Волков Н.И., Ширковец Е.И. Об энергетических критериях работоспособности спортсменов // Биоэнергетика. Л., 1973. С. 18–30.
12. Kawamura K., Iida S., Kobayashi M., Setaka Y., Tomita K. Features of electromyography threshold of the respiratory muscles during incremental exercise test // Respiratory Physiology & Neurobiology. 2022. Vol. 295. Art. No. 103785. doi: 10.1016/j.resp.2021.103785
13. Ertl P., Kruse A., Tilp M. Detecting fatigue thresholds from electromyographic signals: A systematic review on approaches and methodologies // Journal of Electromyography and Kinesiology. 2016. Vol. 30. P. 216–230. doi: 10.1016/j.jelekin.2016.08.002
14. Попов Д.В., Кузнецов С.Ю., Орлова Е.А., Шарова А.П., Боровик А.С., Виноградова О.Л. Валидация метода для оценки анаэробного порога в работающей мышце // Физиология человека. 2019. Т. 45, № 2. С. 70–77.
15. Skinner J.S., McLellan T.H. The Transition from Aerobic to Anaerobic Metabolism // Research Quarterly for Exercise and Sport. 1980. Vol. 51:1. P. 234–248. doi: 10.1080/02701367.1980.10609285
16. Селуянов В.Н., Мякинченко Е.Б., Холодник Д.Б., Обухов С.М. Физиологические механизмы и методы определения аэробного и анаэробного порогов // Теория и практика физической культуры. 1991. № 10. С. 10–18.
17. Kindermann W., Simon G., Keul J. The significance of the aerobic-anaerobic transition for the determination of work load intensities during endurance training // European Journal of Applied Physiology. 1979. Vol. 42. P. 25–34. doi: 10.1007/BF00421101
18. Jones A.M., Burnley M., Black M.I., Poole D.C., Vanhatalo A. The maximal metabolic steady state: redefining the “gold standard” // Physiological Reports. 2019. Vol. 7 (10). doi: 10.14814/phy2.14098
19. Billat V., Sirvent P., Py G., Koralsztein J.P., Mercier J. The concept of maximal lactate steady state: a bridge between biochemistry, physiology and sport science // Sports Medicine. 2003. Vol. 33 (6). P. 407–426. doi: 10.2165/00007256-200333060-00003
20. Stegmann H., Kindermann W. Comparison of prolonged exercise tests at the individual anaerobic threshold and the fixed anaerobic threshold of 4 mmol·l⁻¹ lactate // International Journal of Sports Medicine. 1982. Vol. 3(2). P. 105–110. doi: 10.1055/s-2008-1026072
21. Бороховский Е.Ф., Бернард Р.М. Количественные синтезы в социальных науках: методология и практика мета-анализа // Психология. Экономика. Право. 2013. № 3. С. 41–56.
22. Pallarés J.G., Morán-Navarro R., Ortega J., Fernández-Elias V. Validity and reliability of ventilatory and lactate thresholds in well-trained cyclists // PLoS ONE. 2016. Vol. 11 (9). doi: 10.1371/journal.pone.0163389
23. Garcia-Tabar I., Gorostiaga E.M. A “blood relationship” between the overlooked minimum lactate equivalent and maximal lactate steady state in trained runners. Back to the old days? // Frontiers in Physiology. 2018. Vol. 9:1034. doi: 10.3389/fphys.2018.01034
24. Arratibel-Imaz I., Gonzalez J.C., Emparanza J.I., Terrados N. Lack of concordance amongst measurements of individual anaerobic threshold and maximal lactate steady state on a cycle ergometer // The Physician and Sportsmedicine. 2015. Vol. 44 (1). P. 34–45. doi: 10.1080/00913847.2016.1122501
25. Cerezuela-Espeja V., Courel-Ibañez J., Morán-Navarro R., Martínez-Cava A., Pallarés J.G. The relationship between lactate and ventilatory thresholds in runners: validity and reliability of exercise test performance parameters // Frontiers in Physiology. 2018. Vol. 9:1320. doi: 10.3389/fphys.2018.01320
26. Ploszczyca K., Jazic D., Piotrowicz Z., Chalimoniuk M., Langfort J., Czuba M. Comparison of maximal lactate steady state with anaerobic threshold determined various methods based on graded exercise test with 3-min stages in elite cyclists // BMC Sports Science, Medicine and Rehabilitation. 2020. № 12. P. 70. doi: 10.1186/s13102-020-00219-3
27. Jamnick N.A., Botella J., Pyne D.B., Bishop D.J. Manipulating graded exercise test variables affects the validity of the lactate threshold and VO_{2peak} // PLoS One. 2018. Vol. 13 (7). Art. e0199794. doi: 10.1371/journal.pone.0199794
28. Zwingmann L., Strutt S., Martin A., Volmary P., Bloch W., Wahl P. Modifications of the Dmax method in comparison to the maximal lactate steady state in young male athletes // The Physician and Sportsmedicine. 2019. Vol. 47, № 2. P. 174–181. doi: 10.1080/00913847.2018.1546103
29. Stegmann H., Kindermann W., Schnabel A. Lactate kinetics and individual anaerobic threshold // International Journal of Sports Medicine. 1981. Vol. 2. P. 160–165. doi: 10.1055/s-2008-1034604

30. Chalmers S., Esterman A., Eston R., Norton K. Standardization of the Dmax method for calculating the second lactate threshold // International Journal of Sports Physiology and Performance. 2015. Vol. 10 (7). P. 921–926. doi: 10.1123/ijsp.2014-0537

References

1. Platonov, V.N. (2019) *Dvigatel'nye kachestva i fizicheskaya podgotovka sportsmenov* [Motor Qualities and Physical Training of Athletes]. Moscow: Sport.
2. Myakinchenko, E.B., Kryuchkov, A.S. & Fomichenko, T.G. (2022) *Silovaya podgotovka sportsmenov vysokogo klassa v tsiklicheskih vidakh sporta s preimushchestvennym proyavleniem vynoslivosti* [Strength Training of High-Class Athletes in Cyclic Sports with a Predominant Manifestation of Endurance]. Moscow: Sport.
3. Volkov, N.I. & Oleynikov, V.I. (2011) *Bioenergetika sporta* [Bioenergetics of Sports]. Moscow: Sovetskiy sport.
4. Breslav, I.S., Volkov, N.I. & Tambovtseva, R.V. (2013) *Dykhaniye i myshechnaya aktivnost' cheloveka v sporte: rukovodstvo dlya izuchayushchikh fiziologiyu cheloveka* [Breathing and Human Muscle Activity in Sports: A guide for students of human physiology]. Moscow: Sovetskiy sport.
5. Tambovtseva, R.V., Voytenko, Yu.L. & Orel, V.R. (2017) *Sostoyaniye metabolizma pri napryazhennoy myshechnoy deyatel'nosti sportsmenov tsiklicheskih vidov sporta* [The State of Metabolism during Intense Muscular Activity of Athletes of Cyclic Sports]. Moscow: TVT Division.
6. Faude, O., Kindermann, W. & Meyer, T. (2009) Lactate threshold concepts, how valid are they? *Sports Medicine*. 6 (39). pp. 469–490. DOI: 10.2165/00007256-200939060-00003
7. Poole, D.C. et al. (2021) The anaerobic threshold: 50+ years of controversy. *The Journal of Physiology*. DOI: 10.1113/JP279963
8. Meyler, S. et al. (2023) Variability in exercise tolerance and physiological responses to exercise prescribed relative to physiological thresholds and to maximum oxygen uptake. *Experimental physiology*. 2 (108). DOI: 10.1113/EP090878
9. Iannetta, D. et al. (2020) A critical evaluation of current methods for exercise prescription in women and men. *Medicine & Science in Sports & Exercise*. 1. DOI: 10.1249/mss.0000000000002147
10. Wasserman, K. et al. (1973) Anaerobic threshold and respiratory gas exchange during exercise. *Journal of Applied Physiology*. 35 (Z). pp. 236–243. DOI: 10.1152/jappl.1973.35.2.236
11. Volkov, N.I. & Shirkovets, E.I. (1973) Ob energeticheskikh kriteriyakh rabotosposobnosti sportsmenov [On the energy criteria for the performance of athletes]. In: Gandel'sman, A.B. (ed.) *Bioenergetika* [Bioenergetics]. Leningrad: GDOIFK. pp. 18–30.
12. Kawamura, K. et al. (2022) Features of electromyography threshold of the respiratory muscles during incremental exercise test. *Respiratory Physiology & Neurobiology*. 295. Art. 103785. DOI: 10.1016/j.resp.2021.103785
13. Ertl, P., Kruse, A. & Tilp, M. (2016) Detecting fatigue thresholds from electromyographic signals: A systematic review on approaches and methodologies. *Journal of Electromyography and Kinesiology*. 30. pp. 216–230. DOI: 10.1016/j.jelekin.2016.08.002
14. Popov, D.V. et al. (2019) Validatsiya metoda dlya otsenki anaerobnogo poroga v rabotayushchey myshtse [Validation of a method for assessing the anaerobic threshold in a working muscle]. *Fiziologiya cheloveka*. 2 (45). pp. 70–77.
15. Skinner, J.S. & McLellan, T.H. (1980) The transition from aerobic to anaerobic metabolism. *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 51:1. pp. 234–248. DOI: 10.1080/02701367.1980.10609285
16. Seluyanov, V.N. et al. (1991) Fiziologicheskie mekhanizmy i metody opredeleniya aerobnogo i anaerobnogo porogov [Physiological mechanisms and methods for determining aerobic and anaerobic thresholds]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 10. pp. 10–18.
17. Kindermann, W., Simon, G. & Keul, J. (1979) The significance of the aerobic-anaerobic transition for the determination of work load intensities during endurance training. *European Journal of Applied Physiology*. 42. pp. 25–34. DOI: 10.1007/BF00421101
18. Jones, A.M. et al. (2019) The maximal metabolic steady state: redefining the “gold standard”. *Physiological Reports*. 10 (7). DOI: 10.14814/phy2.14098
19. Billat, V. et al. (2003) The concept of maximal lactate steady state: a bridge between biochemistry, physiology and sport science. *Sports Medicine*. 6 (33). pp. 407–426. DOI: 10.2165/00007256-200333060-00003
20. Stegmann, H. & Kindermann, W. (1982) Comparison of prolonged exercise tests at the individual anaerobic threshold and the fixed anaerobic threshold of 4 mmol.l(-1) lactate. *International Journal of Sports Medicine*. 2 (3). pp. 105–110. DOI: 10.1055/s-2008-1026072
21. Borokhovskiy, E.F. & Bernard, R.M. (2013) Kolichestvennye sintezy v sotsial'nykh naukakh: metodologiya i praktika meta-analiza [Quantitative syntheses in social sciences: methodology and practice of meta-analysis]. *Psikhologiya. Ekonomika. Pravo*. 3. pp. 41–56.
22. Pallarés, J.G. et al. (2016) Validity and reliability of ventilatory and blood lactate thresholds in well-trained cyclists. *PLoS ONE*. 9 (11). DOI: 10.1371/journal.pone.0163389
23. Garcia-Tabar, I. & Gorostiaga, E.M. (2018) A “blood relationship” between the overlooked minimum lactate equivalent and maximal lactate steady state in trained runners. Back to the old days? *Frontiers in Physiology*. 9:1034. DOI: 10.3389/fphys.2018.01034
24. Arratibel-Imaz, I. et al. (2015) Lack of concordance amongst measurements of individual anaerobic threshold and maximal lactate steady state on a cycle ergometer. *The Physician and Sportsmedicine*. 1 (44). pp. 34–45. DOI: 10.1080/00913847.2016.1122501
25. Cerezuela-Espeja, V. et al. (2018) The relationship between lactate and ventilatory thresholds in runners: validity and reliability of exercise test performance parameters. *Frontiers in Physiology*. 9:1320. DOI: 10.3389/fphys.2018.01320
26. Ploszczyca, K. et al. (2020) Comparison of maximal lactate steady state with anaerobic threshold determined various methods based on graded exercise test with 3-min stages in elite cyclists. *BMC Sports Science, Medicine and Rehabilitation*. 12. P. 70. DOI: 10.1186/s13102-020-00219-3
27. Jamnick, N.A. et al. (2018) Manipulating graded exercise test variables affects the validity of the lactate threshold and VO2peak. *PLoS One*. 7 (13). Art. e0199794. DOI: 10.1371/journal.pone.0199794
28. Zwingmann, L. et al. (2019) Modifications of the Dmax method in comparison to the maximal lactate steady state in young male athletes. *The Physician and Sportsmedicine*. 2 (47). pp. 174–181. DOI: 10.1080/00913847.2018.1546103
29. Stegmann, H., Kindermann, W. & Schnabel, A. (1981) Lactate kinetics and individual anaerobic threshold. *International Journal of Sports Medicine*. 2. pp. 160–165. DOI: 10.1055/s-2008-1034604
30. Chalmers, S. et al. (2015) Standardization of the Dmax method for calculating the second lactate threshold. *International Journal of Sports Physiology and Performance*. 7 (10). pp. 921–926. DOI: 10.1123/ijsp.2014-0537

Информация об авторах:

Спирин Т.С. – магистрант Института физической культуры, спорта и туризма Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: TSpirin@sfu-kras.ru

Чикуров А.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и менеджмента физической культуры и туризма Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: chikurov71@mail.ru

Радаева С.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: svetlanaradaeva70@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.S. Spirin, master's student, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: TSpirin@sfu-kras.ru

A.I. Chikurov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: chikurov71@mail.ru

S.V. Radaeva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetlanaradaeva70@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.12.2022;
одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 17.12.2022;
approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 347
doi: 10.17223/15617793/489/20

Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования

Евгений Валерьевич Вавилин¹

¹ *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, evavilin@yandex.ru*

Аннотация. Проанализированы основные доктринальные подходы к осмыслению цифрового рубля как нового объекта гражданских прав, выявлена их роль в формировании механизмов осуществления и защиты соответствующих прав, а также изучен подход законодателя к регулированию отношений в сфере борта цифрового рубля. Обозначены основные проблемные поля в формирующемся законодательстве о цифровом рубле, обоснован новый подход к формированию норм, регулирующих отношения в сфере цифровых технологий, основанный на иных принципах правовой регулятории.

Ключевые слова: цифровой рубль, механизм осуществления прав, защита гражданских прав, цифровые права, субъективное гражданское право

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках государственного задания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023–0006)» (регистрационный номер 1022040700002-6-5.5.1).

Для цитирования: Вавилин Е.В. Цифровой рубль: формирование механизма правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 201–206. doi: 10.17223/15617793/489/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/20

Digital ruble: Formation of the mechanism of legal regulation

Evgeny V. Vavilin¹

¹ *Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation
evavilin@yandex.ru*

Abstract. The article considers draft federal law No. 270838-8, On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Digital Ruble (hereinafter referred to as the Bill), as well as existing doctrinal approaches to understanding the legal nature of the digital ruble. The study aims to determine the legislative framework for regulating the designated relations, to analyze the problems laid down by the legislator at the stage of their normalization, to develop innovative ways to form a mechanism for the implementation and protection of rights in the sphere of digital ruble turnover. The study of approaches to understanding the legal regime of the digital ruble showed that the discussion focused on the expediency of using real-legal or mandatory-legal methods of protecting rights in relation to it, which did not significantly affect the formation of effective mechanisms for regulating relations. For the regulation of relations in this area, it is not the definition of the legal nature of the object that becomes decisive, but its relevant features – the non-cash nature and the existence of an individual code. Further, the specificity of the relations depends, among other things, on the subject composition and a clear understanding of the position of each of the participants. The Bill lays down the general procedure for organizing the turnover of the digital ruble and individual measures to protect the rights of the right holder. At the same time, the document contains gaps regarding the fair distribution of the responsibility of the operator and participants of the digital ruble platform to the user for damage caused as a result of a software failure. The Bill also does not have a mechanism for protecting personal data. The risk of personal data leakage is quite high, since the participant of the digital platform becomes an intermediary between the user and the executor of orders for the transfer of the digital ruble. The relevant information is processed by both the participants and the operator of the digital ruble platform, and is stored in a single register. In addition, there are doubts about the expediency of separating functions between the operator and the platform participant, if the operator himself can function as a participant. Such an organization of relations is fraught with both time costs and additional risks. The author comes to the conclusion that the law regulating relations regarding digital objects should be a qualitatively different system based on functional features of objects and mechanisms

of legal regulation of relations with similar typological features rather than on a complex of classical definitions of legal objects and their legal nature with system-forming categories, concepts and rules of regulation.

Keywords: digital ruble, mechanism of rights implementation, protection of civil rights, digital rights, subjective civil law

Financial support: The research was carried out as part of state assignment FSMW-2023-0006, Registration No. 1022040700002-6-5.5.1.

For citation: Vavilin, E.V. (2023) Digital ruble: Formation of the mechanism of legal regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 201–206. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/20

Развитие высоких технологий ведет к тому, что гражданские правоотношения уходят в принципиально иную форму – цифровую. И это не просто формальная переориентация, это изменение самой природы отношений, закономерностей и привычных связей между субъектами, субъектом и объектом, содержания права. Поэтому необходимость выработки нового подхода к регулированию отношений в digital-среде заявляет о себе самым очевидным образом.

Новаторский и во многом актуальный взгляд на дальнейшее развитие отечественной правовой системы высказал В.Н. Синюков в докладе «Право XXI века: алгоритмы в действии или осмысленная нормативность» [1]. Опираясь на традиции римского права, ученый определил перспективу развития отечественной правовой доктрины и законодательства как отказ от нормативности, основанной на общих правилах и определениях, поскольку существующая нормативность сталкивается с невозможностью отразить специфику быстроменяющихся общественных отношений и характеризуется архаичностью, антиинновационностью.

Жизнеспособным в мире взрывной технологической эволюции, по мнению исследователя, станет правопорядок, который сможет построить систему с предельно емкой техникой правовой регуляторики без общих нормативных понятий, по типу юридических фактов, так называемый «юридизм в утилитарной практической форме» [1].

Изучение показало, что именно такой подход оправдан в формировании основ регулирования отношений в сфере использования цифрового рубля.

В первом чтении принят проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля» [2] (далее Законопроект). Сейчас необходимо осмыслить, какой подход в регулировании указанных отношений избрал законодатель, и насколько этот подход отвечает существу этих отношений и обеспечивает законные интересы сторон.

Технологически цифровой рубль представляет собой уникальный цифровой код, выпущенный Центральным банком Российской Федерации.оборот цифрового рубля будет проходить на специализированной цифровой платформе, организуемой Банком России. Храниться электронные деньги будут в цифровом кошельке, пополняемом как наличными денежными средствами, так и безналичными. Сделки с

использованием цифрового рубля основаны на сочетании технологий распределенного и нераспределенного реестров, т.е. вся информация о владельцах электронных счетов (кошельков) и операции будут зафиксированы в централизованном нераспределенном реестре [3].

Эмитировать цифровой рубль будет Центральный банк Российской Федерации. Предполагается, что цифровой рубль станет эффективным средством платежа, в первую очередь, с использованием государственных средств, а транзакции с ним будут выгодно отличаться низкими издержками по сравнению с оборотом иных форм денег.

Доктрина уже некоторое время пытается выработать целостное представление о правовой природе этого объекта отношений.

Основные исследовательские подходы к пониманию правового режима цифрового рубля на сегодня выражены в следующих заключениях.

Понятия и явления «цифровой рубль» и «цифровая валюта» не равнозначны: без юридического нормирования отношений с использованием цифровой валюты их нельзя рассматривать как гражданско-правовое явление, они существуют вне правового поля.

Цифровой рубль является легальным объектом гражданского оборота, в то время как криптовалюты по ряду признаков не могут считаться таковыми [4. С. 114].

В качестве основных отличий цифрового рубля от криптовалют можно выделить отсутствие централизованного эмитента у последних, материальную необеспеченность, обусловленность внутренней конъюнктурой данного рынка. Специалисты сходятся во мнении, что этот денежный суррогат не может являться ни национальной, ни транснациональной валютой [4. С. 113].

Законодатель также разделяет эти понятия, согласно ст. 10 Законопроекта цифровой рубль не является цифровой валютой, а в Концепции цифрового рубля [3], представленной Центральным банком РФ, по результатам публичного обсуждения доклада Банка России 2020 г. [5], цифровой рубль определен как форма российской национальной валюты, обязательство Банка России.

По форме цифровой рубль близок к безналичным деньгам. Традиционно различают несколько подходов к пониманию природы безналичных денег – от вещно-правового до комплексного вещно-обязательственного [6].

Безналичные денежные средства, исходя из их природы, традиционно относят к объектам обязатель-

ственных отношений. По поводу электронных денег, как и цифрового рубля, как объектов правоотношений в доктрине ведется дискуссия. Было высказано мнение о том, что цифровой рубль в юридическом смысле не может считаться обязательством Центрального банка РФ [6].

Когда речь идет об обязательстве, формально определено, что имеют место относительные правоотношения.

Классическое понимание обязательства в гражданском праве основано на представлении о том, что одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие. Пункт 8 статьи 8 Законопроекта устанавливает обязанности оператора платформы цифрового рубля, в числе которых открытие цифровых счетов (кошельков) участникам и пользователям платформы цифрового рубля, обеспечение доступа к платформе цифрового рубля и цифровым счетам участникам платформы, доступ к цифровым кошелькам пользователям, возможности восстановления доступа при его утрате и приостановлении, произошедших по вине оператора. В обязанность оператора также включено управление рисками и непрерывностью функционирования платформы цифрового рубля.

Кроме того с помощью цифрового рубля будут осуществляться безналичные расчеты, хорошо известные отечественному правопорядку как обязательственные. Таким образом, складывающееся взаимодействие сторон в сфере использования цифрового рубля представляет собой определенный вид относительных правоотношений.

Цифровой рубль также имеет признаки, сближающие его с наличными деньгами.

С одной стороны – признак индивидуальной определенности (наличия уникального цифрового кода, записи о транзакции в централизованном реестре), и в случае нарушения прав правообладателя возможное применение истребования из чужого незаконного владения.

С другой – сама вещно-правовая природа наличных денег тоже является условностью. Очевидно, что со времени возникновения наличный рубль существенно изменил свой экономический смысл от эквивалента драгоценных металлов до условной единицы платежа. Ценность представляют не сами по себе банкноты и монеты, а та условная стоимость, которая в них заложена, т.е. владение и распоряжение ими предполагает и обязательственные права их владельца (права требования к Центральному банку РФ). Например, в случае обмена банкнот и монет на денежные единицы нового образца или деноминации денег.

Тем не менее ст. 30 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [7] устанавливает, что наличные деньги (банкноты и монеты) являются безусловными обязательствами Банка России и обеспечиваются всеми его активами. Вещная природа наличных денег не исключает обязательственных правоотношений. Но в данном случае вещно-правовой режим целесообразен для формирования эффективного механизма защиты прав законного правообладателя.

Цифровой рубль, учитывая его безналичную форму, с точки зрения права, – имущественное право требования. Об этом прямо сказано в Концепции, хотя оговорка о том, что обязательством Банка России Концепция называет его в «экономическом смысле», дала основания для утверждений о том, что в юридическом смысле цифровой рубль таковым не является [6].

Позволим себе не согласиться с этим, поскольку по отношению к цифровому рублю обязательственное право, возникающее при осуществлении расчетов этой формой валюты, к банку является одновременно и самостоятельным объектом, по аналогии с платежами безналичными денежными средствами [8. С. 135–136].

Таким образом, очевидно, что в природе самого объекта (денег) независимо от его формы – наличной, безналичной или цифровой, коренится единство двух начал – вещного и обязательственного, в большей или меньшей степени проявляющееся в любой форме денег.

Следовательно, определять правовой режим цифровой валюты необходимо, также исходя из этой двойственности и соображений эффективных механизмов реализации и защиты прав.

Какой регулятивный потенциал дает понимание природы цифрового рубля?

С точки зрения права существенным признаком является безналичная природа цифрового рубля и наличие индивидуального кода, далее специфика отношений зависит в том числе от субъектного состава и четкого понимания положения каждого из участников.

Субъектами отношений в обороте цифрового рубля являются оператор цифровой платформы, участники и пользователи. Оператором платформы, согласно ст. 2 Законопроекта, является Банк России, он же является эмитентом цифрового рубля и организатором платформы.

Технология централизованного реестра, используемая для создания платформы цифрового рубля, представляет собой систему учета цифровой валюты и предполагает наличие контролирующего субъекта, отвечающего за достоверность сведений в этом реестре. Эти функции возложены на Банк России.

Таким образом, цифровой рубль в отношениях пользователи – эмитент выступает как объект обязательств Центрального банка Российской Федерации, в отношениях участник платформы цифрового рубля – пользователь – тоже как обязательство, финансовые организации вступают в договорные отношения с пользователями и функционируют как операторы по переводу денежных средств.

В качестве участников выступают финансовые организации и Федеральное казначейство. Финансовые организации являются посредниками и обеспечивают переход прав на имущество, т.е. отвечают за динамику правоотношений.

Пользователями являются владельцы цифровых кошельков. В качестве таковых могут выступать физические и юридические лица, индивидуальные предприниматели, в установленных законом случаях федеральный орган исполнительной власти, орган ис-

полнительной власти субъекта РФ, орган местного самоуправления (п. 2 ст. 8 Законопроекта).

Законопроект в самых общих чертах дает представление о правовом положении участников этих отношений, определяя порядок приобретения и перевода цифровых рублей. Этот порядок имеет ряд отличий от порядка переводов безналичных денежных средств.

Так, окончательность перевода цифрового рубля по сравнению с переводами безналичных денежных средств наступает не в момент зачисления денежных средств на банковский счет оператора по переводу денежных средств, обслуживающего получателя средств, а в момент зачисления цифровых рублей на цифровой счет (кошелек) получателя (п. 6 ст. 8 Законопроекта).

Безотзывность перевода цифрового рубля возникает с начала выполнения процедур приема к исполнению распоряжения о переводе цифровых рублей участником платформы цифрового рубля, в отличие от безотзывности перевода безналичных денежных средств (п. 6 ст. 8 Законопроекта), которая наступает с момента списания денежных средств с банковского счета плательщика или с момента предоставления плательщиком наличных денежных средств в целях перевода денежных средств без открытия банковского счета (п. 7 ст. 5 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [9]).

Предполагается, что пользователям платформы цифрового рубля будет обеспечена возможность «бесшовного» (т.е. беспрепятственного) перевода безналичных денежных средств в цифровые и обратно для осуществления платежей.

Законопроект дает представление об экономических преимуществах цифрового рубля и сделок с ним.

Специфика перехода прав и регистрация юридических действий по распоряжению ими на платформе цифрового рубля заключается в том, что оператор выполняет процедуры приема к исполнению и исполнения распоряжений о переводе цифровых рублей, в то время как участник платформы осуществляет открытие цифрового счета (кошелька) пользователю, принимает распоряжения о переводе цифровых рублей и обязан удостовериться в праве плательщика, получателя, взыскателя средств распоряжаться остатком цифровых рублей. Вместе с тем вне поля законодательного регулирования остается распределение ответственности между операторами и участниками цифровой платформы перед пользователем, а также основания возникновения этой ответственности.

В Законопроекте заложены отдельные меры по защите прав правообладателя.

Во-первых, сама технология централизованного реестра, на основе которой планируется создание платформы цифрового рубля, обеспечивает контролируемость всех транзакций и идентификацию пользователей, дает основу для создания механизма защиты прав участников отношений.

Во-вторых, наличие единого эмитента – оператора платформы (Центральный банк Российской Федерации), несущего ответственность за сохранность цифрового рубля, правильность учета информации об

операциях с цифровыми рублями (п. 4 ст. 2 Законопроекта). Также Банк России несет ответственность за убытки пользователя, возникшие вследствие непредоставления доступа к платформе цифрового рубля, доступа к цифровому счету (кошельку), неисполнение или ненадлежащее исполнение переводов цифровых рублей (п. 4 ст. 8 Законопроекта).

В-третьих, пользователи могут быть только идентифицируемыми, таким образом ограничивается круг лиц, к которым может быть предъявлено требование.

В-четвертых, оператор платформы цифрового рубля несет ответственность за сохранность цифровых рублей, правильность учета информации об операциях с цифровыми рублями (п. 4 ст. 2 Законопроекта).

Вместе с тем, учитывая специфику бытования цифрового рубля, возникает необходимость справедливого распределения ответственности перед пользователем за ущерб, причиненный в результате сбоя программного обеспечения.

В Законопроекте не сформирован механизм защиты персональных данных. Риск утечки персональных данных достаточно велик, поскольку участник цифровой платформы становится посредником между пользователем и исполнителем распоряжений о переводе цифрового рубля. И обработка соответствующей информации осуществляется как участниками, так и оператором платформы цифрового рубля, к тому же хранится в едином реестре. Если ответственность перед пользователями платформы цифрового рубля за убытки, возникшие в результате непредоставления доступа к платформе, цифровому счету (кошельку), неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по переводу цифровых рублей несет участник цифровой платформы, то кто несет ответственность в момент получения распоряжения о переводе цифровых рублей, проверки необходимой информации о правообладателе и на этапе осуществления этого перевода?

Кроме того, возникают сомнения в целесообразности разделения функций между оператором и участником платформы, если сам оператор может функционировать как участник. Подобная организация отношений чревата как временными издержками, так и дополнительными рисками.

Таким образом, дискуссия о правовой природе цифрового рубля замкнулась на обсуждении целесообразности применения в отношении него вещно-правовых, либо обязателственно-правовых способов защиты прав, что существенным образом не повлияло на формирование принципов регулирования отношений.

В праве наметилась явная тенденция к универсализации правовых инструментов: классическая система объектов гражданского права, с привычной градацией объектов и имущества на вещи и не вещи в цифровой сфере теряет свою актуальность, хотя определенные способы реализации и защиты прав вполне могут оправдать свою надежность и применительно к цифровым объектам.

Многочисленные попытки определить правовую природу криптовалют, цифрового рубля, токенов до

сих по не привели к формированию устойчивого понимания их правовой природы и действенных механизмов правового регулирования соответствующих отношений.

По-видимому, доктрина будет развиваться совсем иным путем, чем это было в доцифровую эпоху. Действительно, не столь важно выработать дефиниции цифровых объектов и не так принципиально, к какому виду имущества из ныне определенных законодателем относится цифровой объект, следует оставить попытки хоть как-то вписать новые цифровые объекты в существующую традиционную систему объектов гражданских прав. Гораздо важнее сформировать специальные нормативно-правовые положения, позволяющие эффективно осуществлять и защищать права на эти digital-объекты, учитывая их функциональные признаки и роль, которую они играют в гражданском обороте.

По отношению к цифровым объектам права становится нецелесообразно придерживаться строгой классической системы категорий, любые жесткие законодательно установленные системы понятий и категорий цифрового мира станут препятствием для формирования эффективных механизмов осуществления и защиты гражданских прав. Так, сейчас наблюдается размывание категории «вещь» в праве. Да и сам перечень объектов гражданского права не способствует

формированию эффективных механизмов правового регулирования новых общественных отношений [8. С. 140–141].

Право, регулирующее отношения по поводу цифровых объектов, будет представлять собой качественно иную систему, основанную не на комплексе классических определений. Системообразующими станут не категории, понятия и правила регулирования, а функциональные признаки объектов и механизмы правового регулирования отношений с использованием этих объектов.

Нормы, связанные с digital-средой, будут лишены привычной централизованной структуры: общей и особенной части в классическом понимании. Целесообразно формировать в сфере цифровизации комплексы специальных норм, регулирующих типичные виды отношений по поводу сходных объектов. Структура этого права, подобно сотам, будет состоять из конкретных механизмов правового регулирования по принципам функционального сходства объекта и целесообразности использования того или иного механизма правового регулирования. Будет ли назван этот раздел законодательства назван «Цифровое право» или как-либо еще, не меняет сути. Совершенно очевидно, что необходим иной законодательный подход, построенный на принципиально иных системообразующих принципах, рассчитанный на профессиональное юридическое мышление.

Список источников

1. Синюков В.Н. Право XXI века: алгоритмы в действии или осмысленная нормативность : доклад // Методологический семинар. 12 апреля 2023 г. Москва, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
2. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля» № 270838–8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8> (дата обращения: 10.04.2023).
3. Концепция цифрового рубля // Банк России. Апрель 2021. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 10.04.2023).
4. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : в 5 т. М. : Проспект, 2021. Т. 1.
5. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций // Банк России. Октябрь 2020. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 10.04.2023).
6. Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Цивилист*. 2022. № 4. С. 6–15.
7. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.05.2022) (ред. от 30.12.2021) // *Собрание законодательства РФ*. 15.07.2002. № 28. Ст. 2790.
8. Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Гонгало Б.М. Избранное : в 5 т. Т. 3 : *Гражданское право*. М. : Статут, 2021.
9. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // *Собрание законодательства РФ*. 04.07.2011. № 27. Ст. 3872.

References

1. Sinyukov, V.N. (2023) [Law of the 21st century: algorithms in action or meaningful normativity]. *Filosofskie besedy o prave* [Philosophical Discourses on Law]. Proceedings of the Methodological Seminar. 12 April 2023. Moscow: Kutafin Moscow State Law University. (In Russian).
2. Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti [Legislative Support System]. (2022) *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Digital Ruble. Draft Federal Law No. 270838–8*. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8>. (Accessed: 10.04.2023). (In Russian).
3. Bank Rossii. (2021) Kontseptsiya tsifrovogo rublya [The concept of the digital ruble]. *Bank Rossii*. April. [Online] Available from: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf. (Accessed: 10.04.2023).
4. Vasilevskaya, L.Yu., Poduzova, E.B. & Tasalov, F.A. (2021) *Tsifrovizatsiya grazhdanskogo oborota: problemy i tendentsii razvitiya (tsivilisticheskoe issledovanie)* [Digitalization of Civil Circulation: Problems and development trends (civilistic research)]. Vol. 1. Moscow: Prospekt.
5. Bank Rossii. (2020) Tsifrovoy rubl'. Doklad dlya obshchestvennykh konsul'tatsiy [Digital ruble. Report for public consultations]. *Bank Rossii*. October. [Online] Available from: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf. (Accessed: 10.04.2023).
6. Efimova, L.G. (2022) O pravovoy prirode beznalichnykh deneg, tsifrovoy valyuty i tsifrovogo rublya [On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble]. *Tsivist*. 4. pp. 6–15.
7. Russian Federation. (2002) *Federal'nyy zakon ot 10.07.2002 № 86-FZ "O Tsentral'nom banke Rossiyskoy Federatsii (Banke Rossii)" (s izm. i dop., vstup. v silu s 29.05.2022) (red. ot 30.12.2021)* [On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia). Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002 (as amended and supplemented, effective from May 29, 2022) (as amended on December 30, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 15th July. 28. Art. 2790.

8. Gongalo, B.M. & Novoselova, L.A. (2021) Est' li mesto "tsifrovym pravam" v sisteme ob"ektov grazhdanskogo prava [Is there a place for "digital rights" in the system of objects of civil law]. In: Gongalo, B.M. *Izbrannoe* [Selected works]. Vol. 3. Moscow: Statut.
9. Russian Federation. (2011) Federal'nyy zakon ot 27.06.2011 № 161-FZ "O natsional'noy platezhnoy sisteme" [On the National Payment System. Federal Law No. 161-FZ of June 27, 2011]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 4th July. 27. Art. 3872.

Информация об авторе:

Вавилин Е.В. — д-р юрид. наук, зав. кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: evavilin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Vavilin, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Civil Law, Moscow, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: evavilin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.04.2023;
одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 24.04.2023;
approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 34.01
doi: 10.17223/15617793/489/21

Формирование профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов в условиях цифровизации

Мария Владимировна Васильева¹, Владимир Митрофанович Сапогов²

^{1,2} Псковский государственный университет, Псков, Россия
¹ solndolina@yandex.ru
² dikbul@yandex.ru

Аннотация. На основе авторских подходов к пониманию сущности профессионального правового сознания должностных лиц таможенных органов и его развития в условиях цифровизации общественных отношений рассматриваются актуальные проблемы структуры, состояния и развития профессионального правового сознания должностных лиц таможенных органов, анализируется влияние цифровых компетенций на уровень профессионального правосознания.

Ключевые слова: профессиональное правосознание, должностные лица таможенных органов, деформация профессионального правосознания, цифровизация

Для цитирования: Васильева М.В., Сапогов В.М. Формирование профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 207–216. doi: 10.17223/15617793/489/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/21

Formation of professional legal knowledge of customs officials in the context of digitalization

Mariya V. Vasilyeva¹, Vladimir M. Sapogov²

^{1,2} Pskov State University, Pskov, Russian Federation
¹ solndolina@yandex.ru
² dikbul@yandex.ru

Abstract. The formation of professional legal consciousness in modern society is increasingly influenced by the digital space, where the state management and law enforcement activities are modernized. This cannot but affect the emergence in the near future of essential changes in the state of professional legal consciousness of its carriers, including officials of customs authorities. Such changes include, first of all, a new state of logical-normative, emotional-figurative and behavioral components of professional legal consciousness. They are influenced by the digital world, which creates conditions for the emergence of new states and levels of professional legal consciousness, and this requires a scientific understanding. The thesaurus, which describes changes in the state of professional legal consciousness and the modern legal space, is intensively replenished with concepts borrowed from other sciences. The study aims to determine the essential characteristics of the professional legal consciousness of officials of customs authorities and to identify the peculiarities of its formation in the context of digitalization of public relations. The object of the study is the state and conditions for the development of professional legal consciousness of customs officials under the influence of digitalization processes. The work applied a systematic and integrated approach to the study of the problem from the position of various sciences: jurisprudence, economics, psychology, pedagogy, sociology. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition; general patterns of the emergence, formation and development of legal phenomena; comparative legal and general scientific methods (analysis, synthesis, comparison and generalization). The article, on the basis of the authors' approaches to understanding the essence of professional legal consciousness of customs officials and its development in the context of digitalization of public relations, considers current problems of the structure, state and development of professional legal consciousness of customs officials under the influence of digitalization. The problem of deformation of the professional consciousness of customs officers is touched upon. The authors believe that in the system of legal, organizational and methodological measures that form the basis of legal work, the leading role should belong to professional training of personnel for customs authorities. The need to change educational approaches within the framework of vocational education is justified, involving the formation of digital literacy among future customs professionals, digitalization of knowledge and practical experience, taking into account new technological challenges. The issues of the influence of digital competencies on increasing the level of professional legal consciousness of customs officials are disclosed.

Keywords: professional legal consciousness, customs officials, deformation of professional legal consciousness; digitalization

For citation: Vasilyeva, M.V. & Sapogov, V.M. (2023) Formation of professional legal knowledge of customs officials in the context of digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 207–216. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/21

Профессиональное правовое сознание должностных лиц таможенных органов к настоящему времени изучено не в полной мере. В аспекте исследования правовой культуры работников таможенных органов В.А. Савенков высказывается в пользу определения правового сознания таможенников как «особого», требующего «понимания высокой степени общественной значимости внешнеэкономической деятельности по защите экономических интересов российского государства», сформированных морально-волевых, профессиональных и деловых качеств работников таможенных органов [1. С. 12].

Обозначая актуальность проблем «модернизации правовой таможенной культуры», В.К. Королев делает акцент на необходимости организации системной работы по предотвращению деформаций правосознания работников таможенных органов [2. С. 34], В.М. Шаля увязывает возникновение таких деформаций «с утратой основных аксиологических ориентаций» [3. С. 9].

На наш взгляд, помимо указанных проблемных вопросов нуждаются в более глубоком изучении сущностные аспекты структуры и содержания профессионального правового сознания должностных лиц таможенных органов, факторы и условия его формирования и искажения, в том числе в условиях цифровизации.

Профессиональное правосознание мы рассматриваем в широком смысле как к одну из форм общественного сознания, свойственного отдельно взятой социально-профессиональной группе, представителям любой профессии, деятельность которых имеет общность нормативно-правового регулирования в профессиональной сфере.

Правосознанию социально-профессиональной группы свойственны специальные компетенции, благодаря которым ее представители целенаправленно используют правовые знания, умения и навыки в своей профессиональной практической деятельности.

Обращая внимание на детерминанты профессионального правосознания, О.В. Красножон отмечает, что «постоянное участие человека в какой-либо деятельности накладывает свой отпечаток на его отношение к закону» [4. С. 66].

Правовое сознание должностных лиц таможенных органов как разновидность профессионального правосознания можно охарактеризовать как:

- одну из форм группового правосознания, которая характерна для общности государственных служащих, реализующих властные полномочия в таможенно-правовой сфере и наделенных для этого специальной компетенцией;

- системное явление, элементы которого оказывают существенное влияние на выполнение таможенниками специфических задач в сфере правового регулирования таможенных отношений;

- теоретический уровень правосознания (по уровню отражения права), его содержанием выступает научно обоснованная система правовых знаний, а также совокупность специальных познаний в области таможенного дела;

- неотъемлемую составную часть профессиональной культуры должностных лиц таможенных органов;

- основу для решения текущих и стратегических задач во внешнеэкономической деятельности во благо российского общества и государства (при высоком уровне развития, характеризующимся устойчивостью и положительным отношением к праву);

- своеобразную «трансформацию совокупности правовых предписаний в юридическое мышление уполномоченных субъектов, которым на практике обеспечивается переход от юридической нормы действующего законодательства к юридическому акту правоприменительной практики» [5. С. 25].

Выделение элементов структуры профессионального правового сознания в современных юридических исследованиях является дискуссионным. Анализируя составляющие профессионального правосознания, исследователи опираются как на традиционную модель, в рамках которой выделяются правовая идеология и психология, так и на системный подход, на основе которого выделяют познавательный, оценочный и волевой компоненты структуры профессионального правосознания.

Выделение элементов структуры профессионального правового сознания должностных лиц таможенных органов считаем возможным и на основе принципа единства сознания и деятельности, который учитывает уровни психологической структуры личности, мотивацию деятельности и функциональную характеристику правового сознания: сфера направленности (компоненты: логико-нормативный, эмоционально-образный, принципиально-волевой); сфера опыта (правового); сфера мотивации (уровень позитивной и негативной мотивации поведения в сфере права) [6. С. 114–121].

В отличие от других видов правосознания профессиональное в большей степени связано с профессиональной компетентностью, накопленной его носителем в процессе своей профессиональной деятельности. В этой связи считаем ведущим компонентом профессионального правового сознания должностных лиц таможенных органов логико-нормативный.

Так как в основе деятельности таможенных органов лежат правовые предписания, по нашему мнению, в числе главных элементов логико-нормативного компонента необходимо выделить специализированные правовые знания, представляющие собой совокупность профессионально ориентированных понятий, категорий и норм из области права и государственного управления, используемых должностными

лицами таможенных органов в ходе исполнения своих профессиональных обязанностей.

Должностные лица таможенных органов должны обладать определенным багажом правовых знаний в сфере правового регулирования таможенного дела. Эти знания должны быть глубокими, системными, осознанными. Объем и содержание правовых знаний должны оцениваться на предмет полноты и необходимости расширения. Характеристику правового сознания должностных лиц таможенных органов дает их отношение к праву и глубина убежденности в необходимости его соблюдения на основе усвоенных правовых идей и принципов.

Немаловажным компонентом профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов является принципиально-волевой, предполагающий наличие умений использовать различные правовые средства, навыков применения на практике знаний норм права, потребности следовать в своей деятельности правовым принципам.

Кроме того, являясь государственными служащими и обладая властными полномочиями, сотрудники таможенной сферы затрагивают права и законные интересы физических и юридических лиц и выносят ответственные решения, нередко в конфликтных ситуациях, которые оцениваются субъектами правовой жизни общества не только с точки зрения законности, но и с позиций справедливости.

От состояния уровня сформированности эмоционально-образного компонента профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов зависит наличие у них контроля над своими эмоционально-чувственными состояниями и переживаниями, принятие или отрицание права, а следовательно либо соблюдение правовых предписаний, либо их нарушение.

Т.В. Худойкина делает вывод, что характер правового сознания, в частности профессионального, можно измерить и оценить путем установления: «1) степени овладения основными принципами права и выработки убежденности в необходимости соблюдения законов; 2) типа отношения к требованиям конкретных норм права» [7. С. 105].

В ходе проведенного нами исследования состояния профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов были опрошены сотрудники Северо-Западного таможенного управления Федеральной таможенной службы (ФТС) России. Респондентам была предложена электронная анкета, содержащая вопросы о стаже, функционале, базовом образовании, востребованности компетенций таможенника в цифровой среде, восприятии и реализации принципов правовой культуры, поведенческих намерениях в отношении исполнения профессиональных задач.

Респонденты – представители кадровой службы, сферы таможенного контроля, связей с общественностью, разработки и внедрения информационных технологий с различным стажем службы в таможенных органах и имеющие базовое образование по специальности (направлению подготовки) «Таможенное дело», «Юриспруденция», «Экономика».

В блоке вопросов, определяющих уровень влияния цифровизации на выполнение функций должностного лица таможенного органа, были получены следующие результаты:

- среди предложенных для оценки компетенций респонденты указали в порядке убывания востребованности экономические компетенции, правовую грамотность, организаторские компетенции. Цифровая грамотность была определена как самая невостребованная. Только 55% испытуемых считают высоким собственный уровень развития цифровых компетенций, 45% – средним, требующим развития, однако не критичным для исполнения профессиональных задач;

- относительно влияния цифровизации на организацию труда и результаты деятельности таможенного органа 45% опрошенных указали, что требуется развитие навыков работы с цифровыми ресурсами и сервисами, а 22,2% – увеличение востребованности правовых знаний и умений использования юридических электронных ресурсов. Вариант «не оказывает существенного влияния» выбрали 11% испытуемых;

- оценивая статус получения «позитивного» цифрового следа опрашиваемые дифференцировали свое поведение относительно пространства, в котором они проводили определенные действия. Если речь шла о рабочем месте, то точное исполнение регламента для специалистов уже определяет достижение указанного статуса (67% ответов). Этот факт показывает значительный уровень доверия к формируемой регламентами (рамками законодательства) модели рабочего поведения. По вопросу относительно поведения во «вне рабочем пространстве» 45% считают, что в случае использования платформ или электронных услуг в личных целях не стоит «задумываться о позитивном цифровом следе, так как применение цифровых инструментов не связано с рабочими целями и задачами». На наш взгляд, данные ответы свидетельствуют о непонимании испытуемыми требований п. 12 Кодекса этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов и этической незрелости, что потенциально может привести к проблемам в профессиональной деятельности и даже к дисциплинарной ответственности;

- на вопрос, какими должны быть наказания за правонарушения в цифровом пространстве, 56% опрошенных полагают, что должно соблюдаться «равенство» наказания (независимо от среды, в котором его совершили), а 11% считают, что оно должно быть более суровым. Кроме того, ответы на вопрос «есть ли различия в понимании права и правового регулирования в виртуальном информационном пространстве и в обычном формате» поддерживают ранее указанное мнение о равенстве и балансе рассматриваемых правовых явлений: 45% отмечают полноценное равенство понятий, 45% определяют, что «возможно сопряжение (сочетание) правил регулирования виртуальных и реальных отношений».

Из ответов на вопросы о степени овладения основными принципами права и наличия убежденности в необходимости соблюдения законов, в том числе в области таможенного дела, удалось составить следую-

щую общую характеристику таможенника, «правового профиля» должностного лица таможенных органов.

На вопрос, позволяющий оценить стиль управления начальника таможенного органа, 56% респондентов ответили, что он должен «беспрекословно выполнять требования таможенного законодательства и требовать этого от подчиненных» (видим, что импонирует жесткий авторитарный стиль и приверженность к высокой правовой культуре»). 22% склоняются к мнению, что «руководитель должен поступать по совести». Это, на наш взгляд, проблемный момент. Структура ФТС России выстроена иерархически, с опорой на четкое исполнение регламентов, поэтому предложение «по совести» скорее можно использовать при формировании и укреплении неформальных связей и при улучшении морально-психологического климата в коллективе, но не при исполнении непосредственных должностных обязанностей. Это, как представляется, может стать потенциальным источником возникновения коррупционных схем.

Относительно понимания значимости правовых знаний (правовой компетенции) для должностных лиц таможенных органов испытуемые подтвердили, что их роль очень велика. Вариант ответа «Я изучаю (анализирую) профессионально значимую правовую информацию ежедневно» выбрали 78%. В ответе на вопрос «На таможенной службе наиболее важно, чтобы сотрудник...» 55% указали, что таможенник должен быть компетентным специалистом своего дела и 45% определили правильность его профессионального поведения через выбор ответа: «соблюдение требований закона и правовых актов всеми окружающими (включая начальство)».

Представляют интерес ответы на вопрос «Законы создаются, чтобы...». 44% испытуемых согласились с вариантом «защитить право каждого человека», а 22% ответили «народ подчинялся властям», что указывает на некоторую искаженность сущностного понимания закона как источника права.

Анализ ответов на вопросы об определении намерений должностных лиц таможенных органов относительно соблюдения правовых норм на практике выявил следующее. По мнению 88% опрошенных доверие к сотрудникам таможенных органов обеспечивается «компетентностью, профессиональной квалификацией», 12% считают, что «нравственными качествами, отношением к людям на службе». Ответы «патриотизмом», «верностью начальнику, государству» никто не выбрал.

На вопрос «Готовы ли вы пойти на нарушение таможенных правил в ситуации крайней необходимости» 88% опрошенных ответили, что ни при каких обстоятельствах не видят оснований нарушать законодательство.

В ответе на вопрос «Можно ли оправдать самосуд, если виновный остался безнаказанным» 78% поддержали «законопослушную модель» ответом «нет».

По ответам на вопрос «Когда лицо скрывает свои доходы, чтобы не платить таможенные платежи – это так же плохо, как похищать денежные средства от государства?» можно судить о неполном понимании

опрошенными источников возникновения коррупционных рисков (55% ответили утвердительно). Здесь стоит задуматься о достаточности антикоррупционного просвещения не только в формате рассмотрения самой коррупции как явления, но и с позиции ответственности за нарушение как этических, так и сугубо правовых (антикоррупционных) норм.

На вопрос «Я могу нарушить предписания таможенного законодательства» 78% опрошенных ответили «не смогу нарушить ни при каких условиях», 22% указали «если меня принудят (под угрозой расправы и т.п.)» и по 11% – «ради благосостояния моих близких» и «чтобы наказать нарушителя таможенных правил, если нет другого способа». Последний ответ указывает на некоторые искажения принципиально-волевого компонента сферы направленности профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов.

На вопрос о важных ценностях для человека большинство опрошенных выбрали ответы «законы и правовые нормы» и «справедливость, награда и возмездие по заслугам». Это соответствует балансу «человеческого отношения в коллективе» и соблюдению правовых норм (тот самый идеальный баланс в модели поведения профессионала-таможенника).

В ходе исследования подтверждено влияние цифровизации на формирование модели профессионального правосознания должностного лица таможенных органов. Отмечена высокая потребность в расширении и углублении знаний в области экономики и права вследствие усложнения решаемых профессиональных задач, связанное с этой потребностью собственно понимание важности уровня цифровых компетенций, позитивное восприятие цифрового следа, что в дальнейшем способствует формированию эффективной (этичной) модели профессионального поведения. Большинство опрошенных определяют равенство требований к исполнению профессиональных задач как в цифровой среде, так и в традиционном формате.

Профессиональное правосознание должностных лиц таможенных органов формируется под влиянием комплекса разнообразных факторов. О.В. Пересадына считает, что это «...явления общественной жизни, оказывающие в той или иной форме воздействие на формирование и развитие профессионального правосознания, приводящие к их системному функционированию» [8. С. 56].

Отметим значимые факторы, влияющие на формирование профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов:

- общие субъективные (внутренние): уровень психофизиологического и интеллектуального развития, правового мышления и информированности, отсутствие стереотипов мышления и поведения сотрудника таможенного органа;

- общие объективные (внешние): институциональные (оказывающие социализирующее воздействие), нормативы правового регулирования таможенного дела, информационно-коммуникативные, функциональные, культурно-идеологические;

- специфические, связанные с профессиональным функционалом, в том числе организационно-

управленческие факторы, среди которых наиболее значимые – обеспеченность объема выполняемых задач личным составом (что исключает перегрузки на службе); способы и методы управления, личностные и профессиональные качества руководителей. Сюда же включаются социально-психологические особенности, обусловленные спецификой профессиональной деятельности: шаблоны корпоративного мышления, стереотипы поведения.

Особое внимание следует уделить правам и обязанностям должностных лиц таможенных органов в соответствии с занимаемой должностью, а также правовым принципам и нормам, реализуемым в ходе выполнения профессиональных функций.

С уверенностью можно говорить о том, что существенное значение в формировании профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов имеет их компетенция, обусловленная исполнением властных полномочий в сфере таможенного дела и уровень сформированной профессиональной компетентности. Имеется и обратная зависимость, на которую обратил внимание С.М. Камилов. Она заключается в том, что правосознание субъекта профессиональной деятельности оказывает существенное влияние на развитие его профессиональных качеств. Данное обстоятельство следует признать важным в вопросе совершенствования и повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников таможенных органов, а также преодоления деформации их профессионального правосознания [9. С. 62].

Актуальным вопросом является нахождение количественных характеристик для определения уровня профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов для оценки его сформированности и разработки конкретных рекомендаций по повышению его уровня.

Одной из таких характеристик можно считать предложенное В.В. Кожевниковым «количество правонарушений, совершаемых людьми, основная профессиональная обязанность которых соблюдать правопорядок и законность» [10. С. 23].

Как показывают статистические данные последних лет, наблюдается некоторое снижение количества выявленных фактов совершения преступлений в таможенной сфере.

За 9 месяцев 2022 г. [11] в сфере деятельности таможенных органов возбуждено 208 уголовных дел (в 2021 г. – 217 [12], в 2020 г. – 215 [13], в 2019 г. – 362 [14], в 2018 г. – 251 [15]), из них преступлений коррупционной направленности в 2022 г. 167 (в 2021 г. – 148, в 2020 г. – 112, в 2019 г. – 282, в 2018 г. – 173). Из них в отношении должностных лиц таможенных органов в 2022 г. 84 (в 2021 г. – 74, в 2020 г. – 54, в 2019 г. – 159, в 2018 г. – 93). По другим преступлениям, совершенным как должностными лицами таможенных органов, так и иными лицами, в 2022 г. возбуждено 41 уголовное дело (в 2021 г. – 69, в 2020 г. – 103, в 2019 г. – 80, в 2018 г. – 78). По результатам проведенных проверок и выявленных нарушений за 9 месяцев 2022 г. уволено со службы в таможенных органах 5 должностных лиц (в 2021 г. – 8, в 2020 г. –

9, в 2019 г. – 10, в 2018 г. – 12), привлечено к иным мерам дисциплинарной ответственности 2022 г. 300 человек (в 2021 г. – 216, в 2020 г. – 296, в 2019 г. – 445, в 2018 г. – 454). Приведенные данные свидетельствуют о некотором снижении количества совершаемых противоправных деяний и одновременно о стабильно высоком уровне неблагополучия в сфере состояния профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов.

Факты совершения должностными лицами таможенных органов различных противоправных деяний свидетельствуют о том, что должностные обязанности выполняются ими не в соответствии с установленными требованиями, а уровень развития их профессионального правосознания, от которого зависит состояние их профессиональной деятельности, нуждается в повышении.

Не смотря на то, что «профессиональное правосознание характеризуется устойчивостью и положительным отношением к праву» [10. С. 23] следует отметить, что оно может деформироваться под влиянием профессиональной деятельности, а деформированное профессиональное правосознание, в свою очередь, выступает негативным фактором влияния на профессиональную деятельность.

В целях преодоления формирования деформаций профессионального правосознания должностных лиц таможенных органов необходимы мониторинговые исследования процесса и результатов профессиональной деятельности для определения факторов, способствующих развитию дефективного профессионального правосознания, а также эффективно организованная правовоспитательная деятельность, основанная на регулярной аналитической работе над поиском детерминант, влияющих на повышение уровня профессионального правосознания.

Правовое воспитание должностных лиц таможенных органов как одно из направлений профессиональной подготовки в настоящее время осуществляется в целях реализации «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Указом Президента РФ 28.04.2011 № Пр-1168), положений Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и многочисленных принятых в его развитие подзаконных актов Правительства РФ и ФТС России.

Представляется, что правовоспитательные мероприятия должны быть ориентированы на депопуляризацию противозаконных форм социального поведения и криминальных практик в таможенных органах, а результатом их проведения должно стать выполнение каждым должностным лицом таможенных органов требований антикоррупционного законодательства и соблюдение норм антикоррупционного поведения.

В системе мер правового, организационного и методического характера, составляющих основу правовоспитательной работы, на наш взгляд, ведущая роль должна принадлежать профессиональной подготовке кадров для таможенных органов, правовую основу которой составляют приказы ФТС России № 329 от

25.11.2004 «Об утверждении порядка организации профессиональной учебы должностных лиц и работников таможенных органов Российской Федерации» и № 915 от 25.07.2008 «Об утверждении порядка организации дополнительного профессионального образования должностных лиц и работников таможенных органов Российской Федерации», принятых во исполнение Указа Президента РФ № 68 от 21.02.2019 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации».

ФТС России как орган исполнительной власти в области таможенного дела, с одной стороны, должен обеспечивать безопасность, связанную с цепями поставок товаров, перемещении транспортных средств и физических лиц через границу (экспортный, валютный, таможенный, иные виды госконтроля, возложенные на таможенные органы), с другой – содействовать развитию экономики и социальной сферы государства через поддержание доходов (таможенные платежи и налоги), контролю за соблюдением требований к качеству товаров (технические регламенты, сертификация и пр.), реализации политики в области кадров, в том числе непосредственно формируя эффективную среду для «выращивания» настоящих профессионалов, патриотов своего дела, нацеленных на саморазвитие, самоконтроль, лидерство и понимание того факта, что «...соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют смысл и содержание его профессиональной служебной деятельности» [16].

Безусловно, указанные направления могут быть реализованы в рамках таможенной службы при условии, что государство в целом поддерживает политику подготовки и развития государственной службы через:

- совершенствование законодательства в области образовательной, культурной, социальной политики, включение стратегических альтернатив формирования человеческого капитала государства в национальные и федеральные проекты и программы;

- разработку и продвижение идей кодексов этики поведения, устанавливающих единые правила для кадров, задействованных на государственной службе, не только в отдельно взятых профессиональных областях, но и в обществе посредством различных форм просвещения;

- расширение мер справедливой оценки труда профессионалов, поддержание оптимального уровня их мотивации при рациональном использовании стилей управления и распределении обязанностей (чтобы избегать перегрузок как моральных, так и психофизиологических);

- ужесточение ответственности за неисполнение профессионального долга, коррупционные схемы, сомнительные в этическом отношении коммуникации и действия.

Анализируя более детально требования к должностным лицам таможенных органов, обратимся к международному опыту таможенных сообществ, изложенному в общепринятых документах для 180 государств, входящих во Всемирную таможенную организацию (далее ВТамО).

Документы имеют рекомендательный характер и определяют модель поведения таможенника, акцентируя внимание на антикоррупционном и проактивном исполнении обязанностей и функций.

В указанных материалах предложено внедрение в практику принципиальных основ таможенной деятельности, способствующих:

- обеспечению справедливых и ответственных отношений с участниками внешнеэкономической деятельности и иными контролирующими органами (принципы «отношение с частным сектором», «реформа и модернизация»);

- формированию преданности к профессии (принципы «управление кадрами», «мораль и организационная культура»);

- развитию технологий, в том числе и цифровых платформ, определяющих возможность применения высоких стандартов взаимодействия, контроля и самоконтроля в профессиональной среде (принципы «лидерство и поддержка», «прозрачность», «автоматизация»);

- активизации в разработке и принятии комплексного кодекса поведения, устанавливающего единые правила для всего таможенного персонала (принцип «кодекс поведения») [17].

Пересмотренная в 2006 г. «Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур» [18] обязывает таможенную администрацию развивать на практике стандарты, способствующие предсказуемости взаимодействия таможни и иных заинтересованных лиц, максимально использовать информационные технологии в процессах, процедурах и операциях, развивать систему управления рисками как основы управления коммуникациями с добросовестными участниками внешнеэкономической деятельности, расширение технологий скоординированного управления границей через установление партнерских отношений с представителями иных контролирующих органов.

Близкими по содержанию требованиями к организации таможенного дела, моделирующие функционал и квалификационные запросы к должностным лицам, являются «Рамочные стандарты безопасности и упрощения мировой торговли SAFE» [19], в которых предусматривается переход к гармонизированным требованиям по использованию предварительной информации о транспортных потоках (импорт, экспорт, транзит), расширению взаимодействия администраций в правоохранительной деятельности, в том числе обеспечение реализации запросов второй стороны для выявления преступных намерений недобросовестных участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД), а также определяется приоритет информационного и иного взаимодействия с другими контролирующими органами.

Россия последние десятилетия активно внедряла рекомендации ВТамО, тем самым приводя к расширению и облегчению имплементации международных правовых инструментов в российском нормативном поле, что, в свою очередь, потребовало внесения изменений в отдельные нормативные акты, определяю-

щие задачи подготовки кадров, развития инструментов мотивации должностных лиц, коррекции локальных актов ФТС России относительно административных регламентов и, конечно, обновления подходов к разработке и применению служебных кодексов, очерчивающих профессиональную этику.

Анализируя «Кодекс этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов Российской Федерации» (далее Кодекс) [20], следует выделить его отдельные положения и соотнести с рассмотренными выше тезисами относительно формирования профессионального правосознания через воспитание и обучение в профессиональной среде.

Пункт 5 Кодекса определяет место документа в обеспечении решения задач таможенной службы: «...повышение эффективности выполнения должностными лицами таможенных органов своих обязанностей, укрепление авторитета..., доверия граждан к таможенным органам». По сути это прямое указание на связь этики поведения таможенника с результативностью его деятельности. Определяя этику как основу модели поведения, возможно сформировать позитивную мотивацию на исполнение обязанностей должностного лица.

Пункт 6 свидетельствует о повышенной ответственности должностных лиц в отношении знания и соблюдения требований положений Кодекса, так как это является «критерием оценки качества профессиональной служебной деятельности и служебного поведения».

Пункты 10, 12 напрямую связаны как с международным подходом, изложенным в Декларации Совета по таможенному сотрудничеству по надлежащему управлению и борьбе с коррупцией на таможене, принятой в 1993 г. в г. Аруше (Танзания) (далее Арушская декларация), так и с российской нормативной базой о противодействии коррупции. Должностное лицо, обладающее определенным властным ресурсом, должно быть для подчиненных образцом профессионализма, безупречной репутации, его задачи – формировать и поддерживать в коллективе положительный морально-психологический климат, активно противодействовать коррупционно-опасному поведению, быть примером честности, справедливости и беспристрастности для подчиненных.

Пункт 12 Кодекса регламентирует запрет на негативные коммуникации в сети Интернет (например, при неформальном взаимодействии запрещено размещать материалы, наносящие ущерб репутации таможенного органа).

В совокупности содержание Кодекса определяет три позиции модели поведения таможенника:

1) профессионализм – соответственно обучение и самообучение как приоритеты кадровой политики;

2) этика поведения – через формирование норм поведения (честность, ответственность), поддержание авторитета таможенных органов – воспитательный тренд, личностное влияние руководителя как лидера, мотивирующего сотрудника на эффективный труд;

3) оптимальное включение ИТ-навыков для грамотного взаимодействия со всеми заинтересованными лицами, что полностью коррелирует с ранее рассмот-

ренными элементами структуры профессионального правового сознания таможенного специалиста.

Соответственно, эти позиции могут быть рассмотрены в аспектах правового знания, правовой этики, правовой ИТ-коммуникации. Для дальнейшего анализа следует ответить на вопрос, каким образом они реализуются на практике.

Итак, ФТС России последовательно и системно расширяет требования к специалистам в области знания законодательства не только профессионально направленного, но и определяющего круг служебного и профессионального поведения. В качестве примера – усложнение регламента к организации и проведению конкурсов на замещение должности, аттестации, непосредственно контроль исполнения обязанностей руководителем подразделения.

Правовая этика определяет требования к таможенному специалисту в области навыков борьбы с коррупционными схемами через воспитательную и социальную политику (от воспитания «на личном примере» до «общетамженных» мероприятий), ротацию персонала, контроль и самоконтроль личности.

Правовая ИТ-коммуникация определяется через инновационность таможенного администрирования, которую можно рассматривать и как процесс текущего исполнения обязанностей специалистами таможни в рамках полномочий в целях регуляции поведения субъектов ВЭД (цифровой акцент на процедуры, регламенты, функции, деловые практики), и как связующую стратегическую основу всех рассмотренных выше видов деятельности, институт государственного управления, обеспечивающий эффективное функционирование системы управления государством таможенными отношениями с использованием современных цифровых инструментов: от средств контроля (например, механизм прослеживаемости и маркировки) до центров анализа и прогнозирования данных (Центр электронного декларирования, Центр обработки данных, технико-программные комплексы, сопровождающие решение профессиональных задач).

Безусловно, для исполнения должностных обязанностей в указанном ключе от руководства таможенных органов требуется значительное внимание к процессам набора, отбора и распределения кадров. В рамках действующего законодательства набор и отбор кандидатов реализуется через конкурс, положительное решение конкурсной комиссии становится юридическим основанием для назначения лица на должность государственной службы. Отметим, что для прохождения конкурса обязательно проводится психологическое тестирование кандидатов на должность. Штатный психолог организует обследование с использованием полиграфа с целью определить деловые качества личности, выявить потенциальные психологические риски (например, склонность к правонарушениям), оценить уровень потенциальной адаптации в коллективе, к профилю деятельности и пр. По результатам конкурса оцениваются моральные качества кандидата, его профессиональная подготовка, уровень мотивации. Всё это облегчает дальнейшие кадровые решения – более обоснованным становится

не только прием на должность, но и последующая расстановка кадров, делегирование полномочий, развитие карьеры. Если общие требования к проведению кадровой политики определяется федеральным законодательством, то требования к профессиональным знаниям и навыкам служащих таможенных органов устанавливаются приказами ФТС России.

Анализируя рекомендованные ВТамО требования к таможенным специалистам, предложенные мировому профессиональному сообществу в 2006 г. по программе Partnerships in Customs Academic Research and Development (далее PICARD), следует отметить их направленность на формирование компетенций управленческого характера с глубоким погружением в экономику и информационные технологии.

Разработчики программы, обосновывая потребность в новых образовательных продуктах для таможенных органов, утверждали, что современный таможенник – это лицо, управляющее совокупностью общих и прикладных процессов, обладающее не только глубоким знанием таможенного дела, но и имеющее развитое мышление. При этом в каждом из блоков программы (она включает два уровня – «стратегический лидер» и «операционный менеджер») значительное внимание уделяется «требованиям к модели поведения». Детализируя указанный блок как на уровне «стратегического лидера», так и «операционного менеджера», четко прослеживается взаимосвязь с этическими посылами Арушской декларации: абсолютное неприятие коррупционного поведения, эмпатия и открытость ко всем коммуницирующим лицам (основной упор на участников ВЭД), стимулирование коллектива и собственная инициативность для расширения кругозора, ориентация на обучение, обеспечение соблюдения правовых норм в соответствии с мировой практикой.

Сравнивая содержательно компетенции, формируемые в рамках PICARD, и требования образовательного стандарта последнего поколения для подготовки студентов специальности «Таможенное дело», утвержденного приказом Минобрнауки России от 25.11.2020 № 1453 (ред. от 26.11.2020), можно констатировать их сходство в знаниевых экономических компетенциях. Также предполагается формировать понимание и применение системного и критического мышления, развивать нетерпимое отношение к коррупционному поведению через состав универсальных компетенций. Следует обратить внимание и на общекультурные компетенции: использование принципов работы современных информационных технологий для решения задач профессиональной деятельности.

Подготовка специалистов таможенного профиля в Российской Федерации в целом близка к международной практике. Проблемным вопросом может стать подход на уровне конкретного вуза, так как согласно стандарту образовательного учреждения имеет право на определение непосредственно профессиональных компетенций, которые, в свою очередь, должны опираться на профессиональные стандарты по отраслевой специализации. В настоящий момент такие стандарты еще не разработаны, соответственно, задача по фор-

мированию модели профессионального поведения усложняется.

На повестке дня модернизация образовательного процесса по специальности «Таможенное дело» по следующим основным направлениям: адаптация обучения с учетом потребностей таможенных органов и около таможенного бизнеса (сокращение разрыва между теорией и практикой); формирование цифровой грамотности, цифровизация знаний и практического опыта (учет новых технологических вызовов); развитие эмоционального интеллекта и эмпатии обучающихся.

К цифровым компетенциям (digital competencies), которые необходимы на сегодняшний день должностным лицам и работникам таможенных органов, следует отнести:

- способности использования и создания контента при помощи цифровых технологий, включая поиск и обмен информацией, ответы на вопросы, взаимодействие с другими людьми и компьютерное программирование;
- организацию, хранение и извлечение данных, информации и контента в цифровой среде (сбор и разметка данных, инженерия знаний, создание архитектуры);
- использование информационно-коммуникационных технологий для совместной (командной) работы и решения концептуальных, технических и практических проблем;
- владение навыками программирования для решения профессиональных задач;
- визуализацию данных.

Знание и понимание сотрудником таможенных органов процессов трансформации, связанных с цифровой экономикой, предусматривает знание и понимание основных цифровых технологий, в том числе интернета вещей (Internet of thing), аддитивных технологий (Additive Manufacturing), больших данных (Big Data), искусственного интеллекта (Artificial Intelligence), облачных вычислений (Cloud Computing), облачных решений (Cloud Solutions), цифрового производства (Digital Manufacturing) и их применения в сфере таможенного дела.

Обобщая вышеизложенные требования к квалификации таможенных специалистов, организации их рабочих процессов, управлению таможенным делом в целом следует отметить их общие положения:

- 1) нацеленность на результат, заключающийся в эффективном взаимодействии с участниками ВЭД, обеспечивающим поступление таможенных пошлин в бюджет при одновременном росте удовлетворенности всех заинтересованных лиц в связи со снижением «теневых» рынков, развитием сервиса, стабилизации отношений;
- 2) определенность модели поведения, основанной на этике, добросовестности, поддержке репутации таможенника как важного социально-правового института;
- 3) инновационно-информационное развитие таможенных органов – цифровое таможенное администрирование, электронный формат взаимодействия со всеми участниками рынка и органами государственного контроля.

Каким мы можем представить современного «идеального» сотрудника таможенных органов? Это представитель органа исполнительной власти (должностное лицо), имеющий навыки для решения практических юридических вопросов, связанных с таможенным регулированием, с развитым профессиональным правосознанием, препятствующим

возникновению противоправных проявлений на службе и способствующим эффективному выполнению функциональных обязанностей, владеющий навыками и знаниями в сфере новых технологий таможенной деятельности и цифровыми компетенциями, востребованными в области таможенного дела.

Список источников

1. Савенков В.А. Правовая культура российских таможенников: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2016. 24 с.
2. Королев В.К. Правовая культура таможенников: проблемы актуализации // Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 1. С. 28–35.
3. Шаля В.М. Профессиональная правовая культура должностных лиц таможенных органов (на примере Южного таможенного управления) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 32 с.
4. Красножон О.В. Профессиональное правосознание как форма общественного сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 64–68.
5. Чикалов О.В. Профессиональное правосознание: понятие, уровни, структурные элементы // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 23–26.
6. Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М. : Наука, 1986.
7. Худойкина Т.В. Технология оценки и измерения правового сознания // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 104–106.
8. Пересадына О.В. Деятельностные факторы, влияющие на формирование профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 55–60.
9. Камиллов С.М. Профессиональное правосознание работников правоохранительных органов // Закон и право. 2019. № 9. С. 62–63.
10. Кожевников В.В. Проблема профессионального правосознания в правоохранительной сфере // Современное право. 2016. № 1. С. 17–26.
11. Информационные материалы о результатах работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации за 9 месяцев 2022 года // Федеральная таможенная служба. 04.10.2022. URL: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informacziya/rezul-taty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korrupczii/document/360728>
12. Информационные материалы о результатах работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации за 9 месяцев 2021 года // Федеральная таможенная служба. 07.10.2021. URL: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informacziya/rezul-taty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korrupczii/document/306502#:~:text=3a%209%20mesjacev%202021%20года,-%20v%20otnoшени%2067%20vзяткодателей>
13. Информационные материалы о результатах работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации за 9 месяцев 2020 года // Федеральная таможенная служба. 11.06.2021. URL: <https://customs.gov.ru/structure/under-fts/rezul-taty-raboty-podrazdelenij-po-protivodejstviyu-korrupczii/document/290619>
14. Информационные материалы о результатах работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации за 2019 год // Федеральная таможенная служба. 29.01.2020. URL: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informacziya/rezul-taty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korrupczii/document/224184>
15. О результатах работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации за 2018 года // Customs Online. 29.01.2019. URL: <https://customsonline.ru/4914-o-rezultatah-raboty-podrazdeleniy-po-protivodeystviyu-korrupcii-tamozhennyh-organov-rossiyskoy-federacii-za-2018-goda.html>
16. Какие требования к служебному поведению сотрудника таможенного органа? // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/folder/219543/document/290674> (дата обращения: 02.02.2023).
17. Декларация Совета по таможенному сотрудничеству по надлежному управлению и борьбе с коррупцией на таможене // Государственная таможенная служба при Министерстве финансов Кыргызской Республики. URL: <https://customs.kg/YilyulhI-Aрушскаядекларация.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).
18. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершено в Киото 18.05.1973) (в ред. Протокола от 26.06.1999) // СПС КонсультантПлюс.
19. Материалы ВТамО. Рамочные стандарты безопасности и упрощения мировой торговли SAFE. 2021. URL: <https://www.wcoomd.org/~media/50518838DCAD4D4B9600B3E94F37C663> (дата обращения: 02.02.2023).
20. Приказ ФТС России от 30.12.2021 № 1187 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

References

1. Savenkov, V.A. (2016) *Pravovaya kul'tura rossiyskikh tamozhennikov: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Legal culture of Russian customs officers: socio-philosophical analysis]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
2. Korolev, V.K. (2010) *Pravovaya kul'tura tamozhennikov: problemy aktualizatsii* [Legal culture of customs officers: problems of actualization]. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 1. pp. 28–35.
3. Shalya, V.M. (2009) *Professional'naya pravovaya kul'tura dolzhnostnykh lits tamozhennykh organov (na primere Yuzhnogo tamozhennogo upravleniya)* [Professional legal culture of officials of customs authorities (on the example of the Southern Customs Administration)]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
4. Krasnozhen, O.V. (2015) *Professional'noe pravosoznanie kak forma obshchestvennogo soznaniya* [Professional legal consciousness as a form of public consciousness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 4 (68). pp. 64–68.
5. Chikalov, O.V. (2020) *Professional'noe pravosoznanie: ponyatie, urovni, strukturnye elementy* [Professional legal consciousness: concept, levels, structural elements]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 1. pp. 23–26.
6. Levanskiy, V.A. (1986) *Modelirovaniye v sotsial'no-pravovykh issledovaniyakh* [Modeling in Socio-Legal Research]. Moscow: Nauka.
7. Khudoykina, T.V. (2015) *Tekhnologiya otsenki i izmereniya pravovogo soznaniya* [Technology for assessing and measuring legal consciousness]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 21. pp. 104–106.

8. Peresadina, O.V. (2018) Deyatel'nostnye faktory, vliyayushchie na formirovaniye professional'nogo pravosoznaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del [Activity factors influencing the formation of professional legal consciousness of employees of internal affairs bodies]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2. pp. 55–60.
9. Kamilov, S.M. (2019) Professional'noe pravosoznanie rabotnikov pravookhranitel'nykh organov [Professional legal consciousness of law enforcement officers]. *Zakon i pravo*. 9. pp. 62–63.
10. Kozhevnikov, V.V. (2016) Problema professional'nogo pravosoznaniya v pravookhranitel'noy sfere [The problem of professional legal consciousness in the law enforcement sphere]. *Sovremennoye pravo*. 1. pp. 17–26.
11. Federal Customs Service of Russia. (2022) *Informatsionnye materialy o rezul'tatakh raboty podrazdeleniy po protivodeystviyu korruptsii tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii za 9 mesyatsy 2022 goda* [Information materials on the results of the work of anti-corruption units of the customs authorities of the Russian Federation for 9 months of 2022]. [Online] Available from: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korrupcii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informatsiya/rezul-taty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korrupcii/document/360728>.
12. Federal Customs Service of Russia. (2021) *Informatsionnye materialy o rezul'tatakh raboty podrazdeleniy po protivodeystviyu korruptsii tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii za 9 mesyatsy 2021 goda* [Information materials on the results of the work of anti-corruption units of the customs authorities of the Russian Federation for 9 months of 2021]. [Online] Available from: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korrupcii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informatsiya/rezul-taty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korrupcii/document/306502#:~:text=Za%209%20mesyatsy%202021%20goda,-%20v%20otnoshenii%2067%20vzyatkodeley>.
13. Federal Customs Service of Russia. (2021) *Informatsionnye materialy o rezul'tatakh raboty podrazdeleniy po protivodeystviyu korruptsii tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii za 9 mesyatsy 2020 goda* [Information materials on the results of the work of anti-corruption units of the customs authorities of the Russian Federation for 9 months of 2020]. [Online] Available from: <https://customs.gov.ru/structure/underfts/rezul-taty-raboty-podrazdeleniy-po-protivodejstviyu-korrupcii/document/290619>.
14. Federal Customs Service of Russia. (2020) *Informatsionnye materialy o rezul'tatakh raboty podrazdeleniy po protivodeystviyu korruptsii tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii za 2019 god* [Information materials on the results of the work of anti-corruption units of the customs authorities of the Russian Federation for 2019]. [Online] Available from: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korrupcii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informatsiya/rezul-taty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korrupcii/document/224184>.
15. Customs Online. (2019) O rezul'tatakh raboty podrazdeleniy po protivodeystviyu korruptsii tamozhennykh organov Rossiyskoy Federatsii za 2018 goda [On the results of the work of anti-corruption units of the customs authorities of the Russian Federation for 2018]. *Customs Online*. 29th January. [Online] Available from: <https://customsonline.ru/4914-o-rezultatah-raboty-podrazdeleniy-po-protivodeystviyu-korrupcii-tamozhennykh-organov-rossiyskoy-federatsii-za-2018-goda.html>.
16. Federal Customs Service of Russia. (2021) *Kakie trebovaniya k sluzhebному поведению сотру́дника тамо́женного органа?* [What are the requirements for official behavior of a customs officer?]. [Online] Available from: <https://customs.gov.ru/folder/219543/document/290674>. (Accessed: 02.02.2023).
17. State Customs Service under the Ministry of Finance of the Kyrgyz Republic. (n.d.) *Deklaratsiya Soveta po tamozhennomu sotrudnichestvu po nadlezhashchemu upravleniyu i bor'be s korruptsiyey na tamozhne* [Declaration of the council for customs cooperation on good governance and combating corruption at customs]. [Online] Available from: <https://customs.kg/YIlyulhI-Arushskayadeklaratsiya.pdf>. (Accessed: 02.02.2023).
18. Consultant Plus. (1999) *International Convention on the Simplification and Harmonization of Customs Procedures (held in Kyoto on May 18, 1973) (as amended by the Protocol of June 26, 1999)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
19. World Customs Organisation. (2021) *Materialy VTamO. Ramochnye standarty bezopasnosti i uproshcheniya mirovoy trgovli SAFE. 2021* [SAFE Framework of Standards to Secure and Facilitate Global Trade. 2021]. [Online] Available from: <https://www.wcoomd.org/~media/50518838DCAD4D4B9600B3E94F37C663>. (Accessed: 02.02.2023).
20. Consultant Plus. (2021) *On Approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Officials of the Customs Authorities of the Russian Federation. Order of the Federal Customs Service of Russia No. 1187 of December 30, 2021*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

Информация об авторах:

Васильева М.В. – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, финансов и финансового права Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: solndolina@yandex.ru

Сапогов В.М. – канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и теории права Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: dikbul@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Vasilyeva, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: solndolina@yandex.ru

V.M. Sapogov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: dikbul@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.02.2023;
одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 22.02.2023;
approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 341.9
doi: 10.17223/15617793/489/22

Новая концепция управления процессами в сфере внешней трудовой миграции в системе обеспечения криминологической безопасности Российской Федерации

Константин Викторович Корсаков^{1, 2}

¹Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

²Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

^{1, 2}korsakovekb@yandex.ru

Аннотация. Представлены доктринальный контур и практическое содержание новой концепции управления процессами, протекающими в настоящее время в области внешней трудовой миграции в системе обеспечения криминологической безопасности России. Обозначены наиболее распространенные причины и условия преступности внешних трудовых мигрантов. Предлагаются эффективные меры и способы улучшения миграционной ситуации.

Ключевые слова: криминологическая безопасность, внешняя трудовая миграция, миграционная преступность, управленческая модель, профилактика преступного поведения, миграционная политика государства

Источник финансирования: исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00032 (<https://rscf.ru/project/23-28-00032/>) «Внешняя трудовая миграция в современной России: криминологическое-социологическое исследование».

Для цитирования: Корсаков К.В. Новая концепция управления процессами в сфере внешней трудовой миграции в системе обеспечения криминологической безопасности Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 217–225. doi: 10.17223/15617793/489/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/22

A new conception of managing processes in external labor migration to ensure criminological security of the Russian Federation

Konstantin V. Korsakov^{1, 2}

¹Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation

²Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation

^{1, 2}korsakovekb@yandex.ru

Abstract. The article presents the doctrinal outline and practical content of the new concept of managing processes in the field of external labor migration in the system of ensuring criminological security in Russia. The need for its construction and representation is connected with the large scale of uncontrolled illegal external migration to the Russian Federation, which today pose a significant threat to its national interests and criminological security. This material has been prepared using the results of field sociological research conducted by the author and his colleagues in 2023. The most common causes and conditions of criminality of external labor migrants are identified, among which is their dissatisfaction with difficult and dangerous working conditions, low earnings, poor living and eating conditions, lack of social guarantees, etc. The author emphasizes that, for an optimal and effective management of migration processes in modern Russia, it is necessary to closely monitor the volume of external migration, its areas and distribution territories; migrants' employment and labor motivation, their competitiveness in various labor markets; external labor migrants' social, professional and national-religious composition, their adaptation and integration attitudes and relations with the indigenous population, features of intercultural communication. Attention is drawn to the fact that the regulation of migration processes within the framework of the new concept is based not only on the geopolitical interests of our country, its demographic, political and economic conjuncture, but also on due account of the potential and prospects for the development of individual Russian regions, so that its applicable will allow state bodies and public institutions to achieve strategically important goals in compliance with international legal frameworks, principles and standards. The idea of tightening the legal responsibility of employers who use the labor of migrants illegally in Russia at their enterprises, especially for repeated violations of migration legislation, is argued. Effective measures and ways to im-

prove the migration situation in the Russian Federation are proposed, including the conclusion of direct contracts between Russian regions in need of labor and countries of migrants' arrival, the establishment of migration labor exchanges and migration terminals, the development of private partnerships, and the implementation of an organized recruitment of external labor migrants with the necessary qualifications and education in accordance with the current needs of Russian enterprises and organizations.

Keywords: criminological security, external labor migration, migration crime, management model, prevention of criminal behavior, migration policy of state

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00032, <https://rscf.ru/project/23-28-00032/>

For citation: Korsakov, K.V. (2023) A new conception of managing processes in external labor migration to ensure criminological security of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 217–225. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/22

Обеспечение состояния защищенности прав, свобод и базовых интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних криминальных угроз, охватываемого устоявшимся в отечественной криминологии благодаря фундаментальным работам М.М. Бабаева, М.П. Клейменова, И.М. Мацкевича, С.Я. Лебедева и других ученых понятием криминологической безопасности, невозможно без постоянного совершенствования системы обеспечительных средств, форм и путей противодействия и упреждения. Нельзя не согласиться с мнением А.И. Савельева о том, что криминологическая безопасность является самостоятельным видом национальной безопасности, а ее понятие «переносит смысловой акцент с объекта нападения (преступности) на объект защиты (личность, общество и государство)» [1. С. 50]. Эта констатация предполагает глубокое криминологическое изучение явных и скрытых явлений, событий и процессов, заключающих в себе криминогенный потенциал и протекающих внутри самого объекта защиты с целью их декриминализации и нейтрализации содержащихся в них угроз. К числу таких процессов относятся протекающие в настоящее время в области внешней трудовой миграции, которые обратили на себя пристальное внимание не только экспертов-криминологов и социологов, но и вызывают тревогу и озабоченность у многих российских граждан.

Согласно итогам добровольного анонимного анкетирования граждан Российской Федерации из числа местного (коренного, автохтонного) населения (работодателей, работающих, безработных, пенсионеров, учащихся и др.) по поводу их отношения к внешним трудовым мигрантам (всего нами было опрошено 4 897 респондентов в рамках простой случайной выборки по заранее разработанным анкетам), проведенного нами в январе и феврале 2023 г. в четырех российских городах-миллионерах – Екатеринбурге, Казани, Челябинске и Перми, 72,8% респондентов признались в сильной озабоченности пребыванием большого количества трудовых мигрантов и членов их семей на территории данных российских мегаполисов. Среди основных причин этой озабоченности респондентами были названы следующие: «внешние мигранты совершают преступления, нарушают общественный порядок, игнорируют нормы и правила поведения» (53,2%), «из-за внешних трудовых мигрантов в российских городах

растет безработица среди местного населения» (21,4%), «внешние мигранты ввиду плохого знания ими российских традиций и обычаев, русского языка, менталитета и культуры часто вступают в конфликты с представителями местного населения» (18,7%). Интересно, что в ходе анкетирования 2023 г. 7,2% респондентов указали такую причину, как «завоз и распространение внешними мигрантами новых и редких вирусов и инфекционных заболеваний», которая в ходе предыдущих социологических исследований не выделялась.

После окончания сложного периода пандемии новой коронавирусной инфекции, замедлившей темпы и снизившей объемы внешней миграции в Российскую Федерацию, внешняя трудовая миграция в нашу страну вновь стала активной и интенсивной. Во многом этому способствует наблюдаемое в настоящее время разрастание масштабов строительства нового и доступного для широких масс населения жилья в большинстве российских регионов, что напрямую сказывается на местных рынках труда и приводит к росту спроса на гастарбайтеров – иностранных рабочих (в настоящее время именно в сфере строительства задействована самая большая доля внешних трудовых мигрантов – около 55%).

Корреляционная зависимость между миграционным притоком и уровнем преступности в том или ином регионе была убедительно доказана еще в середине прошлого столетия криминологом М.М. Бабаевым [2. С. 86–88]. Большое количество внешних трудовых мигрантов, находящихся в наши дни в России как законно, так и нелегально, оказывает отрицательное влияние на криминогенную обстановку; как показывает текущая следственная практика (нами было изучено 988 уголовных дел, фигурантами в которых выступают внешние мигранты, а также обобщены статистические данные, которыми располагают подразделения органов внутренних дел, ФСБ России и Следственного комитета Российской Федерации), прибывшие в нашу страну иммигранты чаще всего совершают кражи, грабежи, изнасилования, перевозят и сбывают наркотические средства, занимаются подделкой документов, фальшивомонетничеством, вымогательством, дачей взятки, контрабандой, бутлегерством, изготовлением контрафактной и фальсифицированной продукции, а также объединяются в крупные иерархичные криминальные сообщества по национальному, языковому,

религиозному и региональному признакам (в среде говорящих на языках фарси и дари такой принцип объединения называется «махалгарои»). Причинами преступности внешних мигрантов в наши дни чаще всего выступает недовольство тяжелыми и опасными условиями труда, низкой заработной платой, плохими условиями проживания и питания, отсутствием регистрации и минимальных социальных гарантий.

За последнее десятилетие в структуре преступности внешних мигрантов наблюдается тенденция увеличения удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных с применением оружия, а также процент преступных деяний, совершенных иностранными гражданами, которые уже имеют судимость и отбывали наказание на территории Российской Федерации. Данный вид преступности отличает высокий уровень латентности, который во многом обусловлен особенностями взаимоотношений внутри иммигрантских диаспор, общин и этнических анклавов, характеризующихся корпоративностью, коллективизмом, круговой порукой, замкнутостью, сплоченностью. По этой же причине нередко в случае совершения преступления такие общины выдают правоохранительным органам и пострадавшей стороне не истинного виновника, а «удобного» им человека, который берет вину на себя и вследствие самооговора отбывает уголовное наказание за другого члена диаспоры (схожий неправомерный способ разрешения социальных конфликтов с соседями закрепился среди гегов северной части Албании: почти в каждом крупном клане специально содержится человек (как правило, умственно отсталый либо обладающий отклонениями в психике), которого при необходимости объявляют виновным и помещают на место убийцы либо причинителя вреда, дабы оградить от ответственности более востребованного и полезного для общины члена).

Недостаточно контролируемые процессы внешней трудовой миграции угрожают криминологической безопасности нашего государства еще и тем, что они создают региональные ресурсные «платформы» и благоприятную почву для функционирования и распространения сфер влияния не только зарубежных и российских преступных сообществ, но и международных экстремистских и террористических организаций.

Отсутствие необходимой социальной помощи и защиты, хозяйственно-бытовые неурядицы и неустроенность, плохие условия труда трудовых мигрантов (которые зачастую являются тяжелыми, грязными, антисанитарными, плохо оплачиваемыми, небезопасными и откровенно унижающими человеческое достоинство) образуют условия, при которых иностранные рабочие становятся легкой добычей агентов, вербовщиков и эмиссаров экстремистских и террористических формирований [3. С. 4]. Последние как путем личных встреч, так и посредством сети Интернет и современных средств коммуникации без особого труда вовлекают трудовых мигрантов (особенно молодого возраста) в ряды запрещенных в России террористических и экстремистских структур. Также под видом легально пересекающих границу трудовых мигрантов в нашу страну въезжают иностранцы, находящиеся в между-

народном розыске за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности, которые продолжают свою преступную деятельность на российской территории. Такие криминальные перемещения под видом трудовых мигрантов получили распространение не только в нашей стране, но и во многих зарубежных государствах [4. С. 34; 5. С. 82; 6. С. 206; 7. С. 41; 8. С. 9].

Очевидно, что высокая концентрация внешних трудовых мигрантов представляет собой существенный криминогенный фактор, который не только усугубляет криминальную ситуацию, но и способствует росту социальной напряженности, обострению проблемы безработицы на местных рынках труда, возникновению бытовых, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, распространению ксенофобских и мигрантофобских настроений, различных проявлений нетерпимости в современном российском обществе. Недостаточно контролируемые и упорядочиваемые процессы в сфере внешней трудовой миграции оказывают отрицательное влияние не только на криминальную обстановку, но и на текущие экономические, социальные, демографические процессы, в частности, они приводят к разбалансированности национальных хозяйственных структур, образует перекосы в формировании региональных рынков труда, приводят к негативным диспропорциям и перепадам в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации. Как верно отметил С.А. Алтухов, «миграция населения, в том числе незаконная ее разновидность, при относительно высоких темпах роста создает серьезные угрозы национальной безопасности Российской Федерации» [9. С. 145]. Примечательно, что в ряде зарубежных государств незаконная миграция на законодательном уровне отнесена к основным угрозам национальной безопасности наряду с наркотрафиком, международной организованной преступностью, терроризмом и торговлей оружием.

Для нейтрализации таких угроз следует разрабатывать и комплексно применять криминологические, управленческие и юридические меры и средства, направленные на формирование действенных и эффективных механизмов регулирования внешней трудовой миграции, включая дополнение новыми правовыми нормами действующего российского законодательства, регламентирующего отношения в области миграции. Все эти средства и методы, по нашему мнению, должны быть научно обоснованными, взаимосвязанными, взаимодополняемыми и объединенными воедино в новой, современной концепции управления процессами в сфере внешней трудовой миграции. Они должны быть подкреплены не только положениями закона, но и путем целевого программирования: в частности, криминологические меры предупреждения преступности внешних мигрантов предлагается закреплять и отражать в федеральных (включая государственную программу (комплексную программу) Российской Федерации на период 2013–2030 гг. «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», на реализацию которой в 2024 г. планируется выделить из госбюджета

сумму около 1 млрд рублей) и региональных программах борьбы с преступностью.

Предлагаемая новая концепция должна быть универсальной и включать как криминологические, так и социальные, экономические, организационные, административно-управленческие меры, так как внешняя миграция – это тесно связанный с текущей экономической ситуацией многосторонний социально-демографический процесс, затрагивающий важные стороны жизни общества и человека – распределение, воспроизводство и структуру населения – и прямо влияющий не только на экономическое развитие, но и на характер социальных связей в любом обществе. Ее выстраивание предполагает отслеживание и глубокий научный анализ множества факторов (экономических, социально-психологических, демографических, исторических, этнических, политических, экологических и др.), опосредующих уровень, характер, структуру, тенденции, динамику и иные качественно-количественные параметры внешней трудовой миграции. Для эффективного управления миграционными процессами требуется изучать масштабы внешней миграции, ее ареалы и территории распределения, сферы занятости и трудовую мотивацию мигрантов, их конкурентоспособность на различных рынках труда, социально-демографический, квалификационный, профессиональный и национально-религиозный состав внешних трудовых мигрантов, их адаптационно-интеграционные установки и взаимоотношения с коренным населением, особенности межкультурной коммуникации и др.

Важной составляющей данной концепции является информационная: ее практическая реализация предполагает использование большого числа источников информации, включая криминологическую, социологическую и иную статистику, оценки экспертов, итоги переписей населения, данные паспортно-визовых служб (о регистрации по месту пребывания либо жительства, о получении визы или паспорта и т.д.), сведения, получаемые в ходе пограничного контроля, опыт работы общественных и правозащитных организаций, правоохранительных структур и др. Информационный подход также выражается в создании в рамках предлагаемой практической модели постоянно обновляемых информационных банков и компьютерных баз, содержащих данные об иностранных гражданах, находящихся на территории России, о преступности мигрантов, о жертвах преступлений из числа внешних мигрантов, о нарушениях миграционного законодательства, о рассредоточении иностранных работников на территории страны и текущих потребностях в них в различных регионах и т.д.

Интеграционная направленность модели также предполагает внимательное изучение специфики и особенностей социокультурной среды, в которую помещены внешние трудовые мигранты, и накопленный ими так называемый социальный капитал – полученные ими образование и специальная подготовка, уровень их квалификации, мастерства и профессионализма и пр. В условиях современной высокотехнологичной, наукоемкой и инновационной экономики качество, профессиональный и квалификационный уровни трудовых

ресурсов обладают первостепенным значением. Высококвалифицированная рабочая сила в текущий период времени является как залогом индустриального развития, так и признаком конкурентоспособности страны на мировой арене.

В целом новую концепцию управления процессами в сфере внешней трудовой миграции можно назвать казуально-селективной: основывающейся на текущих и долгосрочных интересах и потребностях – экономических, демографических, социальных, геополитических – российского государства, общества и граждан, которые являются взаимообусловленными. Регулирование миграционных процессов в ее доктринальных рамках основывается не только на геополитических интересах страны, демографической, финансовой и экологической конъюнктуре, но и на учете потенциалов и перспектив развития отдельных российских регионов. Ее применение на практике позволит государственным органам и общественным институтам за счет использования интегрированных в нее и концептуально объединенных механизмов и средств при соблюдении международных правовых основ, принципов и стандартов достигать стратегически важные цели. Главная же цель – привлечение в Россию внешних трудовых мигрантов, которые обладают наибольшим потенциалом для экономики страны и социальной сферы, их скорая и успешная адаптация и интеграция в принимающее общество и нейтрализация криминогенных факторов нелегальной миграции. Концепция выстраивается на сугубо демократических началах, исключающих принуждение и диктат: ее основным приоритетом является обеспечение прав человека, в ущерб которым не представляется возможным преследовать как текущие, так и долгосрочные государственные интересы.

Управление миграционными процессами в рамках данной модели ориентировано на формирование благоприятных условий для реализации прав человека на свободу передвижения, выбор места жительства и работы, проведение гибкой, гуманной и либеральной миграционной политики, в том числе посредством усиления мер государственного содействия мигрантам, увеличения спектра безвозмездных государственных и муниципальных услуг в области миграции при сокращении числа правовых запретов, ограничивающих реализацию прав человека. Реализуемые в настоящее время в России рыночные механизмы регулирования экономики также определяют необходимость осуществления управления миграционными процессами на основе обеспечения прав на свободу распоряжения способностями к труду, свободу передвижения и формирования с этой целью системы социально-экономических стимулов.

Гуманистический вектор концепции не означает отказ от применения жестких форм контроля и мер ответственности там, где это по-настоящему необходимо: новая модель предполагает сочетание соблюдения прав мигрантов и других субъектов миграционных отношений с противодействием и резким пресечением любых правонарушений в области миграции. В этом отношении видится верным мнение А.О. Чеха о том,

что «отсутствие жесткости в решении вопросов миграционных процессов может из весьма относительного блага превратиться в беду для Российской Федерации, подобно той, что начинают ощущать на себе страны ЕС и США» [10. С. 146]. Так, например, мы полагаем, что в настоящее время необходимо ужесточение юридической ответственности работодателей, использующих на своих предприятиях труд нелегально находящихся в стране мигрантов, а равно собственников, предоставляющих таким иммигрантам жилые помещения для проживания, особенно за многократные нарушения миграционного законодательства.

В наши дни санкции за привлечение к трудовой деятельности в России иностранного гражданина или апатрида с нарушением содержащихся в законодательстве норм и требований не являются значительными для бизнеса и уступают в плане заложенного в них репрессивного заряда санкциям, установленным в законах многих зарубежных стран. В частности, в США в законе «Об иммиграции и гражданстве» минимальным наказанием для работодателей является штраф от 250 до 2 000 долларов за каждого иностранца, не имеющего разрешение на работу, от 2 000 до 5 000 долларов за каждого нелегального работника при повторном нарушении и от 3 000 до 10 000 долларов в случае многократных нарушений законодательства о найме иностранцев на работу. Часть 1 статьи 18.15 КоАП РФ содержит санкцию в виде «наложения административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до восьмисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок от четырнадцати до девяноста суток», которая видится нам несоответствующей общественной опасности и вредоносности нарушения, что потворствует правонарушающей деятельности в области миграционных процессов в России.

Вместе с тем существенное повышение степени строгости и суровости отечественного миграционного законодательства, как то введение визового режима с государствами ближнего зарубежья, с которыми он на сегодня не установлен, значительное ужесточение законов, регламентирующих правовое положение внешних мигрантов, порядка их въезда и выезда и т.п. видится нам лишним и неоправданным. Как показывает многовековая история применения наказания и иных карательных мер, их резкое, безосновательное ужесточение приводило лишь к обратному эффекту [11. С. 126]. Наоборот, как мы полагаем, следует продолжать уже начатую государством практику снятия излишних административных барьеров, которые создают возможности для коррупции и разного рода криминального посредничества в миграционной сфере. Следует иметь в виду, что противодействию незаконной миграции мешают отнюдь не мигранты, а заинтересованные в этой нелегальной миграции работодатели, чиновники-коррупционеры и организованные преступные сообщества.

Помимо вреда миграционным процессам сложившаяся ныне ситуация, выгодная российским работодателям, наносит ущерб российской экономике: экономя средства и «паразитируя» на эксплуатации поставленных в нищенское и бесправное положение нелегальных мигрантах, извлекая тем самым высокие доходы, работодатели не заинтересованы в повышении уровня технической оснащенности их предприятий, в инновациях, в модернизации и механизации дешевого ручного труда, у них нет стимулов к интенсификации производства и повышению производительности труда, что тормозит развитие экономики в целом. Выгодность и доступность труда нелегальных иностранных рабочих сажает российских работодателей «на иглу» дешевого неквалифицированного труда мигрантов, что не только приводит к стагнации, но и сужает область использования работников из числа россиян. Также такие недобросовестные работодатели существенно экономят на снижении фонда заработной платы и неуплате налогов в бюджет; например, в жилищно-коммунальной сфере, где в наши дни трудится немалое количество нелегальных мигрантов, использование их труда позволяет в четыре раза минимизировать расходы на оплату труда за счет уклонения от налогов¹. Все это укрепляет установку и мотивацию работодателей на использование труда именно нелегальных работников из-за рубежа и, с другой стороны, доказывает идею об ужесточении юридической ответственности отечественных работодателей за правонарушения в области трудовой миграции.

Для повышения уровня ответственности российских работодателей до той степени, которая способна обеспечить их сознательный отказ от массового использования труда нелегальных мигрантов, нами, в частности, предлагается использовать оправдавший себя на практике институт административной преюдиции (по аналогии с введенными законодателем нормами об уголовной ответственности за неоднократную розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции и т.п.). Также возможно повышение ответственности работодателей, использующих иностранных рабочих, за невыполнение с их стороны договорных условий, за несоблюдение полагающихся условий труда и проживания, за отсутствие контроля за сроками пребывания иностранцев в России. Весьма перспективной видится нам идея о создании в России реестра недобросовестных лиц, действующих в сфере внешней трудовой миграции, в который предлагается включить как физических и юридических лиц, которые помогают въехать в нашу страну иностранцам, имеющим проблемы с законом, так и работодателей, использующих нелегальных мигрантов.

Полагаем, что данные меры способны привести к сокращению сектора «теневой занятости» на отечественном рынке труда. В то же время, как верно заметил Т.Я. Хабриева, «целый ряд проблем в сфере миграции путем использования только правовых методов решать нельзя» [12. С. 12]. Именно поэтому в предлагаемой концепции управления процессами в сфере внешней трудовой миграции важное значение придается новым и эффективным социально-экономическим

мерам в решении накопившихся в сфере трудовой миграции проблем и в повышении миграционной привлекательности Российской Федерации в условиях мировой конкуренции за трудовые ресурсы.

В первую очередь эти меры призваны расширить рамки и возможности легального трудоустройства внешних мигрантов и сделать его для них более выгодным и предпочтительным, нежели альтернатива в виде незаконной миграции. Другой важной характеристикой комплекса новых социально-экономических мер является то, что их использование в деле управления миграционными процессами позволит реализовать тот позитивный потенциал, который заложен в самих этих процессах: обеспечит решение демографических вопросов, проблем экономического развития и роста благосостояния жителей, а равно снижение уровня пауперизации, маргинализации и криминализации. В частности, в настоящее время геополитические интересы России находятся под угрозой из-за того, что внутренняя трудовая миграция влечет уменьшение населения в северных и восточных районах нашей страны, на территории которых находятся полезные ископаемые и другие важные ресурсы. Для восполнения недостатка в рабочей силе и привлечения в отдаленные районы с плохими климатическими условиями трудовых мигрантов следует создавать для них соответствующую инфраструктуру и благоприятные социально-экономические условия, которые способны стимулировать их на переезд и обеспечить скорое и необходимое им обустройство на месте. Для этого, как мы считаем, в министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации следовало бы разработать специальную целевую федеральную программу по привлечению в северные труднодоступные и малонаселенные районы страны трудовых мигрантов из-за рубежа.

Сегодня в Российской Федерации существует и другая проблема: почти все потоки внешней трудовой миграции направлены в мегаполисы и крупные, активно развивающиеся российские города с благоприятными условиями для создания новых рабочих мест и высокой заработной платой, что приводит к слишком высокой концентрации внешних мигрантов именно в них, тогда как в провинции и небольших населенных пунктах наблюдаются депопуляция, отток и старение населения, дефицит рабочей силы. Это требует рассредоточения и распределения миграционных каналов и балансировки рынка труда путем использования механизмов равномерного расселения трудовых мигрантов в заранее определяемых местах, создания единой информационной системы о территориях, испытывающих дефицит рабочей силы, и перенаправления потоков внешних трудовых мигрантов в российские регионы с отрицательным миграционным сальдо. Данные меры улучшат обстановку как в последних, так и в перенаселенных мегаполисах и крупных городах России, где избыток и скученность иммигрантов приводят к повышению криминального фона и ухудшению санитарно-эпидемиологической обстановки, создают очаги социальной напряженности в местах их скопления, формируют т.н. анклавные рынки труда, внутри кото-

рых регулярно происходят конфликты между этническими сообществами мигрантов и идет конкурентная борьба за право контроля над наиболее доходными анклавными рынками.

Целенаправленный характер управления процессами в сфере внешней трудовой миграции предполагает привлечение в Российскую Федерацию прежде всего специалистов высокого уровня, профессионалов, признанных мастеров своего дела и высококвалифицированных иностранных работников, заинтересованных в переезде в Россию на постоянное место жительства и в получении российского гражданства. В настоящее время уровень привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа продолжает оставаться недостаточным, в связи с чем его повышение следует отнести к приоритетам и ориентирам миграционной политики. Для таких внешних трудовых мигрантов необходимо создать облегченный порядок и наиболее благоприятные условия прибытия, оформления документов, легализации статуса, трудоустройства и проживания. Государственные органы власти законодательным путем уже предпринимают решительные шаги в данном направлении, однако привлечение этих иностранных специалистов по-прежнему недостаточно упорядочено и регламентировано: прибывая в нашу страну, востребованные зарубежные профессионалы часто не знают, где именно они будут жить и трудиться, не получают мер социально-правовой поддержки, работают не по специальности и пр.

Эффективными, действенными и способными изменить «дизайн» инфраструктуры трудовой миграции средствами управления на этом важном участке видятся заключение прямых договоров между российскими регионами, нуждающимися в рабочей силе, и странам исхода, создание миграционных трудовых бирж и миграционных терминалов, развитие частного партнерства и осуществление организованного набора внешних трудовых мигрантов с необходимой квалификацией и образованием в соответствии с текущими потребностями отечественных предприятий и организаций. Без соответствующих нововведений и изменений вектор российской миграционной политики существенным образом не изменится и внутренний рынок рабочей силы не улучшится, в особенности в секторах и сферах наукоемких технологий, рыночной инфраструктуры и инновационного промышленного производства.

Неквалифицированные и не имеющие необходимого образования рабочие из-за рубежа в крупных городах России часто не могут найти себе работу или трудятся нелегально и не по специальности на плохо оплачиваемых работах, что снижает их мотивацию к честному труду, приводит к нерациональному использованию иммиграционного потенциала, маргинализует сообщество мигрантов. В результате они формируют группу повышенного криминогенного риска, оказываемые помещенными в люмпенизированную и криминальную среду существования. Так, например, отсутствие регистрации и легальной работы лишает их возможности получения бесплатной медицинской помощи, а на платные медицинские услуги средств у них

нет, что толкает их на поиск преступных способов получения денег.

Пренебрежительное отношение и отсутствие толерантности со стороны местного населения (ощущающего со стороны приезжих угрозу ценностям своего уклада жизни и социокультурным традициям) усиливают этот эффект, вызывают со стороны иммигрантов ответную реакцию в виде враждебности и недоверия, приводят к девиантному и правонарушающему поведению. Культурно-психологический фактор, наряду с выделяемыми в работах О.Р. Рузевича и Л.Р. Бобковой обстоятельствами экономического, политического, социального характера [13. С. 95], является одним из ведущих в детерминации преступности внешних мигрантов. Этот фактор, связанный не только с недоброжелательным и негативным поведением со стороны представителей коренного населения, но и не всегда правильной позицией самих иммигрантов, не желающих изучать и знать русский язык, легально и честно трудиться, отдавать детей в российские школы и т.д., порождает явления изоляции и «выключенности» внешних мигрантов из социально-культурной и общественной жизни принимающего общества, что также способствует их криминализации. Другим его последствием является дискриминация трудовых мигрантов в хозяйственно-бытовых вопросах (ее ярким примером являются объявления собственников жилья о сдаче его в наем только русским семьям), превращающая в совокупности с отсутствием мер социальной поддержки трудовых мигрантов в самую незащищенную и уязвимую категорию населения.

Для решения этой важной проблемы новая модель управления миграционными процессами включает в себя обширный блок адаптационно-интеграционных мер и средств, так как противоречивость и многогранность процессов в сфере внешней миграции, исходящая от них социокультурная угроза требуют оперативных управленческих решений и активных действий в данном направлении. Среди них – разработка и практическая реализация многоуровневых (федеральных, региональных, муниципальных) программ, нацеленных на изжитие стереотипов ксенофобии и укрепление в российском обществе идей толерантности и добрососедских отношений с приезжими, создание в каждом регионе России в целях социальной адаптации и интеграции внешних мигрантов специальных учреждений (сервисных служб, бюро, центров) по оказанию им психологической, юридической и социальной помощи, включая оказание консультационных услуг по вопросам трудоустройства и оформления разрешительных документов. В этом плане показателен опыт МЧС России, в структуре которого в 1999 г. был образован Центр экстренной психологической помощи, а при нем создана Интернет-служба экстренной психологической помощи с возможностью интерактивного консультирования и оказания помощи людям, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию. Мы полагаем, что такая психологическая помощь и поддержка должны оказываться и внешним трудовым мигрантам, причем как посредством сети Интернет, так и с помощью «телефонов доверия», работающих круглосуточно.

Однако нам видится оправданной, криминологически обоснованной и вполне готовой к перенесению на российскую почву практика профайлинга и обязательного психологического тестирования иностранных трудовых мигрантов, въезжающих в страну на длительный срок, которая используется в настоящее время в ряде зарубежных государств [14. С. 82–88; 15. С. 617]. С помощью таких процедур специалисты оценивают возможность тестируемых не только совершить преступление, но и стать его жертвой, что впоследствии используется для работы с иммигрантами в специализированных учреждениях, занимающихся их трудоустройством, размещением и адаптацией.

Процесс социальной интеграции, аккультурации и адаптации внешних мигрантов сложен и, как показывают результаты последних эмпирических исследований, занимает несколько лет [16. С. 678; 17. С. 1031–1032; 18. С. 204]. Ему препятствуют такие явления, как негативные стереотипы мышления и мигрантофобия со стороны местного населения, отсутствие у последнего с иммигрантами общности языка, истории, культуры, религии, традиций и пр., геттоизация и анклаватизация мигрантов, недостаток должной поддержки со стороны субъектов управления миграционными процессами. В то же время, по мнению многих исследователей, абсолютное большинство внешних трудовых мигрантов стремится к правопослушному и бесконфликтному поведению, нацелено на получение специального образования в России [19. С. 22] и на интеграцию в принимающий социум [20. С. 49; 21. С. 606].

Для обеспечения и поддержки процесса адаптации и интеграции внешних трудовых мигрантов нами предлагается организовать в каждом субъекте Российской Федерации интеграционные курсы, нацеленные на обучение либо совершенствование владения русским языком; на получение приезжими общей информации о российском обществе: его особенностях, обычаях и традициях, о российском законодательстве, включая нормы, регулирующие миграционные и трудовые правоотношения (включая правила о необходимости регистрации и постановки на миграционный учет); на выработку и закрепление навыков социального общения, необходимых иммигрантам в повседневности. Полагаем, что данная просветительно-образовательная деятельность должна основываться на богатом историческом опыте нашей многонациональной державы, в котором всегда выделялось дружелюбное и благорасположенное отношение к гостям и чужеземцам, особенно нуждающимся в помощи и участии. Ее следует вести в тесном сотрудничестве и диалоге с существующими в Российской Федерации этническими общественными объединениями (национально-культурными автономиями, землячествами и др.), религиозными организациями и диаспорами, так как находясь в составе этнической диаспоры, представители национального меньшинства быстрее адаптируются в новой стране, ощущая себя в привычном им окружении и чувствуя поддержку с его стороны. Эти общности не только выступают посредниками (медиаторами) и защищают своих членов, представителей и соотечественников в моменты различных социальных,

этнических и религиозных конфликтов, но и играют заметно большую роль в общественной интеграции иммигрантов и кросскультурной коммуникации.

В современной России следует проводить миграционную политику (приобретающую в последнее время все более системный характер и общую гуманитарную направленность [22. С. 55]), которая позволяла бы не только обеспечивать криминологическую и экономическую безопасность в целом, но и напрямую влиять на мотивацию поведения внешних трудовых мигрантов и российских работодателей, гарантируя тем самым легализацию, адаптацию и социальную интеграцию прибывших из-за рубежа работников. Предлагаемая каузально-селективная кон-

цепция управления процессами в сфере внешней трудовой миграции направлена на активное взаимодействие всех субъектов миграционных отношений и призвана согласовывать их порой противоречивые интересы посредством научно обоснованных и своевременных решений в процессе достижения требуемых сложившимися реалиями, необходимых нашей стране и удовлетворяющих всех участников миграционных отношений результатов. Эта концепция поможет адекватно оценивать происходящие в области миграции процессы, мобилизовывать существующие социально-экономические ресурсы, использовать оптимальные средства управления миграционными процессами и возводить их на цивилизованный уровень.

Примечание

¹ Проблема неполучения госбюджетом налоговых поступлений вследствие существования «теневого» сектора использования труда мигрантов существует давно и требует своего решения, однако следует обратить внимание на то, что неуплаченные в казну денежные средства попадают не к нелегальным мигрантам и не отправляются ими на родину, а остаются у российских работодателей, а потому не теряются для экономики нашей страны в целом, используются предпринимателями в ее легальном секторе, в том числе и для уплаты налогов.

Список источников

1. Савельев А.И. Криминологическая безопасность как вид национальной безопасности // Вестник Омской юридической академии. 2019. Т. 16, № 1. С. 49–59.
2. Бабаев М.М. Криминологические исследования проблем миграции населения // Советское государство и право. 1968. № 3. С. 86–90.
3. Магомедов Э.Б. Криминологический анализ диверсионно-террористических актов иностранных граждан на территории Республики Дагестан // Закон и право. 2008. № 7. С. 3–7.
4. Zlotnic H. Trends of international migration since 1965, what existing data reveal // International Migration. 1999. № 37. P. 21–61.
5. Palmqvist L. International labor migration and its contribution to economic growth. A case study of labor immigration to Canada. Toronto : Lund University, 2007. 261 p.
6. Marsden L., Tepperman L. The migrant wife: the worst of all worlds // Journal of Business Ethics. 1985. № 4. P. 205–213.
7. Pajo E. International migration, social demotion and imagined advancement. An ethnography of socioglobal mobility. N.Y. : Springer, 2008. 214 p.
8. Tonry M. Crime and Punishment in America // The Handbook of Crime and Punishment. N.Y. : Oxford University Press, 2000. P. 3–27.
9. Алтухов С.А. Проблемы противодействия преступности мигрантов, вызванные событиями на Украине, в Сирии и в Европе // Регулирование миграционных процессов на юге России: политические, юридические и правоохранительные аспекты : сб. материалов Всерос. науч.-теоретической конф. 12 октября 2016 г. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. юрид. ин-та МВД России, 2016. С. 139–146.
10. Чех А.О. Криминологические аспекты преступности мигрантов в России в условиях глобализации // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 145–146.
11. Корсаков К.В. Парадигмальный фон дискурса об абсолютном и утилитарном в уголовном наказании // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 119–132.
12. Хабриева Т.Я. Миграция в России: о модели правового регулирования // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 3–12.
13. Рузевич О.Р., Бобкова Л.Р. Криминологический анализ преступности мигрантов в России // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 2. С. 93–95.
14. Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge : Polity Press, 2004. 152 p.
15. Sandberg S. Black drug dealers in a white welfare state: cannabis dealing and street capital in Norway // British Journal of Criminology. 2008. № 48. P. 604–619.
16. Neto F. Acculturation, adaptation and saudade among Portuguese migrants // Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. 2019. № 153 (7). P. 667–679.
17. Stanciu A., Vauclair C.M. Stereotype accommodation: a socio-cognitive perspective on migrants' cultural adaptation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49, № 7. С. 1027–1047.
18. Прудникова Т.А. Адаптация и интеграция мигрантов в российское общество как фактор предупреждения незаконной миграции // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 203–206.
19. Рындина А.Р. Специальное образование для трудовых мигрантов как фактор их социально-правовой адаптации // Миграционное право. 2009. № 3. С. 22–25.
20. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Преступность мигрантов как объект криминологического исследования // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1. С. 46–50.
21. Sandberg S. Black drug dealers in a white welfare state: cannabis dealing and street capital in Norway // British Journal of Criminology. 2008. № 48. P. 604–619.
22. Самойлов В.Д., Селезнева К.В. О государственной миграционной политике // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 54–57.

References

1. Savel'ev, A.I. (2019) Kriminologicheskaya bezopasnost' kak vid natsional'noy bezopasnosti [Criminological security as a type of national security]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 1 (16). pp. 49–59.
2. Babaev, M.M. (1968) Kriminologicheskie issledovaniya problem migratsii naseleniya [Criminological security as a type of national security]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 86–90.
3. Magomedov, E.B. (2008) Kriminologicheskiy analiz diversionno-terroristicheskikh aktov inostrannykh grazhdan na territorii Respubliki Dagestan [Criminological analysis of sabotage and terrorist acts of foreign citizens on the territory of the Republic of Dagestan]. *Zakon i pravo*. 7. pp. 3–7.

4. Zlotnic, H. (1999) Trends of international migration since 1965, what existing data reveal. *International Migration*. 37. pp. 21–61.
5. Palmqvist, L. (2007) *International Labor Migration and Its Contribution to Economic Growth. A case study of labor immigration to Canada*. Toronto: Lund University.
6. Marsden, L. & Tepperman, L. (1985) The migrant wife: the worst of all worlds. *Journal of Business Ethics*. 4. pp. 205–213.
7. Pajo, E. (2008) *International Migration, Social Demotion and Imagined Advancement. An ethnography of socioglobal mobility*. New York: Springer.
8. Tonry, M. (2000) Crime and punishment in America. In: Tonry, M. *The Handbook of Crime and Punishment*. New York: Oxford University Press. pp. 3–27.
9. Altukhov, S.A. (2016) [Problems of combating crime of migrants caused by events in Ukraine, Syria and Europe]. *Regulirovanie migratsionnykh protsessov na yuge Rossii: politicheskie, yuridicheskie i pravookhranitel'nye aspekty* [Regulation of migration processes in the south of Russia: political, legal and law enforcement aspects]. Proceedings of the All-Russian Conference. Rostov on Don. 12 October 2016. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 139–146. (In Russian).
10. Chekh, A.O. (2016) Kriminologicheskie aspekty prestupnosti migrantov v Rossii v usloviyakh globalizatsii [Criminological aspects of the crime of migrants in Russia in the context of globalization]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1. pp. 145–146.
11. Korsakov, K.V. (2014) Paradigmal'nyy fon diskursa ob absolyutnom i utilitarnom v ugovnom nakazanii [The paradigmatic background of the discourse on the absolute and utilitarian in criminal punishment]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 1 (14). pp. 119–132.
12. Khabrieva, T.Ya. (2006) Migratsiya v Rossii: o modeli pravovogo regulirovaniya [Migration in Russia: on the model of legal regulation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 7. pp. 3–12.
13. Ruzevich, O.R. & Bobkova, L.R. (2015) Kriminologicheskiy analiz prestupnosti migrantov v Rossii [Criminological analysis of the crime of migrants in Russia]. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta*. 2. pp. 93–95.
14. Bauman, Z. (2004) *Wasted lives. Modernity and its outcasts* [Wasted Lives. Modernity and its outcasts]. Cambridge: Polity Press.
15. Sandberg, S. (2008) Black drug dealers in a white welfare state: cannabis dealing and street capital in Norway. *British Journal of Criminology*. 48. pp. 604–619.
16. Neto, F. (2019) Acculturation, adaptation and saudade among Portuguese migrants. *Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*. 153 (7). pp. 667–679.
17. Stanciu, A. & Vaclair, C.M. (2018) Stereotype accommodation: a socio-cognitive perspective on migrants' cultural adaptation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 7 (49). pp. 1027–1047.
18. Prudnikova, T.A. (2016) Adaptatsiya i integratsiya migrantov v rossiyskoe obshchestvo kak faktor preduprezhdeniya nezakonnoy migratsii [Adaptation and integration of migrants into Russian society as a factor in preventing illegal migration]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 1. pp. 203–206.
19. Ryndina, A.R. (2009) Spetsial'noe obrazovanie dlya trudovykh migrantov kak faktor ikh sotsial'no-pravovoy adaptatsii [Special education for labor migrants as a factor in their social and legal adaptation]. *Migratsionnoe pravo*. 3. pp. 22–25.
20. Afanas'eva, O.R. & Goncharova, M.V. (2021) Prestupnost' migrantov kak ob'ekt kriminologicheskogo issledovaniya [Crime of migrants as an object of criminological research]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 1. pp. 46–50.
21. Sandberg, S. (2008) Black drug dealers in a white welfare state: cannabis dealing and street capital in Norway. *British Journal of Criminology*. 48. pp. 604–619.
22. Samoylov, V.D. & Selezneva, K.V. (2020) O gosudarstvennoy migratsionnoy politike [On state migration policy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 8. pp. 54–57.

Информация об авторе:

Корсаков К.В. – канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник управления научных исследований Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия); старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Korsakov, Cand. Sci. (Law), leading research fellow, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russian Federation); senior research fellow, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: korsakovekb@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.03.2023;
одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.

The article was submitted 07.03.2023;
approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.

Научная статья
УДК 347
doi: 10.17223/15617793/489/23

Изменение норм материального права как основание для отмены судебного решения в порядке апелляционного производства

Евгения Викторовна Любимова¹, Марина Геннадьевна Суханова²

^{1, 2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹lubimova.evgenya@gmail.com

²lubimova.evgenya@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются ситуации, когда в период между датой вынесения решения суда и заседанием суда апелляционной инстанции происходит одно из двух событий: 1) отменяется нормативный правовой акт, примененный в деле; 2) принимается новый нормативный правовой акт, регулирующий спорные правоотношения. Указанные ситуации не образуют судебной ошибки, однако в ряде случаев могут повлечь отмену судебного акта.

Ключевые слова: апелляционное производство, основания для отмены судебного решения, судебная ошибка, признание нормативного правового акта недействующим, ретроспективное действие нормы права

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01576, <https://rscf.ru/project/22-28-01576/>.

Для цитирования: Любимова Е.В., Суханова М.Г. Изменение норм материального права как основание для отмены судебного решения в порядке апелляционного производства // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 226–234. doi: 10.17223/15617793/489/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/23

Changes in rules of substantive law as grounds for reversal of a judgment in appeal proceedings

Evgeniya V. Lyubimova¹, Marina G. Sukhanova²

^{1, 2} Perm State University, Perm, Russian Federation

¹lubimova.evgenya@gmail.com

²lubimova.evgenya@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to solve the problem of whether it is possible to reverse a judgment in appeal proceedings if, once a judgment has been delivered, rules of substantive law change. On the one hand, the first-instance court has not made any error in the application and interpretation of law, and, therefore, there are no grounds for reversal of such a judgment; on the other hand, the subject of the appeal is a judgment which has not yet become effective, so, being guided by principles of legality, the court of appeal may adjust the application of law in this case in accordance with the changed legal regulation. The solution to the problem is demonstrated based on judicial practice examples and situations simulated by the authors; the support is built in accordance with the theoretical concept of the legal nature of appeal proceedings. As part of the study, the following two case groups are considered. (1) A regulatory act applying to the case is repealed in the period between the date of delivering a court judgment and the appeal hearing. Such an event may occur at the discretion of the lawmaker, as well as due to court proceedings on repealing a law or holding a law unconstitutional. (2) A new regulatory act regulating contentious relations is adopted in the period between the date of delivering a court judgment and the appeal hearing. Provisions of Article 4 of the Civil Code of the Russian Federation are analyzed in this context. The examples considered are not applicable to a judicial error of the first-instance court; however, legal regulation dynamics may have a significant influence on civil circulation and, in particular, on enforcement of judgments. As a result, the authors arrive at the conclusion that changes in rules of substantive law that occurred after the date of delivering a judgment of the first-instance court will be grounds for reversal of a judgment in appeal proceedings in the following situations: (1) a regulatory act is repealed as of the adoption date; (2) a regulatory act is held unconstitutional; (3) a judgment is unenforceable due to new legal regulation of contentious relations; (4) a regulatory act has retroactive effect.

Keywords: appeal proceedings, grounds for reversal of judgment, judicial error, regulatory act repealing, law retroactive effect

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-01576, <https://rscf.ru/project/22-28-01576/>.

For citation: Lyubimova, E.V. & Sukhanova, M.G. (2023) Changes in rules of substantive law as grounds for reversal of a judgment in appeal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 226–234. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/23

Актуальность избранной темы обусловлена частой изменчивостью нормативно-правовой базы, усложнением общественных отношений во многих сферах жизни и растущей конфликтностью в обществе. Последнее обстоятельство неизбежно повышает количество судебных дел, а высокая динамика законодательства суда усложняет правоприменительную деятельность судебных органов.

В соответствии со ст. 45, 46 Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется защита его прав и свобод, включая судебную защиту [1]. Указанное конституционное положение соотносится с международными обязательствами Российской Федерации, вытекающими из Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 14) [2].

Как отмечается в юридической литературе, наибольшую злободневность в современных условиях приобретает правильный выбор применяемого нормативного акта. Этому есть две причины: первая состоит в постоянном и непрекращающемся изменении законодательства, вторая – в обилии законодательного материала, из которого судья должен безошибочно выбрать ту норму, которая подлежит применению в конкретном случае [3].

В данной статье изложены рассуждения о путях разрешения дилеммы, возникающей перед судом апелляционной инстанции, о возможности (либо необходимости) отмены решения суда в случае изменения применимого материального права. С одной стороны, судом первой инстанции не допущено каких-либо ошибок в применении и толковании закона, а следовательно, отсутствуют основания для отмены такого судебного акта; с другой стороны, объектом обжалования является судебное решение, не вступившее в законную силу (т.е. не обладающее свойствами обязательности, преюдициальности, исполнимости, неопровержимости, исключительности), поэтому на основании принципа законности у суда апелляционной инстанции имеется возможность скорректировать применение права в данном деле в соответствии с изменившимся правовым регулированием.

Фактически заявленная проблема является продолжением вопроса о том, рассматривает ли суд апелляционной инстанции дело повторно или только лишь осуществляет поиск судебной ошибки.

Как верно отмечено Л.А. Тереховой, полное осуществление права на судебную защиту невозможно без права на устранение судебной ошибки. Поэтому заинтересованное лицо может рассчитывать не только на получение решения по делу, но и на возможность его обжалования, и прежде всего на возможность обжалования решения, еще не вступившего в законную силу [3]. Обжалование в апелляционном, кассационном или надзорном порядке имеет своей целью ис-

правление ошибок, допущенных судами при рассмотрении и разрешении дела. Совершение судом ошибок, повлиявших на исход дела прямо или опосредованно, означает, что цели правосудия (прежде всего правильное рассмотрение и разрешение дела) не достигнуты, а право участников процесса на судебную защиту, предполагающее выяснение судом на основе базовых процессуальных гарантий вопроса о том, принадлежит ли обратившемуся в суд лицу спорное право и, соответственно, имеет ли такое лицо право требовать от государства содействия в реализации этого права, оказывается нарушенным [4. С. 43–44].

Однако если исходить из теории о двойственной природе апелляционного производства [5. С. 26–27], то, вероятно, перед доктриной процессуального права возникает задача определить и обосновать момент, по состоянию на который происходит правоприменение при осуществлении правосудия: момент возникновения спорного правоотношения, дата обращения в суд или возбуждения производства по делу, день принятия решения, дата вступления в законную силу итогового судебного акта или иной момент. Представляется, что многообразие материальных правоотношений вряд ли позволит получить универсальный ответ на данный вопрос.

Кроме того, изменение норм материального права в период после вынесения решения и до его вступления в законную силу можно рассмотреть в контексте пределов апелляционного обжалования и полномочий суда апелляционной инстанции. При таком подходе возникает вопрос о возможности (или необходимости) дифференциации полномочий суда апелляционной инстанции в зависимости от изменения правового регулирования спорных правоотношений, произошедших после оглашения резолютивной части решения суда.

В статье рассматриваются две группы случаев:

- 1) в период между датой вынесения решения суда и заседанием суда апелляционной инстанции отменяется нормативный правовой акт, примененный в деле;
- 2) в период между датой вынесения решения суда и заседанием суда апелляционной инстанции принимается новый нормативный правовой акт, регулирующий спорные правоотношения.

Указанные ситуации не относятся к судебным ошибкам, однако могут привести к отмене решения суда в порядке апелляционного производства, поэтому представляют интерес для исследования.

Очевидно, что правовая квалификация спорного правоотношения может быть построена не на одной норме материального права, а на совокупности взаимосвязанных положений закона. В данной статье авторы выстраивают аргументацию, исходя из предположения о том, что отменена норма, прямо предписывающая правило поведения в спорной ситуации; либо принята норма,

однозначно устанавливающая новые права или обязанности для субъектов спора.

I. Будет ли считаться существенным обстоятельство, когда судом применен нормативный акт, который действовал на момент вынесения решения, но прекратил свое действие на момент рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции, и способно ли указанное событие повлечь отмену решения суда первой инстанции.

Пункт 2 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ [6] (а равно п. 2 ч. 2 ст. 270 АПК РФ [7] и п. 2 ч. 3 ст. 310 КАС РФ [8]) в качестве одного из примеров ошибки суда первой инстанции, подлежащей исправлению на стадии апелляционного обжалования, называет применение закона, не подлежащего применению.

Применение ненадлежащего закона Л.Ф. Лесническая сводит к следующим случаям: неправильная юридическая квалификация взаимоотношений сторон (применение к трудовым отношениям норм гражданского права); нарушение правил действия закона во времени или в пространстве [9. С. 38].

Следовательно, если судом первой инстанции правильно определена применимая норма, то ошибка судом не допущена. Кроме того, в соответствии с положениями части 1 ст. 327.1 ГПК РФ суд апелляционной инстанции рассматривает дело в пределах доводов жалобы. В административном судопроизводстве суд апелляционной инстанции обязан рассмотреть дело в полном объеме и не связан доводами апелляционной жалобы (ст. 308 КАС РФ). Тем не менее в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве предполагается ограничение на представление новых доказательств.

Процессуальный закон обязывает суд апелляционной инстанции оценить представленные доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, и отразить в судебном акте мотивы, по которым он пришел к своим выводам, принял или отклонил доводы лиц, участвующих в деле, со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, исходя из принципов равноправия сторон и состязательности процесса [10].

В таком случае если примененный судом первой инстанции закон будет отменен в период после оглашения резолютивной части решения до момента рассмотрения апелляционной жалобы на это решение, то суд апелляционной инстанции будет рассматривать дело в пределах заявленных в первой инстанции требований, по имеющимся в деле доказательствам, однако в новой правовой реальности. И в таком случае суд апелляционной инстанции не сможет применить утративший силу нормативный акт, но и констатировать факт судебной ошибки представляется неверным, так как ошибки как таковой на момент вынесения обжалуемого решения не было.

С учетом сравнительно небольшого временного отрезка от вынесения решения до рассмотрения спора в апелляционной инстанции, следует выделить несколько

категорий споров, в рамках которых его участники могут столкнуться с обозначенной проблематикой.

II. К таким спорам можно отнести ситуацию, когда к моменту рассмотрения дела в апелляционной инстанции вынесен судебный акт о признании нормативного правового акта, положенного в основу решения суда, недействующим.

Последствия признания нормативного правового акта недействующим подразумевают запрет на его применение к правоотношениям с даты, указанной в решении суда, также запрет на применение подзаконных правовых актов, воспроизводящих содержание оспоренного акта, запрет на повторное принятие акта, аналогичного по содержанию с оспоренным актом (ст. 216 КАС РФ).

Суду апелляционной инстанции требуется установить момент, по состоянию на который применяются нормы материального права в данном деле, и соотнести этот момент с датой, начиная с которой нормативный правовой акт признан недействующим. К примеру, если решением суда признано право или возложена юридическая обязанность, а затем наступила дата, с которой нормативный правовой акт, обосновывающий данное право (обязанность), признан недействующим, то, руководствуясь аналогией закона (ст. 4, 422 ГК РФ), следует вывод об отсутствии оснований для отмены решения суда.

Иной результат произойдет в ситуации, при которой нормативный правовой акт признан недействующим с даты его принятия либо с иной даты, а не с момента вынесения решения суда (т.е. ретроспективно). Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 [11], нормативный правовой акт или его часть могут быть признаны не действующими с того времени, когда они вошли в противоречие с нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу. В случае если оспариваемый акт был принят ранее нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу, он или его часть могут быть признаны не действующими со дня вступления в силу нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу, которому он или его часть стали противоречить. Оспариваемый акт, принятый позднее нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу, которому он или его часть не соответствуют, может быть признан судом не действующим полностью или в части со дня вступления в силу оспариваемого акта. Аналогичные правила применяются Судом по интеллектуальным правам по смыслу ч. 5 ст. 195 АПК РФ.

В таком случае судебные решения, вынесенные за период действия оспоренного правового акта, признанного недействующим с момента его принятия, могут быть отменены судом апелляционной инстанции.

Во избежание существенной неопределенности, возникающей в случае ретроспективной отмены нормативного правового акта, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 сделана оговорка «ес-

ли нормативный правовой акт до принятия решения суда применялся и на основании этого акта были реализованы права граждан и организаций, суд может признать его не действующим полностью или в части со дня вступления решения в законную силу». Сложность лишь в том, что затруднительно отследить факты применения нормативного правового акта, поэтому ситуация ретроспективной отмены нормативного правового акта, на основании которого рассмотрено дело, вполне реалистична.

1.11. Предметом апелляционного обжалования может стать судебный акт, в основу которого положены нормы закона, который после вынесения решения признан не соответствующим Конституции РФ.

Исходя из содержания п. 2 ч. 3 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» [12], решения судов и иных органов, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением Конституционного Суда Российской Федерации неконституционными либо примененных в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении истолкованием, должны быть пересмотрены (а до пересмотра не подлежат исполнению), в том числе в случае, если решение не вступило в силу при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции.

В абзаце 3 п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 08.11.2012 № 25-П [13] отмечается, что если при рассмотрении дела апелляционной или кассационной инстанцией либо в порядке надзора будет установлено, что суд нижестоящей инстанции при вынесении судебного акта либо применил законоположения, которые впоследствии, уже после вынесения этого судебного акта, были признаны Конституционным Судом не соответствующими Конституции, либо применил их в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом, то такие судебные акты, исходя из того, что суды общей юрисдикции, арбитражные суды не вправе оценивать законность и обоснованность решений, принимаемых Конституционным Судом, равно как и не исполнять его решения и содержащиеся в них предписания, подлежат безусловной отмене.

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50, нормативные правовые акты, которые в соответствии со ст. 125 Конституции Российской Федерации могут быть проверены в процедуре конституционного судопроизводства, признаются судом не действующими со дня вступления решения в законную силу. Иными словами, исключается ретроспективное действие постановлений Конституционного Суда РФ.

Такое решение законодателя о безусловной отмене решения суда, не вступившего в законную силу и противоречащего принятой позднее позиции Конституционного Суда, получило положительную оценку в юридической литературе. При этом отмечается, что «при таком подходе отмена судебного решения не затрагивает принцип правовой определенности, ведь у лиц, участвующих в деле, до вступления судебного

акта в силу нет оснований считать этот судебный акт безусловно обязательным и, следовательно, соотносить с ним свое поведение» [4. С. 48].

Получается, разница между ситуацией, когда суд первой инстанции применил норму, впоследствии признанную неконституционной, и ситуацией, когда эта норма была отменена или изменена в порядке обычного нормотворчества, заключается лишь в том, что в первом случае суд должен был при рассмотрении дела обнаружить противоречие конституционным положениям и предпринять соответствующие процессуальные действия во избежание ошибки.

При этом, как отмечается в юридической литературе, осуществление проверки законности (правомерности) нормативного предписания в порядке косвенного нормоконтроля и отказ от применения незаконного нормативного правового акта являются не только правом, но и юридической обязанностью суда, обеспеченной процессуальными санкциями, в том числе в виде отмены вышестоящей судебной инстанцией судебного решения как незаконного в связи с неправильным применением норм материального права (п. 2 ч. 2 ст. 330 ГПК РФ, п. 2 ч. 2 ст. 270 АПК РФ) [14. С. 99].

Во втором случае, когда норма была отменена или изменена в порядке обычного нормотворчества, предвидеть предстоящее изменение закона суд не мог, а даже если на момент рассмотрения дела имелись предпосылки для изменения законодательства (например, рассматривался соответствующий законопроект), то суд в любом случае обязан был руководствоваться действовавшей в момент вынесения решения нормой.

1.111. Следующим случаем, когда перед судом апелляционной инстанции стоит вопрос о законности решения суда первой инстанции при последующем изменении законодательства, является ситуация, когда решение суда первой инстанции не может быть исполнено в связи с внесенными в закон изменениями.

Примером такой ситуации может служить постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2019 г. № 09АП-36326/19 по делу А40-266040/2018 [15], вынесенное о признании незаконным отказа Росреестра в регистрации договора цессии, по которому произведена уступка права требования неустойки и штрафа за нарушение застройщиком сроков, предусмотренных договором долевого участия. Рассматривая спор, суд первой инстанции удовлетворил требования заявителя и признал отказ регистрирующего органа незаконным.

При рассмотрении дела суд апелляционной инстанции констатировал, что суд первой инстанции правильно определил юридически значимые обстоятельства, дал правовую оценку установленным обстоятельствам и постановил законное и обоснованное решение. Однако в постановлении суда указано, что на момент рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции Федеральным законом от 27.06.2019 № 151-ФЗ [16] были внесены изменения в Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в до-

левом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [17]. Согласно новой редакции, в ст. 11 Закона № 214-ФЗ был добавлен п. 5, в соответствии с которым договор уступки прав требования неустойки, штрафа (пени) регистрировать не требуется (ч. 5 ст. 11 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ).

В связи с указанным обстоятельством суд апелляционной инстанции изменил решение суда первой инстанции в части обязания ответчика осуществить государственную регистрацию Договоров цессии.

При этом в обоснование такого решения суд апелляционной инстанции сослался на ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [18], ст. 16, 182 АПК РФ, по смыслу которых судебные решения должны отвечать общеправовому принципу исполнимости судебных актов.

Такой подход суда апелляционной инстанции к сложившейся ситуации представляется обоснованным. Ведь одной из ключевых задач арбитражного судопроизводства является защита нарушенных прав. А вынесение решений, которые не могут быть исполнены, нельзя признать отвечающими поставленной задаче.

I.IV. Рассматриваемая проблема может стать камнем преткновения в суде апелляционной инстанции в ситуации длящегося судебного процесса, состоящего из нескольких обособленных споров. Примером такого процесса является рассмотрение дела о банкротстве, в рамках которого на протяжении длительного периода времени рассматривается множество обособленных споров по отдельным вопросам процедуры несостоятельности.

При этом в ходе одной процедуры банкротства применимое законодательство может претерпевать значительные изменения, затрагивающие такие ключевые вопросы конкурсной процедуры, как очередность удовлетворения требований текущих и реестровых кредиторов, статус отдельных кредиторов деле о банкротстве, особенности процедуры банкротства отдельных категорий должников и др.

Так, согласно положениям пп. «а» п. 1 ст. 4 ФЗ № 151-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [19] из понятия «участник строительства» были исключены слова «юридическое лицо», и, как следствие, в настоящее время под участником строительства понимается исключительно физическое лицо, имеющее к застройщику требование о передаче жилого помещения, требование о передаче машино-места и нежилого помещения или денежное требование, а также Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование, имеющие к застройщику требование о передаче жилого помещения или денежное требование.

Положения указанного закона вступили в силу со дня официального опубликования и начали свое действие с 27.06.2019 г.

В пункте 17 ст. 16 Закона № 151-ФЗ предусмотрен ряд исключений из общего правила об отсутствии у закона обратной силы. Так, согласно указанной норме, ряд положений Закона о банкротстве в редакции Закона № 151-ФЗ применяются в случаях, если произведено по делу о банкротстве застройщика возбуждено до дня вступления в силу данного Федерального закона при условии, что к этому дню не начаты расчеты с кредиторами третьей очереди.

Следовательно, определения суда о включении в реестр требований кредиторов, вынесенные в рамках дел, по которым не начаты расчеты с кредиторами, подлежат изменению по причине нового правового регулирования.

II. Далее анализируется ситуация, при которой перед судом апелляционной инстанции возникает вопрос о необходимости применения в рассматриваемом деле норм материального права, вступивших в силу после даты вынесения обжалуемого судебного решения.

На первый взгляд, потребность в решении указанной проблемы возникает в случае, когда новое правовое регулирование в силу прямого указания в законе имеет ретроспективное действие. Однако учитывая влияние норм материального права на процессуальные правоотношения, проблема не ограничивается лишь обратной силой правового акта.

Сложность решения заявленной ситуации прежде всего предопределяется нормами о действии правовых актов во времени. Исходя из положений ст. 4 ГК РФ [20] следует выделить три ситуации.

II.1. *Акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие.*

Если решением суда создано правоотношение (например, удовлетворено требование о понуждении к заключению договора), то по общему правилу, указанному в ст. 422 ГК РФ, в случае изменения правового регулирования возникшее договорное правоотношение сохраняется, и решение суда в результате апелляционного обжалования не подлежит отмене, как не подлежал бы перезаключению договор, подписанный сторонами до изменения законодательства.

По аналогии можно рассмотреть вариант, при котором стороны заключают мировое соглашение, оно утверждается определением суда и вслед за этим принимается нормативный правовой акт, регулирующий спорные правоотношения. В таком случае определение суда об утверждении мирового соглашения не может быть отменено судом кассационной инстанции по причине соответствия указанной ситуации ст. 422 ГК РФ.

Представляется, что изложенная позиция об отсутствии необходимости в отмене решения суда справедлива как для гражданского, арбитражного, так и для административного судопроизводства. К примеру, при оспаривании нормативного правового акта судом проверяется соответствие объекта

обжалования вышестоящим правовым актам; в случае обнаружения подобного противоречия и при условии нарушения прав истца обжалуемым правовым актом суду следует придти к выводу об удовлетворении исковых требований. Далее может произойти изменение вышестоящих нормативных правовых актов таким образом, который исключает противоречие, описанное в решении суда. Представляет интерес ситуация, когда такая корректировка происходит в период между принятием решения по данному спору и вступлением указанного решения в законную силу [21]. Представляется, что это не может рассматриваться как основание отмены судебного акта, поскольку новое правовое регулирование не имеет ретроспективного действия (по общему правилу).

II. II. *По отношениям, возникшим до введения в действие акта гражданского законодательства, он применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения его в действие.*

В данном случае требуется разделить два момента – дата возникновения правоотношения и дата возникновения права (обязанности). Решением суда может быть установлено право истца или возложена юридическая обязанность на ответчика. Принятие нового нормативного правового акта, регулирующего спорные правоотношения, после вынесения решения суда не создает необходимости в отмене судебного акта, поскольку право (обязанность) было установлено ранее. Представляется допустимым указание в апелляционном определении на то, что изменилось правовое регулирование спорного правоотношения с определенной даты, следовательно, все права и обязанности, возникающие впоследствии, исполняются в соответствии с новым правовым актом.

Указанный случай в контексте рассматриваемого вопроса является детализацией первой ситуации, что позволяет сделать одинаковый вывод. При этом ст. 4 ГК РФ применяется как к договорным правоотношениям, так и обязательствам из причинения вреда.

К примеру, в ходе рассмотрения иска о запрете деятельности в порядке ст. 1065 ГК РФ в суде первой инстанции был установлен факт правомерной деятельности, а также не подтверждена вероятность причинения вреда от такой деятельности. В период после принятого судебного акта и до рассмотрения апелляционной жалобы принят нормативный правовой акт, в силу которого спорная деятельность ответчика стала неправомочной.

С одной стороны, исковое требование о запрете деятельности направлено на будущее, и появившийся правовой запрет позволяет оценить представленные в дело доказательства с новой точки зрения. С другой стороны, у истца возникает право на повторный иск с новым правовым основанием. В данном примере правовой запрет переводит деятельность ответчика из правомерной в неправомочную, но для удовлетворения подобного иска этого недостаточно, также требуется представить доказательства причинения вреда (либо угрозу причинения вреда). Следовательно, вне

зависимости от того, с какого момента установлен правовой запрет (отметим, что в силу приведенной выше правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 17 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022), такой запрет, ухудшающий положение ответчика, не может иметь ретроспективное действие), значимой составляющей предмета доказывания являются факты, свидетельствующие о реальной угрозе причинения вреда, а не только правомерный или неправомочный характер деятельности.

Общая для первого и второго случая ремарка: Законная сила судебного акта подразумевает обязательность, исполнимость, преюдициальность, неопровержимость, исключительность. Свойство законной силы судебного акта в смоделированных примерах (II. I и II. II) появляется после принятия закона, регулирующего спорные правоотношения. В связи с такой последовательностью может возникнуть мысль об отмене решения суда в порядке апелляционного производства и повторном рассмотрении дела. Но повода для отмены решения суда нет, поскольку сам по себе переходный период между датой вынесения решения суда и датой его вступления в законную силу является оправданным как с точки зрения теории гражданского процессуального права, так и с позиции общих положений о порядке вступления в силу законов.

В процессуальных кодексах содержится закрытый перечень оснований отмены постановления суда первой инстанции, среди которых указано неправильное применение норм права, допущенное судом при вынесении решения. Если предположить возможность отмены решения суда в связи с изменившимся правовым регулированием, то становится недостижимой правовая определенность, необходимая для стабильности гражданского оборота.

Согласно общим положениям о порядке вступления в силу нормативных правовых актов, федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания вступают в силу одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении десяти дней после дня их официального опубликования, если самими законами или актами палат не установлен другой порядок вступления их в силу [22].

Таким образом, переходный период при вступлении актов в силу свойствен как судебной, так и законодательной деятельности.

II. III. *Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом.*

Приведенное правило представляет наибольший интерес, поскольку новый нормативный правовой акт, регулирующий спорные правоотношения и принятый в период между датой вынесения решения и заседанием суда апелляционной инстанции, имеет обратную силу.

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 17 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1

(2022), придание нормативному правовому акту обратной силы допускается только в случаях, когда это прямо предусмотрено в самом акте и не ухудшает положение участника гражданского оборота. Придание обратной силы закону – исключительный тип его действия во времени, использование которого относится лишь к прерогативе законодателя, который, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений. Обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые возникают между индивидом и государством в целом, и делается это в интересах индивида [23].

Исходя из указанного описания, можно предположить, что придание обратной силы в большей мере вероятно в сфере регулирования административных и иных публичных правоотношений. Поскольку указанные категории дел рассматриваются в соответствии с положениями КАС РФ и раздела III АПК РФ, постольку проанализируем указанные процессуальные нормы на предмет специальных правил, посвященных определению момента, на который устанавливается содержание норм материального права при рассмотрении дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Согласно ч. 5 ст. 15 КАС РФ, при разрешении административного дела суд применяет нормы материального права, которые действовали на момент возникновения правоотношения с участием административного истца, если из федерального закона не вытекает иное. В АПК РФ отсутствует подобная норма, но предусмотрена аналогия закона.

Следовательно, даже при ретроспективном действии новой правовой нормы необходимо сопоставить начало ее действия и момент возникновения спорного правоотношения с участием истца.

Ситуация принятия нормативного правового акта, имеющего обратную силу, в период после вынесения решения суда и до рассмотрения апелляционной жалобы по существу актуализирует идею о запрете поворота к худшему, которая в науке процессуального права рассматривается во взаимосвязи с пределами апелляционного обжалования. Содержание правила о запрете поворота к худшему состоит в том, что положение стороны, подающей жалобу на решение суда первой инстанции, не должно в результате об-

жалования ухудшиться по сравнению с тем, чего эта сторона добилась в суде первой инстанции. Согласно данной теории, указанное правило должно применяться при соблюдении ряда условий: 1) апелляционная жалоба подана одной стороной; 2) правило применяется только в отношении стороны, подавшей апелляционную жалобу; 3) допустимо изменять правовое основание решения; 4) сохранению данного правила не противоречит отправление дела на новое рассмотрение. Правило обеспечивает защиту частноправового интереса лица, подающего апелляционную жалобу, является гарантией свободы обжалования судебных постановлений, основанной на принципе диспозитивности гражданского процесса [24. С. 212–217].

Указанная идея не получила закрепления в тексте процессуальных кодексов, но возможно представляет научный интерес прочтение теории в контексте ретроспективного действия нормативных правовых актов. К примеру, введение правила о применении норм материального права, действовавших на дату вынесения решения, может выполнять функцию запрета поворота к худшему.

В сфере частноправовых отношений зачастую невозможно определить, ухудшилось ли положение лиц, поскольку субъекты правоотношения обладают разнонаправленным юридическим интересом, при реализации которого ухудшение положения одного лица влечет преимущества для второго и наоборот.

По мнению О.А. Кузнецовой, обратная сила распространяется лишь на существующие в момент появления новой нормы правоотношения [25. С. 97].

Данный критерий также выступает гарантией стабильности вынесенного, но не вступившего в законную силу решения суда, поскольку ограничивает ретроспективное действие.

Подводя итог изложенным примерам и рассуждениям, отметим, что изменение норм материального права, произошедшее после вынесения решения суда первой инстанции, будет основанием для отмены судебного акта в порядке апелляционного производства в следующих случаях: 1) нормативный правовой акт признан недействующим с даты его принятия; 2) нормативный правовой акт признан неконституционным; 3) решение суда неисполнимо по причине установления нового правового регулирования спорных правоотношений; 4) нормативный правовой акт имеет обратную силу.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (дата публикации: 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.03.2023).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
3. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М. : ВолтерсКлувер, 2007. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.03.2023).
4. Ильин А.В. Пересмотр судебных актов на основании постановлений Конституционного Суда России // Закон. 2020. № 12. С. 40–60.
5. Морозова А.С. Полномочия арбитражного апелляционного суда. М. : Юрлитинформ, 2016.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.
9. Лесническая Л.Ф. Основания к отмене обжалованных судебных решений. М., 1962. 134 с.
10. Пункт 49 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 6, июнь.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. 2019. № 6. 15 янв.
12. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.11.2012 № 25-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 79 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов “Транснефтепродукт”» // Собрание законодательства РФ. 26.11.2012. № 48. Ст. 6743.
14. Никитин С.В. Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 88–101.
15. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2019 г. № 09АП-36326/19 по делу А40-266040/2018 // Электронное правосудие. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/61b67cf7-ed29-4476-838b-e604d15364e8> (дата обращения: 19.03.2023).
16. Федеральный закон от 27.06.2019 № 151-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.07.2019. № 26. Ст. 3317.
17. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 40.
18. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.
19. Федеральный закон от 27.06.2019 № 151-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 21.07.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2019. № 26. Ст. 3317.
20. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
21. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 марта 2021 года по делу № 66а-742/2021 // Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции. URL: https://4ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=2821144&case_uid=07bef986-c770-4404-ad86-152aceafc6b&delo_id=42 (дата обращения: 13.03.2023).
22. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. 20.06.1994. № 8. Ст. 801.
23. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 7, 8.
24. Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам : учеб. пособие. М. : Норма; Инфа-М, 2016. С. 212–217.
25. Кузнецова О.А. Обратное действие гражданского закона: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 94–103.

References

1. Russian Federation. (1993) *The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) (publication date: October 6, 2022)*. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru>. (Accessed: 11.03.2023). (In Russian).
2. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (1994) Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh (Prinyat 16.12.1966 Rezolyutsiei 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON) [International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 12.
3. Terekhova, L.A. (2007) *Sistema peresmotra sudebnykh aktov v mekhanizme sudebnoy zashchity* [The System of Revision of Judicial Acts in the Mechanism of Judicial Protection]. Moscow: VoltersKluver.
4. Il'in, A.V. (2020) *Peresmotr sudebnykh aktov na osnovanii postanovleniy Konstitutsionnogo Suda Rossii* [Revision of judicial acts on the basis of decisions of the Constitutional Court of Russia]. *Zakon*. 12. pp. 40–60.
5. Morozova, A.S. (2016) *Polnomochiya arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda* [Powers of the Arbitration Court of Appeal]. Moscow: Yurilitinform.
6. Russian Federation. (2002) *Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 17.02.2023) [Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 (as amended on February 17, 2023)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 18th November. 46. Art. 4532.
7. Russian Federation. (2002) *Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* ot 24.07.2002 № 95-FZ [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 29th July. 30. Art. 3012.
8. Russian Federation. (2015) *Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii* ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 17.02.2023) [Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ of March 8, 2015 (as amended on February 17, 2023)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 9th March. 10. Art. 1391.
9. Lesnitskaya, L.F. (1962) *Osnovaniya k otmene obzhalovannykh sudebnykh resheniy* [Grounds for Annulment of Appealed Judgments]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
10. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2019) *Punkt 49 Obzora sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* № 3 (2018) utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 14.11.2018 [Paragraph 49 of the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2018) approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 14, 2018]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. June. 6.
11. Rossiyskaya gazeta. (2019) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF* ot 25.12.2018 № 50 “O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii normativnykh pravovykh aktov i aktov, soderzhashchikh raz'yasneniya zakonodatel'stva i obladayushchikh normativnymi svoystvami” [On the practice of consideration by courts of cases on contesting regulatory legal acts and acts containing clarifications of the legislation and having regulatory properties. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 50 of December 25, 2018]. *Rossiyskaya gazeta*. 15th January. 6.
12. Russian Federation. (1994) *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon* ot 21.07.1994 № 1-FKZ “O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii” [On the Constitutional Court of the Russian Federation. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of July 21, 1994]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25th July. 13. Art. 1447.

13. Russian Federation. (2012) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 08.11.2012 № 25-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya chasti pervoy stat’i 79 Federal’nogo konstitutsionnogo zakona “O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii” v svyazi s zhaloboy otkrytogo aktsionernogo obshchestva “Aktsionernaya kompaniya truboprovodnogo transporta nefteproduktov “Transnefteprodukt”” [On the case of reviewing the constitutionality of the provision of the first part of Article 79 of the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation” in connection with the complaint of the joint-stock company “Joint-Stock Company for Oil Products Pipeline Transport “Transnefteprodukt”. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P of November 08, 2012]. *Sobranie zakonodatel’sva RF*. 26th November. 48. Art. 6743.
14. Nikitin, S.V. (2014) Kosvennyy sudebnyy normokontrol’: ponyatie i problemy realizatsii [Indirect judicial normative control: the concept and problems of implementation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 88–101.
15. Elektronnoe pravosudie [Digital Justice]. (2019) *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 30 avgusta 2019 g. № 09AP-36326/19 po delu A40-266040/2018* [Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal No. 09AP-36326/19 of August 30, 2019 in case A40-266040/2018]. [Online] Available from: <https://kad.arbitr.ru/Card/61b67cf7-ed29-4476-838b-e604d15364e8>. (Accessed: 19.03.2023).
16. Russian Federation. (2019) Federal’nyy zakon ot 27.06.2019 № 151-FZ “O vnesenii izmeneniy v Federal’nyy zakon “Ob uchastii v dolevom stroitel’stve mnogokvartirnykh domov i inyykh ob’ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmeneniy v nekotorye zakonodatel’nye akty Rossiyskoy Federatsii” i otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossiyskoy Federatsii” [On Amendments to the Federal Law “On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation. Federal Law No. 151-FZ of June 27, 2019]. *Sobranie zakonodatel’sva RF*. 1st July. 26. Art. 3317.
17. Russian Federation. (2005) Federal’nyy zakon ot 30.12.2004 № 214-FZ (red. ot 28.12.2022) “Ob uchastii v dolevom stroitel’stve mnogokvartirnykh domov i inyykh ob’ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmeneniy v nekotorye zakonodatel’nye akty Rossiyskoy Federatsii” [On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate objects and on amendments to some legislative acts of the Russian Federation. Federal Law No. 214-FZ of December 30, 2004 (as amended on December 28, 2022)]. *Sobranie zakonodatel’sva RF*. 3rd January. 1. Pt. 1. Art. 40.
18. Russian Federation. (1997) Federal’nyy konstitutsionnyy zakon ot 31.12.1996 № 1-FKZ “O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii” [On the judicial system of the Russian Federation. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996]. *Sobranie zakonodatel’sva RF*. 6th January. 1. Art. 1.
19. Russian Federation. (2019) Federal’nyy zakon ot 27.06.2019 № 151-FZ (red. ot 30.12.2021, s izm. ot 21.07.2022) “O vnesenii izmeneniy v Federal’nyy zakon “Ob uchastii v dolevom stroitel’stve mnogokvartirnykh domov i inyykh ob’ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmeneniy v nekotorye zakonodatel’nye akty Rossiyskoy Federatsii” i otdel’nye zakonodatel’nye akty Rossiyskoy Federatsii” (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2022) [On Amendments to the Federal Law “On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Making amendments to some legislative acts of the Russian Federation” and certain legislative acts of the Russian Federation (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2022). Federal Law No. 151-FZ of June 27, 2019 (as amended on December 30, 2021, as amended on July 21, 2022)]. *Sobranie zakonodatel’sva RF*. 1st July. 26. Art. 3317.
20. Russian Federation. (1994) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast’ pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 16.04.2022) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on April 16, 2022)]. *Sobranie zakonodatel’sva RF*. 5th December. 32. Art. 3301.
21. Chetvertyy apellyatsionnyy sud obshchey yurisdiksii [Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction]. (2021) *Apellyatsionnoe opredelenie Chetvertogo apellyatsionnogo suda obshchey yurisdiksii ot 16 marta 2021 goda po delu № 66a-742/2021* [Appeal ruling of the Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction of March 16, 2021 in case No. 66a-742/2021]. [Online] Available from: https://4ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2821144&case_uid=07bef986-c770-4404-ad86-152aceafcf6b&delo_id=42. (Accessed: 13.03.2023).
22. Russian Federation. (1994) Federal’nyy zakon ot 14.06.1994 № 5-FZ (red. ot 01.05.2019) “O poryadke opublikovaniya i vstupleniya v silu federal’nykh konstitutsionnykh zakonov, federal’nykh zakonov, aktov palat Federal’nogo Sobraniya” [On the Procedure for Publication and Entry into Force of Federal Constitutional Laws, Federal Laws, Acts of the Chambers of the Federal Assembly. Federal Law No. 5-FZ of June 14, 1994 (as amended on May 1, 2019)]. *Sobranie zakonodatel’sva RF*. 20th June. 8. Art. 801.
23. Byulleten’ Verkhovnogo Suda RF. (2022) Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii № 1 (2022) (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 01.06.2022) [Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2022) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on January 6, 2022)]. *Byulleten’ Verkhovnogo Suda RF*. 7, 8.
24. Borisova, E.A. (2016) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor po grazhdanskim delam* [Appeal, Cassation, Supervision in Civil Cases]. Moscow: Norma; InfA-M. pp. 212–217.
25. Kuznetsova, O.A. (2006) Obratnoe deystvie grazhdanskogo zakona: problemy teorii i praktiki [Reverse effect of civil law: problems of theory and practice]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 8. pp. 94–103.

Информация об авторах:

Любимова Е.В. – канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: lubimova.evgenya@gmail.com

Суханова М.Г. – канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: lubimova.evgenya@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Lyubimova, Cand. Sci. (Law), senior lecturer, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: lubimova.evgenya@gmail.com

M.G. Sukhanova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: lubimova.evgenya@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023;
одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.

The article was submitted 27.03.2023;
approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.

Научная статья
УДК 343.85
doi: 10.17223/15617793/489/24

Преступления против семьи и несовершеннолетних в России: состояние и основные тенденции

Елена Анатольевна Писаревская¹, Марина Андреевна Дворжицкая²

^{1, 2}Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия
¹liorev@mail.ru
²dvorzhickaya91@mail.ru

Аннотация. Анализируются количественные и качественные показатели преступлений, совершаемых против семьи и несовершеннолетних в Российской Федерации. Рассмотрены основные тенденции развития данного вида преступлений, их распределение по федеральным округам Российской Федерации. Несмотря на снижение регистрируемых фактов данных преступлений зафиксировано возрастание их латентности. Это происходит на фоне отсутствия позитивных социально-экономических сдвигов, которые бы способствовали реальному уменьшению количества преступлений этого вида.

Ключевые слова: несовершеннолетние, антиобщественное действие, преступление, вовлечение, семья

Для цитирования: Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А. Преступления против семьи и несовершеннолетних в России: состояние и основные тенденции // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 235–245. doi: 10.17223/15617793/489/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/24

Crimes against the family and minors in Russia: Status and main trends

Elena A. Pisarevskaya¹, Marina A. Dvorzhitskaya²

^{1, 2}North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation
¹liorev@mail.ru
²dvorzhickaya91@mail.ru

Abstract. The protection of the rights of minors is one of the priorities of the domestic policy of our state. The existence of an independent chapter providing for responsibility for crimes against the family and minors is evidence of the presence of criminological features uniting them, subject to mandatory analysis. On the basis of official statistical data, the article aims to assess the current state of crimes against the family and minors in Russia and to identify the main trends in the development of this type of crime. This study is based on the results of the analysis of official statistical data of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The work uses general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, generalization) and special scientific (statistical) research methods. The article analyzes the quantitative and qualitative indicators of crimes committed against the family and minors in the Russian Federation. The authors established that the quantitative indicators of crimes against the family and minors in general in the period from 2017 to 2022 did not actually change. The maximum indicator was recorded both at the beginning of the period in 2017 and at the end of the period in 2022. The most common crime among the crimes included in Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation for our country is non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents. According to the results of the analysis of quantitative indicators of involvement of minors in the commission of criminal and other antisocial actions in the period from 2017 to 2022, multidirectional trends were recorded depending on the type of actions in which a minor is involved. Among the “involving” crimes, the involvement of a minor in the commission of a crime prevailed (Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation), despite the obvious decrease in their absolute and relative indicators. The increase in the latency of these crimes is associated with the increasing latency of crimes committed by minors themselves, as well as with the “escape” into the virtual space of both those involved and those involving in committing criminal and other antisocial actions. The authors note that some norms of the criminal law, presented in Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, need to be revised in order to establish reasons for their actual non-application. During the period under study, the norms of the Criminal Code of the Russian Federation contained in Articles 153, 154, 155, 151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation were not actually applied in law enforcement practice. The spatial distribution of crimes provided for in Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation shows that

these crimes are committed on the territory of all federal districts of our state, the most criminogenic are the Far East-ern, Siberian and Ural Federal Districts. Crimes against the family and minors are predominantly urban.

Keywords: minors, antisocial action, crime, involvement, family

For citation: Pisarevskaya, E.A. & Dvorzhitskaya, M.A. (2023) Crimes against the family and minors in Russia: Status and main trends. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 235–245. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/24

Защита прав несовершеннолетних – это одно из наиболее приоритетных направлений внутренней политики нашего государства, что неоднократно подчеркивал в своих выступлениях президент В.В. Путин [1. С. 40]. Согласимся с тем, что несовершеннолетние обладают особым правовым статусом, это вызывает необходимость их повышенной защиты [2. С. 63]. Явное неблагополучие детей в нашем государстве в конце прошлого столетия – начале нынешнего обусловило принятие значительного количества нормативных правовых актов, направленных на обеспечение и защиту прав несовершеннолетних [3. С. 13]. Защита прав несовершеннолетних, в том числе уголовно-правовыми и криминологическими средствами, является одним из важнейших показателей существования правового государства и гражданского общества. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ определен перечень традиционных ценностей, к числу которых, в частности, относится крепкая семья.

Наличие самостоятельной главы, предусматривающей ответственность за преступления против семьи

и несовершеннолетних, свидетельствует об имеющемся едином родовом объекте этих преступлений [4. С. 41], а также является своеобразным свидетельством наличия объединяющих их криминологических особенностей, подлежащих обязательному анализу.

В настоящее время в гл. 20 Уголовного кодекса РФ включено всего девять статей, однако нельзя не сказать о том, что эта глава подвергалась корректировке со стороны законодателя, которая в некоторой, хотя и незначительной степени привела к изменениям криминологических показателей данных преступлений. Так, за время существования ныне действующего УК в 2003 г. была декриминализована ст. 152, а в 2011 г. в его текст была введена ст. 151.1, в 2017 г. – ст. 151.2. Последние два изменения «расширили» круг посягательств, которые совершаются в отношении несовершеннолетних, хотя существенно не повлияли ни на рост, ни на снижение преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Сведения о состоянии и динамике преступлений против семьи и несовершеннолетних в нашем государстве в период с 2017 по 2022 г., по некоторым преступлениям до 2021 г., приведены нами в табл. 1.

Таблица 1

Состояние и динамика преступлений против семьи и несовершеннолетних в Российской Федерации (2017–2022 гг.)

Вид преступления	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ)	1 734	1 387	1 310	1 245	1 169	1 010
Темп прироста/снижения к предыдущему году, %	–	–20,0	–5,5	–5,0	–6,1	–13,6
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–20,0	–24,5	–28,2	–32,6	–58,2
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ)	269	275	305	309	298	227
Темп прироста/снижения к предыдущему году, %	–	+2,2	+10,9	+1,3	–3,6	–23,8
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	+2,2	+13,4	+14,9	+10,8	–15,6
Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ)	703	697	733	733	794	Нет данных
Темп прироста/снижения к предыдущему году, %	–	–0,9	+5,2	0	+8,3	X
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–0,9	+4,3	+4,3	+12,9	X
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ)	0	1	3	3	5	Нет данных
Темп прироста/снижения к предыдущему году, %	–	0	+200,0	0	+66,7	X
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	0	0	0	0	X

Вид преступления	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Подмена ребенка (ст. 153 УК РФ)	0	0	0	0	0	Нет данных
Темп прироста/снижения к предыдущему году, %	–	0	0	0	0	X
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	0	0	0	0	X
Незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ)	0	0	0	1	0	Нет данных
Темп прироста/снижения к предыдущему году, %	–	0	0	0	0	X
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	0	0	0	0	X
Разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ)	8	2	7	8	4	Нет данных
Темп прироста/снижения к предыдущему году, %	–	–75,0	+250,0	–14,3	–50,0	X
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–75,0	–12,5	0	–50,0	X
Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ)	1 620	1 579	1 491	1 288	1 342	1 102
Темп прироста/снижения к предыдущему году, %	–	–2,5	–5,6	–13,6	+4,2	–17,9
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–2,5	–8,0	–20,5	–17,2	–32,0
Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ)	54 759	52 044	51 516	43 916	55 202	56 055
Темп прироста/снижения к предыдущему году, %	–	–5,0	–1,0	–14,8	+25,7	+1,5
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–5,0	–5,9	–19,8	+0,8	+2,4
Итого по Главе 20 УК РФ	59 093	55 985	55 365	47 503	58 814	59 093
Темп прироста/снижения к предыдущему году, %	–	–5,3	–1,1	–14,2	+23,8	+1,0
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–5,4	–6,3	–19,6	–0,5	0

Проведенный анализ статистической информации показывает, что в период с 2017 по 2022 г. регистрация преступлений, предусмотренных главой 20 УК РФ, не претерпела значительных изменений. Показатели 2017 г. и 2022 г. продемонстрировали удивительное совпадение, составив 59 093 преступления в год, что явилось максимальным значением периода. Минимальный показатель по этим преступлениям был зафиксирован в 2020 г. и составил 47 503 преступления, темп снижения в 2020 г. по отношению к 2017 г. составил –19,6%. Однако уже в 2021 г. преступления против семьи и несовершеннолетних по отношению к 2020 г. возросли +23,8%.

Преступления против несовершеннолетних зачастую демонстрируют прямую корреляционную связь с преступлениями самих несовершеннолетних. Криминологи давно установили, что чем раньше человек совершит преступление, тем больше у него «шансов» стать рецидивистом, а вовлекают несовершеннолетних в совершение преступлений «вчерашние» несовершеннолетние, имеющие за плечами криминальный опыт и «авторитет».

Между тем в п. 1.2 Минимальных стандартных правил ООН 1985 г., касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, отмечено, что государства должны создавать условия для того, чтобы «обеспечить содержательную жизнь подростка

в обществе... в тот период жизни, когда она или он наиболее склонны к неправильному поведению». Со всей очевидностью можно утверждать, что вовлечение несовершеннолетнего в различную противоправную и антиобщественную деятельность в полной мере противоречит достижению указанной цели [2. С. 69]. Соответственно, установление уголовной ответственности в главе 20 Уголовного кодекса РФ за различного рода вовлечения несовершеннолетних в «нехорошую» деятельность является вполне оправданным.

В настоящее время регистрация случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступных или иных антиобщественных действий в нашем государстве демонстрирует разнообразные тенденции в зависимости от вида действий, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний.

Так, в 2017 г. было выявлено 1 734 случая вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, в 2018 г. – 1 387, в 2019 г. – 1 310, в 2020 г. – 1 245, в 2021 г. – 1 169, в 2022 г. – 1 010 [5]. Максимальный показатель был зарегистрирован в 2017 г., минимальный – в 2022 г. Темп снижения по данному виду преступлений в 2022 г. по отношению к 2017 г. составил –58,2%, что свидетельствует о снижении регистрации более чем наполовину.

Анализ абсолютных показателей позволяет утверждать, что вовлечение несовершеннолетнего в совер-

шение антиобщественных действий выявлялось и регистрировалось в разы меньше, чем его вовлечение в совершение преступления. В 2017 г. было выявлено 269 случаев вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, в 2018 г. – 275, в 2019 г. – 305, в 2020 г. – 309, в 2021 г. – 298, в 2022 г. – 227 [5]. Максимальный показатель был зарегистрирован в 2020 г., минимальный – в 2022 г. Темп снижения по данному виду преступлений в 2022 г. по отношению к 2017 г. составил –15,6%, хотя в рамках периода до 2021 г. наблюдалась тенденция роста.

Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции в период с 2017 по 2021 г. демонстрировала тенденцию к увеличению. Так, в 2017 г. было зарегистрировано 703 случая розничной продажи, в 2018 г. – 697, два года подряд (в 2019–2020 гг.) регистрировалось одинаковое количество преступлений – 733, в 2021 г. было зарегистрировано несколько больше преступлений – 794 [5]. Темп прироста по данному виду преступлений в 2021 г. по отношению к 2017 г. составил +12,9%.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, в 2017–2021 гг. фактически не выявлялось и не регистрировалось. Данная статья была введена в Уголовный кодекс РФ в 2017 г. В связи с этим в научной литературе было отмечено, что включение этой статьи в национальное уголовное законодательство России является результатом деятельности по обеспечению защиты несовершеннолетних со стороны международных организаций [2. С. 73]. Однако данная статья стала очередной «мертворожденной» нормой. Так, в 2017 г. данных преступлений вообще не было зарегистрировано, в 2018 г. было зарегистрировано 1 преступление, в 2019–2020 гг. был зарегистрирован одинаковый показатель – 3 преступления в год, в 2021 г. было зарегистрировано 5 подобных преступлений [5]. Темп прироста по данному виду преступлений в 2021 г. по отношению к 2018 г. составил +400,0%, что составляет «очень внушительный» показатель, если исходить из относительного значения, но при этом очевидно, что эта статья Уголовного кодекса РФ фактически не востребована, что, в свою очередь, вызывает вопрос об обоснованности криминализации данного деяния.

Статьи 153–155 УК РФ в нашем государстве фактически не применялись. Подмен ребенка в период с 2017 по 2021 г. вообще не было зарегистрировано. В 2020 г. было зарегистрировано всего одно незаконное усыновление (удочерение). В анализируемый период регистрировалось не более 8 разглашений тайны усыновления (удочерения) в год. Максимальный показатель – 8 преступлений – был зарегистрирован в 2017 и 2020 гг. Минимальный показатель – 2 преступления – в 2019 г. Темп снижения данных преступлений в 2021 г. по отношению к 2017 г. составил –50,0%.

Количество зарегистрированных случаев неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в период с 2017 по 2022 г. также снизилось, темп снижения к базовому году составил –32,0%.

Максимальный показатель был зафиксирован в 2017 г. и составил 1 620 преступлений, минимальный показатель – в 2022 г. составил 1 102 преступления. Следует отметить, что данные преступления всегда характеризовались высокой латентностью и трудностью доказывания. Согласимся с тем, что в действующем Уголовном кодексе РФ имеется значительное количество норм, так или иначе предусматривающих ответственность за жестокое обращение с несовершеннолетними, правоприменительная практика разнообразна [3. С. 14]. Следовательно, не все случаи жестокого обращения с несовершеннолетними, «укладываются в рамки» ст. 156 УК РФ. Все это позволяет предположить, что в реальной действительности случаев жестокого обращения с несовершеннолетними гораздо больше, чем это демонстрирует официальная статистика.

Обратную статистическую тенденцию продемонстрировали преступления, предусмотренные ст. 157 УК РФ. Максимальный показатель был зафиксирован в 2022 г. – 56 055, минимальный – 47 503 преступления – в 2020 г. Тем не менее темп прироста в 2022 г. по отношению к 2017 г. не являлся значительным, составив всего +2,4%.

Отметим также, что преступления, предусмотренные гл. 20 УК РФ, неравномерно распределялись по федеральным округам Российской Федерации, зачастую демонстрируя разнонаправленные тенденции. Так, по абсолютным показателям криминогенность преступлений, предусмотренных главой 20 УК РФ, по федеральным округам в 2022 г. распределилась следующим образом:

- 1) Приволжский – 13 231 преступление (–1,9% к 2021 г.);
- 2) Центральный – 10 719 преступлений (+3,1% к 2021 г.);
- 3) Сибирский – 9 784 преступления (+1,0% к 2021 г.);
- 4) Северо-Западный – 6 262 преступления (+0,7% к 2021 г.);
- 5) Уральский – 6 146 (+3,7% к 2021 г.);
- 6) Южный – 5 890 (+0,5% к 2021 г.);
- 7) Дальневосточный – 5 382 (–0,6% к 2021 г.);
- 8) Северо-Кавказский – 1 649 (–7,3% к 2021 г.) [5].

Учет численности населения федеральных округов видоизменяет представление об их криминогенности. Так, на 100 тыс. населения федерального округа приходилось:

- 1) в Дальневосточном федеральном округе – 66,6 преступлений;
- 2) Сибирском федеральном округе – 57,8 преступлений;
- 3) Уральском федеральном округе – 50 преступлений;
- 4) Приволжском федеральном округе – 45,9 преступлений;
- 5) Северо-Западном федеральном округе – 45,1 преступление;
- 6) Южном федеральном округе – 35,9 преступлений;
- 7) Уральском федеральном округе – 27,4 преступлений;

8) Северо-Кавказском федеральном округе – 16,5 [5–13].

Очевидно, что с учетом расчета коэффициента преступлений против семьи и несовершеннолетних наибо-

лее криминогенно пораженным являются Дальневосточный, Сибирский и Уральский федеральные округа. В табл. 2 нами приведены сведения о структуре преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Таблица 2

Структура преступлений против семьи и несовершеннолетних в Российской Федерации (2017–2022 гг.)

Вид преступления	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ)	1 734	1 387	1 310	1 245	1 169	1 010
Удельный вес в общем количестве преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ	2,9	2,5	2,4	2,6	2,0	1,7
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ)	269	275	305	309	298	227
Удельный вес в общем количестве преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ	0,5	0,5	0,6	0,7	0,5	0,4
Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ)	703	697	733	733	794	Нет данных
Удельный вес в общем количестве преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ	1,2	1,2	1,3	1,5	1,4	Х
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ)	0	1	3	3	5	Нет данных
Удельный вес в общем количестве преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ	0	0,002	0,01	0,01	0,01	Х
Подмена ребенка (ст. 153 УК РФ)	0	0	0	0	0	Нет данных
Удельный вес в общем количестве преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ	0	0	0	0	0	Х
Незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ)	0	0	0	1	0	Нет данных
Удельный вес в общем количестве преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ	0	0	0	0,002	0	Х
Разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ)	8	2	7	8	4	Нет данных
Удельный вес в общем количестве преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ	0,01	0,004	0,01	0,02	0,001	Х
Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ)	1 620	1 579	1 491	1 288	1 342	1 102
Удельный вес в общем количестве преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ	2,7	2,8	2,7	2,7	2,3	1,9
Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ)	54 759	52 044	51 516	43 916	55 202	56 055
Удельный вес в общем количестве преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ	92,7	93,0	93,0	92,4	93,9	94,9
Итого по гл. 20 УК РФ	59 093	55 985	55 365	47 503	58 814	59 093

Анализ статистической информации, приведенной в табл. 2, показывает, что наиболее распространенным преступлением против семьи и несовершеннолетних, в анализируемый период являлось преступле-

ние, предусмотренное ст. 157 УК РФ. Удельный вес данного преступления в общем количестве преступлений против семьи и несовершеннолетних повысился с 92,7% в 2017 г. до 94,9% в 2021 г.

Следующим по распространенности являлось преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ, хотя его удельный вес значительно снизился с 2,7% в 2017 г. до 1,9% в 2022 г.

Третьим по распространенности было преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, хотя его удельный вес также снизился с 2,9% в 2017 г. до 1,7% в 2022 г. Отметим, что именно это преступление преобладало среди преступлений, предполагающих вовлечение несовершеннолетних в «нехорошие» действия. Уменьшение удельного веса вовлечения, по нашему мнению, коррелирует со снижением уровня преступной и иной антиобщественной активности самих несовершеннолетних. Объяснение тому, почему девиантное поведение несовершеннолетних снизилось, было дано в США. За последние двадцать лет в этой стране среди несовершеннолетних резко упало потребление алкоголя, марихуаны, снизился уровень сексуального экстремума (в том числе подростковой беременности, изнасилований), курения. Пик всего этого пришелся на вторую половину 1990-х. Сейчас у подростков все это заменили видеоигры и Интернет [14]. Отметим, что этот тренд наблюдается во всем мире, в том числе и в России. Подростки «ушли» с улиц в Интернет. Но, к сожалению, в Интернет «ушли» и «вовлекающие», об

этом убедительно свидетельствует правоприменительная практика. Очевидно, что это сказалось на латентности как самой преступности несовершеннолетних, так и на латентности самих «вовлекающих» преступлений. Ведь социально-экономическая база преступности в России не устранена. Так, по официальным данным, численность населения с доходами ниже границы бедности в первом квартале 2022 г. составила 20,9 млн человек, или 14,3% жителей страны. По сравнению с первым кварталом 2021 г. этот показатель увеличился на 0,1 п.п., или на 0,1 млн человек. Основная причина роста – это ускорение инфляции до 11,54% [15]. Если мы исходим из социальной обусловленности преступности, то это означает, что преступность не может исчезнуть просто так, без кардинального изменения социальных условий.

При этом географически преступления против семьи и несовершеннолетних как в целом, так и по отдельным видам преступлений в нашей стране распределены неравномерно. Нами был проведен выборочный анализ распределения наиболее часто совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 150, 151, 156, 157 УК РФ, в 2022 г. по федеральным округам Российской Федерации (табл. 3–6).

Таблица 3

Распределение зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 150 Уголовного кодекса РФ, по федеральным округам в Российской Федерации в 2022 г.

Федеральный округ	Количество Преступлений/ коэффициент	Темп прироста/ снижения к 2021 г., %	Количество преступлений в городах и поселках городского типа	Темп прироста/ снижения к 2021 г., %
Центральный	188/0,5	–6,5	141	–1,4
Северо-Западный	58/0,4	–41,4	48	–42,4
Северо-Кавказский	36/0,4	–26,5	16	–42,9
Южный	131/0,8	–26,5	76	–14,6
Приволжский	285/1	–6,9	204	–6,0
Уральский	123/1	–15,8	102	–14,3
Сибирский	103/0,6	–8,0	55	–16,7
Дальневосточный	69/0,9	+43,8	50	+61,3

Таблица 4

Распределение зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 151 Уголовного кодекса РФ, по федеральным округам в Российской Федерации в 2022 г.

Федеральный округ	Количество преступлений/ коэффициент	Темп прироста/ снижения к 2021 г., %	Количество преступлений в городах и поселках городского типа	Темп прироста/ снижения к 2021 г., %
Центральный	42/0,1	–4,5	27	–3,6
Северо-Западный	20/0,1	–20,0	16	–11,1
Северо-Кавказский	20/0,2	–23,1	17	–22,7
Южный	12/0,1	–14,3	5	–44,4
Приволжский	83/0,3	–29,7	31	–32,6
Уральский	34/0,3	–32,0	21	–43,2
Сибирский	12/0,1	–25,0	7	–30,0
Дальневосточный	3/0,1	–25,0	3	+200,0

Таблица 5

Распределение зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 156 Уголовного кодекса РФ, по федеральным округам в Российской Федерации в 2022 г.

Федеральный округ	Количество преступлений/коэффициент	Темп прироста/снижения к 2021 г., %	Количество преступлений в городах и поселках городского типа	Темп прироста/снижения к 2021 г., %
Центральный	163/0,4	-23,1	100	-34,2
Северо-Западный	70/0,5	-14,6	50	-24,2
Северо-Кавказский	33/0,3	+57,1	19	+35,7
Южный	99/0,6	-20,2	56	-30,9
Приволжский	413/1,4	-20,4	253	-11,8
Уральский	128/1	+16,4	83	+12,2
Сибирский	93/0,6	-31,1	51	-42,7
Дальневосточный	98/1,2	-25,8	53	-32,1

Таблица 6

Распределение зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 157 Уголовного кодекса РФ, по федеральным округам в Российской Федерации в 2022 г.

Федеральный округ	Количество преступлений/коэффициент	Темп прироста/снижения к 2021 г., %	Количество преступлений в городах и поселках городского типа	Темп прироста/снижения к 2021 г., %
Центральный	10 084/25,8	+4,3	7 151	+3,7
Северо-Западный	6 066/43,7	+1,9	5 036	+2,3
Северо-Кавказский	1 555/15,6	-7,4	823	-10,5
Южный	5 580/34	+1,6	3 417	+3,1
Приволжский	12 299/47,7	-0,6	8 157	-0,1
Уральский	5 740/46,7	+5,2	4 330	+7,1
Сибирский	9 518/56,4	+1,7	6 523	+1,6
Дальневосточный	5 207/64,4	-0,2	3 698	+1,5

Анализ статистической информации показал, что по количеству зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, лидирует Приволжский федеральный округ, второе место занимает Центральный федеральный округ, третье – Южный федеральный округ. С учетом коэффициента наиболее криминогенными в 2022 г. являлись Приволжский и Уральский федеральные округа, в которых на 100 тыс. населения приходилось одно преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, а также Дальневосточный федеральный округ, в котором этот показатель составил 0,9 преступлений на 100 тыс. населения [5–13].

По всем федеральным округам наблюдалось снижение регистрации вовлечения в совершение преступления по отношению к 2021 г., за исключением Дальневосточного, в котором в 2022 г. прирост по отношению к 2021 г. составил +43,8%.

Вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления в основном совершались в городах и поселках городского типа (далее по тексту – городских преступлений). В 2022 г. в федеральных округах удельный вес вовлечений несовершеннолетних в совершение преступлений, совершенных на территориях городских муниципальных образований, в общем числе совершенных вовлечений распределился следующим образом:

- в Центральном федеральном округе – 75%;
- в Северо-Западном федеральном округе – 82,8%;
- в Северо-Кавказском федеральном округе – 44,4%;
- в Южном федеральном округе – 58,0%;
- в Приволжском федеральном округе – 71,6%;
- в Уральском федеральном округе – 82,9%;
- в Сибирском федеральном округе – 53,3%;

– в Дальневосточном федеральном округе – 72,5%.

Следовательно, лишь на территории Северного Кавказа удельный вес городских преступлений данного вида составил менее 50%, а в Сибирском федеральном округе этот показатель составил чуть более 50%, в то время как в остальных округах большинство данных преступлений совершалось в городах.

По абсолютным показателям вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления в 2022 г. первую позицию занял Приволжский федеральный округ, вторую – Центральный, третью – Уральский. По коэффициенту в числе лидеров (0,3 преступления на 100 тыс. населения) в 2022 г. оказались все тот же Приволжский и Уральский федеральные округа, а также Северо-Кавказский, в котором на 100 тыс. населения пришлось 0,2 преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ [5–13]. При этом по всем округам в 2022 г. фиксировалось снижение регистрации данного преступления по отношению к 2021 г.

В 2022 г. удельный вес городских преступлений в общем количестве вовлечений в совершение антиобщественных действий составил следующее значение:

- 64,3 % в Центральном федеральном округе;
- 80,0% в Северо-Западном федеральном округе;
- 85,0% в Северо-Кавказском федеральном округе;
- 41,7% в Южном федеральном округе;
- 37,3% в Приволжском федеральном округе;
- 61,8% в Уральском федеральном округе;
- 58,3% в Сибирском федеральном округе;
- 100,0% в Дальневосточном федеральном округе.

Таким образом, данное преступление являлось преимущественно совершалось в городских муниципальных образованиях, даже в тех федеральных округах, в кото-

рых доля городского населения не являлась преобладающей.

В 2022 г. по отношению к 2021 г. в федеральных округах фиксировались разнонаправленные тенденции регистрации преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ. В Северо-Кавказском, Уральском федеральных округах наблюдался прирост, в остальных федеральных округах – снижение.

По абсолютным показателям регистрации в 2022 г. случаев неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего лидировали Приволжский федеральный округ – 413; Центральный – 163; Уральский – 128. По коэффициенту преступлений абсолютным лидером был Приволжский федеральный округ – 1,4 преступления на 100 тыс. населения, что совпадает с «лидерством» по абсолютному показателю, далее следовал Дальневосточный с коэффициентом 1,2, замыкал тройку «лидеров» опять же Уральский, в котором на 100 тыс. населения приходилось одно преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ [5–13].

В 2022 г. доля городских преступлений в общем количестве преступлений, предусмотренных ст. 156 УК РФ и совершенных в федеральных округах, составила:

- 61,3% в Центральном федеральном округе;
- 71,4% в Северо-Западном федеральном округе;
- 57,6% в Северо-Кавказском федеральном округе;
- 56,6% в Южном федеральном округе;
- 61,3% в Приволжском федеральном округе;
- 64,8% в Уральском федеральном округе;
- 54,8% в Сибирском федеральном округе;
- 54,1% в Дальневосточном федеральном округе.

В целом данное преступление также являлось городским, хотя во многих федеральных округах удельный вес городских преступлений данного вида был чуть выше 50,0%.

Наибольшее количество преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ, было зарегистрировано в При-

волжском федеральном округе – 12 299, 10 084 преступления было зарегистрировано в Центральном, 9 518 – в Сибирском.

Расчет коэффициента несколько меняет представление о криминогенности округов по данному показателю. Так, наибольшее количество преступлений данного вида в 2022 г. приходилось на 100 тыс. населения в Дальневосточном федеральном округе – 64,4; далее по распространенности преступлений следовал Сибирский федеральный округ с показателем 56,4 на 100 тыс. населения и Приволжский федеральный округ с показателем 47,7 на 100 тыс. населения. Наименее криминогенным являлся Северо-Кавказский федеральный округ с показателем 15,6 преступлений на 100 тыс. населения [5–13].

В 2022 г. доля городских преступлений в общем количестве преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ и совершенных в федеральных округах, составила:

- в Центральном федеральном округе – 70,9%;
- в Северо-Западном федеральном округе – 83,0%;
- в Северо-Кавказском федеральном округе – 52,9%;
- в Южном федеральном округе – 61,2%;
- в Приволжском федеральном округе – 66,3%;
- в Уральском федеральном округе – 75,4%;
- в Сибирском федеральном округе – 68,5%;
- в Дальневосточном федеральном округе – 71,0%.

Следовательно, данное преступление преимущественно совершалось в городах и поселках городского типа, за исключением территории Северного Кавказа, где преступления имели «городской характер» только в половине случаев их совершения.

Анализ преступлений против семьи и несовершеннолетних был бы неполным без рассмотрения сведений о количестве выявленных лиц, совершивших эти преступления (табл. 7).

Таблица 7

Структура преступлений против семьи и несовершеннолетних по выявленным лицам в Российской Федерации (2017–2021 гг.)

Вид преступления	2017	2018	2019	2020	2021
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ)	1 052	947	910	839	789
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–10,0	–13,5	–20,2	–25,0
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ)	247	249	272	229	242
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	+0,8	+10,1	–7,3	–2,0
Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ)	666	688	690	711	770
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	+3,3	+3,6	+6,8	+15,6
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ)	0	1	1	3	6
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	0	0	0	0
Подмена ребенка (ст. 153 УК РФ)	0	0	0	0	0
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	0	0	0	0
Незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ)	0	0	1	1	1
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	0	0	0	0
Разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ)	6	3	4	5	2

Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–50,0	–33,3	–16,7	–66,7
Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ)	1 563	1 410	1 405	1 166	1 215
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–8,2	–8,5	–24,1	–20,9
Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ)	52 250	50 955	50 108	42 348	52 805
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–2,5	–4,1	–19,0	+1,1
Итого по Главе 20 УК РФ	55 826	54 286	53 430	45 334	55 825
Темп прироста/снижения к базовому году, %	–	–2,8	–4,3	–18,8	–0,002

На основании анализа статистической информации можно утверждать, что в 2017 г. было выявлено 55 826 лиц, совершивших преступления против семьи и несовершеннолетних, в этом же году было совершено 59 093 преступления данного вида. В 2021 г. количество выявленных лиц составило 55 825, преступлений же было совершено 58 814. Следовательно, сохранялось определенное соотношение количества выявленных лиц и зарегистрированных преступлений [5].

Кроме того, отметим, что количество выявленных лиц, совершивших анализируемые преступления, в 2021 г. фактически не изменилось по отношению к 2017 г., темп снижения составил всего 0,002 (один человек). При этом минимальный показатель был зарегистрирован в 2020 г. и составил 45 334 преступления.

Распределение выявленных лиц по видам преступлений показало следующее. В 2017 г. было выявлено 1 052 лица, совершивших преступления, предусмотренные ст. 150 УК РФ, в 2018 г. – 947, в 2019 г. – 910, в 2020 г. – 839, в 2021 г. – 789 [5]. Темп снижения в 2021 г. по отношению к 2017 г. составил – 25,0%, чуть меньше, чем темп снижения по выявленным преступлениям данного вида, который в 2021 г. по отношению к 2017 г. составил 32,6%.

В 2017 г. было выявлено 247 лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 151 УК РФ, в 2018 г. – 249, в 2019 г. – 272, в 2020 г. – 229, в 2021 г. – 242 [5]. Темп снижения в 2021 г. по отношению к 2017 г. составил – 2,0%, в то время как по выявленным преступлениям данного вида в анализируемый период наблюдался прирост на 10,8%. Это свидетельствует о том, что преступники совершали несколько преступлений, следовательно, в целом данную тенденцию нельзя оценить как благоприятную, даже несмотря на то, что в 2022 г. преступления данного вида возобновили тенденцию к снижению.

В 2017 г. было выявлено 666 лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 151.1 УК РФ, в 2018 г. – 688, в 2019 г. – 690, в 2020 г. – 711, в 2021 г. – 770 [5]. Темп прироста в 2021 г. по отношению к 2017 г. составил +15,6%, в то время как по выявленным преступлениям данного вида в период с 2017 по 2021 г. наблюдался прирост на +12,9%.

В 2017 г. не было выявлено ни одного лица, совершившего преступления, предусмотренные ст. 151.2 УК РФ, в 2018 г. – 1, в 2019 г. – 1, в 2020 г. – 3, в 2021 г. – 6 [5]. Следовательно, можно констатировать, что абсолютные показатели изменились не очень сильно, лица, виновные в совершение данного преступления, фактически не выявляются. Од-

нако темп прироста в 2021 г. по отношению к 2018 г. составил +500,0%, в то время как по выявленным преступлениям данного вида в анализируемый период был зафиксирован прирост на 400,0%.

На –20,9% в 2021 г. по отношению к 2017 г. снизилось количество выявленных лиц, совершивших неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, что коррелирует с темпом снижения регистрации данного вида преступлений [5].

В 2021 г. незначительно на +1,1% по сравнению с 2017 г. увеличилось количество лиц, не уплачивающих средства на содержание детей или нетрудоспособных родителей [5]. При этом в 2020 г. было зарегистрировано значительное снижение выявленных лиц, совершивших это преступление, по отношению к 2017 г., которое составило – 19,0%.

Таким образом, проведя анализ основных показателей преступлений против семьи и несовершеннолетних мы пришли к следующим выводам:

1. Количественные показатели преступлений против семьи и несовершеннолетних в целом в период с 2017 по 2022 г. фактически не претерпели изменений. Максимальный показатель – 59 093 преступления – был зафиксирован как в начале периода в 2017 г., так и в конце периода в 2022 г.

2. Количественные показатели вовлечения несовершеннолетних в совершение преступных и иных антиобщественных действий в период с 2017 по 2022 г. демонстрировали разнонаправленные тенденции в зависимости от вида действий, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний. Среди «вовлекающих» преступлений преобладало вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), несмотря на очевидное снижение их абсолютных и относительных показателей. При этом следует отметить возрастание латентности данных преступлений, коррелирующей с возрастающей латентностью преступлений, совершаемых самими несовершеннолетними. Наблюдается тенденция «ухода» в виртуальное пространство как вовлекаемых, так и вовлекающих в совершение преступных и иных антиобщественных действий.

3. В правоприменительной практике фактически не применялись нормы Уголовного кодекса РФ, содержащиеся в ст. 153–155. Еще одной статьей, фактически не реализующейся на практике, стала ст. 151.2 УК РФ, хотя если судить по относительным показателям темп прироста регистрации данных преступлений в 2021 г. по отношению к 2018 г. составил +400,0%. Понимая, что отсутствие правоприменительной практики не может служить единственным основанием для декриминализации данных преступлений, все же полагаем, что данные нормы уголовного закона нуждаются в ревизии

с целью установления причин их фактического неприменения.

4. Самым распространенным преступлением среди преступлений, включенных в гл. 20 Уголовного кодекса РФ, традиционно для нашей страны являлась неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, забирая на себя «львиную» долю удельного веса в структуре преступлений против семьи и несовершеннолетних.

5. Пространственное распределение преступлений, предусмотренных гл. 20 Уголовного кодекса РФ, показывает, что эти преступления совершаются на территории всех федеральных округов нашего государства. Однако наиболее криминогенными являются Дальневосточный, Сибирский и Уральские федеральные округа. Преступления против семьи и несовершеннолетних являются преимущественно городскими.

Примечание

¹Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Список источников

1. Строева О.А., Бондаренко М.В. Отдельные аспекты вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Российский судья. 2019. № 7. С. 40–44.
2. Гребенькова Л.А. Роль международных организаций и международного права в обеспечении несовершеннолетним защиты от вовлечения в противоправную деятельность, опасную для их жизни и здоровья // Международное право и международные организации. 2021. № 4. С. 63–73.
3. Прокументов Л.М. Уголовно-правовые проблемы жестокого обращения с несовершеннолетними // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1 (76). С. 12–15.
4. Прокументов Л.М. Уголовно-правовая охрана и ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2017. 308 с.
5. Единые отчеты о преступности за 2017 г., 2018 г., 2019 г., 2020 г., 2021 г., 2022 г. // ГИАЦ МВД России.
6. Северо-Западный федеральный округ. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10485/> (дата обращения: 08.02.2023).
7. Центральный федеральный округ. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10488/> (дата обращения: 08.02.2023).
8. Северо-Кавказский федеральный округ. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10497/> (дата обращения: 08.02.2023).
9. Южный федеральный округ. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10489/> (дата обращения: 08.02.2023).
10. Приволжский федеральный округ. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10484/> (дата обращения: 08.02.2023).
11. Уральский федеральный округ. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10487/> (дата обращения: 08.02.2023).
12. Сибирский федеральный округ. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10486/> (дата обращения: 08.02.2023).
13. Дальневосточный федеральный округ. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10483/> (дата обращения: 08.02.2023).
14. Youth behavior trends. URL: <https://www.stadafa.com/2020/02/youth-behavior-trends-in-united-states.html> (дата обращения: 09.02.2023).
15. Росстат представляет информацию о границе бедности в I квартале 2022 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/168756#:~:text=Численность%20населения%20с%20доходами%20ниже,на%200%2C1%20млн%20человек> (дата обращения: 09.02.2023).

References

1. Stroeve, O.A. & Bondarenko, M.V. (2019) Otdel'nye aspekty вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий [Separate aspects of the involvement of minors in the commission of antisocial actions]. *Rossiyskiy sud'ya*. 7. pp. 40–44.
2. Greben'kova, L.A. (2021) Rol' mezhdunarodnykh organizatsiy i mezhdunarodnogo prava v obespechenii nesovershennoletnim zashchity ot вовлечения в противоправную деятельность, опасную для их жизни и здоровья [The role of international organizations and international law in providing minors with protection from involvement in illegal activities that are dangerous to their life and health]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii*. 4. pp. 63–73.
3. Prozumentov, L.M. (2020) Uголовно-правовые проблемы жестокого обращения с несовершеннолетними [Criminal law problems of ill-treatment of minors]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 1 (76). pp. 12–15.
4. Prozumentov, L.M. (2017) *Uголовно-правовая охрана и ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации* [Criminal law protection and responsibility of minors in the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2017–2022) *Edinye otchety o prestupnosti za 2017 g., 2018 g., 2019 g., 2020 g., 2021 g., 2022 g.* [Unified crime reports for 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022].
6. Council.gov.ru. (2023) *Severo-Zapadnyy federal'nyy okrug* [Northwestern Federal District]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/services/reference/10485/> (Accessed: 08.02.2023).
7. Council.gov.ru. (2023) *Tsentrallyy federal'nyy okrug* [Central Federal District]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/services/reference/10488/> (Accessed: 08.02.2023).
8. Council.gov.ru. (2023) *Severo-Kavkazskiy federal'nyy okrug* [North Caucasian Federal District]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/services/reference/10497/> (Accessed: 08.02.2023).
9. Council.gov.ru. (2023) *Yuzhnyy federal'nyy okrug* [Southern Federal District]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/services/reference/10489/> (Accessed: 08.02.2023).
10. Council.gov.ru. (2023) *Privolzhskiy federal'nyy okrug* [Volga Federal District]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/services/reference/10484/> (Accessed: 08.02.2023).
11. Council.gov.ru. (2023) *Ural'skiy federal'nyy okrug* [Ural Federal District]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/services/reference/10487/> (Accessed: 08.02.2023).
12. Council.gov.ru. (2023) *Sibirskiy federal'nyy okrug* [Siberian Federal District]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/services/reference/10486/> (Accessed: 08.02.2023).
13. Council.gov.ru. (2023) *Dal'nevostochnyy federal'nyy okrug* [Far Eastern Federal District]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/services/reference/10483/> (Accessed: 08.02.2023).

14. Stadafa.com. (2020) *Youth behavior trends*. [Online] Available from: <https://www.stadafa.com/2020/02/youth-behavior-trends-in-united-states.html> (Accessed:09.02.2023).
15. Rosstat. (2023) *Rosstat predstavlyaet informatsiyu o granitse bednosti v I kvartale 2022 goda* [Rosstat presents information on the poverty line in the first quarter of 2022]. [Online] Available from: [osstat.gov.ru/folder/313/document/168756#:~:text=Chislennost'%20naseleniya%20s%20dokhodami%20nizhe,na%200%2C1%20mln%20chelovek](https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/168756#:~:text=Chislennost'%20naseleniya%20s%20dokhodami%20nizhe,na%200%2C1%20mln%20chelovek) (Accessed:09.02.2023).

Информация об авторах:

Писаревская Е.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: liorev@mail.ru

Дворжицкая М.А. – канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dvorzchickaya91@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Pisarevskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor, North-Western Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: liorev@mail.ru

M.A. Dvorzhitskaya, Cand. Sci. (Law), senior lecturer, North-Western Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: dvorzchickaya91@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2023;
одобрена после рецензирования 22.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 20.02.2023;
approved after reviewing 22.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

Научная статья
УДК 347.4
doi: 10.17223/15617793/489/25

Правовая природа обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров

Сергей Константинович Соломин¹, Наталья Геннадьевна Соломина²

^{1, 2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ sksolomin@mail.ru

² ngsolomina@mail.ru

Аннотация. Изложен авторский подход к пониманию существа обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров. Подход основан на отграничении переговорного процесса от процесса заключения договора, а также недопустимости отождествления понятий «недобросовестное поведение лица» и «виновное поведение лица». Обязанность возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров воспринимается как реакция государства на нарушение участником переговоров стандартов поведения, характеризующих его правовой статус как добросовестного субъекта.

Ключевые слова: недобросовестное ведение переговоров, внедоговорная ответственность, преддоговорная ответственность, заключение договора, стандарты добросовестного поведения, возмещение убытков

Для цитирования: Соломин С.К., Соломина Н.Г. Правовая природа обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 246–253. doi: 10.17223/15617793/489/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/489/25

Legal nature of the obligation to recover damages for unfair negotiation

Sergey K. Solomin¹, Natalia G. Solomina²

^{1, 2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ sksolomin@mail.ru

² ngsolomina@mail.ru

Abstract. The article presents the authors' approach to understanding the essence of the obligation to compensate for unfair negotiations. The authors critically analyzed certain approaches of the Supreme Court of the Russian Federation aimed at clarifying the essence of this obligation. The study is based on the use of both general scientific (analysis, synthesis, abstraction) and special (formal-legal, legal modeling) research methods. Based on a number of theoretical problems that arose as a result of conflicting law enforcement practice, the authors identified two main approaches to understanding the legal nature of the protective duty arising during the negotiation process. Having identified the shortcomings and contradictions of the modern scientific discussion affecting a number of fundamental concepts (in particular, conclusion of a contract, negotiations on the conclusion of a contract, tort liability, pre-contractual liability), the authors of the article formed their own idea of the nature of the negative consequences that may arise during the negotiation process. The authors proceeded from the facts that, firstly, the legal relation about negotiations is organizational and therefore always represents a complex legal connection; secondly, negotiations are characterized by absolute legal indifference as to whether or not a contract will be concluded in the future; thirdly, contract negotiations are always considered outside the contract process, and, if they are held, they always precede the contract process. The authors have proven that the protective duty in the unfair conduct of negotiations does not act as a result of non-fulfillment of any obligation constituting the content of the legal relationship on negotiations. The organizational legal relationship on negotiations cannot be violated. In principle, it cannot be subject to defects related to its dynamics and exists until it is interrupted by any participant either by withdrawing from the negotiation process or by sending an offer. The authors have shown that the establishment of a duty of indemnity for unfair negotiations should be taken as a reaction of the state to the fact that the negotiator violates the standards of conduct that characterize its legal status as a bona fide subject. By fulfilling this obligation, the property sphere of a bona fide negotiator is restored, the losses of which are reduced to the actual costs of conducting "fair" negotiations and the cost assessment of the possibility of concluding an agreement with a third party, which the bona fide negotiator refused, leaving the process of concluding an agreement with this third party.

Keywords: unfair negotiation, non-contractual liability, pre-contractual liability, conclusion of agreement, standards of good conduct, compensation for losses

For citation: Solomin, S.K. & Solomina, N.G. (2023) Legal nature of the obligation to recover damages for unfair negotiation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 246–253. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/25

С появлением в Гражданском кодексе РФ положений, затрагивающих переговоры о заключении договора, оголился ряд проблем теоретико-прикладного характера, на которые до этого момента мало кто обращал внимание. Положения ст. 434.1 ГК РФ заставили правоприменителя посмотреть на переговоры о заключении договора с позиции восприятия их в качестве полноценных юридических действий (юридических фактов) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [1] переговоры о заключении договора были возведены до уровня способа заключения договора, а непосредственно самому информационному обмену, осуществленному в рамках переговорного процесса, было придано значение одного из возможных вариантов согласования договорных условий. И это при том, что в ст. 434.1 ГК РФ нет даже намёка на то, что переговоры о заключении договора следует рассматривать в качестве одной из стадий заключения договора.

Напротив, законодатель категоричен в определении функционала переговоров, говоря о том, что их участники «не отвечают за то, что соглашение не достигнуто» (п. 1 ст. 434.1 ГК РФ). Единственное назначение положений ст. 434.1 ГК РФ выражается в том, что они выполняют охранительно-восстановительную функцию на случай недобросовестного ведения переговоров, возлагая на недобросовестного участника переговорного процесса обязанность возмещения убытков, вопрос о сущности которых в цивилистической науке относится к разряду дискуссионных. При этом дискуссия о правовой природе такой охранительной обязанности сконцентрировалась вокруг двух подходов, сформированных в разные годы Верховным Судом РФ.

Так, в 2016 г. Верховный Суд РФ дал разъяснения относительно применения некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств (далее – постановление) [2], в соответствии с которыми «к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, применяются нормы главы 59 ГК РФ с исключениями, установленными статьей 434.1 ГК РФ» (абз. 1 п. 19 постановления). Отсюда следовало, что возмещение убытков за недобросовестное ведение переговоров обладает деликтной природой, а сами нормы ст. 434.1 ГК РФ представляют собой ничто иное как специальный деликт. Однако уже в 2020 г. Верховным Судом РФ была изложена позиция, согласно которой основания возложения обязанности возмещения убытков, поименованные в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, выступают примерами оснований возникновения преддоговорной ответственности [3].

Изложенные позиции высшей судебной инстанции объединяет то, что обязанность возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров всегда является внедоговорной. Однако на этом сходство и заканчивается, поскольку преддоговорная ответственность ни при каких условиях не может быть деликтной: если причиной возникновения первой выступает дефект в динамике соответствующего правоотношения (т.е. его нарушение), то причина возникновения второй связана с фактом причинения внедоговорного вреда вне динамики какого-либо правоотношения. На наш взгляд, ни одна из обозначенных позиций на природу обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров, не является жизнеспособной по следующим причинам.

1. В развитие первой позиции в постановлении приводятся примеры недобросовестного ведения переговоров, последствия которых определяются отдельными нормами деликтного права. Так, о применении норм ст. 1068 ГК РФ речь должна идти в случае, когда вред причиняется недобросовестным поведением работника юридического лица (а равно гражданина) при проведении переговоров, а о применении норм ст. 1080 ГК РФ – когда вред при проведении переговоров причинен контрагенту недобросовестным поведением нескольких контрагентов совместно. О каком причинении имущественного вреда может идти речь? Явно речь не идет о случае, когда в ходе проведения переговоров между участниками переговорного процесса завязалась драка, в результате которой одному из них была повреждена челюсть.

Так что же все-таки имел ввиду Верховный Суд РФ, настаивая в 2016 г. на деликтной природе убытков, причиненных в результате недобросовестного ведения переговоров? Ответ находим в абз. 2 п. 19 постановления: к недобросовестным переговорам, проводимым с целью причинения вреда одним контрагентом другому, могут относиться переговоры, в рамках которых одно лицо пыталось получить коммерческую информацию у другого либо пыталось воспрепятствовать заключению договора между этим и третьим лицом. При этом наличие такого рода действий только в том случае породит деликтное обязательство, если потерпевший сможет доказать характер совершенных действий – они должны быть не только недобросовестными, но и быть направленными на причинение вреда. И это при том, что в приведенных примерах речь не идет о том, что действия недобросовестного участника переговоров имели конкретный вредоносный результат. Напротив, правоприменитель ведет речь о том, что причинитель вреда *пытался* добиться вредоносного результата (*пытался* получить коммерческую информацию; *пытался* воспрепятствовать заключению договора между потерпевшим и третьим лицом), но, видимо, сделать это ему не удалось. Представленная модель установления

деликтного обязательства бесперспективна лишь по той причине, что потерпевший никогда не сможет доказать, что за неким поведением контрагента скрывается *попытка* совершить действие, которое не только должно укладываться в содержание оценочного понятия «недобросовестное поведение», но и иметь исключительную направленность на причинение вреда. Помимо данной модели установления деликтного обязательства в переговорном процессе правоприменитель предлагает и специальную модель, рассчитанную на ситуации, обозначенные в подп. 1 и 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, исключающих необходимость доказывания того, что причинитель вреда является недобросовестным. В данном случае недобросовестность поведения причинителя вреда предполагается, а значит, именно он должен доказать добросовестность своих действий, если желает погасить обязанность возмещения вреда.

На наш взгляд, содержащиеся в п. 19 постановления разъяснения противоречат основополагающим началам деликтного права. Недобросовестное ведение переговоров не является деликтом, а соответственно, возникшие у одной из сторон переговорного процесса убытки по причине недобросовестности другой стороны никогда не станут тем, что в абз. 1 п. 1 ст. 1064 ГК РФ законодатель называет вредом, причиненным имуществу гражданина или юридического лица. В теории права вред рассматривается как всякое умаление охраняемого законом блага [4. С. 5]. Если вести речь о вреде в гражданском праве, то его, в частности, можно причинить имущественной сфере потерпевшего как путем непосредственного причинения вреда имуществу, так и не причиняя такого вреда имуществу фактически. Поэтому при применении данной категории к деликтным обязательствам, когда вред причиняется имуществу физических и юридических лиц, необходимо учитывать следующее: «...в деликтных обязательствах речь идет о вреде в смысле ущерба, который всегда влечет снижение стоимости имущества» [5. С. 134]. Иначе говоря, причиненный имуществу вред образуется в результате фактического воздействия на имущество, вследствие чего имущество либо повреждается, либо уничтожается (разрушается). Деликтное обязательство является внедоговорным лишь по тому, что основанием его возникновения является причиненный имущественный вред как результат нарушения прав, носящих абсолютный характер (в частности, право собственности, право на жизнь, право на здоровье) [6. С. 4]. Таким образом, во-первых, обязанность возмещения причиненного вреда всегда остается внедоговорной независимо от того, состояли или нет потерпевший и причинитель вреда в какой-либо относительной (в том числе договорной) правовой связи; во-вторых, причиненный вред как основание возникновения деликтного обязательства не может выступать следствием нарушения субъективной обязанности, составляющей содержание относительного правоотношения; в-третьих, вред, причиненный имуществу физических или юридических лиц, всегда представляет собой ущерб, влекущий снижение стоимости этого имущества.

Что касается переговорного процесса, то он основан на установлении организационной правовой связи. Поэтому когда говорят о том, что конкретные лица вступили в переговоры, с точки зрения теории гражданского правоотношения это означает, что возникло организационное (относительное) правоотношение о переговорах. Сами же убытки, которые могут возникнуть в результате недобросовестного ведения переговоров, в силу прямого указания закона представляют собой «расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом» (абз. 2 п. 3 ст. 434.1 ГК РФ). Иными словами, если в ходе переговоров о заключении договора и возникают какие-либо убытки, то таковые не могут быть связаны с причинением вреда имуществу (в том числе и потому, что в ходе переговоров вообще не происходит какого-либо имущественного перераспределения между его участниками).

Изложенная аргументация может показаться недостаточной. Действительно, п. 8 ст. 434.1 ГК РФ допускает применение к отношениям, возникающим при установлении договорных обязательств, правил гл. 59 ГК РФ. Однако надо понимать назначение указанной нормы, которое в п. 19 постановления было искажено, на что в свое время обратил внимание С.С. Занковский: «...деликт, применяемый по ст. 434.1 как исключение, приобретает в постановлении Пленума свойство общего правила, в то время как основные положения той же статьи понимаются как исключения» [7. С. 44]. На наш взгляд, назначение нормы п. 8 ст. 434.1 ГК РФ состоит в том, чтобы исключить конкуренцию двух охранительных внедоговорных требований – требования о возмещении убытков за недобросовестное ведение переговоров и деликтного требования. Иначе говоря, законодатель не исключает того, что в ходе переговоров может быть установлен не только факт недобросовестности одного из его участников, но и факт причинения вреда. В такой ситуации требование о возмещении убытков за недобросовестное ведение переговоров не конкурирует с требованием о возмещении вреда (тем более, что деликт может совершить то лицо, которое в переговорах является добросовестным, а значит и охранительные требования будут встречными).

2. Позиция, согласно которой обязанность возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров выступает примером преддоговорной ответственности, нашла широкий отклик в юридической литературе [8–11]. Данный подход является удобным, поскольку позволяет «втиснуть» в это понятие все охранительные требования, возникшие по тем или иным основаниям до момента заключения договора. Правда, в таком случае это понятие приобретает некий условный характер, поскольку единственным признаком, отражающим его содержание, выступает временная характеристика действия, способного породить такую ответственность. Как известно, любая условность исключает четкость в уяснении существа явлений и процессов реальной действительности. Если исходить из того, что такое понятие, как «преддоговор-

ная ответственность», существует, то оно должно характеризоваться следующими сущностными признаками: во-первых, носить внедоговорной характер; во-вторых, быть ориентированной на тех лиц, которые в заключаемом договоре непременно станут его сторонами; в-третьих, порождаться лишь теми дефектами, которые могут проявиться на той или иной стадии заключения договора. К сожалению, последний аспект в характеристике преддоговорной ответственности стараются не замечать, в том числе по причине смешения двух понятий – «переговоры о заключении договора» и «заключение договора». Так, например, М.Н. Малеина, прежде чем отнести обязанность возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров к разряду преддоговорной ответственности, определила, что нормы ГК РФ, устанавливающие требования к форме и содержанию оферты, а также нормы, определяющие особенности выражения акцепта, относятся к нормам, определяющим способы организации переговоров [10. С. 37]. В качестве примера организации переговорного процесса она приводит положения о договоре поставки, определяющие особенности урегулирования разногласий сторон при заключении этого договора (ст. 507 ГК РФ). В итоге, смешав переговорный процесс с процессом заключения договора, М.Н. Малеина не смогла вывести переговорный процесс из-под действия принципа свободы договора, указав, что отсутствие возможности понудить недобросовестного участника переговоров продолжить внезапно и неоправданно прекратившиеся из-за него переговоры основано на действии принципа свободы договора, устанавливающего общий запрет на понуждение к заключению договора [10. С. 43].

Аналогичного подхода придерживается И.З. Аюшеева, которая, очерчивая пределы осуществления права заключать или не заключать договор, утверждает, что свобода ведения переговоров выступает «составной частью» принципа свободы договора [12. С. 137], что позволило ей рассматривать переговоры исключительно в контексте процесса заключения договора – переговоры начинаются с момента направления оферты [12. С. 145]. Соответственно, последствие нарушения переговоров И.З. Аюшеева подчинила режиму преддоговорной ответственности.

Похожий вариант определения начала переговоров предложен А.В. Демкиной, считающей, что в зависимости от ситуаций момент вступления сторон в переговоры может определяться как моментом направления оферты (если заключение договора обязательно для одной из сторон), так и моментом направления акцепта на иных условиях (если стороны свободны в заключении договора) [13. С. 113]; при этом независимо от того, когда такие переговоры начались, они завершаются, в частности, согласованием договорных условий [13. С. 114]. Выстраивая данную модель динамики переговоров, А.В. Демкина усмотрела в правоотношении о переговорах такие свойства, которые у него в принципе отсутствуют – правоотношение о переговорах названы ею «обязательством о ведении перегово-

ров» [13. С. 113]. Между тем правоотношение о переговорах не отвечает одному из ключевых признаков обязательства – его стороны никогда не смогут прибывать в статусе кредитора и должника лишь по той причине, что в рамках данного правоотношения в принципе отсутствует обязанность, исполнение которой могло бы быть связано с воздействием на различного рода материальные блага. Иначе говоря, правоотношение о переговорах ни при каких условиях не может быть обязательством.

Характер переговоров о заключении договора (как совокупности фактических действий участников переговорного процесса, направленных лишь на уяснение возможных вариантов установления и развития будущей договорной связи между ними) накладывает отпечаток на существо правоотношения о переговорах. Такое правоотношение является организационным, а потому всегда представляет собой сложную правовую связь (обе стороны обладают взаимными правами и несут взаимные обязанности). При этом если договор и заключается, то точно не в переговорах. Переговоры характеризуются абсолютным юридическим безразличием относительно того, будет или нет заключен договор в будущем. Они всегда рассматриваются вне процесса заключения договора. Естественно, что потребность в переговорах возникает далеко не всегда. Но, если и возникает, то последние всегда предшествуют процессу заключения договора.

Законодательная установка п. 1 ст. 434.1 ГК РФ, согласно которой участники переговоров «не отвечают за то, что соглашение не достигнуто», основана на том, что между переговорами о заключении договора и непосредственно заключением договора отсутствует прямая причинно-следственная связь, что, в свою очередь, исключает возможность проведения какой-либо параллели между обязанностью возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров и преддоговорной ответственностью. Проиллюстрируем этот тезис на двух примерах.

Так, обязанность возместить убытки за необоснованное уклонение от заключения договора той стороной, для которой заключение договора обязательно, (абз. 2 п. 4 ст. 445 ГК РФ) и обязанность возместить убытки за уклонение от согласования условий договора поставки (п. 2 ст. 507 ГК РФ), как правило, предлагают относить к разряду преддоговорной ответственности, что, безусловно, верно. Однако одновременно с этой квалификацией их укладывают и в конструкцию «возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров» [10, 12, 14, 15], с чем согласиться не представляется возможным. Так, положения ст. 445 ГК РФ отражают существо так называемых обязательных договоров, т.е. таких, когда заключение договора связано с наличием обязанности одного лица заключить договор с другим лицом либо с наличием единой обязанности лиц заключить договор между собой [16. С. 84]. Если в процессе заключения договора сторона, для которой заключение договора является обязательным, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе в судебном порядке не только понудить

ее к заключению договора, но и требовать от нее возмещения убытков, если уклонение от заключения договора является недобросовестным. Для цели применения данных последствий уклонение от заключения договора выражается в том, что сторона, для которой заключение договора является обязательным, не совершает необходимых действий, направленных на заключение договора, а именно: не извещает о принятии предложения (не извещает об акцепте); не извещает об акцепте оферты на иных условиях. Соответственно, уклонением от заключения договора будет считаться ситуация, когда сторона известила об отказе от акцепта либо вообще не совершила никаких действий. Каждое из таких действий может быть признано судом (при оценке обстоятельств) необоснованным уклонением, что, в свою очередь, послужит основанием удовлетворения требования о возмещении убытков. Частными случаями, подпадающими под положения ст. 445 ГК РФ, являются: заключение договора с лицом, выигравшим торги; заключение государственным или муниципальным заказчиком, разместившим заказ, государственного или муниципального контракта на поставку товара для государственных или муниципальных нужд; заключение договора во исполнение обязанностей, принятых на основе опционного договора, фьючерсного договора, своп-договора.

Что касается положений ст. 507 ГК РФ, то они предусматривают специальный механизм заключения договора, отличный от того, который предусмотрен ст. 445 ГК РФ, и в сравнении с последним исключают возможность понуждения к заключению договора. В механизме заключения договора поставки в принципе отсутствует сторона, для которой заключение договора являлось бы обязательным: на сторону, получившую акцепт с протоколом разногласий (т.е. новую оферту), возлагается обязанность ответить на него или отказаться от заключения договора в тридцатидневный срок, если иной срок не установлен законом или не согласован сторонами. Неисполнение указанной обязанности является основанием для наступления негативных последствий для обязанной стороны в виде возмещения убытков.

Что объединяет негативные последствия, связанные с обязанностью возмещения убытков по правилам ст. 445 и 507 ГК РФ? Их объединяет то, что дефект, который порождает данную обязанность, проявляется на стадии ожидания оферентом ответа адресата на свое предложение заключить договор, т.е. связан с неисполнением обязанности адресатом (лицом, которому направлена оферта) должным образом отреагировать на оферту. То есть дефект проявляется в процессе заключения договора после того, как пройдена первая стадия заключения договора – направление оферты (а равно направление акцепта с протоколом разногласий). Именно это позволяет вести речь о том, что последствия этого дефекта носят характер преддоговорной ответственности. Такие последствия не имеют отношения к обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров: переговоры о заключении договора представляют собой самостоятельную стадию организации межсубъектной связи участников гражданского оборота, в отношении которых

можно лишь выдвинуть предположение о том, что они могут стать сторонами какого-либо договора. Четкое же понимание того, что эти участники являются потенциальными контрагентами, возникнет лишь тогда, когда кто-то из них прервет (прекратит) эти переговоры посредством направления оферты.

Установив, что обязанность возмещения убытков, возникших в процессе заключения договора, по своей сути отлична от обязанности возмещения убытков, возникших в переговорном процессе, отметим один немаловажный аспект, позволяющий усмотреть общие черты у оснований возникновения обязанности возмещения убытков по правилам п. 4 ст. 445 ГК РФ и п. 3 ст. 434.1 ГК РФ: в обоих случаях обязанность возместить убытки возникает как реакция на недобросовестное поведение участников гражданского оборота. Применительно к переговорам о заключении договора это означает, что охранительная обязанность не выступает следствием неисполнения какой-либо обязанности, составляющей содержание организационного правоотношения (правоотношения о переговорах). Организационное правоотношение о переговорах нельзя нарушить. Оно в принципе не может быть подвержено дефектам, связанным с его динамикой, и существует до тех пор, пока не будет прервано кем-либо из участников посредством выхода из переговорного процесса либо направлением оферты. А потому, если что-то и порождает охранительное последствие в динамике правоотношения о переговорах, то это точно не виновное поведение, поскольку его здесь попросту быть не может. Относительно участников переговорного процесса законом установлено требование добросовестного поведения. Последнее (если говорить о гражданском праве в целом) мы определяем как поведение субъекта, который при установлении, осуществлении и защите принадлежащих ему гражданских прав, а также при исполнении возложенных на него гражданских обязанностей не только следует букве закона, но и осознает, что предложенный законом набор правовых инструментов реализуется им исключительно для достижения определенного правового результата и этот результат не нарушит частные и публичные интересы [17. С. 55]. Если примерить шаблон добросовестного поведения участников гражданского оборота к переговорному процессу, то таковое выражается в конкретных стандартах добросовестного поведения, характеризующие правовой статус участника переговоров, в частности «не допускать вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной» (абз. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

Таким образом, установление обязанности возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров следует воспринимать в качестве реакции государства на то, что участник переговоров нарушает стандарты поведения, которые характеризуют его правовой статус как добросовестного субъекта. При этом возложение данной охранительной обязанности (что в принципе соответствует назначению обязанности возмещения убытков в гражданском праве) не преследует

цели наказать недобросовестного участника переговоров. Посредством ее исполнения восстанавливается имущественная сфера добросовестного участника переговоров, убытки которого сводятся к фактическим затратам на проведение «честных» переговоров, а также стоимостной оценке возможности заключить договор с третьим лицом, от которой добросовестный участник переговоров отказался посредством выхода из процесса заключения договора с этим третьим лицом (просим не путать с процессом переговоров о заключении договора). Изложенное имеет важное практическое значение: убытки, подлежащие возмещению в результате недобросовестного ведения переговоров, всегда ограничиваются размером реального ущерба.

Вообще, ситуации, когда обязанность возмещения убытков не выступает следствием нарушенной обязанности, составляющей содержание регулятивного правоотношения, не являются новаторством законодателя. В рамках позитивного права можно найти и другие примеры возникновения охранительного обязательства как реакцию государства на недобросовестное поведение участника гражданского оборота. Например, норма п. 4 ст. 514 ГК РФ, предусматривающая, что в случаях, когда покупатель без установленных законом, иными правовыми актами или договором оснований не принимает товар от поставщика или отказывается от его принятия, поставщик вправе потребовать от покупателя оплаты товара. В указанной ситуации покупатель нарушает один из стандартов добросовестного поведения, а именно обязанность принять товар от поставщика. Эта обязанность характеризует правовой статус покупателя как добросовестного субъекта гражданского права и никак не связана с исполнением тех обязанностей, которые составляют содержание обязательств, возникающих из договора поставки.

О возложении охранительной обязанности за нарушение стандартов добросовестного поведения следует вести речь и при отказе одаряемого принять дар (п. 3 ст. 573 ГК РФ). И этот перечень примеров можно было бы продолжать и дальше. Вместе с тем есть общая норма, которая объединяет их. Речь идет о норме п. 2 ст. 406 ГК РФ, закрепляющей за должником право на возмещение убытков, возникших в результате просрочки кредитора.

Мы не случайно привели примеры нарушения стандартов добросовестного поведения, связанных с правовым статусом кредитора как стороны договорного обязательства. Обязанность возмещения убытков в подобных ситуациях, хотя и возлагается на одну из сторон договора, не имеет ничего общего с договорной ответственностью, которая, как известно, возникает в результате проявления того или иного дефекта договорного обязательства (неисполнения либо ненадлежащего исполнения). Данное утверждение верно, равно

как и верно утверждение о том, что обязанность возмещения убытков за недобросовестное ведение переговоров не обладает свойствами внедоговорной ответственности. Для обозначенных случаев возникновения охранительной обязанности не имеет принципиального значения, в рамках какого правоотношения (договорного или внедоговорного) один из его участников нарушил стандарты поведения, характеризующие его правовой статус как добросовестного субъекта.

Неспособность некоторых правоведов увидеть специфические свойства обязанности возместить убытки за недобросовестное ведение переговоров связана в том числе с тем, что они пытаются усмотреть в ней признаки гражданско-правовой ответственности как вида юридической ответственности. Так, например, Д.А. Боярский, исследуя особенности ответственности за недобросовестное ведение переговоров, попытался «прокатать» ее через все условия гражданско-правовой ответственности как вида юридической ответственности, а именно: противоправность деяния, вину нарушителя, наличие вреда, причинно-следственную связь между нарушением и вредоносными последствиями [15. С. 150–176].

В чем мы видим несостоятельность такого подхода? Во-первых, в том, что недобросовестное поведение для цели возложения обязанности в переговорном процессе не является противоправным поведением (деянием), а соответственно, в этом случае неуместно говорить о какой-либо вине одного из участников переговоров о заключении договора. Согласимся с тем, что любое правонарушение в гражданском праве (например, неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательств) априори является недобросовестным поведением. Однако для цели гражданско-правового регулирования введение понятия «добросовестное поведение» преследует лишь одну цель – обозначить такое поведение участника гражданского оборота, которое, удовлетворяя всем признакам поведения правомерного, все же выходит за масштаб добросовестного поведения, а значит, является недобросовестным. Ярким примером недобросовестного (но одновременно правомерного) поведения выступает злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ). Во-вторых, гражданско-правовой ответственности как вида юридической ответственности не существует. Естественно, проблематика обозначенного аспекта выходит за предмет настоящего исследования. В то же время в юридической литературе неоднократно обращалось внимание на то, что понятие гражданско-правовой ответственности (если исходить из установки, что таковое существует) имеет свое содержание, отличное от содержания понятия «юридическая ответственность» [18–20].

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС Гарант.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» // СПС Гарант.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2020 г. (утв. Президиумом ВС РФ 10.06.2020) // СПС Гарант.

4. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М. : Госюриздат, 1951. 239 с.
5. Соломина Н.Г. Универсальность кондикционного обязательства в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 339 с.
6. Гражданское право : учебник в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М. : Проспект, 1999. Т. 3.
7. Занковский С.С. Переговоры о заключении договора в предпринимательстве: правовая природа и проблемы правоприменения // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 3. С. 42–47.
8. Чистяков П.Д. Выход из переговоров как основание преддоговорной ответственности в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 11 (132). С. 83–98.
9. Адельшин Р., Сорокина Ю. Переговоры о заключении договора и отказ от права // Хозяйство и право. 2018. № 11 (502). С. 103–108.
10. Малеина М.Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 36–46.
11. Зейналова Р.А. Преддоговорные отношения в контексте признания договора незаключенным // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2 (69). С. 32–38.
12. Аюшеева И.З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 5 (126). С. 136–147.
13. Демкина А.В. Основания возникновения преддоговорного обязательства // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 109–115.
14. Саркисян В.В. Переговоры о заключении договора в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2022. 212 с.
15. Боярский Д.А. Гражданско-правовое регулирование переговоров о заключении предпринимательского договора : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 206 с.
16. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Систематизация гражданско-правовых договоров. М. : Юстицинформ, 2021. 152 с.
17. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Добросовестность в гражданском праве. М. : Юстицинформ, 2018. 144 с.
18. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М. : Юрайт-Издат, 2008. 993 с.
19. Груздев В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. М. : Юстицинформ, 2012. 192 с.
20. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М. : Юстицинформ, 2018. 140 с.

References

1. Garant. (2018) *On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 49 of December 25, 2018*. Moscow: Garant. (In Russian).
2. Garant. (2016) *On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of March 24, 2016*. Moscow: Garant. (In Russian).
3. Garant. (2020) *Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 for 2020 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 10, 2020)*. Moscow: Garant. (In Russian).
4. Fleyshits, E.A. (1951) *Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya* [Liabilities from Infliction of Harm and from Unjust Enrichment]. Moscow: Gosyurizdat.
5. Solomina, N.G. (2009) *Universal'nost' kondiktionnogo obyazatel'stva v rossiyskom grazhdanskom prave* [Universality of the conditional obligation in Russian civil law]. Law Dr. Diss. Moscow.
6. Sergeev, A.P. & Tolstoy, Yu.K. (eds) (1999) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 3. Moscow: Prospekt.
7. Zankovskiy, S.S. (2020) *Peregovory o zaklyuchenii dogovora v predprinimatel'stve: pravovaya priroda i problemy pravoprimeneniya* [Negotiations on the conclusion of an agreement in entrepreneurship: legal nature and problems of law enforcement]. *Probel'y v rossiyskom zakonodatel'stve*. 3 (13). pp. 42–47.
8. Chistyakov, P.D. (2021) *Vykhod iz peregovorov kak osnovanie preddogovornoj otvetstvennosti v rossiyskom i zarubezhnom prave* [Exit from negotiations as a basis for pre-contractual liability in Russian and foreign law] *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 11–16 (132). pp. 83–98.
9. Adel'shin, R. & Sorokina, Yu. (2018) *Peregovory o zaklyuchenii dogovora i otkaz ot prava* [Negotiations on the conclusion of the contract and the waiver of the right]. *Khozyaystvo i pravo*. 11 (502). pp. 103–108.
10. Maleina, M.N. (2016) *Peregovory o zaklyuchenii dogovora (ponyatie, pravovoe regulirovanie, pravila)* [Negotiations on the conclusion of an agreement (concept, legal regulation, rules)]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 10. pp. 36–46.
11. Zeynalova, R.A. (2015) *Preddogovornye otnosheniya v kontekste priznaniya dogovora nezaklyuchennym* [Pre-contractual relations in the context of recognizing the contract as not concluded]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 2 (69). pp. 32–38.
12. Ayusheeva, I.Z. (2017) *Preddogovornaya otvetstvennost': novelly grazhdanskogo zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki* [Pre-contractual liability: novels of civil legislation and judicial practice]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*. 5 (126). pp. 136–147.
13. Demkina, A.V. (2017) *Osnovaniya vozniknoveniya preddogovornogo obyazatel'stva* [Grounds for the emergence of a pre-contractual obligation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 1. pp. 109–115.
14. Sarkisyan, V.V. (2022) *Peregovory o zaklyuchenii dogovora v grazhdanskom prave* [Negotiations on the conclusion of an agreement in civil law]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
15. Boyarskiy, D.A. (2022) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie peregovorov o zaklyuchenii predprinimatel'skogo dogovora* [Civil law regulation of negotiations on the conclusion of an entrepreneurial contract]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
16. Solomin, S.K. & Solomina, N.G. (2021) *Sistematizatsiya grazhdansko-pravovykh dogovorov* [Systematization of Civil Law Contracts] Moscow: Yustitsinform.
17. Solomin, S.K. & Solomina, N.G. (2018) *Dobrosovestnost' v grazhdanskom prave* [Good Faith in Civil Law]. Moscow: Yustitsinform.
18. Belov, V.A. (ed.) (2008) *Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Civil Law: Actual problems of theory and practice]. Moscow: Yurayt-Isdat.
19. Gruzdev, V.V. (2012) *Grazhdansko-pravovaya zashchita imushchestvennykh interesov lichnosti* [Civil Law Protection of the Property Interests of the Individual]. Moscow: Yustitsinform.
20. Solomin, S.K. & Solomina, N.G. (2018) *Vozmeshchenie vreda, prichinnogo istochnikom povyshennoy opasnosti* [Compensation for Damage Caused by a Source of Increased Danger]. Moscow: Yustitsinform.

Информация об авторах:

Соломин С.К. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: sksolomin@mail.ru

Соломина Н.Г. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: ngsolomina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.K. Solomin, Dr. Sci. (Law), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: sksolomin@mail.ru

N.G. Solomina, Dr. Sci. (Law), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ngsolomina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.03.2023;
одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 30.04.2023.*

*The article was submitted 31.03.2023;
approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 30.04.2023.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2023. № 489. Апрель

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глущенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.04.2023 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 31,7. Усл. печ. л. 29,5. Тираж 50 экз.
Заказ № 5565. Цена свободная.

Дата выхода в свет 13.09.2023 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru